
С.С. Алексеев

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

■ Том 1

Гражданское право: Сочинения 1958—1970 годов

- Предмет советского социалистического гражданского права
- Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов
- Статьи
- Комментарий

■ Том 2

Специальные вопросы правоведения

- Структура советского права
- Общие дозволения и общие запреты в советском праве

■ Том 3

Проблемы теории права: Курс лекций

■ Том 4

Линия права. Концепция: Сочинения 1990–х — 2009 годов

- Уроки. Тяжкий путь России к праву
- Круг замкнулся: Повесть о праве
- Тайна и сила права
- Право собственности: Проблемы теории
- Статьи

■ Том 5

Линия права. Отдельные проблемы концепции

- Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху
- Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи

■ Том 6

Восхождение к праву

- Восхождение к праву: Поиски и решения

■ Том 7

Философия права и теория права

- Философия права
- Частное право: Научно-публицистический очерк
- Гражданское право в современную эпоху:
Заметки к постановке проблемы
- Статьи, полемические заметки

■ Том 8

Учебники и учебные пособия

- Право: Законы, правосудие, юриспруденция
в жизни людей: Учебное пособие
- Государство и право: Учебное пособие
- Азы права: Азбука права для всех
- Гражданское право: Учебник. Раздел I:
Общие положения

■ Том 9

Публицистика

- Два имени
- Право – надежда наша
- Заметки по философским проблемам
- Максимы
- Горбачев и Ельцин
- Статьи
- Идеология перестройки. 1992–1995 гг.

■ Том 10

Литературно–художественные произведения

- Повести и рассказы
Книга первая. Детство
Книга вторая. О любви

■ Справочный том

Перед Вами уникальное издание трудов нашего современника, итог его много-летнего служения Праву.

Сергей Сергеевич Алексеев — первый лауреат премии «Юрист года», учрежденной Указом Президента Российской Федерации. Его право первым получить эту престижную премию в юридическом сообществе было неоспоримым.

Научные труды Сергея Сергеевича Алексеева — надежный фундамент современных представлений о праве, его философии и истории. В них можно найти ответы на самые животрепещущие вопросы наших дней.

Сергей Сергеевич принял самое активное участие в подготовке настоящего издания. Он лично выбрал работы, вошедшие в настоящее Собрание сочинений. В них Автор говорит о том, что важно и актуально здесь и сейчас для того, чтобы Россия стала действительно правовым государством.

Реализация проекта объединила вокруг Автора людей, каждый из которых также является профессионалом в своей области. От имени Ассоциации юристов России хочу поблагодарить всех, кто участвовал в подготовке настоящего издания, и особенно издателей в лице Владимира Саурсевича Ема, Александра Геннадьевича Долгова и Константина Валерьевича Малофеева, а также сотрудников Института частного права г. Екатеринбурга Сергея Аркадьевича Степанова и Наталью Петровну Зарипову. Надеюсь, что Сергей Сергеевич Алексеев по достоинству оценит результат.

Не сомневаюсь, что настоящее издание увлечет Вас. Эти книги не для полки, они из тех, что всегда должны быть под рукой. В жизни нет ничего более дорогого, чем знания человека, который всей своей жизнью доказал: только труд и преданность своему делу помогают достичь успеха. Надеюсь, что мы еще не раз будем открывать для себя истинные ценности права в новых работах Автора. Будем ждать и надеяться.

Здоровья Вам и творческого долголетия, уважаемый Сергей Сергеевич!

Председатель Ассоциации юристов России

П. В. Крашенинников

Природа щедро наградила Сергея Сергеевича Алексеева талантом, который он реализовал в самых разных сферах общественной жизни.

Его считают своим Учителем многие юристы, оценившие талант преподавателя, ученого и наставника в самом высоком понимании этих слов. Сергей Сергеевич – пример ученого, для которого нет раз и навсегда данных прописных истин. Он всегда сомневается и находится в поиске, всегда стремится заглянуть в будущее. Его работы по теории и философии права являются, по общему признанию, не только фундаментальными, но и в высшей степени востребованными временем. Идеи, выводы, содержащиеся в его работах самого разного жанра, не что-то застывшее и оставшееся в прошлом, а инструмент модернизации. Сергей Сергеевич принял перемены, происшедшие в нашем обществе в 90-е годы прошлого века, и в своих трудах дал многостороннюю оценку этим переменам. Оценка, пронизанную идеей права как фундамента современной цивилизации, как той линии, следуя которой можно сохранить и приумножить все самое ценное, созданное человечеством. Сейчас перед нами стоит задача модернизации российского общества. Именно право должно стать важным инструментом такой модернизации. Идти ли нам «привычным для нас путем» и начинать все с чистого листа или же стоит внимательно оглядеться и увидеть, что есть труды, которые помогут нам решить эту проблему? Именно такими трудами являются научные работы Сергея Сергеевича.

В середине 90-х годов прошлого века Сергей Сергеевич стоял у истоков создания правовой системы современной России. Здесь проявились его гражданское мужество, его талант государственного деятеля. Государева человека в том первоначальном смысле, что вся научная и общественная деятельность его продиктована заботой о благополучии своей страны, своего народа.

Уверен, что издание собрания сочинений Сергея Сергеевича Алексеева – именно тот правильный и своевременный шаг, который был необходим нам. Надо с благодарностью брать то, что готовы отдавать нам одаренные люди. Их знания, навыки в выработке нетривиальных подходов к решению сложных проблем должны стать достоянием как можно более широкого круга лиц. Особенно это важно для юристов, профессионалов, от знаний и опыта которых зависит многое в нашей стране. Невозможно подготовить действительно профессионального юриста, если не побуждать его самостоятельно, творчески мыслить, не научить применять полученные знания на практике.

Я благодарен Сергею Сергеевичу Алексееву за его стремление щедро делиться своими знаниями и опытом и уверен, что настоящее издание принесет огромную пользу развитию профессионального юридического сообщества современной России, правовому просвещению российского общества, а в конечном счете – росту его интеллектуального потенциала.

*Выпускник юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова,
учредитель Благотворительного фонда
Святителя Василия Великого*

К.В. Малофеев

Издание Собрания сочинений Сергея Сергеевича Алексеева издательством «Статут» не просто приурочено к юбилею выдающегося российского ученого, политического и общественного деятеля, талантливого публициста. Этот шаг является продолжением генеральной линии издательства на сохранение и приумножение всего лучшего из созданного отечественной юридической наукой.

Данное издание весьма своевременно и актуально. Россия набрала как положительный, так и отрицательный опыт строительства демократических институтов и продолжает, говоря словами Сергея Сергеевича, сложный путь восхождения к праву. На этом пути наша юридическая практика, изобилующая казуальными перипетиями, часто отвлекается от своих мировоззренческих истоков, не выходит из замкнутого круга обыденного понимания сложных явлений. Но, как показано в произведениях Сергея Сергеевича, правоприменительная практика, как и вся наша общественная жизнь, приобретет новый смысл и новые перспективы при понимании права в качестве фундаментальной основы цивилизованности нашего общества, при более глубоком понимании его базовых, в том числе нравственных, принципов, его философского смысла и социального назначения.

Работы Сергея Сергеевича Алексеева обращены к живому и злободневному опыту как недавней, так и отдаленной истории нашей страны. Их отличает верность автору своему гражданскому и профессиональному долгу, гуманистически-просветительской традиции философско-правовой мысли. Поэтому произведения Сергея Сергеевича всегда востребованны, многие из них выдержали много изданий.

Настоящее Собрание сочинений представляет работы Сергея Сергеевича Алексеева в тематической связи и хронологической последовательности, во всем их жанровом разнообразии. Кто-то найдет в них ответ на, казалось бы, неразрешимый юридический или политический вопрос, кто-то заинтересуется простым и ясным объяснением сложного парадокса, а кто-то впервые откроет для себя живой мир правоведения. Однако все, кто внимательно прочитает их, найдут в представленных произведениях то, что наверняка станет для них важным стимулом к дальнейшим раздумьям, к интеллектуальному поиску.

*Председатель совета директоров
издательства «Статут»*

В.С. Ем

Ассоциация юристов России

С.С. Алексеев

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Том 1 Гражданское право

Сочинения 1958–1970 годов

УДК 347
ББК 67.404
А 47

Собрание сочинений Сергея Сергеевича Алексеева,
лауреата высшей юридической премии «Юрист года» за 2009 г.,
подготовлено с участием автора,
Уральской государственной юридической академии,
Института частного права
и издается в соответствии с решением Ассоциации юристов России
(приказ от 9 декабря 2009 г. № 189) и издательства «Статут»

Авторы примечаний:

С.А. Степанов,

д.ю.н., профессор, директор Института частного права

Н.П. Зарипова,

рук. издательского отдела Института частного права

Алексеев С.С.

А 47 **Собрание сочинений.** В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 1: Гражданское право: Сочинения 1958–1970 годов. — М.: Статут, 2010. — 495 с.

ISBN 978-5-8354-0703-3 (Т. 1) (в пер.)
ISBN 978-5-8354-0672-2

Сергей Сергеевич Алексеев — правовед, философ, писатель и гражданин. Доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Государственной премии.

Включенные в Собрание сочинений произведения созданы автором в течение более чем пятидесяти лет. Центральное место в нем отведено книгам о праве, о сложном, трудном, противоречивом процессе его становления и развития в России. Отдельные тома составляют труды по философии, публицистика и литературно-художественные произведения.

Десятитомное собрание сочинений С.С. Алексеева дополнено отдельным томом, содержащим справочно-библиографические материалы.

Собрание сочинений рассчитано на научных работников, аспирантов, студентов юридических и неюридических вузов, на всех, кто интересуется правом, философией, литературой.

В первый том Собрания сочинений вошли произведения о праве 1958–1970 годов.

УДК 347
ББК 67.404

ISBN 978-5-8354-0703-3 (Т. 1)
ISBN 978-5-8354-0672-2

© С.С. Алексеев, 2010
© С.А. Степанов, Н.П. Зарипова, примечания, 2010
© Новиков С.Г., фотография С.С. Алексеева, 2010
© Издательство «Статут», редподготовка, оформление, 2010

Об авторе и его трудах

Вспоминаются два события из жизни Сергея Сергеевича Алексева, свидетелем которых довелось быть.

Одно из них – его выступление перед студентами первого курса Свердловского юридического института 1 сентября 1949 года. Молодой человек с одухотворенным лицом, выпускник института того года, аспирант первого года обучения Сергей Алексеев бесповоротно убедил всех нас, сидящих в зале, в том, что мы выбрали лучшую профессию – служить праву, а тем самым людям – и один из лучших юридических вузов страны.

Второе событие – вручение учрежденной Ассоциацией юристов России и подтвержденной Указом Президента Российской Федерации от 8 октября 2009 года премии «Юрист года» ее первому и пока единственному лауреату – С.С. Алексеву 4 декабря 2009 года в Екатеринбурге.

60 лет жизни С.С. Алексева, разделяющие эти два события, – годы служения праву, его утверждению в России. Награду получил солдат Великой Отечественной войны, ставший всемирно известным ученым, общепризнанным лидером отечественной правовой науки, создавшим классические труды по теории государства и права, философии права, гражданскому праву.

Идеи права выстраданы жизнью С.С. Алексева, неразрывно связанной с современной историей самой России. Десять детских и юношеских лет он – сын «врага народа», отбывавшего в 1937–1947 годах наказание за несовершеннонное преступление с последующей реабилитацией в связи с отсутствием состава преступления. Сам С.С. Алексеев в восемнадцать лет добивается призыва его в Действующую армию и сражается с 1942 по 1945 год на Волховском, Ленинградском и Карельском фронтах.

Осенью 1945 года он – студент Свердловского юридического института. Перенесенные испытания и тяготы войны и несправедливости, с одной стороны, и общение с учителями, выдающимися российскими правоведами профессорами А.М. Винавером, Б.Б. Черепяхиным – с другой, сформировали веру в право как искусство добра и справед-

ливости, средства утверждения свободы, достоинства и прав человека. С тех пор жизнь отдана праву.

Алексеев – это целый научно-исследовательский институт. Им опубликовано свыше 500 работ, из них только книжных изданий около 90 на русском, английском, болгарском, вьетнамском, испанском, китайском, немецком, румынском, французском, хорватском, чешском языках.

Книги С.С. Алексеева посвящены сущности права. Его социальной ценности как регулятора общественной жизни. Уникального по своим возможностям средства утверждения гражданского общества, демократии, прав и свобод личности. Одного из величайших достижений человеческой цивилизации, подтверждающего свою незаменимость и в современном мире для решения острейших проблем как внутренней, так и международной жизни.

Научное творчество С.С. Алексеева подразделяется на два этапа. Первый – пятидесятые – восьмидесятые годы двадцатого столетия.

В годы политической оттепели появились надежды на возрождение права, что стимулировало оживление научной мысли и ярко проявилось в творчестве С.С. Алексеева. Первые его работы посвящены развитию гражданского права. Среди них особое место занимает монография о предмете гражданского права. Затем вышла серия его общетеоретических работ, посвященных системе, структуре права, его социальной ценности, механизму правового регулирования. Эти работы, обладающие достоинством подлинной науки, ценны еще и тем, что они придали импульс развитию правовой мысли того времени.

Второй этап – это девяностые годы двадцатого столетия и первое десятилетие двадцать первого века, эпоха кардинальных перемен российского общества. Это период резкого возрастания роли права, которое заменило административно-командную систему управления обществом в прошлом.

Труды С.С. Алексеева этого времени посвящены концепции права, его предназначению в обществе, трудному восхождению России к праву, опасностям крушения права.

В этот период научная деятельность С.С. Алексеева сочетается с государственной деятельностью, активным участием в законотворчестве, организаторской работой в науке.

Настала пора практических действий по реализации идей утверждения права. И С.С. Алексеев в 1989 году включается в активную законотворческую деятельность в качестве депутата и председателя Ко-

митета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка, а затем становится председателем Комитета конституционного надзора СССР, положившего начало отечественному конституционному правосудию.

Огромный вклад С.С. Алексеева в становление правовой системы современной России в наибольшей степени был внесен при подготовке проектов действующей Конституции Российской Федерации и Гражданского кодекса России.

Вместе с А.А. Собчаком, Ю.Х. Калмыковым и С.А. Хохловым им был подготовлен проект Конституции, который затем с участием С.М. Шахрая был использован при подготовке официального проекта, внесенного Президентом Российской Федерации на рассмотрение Конституционного совещания. После доработки проект Конституции был принят всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.

В целях возрождения частного права в современной России С.С. Алексеев инициировал подготовку и утверждение Президентом Российской Федерации программы «Становление и развитие частного права России», научным руководителем которой он и стал. По его предложению при Президенте Российской Федерации был создан Исследовательский центр частного права, в котором силами ведущих ученых-цивилистов был создан проект всех четырех частей Гражданского кодекса Российской Федерации 1994–2006 годах.

Организаторский талант С.С. Алексеева проявился в создании не только названного Исследовательского центра частного права, но и Школы частного права при этом центре в Москве и Екатеринбурге, еще раньше – кафедры теории государства и права Свердловского юридического института (ныне – Уральская государственная юридическая академия), в рамках которой им была создана уральская школа общей теории права, а также Института философии и права Уральского отделения Академии наук СССР в 1988 году.

Еще одна сторона многогранной деятельности С.С. Алексеева – он Учитель. Не только многих тысяч студентов знаменитого Свердловского юридического института (УрГЮА). Он всероссийский Учитель, потому что его учебники, а также учебники, подготовленные под его руководством по теории государства и права, – это книги, по которым учились и учатся студенты всех вузов России. И не только вузов, но и учащиеся школ, для которых С.С. Алексеев написал не один учебник по основам права.

С.С. Алексеев не просто Учитель, но и пропагандист, проповедник права, перу которого принадлежит немало изданий популярной юри-

дической литературы. А к этому в последние годы добавились еще повести, рассказы для молодежи и малышей.

На всех этапах жизни С.С. Алексеева были не только достижения, но и потери, и разочарования. Был распад формировавшейся веками страны. Была «шоковая терапия», приватизация в отсутствие четких правовых основ и социальных гарантий. Было и продолжается трудное восхождение к праву. Но была и вера в него, и огромный труд во имя права, призванного служить человеку.

Надеемся, что опубликование хотя бы и неполного собрания сочинений профессора С.С. Алексеева послужит тому делу, которому посвящена вся его жизнь.

Доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
В.Ф. Яковлев

От автора и составителей

Собрание включает основные сочинения, изданные в течение пятидесяти лет научной и педагогической работы автора, С.С. Алексеева, по вопросам права, а также публицистические и литературные произведения (1958–2009 гг.).

Произведения, составляющие данное издание, охватывают правовую проблематику двух качественно различных периодов нашего общества.

Во-первых, советский период до конца 1980-х годов. И во-вторых, эпоху кардинальных перемен в российском обществе, отвечающих требованиям Нового времени.

В соответствии с этим собрание построено, прежде всего, в соответствии с хронологическим критерием, по двум укрупненным циклам, а внутри этих циклов – по тематическому критерию.

Первый цикл – три тома сочинений по праву 1958–1989 годов, опубликованные в сложных условиях советского режима с жесткими тотальными идеологическими императивами, когда всей науке навязывались безальтернативные партийные указания, установки и цитаты. В то время в юриспруденции только складывались предпосылки общезначимых правовых идей и шла проработка юридико-специальных вопросов. Это сочинения по гражданскому праву (данный, первый том), системные, аксиологические и юридико-технические разработки в сферах техники юриспруденции и юридической аналитики (второй и третий тома).

Второй цикл – сочинения, представленные в четвертом и последующих томах, в которых содержатся исследования и другие разработки с приоритетным акцентом в книгах и иных произведениях на концептуальное видение права – постижение его смысла, его роли и предназначения в обществе в соответствии с требованиями цивилизации и культуры на современном этапе их развития.

Сочинения, помещенные в данном цикле собрания, представлены в том виде, в каком они были изданы в то или иное время, без какой-либо доработки или исправлений по содержанию.

Не все сочинения, в том числе крупные, опубликованные за долгие годы авторской работы, вошли в собрание. Одни из них ушли в про-

шное. Другие в своем позитивном содержании были использованы в последующих по времени изданиях и изданиях иного профиля. Соответствующие авторские позиции на этот счет следуют из самого подбора материала и его расположения в томах, авторских пояснений и примечаний редактора, а также из данных, содержащихся в особом дополнительном томе, посвященных вопросам библиографии.

И несколько слов — особо от автора.

Главная, центральная идея всех книг, других сочинений — это исторически и логически обоснованная, проработанная в разных проявлениях и гранях концепция необходимости возвышения права в его развитых формах, использования его уникального, не имеющего альтернативы потенциала в жизни общества. Не все здесь, в сочинениях собрания, понятно, удалось. Не все получилось. Но то, что удалось и получилось, — судить не автору, который может лишь надеяться на понимание и учет изложенных в собрании идей при рассмотрении актуальных правовых и иных проблем в современную эпоху.

С.С. Алексеев
С.А. Степанов
Н.П. Зарипова

Январь 2010 г.
Екатеринбург

ПРЕДМЕТ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

1959

ВВЕДЕНИЕ

I

Вопросы предмета советского гражданского права принадлежат к числу таких проблем цивилистической теории, решение которых требует предварительного выяснения некоторых вопросов методологии права.

Законы марксистско-ленинской материалистической диалектики составляют незыблемую методологическую базу познания правовых явлений. Однако не всегда возможно их применение к изучению конкретных проблем теории права в том наиболее общем виде, в каком они зафиксированы на высшей ступени обобщения закономерностей природы и общества — на ступени философских обобщений.

В связи с этим следует признать вполне закономерной, научно оправданной постановку рядом авторов вопроса о методологии права, его конкретных отраслей.

Несомненная заслуга в разработке методологических вопросов науки гражданского права принадлежит С.И. Аскназию¹. Опираясь на известные положения, выдвинутые К. Марксом по вопросу о методе политической экономии², С.И. Аскназий пришел к выводу, что познание права, так же как и изучение категорий политической экономии, должно проходить два этапа исследования: во-первых, путь от явлений, данных в непосредственном опыте, к их сущности, и, во-вторых, путь от сущности к тому конкретному многообразию явлений, с которых исследование было начато. Так как право «не может быть понято из самого себя» (Маркс), сущность права следует искать в явлениях не правовых, — прежде всего в определенных экономических отношениях. При этом для юриста особую

¹ См.: *Аскназий С.И.* Некоторые вопросы методологии советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 73–90; *Его же.* Основные вопросы теории социалистического гражданского права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук // Вестник Ленинградского Университета. 1947. № 12. С. 95–96; *Его же.* Общие вопросы методологии гражданского права // Ученые записки ЛГУ. Сер. юрид. наук. Вып. 1. 1948. С. 4–50; *Его же.* Гражданское и административное право в социалистической системе воспроизводства // Ученые записки ЛГУ. Сер. юрид. наук. Вып. 3. 1951. С. 69–72.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 726 и след.

ценность представляет «обратный путь» — путь от экономических категорий к категориям юридическим.

«На рассматриваемом втором, завершающем этапе исследования, — пишет С.И. Аскназий, — мы возвращаемся к исходному пункту исследования. От вскрытой ранее «сущности» определенной группы правовых отношений мы синтетически восходим к тому, как эта сущность «проявляется» в правовой сфере, т.е. к тому, что непосредственно дано в законодательстве (в форме правовых норм) и в хозяйственном обороте (в форме правоотношений). Однако если в исходном пункте анализа эти данные в правовом опыте нормы и отношения выступали лишь как факт (по выражению Маркса, как «хаотическое целое»), то в результате этого завершающего этапа исследования они оказываются уже познанными как необходимые во всех своих качествах и определениях»¹.

Общая двустадийная схема познания права не вызывает каких-либо сомнений с точки зрения ее исходных, методологических посылок. Однако по некоторым пунктам она требует известных уточнений.

Прежде всего необходимо отметить, что познание права является не разовым актом, а м н о г о к р а т н ы м, д л я щ и м с я процессом. Сущность явления не всегда раскрывается сразу, при первом же ознакомлении с соответствующими экономическими категориями. С другой стороны, каждое «возвращение» к юридической форме является не конечным актом исследования, а лишь новой опорной точкой для его плодотворного продолжения. Именно таким путем мысль исследователя идет от явления к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности². Об этом свидетельствует вся история советской цивилистической науки по вопросу о предмете гражданского права. За немногими исключениями, авторы, исследовавшие природу советского гражданского права, шли по пути первоочередного анализа тех экономических отношений, которые обуславливают специфические черты гражданско-правовой формы регулирования. Однако в большинстве случаев этот анализ еще не давал окончательных выводов, хотя тем или иным авторам удавалось уловить такую особенность в экономической природе гражданского права, которая может играть (и нередко действительно играла) роль исходного положения для дальнейшей углубленной исследовательской работы.

¹ Аскназий С.И. Общие вопросы методологии гражданского права // Ученые записки ЛГУ. Сер. юрид. наук. Вып. 1. 1948. С. 49.

² См.: Ленин В.И. Соч. Т. 38. С. 214.

Далее, необходимо иметь в виду, что начальная фаза исследования правовых явлений не обязательно должна открываться характеристикой норм и отношений, данных в правовом опыте. Исходя из единства логического и исторического в познании, следует признать, что здесь всемерному учету подлежат данные исторического познания. Собственно говоря, таким образом и подходит к стадиям научного исследования К. Маркс. Рассматривая первый этап, К. Маркс поясняет, что «первый путь — это тот, по которому политическая экономия исторически следовала в период своего возникновения»¹. И лишь после того, как были вскрыты и зафиксированы абстрактные определения, стали возникать экономические учения, которые восходят от простейшего к реальному и конкретному. Подчеркнув, что «последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении»², К. Маркс, следовательно, не считает, что каждый раз, начиная все сначала, следует проходить в соответствии с двухстадийной схемой все этапы логического анализа. Именно поэтому, давая расчленение предмета политической экономии, К. Маркс в качестве первого раздела указывает не на «реальное и конкретное», а на «всеобщие абстрактные определения»³.

Если с указанных позиций обратиться к проблемам, составляющим содержание настоящей работы, то выдвинутые положения приобретут особую весомость. Исследуя предмет советского гражданского права, нет необходимости «все начинать сначала» и, кропотливо разбирая всю сложную систему норм гражданского права, постепенно подходить к выводу, что предметом регулирования указанной системы норм являются имущественные отношения. Эта работа давно проделана. Таким образом, путь «от явлений, данных в непосредственном опыте, к их сущности» в значительной своей части оказывается уже пройденным. Правда, тезис об имущественном характере отношений, регулируемых гражданским правом, еще не дает нам всесторонней характеристики его сущности — это лишь первая ступень в познании предмета рассматриваемой отрасли права. Но как много труда у исследователя сохраняет утверждение приведенного положения в качестве отправного пункта для последующей работы! Причем это обстоятельство ни в коей мере не влечет за собой превращения вывода об имущественном характере отношений, регулируемых гражданским правом, в непререкаемый догмат. Вся дальней-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 726.

² Там же. С. 727.

³ Там же. 734—735.

шая исследовательская работа, нацеленная на углубление и уточнение характеристики имущественных отношений, в силу этого имеет значение проверки исходного тезиса.

Необходимо особо подчеркнуть, что методология исследования правовых проблем во многом зависит от их характера. Общая двустадийная схема в полном объеме применима в том случае, когда ставится задача всестороннего, всеохватывающего исследования правового института или отрасли права в целом. Если же рамки исследования локализованы самой постановкой вопроса, то в соответствии с темой работы предметом научного анализа может оказаться лишь определенный участок пути от юридической формы к ее экономической сущности и обратно. Так, в случае, когда исследование концентрируется вокруг проблем, связанных с предметом советского гражданского права, основное внимание должно быть обращено на тот поворотный пункт, с которого исследование экономической сущности гражданского права начинает в силу закономерных связей экономических и юридических явлений переходить на путь обратного движения к юридической форме. Причем в соответствии с темой настоящей работы отсутствует необходимость завершать этот путь возвращением ко всему тому многообразию конкретного, непосредственно данного в правовом опыте, которое в своей совокупности составляет предмет науки гражданского права в целом.

Методология исследования неразрывно связана с методикой изложения результатов исследовательской работы. Но вместе с тем они не совпадают. «...Способ изложения, — отмечает К. Маркс, — не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то на первый взгляд может показаться, что перед нами априорная конструкция»¹.

Эта видимость априорности выводов может быть в какой-то мере устранена таким порядком изложения результатов анализа, который бы внешне совпадал с указанной выше двустадийной схемой развития научных изысканий по пути от явлений, непосредственно данных в опыте, к завершающим, итоговым выводам.

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 19.

Однако полностью устранить видимость априорности выводов при изложении результатов исследования невозможно. И это необходимо учитывать, особенно по таким темам, которые касаются сущности явлений, изучаемых той или иной отраслью общественных знаний в целом.

II

Вопросы методологии права не могут быть исчерпаны характеристикой направлений исследования права и порядком изложения результатов исследования. Наряду с конкретными юридическими науками, в рамках которых осуществляется изучение отдельных участков правового регулирования социалистического общества, существует общеметодологическая (для всех других правовых наук) дисциплина — о б щ а я т е о р и я п р а в а.

Было бы неправильно квалифицировать разрабатываемые в рамках общей теории права понятия как вынесенные за скобки, совпадающие элементы правовых категорий, относимых к конкретным юридическим наукам. Эти общие положения имеют м е т о д о л о г и ч е с к о е значение. Уходя своими корнями в марксистско-ленинскую теорию государства и права, в теорию исторического материализма, они являются теми связующими звеньями, которые в области науки права соединяют категории конкретных правовых дисциплин с категориями философского материализма, марксистско-ленинской диалектики. В этом смысле общая теория права может быть названа ф и л о с о ф и е й п р а в а, если, конечно, не забывать ее производного характера, ее роли как средства конкретизации положений диалектического материализма на правовом материале.

Применительно к рассматриваемым в настоящей работе вопросам указанное методологическое значение принадлежит одному из важнейших разделов общей теории права — учению о системе советского права. Здесь можно наглядно показать, что в силу единства философской базы — марксистско-ленинского диалектического и исторического материализма — исследование определенного комплекса проблем, начатое с различных пунктов, неизбежно приводит к единым результатам. Разработанные советскими учеными теоретические положения о п р е д м е т е и м е т о д е п р а в о в о г о р е г у л и р о в а н и я не только полностью согласуются с двустадийной схемой познания права, но в сущности являются ее конкретизированным воплощением на материале, охватываемом учением о системе советского права.

Предмет правового регулирования может быть охарактеризован как решающий классификационный критерий системы права именно потому, что юридические особенности той или иной отрасли, в своем сочетании образующие специфический метод правового регулирования, обусловлены особенностями соответствующего вида общественных отношений. На эту сторону проблемы систематики права иногда не обращают должного внимания.

Между тем если верно, что отрасли советского права отграничиваются друг от друга по предмету регулирования, то отсюда вовсе не следует, что между отраслями нет никаких юридических особенностей. Деление советского права на отрасли — это деление в самом классифицируемом материале — в праве¹. Дело лишь в том, что сообразно с требованиями диалектического и исторического материализма юридические особенности, свидетельствующие о распределении норм советского права по отраслям, должны найти свое объяснение вне права, в структуре общественных отношений, регулируемых правом, в базе общества.

С таких позиций и подходит к вопросам системы права С.И. Аскназий, который попытался применить общетеоретические положения, относящиеся к методологии права, к познанию сущности одной из его отраслей — советского гражданского права. Сопоставляя административные и гражданские правоотношения, автор отмечает, что тот и другой тип правовых связей характеризуется рядом выступающих вонне черт («качеств»), связанных с общим юридическим положением сторон, объектом правоотношений, способами их защиты и др.² Определив указанные «качества» административных и гражданских правоотношений как специфические методы регулирования, мы делаем известный шаг вперед, ибо «все эти правовые качества получают некоторое единство, как взаимно связанные элементы одного из... методов государственного воздействия...»³. Однако здесь мы все же не выходим за сферу права. Поскольку метод правового регулирования обусловлен его предметом, необходимо обратиться к анализу тех общественных отношений, которые лежат в основе административно-правовой и гражданско-правовой форм регулирования,

¹ См. по этому вопросу: *Ефимочкин В.П.* К вопросу о принципах построения системы права // Советское государство и право. 1957. № 3. С. 86; *Мешера В.Ф.* О делении советского права на отрасли // Советское государство и право. 1957. № 3. С. 97.

² См.: *Аскназий С.И.* Гражданское и административное право в социалистической системе воспроизводства // Ученые записки ЛГУ. Сер. юрид. наук. Вып. 3. 1951. С. 71—79.

³ См. там же. С. 79.

и лишь после этого вновь вернуться к специфическим чертам рассматриваемых видов правоотношений. На этом обратном пути должно быть показано, как на соответствующей материальной основе «необходимо складываются все специфические качества и определения гражданско-правовых и административно-правовых отношений. На этих путях все характерные черты этих двух видов правового регулирования утрачивают свой случайный характер и познаются как необходимые»¹.

Несколько дальше автор, подводя итоги исследования сущности административного и гражданского права, пишет: «То, что для догматической юриспруденции является лишь проблемой классификации правовых явлений, — а догматическая юриспруденция способна была лишь описать, систематизировать эти два (административно-правовой и гражданско-правовой. — С.А.) вида правовых отношений лишь в их внешних проявлениях и таким образом замаскировать присущие этим отношениям реальные классовые антагонизмы, — марксистская теория права должна понять из основы «сущности» этих двух видов правового регулирования. Лишь на этих путях правовые знания могут выйти за пределы описания и систематизации действующих правовых норм и складывающихся в хозяйственном обороте правоотношений и получить характер действительно научных знаний — стать в одну плоскость с другими социальными науками, построенными на началах диалектического и исторического материализма»².

В связи с приведенными суждениями приходится только пожалеть, что автор, остановившись главным образом на экономической характеристике регулируемых гражданским и административным правом отношений, не пошел дальше постановки вопроса о необходимости «пуститься в обратный путь» — от экономических отношений к правовым явлениям. К тому же в рассматриваемой статье, в отличие от ряда прежних работ, автору не удалось указать на главные признаки, которые с экономической стороны размежевывают гражданское и административное право.

Изложенные соображения могут быть взяты в качестве отправных при общей характеристике основного содержания настоящей работы. Конечная цель работы состоит в том, чтобы наметить пути обобщенного анализа главных специфических черт гражданско-правового регулирования имущественных и некоторых личных неимущественных отношений в социалистическом обществе. В соответствии с этим

¹ См.: *Аскназий С.И.* Гражданское и административное право в социалистической системе воспроизводства. С. 97.

² См. там же. С. 99.

работа направлена на то, чтобы выявить связь между предметом советского гражданского права и его юридическими особенностями, обусловленность последних от определенного вида общественных отношений социалистического общества.

В литературе справедливо отмечено, что имущественные и личные неимущественные отношения образуют необходимый «элемент» предмета науки гражданского права¹. Следует лишь подчеркнуть, что они не могут рассматриваться в отрыве от правовых норм, правоотношений, составляющих непосредственный объект правовых знаний. Ученый-юрист обращается к неправовым явлениям лишь тогда и постольку, когда и поскольку это способствует изучению права, правового регулирования. Таким образом, в конечном счете предметом науки гражданского права являются не сами по себе имущественные и личные неимущественные отношения, а эти отношения в связи с гражданско-правовым регулированием в социалистическом обществе.

С другой стороны, с целью наиболее полной характеристики предмета советского гражданского права в настоящей работе дается анализ некоторых специальных юридических вопросов, в том числе вопросов, относящихся к системе гражданского права, юридическим фактам и др. Но они рассматриваются здесь только под углом зрения предмета советского гражданского права. Очевидно, например, что вопрос о дифференциации гражданско-правового регулирования требует самостоятельного, причем многопланового исследования, при котором подробно должны быть проанализированы действующее законодательство, история его развития, судебная, арбитражная и хозяйственная практика². Однако этот же вопрос может рассматриваться не в полном объеме, а лишь как составная часть проблемы предмета гражданского права. В этом случае его исследование направлено только на то, чтобы выяснить связь между предметом советского гражданского права и дифференциацией гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе.

¹ См.: Красавчиков О.А. Предмет и состав науки советского гражданского права // Правоведение. 1957. № 1. С. 59–60; *Его же*. Система законодательства и система науки советского гражданского права // Социалистическая законность и задачи советской юридической науки: Тезисы Межвузовского научного совещания (март 1957 года). Изд-во МГУ, 1957. С. 12.

² См., например: Иоффе О.С. Правовое регулирование хозяйственной деятельности в СССР. Изд-во ЛГУ, 1959.

III

В качестве первого шага при исследовании предмета советского гражданского права необходимо определить круг юридических норм, которые в законодательстве и практике обозначаются термином «гражданское право».

Главное, что необходимо отметить по рассматриваемому вопросу, — это у с л о в н о с т ь применяемого здесь термина. «Гражданское право» — исторически сложившееся терминологическое обозначение известной совокупности правовых норм, сущность которой, как справедливо отмечали в литературе Д.М. Генкин¹, М.М. Агарков², Л.Я. Гинцбург³, В. Кнапп⁴, Л. Василев⁵ и др., не может быть выведена непосредственно из указанного терминологического обозначения. Правда, один из участников последней дискуссии о системе права (1956—1958 гг.) В.С. Тадевосян попытался определить содержание гражданского права в строгом соответствии с буквальным значением рассматриваемого термина: в конструируемой В.С. Тадевосяном правовой системе гражданское право должно регламентировать все субъективные права, которые имеют граждане социалистического общества⁶. Нельзя не заметить, однако, что автор по интересующему нас вопросу отходит от реально существующей структуры правовых норм, причем «конструируя» правовые отрасли, В.С. Тадевосян исходит из буквального смысла исторически сложившихся специальных терминологических обозначений, что еще больше отдаляет его конструкцию от объективно существующей системы советского права.

¹ *Генкин Д.М.* Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1939. № 4. С. 31; Гражданское право. Т. 1: Учебник для юрид. вузов / Под ред. М.М. Агаркова и Д.М. Генкина. Юриздат, 1944. С. 24—25.

² *Агарков М.М.* Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8—9. С. 70.

³ *Гинцбурге Л.Я.* К вопросу о хозяйственном праве // Советское государство и право. 1956. № 10. С. 92—93.

⁴ *Кнапп В.* По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. С. 117.

⁵ *Василев Л.* Гражданское право Народной Республики Болгарии. Общая часть. 3-е изд. Госюриздат, 1958. С. 15—16.

⁶ *Тадевосян В.С.* Некоторые вопросы системы советского права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 105—107. В настоящее время В.С. Тадевосян почему-то изменил свою позицию, заявив, что никто из тех, кому возражают противники теории «хозяйственного права», не сводит гражданское право к совокупности норм, регулирующих «только отношения с участием граждан» (*Тадевосян В.С.* Сущность советского хозяйственного права и предстоящая кодификация гражданского законодательства СССР // Советское государство и право. 1959. № 6. С. 56).

Несмотря на известную дискуссионность проблемы предмета советского гражданского права, в литературе по практике нет сколько-нибудь существенных разноречий по вопросу о характере регулируемых этой отраслью общественных отношений. Все авторы, исследовавшие природу советского гражданского права, характеризуют его сущность через понятие **и м у щ е с т в е н н ы х о т н о ш е н и й**. Таким образом, термин «гражданское право» обозначает совокупность правовых норм, непосредственно связанную с регулированием имущественных отношений в социалистическом обществе. Такое соединение одной из отраслей советского права с категорией имущественных отношений в теории и практике стало настолько прочным, что не только в специальной литературе и деятельности юрисдикционных органов, но и в директивных документах термин «гражданское право» («гражданское законодательство») используется для обозначения формы правового регулирования имущественных отношений, независимо от их субъектного состава. Так, в резолюции одиннадцатой Всероссийской конференции РКП (б) по вопросу об очередных задачах партии в связи с восстановлением хозяйства записано: «Новые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономполитики, должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке. Для разрешения **в с я к о г о р о д а к о н ф л и к т о в в о б л а с т и и м у щ е с т в е н н ы х о т н о ш е н и й** должны быть установлены твердые **г р а ж д а н с к и е н о р м ы**»¹.

В соответствии со сказанным положение об имущественном характере отношений, регулируемых советским гражданским правом, рассматривается в настоящей работе как исходный пункт для последующего анализа предмета гражданско-правового регулирования. Однако здесь же необходимо отметить следующее важное обстоятельство. В той мере, в какой вывод об имущественном характере регулируемых гражданским правом отношений представляется несомненным, в той же самой мере должно быть признано несомненным и то, что правовые институты, квалифицируемые в качестве гражданско-правовых, в своей совокупности составляют внутренне единое, цельное, специфическое правовое образование. Относимые к гражданскому праву нормы права собственности, институтов обязательственного права, наследственного права, *jura specialia* (ав-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. Госполитиздат, 1954. С. 593. (Разрядка наша. — С.А.)

торское право, изобретательское право и др.) характеризуются рядом своеобразных правовых свойств, связанных с правовым положением субъектов, основаниями возникновения, изменения и прекращения правоотношений, их содержанием, способами и порядком защиты субъективных прав. Особенности гражданско-правовой формы регулирования, выраженные в таких правовых категориях, как гражданская правосубъектность, гражданско-правовой договор, исковая защита и др., с достаточной четкостью очерчивают сферу действия гражданского права, позволяют в большинстве случаев уверенно произвести размежевание норм гражданского права и норм иной отраслевой принадлежности. Именно в этом следует искать причину того, что, за немногими исключениями, авторы, пытавшиеся отыскать четкие разграничительные линии между гражданским правом и другими отраслями советского права, склоняются к мнению, что освещение предмета рассматриваемой формы правового регулирования может быть ограничено указанием на связь гражданско-правовых норм с имущественными отношениями. Имущественные отношения социалистического общества регулируются и такими нормами права, которым не свойственны особенности, характерные для гражданско-правовой формы регулирования.

Но не приводит ли к отказу от предмета регулирования как классификационного критерия системы советского права утвердившийся в литературе взгляд, согласно которому советское гражданское право регулирует не все имущественные отношения социалистического общества? Действительно, если гражданское право отличается от иных отраслей по предмету регулирования, но имущественные отношения опосредствуются помимо гражданского права и в других формах правового регулирования, то не значит ли это, что в основу классификации отраслей должны быть положены юридические признаки? Едва ли такого рода сомнения могут быть признаны основательными. Дело в том, что имущественные отношения «вообще» — это а б с т р а к т н а я категория. Правовым же регулированием охватываются не имущественные отношения «вообще», а определенные, качественно своеобразные в и д ы имущественных отношений.

Таким образом, задача исследования предмета советского гражданского права состоит прежде всего в том, чтобы выяснить специфические черты, которые присущи имущественным отношениям, опосредствуемым в порядке гражданско-правового регулирования. Положение об имущественном характере отношений,

регулируемых советским гражданским правом, является не конечным, итоговым выводом, а лишь отправным пунктом для анализа рассматриваемых отношений. В соответствии с этим и строится план настоящей работы: от общей характеристики имущественных отношений социалистического общества и форм их правового регулирования (главы первая и вторая) к выяснению специфических черт имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом, и к характеру связи этих отношений с правовым регулированием (главы третья и четвертая), а от этого — к освещению некоторых особенностей рассматриваемой отрасли права и постановке вопроса о методе гражданско-правового регулирования (главы пятая и шестая).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

§ 1. Понятие имущественных отношений (имущественные и общественно-производственные отношения). § 2. Общие факторы, определяющие формирование и развитие имущественных отношений. Определение имущественных отношений. § 3. Качественное своеобразие и особенности имущественных отношений в социалистическом обществе.

§ 1. Понятие имущественных отношений (имущественные и общественно-производственные отношения)

1. Имущественные отношения представляют собой такую группу общественных связей, которая обособляется от других групп общественных отношений по специфике **о б ъ е к т а**. В соответствии с этим имущественные отношения могут быть охарактеризованы как отношения, складывающиеся по поводу имущества, в связи с имуществом. Но что такое «имущество»?

Если не идти дальше тех определений, которые приняты в юридической науке, то мы попадем в замкнутый круг, ибо под имуществом цивилистическая теория и законодательство понимают обычно совокупность имущественных **п р а в (и о б њ а з а н н о с т е й)**¹. Таким образом, ничего, кроме попятного движения в область юридических отношений, указанный способ характеристики определяемого понятия не дает. Между тем задача состоит в том, чтобы выйти за пределы правовой сферы и вне ее найти реальное, экономическое содержание имущественных отношений.

Если попытаться определить понятие имущества, отправляясь от неправовых, экономических позиций, то наиболее приемлемым окажется определение, характеризующее имущество как **м а т е р и а л ь н о е б л а г о**. К. Маркс использовал понятие «материальное благо» как равнозначное понятию «потребительная стоимость»².

¹ См.: Советское гражданское право. Т. 1: Учебник для юрид. вузов / Под ред. Д.М. Генкина. Госюриздат, 1950. С. 211–212; Антимонов Б.С., Граве К.А. Советское наследственное право. Госюриздат, 1955. С. 70 и др.

² См.: Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 42, 45 и др.

Те явления (предметы) окружающего нас мира, которые по своей природе способны удовлетворять потребности человека в качестве потребительных стоимостей, могут быть обрисованы как материальные блага. Имущественные отношения — это отношения, возникающие по поводу материальных благ.

Однако характеристика имущественных отношений не может быть полной, если ограничиться выяснением специфики этих отношений через указание на особенности их объекта.

Необходимо, кроме того, установить особенности их содержания.

По своему содержанию имущественные отношения могут быть определены как отношения собственности. В юридической литературе последнего времени¹ — как нашей, советской, так и стран народной демократии — такие определения имущественных отношений становятся все более частыми. И это вполне закономерно. Классики марксизма-ленинизма, вскрывая природу имущественных порядков в обществе, структуру экономических отношений, неуклонно освещали их через категорию собственности (отношений собственности)². Именно поэтому В.И. Ленин, приводя известное определение К. Маркса, характеризующего связь между производственными отношениями и их юридической формой, перевел термин «отношения собственности» словами «имущественные порядки»³.

2. Определение имущественных отношений как отношений собственности наталкивается на следующее затруднение.

Как убедительно показал А.В. Венедиктов, классики марксизма-ленинизма придавали терминам «собственность», «отношения собственности» различное смысловое значение⁴. В одних случаях они употребляли их для обозначения всей совокупности общественно-производственных отношений в целом как синоним производственных

¹ См.: Кечекьян С.Ф. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 47; Гинцбург Л.Я. К вопросу о хозяйственном праве // Советское государство и право. 1956. № 10. С. 90; Василев Л. Гражданское право Народной Республики Болгарии. Общая часть. 3-е изд. Госюриздат, 1958. С. 30; Братусь С.Н. О правовом регулировании имущественных отношений в СССР // Вопросы строительства коммунизма в СССР. Изд-во АН СССР, 1959. С. 407 и др.

² См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 13, 14, 24 и др.

³ Ленин В.И. Соч. 5-е изд. Т. 1. С. 135.

⁴ См.: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. Изд-во АН СССР, 1948. С. 22–24; Его же. Право социалистической собственности в свете учения И.В. Сталина о базе и надстройке // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1951. № 2. С. 92.

отношений. В других — лишь для обозначения их юридической формы. Какие же из приведенных смысловых значений, вкладываемых классиками марксизма-ленинизма в понятие «собственность», должны быть использованы для объяснения имущественных отношений?

Казалось бы, наиболее правильным является такое определение имущественных отношений, в котором они рассматриваются как отношения производственные. По этому пути и идут некоторые авторы — экономисты и правоведы, — полностью отождествляющие рассматриваемые категории.

Таких взглядов придерживаются, в частности, М.В. Колганов¹, М.М. Агарков², С.И. Вильнянский³, М.И. Бару⁴, Г. Клейне⁵ и некоторые другие. Отдельные авторы видели в имущественных отношениях о с н о в у отношений производственных⁶. Подобного рода взгляд был высказан в редакционной статье журнала «Советское государство и право», посвященной итогам дискуссии о предмете гражданского права. В статье сказано: «Имущественные отношения — это не только входящие в состав производственных отношений и являющиеся их ядром формы собственности, но и зависящие от последних формы распределения»⁷.

Однако при более внимательном анализе производственных и имущественных отношений с их отождествлением согласиться нельзя.

Категория «имущественные отношения» включает в себя не только отношения, складывающиеся в области производства, но и отношения н е п р о з в о д с т в е н н о г о характера⁸. С другой стороны, марксистско-ленинская теория придает понятию производственные отношения более г л у б о к и й смысл, чем понятию отношения по имуществу, независимо от того, складываются ли эти отношения в области

¹ Колганов М.В. Собственность в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1953. С. 8.

² Агарков М.М. Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8—9. С. 54.

³ Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. Изд-во ХГУ, 1958. С. 9.

⁴ Бару М.И. Возмездность и безвозмездность в советском гражданском праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 1957. С. 4.

⁵ Дорнбергер Г., Клейне Г., Клингер Г., Пош М. Гражданское право Германской Демократической Республики. Общая часть. Иностран. лит., 1957. С. 34.

⁶ Советское гражданское право: Учебник для юрид. школ / Под ред. С.Н. Братуся. Госюриздат, 1950. С. 4—5.

⁷ О предмете советского гражданского права (К итогам дискуссии) // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 53.

⁸ См.: Иоффе О.С. Советское гражданское право: Курс лекций. Общая часть. Право собственности. Общее учение об обязательстве. Изд-во ЛГУ, 1957. С. 7.

производства или нет. Производственные отношения представляют собой одно из основных социально-экономических понятий. Величайшая заслуга классиков марксизма-ленинизма в том и состоит, что они из массы общественных отношений выделили определяющее — отношения, складывающиеся в процессе производства помимо воли и сознания человека. Производственные отношения играют доминирующую роль в обществе: иные общественные отношения или зависят от производственных, или являются их прямым выражением. Но это не значит, что каждое общественное отношение, в котором так или иначе выражаются отношения производственные, может быть отождествлено с последними. Как раз наоборот: для того, чтобы выяснить зависимость каждого общественного отношения от отношений, складывающихся в процессе производства, необходимо четко отграничивать последние от всех других общественных отношений. Наконец, следует иметь в виду, что имущественные отношения как предмет правового регулирования имеют волевой характер. Ф. Энгельс, характеризуя гражданское право в буржуазном обществе, говорит о том, что оно регулирует не экономические отношения вообще, а экономические отношения «между отдельными лицами»¹, т.е. отношения, которые зависят от воли отдельных лиц. Производственные же отношения складываются и существуют вне и независимо от индивидуальной воли его участников².

В работах классиков марксизма-ленинизма можно найти ряд мест, где проводятся четкие разграничительные линии между производственными отношениями и отношениями собственности (имущественными отношениями). «Ваши идеи, — пишут, например, К. Маркс и Ф. Энгельс, обращаясь к буржуазии, — сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности...»³ В «Капитале» К. Маркс, указывая на имущественные отношения, отмечает: «Роль кредитора и должника возникает здесь из простого товарного обращения... Но те же самые роли могут возникнуть и независимо от товарного обращения. Так, например, в античном мире классовая борьба разыгрывается преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором... Однако денежная форма, — а ведь отношение должника к кредитору обладает формой денежного отношения, — здесь лишь отражает в себе антагонизм глубже лежащих эконо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 376.

² Ленин В.И. Соч. 5-е изд. Т. I. С. 135–136, 149–150.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах. Т. I. Госполитиздат, 1955. С. 24.

номических условий жизни»¹. Таким образом, если в денежном имущественном отношении лишь отражаются отношения более глубокого порядка (производственные отношения), то их отождествление было бы неправильным. Именно потому, что имущественные отношения и отношения производственные отличаются друг от друга, при рабстве «отношение собственности скрывает работу раба на себя самого...», а при системе наемного труда «денежное отношение скрывает даровую работу наемного рабочего»². «...Если товарное производство или какое-либо принадлежащее к нему явление, — пишет в другом месте К. Маркс, — рассматривать соответственно их собственным экономическим законам, то приходится каждый акт обмена брать отдельно, вне всякой связи с предшествующими и последующими актами обмена. А так как купли и продажи совершаются между отдельными индивидуумами, то недопустимо искать в них отношений между целыми общественными классами»³. И несколько дальше: «Пока при каждом акте обмена, взятом в отдельности, соблюдаются законы обмена, способ производства может претерпеть полный переворот, несколько не затрагивая права собственности, соответствующего товарному производству»⁴.

Четкие различия между производственными (материальными) и имущественными отношениями проводил В.И. Ленин. Указывая на специфику материальных (производственных) отношений, «которые складываются, не проходя через сознание людей...»⁵, В.И. Ленин сразу же поясняет: «...обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение...»⁶ Почему же люди не сознают, что при обмене продуктами они вступают в производственные отношения? Потому ли, что они не сознают данного конкретного общественного отношения по обмену? Очевидно, нет, ибо обмен совершается по воле товаровладельцев⁷.

Следовательно, указывая на производственные отношения, В.И. Ленин имел в виду не данные конкретные волевые отношения, а отно-

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 142–143.

² Там же. С. 542.

³ Там же. С. 592. (Разрядка наша. — С. А.)

⁴ Там же.

⁵ Ленин В.И. Соч. 5-е изд. Т. 1. С. 137.

⁶ Там же.

⁷ См.: Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 91–92.

шения, которые возникают как неизбежный результат деятельности людей, т.е. нечто отличное от данного конкретного имущественного отношения по обмену.

Вот один из наиболее ярких примеров, показывающий различие между имущественными и производственными отношениями. В буржуазном обществе отношения по эксплуатации являются производственными отношениями. Но выступают ли они вовне непосредственно, явно и открыто? Нет, отношения по эксплуатации выражаются в определенной системе имущественных отношений, которые «скрывают даровую работу наемного рабочего» (Маркс). Именно в области имущественных отношений имеет место превращение стоимости и цены рабочей силы в форму заработной платы, т.е. в форму стоимости и цены самого труда. «На этой форме проявления, — пишет К. Маркс, — скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порожденные им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной экономии»¹. К. Маркс в заключение пишет: «...о таких формах проявления, как «стоимость и цена труда» или «заработная плата», в отличие от того существенного отношения, которое в них проявляется, — в отличие от стоимости и цены рабочей силы, — можно сказать, то же самое, что о всяких вообще формах проявления и о их скрытой за ними основе. Первые непосредственно воспроизводятся сами собой, как ходячие формы мышления, вторая может быть раскрыта лишь научным исследованием»².

3. Итак, отождествлять имущественные и производственные отношения нельзя. Но если это правильно, то выходит, что для объяснения содержания имущественных отношений должно быть использовано понятие отношений собственности во втором из указанных выше значений — понятие отношений собственности в смысле юридического выражения производственных отношений. Однако, что означает «юридическое выражение» производственных отношений? Не ведет ли это вновь к попятному движению в сферу юридических категорий?

Для того чтобы с необходимой точностью ответить на поставленный вопрос, обратимся к тем конкретным положениям, в которых К. Марксом характеризуются отношения собственности как юридическое выражение отношений производственных. В предисловии к «Критике политической экономии» К. Маркс раскрывает диалектику развития способа

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 542.

² Там же. С. 544.

производства. Отмечая в связи с этим, что «на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями...», К. Маркс тут же добавляет: «...или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались»¹. В другом месте К. Маркс выражает эту же мысль еще более четко. В письме к Швейцеру о Прудоне он пишет: на вопрос — что такое современная буржуазная собственность, «можно было ответить только критическим анализом *«политической экономики»*, обнимающей совокупность этих *отношений собственности* не в их *юридическом* выражении как *волевых отношений*, а в их *реальной форме*, т.е. как *производственных отношений*»².

Таким образом, характеристика отношений собственности как юридического выражения производственных отношений означает, что они могут быть квалифицированы в качестве в о л е в ы х отношений. Н.Г. Александров в статье о правовых и производственных отношениях вполне справедливо пишет: «...всякое экономическое отношение «между отдельными лицами», составляя одно из многочисленных звеньев в цепи экономического развития, которая в целом является объективно необходимой, не зависящей от воли людей, представляет собой как конкретное отношение неразрывное единство материального содержания и волевого опосредствования»³.

Еще более определенно пишет по рассматриваемому вопросу С.Н. Братусь: «Производственные отношения как объективная социальная реальность — это определенный результат общественно-производственной деятельности людей, но этот результат складывается из волевых актов людей и поэтому не может быть оторван от их поведения»⁴. Как же с указанной позиции можно определить имущественные отношения? Автор пишет: «Конкретное имущественное отношение, т.е. отношение между определенными участниками, — это волевое отношение, в котором отражаются производственные отношения как предпосылки и итог (результат) производственной деятельности людей. Здесь проявляется единство субъективного и объективного в общественном производстве»⁵.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XIII. Ч. 1. С. 25.

³ Александров Н.Г. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе // Вопросы философии. 1957. № 1. С. 46.

⁴ Братусь С.Н. О правовом регулировании имущественных отношений в СССР // Вопросы строительства коммунизма в СССР. Изд-во АН СССР, 1959. С. 405.

⁵ Там же. С. 407–408.

Присоединяясь к такой квалификации имущественных отношений, необходимо еще раз подчеркнуть, что имущественные отношения как отношения волевые представляют собой общественные связи и н о г о п о р я д к а, чем производственные отношения. Отношения по наследованию, по найму жилых помещений, по розничной купле-продаже, по налогам и т.д. и т.п. — все эти отношения, имеющие имущественное содержание, не могут быть как таковые квалифицированы в качестве производственных. Имущественные отношения — это область в н е ш - н и х процессов в производстве, обмене, распределении, потреблении. Если производственные отношения выражаются в конкретных имущественных отношениях, то отсюда вовсе не следует, что каждый индивидуальный акт обмена, каждое конкретное имущественное отношение, складывающееся в области хозяйства, торговли, культуры, быта, — это и есть само производственное отношение. Отдельные волевые акты имущественного характера, касающиеся производства, обмена, распределения и потребления, дают производственное отношение лишь в и т о г е, в с у м м е, в к о н е ч н о м с ч е т е.

В. И. Л е н и н, разграничивая общественные отношения на материальные (производственные) и идеологические, не квалифицировал непосредственно деятельность человека, направленную на поддержание его существования, в качестве содержания материальных (производственных) отношений, которые, по мысли В.И. Ленина, являются р е з у л ь т а т о м деятельности человека, и именно как результат деятельности складываются помимо воли и сознания людей. «...Общественные отношения, — писал В.И. Ленин, — делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования»¹. В.И. Ленин, следовательно, ясно и четко указал на особый характер общественных связей, выражающих повседневную деятельность людей — деятельность, направленную на поддержание их существования. К этим особым общественным связям и должны быть причислены имущественные отношения.

Однако почему же отношения собственности как волевые отношения определены К. Марксом как «ю р и д и ч е с к а я» форма выражения? Это становится понятным, если исходить из того, что предметом правового регулирования являются не все общественные отношения, а лишь те из них, которые имеют волевое содержание, — отношения

¹ Ленин В.И. Соч. 5-е изд. Т. 1. С. 149.

между «отдельными лицами» (Ф. Энгельс). Имущественные отношения как волевые отношения собственности являются юридическим выражением производственных отношений потому, что они способны на реагирование со стороны права. Иными словами, это такая форма выражения производственных отношений, которая может быть опосредствована в правовом порядке и которая в классовом обществе при наличии правового регулирования приобретает вид правовых отношений. А отсюда следует, что имущественные отношения (волевые отношения собственности) в классовом обществе объективно требуют правового регулирования и, следовательно, в определенной степени зависят от него, что делает их характеристику как юридическо-го выражения производственных отношений еще более необходимой.

4. В соответствии с приведенными выше соображениями необходимо признать, что отличительные черты имущественных отношений выражаются в их объектах, субъектном составе и содержании.

По признаку объекта имущественные отношения характеризуются тем, что они возникают по поводу конкретных средств производства или предметов потребления – вещей (материальных благ).

По признаку субъектов имущественные отношения характеризуются тем, что они складываются между конкретными субъектами – «отдельными лицами» (Ф. Энгельс).

По своему содержанию имущественные отношения – это отношения собственности, имеющие волевой характер.

Именно потому, что имущественные отношения складываются между отдельными лицами по поводу конкретных вещей и имеют волевой характер, они могут быть охарактеризованы как отношения, которые связаны с различиями «моего» и «твоего», «своего» и «чужого», «коллективного» и «индивидуального», «государственного» и «личного»¹. Поэтому классики марксизма-ленинизма обычно употребляли понятия «имущество», «имущественные отношения», «имущественное положение» для характеристики накопленных ценностей у тех или иных лиц (народов) в отличие от накоплений других лиц (народов)², различий в материальном положении в пределах определенного общественного образования³, материального неравенства⁴.

¹ Братусь С.Н. О правовом регулировании имущественных отношений в СССР // Вопросы строительства коммунизма в СССР. Изд-во АН СССР, 1959. С. 408.

² См.: Маркс К. Капитал. Госполитиздат, 1955. С. 96; Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953. С. 151.

³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953. С. 139.

⁴ Там же. С. 151.

5. Разграничивая имущественные и общественно-производственные отношения, не следует упускать из виду тесную связь, существующую между этими двумя категориями общественных отношений.

Производственные отношения, будучи единными по своей сущности, многогранны по характеру своих сторон. Причем стороны производственных отношений — это не их «физические» части, которые могут быть отделены одна от другой, а проявление отдельных свойств целого, обнаруживающихся в их связях с другими общественными явлениями.

Именно в этом смысле следует понимать выражение, согласно которому собственность «лежит в основе» производственных отношений. Было бы неправильно полагать, что собственность представляет собой нечто другое, чем производственные отношения («лежит в основе»), или составляет их часть. Собственность выражает производственные отношения в целом, но выражает ту их сторону, которая ближайшим образом связана с их сущностью.

Собственность как сторона производственных отношений характеризует положение социальных групп данного общества, их отношение друг к другу по поводу средств производства. Именно такая трактовка собственности вытекает из ленинского указания о том, что классы различаются «по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»¹. Если исходить из такого понимания собственности как стороны производственных отношений, то станет понятным, почему И.В. Сталин, определяя производственные отношения, говорит не о собственности вообще, а лишь о формах собственности на средства производства².

Каково содержание производственных отношений? «Всякое производство есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством ее. В этом смысле, — пишет К. Маркс, — будет тавтологией сказать, что собственность (присвоение) есть условие производства»³. Нередко из этого положения К. Маркса делают только вывод о том, что собствен-

¹ Ленин В.И. Соч. Т. 29. С. 388. (Разрядка наша. — С.А.)

² Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952. С. 73.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 713.

ность и присвоение — понятия равнозначные и что, следовательно, собственность составляет лишь часть производственных отношений.

Такого мнения придерживается, в частности, А.В. Венедиктов. Он пишет: «...собственность как присвоение, как особое отношение лиц, групп и классов к средствам производства, образует собой самую основу всей системы производственных отношений и уже по одному этому выделяется среди всей остальной массы производственных отношений...»¹

Вряд ли это правильно. Собственность, как следует из приведенного указания К. Маркса, — это не само присвоение; та часть фразы, где К. Маркс помещает слово «присвоение» сразу же вслед за словом «собственность», не имеет самостоятельного значения: она лишь поясняет главное положение, выдвинутое К. Марксом: собственность представляет собой ту общественную форму, в пределах и посредством которой присвоение осуществляется.

А. Кузнецов и Е. Соллертинская, возражая М.А. Колганову, который с особой настойчивостью отстаивал мысль о собственности как присвоении, справедливо указывают, что «по Марксу присвоение индивидуумом предметов природы есть производство их внутри и посредством определенной общественной формы, то есть при определенных общественно-производственных отношениях»². Поддерживая этот взгляд, редакция журнала «Коммунист» отметила, что «...собственность есть исторически определенная общественная форма присвоения материальных благ...»³

Значит ли это, что категория «присвоение» не может быть использована при характеристике имущественных отношений? Конечно, нет! При установлении связи между понятиями «производство», «собственность» и «присвоение» К. Маркс делает ударение на последнем понятии именно потому, что оно вскрывает сущность производства и позволяет показать, почему производственные отношения могут быть охарактеризованы как отношения собственности. Но такая характеристика возможна лишь постольку, поскольку категория «присвое-

¹ Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. Изд-во АН СССР, 1948. С. 27.

² Кузнецов А.В., Соллертинская Е. Серьезные ошибки в книге о собственности // Коммунист. 1953. № 17. С. 124.

³ От редакции журнала «Коммунист» // Коммунист. 1954. № 8. С. 124. (Разрядка наша. — С.А.)

ние» используется для анализа всех отношений собственности как отношений производственных, а не какой-то определенной их части. Общественно-производственные отношения являются отношениями собственности по той причине, что все они так или иначе воплощают (проводят) присвоение.

А из этого следует такой чрезвычайно важный вывод — категория «присвоение» должна быть использована для правильной трактовки всех имущественных отношений, а не только тех из них, которые опосредуются институтом права собственности.

А.В. Венедиктов пишет по рассматриваемому вопросу: «...собственность как присвоение внутри и посредством определенной общественной формы, как общественно-производственное отношение в отдельных формациях получает юридическое выражение не только в праве собственности как о с о б о м юридическом институте данной системы права, но и в ряде других юридических институтов той же системы»¹. Таких же позиций придерживается Ю.К. Толстой, который утверждает, что «отношения между людьми в процессе использования средств производства не всегда опосредуются только правом собственности»².

Иной взгляд отстаивает О.С. Иоффе, по мнению которого отношения по присвоению опосредуются только институтом права собственности. Возражая Ю.К. Толстому, он пишет: «...капиталист становится собственником производимого продукта не потому, что он является участником трудового договора, а потому, что в его собственности находится предприятие, в котором прилагается труд эксплуатируемых рабочих»³. Автор явно упускает из виду, что в капиталистическом обществе существуют многообразные правовые формы присвоения капиталистами производимого эксплуатируемыми рабочими продукта. Не случайно К. Маркс рассматривал сделки купли-продажи как способы присвоения жизненных средств и средств производства⁴.

Таким образом, имущественные отношения, выражая производственные отношения, опосредствуют тем самым ту общественную форму, внутри и посредством которой осуществляется присвоение ин-

¹ *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. Изд-во АН СССР, 1948. С. 29; см. также: *Кнапп В.* Собственность в странах народной демократии. Иностранная литература, 1954. С. 26.

² *Толстой Ю.К.* Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Изд-во ЛГУ, 1955. С. 13.

³ *Иоффе О.С.* Советское гражданское право: Курс лекций. Общая часть. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 275.

⁴ *Маркс К.* Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 112, а также с. 91–92.

дивидуумами предметов, природы. Это выявляет суть имущественных отношений, их классовую природу. Характеристика имущественных отношений как отношений по присвоению, будучи абстрактным определением, вместе с тем сама по себе обязывает акцентировать внимание на социально-классовых особенностях имущественных отношений. Анализ имущественных отношений каждой формации должен открываться рассмотрением вопросов: к т о осуществляет присвоение посредством данной системы общественных отношений и ч т о является первоочередным объектом присвоения. При ответе на первый из указанных вопросов явственно обнаруживается классовая принадлежность субъектного состава имущественных отношений, при ответе на второй – их вещественный субстрат, роль средств производства как главного, решающего объекта присвоения.

§ 2. Общие факторы, определяющие формирование и развитие имущественных отношений.

Определение имущественных отношений

1. Поскольку имущественные отношения выражают производственные отношения, их формирование и развитие зависят от тех же факторов, что и развитие производственных отношений (уровень развития производительных сил, формы собственности и др.). Поскольку имущественные отношения не могут быть отождествлены с производственными отношениями, а представляют собой особую группу общественных связей, то вполне закономерно существование специфических факторов, определяющих их функционирование и развитие. Каковы же эти специфические факторы?

Казалось бы, ответ на поставленный вопрос несложен: имущественные отношения имеют волевой характер, и достаточно сослаться на индивидуальную волю лиц в формировании, развитии и осуществлении имущественных отношений, чтобы считать рассматриваемый вопрос решенным. Но задача как раз состоит в том, чтобы выяснить те конкретные социальные силы, которые детерминируют волю участников имущественных отношений и которые в ряде случаев (через механизм правового регулирования) вызывают к жизни данные конкретные отношения независимо от воли отдельных лиц. Именно эти социальные силы и должны быть охарактеризованы в качестве факторов, определяющих формирование и развитие имущественных отношений.

По мнению С.И. Аскназия, существуют «три возможных формы создания и развития социально-экономических явлений и роли в них права: 1) для создания этих явлений необходимы предписания государственных органов, 2) явления эти складываются в иррациональном процессе, причем складывающиеся конкретные отношения оказываются закрепленными (носят правовой характер)... и 3) сложившиеся конкретные отношения первоначально лишены правового характера, который они могут получить лишь в дальнейшем...»¹.

Если подойти к рассматриваемому вопросу со стороны формирования и развития общественных отношений между отдельными лицами, независимо от того, закрепляются ли они в праве или нет, то факторы, определяющие формирование и развитие имущественных отношений, могут быть распределены по следующим группам:

а) факторы, действие которых неизбежно в любой общественно-экономической формации. Решающее значение имеет здесь сама природа собственности как стороны производственных отношений, предполагающей существование определенной системы имущественных отношений между отдельными лицами;

б) факторы, действие которых проявляется в тех общественно-экономических формациях, где существуют особые экономические условия (товарное производство, действие экономического закона стоимости);

в) факторы, действие которых имеет место лишь в классовом обществе (организующая деятельность государства).

2. Имущественные отношения, существование которых связано с самой природой собственности как стороны производственных отношений, могут быть названы *п р я м ы м* («*е с т е с т в е н н ы м*») выражением последних.

Собственность как одна из сторон (основа) производственных отношений характеризует взаимоотношения социальных групп общества по поводу средств производства в целом. Стало быть, собственность связывает в с е х членов общества. Но собственность *п р е д п о л а г а е т* и существование *к о н к р е т н ы х* отношений между *о т д е л ь н ы м и* лицами по поводу данных средств производства. Эти отношения являются *п р я м ы м* выражением отношений собственности — прямым потому, что характер общественных отношений собственности как отношений между социальными группами людей

¹ Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права // Вестник Ленинградского университета. 1947. № 12. С. 97.

обуславливает неизбежность наличия соответствующих общественных связей между отдельными людьми.

Конкретные отношения между отдельными лицами по поводу данных средств производства являются и м у щ е с т в е н н ы м и отношениями. Их неразрывное единство с собственностью как стороной производственных отношений сказывается в том, что, будучи отношениями между отдельными лицами, они в то же самое время сохраняют значение отношений между каждым из них и обществом в целом. Из этого и проистекают особенности п р а в а с о б с т в е н н о с т и — той группы правовых норм, которая направлена на регулирование имущественных отношений, являющихся прямым выражением отношений собственности, путем предоставления лицам наиболее полных и непосредственно осуществляемых правомочий в отношении вещей и возложения на всех остальных лиц («всякого и каждого») обязанности воздерживаться от нарушения указанных правомочий¹.

В имущественных отношениях социально-классовая природа собственности несколько затушевывается, ибо их субъектами являются уже не социальные группы людей (классы), а отдельные лица. К тому же в качестве объектов этих отношений выступают средства производства как обособленные вещи, а так как вещами являются и предметы потребления, то различия между последними и средствами производства в имущественных отношениях в какой-то мере сглаживаются. Так, в буржуазном обществе представители класса пролетариев, лишённого собственности, оказываются, однако, субъектами некоторых имущественных отношений и соответственно этому — субъектами права собственности, что в известной мере искажает действительную картину отношений собственности буржуазного общества. Это искажение будет устранено, если помнить, что имущественные отношения представляют собой форму отношений собственности и что, как и всякая форма, они могут отклоняться от своего содержания.

В связи с тем, что рассматриваемая группа имущественных отношений является прямым выражением собственности, она отражает сущность последней также прямо и непосредственно. Эти имуще-

¹ Предложенное определение права собственности опирается на марксову характеристику имущественных отношений собственности как отношений индивидуума или коллектива к условиям производства и продуктам труда «как к своим» (*Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // Пролетарская революция. 1939. № 3. С. 167). См. по этому вопросу: *Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность. Изд-во АН СССР, 1948. С. 32–42; *Иоффе О. С.* Советское гражданское право: Курс лекций. Общая часть. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 273–276; *Садиков О. Н.* Книга по гражданскому праву // Вестник Ленинградского ун-та. 1957. № 17. С. 160 и др.

ственные отношения являются системой общественных связей, закрепляющих распределение материальных благ (средств производства и предметов потребления) сообразно с характером производственных отношений данного общества. Они отражают статику собственности в том смысле, что их функции сводятся к закреплению существующего состояния отношений собственности. Поэтому наиболее характерным, специфическим признаком этой группы имущественных отношений является признак обладания (владения, использования, фактического распоряжения), отражающий ту или иную степень связи общественных отношений с их предметом — материальными благами (средствами производства и предметами потребления).

Предложенные рядом авторов определения имущественных отношений по большей части ориентированы на ту их группу, которая непосредственно отражает отношения собственности. Когда, например, Д.М. Генкин определяет имущественные отношения как «общественные отношения по обладанию и распоряжению средствами производства (формы собственности) и всецело зависящие от них отношения по распределению общественного продукта, по обладанию и распоряжению им»¹, то совершенно очевидно, что здесь прежде всего имеются в виду те имущественные отношения, которые опосредствуются институтом права собственности. Не случайно поэтому автор, характеризуя в другом месте институт права собственности, определил соответствующую группу имущественных отношений в аналогичной формулировке («...право собственности есть система норм, закрепляющих общественные отношения по обладанию средствами производства и обусловленные этими отношениями общественные отношения по распределению предметов потребления данного классового общества»)². На моментах «распределения», «распоряжения» акцентировал внимание и С.Н. Братусь³.

Нам представляется неправильным использование названных категорий для освещения отношений собственности как стороны производственных отношений. Ю.К. Толстой, определяя от-

¹ Генкин Д.М. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 10–1. (Разрядка наша. — С.А.)

² См.: Советское гражданское право. Т. 1: Учебник для юрид. вузов / Под ред. Д.М. Генкина. Госюриздат, 1950. С. 264.

³ См.: Советское гражданское право: Учебник для юрид. школ / Под ред. С.Н. Братуся. Госюриздат, 1950. С. 5–6.

ношения собственности через упомянутые экономические категории¹, употребляет их не совсем точно: они могут быть применены не к отношениям собственности как стороне производственных отношений, а лишь к имущественным отношениям собственности. В связи с этим следует заметить, что Ю.К. Толстой так же, как и некоторые другие авторы, совершает ошибку, сразу же переходя от отношений собственности как стороны производственных отношений к институту права собственности. Между тем путь от производственных отношений к институту права собственности более сложен: после характеристики отношений собственности как стороны производственных отношений необходимо обратиться к имущественным отношениям и, лишь выделив среди последних специфическую группу — имущественные отношения собственности (по признакам «владения», «распоряжения» и т.д.), — следует перейти к особенностям их правового регулирования.

Итак, категории «владения», «распоряжения», «использования» характеризуют одну из групп имущественных отношений — отношений, регулируемых институтом права собственности. В ином смысле употребляет эти категории И.В. Сталин. Определяя производственные отношения, И.В. Сталин писал: «Если состояние производительных сил отвечает на вопрос о том, какими орудиями производства производят люди необходимые для них материальные блага, то состояние производственных отношений отвечает уже на другой вопрос: в чем владения и находятся средства производства... в чем распоряжения и находятся средства производства, в распоряжении всего общества, или в распоряжении отдельных лиц, групп, классов, и спользующих их для эксплуатации других лиц, групп, классов»². Следует согласиться с А.В. Венедиктовым, что выделенные нами термины употреблены И.В. Сталиным в качестве синонимов собственности³. Замечание по этому поводу Ю.К. Толстого, полагающего, что «владение, распоряжение и использование только в просторечии можно рассматривать как синонимы собственности»⁴, вряд ли можно признать убедительным. Во всяком случае, если отправляться не от терминов, а от контекста, в котором последние употреблены, то следует признать, что И.В. Сталин в данном месте ставит задачу не расшифровать понятие собственности, а лишь раскрыть важней-

¹ Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности. Изд-во ЛГУ, 1955. С. 6–16.

² Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. Госполитиздат, 1952. С. 593. (Разрядка наша. — С.А.)

³ Венедиктов А.В. Право социалистической собственности в свете учения И.В. Сталина о базе и надстройке // Известия АН СССР. Отделение экономики и права, 1951. № 2. С. 92.

⁴ Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности. Изд-во ЛГУ, 1955. С. 6.

шую сторону производственных отношений путем указания на собственность. Для того чтобы убедиться в том, достаточно заменить упомянутые слова термином «собственность»: такая замена полностью сохранит смысл приведенной цитаты. Поэтому вызывает большое сомнение использование этой цитаты для выяснения сторон (элементов) содержания собственности как экономического отношения путем выделения категорий владения, распоряжения и использования¹.

3. В общественно-экономических формациях, где существует товарное производство и действует объективный экономический закон стоимости, складывается обширная группа имущественных отношений, выражающих не только статику собственности, но и ее динамику.

Возможность воздействия товарного производства на развитие имущественных отношений обусловлена тем, что само существование товарного производства неразрывно связано с отношениями собственности. Хотя первым экономическим условием функционирования товарного производства и действия закона стоимости является общественное разделение труда², однако не всякое разделение труда может служить источником товарного производства. Для формирования и развития товарно-денежных отношений необходимо, чтобы общественное разделение труда нашло выражение в определенных отношениях собственности. «В древнеиндийской общине, — пишет К. Маркс, — труд общественно разделен, но продукты его не становятся товарами... Только продукты самостоятельных, друг от друга не зависимых частных работ противостоят один другому как товары»³.

Но в каких случаях складываются самостоятельные, «частные», «не зависимые друг от друга» работы? Очевидно, лишь при наличии известных форм отношений собственности, когда различается «мое» и «твое», «свое» и «чужое», когда, следовательно, возникает и существует обособленность производителей как выражение определенных форм собственности. Наиболее полный простор для развития товарного производства, функционирующего по стихийно действующим законам, дает имущественная обособленность производителей, выражающая частную собственность на средства производства. Именно поэтому классики марксизма-ленинизма нередко связывали товарное производство, да и само разделение труда, с категорией

¹ См. по рассматриваемому вопросу: *Садиков О.Н.* Книга по гражданскому праву // Вестник Ленинградского университета. 1957. № 17. С. 160–161.

² См.: *Маркс К.* Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 48; *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. В 2 т. Т. II. 1955. С. 293, 296–298.

³ *Маркс К.* Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 48.

частной собственности¹. Однако частная собственность как условие товарного производства не имеет всеобщего значения. К. Маркс и Ф. Энгельс в ряде работ обратили внимание на то, что товарный обмен возможен и при коллективной собственности. Так, применительно к древнеиндийской общине К. Маркс писал, что «обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин»². Эту же мысль высказывает и Ф. Энгельс, отмечая, что «первоначально обмен производился между племенами при посредстве родовых старейшин...»³ и что товарные отношения развиваются и в условиях передачи земли во владение роду, общинам, отдельным лицам⁴. Следовательно, всеобщее значение как условие товарного производства имеет не частная собственность — она играет такую роль в антагонистических формациях, — а определенные формы имущественной обособленности, которые могут существовать и на базе коллективного способа присвоения средств производства.

Но если верно, что возникновение товарного производства обусловлено определенным состоянием отношений собственности, то вместе с тем нельзя не заметить и другой стороны диалектического взаимодействия рассматриваемых категорий — обусловленности развития имущественных отношений как волевой формы производственных отношений от степени и характера развития отношений товарно-денежного хозяйства. «...Институт наследства, — пишет В.И. Ленин, — предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена... И частная собственность, и наследство — категории таких общественных порядков, когда сложились уже обособленные, мелкие семьи (моногамные) и стал развиваться обмен»⁵. Здесь же, охватывая обе стороны взаимозависимости товарного производства и имущественных отношений, В.И. Ленин указывает, что в основе частной собственности «лежит зарождающаяся уже специализация общественного труда и отчуждение продуктов на рынке»⁶. В.И. Ленин,

¹ См.: Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 98; Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 20, 31–32; Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 252; Ленин В.И. Соч. 5-е изд. Т. 1. С. 152.

² Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 94. См. также аналогичное соображение на с. 359.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. 1955. С. 293.

⁴ Там же.

⁵ Ленин В.И. Соч. 5-е изд. Т. 1. С. 152. (Разрядка наша. — С.А.)

⁶ Там же.

следовательно, видит источник частной собственности в двух взаимодействующих объективных экономических факторах: во-первых, это — специализация общественного труда (и, стало быть, возникновение той или иной формы имущественной обособленности или, что в сущности то же самое, — возникновение «обособленных мелких семей»); во-вторых, — это отчуждение продуктов на рынке (и, стало быть, существование товарного производства, действие закона стоимости). В соответствии с этим В.И. Ленин, имея в виду те же факторы, указывает: «Когда... в общину проникло разделение труда и члены ее стали каждый в одиночку заниматься производством одного какого-нибудь продукта и продавать его на рынке, тогда в выражении этой материальной обособленности товаропроизводителей явился институт частной собственности»¹.

В связи с товарным производством отношения собственности как волевая форма производственных отношений приобретают специфические черты: они характеризуются возможностью отчуждения продукта труда², потерей собственником власти над продуктом при обмене. Как правильно отмечено в литературе, «отчуждение объекта присвоения... не единственный и не главный признак частной собственности. Отчуждаемость как характерная ее черта непосредственно связана со степенью развития товарно-денежных отношений»³.

Развитие товарного производства обуславливает не только экстенсивное и интенсивное развитие имущественных отношений, опосредствуемых институтом права собственности, оно также дает толчок к их усложнению, к выделению из их состава отношений, которые могут быть квалифицированы в качестве смешных. Так, «едва была установлена собственность на землю, как была уже открыта ипотека... по пятам земельной собственности отныне неотступно идет ипотека»⁴. С другой стороны, неизбежным следствием установления собственности между частными лицами явились отношения по наследованию ее предметов. Причем, характеризуя «ступень товарного производства, с которой начинается цивилизация», Ф. Энгельс, приводя ряд экономических признаков, дополнительно указывает на введение завещания, «с помощью которого собственник может распоряжаться своей собственностью и после своей смерти»⁵.

¹ Ленин В.И. Соч. 5-е изд. Т. 1. С. 152. (Разрядка наша. — С.А.)

² Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 95.

³ От редакции журнала «Коммунист» // Коммунист. 1954. № 8. С. 126.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 299.

⁵ Там же. С. 308.

И как предпосылка, и как результат товарного производства, имущественные отношения, регулируемые институтом права собственности, характеризуются тем, что они отражают с т а т и к у собственности, наличное распределение материальных благ в обществе. Но товарное производство проявляет свою роль действенного фактора развития имущественных отношений и в другом направлении: оно выводит собственность из состояния статики, приводит ее в движение, в связи с чем возникают специфические группы имущественных отношений, отражающих д и н а м и к у собственности. Эти группы имущественных отношений обобщенно можно назвать и м у щ е с т в е н н ы м и о т н о ш е н и я м и о б о р о т а.

Конечным экономическим источником имущественных отношений оборота является о б м е н. Различая обмен деятельностью и способностями, с одной стороны, и обмен продуктами, с другой стороны, К. Маркс выделяет в качестве особого звена экономической системы обмен продуктами труда, ибо «обмен деятельностей и способностей, который совершается в самом производстве, относится прямо к нему и составляет его существенную сторону»¹. Для характеристики этой формы обмена, который в стадии перехода продуктов непосредственно для потребления «выступает независимым и индифферентным по отношению к производству...»², а на других стадиях им всецело определяется, К. Маркс употребляет экономическую категорию о б р а щ е н и я, когда пишет, что «обращение само есть лишь определенный момент обмена или обмен, рассматриваемый в целом»³.

Однако сам по себе обмен (обращение) продуктов труда, взятый вне и независимо от товарного производства, не играет роли экономического фактора, порождающего иные имущественные отношения, кроме имущественных отношений в сфере потребления. Обмен приобретает указанное значение лишь в той мере, в какой он выступает в качестве т о в а р о о б м е н а, — обмена, определяющего саму сущность товарного производства⁴.

Каким же образом обмен влияет на состояние имущественных отношений? Каждый товаровладелец — это субъект имущественных отношений собственности, в развитом товарном производстве — субъект частной собственности. Но продукт труда произведен не для удовле-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 725.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 47; Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 306.

творения потребностей производителя; для того, чтобы его потребности были удовлетворены, товар на эквивалентных началах должен быть путем обмена п е р е д а н другому лицу. А при такой передаче происходит смена субъектов и, следовательно, осуществляется д в и - ж е н и е с о б с т в е н н о с т и. Общественные отношения, возникающие в связи с этим движением собственности, и составляют ту группу имущественных связей, которую мы называем имущественными отношениями оборота.

Элементарными, исторически первыми имущественными отношениями по обмену явились отношения н а т у р а л ь н о й м е н ы. Позднее с появлением металлических денег — этого товара товаров, который в скрытом виде содержит в себе все другие товары, — возникает и становится доминирующей и универсальной имущественной формой обмена — к у п л я - п р о д а ж а. Развитие купли-продажи, сложившейся как результат и средство товарообмена, привело к тому, что смена субъектов имущественных отношений стала н о р м о й хозяйственной жизни. А если стала возможной такая форма перехода материальных благ, при которой владение, пользование и распоряжение последними переходят от одного лица к другому целиком, то оказались возможными и иные формы движения собственности, когда от лица к лицу переходят лишь отдельные его элементы (владение, пользование, распоряжение). Значительную роль в этом сыграло выделение из материального производства т о р г о в л и, концентрирующей деятельность по обмену продуктов труда. Именно отсюда берут начала комиссионные отношения, отношения по хранению, имущественному найму вещей и т.д. Существенную роль сыграло здесь дальнейшее разделение труда, складывающееся в условиях товарного производства, что повлекло за собой возникновение, например, подрядных отношений. С другой стороны, определенное модифицирующее влияние на имущественные отношения оборота оказывает и проникновение в эту сферу личных отношений: с одной стороны, выделяются товаропроизводители, которые в условиях устоявшегося спроса изготавливают продукцию по заказам потребителей, развиваются также отношения по поручению, с другой стороны, в силу личных отношений возникают имущественные отношения оборота, опосредствующие безвозмездный (неэквивалентный) переход материальных благ — дарение, ссуда. При господстве отношений частной собственности на средства производства в товар превращается и рабочая сила, а это влечет за собой возникновение новой области имущественных отношений, складывающихся в связи с соединением рабочей силы со средствами производства, — отношений по найму рабочей силы. Обмен в развитом товарном хозяйстве осуществляется при посредстве денег, поэтому товарные отношения неизбежно дополняются д е н е ж н ы -

ми отношениями, которые являются их «естественным» продолжением. Денежное хозяйство дает новый толчок к развитию имущественных отношений. «Вслед за покупкой товаров на деньги, — пишет Ф. Энгельс, — появляется денежная ссуда и вместе с ней — процент и ростовщичество»¹.

Итак, на почве товарного производства вырастает особая группа имущественных отношений, которая выражает движение материальных благ. Не всегда, правда, связь этих имущественных отношений с товарным производством является прозрачно ясной. Но если помнить, что, наряду с главным фактором (товарное производство), определенное влияние на развитие имущественных отношений оказывают факторы дополнительные (например, личные, неимущественные отношения) и что, будучи связанными по источнику возникновения, родственные явления могут затем приобретать относительную самостоятельность, то указанная связь — в некоторых случаях через ряд промежуточных звеньев — всегда будет установлена.

Квалификация рассматриваемой группы имущественных отношений в качестве «отношений оборота» отражает подвижный, динамический характер, который приобретают отношения собственности. То обстоятельство, что эти отношения основаны на обмене товаров, при котором происходит, как правило, встречное движение материальных благ, дает достаточные основания для применения указанного терминологического обозначения. Следует к тому же иметь в виду еще одно обстоятельство: как мы видели, имущественные отношения собственности также в известной мере опосредствуют переход материальных благ (отношения наследования). Отделяя от них имущественные отношения, складывающиеся на основе товарного обмена, мы и используем термин «оборот», поскольку то движение в имущественной сфере, которое возникает при необходимости замены умершего субъекта другими лицами, скорее является движением субъектов в имущественной сфере, чем движением материальных благ между субъектами.

4. В классовом обществе на формирование и развитие имущественных отношений оказывают влияние факторы политического характера — деятельность государства, осуществляемое им правовое регулирование.

Рассматривая вопрос о роли государства и права в развитии имущественных отношений, необходимо прежде всего отметить, что само

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 299.

по себе правовое регулирование уже существующих имущественных отношений связано с охарактеризованными выше факторами. Так, возникновение и развитие товарного производства сделали необходимым и возможным также и правовое регулирование соответствующих имущественных отношений: необходимым, ибо товарное производство, разъединив производителей товаров и вместе с тем усложнив возникающие между ними отношения, потребовало единой, строгой и детальной их регламентации; возможным, ибо на базе товарного производства появились частная собственность, имущественное неравенство, раскол общества на непримиримые классы, что и явилось объективной основой возникновения государства и, следовательно, права. Эта внутренняя связь имущественных отношений товарного производства и правового регулирования ясно выражена Ф. Энгельсом, когда он, отметив появление на базе товарно-денежных отношений денежной ссуды, процента и ростовщичества, пишет: «Ни одно законодательство позднейшего времени не бросает должника столь безжалостно и без надежды на спасение к ногам кредитора-ростовщика, как законодательства древних Афин и Рима, — а то и другое возникло спонтанейно как обычное право, и следовательно под давлением экономического принуждения»¹. Таким образом, Ф. Энгельс прямо указывает на то, что правовое регулирование денежных отношений возникло на первых этапах классового общества непосредственно из внутреннего экономического развития («спонтанейно»), как обычное право, но возникло именно как право, поскольку соответствующие обычаи получили законное закрепление со стороны появившегося в это же время государства. Здесь, как и во многих других случаях, «задача возникает одновременно со средствами ее разрешения»². Вместе с тем следует иметь в виду, что товарное производство обуславливает правовое регулирование не только через экономически-социальный механизм взаимодействия экономики и права. Ф. Энгельс, указывая на роль цивилизации, добившейся немалых экономических результатов, отмечает: «Но она совершила их, приведя в движение самые низменные побуждения и страсти людей и развив их в ущерб всем их остальным задаткам»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 299. (Разрядка наша. — С.А.)

² Маркс К. Капитал. Т. I. Госполитиздат, 1955. С. 95.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 308.

Правовое регулирование отношений, складывающихся на основе товарного производства, может в какой-то мере содействовать их развитию и уточнению, но само по себе оно не в состоянии создавать новые виды (группы) этих отношений. К. Маркс, говоря об имущественных отношениях в области обмена, писал: «Это фактическое отношение, возникающее лишь благодаря самому обмену и в обмене, получает позднее *правовую форму* в виде договора и т.д.; но эта форма не создает ни своего содержания, обмена, ни *существующих* в ней *отношений лиц друг к другу*, а наоборот»¹.

Но если правовое регулирование имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства, не порождает новые отношения подобного типа, то это вовсе не значит, что факторы политического характера (деятельность государства, осуществляемое им правовое регулирование) вообще не могут служить источником формирования иных, специфических по своей природе, групп имущественных отношений. К этим отношениям необходимо, в частности, причислить отношения налогового характера. Ф. Энгельс, определяя признаки государства и выделяя в связи с этим признак публичной власти, отмечает: «...для содержания этой публичной власти необходимы взносы граждан — *налоги*. Последние были совершенно неизвестны родовому обществу»². Отличительная черта налоговых отношений состоит в том, что они немыслимы вне и независимо от деятельности государства. Ведь налоговые платежи — это не добровольные взносы граждан: они осуществляются в условиях, когда государство, его органы и агенты обладают «правом взыскания налогов»³. Наряду с налоговыми отношениями в классовом обществе складываются и иные имущественные отношения, всецело зависящие от деятельности государства. К числу таких отношений принадлежат имущественные связи, возникающие по поводу государственных имуществ (казны).

Правда, объем и характер рассматриваемых имущественных отношений зависят от типа государства, общих условий производства, степени и форм классовой борьбы и др. Однако, поскольку существует государство, в любой общественно-экономической формации может быть найдена специфическая область имущественных отношений, для формирования и развития которых непосредственное значение имеют факторы политического характера — деятельность государства, осуществляемое им правовое регулирование.

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 5. Госполитиздат, 1930. С. 402.

² Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 303.

³ Там же.

Эти отношения, разумеется, связаны с имущественными отношениями, складывающимися под влиянием товарного производства и действием объективного экономического закона стоимости. Более того, в результате такой связи эти отношения приобретают черты, которые роднят их с имущественными отношениями товарно-денежного хозяйства. Так, например, налоговое обложение осуществляется через систему односторонних денежных обязательств, государственное имущество получает денежную оценку и т.п. Но как бы ни была тесна связь между указанными сферами имущественных отношений, связь, которая предопределена единством многих условий действия товарного производства и деятельности государства, обе названные сферы сохраняют свою самостоятельность, свою специфику, вытекающую из особенностей оснований, с которыми сопряжены их формирование и развитие.

Выделяя среди имущественных отношений отношения имущественно-властного характера, неправильно было бы рассматривать их только как продукт деятельности государства. В конечном счете и здесь решающая роль принадлежит способу производства, базису общества, экономическим отношениям. Но эти факторы влияют на формирование и развитие имущественных отношений не непосредственно, а через государство и право. При правовом регулировании властно-имущественных отношений государство исходит не только из экономических потребностей последних, но и из экономических требований базиса общества в целом. Эти требования и являются исходным формирующим началом отношений властно-имущественного типа. Следует, однако, иметь в виду, что, поскольку речь идет об антагонистических формациях, существование имущественных отношений властно-организационного характера неизменно сопряжено с угнетательной деятельностью аппарата государственной власти.

5. Как можно определить имущественные отношения, если подытожить материал предшествующего изложения (§ 1 и 2)? Учитывая недостаточность такого рода формулировок и не требуя в соответствии с этим от них «больше того, что они в состоянии выразить»¹, можно определение имущественных отношений кратко сформулировать так: *имущественные отношения — это связанные с материальными благами волевые отношения собственности между конкретными лицами, складывающиеся в силу особого характера отношений собственности как стороны производственных отношений, товарного производства и деятельности государства.*

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953. С. 322.

Как известно, буржуазная юридическая наука, не идущая дальше внешней, описательной характеристики и систематизации правовых явлений, при определении имущественных отношений ограничивалась указанием на то, что эти отношения, их объекты допускают денежную оценку. Не говоря уже о том, что в подобных определениях нет ничего, что хоть на шаг могло бы продвинуть нас вперед в понимании социально-экономической сущности имущественных отношений, следует отметить, что они не могут быть признаны достаточными даже с точки зрения внешних, формальных признаков. Указанные определения ориентировали лишь на те имущественные отношения, возникновение и развитие которых связаны с товарным производством, действием экономического закона стоимости. Поэтому только в буржуазном обществе, где товарное производство приобретает всеобщее значение и в соответствии с этим не только все материальные, но и определенные духовные ценности включаются в область товарного обращения, указанные определения могут иметь некоторую практическую роль в решении вопросов, возникающих в рамках буржуазного имущественного оборота. Однако они неприменимы для общественных формаций, где товарное производство не имеет всеобщего значения. Имущественные отношения, возникающие в силу особого характера собственности как стороны производственных отношений и деятельности государства, в той мере, в какой они не связаны с имущественными отношениями товарного производства, не имеют денежной оценки¹.

§ 3. Качественное своеобразие и особенности имущественных отношений в социалистическом обществе

1. Источник формирования и развития имущественных отношений следует искать в действии трех социальных сил: в природе собственности как стороны производственных отношений, в функционировании товарного производства, в деятельности государства. С учетом того, что значение этих факторов неравноценно и что решающую роль среди них играет собственность, анализ особенностей имущественных отношений той или иной формации должен исходить из анализа особенностей каждого из названных факторов.

¹ *Агарков М.М.* Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 69; Ср. *Василев Л.* Гражданское право Народной Республики Болгарии. Общая часть. 3-е изд. Госюриздат, 1958. С. 29–30.

2. Как внешняя (волевая) форма собственности имущественные отношения выражают природу данного типа производственных отношений.

Главная специфическая черта имущественных отношений ряда исторических эпох — от рабовладельческого до буржуазного строя — состоит в том, что все они являлись отношениями, выражающими частное присвоение. Как бы ни отличались имущественные отношения рабовладельческого общества от имущественных отношений общества буржуазного, как бы те и другие ни разнились от имущественных отношений феодализма, они всегда, во всех условиях оставались отношениями по частному присвоению.

В отличие от имущественных отношений антагонистических формаций имущественные отношения в социалистическом обществе опосредствуют общественное присвоение, присвоение, осуществляемое обществом в целом. В этом смысле можно говорить о монолитности, единстве и нераздельности отношений собственности при социализме. Собственность как сторона (основа) социалистических производственных отношений характеризуется только одним: она выражает такое отношение социальных групп к средствам производства, при котором безгранично господствует общественное присвоение. Правда, в связи с сохранением в социалистическом обществе двух дружественных классов — класса рабочих и класса крестьян — имеются определенные различия в способах присвоения. Но эти различия постепенно, по мере перехода нашего общества к коммунизму, устраняются.

Утверждение о монолитности, единстве и нераздельности отношений собственности в социалистическом обществе как отношений по общественному присвоению ни в какой мере не противоречит тому, что социалистическая система производственных отношений обеспечивает возможность всестороннего и индивидуального присвоения. Так как социалистическая собственность обеспечивает общественное присвоение, т.е. присвоение для всего общества, то оно, стало быть, является присвоением и для каждого члена общества.

Таким образом, отношения собственности как стороны (основы) производственных отношений характеризуются в социалистическом обществе тем, что, кроме самого общества как целого, никто не присваивает средства производства; распределение средств производства дано в едином и нераздельном отношении, специфическая черта которого состоит в том, что возможность присвоения

средств производства отдельными членами общества принципиально исключена. С другой стороны, отношения собственности в социалистическом обществе обеспечивают широкие возможности для индивидуального присвоения со стороны всех членов общества предметов потребления.

Особенности собственности как стороны социалистических производственных отношений определяют специфические черты имущественных отношений, складывающихся по поводу владения, пользования и распоряжения средствами производства и предметами потребления.

Главными из этих имущественных отношений являются отношения, выражающие присвоение средств производства. Общество, выступая в качестве единого и единственного субъекта присвоения средств производства, не является непосредственным участником имущественных отношений, которые в какой-то мере и обособляются от отношений собственности как таковых, потому что в процессе своего осуществления (функционирования) требуют реализации в деятельности конкретных субъектов.

В условиях социализма таким конкретным субъектом, официально представляющим интересы всего общества, является социалистическое государство. Именно через государство на первой фазе коммунизма общество в целом осуществляет присвоение основной массы средств производства, являющихся всенародным достоянием.

Имущественные отношения государственной собственности являются главной и неизбежной, но не единственной формой имущественных отношений, опосредствующей присвоение средств производства. Когда строительство социализма производится в стране, где определенную роль играет уклад мелкотоварного хозяйства, возникает необходимость в таких формах имущественных отношений, субъектами которых являются отдельные коллективы трудящихся. Наиболее важную роль среди этих форм играют имущественные отношения колхозной собственности.

На основе общественного присвоения средств производства возникают имущественные отношения личной собственности граждан, выражающие индивидуальное присвоение предметов потребления со стороны членов общества. Именно здесь, в области общественных связей между общественным и индивидуальным присвоением, следует искать источник производного характера имущественных отношений личной собственности на предметы

потребления от имущественных отношений общественной, социалистической собственности на средства производства.

Поэтому представляется неточным, а отсюда и неверным, взгляд, согласно которому формула о производном характере личной собственности подвергается сомнению на том основании, что не каждый объект имущественных отношений личной собственности возникает в результате приложения труда к общественным средствам производства¹. Когда провозглашается тезис о производном характере имущественных отношений личной собственности, речь идет о более глубоких процессах в сфере производства и распределения материальных благ — прежде всего об обусловленности индивидуального присвоения предметов потребления общественным присвоением средств производства. Сущность этой обусловленности состоит в том, что индивидуальное присвоение в с е х членов общества оказывается возможным т о л ь к о п о т о м у, что средства производства являются объектом имущественных отношений государственной собственности и собственности отдельных коллективов трудящихся (кооперативно-колхозной собственности). Иными словами, общественное присвоение средств производства предопределяет с а м у в о з м о ж н о с т ь существования имущественных отношений личной собственности.

Подведем краткие итоги.

В условиях социализма собственность как сторона производственных отношений неизбежно требует внешнего выражения в системе и м у щ е с т в е н н ы х о т н о ш е н и й с о б с т в е н н о с т и. Основными звеньями этой системы являются имущественные отношения собственности на средства производства социалистического государства и отдельных коллективов трудящихся (государственная и кооперативно-колхозная собственность) и отношения собственности на предметы потребления граждан (личная собственность). В конечном счете вся эта система имущественных отношений собственности выражает о б щ е с т в е н н о е присвоение, при котором общество в целом — в лице государства и отдельных коллективов трудящихся присваивает средства производства, что обеспечивает широкие возможности для присвоения всеми членами общества предметов потребления.

3. Если характер собственности как стороны производственных отношений социалистического общества уже сам по себе является фактором, предопределяющим существование определенной системы имущественных отношений, то их р а з в и т и е в значительной

¹ См.: Халфина Р.О. Право личной собственности граждан СССР. Изд-во АН СССР, 1955. С. 9–12.

степени зависит от другого экономического фактора — товарного производства и действия закона стоимости.

Как известно, классики марксизма считали, что при социализме не будет товарного производства, основанного на частной собственности, при котором продукт господствует над производителем, а связи между производителями устанавливаются путем стихийного рыночного механизма¹. Ликвидация частной собственности на средства производства неизбежно устраняет такого рода товарное производство. Но отсюда вовсе не следует, что в соответствии со взглядами К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина на первой фазе коммунизма — при социализме вообще исключается возможность в с я к о г о товарного производства.

К. Маркс писал: «...производство товаров и обращение товаров представляют явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя объем и значение их далеко не одинаковы»². С этой точки зрения возникновение товарного производства при социализме не должно рассматриваться в качестве явления, которого марксисты якобы не предвидели. Реальное развитие товарного производства в СССР — товарного производства о с о б о г о р о д а, исключающего господство производимого продукта над производителями, — п о л н о с т ь ю с о о т в е т с т в у е т марксистско-ленинскому учению об экономической организации социалистического общества, о характере труда при социализме, о роли в социалистическом обществе начал материальной заинтересованности.

Исторически товарно-денежные отношения в СССР получили развитие в период нэпа. В этот период Коммунистическая партия, Советское государство строили свою деятельность «в том направлении, чтобы, исходя из наличия рынка и считаясь с его законами, овладеть им и путем систематических, строго обдуманных и построенных на точном учете процесса рынка экономических мероприятий взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения»³. Однако по мере вытеснения частного из торговли товарное производство в социалистическом обществе все более и более опиралось на свою собственную основу — материально-производственную базу социалистического общества. С уничтожением частной собственности на средства производства и преодолением товарного производства «рыночного типа», где многие экономические процессы в той или иной степени имеют стихийный характер, в нашей стране сформировалось самобытное товарное хозяйство — товарное хозяйство особого рода, исключающее господство производимого продукта над производителем, над обществом. Таким образом, товарное производство социалистическо-

¹ См. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953. С. 267, 293.

² *Маркс К.* Капитал. Т. 1. 1954. С. 121. Примечание.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. Госполитиздат, 1954. С. 588.

го общества не выросло непосредственно из товарного производства, сложившегося в недрах капитализма; его историческим предшественником является ограниченное товарное производство периода перехода от капитализма к социализму.

В связи с особенностями товарного производства на различных этапах развития социалистического общества в экономической литературе был изложен взгляд, согласно которому при исследовании причин товарного производства в СССР и странах народной демократии необходим не логический, а исторический подход¹. Верно, конечно, что на различных этапах развития социалистического общества имеются особенности в конкретном социально-экономическом содержании товарно-денежных отношений. Указанное обстоятельство мы только что отметили. Однако это не устраняет необходимости отыскания некоторых единых экономических источников товарного производства при социализме. В чем состоят эти источники?

На наш взгляд, особенности отношений собственности на первой фазе коммунизма, являющиеся ближайшей предпосылкой товарно-денежных отношений, неразрывно связаны с характером труда при социализме, с необходимостью его материального стимулирования, с осуществлением, следовательно, марксистско-ленинского принципа материальной заинтересованности.

К. Маркс показал, что при социализме распределение продуктов производится в соответствии с количеством и качеством труда. В.И. Ленин раскрыл сущность этого положения, подчеркнув значение материальной заинтересованности работников в результатах своего труда. При этом В.И. Ленин, развивая идеи К. Маркса, обосновал необходимость применения начал материальной заинтересованности не только к отдельным работникам, но и к их коллективам в целом².

Использование начал материальной заинтересованности в сочетании с революционным энтузиазмом масс является общей объективной закономерностью, характеризующей развитие социалистического общества. Однако, если проведение принципа материальной заинтересованности в отношении отдельных работников теоретически мыслимо в формах непосредственного обмена (как это и предполагал К. Маркс), то в отношении коллективов трудящихся, предприятий в целом осуществление этого принципа возможно лишь при том непереносимом условии, что самостоятельность коллективов трудящихся найдет свое выражение в определенных отношениях собственности на средства производства — в их имущественной обособленности. Имущественное же обособление отдельных социалистических организаций (колхозов на началах собственности, государственных предприятий на началах оперативного управления частью госу-

¹ Саков М. О методологических основах анализа товарных отношений в социалистическом хозяйстве // Вопросы экономики. 1959. № 8. С. 93–96.

² См.: Ленин В.И. Соч. Т. 25. С. 439, 441; Т. 27. С. 131–132, 212, 228–229.

дарственной собственности и др. — см. ниже) неизбежно влечет за собой возникновение товарно-денежных отношений, так как ближайшей предпосылкой товарного производства является имущественная обособленность производителей.

Итак, подчеркивая зависимость развития товарно-денежных отношений от начал материальной заинтересованности, было бы неправильно прямо и непосредственно выводить одно из другого. Товарное производство есть только там, где материальная заинтересованность неразрывно связана с имущественной обособленностью производителей, позволяющей отчуждать потребительную стоимость и обеспечивать сохранение в руках отчуждателя стоимости товара.

Таким образом, рассматривая вопрос о связи имущественных отношений с товарным производством при социализме, нельзя не прийти к выводу, что одна из линий связи проходит здесь в том же направлении, какое характерно для соотношения товарного производства и имущественных отношений в любой общественно-экономической формации. Имущественная обособленность производителей при социализме является ближайшей экономической предпосылкой товарного производства, но она выражается в совершенно иных формах, чем имущественная обособленность производителей в досоциалистических формациях. В соответствии с особенностями социалистических производственных отношений имущественная обособленность производителей не разъединяет, а о б ъ е д и н я е т производителей.

В этом отношении заслуживают поддержки взгляды большинства советских экономистов, усматривающих одно из главных оснований товарного производства при социализме в имущественной обособленности производителей, выраженной в форме собственности отдельных кооперативно-колхозных (а также, добавим, общественных) организаций, иными словами, в существовании двух форм социалистической собственности¹. Не следует лишь абсолютизировать значение этого источника товарного производства в СССР и трактовать его в догматическом плане. Его нельзя абсолютизировать потому, что указанная предпосылка охватывает лишь один из участков товарного производства, главным образом область экономических связей меж-

¹ См.: *Островитянов К.* Товарное производство и закон стоимости при социализме // *Коммунист.* 1957. № 13. С. 85–100; *Его же.* Доклад «Товарное производство и его особенности в условиях социализма» // *Вопросы экономики.* 1957. № 8. С. 72–75; *Его же.* Выступление // *Вопросы экономики.* 1958. № 4. С. 114–116; № 9. С. 86–87; *Макарова М.* Об экономических связях города и деревни в новых условиях // *Вопросы экономики.* 1958. № 6. С. 98–103 и др.

ду городом и деревней. Его нельзя трактовать в догматическом плане потому, «что сама имущественная обособленность производителей, возникшая на базе собственности отдельных коллективов трудящихся на средства производства, неразрывно связана с осуществлением ленинской идеи материальной заинтересованности в обществе с достаточно обширным (при приступе к строительству социализма) мелко-товарным укладом.

При таком более широком подходе к объяснению условий товарного производства при социализме, когда отношения собственности не противопоставляются характеру труда на первой фазе коммунистического общества, а, напротив, в соответствии с их объективной природой тесно связываются друг с другом, удается установить и другие формы имущественной обособленности в СССР, являющиеся условием товарного производства при социализме. К ним относятся, в частности, имущественная обособленность членов общества на первой фазе коммунизма как субъектов личной собственности на предметы потребления, имущественная обособленность социалистической собственности в целом во внешнеторговом обороте. Однако особо важно указать на такую чрезвычайно специфическую форму имущественной обособленности, которая выражается в особенностях организации (построении) государственной собственности на первой фазе коммунистического общества. Мы имеем в виду товарное производство, охватывающее область отношений непосредственно между государственными предприятиями.

Предприятия, как известно, не являются собственниками выделенных им фондов: они лишь распоряжаются этими фондами в порядке оперативного управления. Перед нами – специфическая, в истории ранее неизвестная форма обладания средствами производства, неразрывно связанная с развитием товарно-денежных отношений между субъектами, не выступающими по отношению друг к другу в качестве собственников.

Товарное производство при социализме не порождает отношений взаимной отчужденности производителей, а, напротив, в полной мере обеспечивает осуществление заложенной в социалистическом строе возможности их объединения в процессе хозяйственной жизни. Это касается не только организации имущественных отношений в сфере государственной социалистической собственности, но и таких форм имущественной обособленности, которые выражаются в существовании собственности кооперативно-колхозного типа. В силу социалистической природы государственной собственности и собст-

венности отдельных коллективов трудящихся между тружениками социалистического общества возникают отношения совершенно иного рода — отношения товарищеского сотрудничества, дружбы и взаимопомощи. Именно поэтому передача колхозам основных средств сельскохозяйственной техники не повлекла за собой усиления их имущественной обособленности, а, напротив, явилась заметным шагом в деле подъема кооперативно-колхозной собственности до уровня собственности общенародной.

Взгляд, согласно которому отношения собственности как ближайшая предпосылка товарного производства при социализме имеют особый характер, получает все большее распространение в экономической литературе¹. К сожалению, однако, специфические черты имущественных отношений собственности при социализме, в том числе отношений государственной собственности, в экономической литературе не нашли еще достаточно четкой характеристики. Так, применительно к государственным предприятиям различные авторы указывают обычно на «владение», «распоряжение» средствами производства, что по точности уступает применяемой в юридической литературе формуле — «оперативное управление».

Однако не приводит ли взгляд, согласно которому предпосылкой товарного производства при социализме является соответствующая организация отношений собственности, к утверждению примата юридических категорий над категориями экономическими? Именно с таких позиций подходит к рассматриваемому вопросу Я.А. Кронрод, который оценивает вывод о связи товарного производства с отношениями владения и распоряжения как отступление от требований марксистской методологии². Едва ли для такого рода опасений имеются достаточные основания. Прежде всего нельзя забывать об экономической роли государства, в особенности государства социалистического. В той мере, в какой деятельность государства, выраженная в правовых актах, отражает требования экономических законов, назревшие потребности экономической жизни общества, эта деятельность приобретает характер мощного фактора экономического развития. Не случайно К. Маркс рассматривал государство в качестве необходимого объекта теории политической экономии³. Но не это глав-

¹ См. выступления П.Г. Заостровцева (Вопросы экономики. 1957. № 8. С. 104–105); Э.Н. Брегель (Вопросы экономики. 1958. № 4. С. 116–117); В.Г. Лопаткина (Там же. С. 117), а также: *Батырев В.* О необходимости и природе товарного производства при социализме // Вопросы экономики. 1958. № 8. С. 111; *Заостровцев П.* Социалистическая собственность и товарное производство при социализме // Вопросы экономики. 1959. № 3. С. 97 и след.

² См. выступление Я.А. Кронрода на совещании в Институте экономики АН СССР в мае 1957 г. (Вопросы экономики. 1957. № 8. С. 90).

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 735.

ное. «Собственность», «владение», «распоряжение» не могут быть охарактеризованы как юридические отношения. «Собственность», «владение», «распоряжение» являются категориями экономическими, правовой характер имеют лишь формы их опосредствования — п р а в о собственности, п р а в о владения, п р а в о распоряжения. Сообразно с этим формы имущественной обособленности, созданные в результате активной, целенаправленной деятельности трудящихся масс, Советского государства, воплощающие требования объективных экономических законов, имеют характер объективных экономических отношений, которые лишь закрепляются и охраняются в праве.

Если отрицать роль отношений собственности как ближайшей предпосылки товарного производства, то, по-видимому, необходимо признать, что товарное производство органически не присуще социалистическому обществу, социалистическим отношениям, так как главной стороной (основой) производственных отношений является именно собственность. С другой стороны, нет ничего удивительного в том, что экономисты, отстаивающие подобные воззрения, при попытке связать товарное производство при социализме с экономическим строем социалистического общества вынуждены вопреки своим исходным посылкам обращаться к отношениям собственности. Так, Я.А. Кронрод, выводя товарное производство при социализме из внутреннего неантагонистического противоречия непосредственно общественного труда, вынужден постоянно противопоставлять совокупный труд и труд, затрачиваемый на производство продуктов на «отдельных предприятиях»¹. Однако, что такое «о т д е л ь н о е п р е д п р и я т и е»? Можно ли считать таковым лишь особые подразделения в системе общественного разделения труда? Очевидно, нет, потому что автор пишет о них как об «экономически самостоятельных» звеньях этой системы², «когда труд, затрачиваемый на том или ином предприятии, оплачивается за счет ресурсов, воспроизводимых именно этим предприятием»³. Выходит, речь идет об имущественной обособленности предприятий. Но коль скоро существование товарного производства органически связано с наличием «самостоятельных» предприятий, с этого пункта и следует начинать экономический анализ, тем более что Я.А. Кронрод признает значение товарного производства при социализме для осуществления принципа материальной заинтересованности⁴.

Аналогичный упрек можно бросить и Г. Дихтяру. Возражая П.Г. Заостровцеву, связывающему существование товарно-денежных отношений между государственными предприятиями с обособлением «владения»

¹ Кронрод Я. О товарном производстве в условиях социализма // Вопросы экономики. 1958. № 10. С. 105–106.

² Там же. С. 110.

³ См. там же. С. 105.

⁴ См. там же. С. 112.

от собственности¹, Г. Дихтяр квалифицирует такого рода аргументацию как «использование правовых норм для обоснования характера экономических отношений...»². Выше мы попытались показать, что это совершенно неправильно. Но не в этом суть дела. Может быть, Г. Дихтяру удалось раскрыть механизм товарно-денежных отношений между государственными предприятиями без учета отношений «владения»? Автор пишет: «Экономические отношения государственных предприятий — это отношения не между разными владельцами, а между относительно обособившимися звеньями общенародной собственности, которым государство предоставило хозяйственную самостоятельность»³. Но ведь «относительное обособление звена общенародной собственности» с предоставлением этому звену «хозяйственной самостоятельности» — это и есть то, что П.Г. Заостровцев называет «ограниченным владением»? Следовательно, и Г. Дихтяру не удалось уйти от отношений собственности («владения») между государственными предприятиями.

Хотя имущественная обособленность производителей при социализме имеет совершенно иные формы, чем обособленность производителей в досоциалистических формациях, по своей внешней характеристике схема связи товарного производства и имущественных отношений в рассматриваемой плоскости и там и здесь совпадает: имущественная обособленность производителей является ближайшей предпосылкой возникновения и функционирования товарного производства⁴. Но можно ли идти дальше и утверждать, что и другие линии зависимости, существующие между товарным производством и имущественными отношениями, в досоциалистических формациях и при социализме совпадают. Стоит только так поставить вопрос, как обнаруживается, что в других отношениях имеются не только принципиальные различия в природе взаимодействующих явлений, но и изменения в самих линиях зависимости между ними.

В самом деле, посмотрим, как при социализме обстоит дело с той решающей ролью товарного производства в дальнейшем имуществ-

¹ *Заостровцев П.* Социалистическая собственность и товарное производство при социализме // Вопросы экономики. 1959. № 3. С. 100–101.

² *Дихтяр Г.* О необходимости товарного производства при социализме // Вопросы экономики. 1959. № 3. С. 109.

³ Там же. С. 109. (Разрядка наша. — С.А.)

⁴ Ср. по рассматриваемому вопросу соображения К. Островитянова. *Островитянов К.* Товарное производство и закон стоимости при социализме // Коммунист. 1957. № 13. С. 85; выступление на научной конференции в МГУ (Вопросы экономики. 1958. № 4. С. 115).

венном обособлении производителей, с усилением их индивидуальной власти над средствами производства, экономическими явлениями, имеющими место в антагонистических формациях. Содействует ли здесь товарное производство развитию взаимной отчужденности производителей?

Конечно, неверно было бы преуменьшать роль товарного производства при социализме как экономического фактора в развитии имущественных отношений социалистической и личной собственности. Складывающееся при наличии определенных форм имущественной обособленности производителей товарное производство социалистического общества объективно требует того, чтобы конкретные формы имущественной обособленности давали надлежащий простор для его функционирования.

Следовательно, и при социализме товарное производство воздействует на состояние имущественных отношений, хотя направление этого воздействия совсем иное, чем направление, которым характеризуется влияние товарного производства на имущественные отношения в досоциалистических формациях. В чем это выражается?

Во-первых, если товарное производство при социализме и может в некоторых отношениях способствовать развитию имущественной обособленности, то это развитие не доходит до стадии превращения имущественной обособленности в частную собственность на средства производства. Лишь в период перехода от капитализма к социализму, в период нэпа, товарное производство и обращение в какой-то мере способствовали образованию частной собственности на средства производства. Но и в тот период ограниченность сферы товарного производства служила барьером, который стоял на пути ежедневного и ежечасного превращения собственности мелких товаропроизводителей в капиталистическую частную собственность. Что же касается товарного производства периода социализма, то оно по своей природе таково, что не допускает и не может допускать дальнейшего развития имущественной обособленности производителей – развития, имеющего своим следствием формирование частной собственности на средства производства. Если же мы обратимся, например, к одной из решающих сфер товарного обращения – к товарному обороту между городом и деревней, основанному на существовании двух форм социалистической собственности, то развитие товарного обращения приводит не к усилению обособленности этих форм социалистической собственности, а, напротив, к их постепенному сближению, постепенному

подъему колхозной собственности до уровня собственности общенародной. Товарное обращение, складывающееся между имущественно обособленными государственными предприятиями, не может само по себе развить эту обособленность до уровня частной собственности на средства производства. Наконец, та сфера товарного обращения, в которой участвуют граждане, в какой-то степени является почвой для развития имущественных отношений личной собственности, но это развитие касается лишь собственности на предметы потребления и не затрагивает сферу имущественных отношений, связанную с обладанием средствами производства.

Во-вторых, товарное производство при социализме само по себе не приводит к формированию смежных к собственности отношений — отношений наследования и залога. Отношения наследования при социализме сохранили свое значение лишь в области личной собственности на предметы потребления; к тому же эти отношения в социалистическом обществе не могут быть непосредственно выведены из потребностей товарного хозяйства. При социализме не являются необходимыми в силу прямых требований товарного производства и залоговые отношения, хотя они могут устанавливаться государством для осуществления тех или иных конкретных задач.

В-третьих, формирование и развитие имущественных отношений социалистического общества происходят не стихийно, а требуют активной, целеустремленной деятельности со стороны государства в соответствии с объективными запросами (требованиями) развивающегося социалистического хозяйства.

Сказанное в полной мере относится и к имущественным отношениям оборота. Коль скоро в социалистическом обществе существует товарное производство, имущественные отношения неизбежно принимают динамическую форму, возникают имущественные отношения оборота. Но товарное производство в социалистическом обществе не только допускает регулирование, но и объективно требует его. В этом находит свое конкретное выражение в сфере товарного производства действие закона планомерного, пропорционального развития. А отсюда — недопустимость и объективная невозможность стихийности в движении товарной продукции, необходимость регулирования ее движения.

Итак, товарное производство при социализме обуславливает формирование и развитие имущественных отношений. Однако в соответствии с характером действия экономических законов социализма связи между товарным производством и имущественными отношениями со-

циалистической и личной собственности не являются связями стихийного, автоматического взаимодействия: напротив, они воплощают процесс управления товарным производством, планомерного использования закона стоимости и стоимостных форм в интересах социализма.

4. Наряду с имущественными отношениями, формирование и развитие которых прямо зависят от товарного производства, в социалистическом обществе складывается весьма обширная по объему группа имущественных отношений в л а с т н о - о р г а н и з а ц и о н н о г о х а р а к т е р а .

В отличие от антагонистических формаций, где возникновение такого рода имущественных отношений сопряжено в основном с угнетательной деятельностью аппарата государственной власти, в социалистическом обществе имущественные отношения властно-организационного характера обусловлены действием э к о н о м и ч е с к и х законов социализма, и прежде всего закона планомерного, пропорционального развития и закона распределения по труду. Правда, как уже отмечалось ранее, имущественные отношения властно-организационного характера и в любой иной общественно-экономической формации не могут быть поняты в отрыве от базиса общества, сущности соответствующего типа производственных отношений. Но при социализме указанные имущественные отношения не просто связаны с базисом общества — они выражают д е й с т в и е объективных экономических законов социализма.

Такое значение властно-организационных имущественных отношений в социалистическом обществе вызвано тем, что при социализме государство как орудие диктатуры рабочего класса сосредоточивает в своих руках основные орудия и средства производства. Выступая в качестве мощного средства преобразования общества, его экономики, социалистическое государство, опираясь на действие объективных экономических законов социализма, вызывает к жизни многочисленные и разнообразные по своему содержанию властно-организационные отношения.

Среди властно-организационных имущественных отношений в социалистическом обществе могут быть выделены следующие три основные группы.

В о - п е р ы х, имущественные отношения, связанные с образованием и дальнейшим развитием вещественного состава государственной социалистической собственности за счет иных имуществ. К этой группе могут быть причислены отношения по национализации, конфискации и реквизиции имуществ, налоговые отношения, отноше-

ния по обязательным поставкам и др. По мере развития социалистического общества значение этой группы имущественных отношений в социалистическом обществе неуклонно падает и в период социализма в сущности сходит на нет.

В о - в т о р ы х, имущественные отношения, связанные с управлением государственной социалистической собственностью, ее развитием за счет ее собственных источников. В эту группу входят имущественные отношения, опосредствующие процесс управления имуществом, составляющим единый фонд государственной собственности, в том числе отношения, возникающие при вычете из совокупного общественного продукта того, что требуется для возмещения потребленных средств производства, добавочной части для расширения производства и резервного или страхового фонда для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий и т.д.¹ По мере развития социалистического общества эта группа имущественных отношений приобретает все большее и большее значение.

В - т р е т ь и х, имущественные отношения, связанные с общими издержками управления, совместным удовлетворением потребностей, потребностей нетрудоспособных и др.² При социализме доля совокупного продукта, предназначенная для совместного удовлетворения потребностей, «будет все более возрастать по мере развития нового общества»³. Это подтверждается фактами нашей советской действительности. «...Уже в условиях социализма, — говорит Н.С. Хрушев, — значительная и все более возрастающая часть материальных и культурных благ распределяется между членами общества независимо от количества и качества их труда, то есть бесплатно»⁴.

Следует подчеркнуть, что в социалистическом обществе изменяется не только объем и экономическое содержание, но и социальная природа властно-организационных имущественных отношений. Лишь отношения первого вида могут быть названы «властно-организационными» в строгом и точном смысле слова. Однако при социализме их удельный вес ничтожен, он сходит на нет. Что же касается имущественных отношений второго и третьего видов, которые по мере развития социалистического общества все более и более развиваются, то

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Там же.

⁴ *Хрушев Н.С.* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Госполитиздат, 1959. С. 113.

мы их можем охарактеризовать в качестве «властно-организационных» лишь в условном значении этого термина. Указанные отношения являются властно-организационными лишь в том смысле, что складываются, существуют, изменяются и отпадают т о л ь к о в результате властно-организационной деятельности государства. Но сами по себе они могут и не нести властной функции. Особенно это относится к тем из них, которые связаны с совместным удовлетворением потребностей граждан в области здравоохранения, физического воспитания и спорта и др. Не случайно именно в этих областях на современном этапе развития нашего общества открылась возможность передачи функций, выполняемых государственным аппаратом, непосредственно общественным организациям трудящихся¹.

5. Качественное своеобразие и особенности имущественных отношений в социалистическом обществе обусловлены не только тем, что при социализме произошли коренные изменения в природе, содержании и функциях тех социальных сил, которые определяют формирование и развитие имущественных отношений и в иных общественно-экономических формациях: характере отношений собственности, функционировании товарного производства, деятельности государства. В социалистическом обществе возникли новые, в истории ранее неизвестные факторы, в результате действия которых при социализме сложились н о в ы е в и д ы и м у щ е с т в е н н ы х о т н о ш е н и й.

К числу таких факторов, в частности, относятся:

- а) действие объективного экономического закона распределения по труду в области взаимоотношений работника с обществом в целом;
- б) действие объективного экономического закона распределения по труду в области взаимоотношений работника с отдельными, организационно обособленными коллективами трудящихся (колхозами).

Действие объективного экономического закона распределения по труду приводит к образованию особых групп имущественных отношений — отношений, связанных с получением производителями «индивидуального трудового пая». Какова природа этих отношений?

Объективный экономический закон распределения по труду по своему действию имеет черты сходства с законом стоимости. К. Маркс пишет: «Здесь, очевидно, господствует т о т ж е п р и н ц и п , к о т о р ы й р е г у л и р у е т о б м е н т о в а р о в , п о с к о л ь к у п о с л е д н и й

¹ Хрущев Н.С. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы. Госполитиздат, 1959. С. 120–124.

есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому, что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой»¹.

Однако внешнее сходство действия экономического закона распределения по труду с действием закона стоимости не может служить основанием для отождествления указанных экономических законов, хотя в условиях социализма между ними существует тесная связь (отсюда, в частности, денежная форма оплаты труда, имеющая при социализме доминирующее значение). Поэтому и имущественные отношения, складывающиеся в результате действия рассматриваемого экономического закона, не могут быть отождествлены с имущественными отношениями, складывающимися на основе товарного производства.

При этом необходимо иметь в виду следующее важное обстоятельство. Действие закона распределения по труду в области взаимоотношений работника с обществом в целом и в области взаимоотношений работника с отдельными, организационно обособленными коллективами трудящихся (колхозами) имеет столь существенные особенности, что в социалистическом обществе складываются два самостоятельных вида имущественных отношений.

Каковы особенности имущественных отношений, опосредствующих получение работником «индивидуального трудового пая», в случаях, когда рабочая сила соединяется со средствами производства, принадлежащими обществу в целом? Эти особенности состоят в том, что имущественные отношения по оплате труда работника возникают здесь не только непосредственно в силу действия объективного экономического закона распределения по труду. В рассматриваемой области еще в большей степени, чем в сфере товарного производства при социализме, определяющую роль играет активная, целенаправленная деятельность собственника средств производства — социалистического государства, имеющая для распределительных отношений не по-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 14. (Разрядка наша. — С.А.)

с р е д с т в е н н о е значение. Поэтому имущественные отношения, складывающиеся в результате действия закона распределения по труду при соединении рабочей силы со средствами производства, принадлежащими государству, характеризуются рядом черт, сходных с чертами организационно-властных имущественных отношений.

Все это в значительной степени связано с тем, что в рассматриваемой области общественных отношений средства производства являются объектами государственной собственности (или собственности тех коллективов трудящихся, которые вместе с государственными органами организационно входят в единую, централизованно регулируемую систему промышленности и торговли, например, органами промысловой кооперации). Поэтому содержание имущественных отношений, связанных с оплатой труда, здесь, как общее правило, не зависит от того, в какой конкретный коллектив рабочих и служащих входит данный работник: на основе требований закона оплаты по труду социалистическое государство с учетом особенностей производства в отдельных отраслях и районах страны устанавливает принципиально единые условия применения труда для всех граждан (хотя при отраслевой системе управления промышленностью и строительством в рассматриваемой области возник неоправданный разноряд, который в настоящее время устраняется).

В советской юридической литературе нередко все виды кооперативных организаций рассматриваются в одной плоскости как разновидности однопорядкового характера¹. Между тем ряд кооперативных организаций входит в единую, централизованную регулируемую систему промышленности и торговли. Как справедливо пишет Я.Ф. Миколенко, деятельность таких организаций, как промысловая, «охватывается государственным планированием в интересах всего общества в значительно большей степени, чем хозяйственная деятельность колхозов, а следовательно, использование принадлежащего отдельным кооперативным организациям имущества, в особенности производимой ими продукции, в значительно большей степени предопределяется общегосударственным планом, чем это имеет место в отношении имущества, в особенности продукции, принадлежащей колхозу»². Применительно к промысловой кооперации автор уточняет: «...экономическое содержание права собственности промысловой артели таково, что оно мало, несущественно отличается от права государственной собственности»³.

¹ См., например: *Иоффе О.С.* Советское гражданское право: Курс лекций. Общая часть. Право собственности. Общее учение об обязательствах. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 141 и след.

² *Миколенко Я.* Учебно-методическое пособие по курсу «Советское гражданское право», 1955. С. 78.

³ Там же. С. 81.

И действительно, между такими видами кооперации, как промысловая и потребительская, с одной стороны, и сельскохозяйственная — с другой, имеются немаловажные различия. Характерно, что в директивных документах при анализе сближения колхозно-кооперативной собственности с общенародной имеются в виду лишь колхозы (колхозная собственность)¹, а хозяйственная деятельность государственных организаций и организаций промысловой кооперации нередко рассматривается в едином плане, сообразно с чем в Постановлении июльского Пленума ЦК КПСС (1955 г.) предусматривалась передача «в государственную промышленность отраслей, переставших носить характер кооперативного производства»².

Деятельность организаций промысловой и потребительской кооперации в основном подчинена такому же организационному и правовому режиму, что и деятельность государственных организаций. Конечно, нельзя не видеть ряда особенностей, свойственных организациям промысловой и потребительской кооперации, — особенностей, вытекающих из кооперативной природы собственности этих организаций (отсюда, например, Закон о государственных пенсиях действует в отношении работников промысловой и потребительской кооперации не непосредственно, а через соответствующие акты центральных органов соответствующих кооперативных систем³ и др.). Однако по главным своим чертам организационный и правовой режим и там и здесь одинаков.

Сказанное относится и к оплате труда работников промысловой и потребительской кооперации. Правда, и в указанной области могут быть найдены некоторые особенности в организационных формах проведения закона распределения по труду (например, порядок распределения части чистой прибыли артели между ее членами⁴, повышение на 10% подоходного налога⁵ и др.). Но это лишь отдельные особенности, тогда как в основном, в главном формы оплаты труда в государственных организациях и организациях промысловой и потребительской кооперации едины. К тому же «дополнительное вознаграждение членов промысловых артелей за их труд по существу представляет собой такую форму использования принципа материальной заинтересованности в развитии производства и повышении его доходности, которая мало чем отличается, например, от

¹ См.: Хрущев Н.С. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы. Госполитиздат, 1959. С. 117–119.

² Постановление июльского Пленума ЦК КПСС 1955 года. Госполитиздат, 1955. С. 20.

³ См.: Положение о пенсиях по кооперативному страхованию, утвержденное постановлением правления Роспромстраховата от 17 сентября 1956 г. № 8. КОИЗ. 1956.

⁴ Статья 30 Постановления СНК СССР от 27 сентября 1936 г. (СЗ СССР. 1936. № 7. Ст. 63).

⁵ Статья 13 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. № 17).

прогрессивной оплаты труда на некоторых видах работ в государственной промышленности»¹.

Особый характер имеют имущественные отношения, складывающиеся при получении «индивидуального трудового пая» работниками тех коллективов трудящихся, которые в отличие от органов промышленной кооперации организационно не входят в единую, централизованно регулируемую систему промышленности и торговли. Речь идет об имущественных отношениях по оплате труда в колхозах.

По мере развития социалистического общества все шире развиваются межколхозные производственные связи, происходит соединение колхозных средств производства с государственными, неуклонно возрастают неделимые фонды, составляющие экономическую основу постепенного сближения колхозно-кооперативной собственности с общенародной собственностью. Однако до полного слияния двух форм социалистической собственности в единую коммунистическую собственность отдельные колхозы как собственники средств производства неизбежно будут сохранять значительную экономическую и организационную самостоятельность.

Поэтому имущественные отношения, связанные с оплатой труда работников (колхозников), прямо зависят от того, что работник является членом определенного («данного») производственного коллектива — колхоза; формы и уровень оплаты произведенного труда неотделимы в характеризуемой области общественных отношений от уровня работы соответствующего производственного коллектива. Правда, и здесь социалистическое государство стремится провести принцип справедливого распределения (политика заготовительных цен, регулирование неделимых фондов и т.д.)². Но проведение принципа справедливого распределения не меняет того главного факта, что возникающие при оплате труда члена производственного коллектива имущественные отношения прямо и непосредственно зависят от отношений членства, с которыми они неразрывно связаны.

По некоторым чертам рассматриваемый вид имущественных отношений сходен с тем видом имущественных отношений, который складывается при соединении рабочей силы с общенародными средствами

¹ Миколенко Я. Учебно-методическое пособие по курсу «Советское гражданское право», 1955. С. 80.

² См.: Хрущев Н. С. О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций (доклад и заключительное слово на первой сессии Верховного Совета СССР пятого созыва 27 и 31 марта 1958 г.). Госполитиздат, 1958. С. 40–44.

производства. Но между ними имеются и весьма существенные различия. В частности, необходимо указать на то, что деятельность социалистического государства в формировании и развитии указанных отношений не имеет столь непосредственного значения, как это можно наблюдать в отношениях по применению труда, возникающих на базе государственной собственности. Но, с другой стороны, здесь к действию экономического закона распределения по труду подключается действие совершенно специфического фактора, также влияющего на формирование и развитие имущественных отношений, — деятельность сельскохозяйственной артели, осуществляемое ею локальное нормирование внутриколхозных отношений.

6. Наряду с имущественными отношениями, складывающимися в связи с действием экономического закона распределения по труду, в социалистическом обществе существует еще одна группа имущественных отношений — имущественные отношения в советской семье.

В антагонистических формациях имущественные отношения, возникающие в пределах семьи, являются лишь разновидностью господствующих в данном обществе имущественных отношений. Так, в буржуазном обществе имущественные отношения в семье включаются в сферу действия товарного производства. Поэтому они по своим главным чертам не отличаются от иных имущественных отношений, регулируемых гражданским правом.

Ф. Энгельс, анализируя сущность семьи в буржуазном обществе, указывает на тесную связь между «собственностью», «наследованием», «моногамией» и «гражданским правом»¹. Среди этих категорий Ф. Энгельс выделяет *с о б с т в е н н о с т ь* «для сохранения и наследования которой как раз и созданы моногамия и господство мужа»². Гражданское же право является *с р е д с т в о м* проведения господства мужа в отношении жены: «...гражданское право, которое охраняет это господство, существует для имущих и для их взаимоотношений с пролетариями...»³.

Социалистическая революция положила начало новой эпохе в развитии семейных отношений. В советской семье центр тяжести перенесен, как это и предвидел Ф. Энгельс, на личные неимущественные отношения⁴. Это не только придало советской семье новый об-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 217–218.

² Там же. С. 217.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 217, 224, 226–228.

лик, но и повлекло за собой к о р е н н о е п р е о б р а з о в а н и е имущественных отношений в семье. Причем дело здесь не в том, что семейные имущественные отношения могут быть охарактеризованы как «подчиненные» (такого рода формула, очевидно, является и недостаточно точной: вряд ли правильно в период социализма отодвигать имущественные отношения в семье на второй план)¹. Главное состоит в том, что изменилось содержание (характер) этих отношений. Они складываются и развиваются не непосредственно в результате функционирования товарного производства. При социализме условия общественной жизни изменились таким образом, что силой, непосредственно формирующей «семейные» имущественные отношения, стали отношения неимущественного характера.

Конечно, было бы неправильно рассматривать имущественные отношения в семье в отрыве от иных («общих») факторов, с которыми связано формирование и развитие имущественных отношений в социалистическом обществе. К тому же здесь речь идет не об экономическом источнике материальных благ. Для того чтобы семья приобрела материальные блага, должен быть приведен в действие экономический механизм распределения. Но как отношение с е м е й н о е данная общественная связь складывается под влиянием личных неимущественных отношений, которые играют роль п р е о б р а з у ю щ е й силы для существующих имущественных отношений. Последние лишь постольку составляют о с о б ы й вид имущественных отношений, поскольку они охватываются этим преобразующим влиянием (совместная собственность супругов, алиментные отношения).

¹ Вильнянский С.И. К вопросу о системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 1. С. 107.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, СКЛАДЫВАЮЩИЕСЯ НА ОСНОВЕ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА, КАК ПРЕДМЕТ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

§ 1. Виды имущественных отношений в социалистическом обществе и основные формы их правового регулирования. § 2. Советское гражданское право как отрасль права, регулирующая имущественные отношения товарного производства (методологические предпосылки, литература). § 3. Место административного и гражданского права в регулировании отношений товарного производства при социализме.

§ 1. Виды имущественных отношений в социалистическом обществе и основные формы их правового регулирования

1. Если имущественные отношения в социалистическом обществе требуют правового регулирования, то необходимо выяснить, является ли это правовое регулирование однородным или, напротив, оно имеет определенную дифференциацию: распадается на ряд форм, ряд юридических типов.

Так как имущественные отношения представляют собой особую разновидность общественных отношений, то, казалось бы, должна быть и соответствующая особая, нераздельная форма правового регулирования — единая отрасль права. Некоторые авторы так и полагают, считая, что одна из отраслей советского права — советское гражданское право — охватывает своим регулированием все имущественные отношения социалистического общества.

Однако черты имущественных отношений, рассматриваемых абстрактно («вообще»), лишают такого рода построения какой-либо почвы. В жизни всегда существуют определенные виды имущественных отношений. Каждый из этих видов характеризуется столь существенными особенностями, что рассматриваемые абстрактно («вообще») они могут быть определены лишь через небольшое число внешних, крайне общих признаков. Как мы видели, здесь приходится ограничиваться лишь указанием на то, что имущественные отношения — это волевые отношения собственности между от-

дельными лицами, объектом которых являются материальные блага. Но обуславливают ли эти черты имущественных отношений «вообще» такие особенности их правового опосредствования, которые бы в своей совокупности образовали особую форму правового регулирования? Очевидно, нет, ибо сами по себе материальные признаки (а специфическими для имущественных отношений в отличие от иных отношений, регулируемых правом, являются именно материальные признаки) еще не говорят о юридическом своеобразии той или иной совокупности норм. В противном случае пришлось бы признать, что нормы советского права распадаются только на две отрасли в соответствии с характером объекта тех или иных отношений (материальные блага и нематериальные блага). Однако такое решение рассматриваемой проблемы находится в явном противоречии с объективно существующей дифференциацией норм советского права и представляет собой искусственное, оторванное от жизни абстрактное построение.

Именно такая трактовка советского гражданского права и предложена И.Г. Мревлишвили, связывающим эту форму правового регулирования с имущественными отношениями «вообще». По мнению этого автора, существенный недостаток общепринятого в советской литературе воззрения на гражданское право состоит в том, что «в понятие предмета гражданского права не включается такая масса несомненно имущественных отношений, как налоговые отношения, отношения по бюджетному финансированию, колхозные, земельные отношения»¹. Однако, что же общего между всеми названными отношениями? По-видимому, только то, что их объектом являются определенные материальные блага. Совершенно очевидно, что этого явно недостаточно для того, чтобы рассматривать товарно-стоимостные, налоговые, колхозные, земельные отношения в качестве единой группы, охватываемой единой формой правового регулирования.

С иных позиций решает рассматриваемый вопрос М.М. Агарков. Он также стремится провести мысль, что все имущественные отношения регулируются только гражданским правом². Однако М.М. Агарков не может пренебречь юридическими особенностями гражданско-правовой формы регулирования (хотя и он включает в эту область значительное число норм трудового права). Поэтому он вынужден искусственно сузить понятие имущественных отношений. Указывая на то, что организационная деятельность Советского государства направлена и на имущественные отношения, автор пишет: «...разграничение гражданского и административ-

¹ *Мревлишвили И.Г.* Предмет и система советского социалистического гражданского права // Советское государство и право. 1954. № 7. С. 109.

² *Агарков М.М.* Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8—9. С. 54 и след.

ного права должно идти по линии отграничения имущественных отношений от организационных отношений»¹. Но, спрашивается, почему же организационные отношения не могут быть одновременно имущественными? Ведь мы выделяем имущественные отношения по признаку объекта; организационные же отношения отграничиваются от всех остальных по признаку своего содержания. Следовательно, те организационные отношения, объектом которых являются материальные блага, должны быть квалифицированы в качестве имущественных. Как справедливо пишет С.Ф. Кечекьян, «нужно брать понятие имущественных отношений в совершенно искусственном и условном их значении, чтобы можно было противопоставить их организационным»².

2. Если имущественным отношениям «вообще» не соответствует единая и нераздельная форма правового регулирования (отрасль права), то, следовательно, необходимо искать решение интересующего нас вопроса в другом направлении: необходимо обратиться к объективно существующей дифференциации имущественных отношений, предопределяющей дифференциацию форм их правового регулирования.

Как было сказано выше, формирование и развитие имущественных отношений определяют три основных фактора: характер отношений собственности как стороны производственных отношений, товарное производство, деятельность государства. В соответствии с этим и имущественные отношения распадаются на три основных вида: 1) имущественные отношения, непосредственно выражающие отношения собственности в силу самой природы производственных отношений; 2) имущественные отношения, складывающиеся на основе товарного производства; 3) властно-имущественные отношения, являющиеся результатом организующей деятельности государства.

С этим делением имущественных отношений связана дифференциация правовых институтов по таким отраслям, как государственное, гражданское и административное право.

И м у щ е с т в е н н ы е о т н о ш е н и я , н е п о с р е д с т в е н н о в ы р а ж а ю щ и е о т н о ш е н и я с о б с т в е н н о с т и , р е г у л и р у ю т с я п р а в о в ы м и н о р м а м и , в х о д я щ и м и в с о с т а в г о с у д а р с т в е н н о г о п р а в а . Р а с с м а т р и в а е м а я г р у п п а и м у щ е с т в е н н ы х о т н о ш е н и й я в л я е т с я с и с т е м о й о б щ е с т в е н н ы х с в я з е й , з а к р е п л я ю щ и х р а с п р е д е л е н и е м а т е р и а л ь н ы х б л а г (с р е д с т в п р о и з в о д с т в а

¹ Агарков М.М. Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 61.

² См.: Кечекьян С.Ф. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 47.

и предметов потребления) в обществе. Поэтому правовое регулирование этих отношений сводится в основном к тому, чтобы закрепить определенное состояние отношений собственности, формы собственности, их содержание и соотношение. Отсюда нормативно-закрепительный способ регулирования общественных отношений. Имущественные отношения рассматриваемой группы по самому своему содержанию таковы, что они лежат в основе всех иных имущественных отношений. Поэтому и их правовое регулирование должно быть охарактеризовано в качестве основополагающего для всех иных отраслей, нормирующих имущественные отношения.

По мнению С.С. Кравчука, государственное право регулирует «общественные отношения, которые составляют основы власти трудящихся в Советском государстве...»¹. Но правильно ли, что все указанные отношения «возникают в процессе осуществления этой власти?»² Приведенное положение нельзя признать бесспорным. Во всяком случае, оно требует известных оговорок, когда речь идет об имущественных отношениях рассматриваемой группы: возникновение этих отношений прежде всего должно найти объяснение в характере отношений собственности как стороны (основы) производственных отношений. К тому же следует иметь в виду, что связанные с осуществлением суверенной государственной власти указанные отношения не выражают властно-организующей деятельности органов государства непосредственно. Поэтому здесь и характерен нормативно установленный (закрепительный) метод регулирования.

С другой стороны, необходимо учитывать следующее. Тезис, согласно которому государственное право регулирует социалистические общественные отношения «лишь в той мере, в какой они составляют основы социалистического базиса и социалистической надстройки»³, не следует понимать в том смысле, что государственное право вообще не регулирует никаких конкретных общественных отношений⁴. Не говоря уж об отношениях, возникающих в процессе формирования и осуществления государственной власти, которые непосредственно нормируются государственным правом, необходимо иметь в виду, что регулирование «основ» социалистических общественных отношений — это тоже регулирование

¹ Кравчук С.С. Государственно-правовые отношения в советском социалистическом государстве // Советское государство и право. 1956. № 10. С. 101.

² Там же. См. критический разбор этого положения: Коток В.Ф. О предмете советского государственного права // Вопросы советского государственного права. Изд-во АН СССР, 1959. С. 20–28, 89–93.

³ Шаргородский М.Д., Иоффе О.С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 107.

⁴ Ср.: Коток В.Ф. О предмете советского государственного права // Вопросы советского государственного права. Изд-во АН СССР, 1959. С. 61.

к о н к р е т н ы х отношений. Дело лишь в том, что отношения, регулируемые государственным правом, наиболее тесно связаны с «основами» базиса и надстройки и поэтому занимают ведущее место во всей системе общественных отношений. Так, имущественные отношения, непосредственно выражающие отношения собственности, наиболее близки к базису общества. Поэтому их правовое регулирование может быть охарактеризовано как основополагающее по отношению к правовому регулированию всех иных видов имущественных отношений.

И м у щ е с т в е н н ы е о т н о ш е н и я , с к л а д ы в а ю щ и е с я на основе товарного производства, регулируются правовыми нормами, входящими в состав г р а ж д а н с к о г о п р а в а . Так как ближайшим экономическим условием товарного производства является имущественная обособленность его участников, последние, независимо от того, в чем выражается эта имущественная обособленность, каков состав и объем обособленных имущественных благ, занимают по отношению друг к другу равное, одинаковое положение — все они субъекты о б о с о б л е н н о г о имущества. Несомненно, что этот признак имеет чисто негативное значение, он не может способствовать характеристике обособленных имущественных сфер (хотя формы и степень имущественной обособленности являются показателем социальной природы отношений собственности). Но для отграничения правовой формы регулирования имущественных отношений, складывающихся в процессе товарного производства (гражданского права), от других форм регулирования имущественных отношений указанного признака вполне достаточно. Имущественные отношения рассматриваемого вида возникают, формируются, существуют и отпадают лишь постольку, поскольку сохраняется имущественная обособленность субъектов этих отношений. А отсюда следует, что они не только не могут быть причислены к властным отношениям, но, более того, по самой своей природе принципиально и с к л ю ч а ю т возможность проведения через них непосредственной властной деятельности государства: приобретение одним из субъектов властных функций по отношению к другому требует установления иной системы общественных отношений.

Если исходить только из рассматриваемой особенности «товарных» имущественных отношений, то и в этом случае с достаточной отчетливостью обнаруживается специфика их правового регулирования. Так как по своей природе эти отношения таковы, что они исключают состояние властной подчиненности одного субъекта другому, значит, они не могут быть с самого начала охарактеризованы по своей форме

в качестве п р а в о о т н о ш е н и й и тем более как таких правоотношений, в которых воля сторон имеет н е о д и н а к о в о е, ю р и д и ч е с к и н е р а в н о е з н а ч е н и е.

Здесь, следовательно, перед нами своеобразный тип правового регулирования, связанный с таким состоянием общего положения сторон, которое может быть обозначено как состояние имущественной обособленности субъектов. На указанную черту имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства, неоднократно обращал внимание К. Маркс, подчеркивая, что отношения в области товарного производства сначала всегда складываются как фактические отношения¹.

Отмеченная выше специфика имущественных отношений товарного производства отнюдь не устраняется от того, что в условиях социализма в связи с подчинением закона стоимости всей системе экономических законов социализма товарное производство, как мы увидим, приобретает характер управляемых процессов. Управление отношениями товарного производства и обращения состоит вовсе не в том, что стороны ставятся в неодинаковое, юридически неравное положение, а в регулировании степени и формы имущественной обособленности, направления товарных процессов и др. Все это, конечно, накладывает свою печать на правовое нормирование имущественных отношений, складывающихся в сфере товарного производства. Однако до тех пор, пока мы имеем дело с т о - в а р н ы м и отношениями, специфика исходного положения участников этих отношений как субъектов обособленного имущества не может быть устранена без устранения самого товарного производства, без ликвидации имущественной обособленности субъектов.

В л а с т н о - о р г а н и з а ц и о н н ы е и м у щ е с т в е н н ы е о т н о ш е н и я, являющиеся результатом организующей деятельности Советского государства, регулируются правовыми нормами, входящими в состав а д м и н и с т р а т и в н о г о п р а в а. Эти отношения возникают, существуют, претерпевают те или иные изменения, отпадают лишь постольку, поскольку государство осуществляет свою властно-организующую деятельность. Правда, необходимо иметь в виду, что деятельность государства детерминирована требованиями объективных экономических законов, базиса общества. К тому же речь у нас идет только об и м у щ е с т в е н н ы х отношениях, т.е. о тех общественных отношениях, которые являются лишь определенными

¹ См.: Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 91; Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 5. Госполитиздат, 1930. С. 402.

внешними формами собственности как стороны производственных отношений. Однако именно властная деятельность государства является не посредственной причиной, обуславливающей их обособленное существование. И это придает имущественным отношениям, складывающимся в результате властно-организующей деятельности государства, такие черты, которые резко отличают их и от имущественных отношений, являющихся непосредственным выражением отношений собственности, и от имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства. Конечно, властный характер в различных имущественных отношениях данного вида сказывается с неодинаковой силой. Отношения налоговые, отношения по управлению государственным имуществом, пенсионные отношения — все они в какой-то мере разнятся друг от друга по степени властности. Но все они в конечном счете охватываются общим определением властных отношений — отношений, в которых одна сторона является властным субъектом независимо от того, выполняет ли она по данному конкретному отношению активные или пассивные функции.

К категориям имущественных отношений властного типа принадлежит, на наш взгляд, основная масса финансовых и земельных отношений. Близость последних к отношениям, регулируемым советским административным правом, отмечена в литературе рядом авторов¹.

Разумеется, нельзя не учитывать своеобразия финансовых и земельных отношений. Так, среди финансовых отношений (многие из которых, например, отношения по бюджетному финансированию, ничем не отличаются от иных общественных связей, охватываемых административно-правовым регулированием) выделяются в особую группу налоговые отношения. Денежные налоги связаны с имущественными отношениями, складывающимися на основе товарного производства. «При известном уровне развития и достаточно широких размерах товарного производства, — пишет К. Маркс, — функция денег как средства платежа выходит за пределы сферы товарного обращения. Деньги становятся всеобщим товаром договорных обязательств. Рента, подати и т.п. превращаются из поставок натурой в денежные платежи»². Отсюда применение при правовом регулировании налоговых отношений некоторых форм, типичных для гражданского права (например, денежные санкции в виде непрерывно текущей пени, возможность отсрочки и рассрочки платежа и др.). С имущественными отно-

¹ *Ямтольская Ц.А.* О месте административного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 93; *Халфина Р.О.* К вопросу о предмете и системе советского финансового права // Вопросы советского административного и финансового права. Изд-во АН СССР, 1952. С. 194—195.

² *Маркс К.* Капитал. Госполитиздат, 1955. С. 146—147.

шениями, складывающимися на основе товарного производства, связаны также и многие земельные отношения, что предопределяет возможность применения к ним некоторых гражданско-правовых форм (например, договора как основания возникновения соответствующих правоотношений).

Однако все это не должно заслонять от нас того, что является решающим в земельных и финансовых отношениях, — их содержания, имеющего властно-организационный характер.

Специфические черты имущественных отношений властно-организационного типа обуславливают особенности их правового регулирования. Имущественные отношения, складывающиеся в процессе властной деятельности органов государства, таковы по своей природе, что они возникают, существуют и отпадают в форме **п р а в о - в ы х о т н о ш е н и й**, **п р и ч е м п р а в о о т н о ш е н и й**, в которых стороны занимают **н е о д и н а к о в о е**, **ю р и д и ч е с к и н е р а в н о е** **п о л о ж е н и е**, что характерно для **а д м и н и с т р а т и в н о - п р а в о в о г о** регулирования.

Взгляд, согласно которому общественные отношения, регулируемые некоторыми отраслями, могут выступать только в качестве правоотношений, находит все большее и большее признание в литературе¹. С наибольшей силой, как нам представляется, эта мысль выражена М.С. Строговичем.

«Не следует думать, — пишет автор, — что дело обстоит так, что общественные отношения всегда существуют сами по себе, независимо от норм права, а нормы права лишь оформляют уже существующие общественные отношения»². И тут же: «...Некоторые общественные отношения идеологического характера могут выступать не иначе, как в форме правовых отношений. Таковы, например, административно-правовые отношения, процессуальные и ряд других»³. Следует лишь добавить, что такие черты могут быть присущи не только отношениям идеологического характера (в точном смысле этого термина), но также и волевым отношениям собственности — имущественным отношениям, имеющим экономическое содержание.

Приведенные выше соображения, разумеется, не исчерпывают проблему размежевания видов имущественных отношений. Не мо-

¹ *Александров Н.Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. Госюриздат, 1955. С. 98; *Братусь С.Н.* Рецензия на указ, работу // Советское государство и право. 1956. № 10. С. 131—132; *Строгович М.С.* Уголовно-процессуальное право в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 103; *Явич Я.С.* Право — регулятор общественных отношений // Правоведение. 1958. № 2. С. 22; *Павлов И.В.* О системе советского социалистического права (тезисы доклада). М., 1958. С. 6; *Его же.* О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 11. С. 8—9.

² *Строгович М.С.* Указ. соч. С. 103.

³ Там же

жет быть признана решенной и проблема разграничения форм правового регулирования рассматриваемых отношений (государственного, административного, гражданского права). И ту и другую проблему мы, поскольку это будет необходимо в рамках настоящей темы, затронем еще в последующем. Однако изложенное, как нам представляется, с достаточной определенностью подтверждает положение о необходимости при рассмотрении форм правового регулирования имущественных отношений исходить из видов последних. Виды имущественных отношений, обособляемые в соответствии с факторами, обуславливающими их формирование и развитие, предопределяют объективно существующую дифференциацию соответствующих форм правового регулирования (отраслей права).

3. В социалистическом обществе, наряду с общими, существуют и особые факторы, определяющие формирование и развитие имущественных отношений. К числу этих особых факторов относятся: действие объективного экономического закона распределения по труду в области взаимоотношений работника с обществом в целом; действие объективного экономического закона распределения по труду в области взаимоотношений работника с отдельными, организационно обособленными коллективами трудящихся — колхозами; определяющее влияние в советской семье личных неимущественных отношений. В соответствии с указанными специфическими факторами в социалистическом обществе складываются своеобразные виды имущественных отношений, правовое регулирование которых осуществляется особыми отраслями советского права — трудовым правом, колхозным правом¹, семейным правом.

Было бы неправильно, разъединяя трудовые, внутриколхозные и семейные отношения по отдельным разновидностям («элементам»), усматривать в них «обычные» имущественные и «обычные» властно-организационные или личные неимущественные отношения («элементы»). Следует заметить, что именно такой подход к характеристике семейного права, при котором не учитывалось, что в пределах советской семьи складываются не имущественные отношения «вообще», а о с о б ы й вид имущественных отношений, привел в свое время автора этих строк к ошибочному мнению об от-

¹ Автор настоящей работы присоединяется к тем советским ученым, по мнению которых предметом колхозного права являются лишь внутриколхозные отношения (см.: Павлов И.В. Понятие и сущность колхозных правоотношений // Вопросы колхозного и земельного права. Изд-во АН СССР, 1951. С. 92; Генкин Д.М. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 107; Советское государство и право. 1955. № 6. С. 111–112 и др.).

существии у рассматриваемой группы правовых норм качеств самостоятельной отрасли права¹.

Аналогичную ошибку, на наш взгляд, допускает Ю.К. Толстой. Характеризуя общественные отношения, регулируемые трудовым и колхозным правом, он видит в них имущественные и управленческо-организационные элементы². Между тем в указанных областях складываются специфические виды имущественных отношений, которые лишь по некоторым (общим) признакам могут быть в процессе абстракции объединены с другими видами имущественных отношений. Равным образом не могут быть отождествлены властно-организационные отношения, возникающие в результате организующей деятельности Советского государства, и «управленческо-организационные элементы» в трудовом и колхозном праве.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что в сферах действия экономического закона распределения по труду и в советской семье правовым регулированием охватываются не имущественные отношения «вообще», а именно с в о е о б р а з н ы е в и д ы имущественных отношений.

Предложенная выше характеристика имущественных отношений в области распределения по труду и в советской семье является исходной посылкой при решении вопроса о том, являются ли трудовое, колхозное и семейное право самостоятельными отраслями советского права. Исходной — но не больше. Вряд ли можно согласиться с теми авторами, которые при решении указанного вопроса ограничиваются лишь ссылкой на своеобразие трудовых, колхозных и семейных отношений³. По упомянутому признаку можно было бы сконструировать значительное число «самостоятельных отраслей» — «отраслей», не имеющих единого юридического содержания («промышленное право», «торговое право», «военное право» и т.д.). Между тем не всякому виду общественных отношений соответствует самостоятельная правовая отрасль: о самостоятельной отрасли права можно говорить лишь там и постольку, где и поскольку определенный вид общественных отношений по самой своей объективной природе в данной социально-экономической обстановке т р е б у -

¹ См.: *Алексеев С.С.* О теоретических основах классификации отраслей советского права // Советское государство и право. 1957. № 7. С. 105.

² *Толстой Ю.К.* О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 46–47.

³ См., например: *Свердлов Г.* О предмете и системе социалистического семейного права // Советское государство и право. 1941. № 5. С. 58 и сл.; *Пашерстник А.Е.* О сфере действия и принципах советского трудового права // Советское государство и право. 1957. № 10. С. 93–97 и др.

ет специфической формы правового регулирования.

Таким образом, характеристика трудового, колхозного, семейного права под углом зрения особых форм правового регулирования — неизбежный логический вывод из признания соответствующих совокупностей норм самостоятельными отраслями права. С другой стороны, если данная совокупность юридических норм не воплощается в особой форме правового регулирования, то отнесение ее к числу самостоятельных отраслей права не имеет под собой достаточных оснований, так как отрасль права и форма правового регулирования — соотносимые правовые категории.

Вывод, согласно которому отраслевая квалификация той или иной совокупности юридических норм зависит от особенностей соответствующих форм правового регулирования, находит среди авторов, изучавших сущность трудового, колхозного и семейного права, все большее и большее признание. Так, например, Н.Г. Александров пишет: «...хотя при регулировании трудовых отношений и применяются некоторые методы, аналогичные гражданско-правовому и отчасти административно-правовому, участие профсоюзов придает особую специфику в трудовом праве и этим методам»¹. Вместе с тем автор связывает самостоятельность трудового права с «подчиненностью норм трудового права некоторым общим правовым положениям, не известным другим отраслям права». Об особенностях советского колхозного права как специфической формы правового регулирования пишет А.А. Рускол². Можно встретить в литературе отдельные высказывания и о юридических особенностях советского семейного права³.

Однако в литературе трудового, колхозного и семейного права по рассматриваемому вопросу еще нет необходимых теоретических обобщений. Это в определенной мере связано с тем, что в нашей правовой науке еще до сих пор недостаточно четко определены общие принципы классификации отраслей права. Решающее значение имеет здесь проблема метода правового регулирования. Необходимо, в частности, заметить, что метод регулирования выражает юридические особенности данной отрасли права

¹ Александров Н.Г. О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 5. С. 119 и 120.

² См.: Рускол А.А. Колхозное право в системе советского права // Советское государство и право. 1958. № 3. С. 123.

³ См.: Бошко В.И. К вопросу о системе советского семейного права и месте последнего в общей системе социалистического права // Юридический сборник Киевского Государственного университета. 1948. № 2. С. 5; Барышников В.Г. Понятие и основные принципы советского семейного права // Ученые записки Казанского Государственного университета: Сборник юрид. ф-та. Т. 114. Кн. 10. 1954. С. 65; см. также: Пергамент А.И. Алиментные обязательства. Госюриздат, 1951. С. 7–20.

в целом. Поэтому нельзя согласиться с Н.Г. Александровым, когда он пишет, что «специфика общественных отношений, обуславливающая образование той или иной отрасли права, проявляется, помимо особых методов или форм правового регулирования, также и в таком содержании этого регулирования, которое не может быть охвачено общими положениями других отраслей права, а требует формулировки самостоятельных общих положений, направляющих применение данной совокупности юридических норм»¹. С нашей точки зрения, «общие положения», о которых говорит Н.Г. Александров, т а к ж е относятся к соответствующему методу регулирования.

Характеризуя трудовое, колхозное и семейное право, необходимо иметь в виду особенности, определяющие формирование и развитие соответствующих отношений. Так, закон распределения по труду имеет черты сходства с законом стоимости (отсюда — стоимостная форма учета труда, денежная оплата и др.). С другой стороны, формирование указанных имущественных отношений осуществляется не само по себе, а под непосредственным влиянием целенаправленной деятельности Советского государства (а отсюда — сходство этих отношений с отношениями властного характера). Рассматриваемые факторы, следовательно, сочетают в себе черты, которые свойственны двум общим основаниям развития имущественных отношений — товарному производству и деятельности государства.

Поэтому правовое регулирование имущественных отношений в области трудового и колхозного права имеет сходство с гражданско-правовым и административно-правовым регулированием. Более того, при становлении трудового и колхозного права были использованы элементы, по своей природе присущие праву гражданскому и праву административному². Однако ни наличие черт сходства, ни наличие генеалогической связи между указанными группами отраслей права не должны вести к их отождествлению: формы правового регулирования, свойственные трудовому, колхозному и семейному праву, представляют собой специфические правовые образования, занимающие равное место в системе советского права со всеми другими формами

¹ Александров Н.Г. О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 5. С. 117.

² Ср. по рассматриваемому вопросу высказывания Д.М. Генкина, Г.Н. Полянской, С.Н. Братуся при обсуждении вопроса о предмете колхозного права в ВИЮНе (Советское государство и право. 1955. № 6. С. 111—112); а также: Генкин Д.М. К вопросу о системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 10. С. 84, 85, 87.

правового регулирования. При этом решающим для имущественных отношений трудового права является положение работника как члена единого в пределах всей страны коллектива трудящихся, для имущественных отношений колхозного права — положение лица как члена данного, организационно обособленного коллектива трудящихся, для имущественных отношений семейного права — положение участника имущественных отношений как члена советской семьи.

4. Советское гражданское право — это правовая форма опосредствования одного из видов имущественных отношений при социализме — имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства. Таков вывод, полученный в результате характеристики имущественных отношений, их видов, форм их правового регулирования.

В последующем мы будем рассматривать лишь те имущественные отношения, которые входят в сферу действия советского гражданского права. В связи с этим необходимо сразу же отметить особенность указанных отношений как предмета правового регулирования. В отличие от других отраслей права здесь имущественные отношения являются г л а в н ы м и р е ш а ю щ и м в предмете правового регулирования, образуют его о с н о в н о е содержание. Между тем в сферах действия других отраслей права имущественные отношения охватываются правовым нормированием лишь постольку, поскольку о н и п о и н ы м п р и з н а к а м входят в состав того или иного предмета регулирования. Так, административное право регулирует имущественные отношения только потому, что они имеют властный характер и как отношения властного типа включаются в общую систему общественных связей подобного рода. Содержание, принципы, формы административно-правового регулирования обусловлены существованием не имущественных отношений, а отношений властного типа независимо от того, являются ли они имущественными или нет.

Иную картину мы видим применительно к гражданско-правовой форме регулирования. Правда, в сферу действия гражданского права также включается лишь особый вид имущественных отношений. Однако содержание, принципы, характер гражданско-правового регулирования обусловлены именно этим видом общественных отношений. Если, следовательно, возможно представить себе такую ситуацию, когда бы, например, административное и семейное право не регулировало имущественные отношения и в то же время сохраняло бы свою специфику, то подобное предположение для гражданского права совершенно немыслимо.

Приведенные соображения объясняют то постоянство, с каким разные авторы, выясняя сущность гражданского права, делают главное ударение на том, что эта отрасль регулирует имущественные отношения. Имущественные отношения не исчерпывают предмет гражданского регулирования; с другой стороны, не все они регулируются гражданским правом, но имущественные отношения, складывающиеся на основе товарного производства, представляют собой г л а в н о е с о д е р ж а н и е предмета этой отрасли советского права.

Все последующее изложение в пределах настоящей работы будет посвящено характеристике особенностей гражданско-правовой формы регулирования, рассматриваемых с точки зрения предмета этой отрасли советского права. Для завершения вопросов данной главы нам осталось лишь подкрепить сделанный выше вывод высказываниями классиков марксизма-ленинизма и кратким разбором состояния теоретической разработки этой проблемы в советской юридической литературе (§ 2), а также вкратце рассмотреть место гражданского и административного права в регулировании отношений товарного производства (§ 3).

§ 2. Советское гражданское право как отрасль права, регулирующая имущественные отношения товарного производства (методологические предпосылки, литература)

1. В трудах классиков марксизма-ленинизма содержатся не только общие методологические положения, открывающие путь к выяснению сущности советского гражданского права, его органической связи с имущественными отношениями, складывающимися на основе товарного производства, но и конкретные указания о природе гражданского права. Правда, многие из них относятся к гражданскому праву антагонистических формаций. Однако в той мере, в какой такие указания объясняют обусловленность определенных правовых категорий соответствующей группой экономических отношений, они имеют методологическое значение и для объяснения сущности гражданского права в социалистическом обществе.

Давая развернутую разработку категорий политической экономики, в том числе категорий товарного хозяйства, К. Маркс в «Капитале» по ряду проблем связывает отношения товарного производства с отношениями юридического характера. К. Маркс не называет их гражданско-правовыми. Однако все правовые понятия, которые

К. Маркс выводит из отношений товарного производства («договор»¹, «сделка»², «отношения кредитора и должника»³, «зачет»⁴, «торговые обязательства»⁵, «долговые обязательства»⁶ и др.), характеризуют специфику именно гражданско-правовой формы регулирования имущественных отношений.

На связь институтов гражданского права с товарным производством указывает и Ф. Энгельс. Роль гражданского права в буржуазном обществе, писал Ф. Энгельс, «сводится к тому, что оно санкционирует существующие, при данных обстоятельствах нормальные, экономические отношения между отдельными лицами»⁷. Ф. Энгельс, рассматривая гражданское право, имеет в виду буржуазное общество. «Можно... — пишет Ф. Энгельс, — сохранять значительную часть форм старого феодального права, вкладывая в них буржуазное содержание, и даже прямо подсовывать буржуазный смысл под феодальное наименование...»⁸ «Нормальными» же отношениями в буржуазном обществе являются отношения товарного хозяйства. Связывая частное римское право и буржуазное гражданское право, Ф. Энгельс пишет, что в основу последнего в ряде стран было положено «первое всемирное право о б щ е с т в а т о в а р о п р о и з в о д и т е л е й, т.е. римское право с его непревзойденной по точности разработкой всех существующих п р а в о в ы х о т н о ш е н и й п р о с т ы х т о в а р о в л а д е л ь ц е в (покупатель и продавец, кредитор и должник, договор, обязательство и т.д.)»⁹.

В другом месте Ф. Энгельс приводит аналогичную мысль: «Римское право настолько является классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений»¹⁰.

Выводу Ф. Энгельса о том, что гражданское право является юридическим выражением экономических условий общественной жизни, — выводу, который содержится и в цитированной выше работе «Людвиг Фейер-

¹ См.: Маркс К. Капитал. Т. I. Госполитиздат, 1955. С. 91–92.

² См. там же. С. 112.

³ См. там же. С. 142–143.

⁴ См. там же. С. 144.

⁵ См. там же. С. 146–147.

⁶ Маркс К. Капитал. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 75.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 376.

⁸ Там же.

⁹ Там же. (Разрядка наша. — С.А.)

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XVI. Ч. I. С. 446.

бах и конец классической немецкой философии», и в работе «Роль насилия в истории»¹, нельзя придавать всеобщее значение². Лишь в буржуазном обществе, где товарное производство имеет всеобъемлющий характер, можно говорить о том, что гражданское право переводит на язык права все экономические условия жизни общества. Поэтому нельзя согласиться с И.Г. Мревлишвили, когда он, исходя из указанного вывода Ф. Энгельса, полагает, что в любом обществе, в том числе обществе социалистическом, где сфера действия товарного производства ограничена, гражданское право является отраслью, которая только и может выражать и закреплять экономические отношения³.

С товарным производством связывал гражданское право и В.И. Ленин. «...В основании гражданской равноправности свободного договора... — писал В.И. Ленин, — лежат отношения товаропроизводителей»⁴.

Весьма показательным с этой точки зрения, что В.И. Ленин, давая в 1922 г. указания по вопросу разработки ГК РСФСР, связывал гражданское законодательство не с какой-либо одной категорией субъектов (например, гражданами), а с категориями экономического — в условиях нэпа — товарного характера, с «современным экономическим оборотом»⁵, интересами «торговой и хозяйственной работы»⁶.

2. Каковы основные линии разработки сущности гражданского права в советской юридической литературе?

Изучение истории рассматриваемой теоретической проблемы дает основание утверждать, что подавляющее большинство авторов, исследовавших сущность советского гражданского права, — признают они это или не признают, — в конечном счете исходят из таких особенностей гражданско-правового регулирования, которые отражают его связь с товарным производством. Именно здесь, в этом пункте, сходятся разноречивые на первый взгляд позиции различных авторов; именно здесь, в этом пункте, дает себя знать единство взглядов подавляющего большинства советских ученых, обусловленное единством их исходных методологических установок.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XVI. Ч. 1. С. 503–504.

² См.: Венедиктов А., Райхер В. Рецензия на учебник гражданского права. Изд. 1938 г. // Советское государство и право. 1939. № 4. С. 67–68.

³ См.: Мревлишвили И.Г. О системе советского социалистического права (изложение статьи) // Советское государство и право. 1958. № 1. С. 105.

⁴ Ленин В.И. Соч. 5-е изд. Т. 1. С. 148.

⁵ Ленин В.И. Соч. Т. 33. С. 356.

⁶ Большевик. 1937. № 2. С. 62.

Уже в двадцатых и начале тридцатых годов ряд авторов, выясняя природу гражданского права, характеризуют его как право товарного производства. Пожалуй, с наибольшей силой и последовательностью эта мысль была проведена С.И. Аскназием. «Всегда и всюду, — писал С.И. Аскназий, — где складывалось товарное хозяйство, с исторической необходимостью возникали свойственные этому типу хозяйства правовые институты: собственность, договор и наследование...»¹ В другой работе автор отмечает: «Даже действие гражданского права в социалистическом окружении, т.е., наряду с институтами планового хозяйства, неспособно устранить ряд основных черт, известных уже ранее гражданско-правовых институтов в той о г р а н и ч е н н о й сфере, где гражданское право продолжает действовать; особенно это относится к обязательственному праву — этой необходимой юридической форме развитого товарного оборота»². Нельзя, конечно, не видеть, что отстаиваемой С.И. Аскназием концепции советского гражданского права свойствен весьма существенный недостаток: автор в то время не сумел, в частности, с достаточной определенностью и силой подчеркнуть социалистическую природу этой отрасли советского права. Однако само н а п р а в л е н и е теоретических поисков автора — стремление связать гражданское право с товарным производством — заслуживает поддержки.

Недостатки, присущие «товарной» концепции гражданского права 1920-х годов, послужили, как нам представляется, одним из поводов, вызвавших к жизни теорию «хозяйственного права» («двухсекторного» права). Если обратиться, например, к взглядам Г. Амфитеатрова, высказанным в начале тридцатых годов, то мы увидим, что автор продолжал связывать гражданское право с товарным производством. «Гражданское право, — писал он, — является на данном этапе социалистического строительства необходимой пока формой опосредствования экономических отношений, поскольку существует т о в а р н о е производство...» Вместе с тем автор отмечал: «В системе советского гражданского права оформляются и должны быть выделены в самостоятельную отрасль правоотношений регулируемые в порядке подчиненности и плановости. Эти отношения составляют уже так называемое хозяйственно-административное право, о т л и ч н о е от гражданского права»³. Еще более опре-

¹ Аскназий С.И. Очерки хозяйственного права. Изд-во «Прибой», 1926. С. 7.

² Аскназий С.И. Автономные и регулируемые правоотношения в хозяйственном праве СССР // Аскназий С.И., Мартынов Б.С. Гражданское право и регулируемое хозяйство. Изд-во Научного общества марксистов, 1927. С. 19.

³ Амфитеатров Г. Основные начала гражданского законодательства и борьба за марксистскую методологию // Советское государство и революция права. 1930. № 4. С. 74.

деленную позицию занимал по рассматриваемому вопросу С.Н. Братусь, который утверждение теории хозяйственно-административного права ставил в прямую зависимость от критики «товарной» концепции гражданского права. «...Аскназий, — писал автор, — не понимает того, что товарный оборот делается плановым тогда, когда он превращается в социалистический продукт о б м е н и тем самым отменяется как т о - в а р н ы й о б о р о т »¹.

Утверждение теории хозяйственного права в качестве господствующих воззрений на природу правового регулирования хозяйственных отношений в СССР отрицательно сказалось на разработке сущности советского гражданского права. Критика иных теоретических взглядов со стороны сторонников теории хозяйственного права была столь «жесткой», что даже после того, как в советской науке эта теория была отвергнута (процесс, который, к сожалению, обошелся без известных крайностей), еще некоторое время «товарная» концепция советского гражданского права не находила должного признания. Даже С.И. Аскназий в своей интересной статье о гражданском и административном праве в социалистической системе воспроизводства, опубликованной в 1951 г., не идет на то, чтобы квалифицировать товарное производство в качестве решающей экономической предпосылки гражданско-правовой формы регулирования. Правда, при решении конкретных вопросов, относящихся к природе гражданского права, автор неуклонно устремляет свои поиски к товарно-денежным отношениям, действию закона стоимости². Однако автор не делает из этого обобщающих выводов, ограничиваясь в общем правильным заявлением о том, что установить объективную специфику гражданского права «в единой формуле едва ли возможно»³.

Как известно, с 1938–1939 гг. советские ученые приступили к систематической разработке проблем классификации отраслей социалистического права. Эта разработка была прервана в период Великой Отечественной войны. Когда же в послевоенный период в советской науке вопросы системы права снова привлекли внимание ученых, то, как и прежде, с достаточной отчетливостью дало о себе знать проявившееся в ряде работ стремление связать предмет гражданско-правовой формы регулирования имущественных отношений с товарным производством при социализме.

¹ Братусь С. К проблеме хозяйственно-административного права // Советское государство и революция права. 1930. № 11–12. С. 165.

² См.: Аскназий С.И. Гражданское и административное право в социалистической системе воспроизводства // Ученые записки ЛГУ. Сер. юрид. наук. Вып. 3. 1951. С. 93–95.

³ Там же. С. 69, 99.

В 1946 г. была опубликована статья С.Ф. Кечекьяна «О системе советского социалистического права», в которой, по свидетельству Ц.А. Ямпольской¹, автор изложил основные результаты коллективного исследования, проведенного на одноименную тему Институтом права АН СССР. С.Ф. Кечекьян писал в упомянутой статье: «...у нас экономика не представляет собой чего-то однородного во всех своих сторонах и частях по характеру взаимоотношений политической надстройки с экономическим базисом»². Несколько дальше автор отмечал: «Гражданское право охватывает лишь часть имущественных отношений — отношения социалистического обмена, сферу эквивалентного обращения товаров»³.

Мысль о неразрывной связи гражданского права с товарным производством при социализме прошла красной нитью через всю дискуссию о предмете советского гражданского права, проведенную журналом «Советское государство и право» в 1954—1955 гг. Правда, не все участники дискуссии выразили эту мысль с необходимой определенностью. Но ряд авторов высказались по рассматриваемому вопросу четко и последовательно. «Экономическим фактором, с которым связано возникновение, формирование и развитие советского гражданского права, — писал А.В. Дозорцев, — было и остается товарное производство и обусловленный им товарный оборот социалистического общества»⁴. Аналогичное положение было сформулировано и Д.М. Генкиным. «... предметом советского гражданского права, — писал он, — являются имущественные отношения в сфере товарно-денежного обращения, строящиеся на началах эквивалентности, и отношения собственности в их связи с товарно-денежным обращением как предпосылка и результат последнего»⁵.

В период первой дискуссии о системе советского права (1938—1940 гг.) Д.М. Генкин, на первый взгляд, отстаивал несколько иные теоретические позиции. Он считал, что сфера действия гражданского права может

¹ Ямпольская Ц.А. О месте административного права в советском социалистическом праве // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 93.

² Кечекьян С.Ф. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 46.

³ Там же. С. 47.

⁴ Дозорцев А.В. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1954. № 7. С. 106.

⁵ Генкин Д.М. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 106; см. также: *Его же*. Основы советского социалистического гражданского права, 1956. С. 4—5; *Его же*. К вопросу о системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 83, 90.

быть очерчена через категорию «оборот»¹. Однако, что такое «оборот», если рассматривать эту категорию под углом зрения положений марксистско-ленинской политической экономии? Стоит только поставить так вопрос, чтобы стало ясным, что и в период первой дискуссии о системе права Д.М. Генкин вплотную подошел к той концепции гражданского права, которую он защищает в настоящее время. Почему? Да потому, что в условиях действия закона стоимости «оборот» не может выступать иначе, как в виде т о в а р н о г о обращения. Необходимо, однако, отметить, что в то время позиция автора была весьма противоречивой. Он полагал, в частности, что в советский оборот включаются «отношения между соподчиненными организациями (отношения по «вертикали»)»² и что «с этой точки зрения, например, движение имущественных ценностей в области обязательных поставок должно относиться к гражданскому праву, точно так же как к нему же относится движение ценностей в области налогов...»³.

В последующем на связь гражданского права с товарным производством указывали еще целый ряд авторов⁴. Один из них, Б.Г. Шлифер, справедливо отмечал, что «советское гражданское право регулирует общественные имущественные отношения, покоящиеся на товарном социалистическом производстве. Советское гражданское право по сравнению с другими отраслями права ближайшим образом отражает социалистические товарные отношения, закономерности социалистического товарного производства и действующий у нас в ограниченных пределах закон стоимости»⁵.

Небезынтересно отметить, что некоторые сторонники теории хозяйственного права, вновь получившей в последнее время известное распространение, видят в товарном производстве материальную предпосылку не только гражданского права, но и «права хозяйственного»⁶. Правда, при такой трактовке хозяйственного права сторонники рассматриваемой теории неизбежно должны признать единство обособляемой ими совокупности норм с гражданским правом. Но как бы то

¹ См.: *Генкин Д.М.* Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1939. № 4. С. 36–37.

² Там же. С. 37.

³ См.: *Г.С.* К дискуссии о системе права (обзор) // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 198.

⁴ См., в частности, соображения по рассматриваемому вопросу А.А. Рускола (Советское государство и право. 1955. № 6. С. 109); Б.Г. Шлифера (Советское государство и право. 1958. № 1. С. 108), Л.С. Галесника (Правоведение. 1959. № 1. С. 167) и др.

⁵ Советское государство и право. 1958. № 1. С. 108.

⁶ См.: *Павлов И.В.* О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 11. С. 12.

ни было, такого рода утверждения в литературе имеются, и они характеризуют, насколько глубоко в советской правовой науке пустил свои корни взгляд о связи гражданского права с товарным производством.

3. Многие советские ученые при характеристике экономической природы советского гражданского права ограничиваются ссылкой на действие при социализме экономического закона стоимости¹. Это направление в разработке сущности гражданского права также должно быть отнесено к воззрениям, связывающим рассматриваемую отрасль советского права с товарным производством при социализме.

Закон стоимости является законом товарного производства. Действие закона стоимости невозможно, немислимо вне и независимо от товарного производства, товарного обращения, эквивалентного обмена товаров. Едва ли поэтому можно признать случайным, что характеристика зависимости советского гражданского права от действия экономического закона стоимости в ряде случаев сопровождается в литературе ссылками и на товарное производство. Так, в редакционной статье журнала «Советское государство и право», посвященной подведению итогов дискуссии о предмете гражданского права, последний рассматривается через понятия отношений собственности и экономического оборота. Что же такое «экономический оборот»? Авторы редакционной статьи пишут: «Социалистический экономический оборот — это отношения нетоварного обращения средств производства... и обращения предметов потребления, являющихся товарами в экономическом смысле, осуществляющегося на основе действующего в ограниченных пределах экономического закона стоимости и экономического закона распределения по труду. В соответствии с этими законами обмен производится на эквивалентных началах в товарно-денежной форме»².

Здесь, правда, необходимо учитывать следующее важное обстоятельство. Поскольку в социалистической экономике действует в огра-

¹ См.: *Венедиктов А.В.* О системе Гражданского кодекса СССР // Советское государство и право. 1954. № 2. С. 30; О предмете советского гражданского права (К итогам дискуссии) // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 56–57; *Кнапп В.* По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 119; *Иоффе О.С.* Советское гражданское право: Курс лекций. Общая часть. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 8; *Толстой Ю.К.* О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 43; *Флейшиц Е.А.* Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции, 21–23 октября 1957 г. Вып. II. 1958. С. 37–39 и др.

² О предмете советского гражданского права (К итогам дискуссии) // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 56.

нических пределах закон стоимости, Советское государство может использовать его и в области нетоварных имущественных отношений, в частности, при регулировании трудовых отношений, отношений по аккумуляции и распределению централизованных средств и др. Но именно поэтому авторы, усматривавшие экономическую предпосылку гражданского права в действии экономического закона стоимости, концентрировали свое внимание на выяснении специфических форм выражения закона стоимости в отношениях, регулируемых гражданским правом.

Такая постановка проблемы связи гражданского права с действием закона стоимости сформулирована впервые А.В. Венедиктовым¹. Она получила поддержку у ряда авторов. Поддержал ее, в частности, и О.С. Иоффе, поскольку в одной из своих работ он попытался охарактеризовать особенности гражданско-правовой формы регулирования через начала «эквивалентности»². Однако позднее автор, очевидно, отказался от такого подхода к анализу сущности гражданского права. Он пишет без каких-либо оговорок, что гражданское право регулирует имущественные отношения в «стоимостной форме»³. Между тем стоимостную форму имеют в себе имущественные отношения, в которых отражается действие закона стоимости, в том числе и отношения налогового характера.

Правда, необходимо отметить, что в ряде случаев О.С. Иоффе выдвигает положения, которые свидетельствуют о близости его взглядов к воззрениям авторов, рассматривающих товарное производство как экономическую предпосылку гражданского права. Так, он пишет «об обладании имуществом как об обладании стоимостью»⁴, стоимость же как свойство вещи проявляется лишь в товарном хозяйстве. Автор утверждает, что «стоимостные отношения иначе как на началах равенства строиться не могут»⁵, что опять-таки характерно для товарного хозяйства. Автор вполне справедливо устанавливает обусловленность гражданской правосубъектности товарно-денежными отношениями⁶. Однако ценность этих положений значительно снижается из-за неопределенности общего вывода, сделанного О.С. Иоффе, — вывода о предмете гражданского права как «имущественных отношениях в стоимостной форме».

¹ См.: *Венедиктов А.В.* О системе Гражданского кодекса СССР // Советское государство и право. 1954. № 2. С. 32.

² См.: *Иоффе О.С.* Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР // Советское государство и право. 1956. № 2. С. 56–57.

³ *Иоффе О.С.* Советское гражданское право: Курс лекций. Общая часть. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 8.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Там же. С. 127–136.

4. От взглядов авторов, рассматривающих товарное производство (действие объективного экономического закона стоимости) в качестве материальной предпосылки гражданского права, следует отличать те теоретические воззрения, авторы которых не задавались целью обособить имущественные отношения в соответствии с факторами, обуславливающими их формирование и развитие. Однако некоторые из этих ученых, в силу требований материала исследования, все же на ту или иную дистанцию подходили к выводу о необходимости выделения определенной группы имущественных отношений по признаку их связи с товарным производством.

По мнению М.М. Агаркова, к гражданскому праву должны быть причислены все имущественные отношения, поскольку они не составляют «элемента» иных, неимущественных отношений¹. Как будто бы при такой постановке вопроса вовсе исключается возможность классификации имущественных отношений как основы для классификации отраслей права, так как последняя построена на отграничении имущественных отношений от иных, в частности, организационных отношений. Но внимательный разбор положений, отстаиваемых М.М. Агарковым, позволяет сделать вывод о том, что автор приближается к такой трактовке регулируемых гражданским правом имущественных отношений, когда под ними понимаются отношения, возникающие главным образом на основе т о в а р н о г о о б о р о т а, в соответствии с чем для них характерен момент п о д в и ж н о с т и, момент д в и ж е н и я м а т е р и а л ь н ы х б л а г. Уже в возражениях Д.М. Генкину, который в то время, как мы видели, отграничивал гражданское право через признак «оборота», М.М. Агарков, несомненно, вкладывает в понятие имущественных отношений специфический смысл, так как, отмечая неопределенность понятия «оборот», указывает, что это понятие, если оно не отражает признак метода, «т о ж д е с т в е н н о понятию имущественных отношений»². Еще более отчетливо такая трактовка имущественных отношений дает себя знать, когда автор отграничивает «имущественные отношения» от «организационных». М.М. Агарков полагает, что, например, при наделении предприятия государственным имуществом главным является «организационное» отношение, н о з д е с ь ж е, по мнению автора, имеется и имущественное отношение, которое регулируется гражданским правом³. Поясняя эту мысль

¹ Агарков М.М. Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8. С. 56 и след. (в особенности с. 61–63).

² Там же. С. 62. (Разрядка наша. — С.А.)

³ Там же. С. 63.

в заключительном слове по докладу, посвященному предмету гражданского права, автор указывал, что в отношениях между вышестоящими и нижестоящими органами прежде всего «имеется компетенция высшего органа, дающего определенный приказ, распоряжение. Это чисто организационное отношение, отношение подчиненности, иерархии. Но, с другой стороны, здесь имеется п е р е х о д о п р е д е л е н н о - г о и м у щ е с т в а, оборотных денежных средств от высшего к низшему органу. Но, когда на основании административного акта п е р е х о д и т и м у щ е с т в о, налицо отношения такого же рода, как отношения между организациями одного ранга»¹.

Правда, М.М. Агарков еще далек от понимания того, что сущность советского гражданского права непосредственно связана с товарным производством. Но что он шел по этому пути — факт несомненный, и взгляды Р.О. Халфиной, развивавшей концепцию М.М. Агаркова, это подтверждают.

Необходимо, однако, отметить, что Р.О. Халфина с меньшей последовательностью, чем М.М. Агарков, провела разграничительные линии между имущественными и организационными отношениями. Так, отметив, что лишь в гражданском праве имущественное содержание отношений является основным и определяющим², автор на следующей странице статьи под общей рубрикой «имущественные отношения между социалистическими организациями» без каких-либо оговорок указывает на «отношения, связанные с управлением единым фондом государственной социалистической собственности в процессе организации и подготовки производства (наделение государственных предприятий и организаций основными и оборотными средствами, перераспределение этих средств и т.д.)»³, т.е. на отношения, имеющие властно-организационный характер.

Р.О. Халфина, поставив задачу выяснить экономическое содержание имущественных и организационных отношений, пришла к выводу, что к гражданскому праву относятся те виды обмена, которые не совершаются в самом производстве и не составляют сущность его. «Отношения, — пишет Р.О. Халфина, — которые К. Маркс называет взаимным обменом между производителями товаров и которые в социалистическом обществе в значительной части представляют собой не отноше-

¹ Г.С. К дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1940. № 8—9. С. 203. (Разрядка наша. — С.А.)

² См.: Халфина Р.О. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1954. № 8. С. 85.

³ См. там же. С. 86.

ния товарообмена, а отношения по распределению продукции социалистического производства, не являющейся товаром, а также отношения обмена продуктов для потребления... регулируются гражданским правом». Если оставить в стороне ту часть соображений автора, которые были вызваны господствующей в то время трактовкой средств производства как нетоварной продукции государственных предприятий, то нетрудно убедиться, что автор явно склоняется к «товарной» концепции гражданского права. Поэтому-то Р.О. Халфина считает, что отношения, регулируемые гражданским правом, «находятся в сфере экономического оборота, который на современном этапе строительства коммунизма осуществляется в возмездной денежной форме...»¹. Здесь Р.О. Халфина вступает в прямой контакт с авторами, которые, связывая гражданские отношения с товарным производством, видят эту связь в признаке возмездности (эквивалентности). А если к этому добавить, что Р.О. Халфина усматривает источник юридических особенностей гражданско-правового регулирования в сохранении при социализме товарного обращения, денег, хозрасчета и т.п.², то критические замечания в адрес ее воззрений, основанные на том, что «в социалистическом обществе в экономический оборот входят отношения по плановому распределению средств производства и продукции, отношения, не связанные с эквивалентностью, понимаемой в смысле возмездной денежной формы»³, можно объяснить лишь неточностью выдвинутых автором обобщающих положений.

Мы более подробно остановились на характеристике взглядов М.М. Агаркова и Р.О. Халфиной для того, чтобы еще раз подчеркнуть принципиальное единство взглядов подавляющего большинства советских авторов, исследовавших сущность советского гражданского права. Даже те из ученых, которые отпавлялись от посылок, не ориентированных на товарное производство, в силу характера исследуемого ими материала неумолимо склонялись к признанию решающего значения за этой материальной предпосылкой гражданско-правовой формы регулирования. Это с еще большим основанием позволяет говорить о единстве взглядов авторов, с самого начала идущих по пути выяснения специфики предмета гражданского права по признакам его связи с товарным производством, действием экономического закона стоимости.

¹ Халфина Р.О. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1954. № 8. С. 86. (Разрядка наша. — С.А.)

² Там же. С. 83, 86.

³ Генкин Д.М. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 107.

Из числа авторов, рассматривавших сущность гражданского права исходя из особенностей предмета его регулирования, должны быть выделены те, которые от общей характеристики предмета гражданского права как совокупности имущественных отношений прямо идут к методу правового регулирования, минуя специфику отдельных видов имущественных отношений¹.

Однако и здесь подмеченные эмпирическим путем особенности метода гражданско-правового регулирования, являющиеся лишь юридическим выражением специфики тех имущественных отношений, которые складываются на основе товарного хозяйства, свидетельствуют о том, что в конечном итоге и эти авторы в какой-то мере приближаются к «товарной» концепции гражданского права.

5. Не соприкасаются ли взгляды советских ученых, рассматривающих товарное производство при социализме в качестве экономической предпосылки гражданского права, с «меновая теорией права», имевшей довольно широкое распространение в нашей юридической науке двадцатых и начала тридцатых годов?

«Меновая теория права» связывала с товарным производством существование советского права в целом. Между тем товарное производство предопределяет существование лишь определенной группы правовых норм социалистического общества — норм гражданского права. Правда, условия товарного производства при социализме и условия, диктующие необходимость правового регулирования в социалистическом обществе, в значительной мере совпадают. Но отсюда вовсе не следует вывод, что существование советского права в целом непосредственно обусловлено «меновыми отношениями».

«Меновая теория права» не видела иных форм товарного хозяйства в условиях социалистического общества, кроме товарных отношений, основанных на частной собственности. Сообразно с этим она рассматривала наше право как отмирающее «буржуазное право»².

В настоящее же время советские ученые связывают гражданско-правовую форму регулирования имущественных отношений не с товарным производством «вообще», а с товарным производством о с о б о г о р о д а, которое в нынешних условиях имеет тенденцию к расширению.

¹ См., например: *Черепашин Б.Б.* К вопросу о частном и публичном праве. Иркутск, 1926; *Бару М.И.* Возмездность и безвозмездность в советском гражданском праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1957. С. 4.

² См., например: *Пащуканис Е.Б.* Экономика и правовое регулирование // Революция права. 1929. № 5. С. 34–37.

Отсюда и отношение советской науки к социалистическому праву, в том числе праву гражданскому: оно рассматривается не как отрицающее «буржуазное право», а как мощный инструмент, используемый Советским государством в борьбе за построение коммунистического общества.

§ 3. Место административного и гражданского права в регулировании отношений товарного производства при социализме

1. В предшествующем разделе работы, отклонившись несколько в сторону от последовательной характеристики вопросов темы, мы попытались показать, что советская юридическая наука при анализе гражданского права давно уже исходит из его связи с существующим при социализме товарным производством. Однако нельзя не учитывать того, что с товарным производством социалистического общества с в я з а н ы не только отношения, регулируемые гражданским правом, но и отношения, опосредствуемые административным правом.

Товарное производство при социализме имеет по своей природе о р г а н и з о в а н н ы й характер: оно о б ъ е к т и в н о т р е б у е т централизованного общественного регулирования со стороны с о ц и а л и с т и ч е с к о г о г о с у д а р с т в а. Эта черта товарного производства при социализме обусловлена господствующим положением в экономике страны общественной социалистической собственности, подчинением действия закона стоимости всей системе экономических законов социализма, прежде всего основному экономическому закону и закону планомерного, пропорционального развития народного хозяйства.

Товарное производство при социализме является товарным производством особого рода не по той причине, что сфера его ограничена, а как раз наоборот — эта сфера ограничена потому, что при социализме складывается товарное производство особого рода. Нельзя не признать поэтому неточным взгляд, согласно которому «нашему товарному производству присущи черты, свойственные всякому товарному производству, но сфера товарного производства у нас ограничена и поэтому следует говорить о существовании при социализме товарного производства особого рода»¹. Господство общественной социалистической собственности, действие

¹ Выступление П.Г. Заостровцева на научном совещании о законе стоимости в 1957 г. (Вопросы экономики. 1957. № 8. С. 104).

всех экономических законов социализма преобразовали саму природу товарного производства. Товарное производство социалистического общества и не может иметь иной сферы действия. Распространить это производство за пределы его «естественных» границ невозможно без устранения тех черт качественного своеобразия, которые присущи ему как товарному производству, развивающемуся при господстве общественной социалистической собственности на средства производства.

Характеризуя товарное производство при социализме как организованное, управляемое производство, неверно было бы придать этой черте экономических отношений несвойственное ей значение. «Управление», «регулирование» товарно-денежных отношений — это не процесс, определяемый по усмотрению отдельных лиц. Рассматриваемая черта товарного производства при социализме потому имеет характер объективного экономического свойства, что она выражает подчинение закона стоимости в социалистическом обществе всей системе экономических законов социализма. Регулировать товарное производство — значит не «определять» его (как определяют производство объективные экономические законы), а лишь на практике, в ходе хозяйственной жизни с о о б р а з о в ы в а т ь его с требованиями основного экономического закона социализма, закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства и других экономических законов социалистического общества.

Но если товарное хозяйство в условиях социализма объективно требует целенаправленного регулирования со стороны Советского государства, то вполне естественно, что правовая регламентация соответствующих общественных отношений не может сводиться к простому санкционированию нормальных условий товарного производства, как это имело место в досоциалистических формациях. В связи с таким характером товарного производства при социализме и складываются и м у щ е с т в е н н ы е о т н о ш е н и я в л а с т н о - г о т и п а, которые являются предметом регулирования советского административного права.

Поэтому, определяя экономическую природу советского гражданского права, было бы неправильно останавливаться лишь на констатации факта связи этой отрасли с товарным производством: эта связь специфична и для регулирования ряда имущественных отношений институтами административного права. Решающим при характеристике экономических предпосылок гражданско-правового регулирования является определение х а р а к т е р а его связи с товарным производством — связи, выражающейся в том, что товарное производство выступает в качестве решающего фактора, определяющего формирование и развитие данной группы имущественных отношений.

2. Для того чтобы уточнить сделанный выше вывод о характере связи советского гражданского права с существующим при социализме товарным производством, необходимо выяснить направления активного, целенаправленного регулирования товарно-денежных отношений, осуществляемого Советским государством.

Основные формы регулирования отношений товарного производства при социализме со стороны социалистического государства состоят в следующем.

а) Организация имущественных отношений общественной социалистической собственности. Наделение отдельных предприятий основными и оборотными средствами, перераспределение этих средств, образование новых и реорганизация существующих кооперативных систем — все это является способом регулирования отношений товарного производства, приводящим либо к расширению, либо к сужению сферы товарно-денежных отношений.

б) Регламентация форм и пределов участия субъектов обособленного имущества в товарном обращении. Это достигается двояким способом. С одной стороны, государство, регламентируя режим тех или иных вещественных элементов собственности (например, орудий сельскохозяйственной техники), предопределяет возможность их включения в сферу товарного обращения. С другой стороны, государственные органы в соответствующих актах (законах, уставах, положениях) определяют пределы участия данного предприятия в товарно-денежных отношениях, запрещая ему выходить за пределы «уставной» самостоятельности. Еще XII съезд РКП(б) в резолюции о промышленности отметил: «Государство является владельцем основных средств производства и транспорта. Отдельные хозяйственные ведомства и внутри этих ведомств отдельные органы, учреждения и объединения (тресты) управляют порученными им частями государственного хозяйства в тех пределах самостоятельности, которые вызываются потребностями хозяйствования в нынешних рыночных условиях и которые определяются сверху, т.е. вышестоящими государственными органами»¹.

в) Регламентация порядка и общих условий хозяйственных отношений между социали-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. Госполитиздат, 1954. С. 693–694.

стическими организациями. С этой целью государство издает акты (законы и постановления общего значения, Основные условия поставки, ГОСТы), определяющие порядок установления хозяйственных связей между предприятиями, и основные условия соответствующих договорных соглашений — цены продукции, условия поставки, связанные с качеством и ассортиментом продукции, и др.

г) **Определение хозяйственных связей между отдельными участниками товарного производства.** Государство через свои планово-регулирующие органы определяет движение продукции не по законам стихийного рынка, а в соответствии с требованиями закона планомерного, пропорционального развития на основе планов материально-технического снабжения и товарооборота. Плановая «завязка» хозяйственных отношений, когда контрагенты по хозяйственным договорам определяются в плановом порядке, и является одним из средств регулирования товарного производства при социализме.

Наряду с указанными формами в социалистическом хозяйстве имеют известное распространение и другие способы централизованного государственного регулирования товарных отношений. Так, существенную роль играют государственный контроль за соблюдением участниками хозяйственной деятельности предписаний законов, нормативных и индивидуальных актов органов государственного управления, а также применение к правонарушителям соответствующих мер воздействия (санкций).

Одновременно с этим необходимо иметь в виду, что по мере дальнейшего развития социалистического хозяйства, укрепления начал материальной заинтересованности, устранения излишней централизации в хозяйственном управлении, роста политического и делового уровня кадров имеет место смена форм государственного регулирования товарных отношений. В настоящее время, например, таким формам регулирования, как определение в плановом порядке содержания отдельных поставок, применение мер централизованного государственного воздействия к нарушителям плановой и договорной дисциплины и практика плановой «привязки» предприятий по каждой партии поставки, постепенно приходит на смену система планового руководства, опирающаяся в основном на инициативу и самостоятельность исполнителей плана, на их взаимный контроль, на материальное стимулирование. В этих условиях ведущее значение в регулировании товарных отношений социалистического общества приобретают общее плановое регулирование деятельности госу-

дарственных и кооперативных хозяйственных организаций, о п р е - д е л е н и е ц е н п р о д у к ц и и и т.д.

Таким образом, неправильно было бы рассматривать, например, систему «плановой завязки» хозяйственных отношений как единственную или хотя бы решающую во всех условиях форму регулирования товарных отношений социалистического хозяйства. Способы регулирования товарных отношений при социализме м н о г о б - р а з н ы, и если в определенных исторических условиях социалистическое государство отказывается от использования отдельных способов регулирования, то это не значит, что товарное производство при социализме теряет свой организованный характер и что в этой области вступают в действие стихийные силы неорганизованного рынка.

Характеризуя систему свободной продажи и покупки продуктов сельскохозяйственного производства по ценам, отражающим уровень производства и производительности труда, Н.С. Хрущев на декабрьском Пленуме ЦК КПСС (1958 г.) отметил: «Может возникнуть вопрос: не внесет ли свободная продажа колхозами своих продуктов элемента стихийности в развитие сельского хозяйства? Такие опасения не имеют под собой почвы»¹. Почему же такие опасения не имеют под собой почвы? «Наше хозяйство, — указывает Н.С. Хрущев, — ведется на основе государственных планов. У нас не может быть такого положения, чтобы одних продуктов было перепроизводство и они сбывались бы за бесценок, разоряя колхозы, в то время как недостаток других продуктов позволял бы отдельным хозяйствам наживаться за счет спекуляции. Государство в соответствии с потребностями народа во всех необходимых случаях будет регулировать производство отдельных видов продуктов. Оно также будет регулировать и цены, чтобы колхозы не только возмещали затраты на продукцию, но и имели достаточные накопления для расширенного производства»². Следовательно, при отмене системы государственного регулирования хозяйственных отношений между каждым данным колхозом и соответствующими заготовительными органами о с т а н у т с я в с е д р у г и е с п о с о б ы, при помощи которых государство организует товарные отношения в области производства сельскохозяйственных продуктов.

¹ Хрущев Н.С. Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов, Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 15–19 декабря 1958 г. Стенографический отчет. Госполитиздат, 1958. С. 78.

² Там же.

Формы и степень государственного регулирования товарного производства в определенной степени отличаются друг от друга в зависимости от участка товарных отношений¹. Но как бы ни различались друг от друга отдельные участки товарного производства при социализме по степени и формам государственного регулирования, все они составляют звенья единой системы товарно-денежных отношений социалистического общества, имеющей в общем организационный характер.

Даже тот небольшой островок товарного обращения, который в литературе обозначается через категорию «неорганизованный рынок», на самом деле находится под известным государственным воздействием. Пределы функционирования «неорганизованного рынка» и уровень складывающихся на нем цен прямо зависят от состояния «организованного» товарного обращения, так что Советское государство, воздействуя на это последнее, тем самым воздействует и на «неорганизованный рынок». Вместе с тем Советское государство осуществляет и прямое регулирование товарных отношений, складывающихся на «неорганизованном рынке»². Наряду с мерами властно-организационного характера (дислокация мест торговли, время работы колхозных рынков и рынков по реализации населением «случайных» вещей, подчинение торговли специальным правилам, надзор за их соблюдением и др.)³ органы Советского государства используют в рассматриваемой области товарных отношений такие методы, как организация встречной торговли, организация предпраздничных базаров и ярмарок и т.п. Существенную роль играют здесь договоры, заключенные колхозными рынками как юридическими лицами с колхозами⁴. На состояние «неорганизованного рынка» оказывает существенное влияние уровень комиссионной торговли сельскохозяйственной продукцией, осуществляемой организациями потребительской кооперации⁵.

¹ О различиях государственного регулирования отношений товарного производства в социалистическом обществе см. ниже. С. 190–202.

² См.: Якушев В.С. Правовое регулирование колхозной рыночной и комиссионной торговли: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1955. С. 6–11.

³ См.: Флейшиц Е.А. Договор купли-продажи — глава коллективной работы. Отдельные виды обязательств. Госюриздат, 1954. С. 120–121.

⁴ См.: Якушев В.С. Указ. соч. С. 10–11.

⁵ См.: Моравская Т.А. Правовые вопросы комиссионной продажи сельскохозяйственных продуктов колхозов и колхозников потребительской кооперации // Сборник научных работ Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Госторгиздат, 1955. С. 91; Яковлева В.Ф. Договор эмиссионной продажи сельскохозяйственной продукции // Очерки по гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1957. С. 129; Ег же. Договор комиссионной продажи сельскохозяйственной продукции. Госюриздат, 1959. С. 5–6; Федоров И.В. О договоре комиссионной продажи сельскохозяйственных продуктов // Ученые записки ВЮЗИ, 1957. С. 72.

3. Изложенное позволяет определить содержание той группы имущественных отношений в области товарного производства, которые имеют властный характер и в соответствии с этим регулируются советским административным правом. Властные имущественные отношения связаны с о р г а н и з а ц и е й товарного производства; поэтому они обычно п р е д ш е с т в у ю т товарным отношениям (организация отношений собственности, плановая «привязка» контрагентов и др.). Властно-организационные отношения — это отношения, ч е р е з к о т о р ы е Советское государство н е п о с р е д с т в е н н о в о з д е й с т в у е т на предпосылки товарного производства (отношения собственности, формы участия лиц в обороте и др.) и тем самым воздействует на само товарное производство.

Но именно потому, что через административное право Советское государство в о з д е й с т в у е т на предпосылки товарного производства, оно непосредственно не связано с самим его п р о ц е с с о м. Иначе говоря, связь имущественных отношений, регулируемых административным правом, с процессом товарного производства, его результатами имеет к о с в е н н ы й характер: товарное производство не является здесь фактором, который обуславливает формирование и развитие имущественных отношений. Схема зависимости между товарным производством и имущественными отношениями в рассматриваемом случае принципиально иная: само развитие товарного производства в определенной мере зависит от состояния и характера имущественных отношений, выражающих детерминированную требованиями экономических законов волю Советского государства.

Имущественные же отношения, регулируемые советским гражданским правом, связаны с товарным производством непосредственно. В значительной своей части они выражают п р о ц е с с товарного производства при социализме, которое выступает здесь в качестве фактора, определяющего формирование и развитие имущественных отношений.

Следует, конечно, иметь в виду, что через институты гражданского права социалистическое государство также оказывает воздействие на товарное производство. Однако этому воздействию, поскольку оно осуществляется через гражданско-правовые институты, свойственны специфические черты. Если связь и м у щ е с т в е н н ы х о т н о ш е н и й, регулируемых административным правом, с самим процессом товарного производства не имеет непосредственного характера, но в то же время административно-правовые институты прямо в о з д е й с т в у ю т на предпосылки товарного производства и, следовательно, на само то-

варное производство, то здесь мы видим обратную картину. И м у щ е - с т в е н н ы е о т н о ш е н и я, регулируемые гражданским правом, непосредственно связаны с товарным производством (последнее является решающим фактором, определяющим их формирование и развитие); в о з д е й с т в и е же институтов гражданского права на товарное производство осуществляется не непосредственно, а через имущественные отношения, которые складываются на его основе.

4. Характер связи имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом, с товарным производством при социализме дает возможность определить и основное экономическое содержание этих отношений. То, что указанные отношения складываются на базе товарного производства, отнюдь не свидетельствует о том, что по своему экономическому содержанию они прямо выражают отношения по производству материальных благ. Характерные черты товарного производства концентрируются в сфере о б р а щ е н и я, д в и ж е н и я т о в а р о в, о б м е н а. Вполне закономерно поэтому, что многие авторы, в частности, С.Ф. Кечекьян¹, А.В. Дозорцев², Д.М. Генкин³, Р.О. Халфина⁴ и др., видят экономический источник особенностей советского гражданского права в отношениях «эквивалентного обмена», «товарного обращения», «экономического оборота».

Конечно, неверно было бы с в о д и т ь отношения, регулируемые гражданским правом, к отношениям обмена, эквивалентного оборота. Эту сторону проблемы мы в дальнейшем затронем еще не раз. Достаточно, в частности, указать на регулирование со стороны гражданского права имущественных отношений, непосредственно выражающих отношения собственности, безвозмездных отношений и др., чтобы стало ясно, что рассматриваемая экономическая категория не имеет значения универсального критерия для отграничения гражданских правоотношений. Связывая гражданское право п р е и м у щ е с т в е н н о с областью обращения (обмена), мы подчеркиваем лишь о с н о в н о е экономическое содержание регулируемых этой отраслью отношений — отношений, складывающихся на базе т о в а р н о г о п р о и з в о д с т в а. Так как гражданское право связано с товарным

¹ Кечекьян С.Ф. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 45–47.

² Дозорцев А.В. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1954. № 7. С. 106.

³ Генкин Д.М. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 105–106.

⁴ Халфина Р.О. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1954. № 8. С. 86.

производством прямо и непосредственно, его регулированием прежде всего охватывается та область имущественных отношений, в которой выражается сущность товарного производства, — отношений экономического оборота, эквивалентного обмена.

5. Если в предшествующем изложении мы стремились провести мысль о том, что советское гражданское право, в отличие от других отраслей, прямо и непосредственно связано с товарным производством при социализме, то сейчас необходимо обосновать другое положение — положение о возможности отклонения гражданско-правового регулирования от того главного экономического содержания рассматриваемых имущественных отношений, которые предопределены существенными чертами товарного производства.

Если предмет гражданско-правового регулирования составляют имущественные отношения, складывающиеся на основе товарного производства, то это вовсе не значит, что гражданское право регулирует только отношения, через которые непосредственно осуществляется товарное производство, отношения товарного обмена. Товарное производство является не резервуаром имущественных отношений, регулируемых гражданским правом, а лишь источником, исходным фактором, движущей силой, определяющей их становление, формирование, развитие. А это значит, что исследуемый вид имущественных отношений, возникнув на базе товарного производства, в каких-то пределах может отклоняться от своего источника, получить относительно самостоятельное развитие.

Конечно, исторически и логически первыми имущественными отношениями, выросшими на базе товарного производства, являются собственность (как особое имущественное отношение) и купля-продажа по классической формуле товарного обмена $T - D - T$, где возмездность (эквивалентность) выступает в чистом виде. Однако развитие товарного производства неизбежно влечет за собой и усложнение имущественных связей. Сама природа имущественных отношений, возникших на базе товарного производства, такова, что настежь открываются двери для их многостороннего развития. Отношения подряда, имущественного найма, комиссии, товарищества, перевозки, экспедиции — это не отношения, из которых непосредственно складываются первичные акты товарного обмена. Но все они выражают отдельные стороны (моменты) развития товарного производства, отдельные моменты движения товарооборота, торговли, денежного хозяйства и т.д.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОСОБЕННОСТИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, РЕГУЛИРУЕМЫХ СОВЕТСКИМ ГРАЖДАНСКИМ ПРАВОМ

§ 1. Состав признаков имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом. § 2. Главная специфическая черта имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом.

§ 1. Состав признаков имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом

1. Выяснение связи гражданского права с существующим при социализме товарным производством является лишь начальным этапом в исследовании предмета рассматриваемой отрасли советского права. Следующий важный этап — это характеристика признаков имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом, — признаков, выражающих природу данной группы имущественных отношений, их связь с товарным производством.

Для обособления имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом, в литературе наиболее часто используются следующие признаки:

- а) эквивалентно-возмездный характер отношений;
- б) обособленность имущества участников отношений;
- в) выступление участников отношений в качестве собственников.

2. Большинство авторов, усматривающих специфику регулируемых гражданским правом отношений в их связи с товарным производством (действием экономического закона стоимости), ссылаются на эквивалентно-возмездный характер этих отношений¹.

¹ См.: *Кечекьян С.Ф.* О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 47; *Венедиктов А.В.* О системе Гражданского кодекса СССР // Советское государство и право. 1954. № 2. С. 30–33; *Генкин Д.М.* Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 109; *Иоффе О.С.* Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР // Советское государство и право. 1956. № 2. С. 57; *Шаргородский М.Д., Иоффе О.С.* О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 108.

«...Эквивалентность как предметный признак, — пишет А.В. Венедиктов, — получает правовое выражение в *равноправии* участников гражданско-правового отношения как в методе правового регулирования»¹. Аналогичную теоретическую позицию занимает Д.М. Генкин. Он пишет: «В товарном обращении предметов личного потребления закон стоимости *п р о я в л я е т с я в н а ч а л а х э к в и в а л е н т н о с т и*»². И дальше: «...действие закона стоимости обуславливает хозрасчетное построение деятельности государственных организаций, с чем с в я з а н а в о з м е з д н о с т ь хозяйственных операций, осуществление ими хозяйственных связей на началах *э к в и в а л е н т н о с т и*»³. Причем Д.М. Генкин вслед за А.В. Венедиктовым видит с п е ц и ф и ч е с к у ю ф о р м у отражения в гражданских правоотношениях действия закона стоимости, именно в началах эквивалентности, «чего нет в тех имущественных отношениях, регулируемых другими отраслями права, в которых закон стоимости учитывается лишь косвенно и не обуславливает эквивалентности»⁴.

Признак эквивалентности — возмездности отражает саму с у т ь регулируемых гражданским правом отношений, источником возникновения и развития которых является товарное производство. Товарный обмен по самой своей природе есть в о з м е з д н о е отношение. «Моменты товарной метаморфозы представляют собой в то же время сделки товаровладельца — продажу, обмен товара на деньги; куплю, обмен денег на товар, и единство обоих этих актов: продажу ради купли»⁵. Необходимо, однако, иметь в виду, что при характеристике регулируемых гражданским правом имущественных отношений необходимо параллельное применение обеих частей формулы «эквивалентность — возмездность». Если ограничиться только указанием на возмездность, то не будет виден источник возмездного характера имущественных отношений — их непосредственная связь с товарным производством и обращением, ибо возмездность характеризует лишь встречность движения имущественных благ — по их внешнему эффекту, но не больше. Но нельзя ограничиться и указанием лишь на эквивалентность, ибо хотя «в своей чистой форме процесс обращения товаров обуславливает собой обмен эквивалентов...», но «в действительности процессы не совершаются в чистом виде»⁶, так что в обла-

¹ Венедиктов А.В. Указ. соч. // Советское государство и право. 1954. № 2. С. 30.

² Генкин Д.М. Указ. соч. // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 105—106. (Разрядка наша. — С.А.)

³ Там же. С. 106. (Разрядка наша. — С.А.)

⁴ Там же. С. 107.

⁵ Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 112.

⁶ Там же. С. 166.

сти регулируемых гражданским правом имущественных отношений мы наблюдаем повсюду возмездность, которая, однако, не всегда дает нам математически точное равенство обмениваемых благ¹. С другой стороны, для имущественных отношений, регулируемых гражданским правом, характерна такая форма эквивалентности, которая в отличие от отношений, регулируемых трудовым и колхозным правом, всегда находит выражение в возмездности — во встречном, взаимном движении материальных благ.

Однако, обращая внимание на значение признака эквивалентности — возмездности, с особой отчетливостью отражающего тесную связь имущественных отношений, регулируемых гражданским правом, с товарным производством, не следует забывать его известной односторонности. Те же самые причины, которые обуславливают значение признака эквивалентности — возмездности, не позволяют трактовать его как практически всеобщий, универсальный критерий, с помощью которого каждое имущественное отношение может быть без какого-либо затруднения причислено к предмету гражданского права или выделено из него. Как известно, гражданское право охватывает своим регулированием значительное число отношений безвозмездных: причем безвозмездный (вневозмездный) характер имеет не только ряд отношений, складывающихся при движении материальных благ, при их обороте, но также все вещные отношения, в том числе отношения, опосредствуемые правом собственности².

Но допустимо ли, исходя из этих соображений, дисквалифицировать признак возмездности — эквивалентности как специфический момент, характеризующий сущность гражданско-правового регулирования имущественных отношений? Допустимо ли вслед за М.И. Бару утверждать, что «при определении критерия для отграничения одной отрасли права от другой... переоценивается влияние момента возмездности и безвозмездности»?³ Отвечая на эти вопросы отрицательно, следует обратить внимание на то, что при ссылке на рассматриваемый признак речь идет о главном массиве имущественных отношений, прямо и непосредственно связанных с товарным производством. Все встанет на свое место, если моменту возмездности — эквивалент-

¹ См. соображения по этому вопросу Флейшиц Е.А. (ВИЮН. Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции, 21–23 октября 1957 г. Вып. II. 1958. С. 37).

² См.: Бару М.И. Возмездность и безвозмездность в советском гражданском праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 1957. С. 8.

³ Там же. С. 3.

ности не будет придаваться несвойственное ему значение — значение универсального критерия, безотказно действующей отмычки, используемой для решения конкретных вопросов квалификации имущественных отношений. При указании на возмездность — эквивалентность проблема квалификации имущественных отношений решается принципиально, в главном, в основном. Не все отношения, регулируемые гражданским правом, могут быть обособлены через признак эквивалентности — возмездности. Для нас важно отметить, что, во-первых, эквивалентно-возмездные отношения характерны т о л ь к о для предмета гражданского права, поскольку в иных сферах имущественных отношений можно обнаружить эквивалентность, но не возмездность в указанном выше специфическом смысле, и, во-вторых, мы выделяем какую-то часть отношений в качестве безвозмездных, именно потому, что главная масса, основной костяк отношений данного вида имеет эквивалентно-возмездный характер.

Только при отсутствии ясности в характере связи регулируемых гражданским правом имущественных отношений с товарным производством можно признать существенным для решения интересующего нас вопроса довод о безвозмездных и вневозмездных (собственность) отношений. Во всяком случае, необходимо со всей решительностью отклонить такую интерпретацию взглядов сторонников признака возмездности — эквивалентности, которая сводит этот сущностный признак к универсальному критерию отграничения гражданского права от других отраслей.

3. В последнее время в литературе в качестве решающего выдвигут признак **о б о с о б л е н н о с т и** **и м у щ е с т в а** участников регулируемых гражданским правом отношений.

Впервые в обобщенной форме на этот признак как на специфическую черту регулируемых гражданским правом имущественных отношений указал А.В. Дозорцев. Отметив тесную связь советского гражданского права с товарным производством, А.В. Дозорцев приводит три признака отношений, регулируемых гражданским правом: во-первых, это — отношения имущественные по своему содержанию; во-вторых, это — имущественные отношения особого вида, отношения в сфере оборота, и, в-третьих, это — имущественные отношения на базе обособленного в сфере оборота имущества¹.

Необходимо отметить, что квалификационное значение имущественной обособленности участников отношений, регулируемых гражд-

¹ См.: Дозорцев А.В. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1954. № 7. С. 106.

данским правом, было показано до А.В. Дозорцева С.Н. Братусем. Исследуя категорию юридического лица, С.Н. Братусь отметил, что главным признаком гражданской правосубъектности является наличие определенной степени имущественной обособленности и что независимо от того, признана или нет данная организация юридическим лицом, достижение этой организацией требуемой меры имущественной обособленности влечет за собой в качестве закономерного юридического результата приобретение данным общественным образованием гражданской правосубъектности¹.

Позиция А.В. Дозорцева, не отвергаемая в целом, тем не менее встретила ряд возражений. Критические замечания шли по двум линиям — по линии отношения автора к вопросу о связи предмета гражданского права с его юридическими особенностями — методом регулирования и по линии его стремления отграничить область регулируемых гражданским правом отношений сферой оборота.

Однако из-за неточностей, допущенных А.В. Дозорцевым, не следует забывать того ценного, что, несомненно, составляет основное ядро, суть отстаиваемой им концепции.

Конечно, ограничение имущественных отношений, составляющих предмет гражданского права, лишь сферой оборота вряд ли может встретить поддержку. Впрочем, нетрудно заметить, что приведенный А.В. Дозорцевым третий признак отношений, регулируемых гражданским правом, в какой-то мере выводит эту отрасль из рамок оборота. Выражение «это — имущественные отношения на базе обособленного в сфере оборота имущества» не совпадает с формулой «это — имущественные отношения в сфере оборота». Вопреки мнению автора первое из приведенных выражений не уже, а ш и р е второго: имущественные отношения, сложившиеся на базе обособленного в сфере оборота имущества, это, разумеется, н е т о л ь к о отношения в н у т р и сферы оборота: имущество обособилось внутри этой сферы, а отношения, складывающиеся на его основе, могут быть самыми разнообразными, разнохарактерными.

Имущественная обособленность производителей — это, как мы видели, необходимое условие товарного производства; с другой стороны, ближайшим результатом развития товарного производства является усиление имущественной обособленности производителей. Таким образом, рассматриваемый признак указывает на тот узловой пункт, где

¹ Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. Юриздат, 1947. С. 124, 143–145, 152.

пересекаются товарное производство и имущественные отношения, что придает ему значение одной из наиболее характерных черт имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства. «Под товарным производством, — пишет В.И. Ленин, — разумеется такая организация общественного хозяйства, когда продукты производятся о т д е л ь н ы м и, о б о с о б л е н н ы м и производителями...»¹ В.И. Ленин отмечает здесь же, что общественное разделение труда, в силу которого происходит превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное, состоит в специализации «о б о с о б л е н н ы х [NB: это — неперемutable условие товарного хозяйства], о т д е л ь н ы х производителей по занятию одной только отраслью промышленности»².

Однако, придавая имущественной обособленности значение одного из наиболее характерных критериев, выявляющих особенности отношений, регулируемых гражданским правом, следует иметь в виду, что этот критерий в том виде, в каком его сформулировал А.В. Дозорцев, не имеет надлежащей о п р е д е л е н н о с т и. Имущественная обособленность может быть различной. Цех и бригада, переведенные на внутренний хозрасчет, обладают известной имущественной обособленностью. Имущественно обособлены бригады в колхозе. Но отношения, которые складываются на основе этой обособленности, нормированием со стороны гражданского права не охватываются.

Можно, конечно, с целью устранения неопределенности рассматриваемого признака уточнить его путем ссылки на такую степень имущественной обособленности, которая необходима для функционирования товарного производства. Но подобное уточнение общей формулы еще не решает вопрос по существу: оно лишь поясняет, в каком направлении следует отыскивать тот специфический признак имущественных отношений, регулируемых гражданским правом, который бы наглядно показал их органическую связь с характерными чертами гражданско-правового регулирования.

4. Некоторые авторы, характеризуя особенности регулируемых гражданским правом отношений, указывают на признак выступления участников отношений в к а ч е с т в е с о б с т в е н н и к о в (субъектов управления частью государственных имуществ — «управляющих»).

Этот признак общественных отношений, регулируемых гражданским правом, выделил Шенрат. Анализируя взгляды участников дис-

¹ Ленин В.И. Соч. 5-е изд. Т. 1. С. 86—87. (Разрядка наша. — С.А.)

² Там же. С. 87. (Разрядка наша. — С.А.)

куссии о предмете гражданского права 1954–1955 гг. (А.В. Венедиктова, Д.М. Генкина, Р.О. Халфиной и др.), автор, отправляясь от марксовской характеристики товарного обмена, пришел к выводу, что специфической формой выражения закона стоимости в имущественных отношениях, составляющих предмет гражданского права, является выступление участников этих отношений в качестве собственников или субъектов управления государственных имуществ¹. Аналогичный взгляд развивает и В. Кнапп, который отмечает, что «гражданское право по существу регулирует поведение субъектов или как собственников, или как осуществляющих оперативное управление отдельными частями государственного имущества»². Подчеркивая связь этого критерия с теми имущественными отношениями, которые складываются на основе товарного производства и обращения, автор далее пишет: «Регулируемое в таком порядке поведение собственников (управляющих) имеет два типичных признака, обусловленных экономическими отношениями, в которых они участвуют: 1) отношения собственников (управляющих государственным имуществом) с другими лицами, которые сами в этих отношениях не выступают в качестве собственников (управляющих), т.е. экономические отношения присвоения, регулируемые правом собственности; 2) отношения собственников (управляющих) с другими лицами, выступающими в качестве собственников (управляющих), в которых обе стороны признают себя собственниками (управляющими), т.е. отношения обмена, регулируемые обязательственным правом»³. Подобных же воззрений придерживается в сущности и Л.С. Явич⁴.

Выступление участников имущественных отношений в качестве собственников или управляющих (точнее, на положении собственников или управляющих) является специфической чертой, позволяющей выделить круг отношений, регулируемых гражданским правом. Причем необходимо особо отметить, что такое значение этот признак имеет лишь постольку, поскольку он указывает на связь имущественных отношений с товарным производством. К. Маркс, вскрывая существо товарного обмена, функционирующего в соответствии с требованиями стихийно действующего закона стоимости в антагонистических формациях, обращает внимание на то, что товаровладельцы «должны признавать друг в друге частных собственников»⁵. Речь, та-

¹ *Schönrath W.* Zum Gegenstand des Zivilrechts // Staat und Recht. 1956. S. 737, 743.

² *Кнапп В.* По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 119.

³ Там же.

⁴ *Явич Л.С.* Советское право — регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957. С. 63–64.

⁵ *Маркс К.* Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 91.

ким образом, должна идти о т о в а р о в л а д е л ь ц а х — о лицах, являющихся лишь представителями товаров, и в конечном счете об экономических отношениях товарного производства, «в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу»¹.

Но именно потому, что указанный признак должен рассматриваться в связи с товарным производством, было бы неправильно признать задачу по определению характерных особенностей предмета гражданского права выполненной, законченной. Признак выступления участников имущественных отношений на положении собственников (управляющих) позволяет несколько уточнить с т е п е н ь и м у щ е с т в е н н о й о б о с о б л е н н о с т и, отражающей связь имущественных отношений с товарным производством. Но указанная общая формула еще не дает ответа на вопрос, в чем конкретно выражается эта степень имущественной обособленности. К тому же здесь приходится прибегать к составному определению и, в сущности говоря, указывать не на один, а на два параллельных признака (выступление в качестве собственника и л и в качестве субъекта управления частью государственных имуществ). Наконец, следует иметь в виду, что взятая в том виде, в каком она сформулирована В. Шенратом и В. Кнаппом, приведенная выше формула не может быть принята по тем соображениям, что отношения собственности опосредствуются не только гражданским правом, но и рядом других отраслей, в том числе правом административным. Поэтому, когда государство через соответствующие органы в порядке осуществления властных функций наделяет те или иные предприятия основными и оборотными фондами, перераспределяет их и т.д., то оно действует именно как собственник государственных имуществ.

5. Выше вкратце были рассмотрены те основные признаки регулируемых гражданским правом отношений, которые получили наиболее полное освещение в литературе. Главное, что привлекает внимание при характеристике указанных признаков, это их в н у т р е н н е е , о р г а н и ч е с к о е е д и н с т в о: с разных сторон, под различными углами зрения все они отражают решающее в имущественных отношениях, регулируемых гражданским правом, — их экономический источник и основную движущую силу — товарное производство.

При поверхностном обзоре состояния научной разработки исследуемой проблемы нередко складывается впечатление о чрезвычайной

¹ Маркс К. Капитал. Т. I. Госполитиздат, 1955. С. 92.

пестроте и неоправданной множественности не связанных друг с другом «точек зрения». Слов нет, иной раз, с тем чтобы оттенить своеобразие «своей» концепции, автор последней скрупулезно выискивает грани, отделяющие ее от иных теоретических воззрений, которые в действительности, в основном, в главном с ним едины. Однако единство методологического подхода, единство мировоззренческой базы предопределяют и единство с у щ н о с т и взглядов большинства ученых социалистических стран. Основная масса расхождений во взглядах тех или иных авторов на природу гражданского права вызвана главным образом недоучетом того, что каждый из признаков предмета гражданского права отражает только одну сторону (свойство, черту) имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства, что в той мере, в какой эти признаки отражают связь гражданского права с товарным производством, они должны быть признаны верными, правильными и что, следовательно, задача состоит в поисках наиболее характерного признака, а не в противопоставлении одного из них всем остальным.

6. Справедливость предложенной выше оценки взглядов большинства ученых социалистических стран на предмет гражданского права может быть подтверждена путем характеристики элементов (сторон) регулируемых правом отношений.

Общественные отношения представляют собой сложные, многосторонние явления объективного мира. Отсюда — необходимость выяснения элементов (сторон), регулируемых правом общественных отношений, что открывает возможность для их детализированной характеристики.

Детализированному анализу предмета той или иной отрасли права нередко препятствуют представления, согласно которым в основу классификации отраслей права должны быть положены такие обобщающие категории, как имущественные отношения «вообще», судебные отношения «вообще» и т.д. Применительно к таким обобщающим категориям оказывается трудным, а в ряде случаев и невозможным нахождение некоторых единых признаков, опираясь на которые удалось бы охарактеризовать по однопорядковым критериям различные виды общественных отношений. Вот почему при классификации общественных отношений одни из них оказываются выделенными т о л ь к о по признаку объекта («имущественные отношения»), другие т о л ь к о по признаку содержания («организационные отношения»), третьи т о л ь к о по признаку субъекта («судебные отношения»). Поэтому не приходится удивляться тому, что многие имущественные отношения, рассматриваемые с точки зрения

своего содержания, должны быть причислены к отношениям организационным, а многие организационные отношения, рассматриваемые с точки зрения своего субъекта, — к отношениям судебным.

В каждом конкретном общественном отношении, регулируемом той или иной отраслью права, могут быть выделены следующие элементы (стороны): 1) субъекты отношения; 2) содержание отношения; 3) его объект; 4) внешние условия возникновения и движения¹.

Выделение указанных элементов необходимо потому, что свойства общественного отношения как предмета правового регулирования находят свое выражение не только непосредственно в поведении людей (содержании общественного отношения). Они проявляются, кроме того, в положении участников отношения (субъектов), его объектах, внешних условиях его возникновения и движения. Таким образом, указанные элементы неизбежно отражают признаки, присущие общественному отношению как некоторому единому (качественно своеобразному) целому. Поэтому следует согласиться с В. Кнаппом, указывающим, что «при дифференциации отдельных отраслей права можно исходить из любого из четырех элементов предмета права»². Если перед нами в действительности качественно специфический вид общественных отношений, требующий особой формы правового регулирования, то его характеристика под углом зрения любого из элементов (сторон) общественного отношения должна привести к единым, совпадающим результатам.

С этих теоретических позиций и следует подходить к оценке взглядов большинства марксистов-правоведов на сущность гражданского права в социалистическом обществе. Эти взгляды в своей основе едины. Дело лишь в том, что признаки, выделяемые теми или иными авторами, касаются различных сторон (элементов) предмета гражданско-правового регулирования: в частности, одни из них характеризуют особенности отношений, регулируемых гражданским правом, преимущественно через специфику их содержания (эквивалентность — возмездность), другие — преимущественно через положение их субъектов (выступление участников отношений в качестве собственников или управляющих).

¹ См.: *Кнапп В.* По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 116; Ср. также: *Ребане И.А.* О построении системы отраслей советского социалистического права (изложение статьи) // Советское государство и право. 1958. № 1. С. 103.

² *Кнапп В.* По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 116.

§ 2. Главная специфическая черта имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом

1. Единство признаков имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом, не означает того, что среди этих признаков не может быть выделен признак главный и определяющий. Какому же из элементов предмета гражданского права может быть придано такое ведущее значение?

По мнению В. Кнаппа, наиболее существенным элементом предмета права является поведение участников общественных отношений¹. В общем плане такой вывод едва ли может вызвать нарекания, ибо поведение людей составляет содержание общественных отношений. Однако необходимо учитывать, что рассмотрение общественного отношения через такие его элементы (стороны), как субъекты, объекты и внешние условия движения, т а к ж е в конечном счете вскрывает специфические черты с о д е р ж а н и я отношения. При определении же предмета правового регулирования главная цель состоит не в том, чтобы в равной мере выяснить все свойства данных общественных отношений, а в том, чтобы выявить те из них, которые объективно обуславливают применение специфической формы правового регулирования. Эти же свойства могут найти преимущественное выражение не непосредственно в поведении субъектов, а в особенностях их положения или специфике объектов поведения.

Такую картину мы и встречаем в сфере действия советского гражданского права. Особенности регулируемых гражданским правом имущественных отношений особо ярко видны не при непосредственном обращении к поведению участников отношений, а при характеристике последних через специфику п о л о ж е н и я с у б ъ е к т о в. Не случайно и сам В. Кнапп, в противоречие с приведенным выше теоретическим тезисом, при обособлении отношений, регулируемых гражданским правом, ссылается на признак, выражающий содержание отношений через специфику положения их субъектов (выступление лиц в качестве собственников или управляющих)².

Правда, «характерные экономические маски лиц — это только олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу»³. Но отсюда также следует, что внешним,

¹ *Кнапп В.* По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 116.

² Там же. С. 119.

³ *Маркс К.* Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 92.

«предметным» признаком общественных отношений, складывающихся на основе товарного производства, может быть положение («экономические маски») лиц — носителей отношений. С особой силой это проявляется при обмене, где «лица существуют... одно для другого лишь как представители товаров, т.е. как товаровладельцы»¹.

2. Как было отмечено в предшествующем изложении, одно из наиболее важных свойств отношений, складывающихся на основе товарного производства, выражается в признаке и м у щ е с т в е н н о й о б о с о б л е н н о с т и субъектов. Однако каким образом устранить неопределенность этого критерия, где искать тот показатель, который дал бы возможность выяснить с т е п е н ь имущественной обособленности, необходимую и достаточную для функционирования товарного производства? Поскольку выражением имущественной обособленности, необходимой и достаточной для функционирования товарного производства, является выступление лиц в качестве с о б с т в е н н и к о в или у п р а в л я ю щ и х частью имущества единого государственного фонда, то, очевидно, ответ на поставленный вопрос может быть найден, если выяснить т о о б щ е е, что свойственно и положению собственников, и положению управляющих частью имущества единого фонда государственных имуществ.

На наш взгляд, это общее состоит в «и м у щ е с т в е н н о - р а с п о р я д и т е л ь н о й с а м о с т о я т е л ь н о с т и» субъектов.

Специфическая черта имущественных отношений собственности, сказывающаяся на содержании и характере правомочий лица как субъекта права собственности, может быть сведена к тому, что лицо пользуется, владеет и распоряжается имуществом «своей властью»² («вполне свободно, по собственному усмотрению...»³). Государственные органы, осуществляющие оперативное управление определенной частью имущества единого государственного фонда, не имеют в отношении указанных имуществ «своей власти». Однако осуществляемое ими владение, пользование и распоряжение имуществом — это не простая арифметическая сумма указанных возможностей. Не являясь собственниками, соответствующие государственные органы наделены известной «распорядительной самостоятельностью», которая и со-

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 91–92.

² См.: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. Изд-во АН СССР, 1948. С. 32–39; Иоффе О.С. Советское гражданское право: Курс лекций. Общая часть. Изд-во ЛГУ, 1967. С. 273–276.

³ Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности. Изд-во ЛГУ, 1955. С. 60.

ставляет суть осуществляемого ими оперативного управления частью единого фонда имуществ социалистического государства. Но «распорядительная самостоятельность» является характерным моментом и для положения лиц, которые осуществляют владение, пользование, распоряжение имуществом «своей властью». Следовательно, имущественно-распорядительная самостоятельность — это и есть тот единственный признак, который дает возможность в обобщенной форме определить степень имущественной обособленности, необходимую и достаточную для функционирования товарного производства.

Такой же вывод следует из марксовской характеристики сущности товарного обмена. Указав на то, что товары не могут сами отправляться на рынок и что, следовательно, необходимо обратиться к их хранителям — к товаровладельцам, К. Маркс пишет: «Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, в о л я к о т о р ы х р а с п о р я ж а е т с я э т и м и в е щ а м и...»¹ Для товарного производства недостаточно, стало быть, любой и всякой имущественной обособленности: необходима такая ее степень, при которой товаровладельцы могли бы сами, «с в о е й в о л е й» р а с п о р я ж а т ь с я товаром.

К. Маркс, характеризуя положение товаровладельцев, неоднократно применяет такие определения, как выступление товаровладельцев в качестве «свободных собственников», могущих распоряжаться своим товаром², подчинение их «лишь велениям своей свободной воли»³, «самостоятельность» товаровладельцев⁴. Аналогичную характеристику дает и Ф. Энгельс. Он пишет, что в результате развития товарного хозяйства «старые связи были расшатаны и производители все более и более превращались в разъединенных и независимых товаропроизводителей»⁵. В.И. Ленин, определяя особенности товарного производства, указывает на институт частной собственности как в ы р а ж е н и е «материальной обособленности» товаропроизводителей⁶.

Следует, конечно, иметь в виду, что классики марксизма-ленинизма исследовали специфические черты товарного производства антагонистических формаций. Поэтому ряд терминов, использованных ими для показа сущности товарного обмена и положения при обме-

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1956. С. 91. (Разрядка наша. — С.А.)

² Там же. С. 174.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же. С. 359.

⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953. С. 256.

⁶ Ленин В.И. Соч. 5-е изд. Т. 1. С. 152.

не товаропроизводителей, не может быть использован для характеристики товарного производства при социализме. Но, с другой стороны, нетрудно заметить, что за терминами «свободная частная собственность», «независимость», «своя воля» и др. может быть вскрыто нечто общее, свойственное всем формам товарного производства — состояние и м у щ е с т в е н н о - р а с п о р я д и т е л ь н о й с а м о с т о я т е л ь н о с т и участников соответствующих общественных отношений.

Такая степень и м у щ е с т в е н н о й о б о с о б л е н н о с т и, при которой субъекты по отношению друг к другу имущественно с а м о с т о я т е л ь н ы и сообразно с этим сами, с в о е й в о л е й («самостоятельно») могут р а с п о р я ж а т ь с я материальными благами, — это и есть решающий, ключевой признак, позволяющий с достаточной полнотой и определенностью очертить круг имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства.

Лишь при наличии имущественно-распорядительной самостоятельности деятельность лиц приводит к о т ч у ж д е н и ю потребительной стоимости при сохранении в руках товаровладельца стоимости товара, к п е р е х о д у «власти» над товарами от одного лица к другому. Эта возможность свободного распоряжения как э к о н о м и ч е с к о е отношение находит р а з л и ч н о е ю р и д и ч е с к о е в ы р а ж е н и е. В социалистическом обществе она закреплена не только в праве собственности государства, отдельных колхозов и граждан, но и в праве оперативного управления определенной частью имущества единого государственного фонда, предоставляемого государством отдельным предприятиям и хозяйственным организациям. «Поскольку мы перешли к рыночным формам хозяйства, — сказано в резолюции XII съезда РКП (б), — государство обязано предоставить отдельным предприятиям н е о б х о д и м у ю с в о б о д у хозяйственной деятельности на р ы н к е, не пытаясь заменить ее административным усмотрением»¹. Наконец, как будет показано в дальнейшем, имущественно-распорядительная самостоятельность участников отношений, складывающихся на основе товарного производства, может найти и иное юридическое выражение, как это имеет место в области авторского и изобретательского права.

Весьма характерно, что те советские экономисты, которые при характеристике условий товарного производства указывают не только на «собст-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. Госполитиздат, 1954. С. 691. (Разрядка наша. — С.А.)

венность», но и на «владение», вкладывают во вторую из названных категорий весьма широкий смысл. Так, например, П. Заостровцев пишет: «Формы собственности определяют формы обособления владения. Таким образом, владение как собственность и владение как распоряжение средствами производства только по их использованию надо строго различать»¹. И несколько дальше: «На основе ограниченного владения государственные предприятия распоряжаются (пользуются) средствами производства, принадлежащими государству»². Совершенно очевидно, что автор под «владением» понимает здесь не форму статического обладания вещами, а одну из форм такого экономического отношения, в силу которого субъект с своей волей распоряжается вещами.

3. Признак «имущественно-распорядительной самостоятельности» участников отношений, складывающихся на основе товарного производства, является у словным терминологическим обозначением. С учетом особенностей товарного производства при социализме мы попытаемся выразить в приведенном определении то, что сформулировано К. Марксом в цитированном выше развернутом положении о значении «свободного распоряжения» в механизме товарного производства.

Ранее автор настоящей работы использовал при определении предмета советского гражданского права другую краткую формулировку, согласно которой в регулируемых гражданским правом имущественных отношениях субъекты выступают на началах «оперативно-хозяйственной самостоятельности»³. При дальнейшей проверке оказалось, что указанное определение, правильно отражающее экономическое положение государственных предприятий, недостаточно точно характеризует экономическое положение кооперативных организаций (колхозов) и граждан, являющихся собственниками соответствующих имуществ. Однако в той мере, в какой формула «оперативно-хозяйственная самостоятельность» характеризует степень имущественной обособленности участников отношений, складывающихся на основе товарного производства (а именно с таких позиций и подходили мы к решению рассматриваемого вопроса и ранее), она по своему смыслу не отличается от итоговой формулировки, используемой в настоящей работе.

¹ Заостровцев П. Социалистическая собственность и товарное производство при социализме // Вопросы экономики. 1959. № 3. С. 100. (Разрядка наша. — С.А.)

² Там же. С. 101. (Разрядка наша. — С.А.)

³ См.: Алексеев С.С. О предмете советского гражданского права и методе гражданско-правового регулирования // Советское государство и право. 1955. № 8. С. 116–117 и др.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что предложенное выше определение главной специфической черты предмета советского гражданского права не может рассматриваться обособленно, изолированно. Эта черта неразрывно связана со всеми другими признаками имущественных отношений данной группы, неотделима от них. Поэтому правильное значение признаку «имущественно-распорядительная самостоятельность» может быть придано лишь постольку, поскольку:

а) речь идет о такой группе имущественных отношений, основная масса которых по своему содержанию имеет эквивалентно-возмездный характер;

б) сам этот признак рассматривается как критерий, показывающий определенную степень имущественной обособленности субъектов — степень, необходимую и достаточную для включения этих субъектов в область товарного производства;

в) под «имущественно-распорядительной самостоятельностью» понимается то, что является общим для положения лиц в области товарного производства, независимо от того, выступают ли эти лица в качестве собственников или управляющих частью имущества единого государственного фонда.

Из изложенного должно быть ясно, почему, определяя распорядительную самостоятельность участников отношений, складывающихся на основе товарного производства, мы добавили слово «имущественная» («имущественно-распорядительная самостоятельность»). Ведь термин «распорядительная самостоятельность» может быть использован и для характеристик властных правомочий государственных органов — сферы действия административного права. Следовательно, с тем, чтобы каким-то образом отграничить «властно-распорядительную самостоятельность» государственных органов от распорядительной самостоятельности, являющейся лишь выражением определенной степени имущественной обособленности субъектов, оказалось необходимым, хотя бы в общей форме, указать на ту область, где только и возможно осуществление последней, — на область имущественных отношений, где ее предметом являются в первую очередь определенные вещи (а не непосредственно поведение людей).

Разумеется, мы отдаем себе ясный отчет в известном несовершенстве предложенного определения главной черты предмета советского гражданского права. Однако автор настоящей работы надеется, что каждый раз, когда в последующем изложении будет использоваться соот-

ветствующая формулировка, читатель будет иметь в виду тот ее специфический смысл, который следует из сделанных выше разъяснений.

Начала «самостоятельности» государственных организаций — «самостоятельности», имеющей распорядительное значение, подчеркиваются в экономической литературе, причем подчеркиваются как раз при характеристике товарного производства при социализме¹, признаков хозяйственного расчета, с организационной стороны свидетельствующих о включении данного предприятия в сферу действия экономического закона стоимости².

На «самостоятельность» («автономию») как характерную особенность гражданско-правового регулирования ссылаются ряд авторов и в юридической литературе³. При этом едва ли может быть принято распространенное в литературе мнение, согласно которому «автономия» является лишь специфической чертой метода правового регулирования. Конечно, методу гражданско-правового регулирования имущественных отношений присущи такие особенности, для объяснения которых требуется привлечение понятия «автономия». Но по своей основе понятие «автономия» имеет экономический характер. Быть «автономным», значит быть независимым, значит занимать по отношению к другим лицам обособленное, самостоятельное положение. Именно такое понимание «автономии» следует из резолюции XII съезда РКП (б), указывающей, что «большая часть государственной промышленности организуется в виде трестов, т.е. пользующихся широкой хозяйственной автономией объединений, выступающих свободно на рынке, как меновые хозяйства»⁴. К тому же неверно было бы преувеличивать значение признака «автономии», представляя его как главную специфическую черту метода гражданско-правового регулирования в условиях планового социалистического хозяйства⁵. Но именно

¹ См., например: *Дьяченко В.П.* Перспективы развития товарно-денежных отношений // Вопросы строительства коммунизма в СССР. Изд-во АН СССР, 1959. С. 291; *Заостровцев П.* Социалистическая собственность и товарное производство при социализме // Вопросы экономики. 1959. № 3. С. 98–104 и др.

² См., например: *Политическая экономия: Учебник.* 3-е изд. Госполитиздат, 1958. С. 536–545.

³ См., в частности: *Миколенко Я., Братусь С.Н.* Предмет и система советского социалистического гражданского права // Советская юстиция. 1938. № 16. С. 16; *Миколенко Я.* О предмете и принципах социалистического гражданского права // Проблемы социалистического права. 1938. № 5. С. 49; *Братусь С.Н.* О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 1. С. 47 и др.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. Госполитиздат, 1954. С. 694.

⁵ *Агарков М.М.* Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 63; *Его же.* Основные принципы советского гражданского права // Советское государство и право. 1947. № 11. С. 38–40; см. также: *Венедиктов А.В.* О системе Гражданского кодекса СССР // Советское государство и право. 1954. № 2. С. 30–31.

для того, чтобы не видеть указанный признак в гипертрофированном виде, необходимо рассматривать его не изолированно, а как юридическое выражение и м у щ е с т в е н н о - р а с п о р я д и т е л ь н о й с а м о с т о я т е л ь н о с т и участников отношений, складывающихся на основе товарного производства.

Начала «самостоятельности», «самостоятельного выступления в обороте» и т.д. широко используются в литературе при анализе природы и признаков гражданской правосубъектности социалистических организаций (юридического лица). В связи в этом следует заметить, что проблема признаков юридического лица — это в конечном счете проблема наличия или отсутствия таких свойств у того или иного общественного образования, которые выражают отраслевую (гражданско-правовую) принадлежность соответствующих общественных отношений. Поэтому, когда признак самостоятельного выступления общественного образования в гражданском обороте обрисовывается как «конечный итог» свойств гражданской правосубъектности¹, а сама правосубъектность связывается со степенью «распоряжения» имуществом², то здесь на языке учения о юридическом лице проводится та же самая мысль, которая применительно к проблеме предмета гражданского права выражена в формуле «имущественно-распорядительная самостоятельность субъектов».

Наконец, следует заметить, что признак «равенства», которому некоторые авторы придают значение главной специфической черты предмета гражданского права³, может получить правильное значение, если рассматривать его как одну из черт распорядительной самостоятельности субъектов. Равенство участников отношений, складывающихся на основе товарного производства, состоит именно в том, что в с е о н и о б л а д а ю т и м у щ е с т в е н н о - р а с п о р я д и т е л ь н о й с а м о с т о я т е л ь н о с т ь ю, и в силу этого обмен между ними осуществляется на эквивалентных началах. К. Маркс, расширявая понятие равенства в сфере товарного обращения, отметил, что о равенстве здесь следует говорить именно потому, что лица «относятся друг к другу как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент»⁴. Относиться же друг к другу в качестве товаровладельцев — это и значит быть в области имущественной вполне самостоятельным, независимым. Не случайно Ю.К. Толстой, раскрывая экономическое понятие равенства как специфическую черту предмета гражданского права наряду с эквивалентностью (которая не является, однако, выражением равенства, а лишь с ним связана), указывает

¹ *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. Изд-во АН СССР, 1948. С. 708–709.

² *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. Госюриздат, 1950. С. 138, 140.

³ О предмете советского гражданского права (К итогам дискуссии) // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 57–58; *Толстой Ю.К.* О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 43.

⁴ *Маркс К.* Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 182–183.

на «способность каждого гражданина с а м о с т о я т е л ь н о р а с - п о р я ж а т ь с я полученной им долей общественного продукта...»¹. Не является ли это положение в устах автора, считающего равенство единственным предметным признаком гражданского права, лучшим подтверждением того, что указанный признак имеет значение лишь постольку, поскольку он раскрывается через критерий более широкого смыслового значения – имущественно-распорядительную самостоятельность участников гражданского оборота?

4. Признак имущественно-распорядительной самостоятельности субъектов выражает характерные черты гражданского права нашего общества как права нового исторического типа – права с о в е т с к о - г о , с о ц и а л и с т и ч е с к о г о .

В эксплуататорском обществе универсальным, собирательным признаком, характеризующим предмет гражданского права, является в з а и м н а я о т ч у ж д е н н о с т ь участников оборота, действующих в качестве частных собственников. Когда в предшествующем изложении были приведены марксовы положения о товаровладельцах как субъектах имущественных отношений (частной собственности) и на основе этих положений сделан вывод об имущественно-распорядительной самостоятельности как специфическом критерии предмета гражданского права, то тем самым было определено о б щ е е с в о й - с т в о указанных отношений, характерное для всех форм товарного производства. Однако, если это определение помогает уяснить сущность советского социалистического гражданского права, то взятое в общем виде оно не может быть, использовано для анализа гражданского права антагонистических формаций. Для последних решающую роль играет указанный К. Марксом признак в з а и м н о й о т ч у ж д е н - н о с т и субъектов частной собственности².

В социалистическом же обществе функционирует товарное производство о с о б о г о р о д а . В связи с господствующим положением общественной социалистической собственности на средства производства, ликвидацией частной собственности, действием всей системы экономических законов социализма и планомерным использованием закона стоимости открылась возможность для у п р а в л е н и я товарными процессами. В этих условиях оказалась снятой в з а и м - н а я о т ч у ж д е н н о с т ь т о в а р о в л а д е л ь ц е в . Но осталась имущественно-распорядительная самостоятельность, которая ра-

¹ Толстой Ю.К. Указ. соч. С. 43. (Разрядка наша. – С.А.)

² См.: Маркс К. Капитал. Т. I. Госполитиздат, 1955. С. 94.

нее существовала лишь как отдельный «момент» иной по содержанию категории, а теперь приобрела самостоятельное значение, развилась в специфический признак имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом.

Признак распорядительной самостоятельности, следовательно, отражая о б щ и е свойства, присущие всем и всяким имущественным отношениям, складывающимся на основе товарного производства, является вместе с тем с п е ц и ф и ч е с к и м признаком для предмета советского гражданского права.

Предложенная выше характеристика предмета советского гражданского права дает возможность выяснить еще одну особенность этой отрасли, к сожалению, в достаточной степени в литературе еще не исследованную, — органическую связь гражданского права с началами с о ц и а л и с т и ч е с к о й д е м о к р а т и и.

Нельзя сказать, что при систематической характеристике советского гражданского права начала социалистической демократии вообще игнорировались. Эти начала обычно рассматриваются под углом зрения принципов гражданского права. Но так как сама проблема гражданско-правовых принципов разрабатывается в литературе в отрыве от проблемы предмета этой отрасли, вопросы советской демократии остаются в науке гражданского права подключенными к конкретному материалу некоторыми общими моментами.

Впрочем, возможность увязки вопросов, относящихся к сущности советского гражданского права и началам социалистического демократизма, зависит не только, а точнее говоря, не столько от исходных установок на «увязку», которых ни у одного из советских авторов отнять нельзя, сколько от правильного о п р е д е л е н и я п р е д м е т а гражданского права. Если, например, при определении регулируемых гражданским правом имущественных отношений главное ударение делается на признаке возмездности — эквивалентности, то упомянутую «увязку» можно произвести лишь окольным путем, через цепочку умозаключений. Но стоит лишь выяснить действительное соотношение признаков предмета гражданского права, как необходимость в такой цепочке умозаключений отпадает: оказывается, что советское гражданское право связано с началами социалистической демократии прямо и непосредственно.

Имущественно-распорядительная самостоятельность участников общественных отношений, регулируемых советским гражданским правом, в к о н е ч н о м с ч е т е предопределена особенностями товарного производства в социалистическом обществе. Но эта же рас-

порядительная самостоятельность с политической стороны имеет и другой источник — социалистическую демократию, выражающуюся в предоставлении гражданам и их коллективам широчайших демократических прав и свобод. Здесь скрестились две линии, обосновывающие социальную ценность имущественно-распорядительной самостоятельности участников отношений, регулируемых гражданским правом. Советское государство признало за участниками общественных отношений, складывающихся на базе товарного производства, имущественную самостоятельность не только в силу объективных требований товарных отношений, но и потому, что этому соответствуют требования социалистической демократии.

В связи со сказанным уместно заметить, что недоучет в советской юридической науке тех форм социалистической демократии, которые проявляются в сфере отношений, регулируемых гражданским правом, в известной мере обедняет сами представления о советской демократии. Экономическая свобода, хозяйственная самостоятельность граждан социалистического общества и их коллективов в результате уничтожения частной собственности на орудия и средства производства не только не оказались устраненными, а, напротив, только в условиях социализма получили реальное значение и подлинный расцвет. Только в условиях социализма экономическая свобода и хозяйственная (имущественно-распорядительная) самостоятельность служат человеку, а не эксплуатационной угнетению человека человеком.

5. В какой мере признак имущественно-распорядительной самостоятельности (как выражение определенной степени имущественной обособленности субъектов) может быть использован для решения практических вопросов отмежевания общественных отношений, регулируемых советским гражданским правом, от отношений, входящих в сферу действия других отраслей права?

Практические вопросы, связанные с классификацией отраслей советского права, — это вопросы применения правовых норм, следовательно, вопросы, касающиеся правовых категорий — норм права и правовых отношений. Поэтому надлежащий эффект здесь может быть получен при использовании классификационных категорий однопорядкового значения: применение экономических (внеправовых) классификационных оснований не может дать ожидаемых результатов, так как классифицируемые явления оказываются несоизмеримыми. Вот почему при решении практических вопросов, связанных с классификацией отраслей советского права, необхо-

димо оперировать признаками соответствующего метода правового регулирования — в первую очередь признаками, характеризующими общее юридическое положение участников данных общественных отношений.

Но какова же в этом случае роль предмета правового регулирования? Значение последнего состоит в том, что его особенности дают возможность теоретически объяснить специфические черты данного метода правового регулирования. Следовательно, неправильно было бы проводить прямую линию связи от предмета той или иной отрасли права к конкретным правовым нормам и правоотношениям; эта связь имеет более сложный характер: от определенного вида общественных отношений к особенностям соответствующего метода правового регулирования, а уж от этого — к отдельным конкретным вопросам, относящимся к применению норм советского права.

Проиллюстрируем приведенные положения следующим примером.

Известно, что один из наиболее трудных практических вопросов размежевания норм гражданского и трудового права — это вопрос о квалификации так называемых договоров трудового поручения¹. Б.С. Антимонов и К.А. Граве на основе обобщения обширных материалов судебной практики пришли к обоснованному выводу о том, что «по договору, регламентируемому нормами трудового права, работник подчиняется трудовой дисциплине, установленной другой стороной, по договору же гражданского права ни одна из сторон не подчинена внутреннему распорядку другой стороны»². Этот классификационный критерий в какой-то мере совпадает с другим критерием, выдвинутым рядом авторов, — признаком, в соответствии с которым устанавливается, входит или нет исполнитель работ в состав коллектива заказчика³. Но, как правильно отметили Б.С. Антимонов и К.А. Граве, «включение или невключение в коллектив социалистической организации нештатного исполнителя отдельной работы узнается в основном именно исходя из факта — подчинен или не подчинен исполнитель такой

¹ Впервые в цивилистической литературе специально разработку этих договоров дал К.А. Граве (см.: *Граве К.* Договор трудового поручения // Ученые записки ВИЮН. Вып. V. Юриздат, 1947. С. 58–74). В литературе по трудовому праву см.: *Александров Н.Г.* Трудовое правоотношение. Юриздат, 1948. С. 154–159. Более детальная разработка этого договора предпринята в статье Б.С. Антимонова и К.А. Граве «Договор трудового поручения» // Ученые записки ВИЮН. Вып. 2. Госюриздат, 1955. С. 17–79.

² См. указ. выше статью Б.С. Антимонова и К.А. Граве. С. 43. (Разрядка наша. — С.А.)

³ См., например: Советское гражданское право. Т. II: Учебник для юрид. вузов / Под ред. С.Н. Братуся. Госюриздат, 1951. С. 121.

работы правилам внутреннего трудового распорядка учреждения или предприятия»¹. «Признак... подчинения правилам внутреннего распорядка заказчика, — подчеркивают те же авторы, — является наиболее постоянным и устойчивым»².

Подчинение внутреннему распорядку, установленному одной из сторон, — это классификационный критерий, относящийся к методу правового регулирования, точнее, к особенностям метода, выраженным в общем юридическом положении (статусе) участников правоотношений. Указанный критерий дает возможность провести размежевание договорных правоотношений, стоящих на грани трудового и гражданского права.

Но имеет ли приведенный критерий самодовлеющее значение? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к особенностям предмета соответствующих отраслей права. Так, в гражданско-правовых договорах «трудового поручения» ни одна из сторон не подчинена внутреннему распорядку другой стороны потому, что стороны сохраняют в договоре с о с т о я н и е ю р и д и ч е с к о г о р а в е н с т в а — занимают юридически равные, одинаковые позиции. Но это состояние является лишь юридическим выражением особенностей их положения в имущественных отношениях, складывающихся на основе товарного производства. Состояние юридического равенства в гражданско-правовом договоре обусловлено тем, что соответствующие субъекты по линии имущественных отношений не просто обособлены друг от друга (определенная обособленность имущественных сфер имеется и в трудовом договоре), а обособлены в такой мере, что каждый из них сохраняет и м у щ е с т в е н н о - р а с п о р я д и т е л ь н у ю с а м о с т о я т е л ь н о с т ь. Такой имущественной самостоятельности, имеющей р а с п о р я д и т е л ь н о е значение, нет в области общественных отношений, регулируемых трудовым правом. Это и находит свое юридическое выражение в подчинении работника как стороны трудового договора трудовой дисциплине, устанавливаемой другой стороной договора.

¹ Антимонов Б.С., Граве К.А. Указ. соч. С. 33.

² Там же. С. 47.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ПРЕДМЕТ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

§ 1. Обратное воздействие гражданско-правового регулирования на общественные отношения социалистического общества и особенности предмета советского гражданского права. § 2. Гражданско-правовое регулирование личных немущественных отношений. Некоторые выводы.

§ 1. Обратное воздействие гражданско-правового регулирования на общественные отношения социалистического общества и особенности предмета советского гражданского права

1. Характер, содержание и юридические особенности гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе обусловлены объективными свойствами имущественных отношений, складывающихся на основе существующего при социализме товарного производства. Это значит, что гражданско-правовое регулирование строится в с о о т в е т с т в и и с объективными требованиями, вытекающими из экономической природы имущественных отношений рассматриваемого вида. Но отсюда вовсе не следует, что советское гражданское право является лишь рефлексом товарного производства, простым результатом вытекающих из него объективных требований. Как часть надстройки над экономическим базисом социалистического общества, советское гражданское право характеризуется о т н о с и т е л ь н о й с а м о с т о я т е л ь н о с т ь ю.

В письме к Г. Штаркенбургу Ф. Энгельс писал: «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т.д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *единственной активной причиной*, а остальное является лишь пассивным следствием. Нет, тут взаимодействие на основе экономи-

ческой необходимости, *в конечном счете всегда* прокладывающей себе дорогу»¹.

В чем выражается относительная самостоятельность советского гражданского права, если рассматривать эту проблему под углом зрения особенностей предмета гражданско-правового регулирования?

Решающее значение для ответа на поставленный вопрос имеет учет характерных черт гражданского права как относительно самостоятельной социальной силы, «которая при всей своей общей зависимости от производства и обмена все же обладает особой способностью обратно воздействовать на эти области»². В соответствии с указанной особенностью правового регулирования воплощение объективных требований, вытекающих из экономических отношений, в предписаниях норм гражданского права осуществляется законодателем не механическим путем, а с учетом возможности всестороннего использования гражданско-правовых форм для осуществления с п е ц и ф и ч е с к и х задач, стоящих перед государством в данных исторических условиях.

Однако использование государством гражданско-правовых форм для осуществления специфических задач не остается бесследным для регулируемых гражданским правом имущественных отношений. Предмет гражданского права в результате такого использования приобретает особые черты, которые не могут быть непосредственно выведены из существующего при социализме товарного производства.

Это обратное влияние гражданского права на регулируемые им общественные отношения находит достаточное теоретическое объяснение в е д и н с т в е предмета и метода регулирования в пределах каждой отрасли советского права. Если верно, что каждой отрасли права соответствует свой особый метод правового регулирования, то, следовательно, изменения в методе н е и з б е ж н о с о п р о в о ж д а ю т с я соответствующими изменениями в данном виде общественных отношений³. Поэтому было бы неправильно полагать, что использование институтов той или иной отрасли права для осуществления специфических задач влечет за собой отрыв метода регулирования от его предмета. Предмет и метод регулирования и здесь остаются едиными — они лишь приобретают существенные особенности.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. Госполитиздат, 1948. С. 470.

² Там же. С. 428.

³ См.: Алексеев С. С. О предмете советского гражданского права и методе гражданско-правового регулирования // Советское государство и право. 1955. № 2. С. 115—116.

2. Отмечая, что гражданско-правовое регулирование может быть использовано Советским государством для осуществления специфических задач, необходимо указать на наличие объективных признаков такого использования. Институты данной отрасли права — это качественно своеобразные правовые образования, по своей природе приспособленные для проведения в жизнь определенных общественных функций. Следовательно, они могут быть использованы для осуществления не любых специфических задач, а лишь задач, в той или иной мере соответствующих объективной природе данной отрасли права — ее характерным чертам, предопределенным особенностями соответствующего предмета регулирования.

В настоящей работе не ставится цель всестороннего анализа специфических задач, проводимых советским законодательством через институты гражданского права. Нам необходимо лишь выяснить влияние такого использования на предмет гражданско-правового регулирования. С этой целью рассмотрим осуществление через институты гражданского права задач, связанных с претворением в жизнь коммунистических начал распределения материальных и культурных благ, и задач по материальному обеспечению граждан.

3. Как известно, в условиях социализма отношения, складывающиеся в связи с бесплатным распределением, части материальных и культурных благ, в определенной мере требуют правового регулирования. В каких формах это правовое регулирование осуществляется?

В предшествующем изложении мы уже вкратце затрагивали указанный вопрос. Отношения по бесплатному распределению материальных и культурных благ — это сфера регулирования советского административного права. Однако нельзя недоучитывать того, что и гражданско-правовые формы, которые опосредствуют отношения, связанные с получением гражданами от общества тех или иных конкретных материальных и культурных благ на эквивалентно-возмездных началах, складываются в социалистическом обществе не изолированно от начал коммунистического распределения, а, напротив, в процессе своего формирования тесно с ними взаимодействуют.

Наиболее отчетливо это можно проследить на особенностях отношений, регулируемых институтами обязательства жилищного найма и обязательства по предоставлению государственного кредита на индивидуальное жилищное строительство. Предоставление гражданам жилья в домах государственного фонда, а также государственного (банковского) кредита на индивидуальное жилищное строительство выражается в отношениях, регулируемых в основном советским гражданским пра-

вом. Однако эти отношения таковы по своей природе, что они не могут быть объяснены только через категории товарного хозяйства. Советское государство здесь не просто санкционирует складывающиеся в связи с существованием товарного производства имущественные отношения, а активно воздействует на них, ставя своей целью обеспечить справедливое распределение жилья, максимально оградить интересы граждан в неразрывном сочетании с интересами общества в целом.

Если обратиться, например, к порядку вступления сторон в соответствующие договорные соглашения, то сразу же бросается в глаза, что характерные черты этого порядка предопределены особенностями распределения жилья и кредитов, осуществляемого в административно-правовых формах¹. Именно поэтому договор жилищного найма сам по себе не является основанием возникновения комплекса прав и обязанностей сторон, в своей совокупности образующих структурно сложное обязательство жилищного найма; указанное обязательство возникает на основе сложного фактического состава², решающая роль в котором принадлежит индивидуальному административному акту — ордеру.

Г.И. Петрищева высказала предположение, согласно которому «в недалеком будущем, когда вследствие ликвидации недостатка жилья исчезнет необходимость централизованного распределения жилой площади, для возникновения жилищных правоотношений будет достаточно договора о найме жилого помещения, заключенного между домоуправлением и съемщиком»³. То, что со временем усилится роль договорного способа регулирования жилищных отношений, сомнений не вызывает. Но правильно ли, что «в недалеком будущем» договор будет е д и н с т в е н н ы м основанием возникновения жилищных правоотношений? Такое предположение окажется верным, если отношения по жилищному найму будут целиком включены в область товарного обращения. Однако едва ли развитие имущественных отношений рассматриваемого вида пойдет по этому пути. Г.И. Петрищева не учитывает того, что в соответствии со стоимостью жилищного строительства и уровнем квартирной платы здесь существенную роль играют начала бесплатного распределения, сочетающиеся с ведущей формой распределения при социализме — распределением по количеству и качеству труда. Очевидно, что и «в недалеком будущем» определенные формы централизованного распределения жилья сохранятся. Н о х а р а к т е р этих форм,

¹ См., например, ст. 23 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» (СЗ СССР. 1937. № 69. Ст. 314).

² См.: Аскназий С.И., Брауде И.Л., Пергамент А.И. Жилищное право. Госюриздат, 1956. С. 112; Петрищева Г.И. Основания возникновения жилищных правоотношений в государственном жилищном фонде. Свердловск, 1958. С. 59–61.

³ Петрищева Г.И. Указ. соч. С. 60.

несомненно, изменится. Здесь, как и во многих иных областях социалистического общества, в период развернутого строительства коммунизма все более и более усиливается роль **о б щ е с т в е н н ы х о р г а н и з а ц и й т р у д я щ и х с я**. Уже сейчас распределение жилья, поскольку оно осуществляется через государственные предприятия и организации, производится администрацией **с о в м е с т н о** с профсоюзными организациями¹. Еще дальше в этом направлении идет практика участия профессиональных организаций в распределении жилой площади на местах. Так, в соответствии с Положением о порядке распределения и заселения жилой площади на предприятиях и в организациях Свердловского совнархоза списки лиц, которым предоставляется жилая площадь, утверждаются ФЗМК и администрацией (п. 9), но «в случае недостижения соглашения за администрацией остается право обжаловать решение ФЗМК в областной комитет профсоюза, решение которого является окончательным»².

Итак, общественные отношения в области предоставления гражданам жилья в домах государственного фонда и государственного (банковского) кредита на индивидуальное жилищное строительство сохраняют черты, которые предопределены существующим при социализме товарным производством, действием экономического закона стоимости. Участники отношений обособлены друг от друга, причем эта обособленность имеет степень имущественно-распорядительной самостоятельности, так как стороны выступают друг перед другом в качестве собственников (субъектов оперативного управления определенной частью имущества единого государственного фонда). Однако этим не **и с ч е р п ы в а ю т с я** особенности имущественных отношений, регулируемых рассматриваемыми гражданско-правовыми институтами. Обратное воздействие на эти отношения правового регулирования, выражающего указанные выше специфические задачи, придавало им особые свойства. Так, весьма своеобразен субъектный состав жилищных отношений. Наряду с гражданином, заключившим договор жилищного найма, участниками отношений являются проживающие совместно с основным съемщиком иждивенцы³. Причем «для вывода о том, явля-

¹ См. ст. 12 Положения о правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР 15 июля 1958 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 15).

² Постановление Совета народного хозяйства Свердловского экономического административного района и Президиума Свердловского областного Совета профсоюзов от 20 сентября 1958 г.

³ См. п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 12 декабря 1940 г. (в редакции 17 сентября 1954 г.) // Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1957 гг. Госюриздат, 1957. С. 128 и след.

ется ли лицо членом семьи основного съемщика, имеет значение степень родства, наличие отношений, характерных для усыновителя и усыновленного, оказание материальной и моральной поддержки, осуществление заботы друг о друге, совместное ведение домашнего хозяйства»¹.

Советское государство использует гражданско-правовое регулирование для осуществления специфических задач, связанных с проведением начал коммунистического распределения, не только в области жилищного найма и кредитования на индивидуальное жилищное строительство. Указанные начала, как нам представляется, проникают во все имущественные отношения, складывающиеся между социалистическими организациями и гражданами в связи с существованием товарного хозяйства при социализме. В области розничной купли-продажи, бытового и культурного обслуживания граждан, почтовых услуг, сберегательного дела, пассажирской перевозки и др. на формирование имущественных отношений оказывает влияние организационно-властная деятельность Советского государства, проводимая с целью обеспечения справедливого распределения материальных и культурных благ, максимальной защиты интересов граждан, защиты интересов социалистического общества в целом. Поэтому-то и оказывается возможным рассмотрение названных договорных соглашений под углом зрения единой, обобщающей гражданско-правовой категории — «д о г о в о р а х о з я й с т в е н н о - г о и к у л ь т у р н о г о о б с л у ж и в а н и я г р а ж д а н». Было бы неверно объяснять особенности этого договорного типа только лишь типизацией договорных соглашений или привлекать для его теоретического обоснования категорию «публичные службы», выработанную буржуазной юриспруденцией. Перед нами — новое правовое явление, отражающее коренные особенности социалистического общественного строя.

4. Распределение материальных благ, выделяемых из совокупного общественного продукта в «фонды для нетрудоспособных»², выражается в особой системе имущественных отношений — отношений по социальному страхованию и социальному обеспечению, регулируемых правовыми институтами, которые входят в состав административного, трудового и колхозного права.

Однако Советское государство использует в целях материального обеспечения граждан, прежде всего граждан нетрудоспособных, и отдельные гражданско-правовые институты. Это использование гражданско-правовых форм для осуществления задач, непосредствен-

¹ Петрищева Г.И. Основания возникновения жилищных правоотношений в государственном жилищном фонде. Свердловск, 1958. С. 77.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 17.

но не вытекающих из свойств и требований товарного производства, с особой силой дает о себе знать в области отношений по наследованию и обязательств по возмещению вреда, причиненного личности.

Применительно к институтам советского наследственного права рассматриваемая особенность гражданско-правового регулирования ярко выявилась в декрете от 27(14) апреля 1918 г. «Об отмене наследования»¹, предусматривавшем правопреемство имущества умершего лица лишь в целях материального обеспечения. Правда, в последующем правовое регулирование отношений по наследованию в связи с развитием товарно-денежных отношений в нашей стране приобрело такие формы, которые характерны для имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства (возможность в определенных пределах распоряжения имуществом на случай смерти посредством завещания и др.). Однако это не устранило особенностей советского наследственного права как совокупности гражданско-правовых институтов, в определенных пределах используемых Советским государством для осуществления задач материального обеспечения граждан, и в первую очередь граждан нетрудоспособных. С целью иллюстрации указанной особенности советского наследственного права можно указать на действующий порядок призвания к наследству по закону, по которому в состав наследников первой очереди включены не только дети (в том числе усыновленные) и переживший супруг, но и нетрудоспособные родители умершего, а также другие нетрудоспособные, состоявшие на иждивении умершего не менее одного года до его смерти (ст. 418 ГК РСФСР); на порядок завещания имущества стороннему лицу, при котором такого рода завещание возможно лишь при отсутствии лиц, указанных в ст. 418; на «бронирование обязательной доли» несовершеннолетних детей и других нетрудоспособных наследников, которых завещатель не может лишить причитающегося им имущества в соответствии с нормами наследования по закону (ст. 422 ГК РСФСР)².

В настоящее время в советской юридической литературе порядок правопреемства, установленный Декретом от 27 апреля 1918 г., уже не характеризуется как «частноправовая форма социального обеспечения»³.

¹ СУ РСФСР. 1918. № 34. С. 456.

² См.: *Серебровский В.И.* Очерк советского наследственного права. Изд-во АН СССР, 1953. С. 91.

³ См.: *Орловский П.* Некоторые вопросы законодательства о наследовании // Советское государство. 1936. № 2. С. 63; Ср. также: *Рейхель М.* Право наследования // Советская юстиция. 1937. № 5. С. 14–16.

Но не намечается ли сейчас другой крайности — недоучета роли институтов наследственного права в осуществлении задач по материальному обеспечению? Верно, конечно, что здесь не может быть речи о социальном обеспечении: социальное обеспечение — это дело общества (государства, кооперативных систем, колхозов)¹. Но формы материального обеспечения граждан на первой фазе коммунизма не могут быть сведены только к социальному обеспечению, социальному страхованию (и параллельно существующим с ним — государственному личному и имущественному страхованию). В этом отношении вывод В.И. Серебровского, согласно которому «Декрет 1918 г. имел в виду в первую очередь обеспечение членов семьи умершего»², следует признать правильным.

В целях материального обеспечения граждан используется и такой гражданско-правовой институт, как институт по возмещению вреда личности³. Об этом ярко свидетельствуют нормативные постановления ГК РСФСР, предусматривающие, в частности, что в случае причинения смерти право на вознаграждение принадлежит лицам, состоявшим на иждивении умершего и не имеющим других средств к существованию (стр. 409). Как справедливо пишет Н.С. Малеин, «гражданско-правовая специальная ответственность за причинение смерти направлена главным образом на обеспечение неимущих нетрудоспособных, близких умершему лицу»⁴.

В нашей юридической литературе в свое время высказывался взгляд, согласно которому отношения такого рода, как отношения по возмещению вреда личности, вообще выходят из сферы действия гражданского права. Так, П.И. Стучка писал: «Я, встав на более возвышенное место и оттуда обозревая тот план, который передо мною стоял при изложении третьей части моей работы, яснее усмотрел, что делается со старым нашим кодексом. Одна часть его уходит в одну сторону — в хозяйственно-административное право, а другая часть... в другую сторону — в право социального

¹ См.: Антимонов Б.С., Граве К.А. Советское наследственное право. Госюриздат, 1955. С. 26.

² Серебровский В.И. Очерки советского наследственного права. Изд-во АН СССР, 1937. С. 17. (Разрядка наша. — С.А.)

³ См.: Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. Госюриздат, 1951. С. 8, 184–185; Смирнов В.Т. Гражданская ответственность государственных предприятий за причинение увечья или смерти работникам. Госюриздат, 1957. С. 10; Малеин Н.С. Право на возмещение вреда, причиненного смертью кормильца. ВЮЗИ, 1958. С. 10–28.

⁴ Малеин Н.С. Указ. соч. С. 27.

обеспечения»¹. Характеризуя далее обязательства из причинения вреда, автор утверждал, что в Гражданском кодексе смешано два вида отношений: отношения при причинении вреда имуществу и отношения при причинении имущественного вреда личности. «К этому смешению, — писал П.И. Стучка, — привела буржуазная точка зрения о товарности всего без исключения, но нам этого делать не подобает»². Более осторожную позицию по рассматриваемому вопросу занимал Г. Амфитеатров: «...отдельные институты гражданского права (возмещение вреда личности и др.) перестраиваются на социальном принципе обеспечения жизненных интересов трудящихся и должны быть о т г р а н и ч е н ы от гражданского права в собственном смысле, но пока о с т а в л е н ы в нем»³.

Едва ли можно согласиться с тем, что в таких институтах гражданского права, как институт обязательства возмещения вреда личности, г л а в н о е — это проведение принципа материального обеспечения. Все же по своему характеру имущественные отношения здесь строятся в соответствии с началами, характерными для отношений гражданско-правового типа. Однако неоправданна и другая крайность: полное игнорирование факта проникновения в область гражданско-правового регулирования начал, специфических для отношений по материальному обеспечению.

Учет особенностей ряда гражданско-правовых институтов, используемых в целях материального обеспечения граждан, необходим не только для правильной квалификации предмета советского гражданского права, но и для надлежащего п р и м е н е н и я соответствующих нормативных положений.

Как известно, при определении размера возмещения за увечье суд обязан принять во внимание назначенную потерпевшему пенсию или пособие по социальному страхованию или социальному обеспечению, а при определении размера возмещения при причинении смерти — пенсию, получаемую членами семьи умершего в порядке социального обеспечения (ст. 409, 413, 414 ГК РСФСР; п. 5, 9 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г.). Не касаясь вопроса о том, какая из форм материального обеспечения — пособие или пенсия, с одной стороны, или возмещение вреда в порядке ст. 403–415 ГК РСФСР — с другой, — является «основной» и какая «дополнительной»⁴, следует

¹ Стучка П.И. О системе и пределах материальной или особой части Гражданского кодекса // Революция права. 1929. № 5. С. 81.

² Там же. С. 86.

³ Амфитеатров Г. Основные начала гражданского законодательства и борьба за марксистскую методологию // Советское государство и революция права. 1930. № 4. С. 74.

⁴ См.: Флейшиц Е.А. Основные вопросы гражданской ответственности за повреждение здоровья // Ученые записки ВИЮН. Госюриздат, 1955. С. 63.

признать недостаточно теоретически оправданным взгляд, проводящий мысль о «независимости» этих форм¹. Конечно, нельзя не видеть важных различий, существующих между указанными формами: в одном случае перед нами т о л ь к о форма материального обеспечения, в другом — вид гражданско-правовой о т в е т с т в е н н о с т и, в определенной мере и с п о л ь з у е м ы й в целях материального обеспечения граждан. Но и та и другая формы с б л и ж а ю т с я по своей ц е л и и сообразно с этим по своему о с н о в н о м у с о д е р ж а - н и ю. Отсюда учет при возмещении вреда пенсии или пособия — учет, который в случае смерти лица касается не только пенсии, назначенной по случаю смерти кормильца, но и всякой иной пенсии².

Особо отчетливо необходимость такой квалификации рассматриваемых форм материального обеспечения обнаруживается при решении вопросов «смешанной ответственности». По мнению ряда авторов, учет вины потерпевшего при «смешанной ответственности» должен иметь место п о с л е вычета из общего ущерба в заработке потерпевшего суммы пенсии или пособия³. Однако судебная практика по рассматриваемому вопросу пошла по иному пути. Как это видно из определения судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР по иску Бражникова к шахте «Капитальная»⁴ и постановления Президиума Верховного Суда УССР по иску Морозова к шахте «Куйбышевуголь»⁵, судебные органы исключают пенсию (пособие) не из общего объема ущерба, а из той его доли, в которой отвечает причинитель вреда⁶. И это верно, верно не только потому, что пенсия не может учитываться в той части ущерба, которая определяется виной самого потерпевшего⁷, и не только потому, что в соответствии

¹ См.: *Ческис Г.И.* Вопросы установления объема возмещения вреда в делах о причинении увечья // Труды Иркутского университета. Т. XXII. Вып. 3. 1957. С. 147; *Малеин Н.С.* Право на возмещение вреда, причиненного смертью кормильца. ВЮЗИ, 1958. С. 21—23.

² См.: *Малеин Н.С.* Указ. соч. С. 63—69.

³ См.: *Июффе О.С.* Обязательства по возмещению вреда. 2-е изд. ЛГУ, 1952. С. 100; *Майданик Л.А., Сергеева Н.Ю.* Материальная ответственность за повреждение здоровья. Госюриздат, 1953. С. 89; *Ческис Г.И.* Вопросы установления объема возмещения вреда в делах о причинении увечья // Труды Иркутского университета. Т. XXII. Вып. 3. 1957. С. 151—155.

⁴ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1953. № 6. С. 33—35.

⁵ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1957. № 6. С. 36—38.

⁶ См.: *Флейшиц Е.А.* Основные вопросы гражданской ответственности за повреждение здоровья // Ученые записки ВИАУ. Вып. 1. Госюриздат, 1955. С. 97—99.

⁷ См.: *Смирнов В.Т.* Гражданская ответственность государственных предприятий за причинение увечья или смерти работникам. Госюриздат, 1957. С. 161; *Его же.* Определение размера возмещения утраченного заработка при смешанной вине // Социалистическая законность. 1958. № 12. С. 48.

с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. на каждую из сторон возлагается обязанность возмещения вреда за минусом пенсии¹, но и потому, что между возмещением вреда, причиненного личности, и материальным обеспечением в порядке социального обеспечения (социального страхования) существует родственная связь — известное единство по цели и основному содержанию. А отсюда следует, что учет пенсии должен касаться только тех сумм ущерба, которые по иным юридическим основаниям и в соответствии с иными правовыми принципами т а к ж е направлены на материальное обеспечение потерпевшего, т.е. сумм, установленных в результате учета вины самого потерпевшего.

5. Особенности имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом, могут быть показаны и при характеристике ряда иных специфических задач, для осуществления которых Советское государство использует гражданско-правовые институты (например, задач, связанных с финансовыми интересами государства в области страхового, банковского и сберегательного дела, и др.). Но уже приведенных выше примеров достаточно, чтобы сделать вывод о необходимости при определении предмета гражданского права тщательного учета обратного воздействия надстройки на общественные отношения социалистического общества.

Здесь, однако, важно иметь в виду следующее. Использование гражданско-правовых институтов для осуществления специфических задач, непосредственно не вытекающих из требований товарного производства, не является результатом произвольного усмотрения законодателя. Эти задачи предопределены действиями экономических законов социализма, особенностями базиса социалистического общества, иными объективными процессами. Следовательно, товарное производство при социализме — это главный, решающий, но не единственный фактор, обуславливающий формирование и развитие имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом. Помимо товарного производства как г л а в н о г о фактора существуют факторы д о п о л н и т е л ь н ы е, влияние которых на формирование и развитие указанных имущественных отношений имеет в т о р о ч е р е д н о й характер и которые действуют не непосредственно, а ч е р е з д е я т е л ь н о с т ь г о с у д а р с т в а, осуществляемое им правовое регулирование. С этой точки зрения

¹ См.: *Малеин Н.С.* Право на возмещение вреда, причиненного смертью кормильца. ВЮЗИ, 1958. С. 88.

влияние товарного производства на содержание и юридические черты советского гражданского права должно быть охарактеризовано не как автоматически действующий принудительный закон, а как **главная тенденция**, которая в процессе законодательной деятельности Советского государства учитывается **наряду с учетом иными, дополнительными факторами**.

Под углом зрения приведенных выше соображений должна быть ясна несостоятельность позиции некоторых авторов, полагающих, что характеристика экономической природы гражданского права через категорию товарного производства ведет к распространению на область надстройки экономических законов. «...Было бы неправильно, — пишет В.В. Лаптев, — непосредственно переносить в право экономические закономерности, не учитывая относительной самостоятельности правовой надстройки»¹. Конечно, «было бы неправильно»! И то, что в литературе на относительную самостоятельность гражданского права не обращается должного внимания, является существенным недостатком в разработке предмета гражданско-правового регулирования. Однако признание относительной самостоятельности советского гражданского права ничуть не противоречит, как мы видели, характеристике рассматриваемой совокупности норм как отрасли, неразрывно связанной с существующим при социализме товарным производством. К тому же следует иметь в виду, что в сферу действия гражданского права входят не все имущественные отношения, связанные с товарным производством, а лишь те из них, которые складываются **на основе этого экономического фактора**.

§ 2. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных отношений. Некоторые выводы

1. С тем же постоянством, с каким правовая литература и практика связывают обширную совокупность норм, условно обозначаемую термином «гражданское право», с определенными формами регулирования и **мущественных отношений**, с тем же постоянством литература и практика вводят в сферу гражданского права отношения иного рода — **отношения личного неимущественного характера**. Чем это можно объяснить?

Большинство советских ученых при обосновании включения личных неимущественных отношений в сферу действия гражданского

¹ *Лаптев В.В.* О советском хозяйственном праве // Советское государство и право. 1959. № 4. С. 71.

права ссылаются на связь, переплетение этих отношений с отношениями имущественными.

«...Отношения по поводу личных благ тесно переплетаются с имущественными отношениями. Мы при этом имеем в виду личные блага, нуждающиеся в той специальной защите, которая и является основанием для постановки вопроса о личных правах в гражданском праве», — пишет М.М. Агарков¹. По мнению А.В. Дозорцева, к предмету гражданского права должны быть причислены «отношения, вытекающие из личных прав, так или иначе связанные с определенными имущественными правами»². «...Советское гражданское право, — пишет Д.М. Генкин, — включает в себя и регулирование некоторых отношений, которые не могут быть непосредственно отнесены к области товарно-денежного обращения, а лишь в той или иной мере связаны с ним. Таковыми являются некоторые имущественные и личные неимущественные отношения»³.

Можно было бы увеличить количество выписок из работ авторов, полагающих, что рассматриваемая проблема может быть решена путем ссылки на связь между имущественными отношениями и отношениями личными неимущественными. Но достаточно ли простой ссылки на связь этих двух групп общественных отношений? По-видимому, нет, ибо в противном случае можно было бы без труда включать в сферу гражданского права отношения любого рода: регулируемые гражданским правом имущественные отношения связаны со многими другими отношениями (организационно-властными, трудовыми и пр.). Однако последние не рассматриваются в качестве составной части предмета гражданско-правового регулирования. Очевидно, дело не в простой связи имущественных отношений с отношениями личными неимущественными, а в ее характере, ее конкретных формах.

Но и не в этом центральный пункт рассматриваемой проблемы. Трудность состоит вовсе не в том, чтобы решить вопрос об отраслевой квалификации личных отношений, неразрывно связанных с отношениями имущественными, хотя и здесь, как отмечалось, нельзя ограничиться простой ссылкой на «связь»; главная трудность заклю-

¹ Агарков М.М. Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 68. (Разрядка наша. — С.А.)

² Дозорцев А.В. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1954. № 7. С. 107. (Разрядка наша. — С.А.)

³ Генкин Д.М. Предмет советского гражданского права, 1955. № 1. С. 108. (Разрядка наша. — С.А.)

чается в отраслевой квалификации личных неимущественных отношений, которые видимыми нитями не связаны с отношениями по имуществу, а имеют свое, вполне самостоятельное существование. Как объяснить, что некоторые из этих отношений, в том числе отношения, складывающиеся по поводу таких неотделимых от личности благ, как имя, честь, достоинство граждан, в определенной степени могут опосредствоваться нормами гражданского права?

В литературе были предприняты попытки увидеть в личных неимущественных отношениях особый предмет правового регулирования. Со ссылкой на неопубликованную работу В.А. Тархова в редакционной статье журнала «Советское государство и право» по итогам дискуссии 1954–1955 гг. сказано: «...отношения по поводу благ, неотделимых от личности, образуют по существу самостоятельный предмет регулирования»¹. Но если личные, неимущественные отношения составляют особый предмет правового нормирования, чем же, спрашивается, объяснить включение их в сферу гражданского права? По мнению редакции журнала, указанное обстоятельство объясняется тем, что «удельный вес этих отношений недостаточно велик для выделения их в самостоятельную отрасль права». Однако разве этот довод решает рассматриваемую проблему? Конечно, нет! Ссылкой на «удельный вес» совершенно невозможно объяснить известное единство правового регулирования личных неимущественных отношений и отношений имущественных. Кроме того, если бы личные неимущественные отношения составляли особый предмет правового регулирования, то независимо от их «удельного веса» они не могли бы входить в сферу действия гражданского права. Ведь признаком, свидетельствующим о «самостоятельности» тех или иных отношений как особого предмета регулирования, является наличие специфического метода, особой формы правового регулирования. Но в этом случае оказывается совершенно непонятно, каким образом одни и те же отношения могут опосредствоваться двумя самостоятельными формами регулирования – той формой, которая обособляет личные неимущественные отношения в «самостоятельный» предмет регулирования, и гражданским правом.

Таким образом, взгляд, согласно которому личные неимущественные отношения образуют «самостоятельный» предмет правового регулирования, не давая удовлетворительного объяснения возможно-

¹ О предмете советского гражданского права (К итогам дискуссии) // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 60.

сти использования гражданско-правовых форм для опосредствования личных неимущественных отношений, в то же самое время является неправильным и по своим исходным посылкам.

2. Теоретическое обоснование возможности использования гражданско-правовых форм для опосредствования личных неимущественных отношений следует искать в относительной самостоятельности советского гражданского права.

Относительная самостоятельность советского гражданского права выражается не только в том, что законодатель может использовать институты этой отрасли для осуществления ряда специфических задач, проведение которых в жизнь предопределяет особенности отдельных групп и му щ е с т в е н н ы х отношений, регулируемых в гражданско-правовом порядке. Относительная самостоятельность рассматриваемой отрасли может выражаться также в том, что определенные гражданско-правовые формы, первичным материальным источником которых является товарное производство, распространяют свое действие и за сферу имущественных отношений. В результате этого неспецифические отношения, для регулирования которых использованы гражданско-правовые формы, вовлекаются («притягиваются») в орбиту советского гражданского права. «Отрасль права, как только ее возникновение было обусловлено наличием определенной типичной специфики поведения людей в определенных общественных отношениях, — пишет В. Кнапп, — притягивает к себе родственные отношения, которые вместе с тем, что является типичным, образуют внутреннюю слаженность отрасли права как единства»¹.

Здесь, однако, необходимо сделать следующую оговорку. Использование сложившихся правовых форм для регулирования неспецифических отношений не может быть обрисовано как их заимствование в готовом, цельном, нетронутом виде. Дело обстоит гораздо сложнее. С одной стороны, поскольку речь идет не о взаимодействии отраслей права, а о присоединении к специфическим отношениям некоторых неспецифических отношений, этот процесс означает распространение на последние из указанных отношений правового режима данной отрасли права в целом. Но, с другой стороны, используемые при регулировании неспецифических отношений правовые формы не могут не претерпеть определенных изменений, преобразований. Оставаясь в пределах правового режима данной отрасли, эти формы приобрета-

¹ *Кнапп В.* По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 117.

ют такие черты, которые в какой-то мере разнят их от аналогичных форм, характерных для отрасли права в целом.

3. Использование правовых форм данной отрасли права для регулирования неспецифических отношений возможно лишь постольку, поскольку для этого имеются определенные объективные предпосылки. В чем состоят эти объективные предпосылки? Почему оказывается возможным, скажем иначе, использование отдельных гражданско-правовых форм, выросших на почве товарного производства, для правового опосредствования личных неимущественных отношений?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо в первую очередь выяснить круг (состав) личных неимущественных отношений, допускающих по своей природе применение к ним гражданско-правового регулирования.

Принято считать, что постановления гражданских законов, посвященных регламентации общественных отношений, возникающих при причинении личности внедоговорного вреда, наряду с другими институтами характеризуют роль гражданского права в регулировании и личных неимущественных отношений, сообразно с чем в предмет гражданского права включаются отношения, складывающиеся по поводу жизни человека, его здоровья и телесной неприкосновенности. Правильное по некоторым пунктам это утвердившееся в цивилистике представление не может быть, однако, принято без весьма существенных оговорок.

Здесь не следует смешивать правовое значение тех или иных институтов с правовым регулированием, осуществляемым этими институтами. Так, например, нормы уголовного права непосредственно не регулируют имущественные отношения, но, устанавливая ряд составов по имущественным преступлениям, они имеют немаловажную роль в их охране, защите. В этом состоит правовое значение уголовного права. Но отсюда не следует, что нормы уголовного права охраняют определенные общественные отношения, но их не регулируют, как думают М. Д. Шаргородский и О.С. Иоффе¹. Охрана — это один из необходимых элементов (сторон) правового регулирования, и, следовательно, категорически утверждать, что уголовное право охраняет какой-то определенный комплекс общественных отношений, значит в то же самое время провозглашать тезис об их ре-

¹ Шаргородский М.Д., Иоффе О.С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 108.

гулировании со стороны рассматриваемой отрасли права. Между тем охранительная функция норм уголовного права состоит вовсе не в том, что они непосредственно регулируют имущественные отношения, а в том, что этим регулированием охватывается специфический вид общественных отношений — отношения между отдельными лицами, совершившими преступление, и обществом. Нормируя указанную группу отношений и охраняя в связи с этим правомочия государства по применению мер наказания к преступнику, уголовное право и выполняет охранительную функцию в области имущественных отношений, которые, однако, не входят в предмет регулирования этой отрасли права.

Аналогичную оценку должны получить гражданско-правовые нормы, которые регулируют отношения, возникающие при причинении личности внедоговорного имущественного вреда. Имеют ли упомянутые нормы гражданского права значение в охране личных неимущественных прав? По нашему мнению, да, имеют. При этом вряд ли правильно вслед за К.Ф. Егоровым категорически отрицать, что право на жизнь, право на здоровье, право на телесную неприкосновенность вообще не могут рассматриваться в качестве субъективных прав¹. Поскольку они регламентированы такими отраслями права, как право государственное, подобная квалификация указанных юридических возможностей имеет под собой прочные теоретические основания. Но К.Ф. Егоров прав, когда утверждает, что жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность не являются объектами гражданских правоотношений. Нормы гражданского права не регулируют личные неимущественные отношения, возникающие по поводу жизни, здоровья, телесной неприкосновенности. Свою охранительную функцию применительно к указанным личным отношениям гражданско-правовой институт возмещения внедоговорного вреда выполняет путем регулирования имущественных отношений.

Поэтому нельзя не согласиться с теми авторами, которые, характеризуя роль гражданского права в охране жизни, здоровья, телесной неприкосновенности как «косвенную» защиту², указывают на то, что жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность, нарушенные

¹ Егоров К.Ф. Личные неимущественные права граждан СССР // Ученые записки ЛГУ. Сер. юрид. наук. Вып. 4. 1953. С. 155–156.

² Агарков М.М. Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 68; см. также: Венедиктов А.В. О системе гражданского кодекса СССР // Советское государство и право. 1954. № 2. С. 27.

виновными действиями, в гражданском праве охраняются лишь «п о с р е д с т в е н н о», в виде возмещения имущественного вреда, связанного вредом личности¹.

Итак, личные, неимущественные отношения, складывающиеся по поводу жизни человека, его здоровья и телесной неприкосновенности, по своей объективной природе не допускают н е п о с р е д с т в е н н о г о применения гражданско-правовых форм регулирования. Однако такое применение возможно к иным видам личных неимущественных отношений — отношений, складывающихся по поводу и м е н и гражданина, его ч е с т и и д о с т о и н с т в а. Чем это объяснить?

Имущественные отношения, основным источником формирования и развития которых является товарное производство, потому требуют особого метода регулирования, что они выражают определенное имущественное состояние его участников. Это состояние характеризуется тем, что субъекты указанных имущественных отношений выступают в качестве имущественно о б о с о б л е н н ы х лиц, каждое из которых по отношению к другому действует на началах имущественно-распорядительной с а м о с т о я т е л ь н о с т и.

Имя, честь, достоинство гражданина — это также неотъемлемые атрибуты о т д е л ь н о г о («с а м о с т о я т е л ь н о г о», «д а н н о г о»²) лица, которые являются условиями правильной его оценки со стороны общества. Следовательно, указанные личные блага выражают определенное о б щ е с т в е н н о е с о с т о я н и е лица. А отсюда общественные отношения, складывающиеся по поводу имени, чести, достоинства граждан, имеют и з в е с т н ы е ч е р т ы с х о д с т в а с отношениями, регулируруемыми гражданским правом, — отношениями, также выражающими определенное с о с т о я н и е лица. Эти черты сходства дают себя знать при рассмотрении указанных групп общественных отношений как объектов правового регулирования (в особенности в плоскости з а щ и т ы соответствующих субъективных прав), так как в обоих случаях нарушение отношения означает н а р у ш е н и е о п р е д е л е н н о г о с о с т о я н и я, которое может быть в о с с т а н о в л е н о.

Таким образом, возможность использования гражданско-правовых форм для регулирования некоторых личных, неимущественных отношений вытекает из наличия о п р е д е л е н н ы х ч е р т с х о д -

¹ Новицкий И.Б., Луиц Л.А. Общее учение об обязательстве. Госюриздат, 1950. С. 197.

² См.: Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. Юриздат, 1941. С. 113.

с т в а между отношениями, складывающимися на основе имущественно-распорядительной самостоятельности их участников, и некоторыми личными неимущественными отношениями. Мы говорим «определенных черт сходства» и надеемся, что с учетом изложенного выдвинутые выше положения не будут расценены в качестве попытки отождествить эти весьма разнообразные группы общественных отношений. Сходство — это еще не тождество, а когда термин «сходство» применяется лишь к о п р е д е л е н н ы м чертам сопоставляемых отношений, то этим подчеркивается с у щ е с т в е н н о с т ь различий между ними.

В связи со сказанным нельзя признать правильным взгляд, который основывается на попытках известного отождествления имущественных и личных неимущественных отношений. Нельзя согласиться, например, с позицией В. Шенрата, который выводит личные неимущественные блага из имущественного положения лиц, из его функций собственника. «... оложение человека в качестве собственника, — пишет В. Шенрат, — является экономической предпосылкой для его общественного признания в качестве личности»¹. И несколько дальше: гражданское право регулирует личные отношения «только постольку, поскольку они связаны с положением лица в качестве собственника»². Автор явно не видит того очевидного обстоятельства, что ряд личных, неимущественных благ обладает независимой от имущественных связей ценностью, черпает свою социальную значимость в источниках, не имеющих ничего общего с имущественным состоянием лица.

Но как ни мало сходство между имущественными отношениями, складывающимися на основе товарного производства и некоторыми личными неимущественными отношениями, именно это сходство является объективной предпосылкой, предопределяющей возможность распространения некоторых гражданско-правовых форм на последнюю из указанных групп общественных отношений. Как справедливо пишет О.С. Иоффе, с тем, чтобы обеспечить должную оценку всех качеств гражданина со стороны общества, в ряде случаев необходимо потребовать воссоздание «условий, обеспечивающих обществу возможность правильно и по достоинству оценить его личность». «Нетрудно заметить, — указывает автор, — что нормы гражданского права вполне приспособлены к разрешению подобной задачи, ибо специфика метода гражданско-правовой охраны социалистических обще-

¹ Schönraht W. Zum Gegenstand des Zivilrechts // Staat und Recht. 1956. S. 739.

² Ibidem.

ственных отношений как раз и заключается в обеспечении *восстановления нарушенных прав*¹.

4. Вопрос о возможности распространения гражданско-правового регулирования на некоторые личные неимущественные отношения (имя, честь, достоинство советского гражданина) — это по преимуществу вопрос *de lege ferenda*, ибо в действующем законодательстве охрана личных неимущественных прав обеспечивается главным образом мерами, регламентированными уголовным, административным, трудовым и семейным правом. В действующем законодательстве меры гражданско-правового характера применяются для охраны тех личных неимущественных благ, которые тесно связаны с имущественными отношениями. Речь идет об объектах авторского и изобретательского права.

Объекты авторского и изобретательского права — это результаты творческой, духовной деятельности человека, получившей объективированное выражение в наличном, реально существующем произведении (авторское право) или изобретении (изобретательское право). Как продукт творческой деятельности автора или изобретателя, данный объект является основанием для определенных личных неимущественных прав. Как продукт его деятельности (затрат определенного количества качественно специфического общественно-полезного труда), указанный объект является основанием и *мущественных прав* автора или изобретателя. Однако, поскольку и личные, и имущественные права автора (изобретателя) имеют один и тот же объект, один и тот же продукт творческой деятельности, то они соединяются в единое и нераздельное (хотя и различимое в своих частях) правовое образование. Не случайно поэтому в литературе были предприняты попытки терминологически обозначить единство имущественных и личных неимущественных прав автора и изобретателя через термин «собственность» — право «литературной собственности», право «промышленной собственности»². В какой-то мере эти попытки могут быть оправданы: права автора и изобретателя, взятые в своем единстве, дают лицу правомочия, по ряду существенных черт сходные с правомочиями собственника по отношению к вещам. И если нельзя принять приведенные терминологические обозначения целиком, — поскольку тер-

¹ *Иоффе О.С.* Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР // Советское государство и право. 1956. № 2. С. 65.

² См.: *Амфитеатров Г.Н.* К вопросу о понятии советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 11. С. 96.

мин «собственность» прочно вошел в юридическую науку и практику для характеристики определенных вещных правомочий лица, — то они все же являются известным шагом вперед по сравнению с описательной и в сущности ничего не разъясняющей формулой «права автора» и «права изобретателя» — формулой, наводящей на мысль, что различные субъективные права соединяются здесь в единую категорию лишь по субъектному признаку.

Внутренняя нераздельность имущественных и личных правомочий автора (изобретателя) связана с особенностями имущественных и личных неимущественных отношений, возникающих по поводу результатов творческой деятельности автора (изобретателя). Более того: по мнению В.И. Серебровского, вообще «нет оснований связывать субъективное право автора непосредственно с теми или иными отношениями, регулируемым советским авторским правом»¹. Но если учесть, что субъективные права и правовые обязанности составляют лишь юридическую форму соответствующих общественных отношений, взгляд В.И. Серебровского может быть оправдан лишь фактом нераздельности этих общественных отношений, невозможностью полностью отделить в них имущественную и личную неимущественную стороны. Общественные отношения, имеющие своим предметом объективированные продукты творчества автора (изобретателя), едины. Это — органический слиток имущественных и личных отношений, в котором имущественный и личный неимущественный элементы могут быть выделены лишь в процессе их о с у щ е с т в л е н и я и л и н а р у ш е н и я.

Все это, однако, не должно вести к отрицанию связи авторских имущественных отношений с товарным производством — связи, которая находит свое выражение в предоставлении автору имущественно-распорядительной самостоятельности по использованию результатов своего труда, а также в эквивалентно-возмездном содержании имущественных отношений². Отношения по авторству и изобретательству в условиях действия объективного экономического закона стоимости неизбежно приобретают черты, которые предопределяют необходимость применения к этим отношениям гражданско-правового регулирования. «...В обществе, где действует закон стоимости, — пишет В. Кнапп, — субъект этих (личных. — С.А.) прав вступает (поскольку речь идет о результатах его мышления, умения и т.д.) в отно-

¹ *Серебровский В.И.* Вопросы советского авторского права. Изд-во АН СССР, 1956. С. 100.

² Ср.: *Гордон М.В.* Советское авторское право. Госюриздат, 1955. С. 17.

шения, аналогичные тем, которые возникли бы в том случае, е с л и б ы о н б ы л с о б с т в е н н и к о м»¹.

Таким образом, имущественно-распорядительная самостоятельность как признак, обособляющий круг регулируемых гражданским правом имущественных отношений, находит свое юридическое выражение не только в праве собственности и праве оперативного управления определенной частью имущества единого государственного фонда, но и в совокупности тех специфических правомочий, которые в законодательстве, науке и практике обобщенно именуется «правами автора» и «правами изобретателя».

Приведенные соображения являются еще одним доводом в пользу того, что при определении степени имущественной обособленности участников имущественных отношений, регулируемых гражданским правом, было бы неправильно указывать лишь на выступления субъектов в качестве собственников. В этом случае не только не были бы учтены особенности положения государственных органов как субъектов оперативного управления частью имущества государственного фонда, но и остались бы вне пределов гражданского права отношения по авторству и изобретательству. Используемая в настоящей работе итоговая формула — имущественно-распорядительная самостоятельность — при всей ее недостаточности позволяет увидеть во всех имущественных отношениях, складывающихся на основе товарного производства, то специфическое, что объединяет указанные отношения в единый предмет правового регулирования.

5. Подчеркивая единство, целостность прав автора (изобретателя) как с у б ъ е к т и в н о г о п р а в а, необходимо в то же время иметь в виду, что принадлежащие автору отдельные п р а в о м о ч и я как проявления его субъективного права имеют относительно самостоятельное, обособленное существование. Поэтому, поскольку речь идет об отдельных правомочиях автора (изобретателя), их классификация по признаку основного имущественного или личного содержания представляется возможной и необходимой.

Разумеется, проводя эту классификацию, не следует забывать того, что, будучи проявлениями единого субъективного права, указанные правомочия не могут быть отделены друг от друга непроходимой гранью. Но если этого не забывать, если, следовательно, учитывать, что каждое из правомочий имеет значение в охране и имущественных и личных интересов автора (изобретателя), то их классификация по основному содержанию ни в коей мере

¹ *Knapp В.* По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 120. (Разрядка наша. — С.А.)

не поколеблет представления о единстве субъективного права автора (изобретателя). По приведенным соображениям нам непонятен отказ В.И. Серебровского от классификации права автора по мотивам их единства, целостности, тем более что он четко разграничивает субъективное право автора как единство всех его правомочий и отдельные его правомочия. Если даже согласиться с тем, что «одно и то же принадлежащее автору право (правомочие) может при определенных условиях охранять и его имущественные и неимущественные интересы, причем в одних случаях будут одновременно охраняться и те и другие, в других же случаях, в зависимости от конкретных обстоятельств, вопрос будет идти об охране либо его имущественных, либо неимущественных интересов»¹, то это ни в коей мере не устраняет необходимости выяснить в отношении данного, конкретного правомочия того главного и решающего, что характеризует его содержание.

Какова природа тех отношений, в связи с которыми возникают правомочия, имеющие в основном личное и неимущественное содержание?

К числу этих правомочий обычно относят: 1) право на авторское имя; 2) право на авторскую честь; 3) право на опубликование произведения; 4) право на его неприкосновенность². При сопоставлении указанных правомочий с теми личными неимущественными правами, которые имеют самостоятельное значение (право на имя, честь, достоинство), сразу же бросается в глаза их известное единство. Личные неимущественные правомочия автора являются и з в е с т н ы м п р о д о л ж е н и е м общих правомочий субъектов гражданского права как л и ч н о с т и. Эти правомочия представляют собой определенную к о н к р е т и з а ц и ю общих личных неимущественных прав, обусловленную тем, что духовная деятельность лица как особой л и ч н о с т и воплотилась в определенном, внешне обособленном продукте. Указанные правомочия приобретают новое качество, в известной мере изменяют свой состав, выражаются в специфических формах, но все это вызвано тем, что лицо в процессе творческой духовной деятельности неразрывно связало себя с результатами своей деятельности.

Итак, общественные отношения по авторству и изобретательству целиком входят в сферу действия советского гражданского права не только по общим признакам предмета этой отрасли, но и в силу тех же самых причин, по которым оказывается возможным гражданско-правовое опосредствование личных неимущественных отношений,

¹ *Серебровский В.И.* Вопросы советского авторского права. Изд-во АН СССР, 1956. С. 107.

² Ср.: *Гордон М.В.* Советское авторское право. Госюриздат, 1955. С. 120.

имеющих самостоятельное значение. Если личные правоотношения авторов являются лишь известной конкретизацией его общих свойств как личности, то вполне естественно, что и здесь возможно использование метода гражданского права.

Единство личных неимущественных элементов в отношениях по авторству и изобретательству с личными неимущественными отношениями, на которые может быть распространено гражданско-правовое регулирование (имя, честь, достоинство гражданина), является лишь выражением органического единства институтов авторского и изобретательского права с другими институтами советского гражданского права. Напротив, своеобразие личных неимущественных прав, регламентированных нормами семейного права, может служить подтверждением самостоятельности соответствующей формы правового регулирования в системе советского права. Правда, ряд личных, неимущественных отношений, возникающих в сфере семейных и родственных связей, также является лишь известной модификацией личных отношений, имеющих общий характер. Такое значение имеют, например, отношения, регламентированные ст. 9, 34 КЗоБСиО. Их объективной основой является то личное благо, которое называется и м е н е м лица (супругов, их детей). С другой стороны, необходимо иметь в виду, что некоторым предписаниям КЗоБСиО не соответствуют какие-либо особые личные блага. Это, в частности, относится к предписаниям, согласно которым (1) оба супруга пользуются полной свободой выбора занятий и профессии, (2) перемена места жительства одним из супругов не создает для другого супруга обязанности следовать за ним, (3) оба супруга равны в воспитании детей. Здесь лишь в соответствии со сферой регулируемых отношений особо подчеркиваются отдельные элементы (стороны) гражданской правоспособности.

Но наряду с этим в рассматриваемой области общественных отношений имеются с п е ц и ф и ч е с к и е личные блага и возникающие по их поводу с п е ц и ф и ч е с к и е личные неимущественные отношения.

Самостоятельную, причем специфическую роль играют личные отношения, опосредствуемые в п р а в е н а в о с п и т а н и е д е т е й. С другой стороны, здесь могут быть выделены личные неимущественные отношения, выражающие обязанности членов советской семьи перед государством (прежде всего обязанности родителей по воспитанию детей).

Подведем некоторые итоги изложенному в обоих параграфах настоящей главы.

Советское гражданское право как часть надстройки над социалистическим базисом характеризуется о т н о с и т е л ь н о й с а м о с т о я т е л ь н о с т ь ю. Институты советского гражданского права

могут быть использованы для осуществления ряда специфических задач — задач, непосредственно не вытекающих из требований существующего при социализме товарного производства. С другой стороны, в силу той же относительной самостоятельности советского гражданского права его действие может быть распространено на некоторые личные неимущественные отношения. В дальнейшем будут указаны еще некоторые формы выражения относительной самостоятельности рассматриваемой отрасли.

Однако, в полной мере учитывая относительную самостоятельность правового регулирования в социалистическом обществе, не следует упускать из виду того главного и решающего, что определяет сущность советского гражданского права, — т о в а р н о г о п р о и з в о д с т в а. Указывая на относительную самостоятельность надстройки, Ф. Энгельс в то же время отмечал: «...сами люди делают свою историю, но в определенной, обуславливающей их среде, на основе уже существующих действительных отношений, среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие — политические и идеологические, — являются в последнем счете все же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пониманию»¹.

Красной нитью, пронизывающей все гражданско-правовое регулирование в социалистическом обществе и приводящей к пониманию его природы, закономерностей развития, специфических юридических черт, является определяющее влияние на советское гражданское право существующего при социализме товарного производства.

В соответствии с приведенными соображениями и строится план последующего изложения. Главная цель освещения некоторых особенностей гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе (гл. V) и его ведущих юридических черт (гл. VI) в пределах настоящей работы состоит вовсе не в том, чтобы предпринять полное и всестороннее исследование в указанных направлениях. Основная задача состоит в том, чтобы показать «к р а с н у ю н и т ь» гражданско-правового регулирования — его связь и обусловленность предметом регулирования — имущественными отношениями, складывающимися на основе товарного производства.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. Госполитиздат, 1948. С. 470. (Разрядка наша. — С.А.)

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРЕДМЕТ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

§ 1. Функции гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе. § 2. Дифференциация гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе. § 3. Основные тенденции развития гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе.

§ 1. Функции гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе

1. Советское право по своей социальной природе, функциям, содержанию, закономерностям развития и многим чертам нормативной формы представляет собой новый, своеобразный исторический тип права, в корне противоположный всем системам права эксплуататорского общества. Всецело приспособленное для осуществления задач, стоящих перед рабочим классом и всеми трудящимися в период строительства социализма и коммунизма, советское право выступает в качестве способа осуществления социалистической демократии, средства проведения организаторской работы социалистического государства в области народного хозяйства, мощного орудия коммунистического воспитания трудящихся.

Так же как и советское право в целом, советское гражданское право имеет социалистическую природу. То, что можно сказать о советском праве, как о праве нового и особого исторического типа, должно быть распространено и на рассматриваемую систему правовых норм. Однако проблема социальной природы гражданского права имеет и такие стороны, которые требуют специально рассмотрения.

К. Маркс и В.И. Ленин говорили о сохранении в социалистическом обществе остатков «буржуазного права» в связи с общественными отношениями по распределению труда и производимых продуктов, где при социализме с точки зрения внешних признаков «господ-

ствуется тот же принцип, который регулирует обмен товаров»¹. Но если можно утверждать о сохранении остатков «буржуазного права» в области внешней формы распределения материальных благ при социализме, то вполне оправданно аналогичное утверждение для отношений товарного хозяйства в социалистическом обществе. В какой мере указанное положение соответствует выводу о социалистической природе советского гражданского права?

Необходимо отметить, что авторы, отрицавшие социалистический характер советского права, указывали прежде всего на право гражданское. Так, Ю. Гейман писал, что нэп вызвал «рецепцию буржуазного хозяйственного права, как необходимого института для регулирования рыночных отношений...»². Еще более резко, хотя и с иных исходных теоретических позиций, высказывался Я. Канторович: «...наше имущественное право как в общих терминологических очертаниях своих, так и по содержанию своих нормативных постановлений, будет все более приближаться к обычным типам гражданских институтов, свойственных частнопрововому строю капиталистических стран»³.

При формально-догматическом сопоставлении некоторых норм советского гражданского права и гражданского права капиталистических стран для такого рода выводов можно как будто бы найти известные подтверждения. Взять хотя бы легальное определение правомочий собственника через указание на право владения, пользования и распоряжения — определение, которое содержится и в ГК РСФСР (ст. 58), и во многих кодексах буржуазных государств⁴.

Но стоит только обратиться к социальному содержанию норм советского гражданского права и гражданского права капиталистических стран, как упомянутые представления оказываются совершенно беспочвенными. Правда, неправильно было бы упрощать рассматриваемую проблему. Поскольку в социалистическом обществе имеется товарное производство и действует экономический закон стоимости, здесь могут быть обнаружены некоторые черты, свойственные всякому товарному производству, действию экономического закона стоимости

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 14; см. также: Ленин В.И. Соч. Т. 25. С. 436–441.

² Гейман Ю. Хозяйственное право к 14-летию Октября // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 44. С. 1031.

³ Канторович Я. Основные идеи гражданского права. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1928. С. 6.

⁴ См. по этому вопросу: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. Изд-во АН СССР, 1948. С. 17–21.

в любых исторических условиях — черты, которые не могут быть отменены или преобразованы¹. Поэтому в советском праве действительно встречаются такие положения, которые имеют по внешним признакам сходство с положениями иных систем права, также связанных с регулированием товарно-денежных отношений. Однако дальше внешнего сходства ряда нормативных положений, следовательно, сходства, касающегося лишь нормативной формы общественного регулирования, совпадение советского гражданского права и гражданского права капиталистических стран не идет.

Почему? Во-первых, потому, что общие черты, свойственные всякому товарному производству, имеют различное социальное значение в пределах той или иной экономической системы. Сообразно с этим не может быть отождествлено и правовое регулирование товарно-денежных отношений различных экономических систем, хотя бы оно и было связано с упомянутыми общими чертами. Во-вторых, потому, что общие черты, касающиеся товарного производства различных экономических систем, относятся именно к нормативной форме общественного регулирования. По сравнению с другими отраслями гражданское право в рассматриваемой плоскости отличается лишь одним: указанное сходство нормативной формы дает знать себя не только в целом, но и по отдельным областям правового регулирования, соответствующим отдельным элементам товарного хозяйства, в частности, в областях его общих экономических предпосылок (право собственности), тех или иных сторон его содержания (институты обязательственного права) и др. Отсюда — известное сходство нормативной формы по отдельным правовым институтам, имеющим «общий» характер, сходство, выражающееся подчас в совпадении некоторых формулировок нормативных положений.

Сходство нормативных форм гражданского права антагонистических формаций и советского гражданского права можно проследить по некоторым институтам, более или менее широко используемым Советским государством в период нэпа (договоры купли-продажи, подряда, имущественного найма и пр.). Однако, используя «старые» гражданско-правовые формы, советский законодатель установил в соответствии с указаниями В.И. Ленина² целый ряд ограничений и добавлений, что и изменило коренным образом сущность этих форм, наполнив их новым, социали-

¹ См.: *Гатовский Л.* Об использовании закона стоимости в социалистическом хозяйстве // *Коммунист.* 1957. № 9. С. 39; *Островитянов К.* Товарное производство и закон стоимости при социализме // *Коммунист.* 1957. № 13. С. 85–86.

² *Ленин В.И.* Соч. Т. 36. С. 518.

стическим содержанием. Этого не могли не увидеть даже некоторые буржуазные правоведы. «Советские кодексы, — писал директор Института сравнительного права в Лионе проф. Эд. Лямбер, имея в виду гражданский и семейный кодексы, — магическое зеркало, — стакан воды Жозефа Бальзамо, — где глаз историка видит, как уж вырисовываются очертания нового правового режима...»¹

Вместе с тем, указывая на наличие сходства в нормативной форме ряда институтов советского гражданского права и гражданского права антагонистических формаций, необходимо отметить, что в советском гражданском праве, в особенности после победы социализма в экономике страны, все большее и большее значение приобретают такие специфические правовые институты, которые даже по своей внешней форме не имеют ничего сходного с институтами буржуазного гражданского права (хозяйственные договоры в области планового социалистического хозяйства, договоры хозяйственного и культурного обслуживания граждан и др.).

2. В наиболее общем виде система факторов, определяющих социалистическую природу советского гражданского права, может быть охарактеризована следующим образом.

Социалистическая природа советского гражданского права обусловлена с э к о н о м и ч е с к о й с т о р о н ы прежде всего тем, что основу (главную сторону) социалистических производственных отношений, являющихся базисом нашего общества в целом, составляет общественная, социалистическая собственность на средства производства, исключая частную собственность на средства производства и, следовательно, эксплуатацию человека человеком. Именно отсюда вытекают антиэксплуататорская сущность советского гражданского права, его основные черты как права особого исторического типа. С этими же чертами связано и выражение в советском гражданском праве требований экономических законов социализма, в первую очередь требований основного экономического закона социализма и закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Гражданско-правовое регулирование имущественных отношений в социалистическом обществе немыслимо вне социалистического планирования, вне планового использования закона стоимости, осуществляющегося, в частности, в началах

¹ Лямбер Эд. Введение к переводу советских кодексов, гражданского и семейного, на французский язык // Иностранная критика советского гражданского кодекса / Под ред. проф. С. Ландкофа. Харьков: Юриздат УССР, 1928. С. 50.

хозяйственного расчета. С указанных позиций, как нам представляется, и следует понимать знаменитые слова В.И. Ленина о том, что «мы ничего «частного» не признаем, для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное»¹.

Социалистическая природа советского гражданского права с политической стороны обусловлена тем, что гражданское право как составная часть социалистического права в целом является орудием диктатуры рабочего класса, необходимым средством осуществления функции социалистического государства. Выражая волю рабочего класса и всех трудящихся, оно выступает в качестве одной из форм социалистической демократии, ведущие начала которой (полное равенство всех граждан, обеспеченность их прав, неуклонное соблюдение социалистической законности и др.) пронизывают собой в условиях социализма все гражданско-правовое регулирование.

Социалистическая природа советского гражданского права с идеологической стороны обусловлена тем, что нормотворческая деятельность Советского государства в области гражданского права воплощает в жизнь положения теории марксизма-ленинизма. Все важнейшие хозяйственные, политические, социально-культурные мероприятия, связанные с использованием гражданско-правовой формы регулирования имущественных отношений в социалистическом обществе, проводятся под непосредственным руководством Коммунистической партии Советского Союза, ее Центрального Комитета. Руководящая роль КПСС — это идеологический источник развития советского гражданского права и одновременно с этим мощная организующая сила, обеспечивающая проведение идей марксизма-ленинизма в жизнь.

Социалистическая природа советского гражданского права с морально-этической стороны обусловлена высокими принципами социалистической нравственности, идеалами и моральными ценностями общества, строящего коммунизм. Неразрывно связанные с характером социалистических производственных отношений, — отношений сотрудничества, дружбы и взаимопомощи — эти высокие принципы нравственности накладывают свою печать на само содержание гражданско-правовых институтов, проводящих начала солидарности интересов участников имущественных отношений.

Экономические, политические, идеологические и морально-этические факторы, определяющие социалистическую природу советского

¹ Ленин В.И. Соч. Т. 36. С. 518.

гражданского права, в равной мере определяют социалистическую природу и других отраслей советского права. Они поэтому являются предметом изучения общей теории права. В науке гражданского права указанные факторы изучаются главным образом с точки зрения специфических форм выражения, вызванных к жизни особенностями предмета гражданско-правового регулирования, — форм, рассматриваемых в качестве принципов гражданского права.

В науке права проблема правовых принципов может получить разработку в двух направлениях.

Во-первых, в качестве правовых принципов можно рассматривать специфические формы выражения факторов, обуславливающих социальную природу той или иной системы права. Во-вторых, указанная категория может в обобщенной форме отражать содержание и характерные юридические черты данной совокупности норм (отрасли права, правового института, области права, образованной в соответствии с началами комплексной систематизации)¹.

В советской юридической литературе проблема принципов советского гражданского права обычно рассматривается в первом из указанных направлений². Однако в последнее время некоторые авторы предприняли попытку охарактеризовать в качестве гражданско-правовых принципов некоторые юридические категории. Так, по мнению Л.С. Галесника, «к принципам гражданского права следует отнести: 1) активную защиту гражданско-правовыми средствами социалистического хозяйства и социалистической собственности в сфере имущественных отношений; 2) строгое соблюдение договорных обязательств как выражение государственной дисциплины и условие устойчивости хозяйственных связей и отношений; 3) обязательность плановых предписаний как основание возникновения правоотношений между социалистическими организациями и сочетание интересов и имущественных прав социалистических предприятий с имущественными интересами граждан, охрана личной собственности; 4) поддержание оперативной самостоятельности социалистических организаций в хозяйственной деятельности в целях осуществления хозяйственного расчета и т.д.»³. Правда, автор не везде учитывает своеобразие предмета гражданского права (п. 3), а также, как нам думается, не проводит четких различий между принципами и функциями гражданско-правового регулирования. Но в целом характеристика принципов советского гражданского права, предложенная Л.С. Галесником, представляет несомненный научный интерес.

¹ Ср.: Раїхер В.К. Общественно-исторические типы страхования. Изд-во АН СССР, 1947. С. 230.

² См., например: Советское гражданское право: Учебник для юрид. вузов / Под ред. Д.М. Генкина. Госюриздат, 1950. С. 7—11.

³ Правоведение. 1959. № 1. С. 167.

3. Специфические черты советского социалистического гражданского права проявляются во всех сторонах гражданско-правового регулирования имущественных отношений. Под каким бы углом зрения мы ни рассматривали институты советского гражданского права — анализировали эти институты под углом зрения генезиса их, формирования или характера их действия, или особенностей их связи с правовыми институтами других отраслей и т.д., мы каждый раз получим совпадающие результаты, каждый раз будут найдены такие черты в содержании гражданско-правового регулирования имущественных отношений, которые указывают на социалистическую природу этой отрасли права. Однако среди направлений исследования социалистической природы советского гражданского права, рассматриваемой со стороны предмета гражданско-правового регулирования, особое значение имеет анализ особенностей его с о ц и а л ь н о й р о л и.

В советской цивилистической науке изучение функций правовых институтов в отношении социалистического базиса всегда занимало видное, почетное место. Мы не найдем ни одного советского автора, который бы не ставил перед собой задачу по исследованию роли институтов советского гражданского права в соответствии с закономерностями взаимодействия социалистического базиса и социалистической надстройки.

Однако при анализе социальной роли советского гражданского права внимание исследователей обычно сосредоточивается на характеристике народнохозяйственного, воспитательного значения о т д е л ь н ы х гражданско-правовых институтов — планового договора, гражданской ответственности, исковой давности и др. В чем же состоит социальная роль советского гражданского права в ц е л о м?

Здесь прежде всего обращает на себя внимание коренная противоположность социальной роли советского гражданского права и гражданского права в антагонистических формациях — противоположность, которая не может получить необходимого экономического обоснования, если не учитывать главного фактора, определяющего формирование и развитие регулируемых гражданским правом имущественных отношений, — товарного производства.

Гражданско-правовое регулирование в условиях товарного производства, основанного на частной собственности на средства производства, имеет п а с с и в н ы е ф у н к ц и и, что в полной мере обеспечивает с правовой стороны действие экономических законов

соответствующих экономических систем, эксплуатацию человека человеком. Именно по отношению к буржуазному гражданскому праву Ф. Энгельс писал, что его роль «с в о д и т с я к тому, что оно санкционирует существующие, при данных обстоятельствах нормальные, экономические отношения между отдельными лицами»¹. Характер обратного воздействия гражданского права на экономические отношения в антагонистических формациях обусловлен сущностью товарного производства, основанного на частной собственности на средства производства. В товарном производстве этого типа связи между производством и потреблением, отраслями хозяйства, отдельными предприятиями устанавливаются за спиной товаропроизводителей посредством стихийного механизма рынка. Экономический закон стоимости является здесь регулятором производства, что определяет и функции товарного хозяйства рыночного типа как хозяйства, функционирующего в соответствии со стихийно действующими, слепыми экономическими законами. В этих условиях роль правовых институтов, опосредствующих имущественные связи в области товарно-денежных отношений, принципиально не может иметь активного характера: гражданское право лишь санкционирует существующие, при данных обстоятельствах нормальные, отношения между отдельными лицами. Усиливающаяся же в период империализма практика «вмешательства» буржуазного государства в «частноправовые отношения» — «вмешательства», проводимого в интересах монополистического капитала, осуществляется в формах административно-правового регулирования.

В социалистическом обществе закон стоимости, подчиненный всей системе экономических законов социализма, потерял функции регулятора производства. Имущественная обособленность производителей, выражающая специфику организации отношений государственной и кооперативно-колхозной собственности, ни в коей мере не препятствует планомерной организации труда в масштабе всего общества. Экономические связи между производством и потреблением, отраслями хозяйства, отдельными предприятиями устанавливаются при социализме плановым путем на основе закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства в соответствии с требованиями основного экономического закона социализма. Товарно-денежные отношения в этих условиях не только не исключают возможность их активного, планомерного регулирования, но по своей

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 376. (Разрядка наша. — С.Л.)

природе объективно требуют его. Следовательно, роль гражданского права не может здесь сводиться к тому, чтобы только санкционировать существующие экономические отношения между отдельными лицами. Гражданское право в социалистическом обществе имеет *активные, творчески-созидательные функции*. Едва ли поэтому прав М.Г. Александров, когда пишет, что значение гражданского права ограничивается санкционированием существующих нормальных экономических отношений между конкретными субъектами «в любой системе права...»¹. Верная в отношении гражданского права антагонистических формаций и правильно отражающая зависимость любой системы права от базиса общества эта характеристика оказывается недостаточной при анализе *социального значения советского социалистического гражданского права*.

Советское гражданское право является не только необходимым продуктом существующего при социализме товарного производства. Оно выступает, кроме того, *важнейшим средством, при помощи которого Советское государство активно воздействует на общественные отношения*. В чем состоит это воздействие?

Отвечая на поставленный вопрос, необходимо, разумеется, учитывать, что советское гражданское право как часть надстройки над социалистическим базисом характеризуется *относительной самостоятельностью*.

Гражданско-правовые институты могут быть использованы, как мы видели, для претворения в жизнь задач, связанных с осуществлением коммунистических начал распределения материальных и культурных благ, задач по материальному обеспечению граждан и др. С другой стороны, гражданско-правовое регулирование может быть распространено на некоторые личные неимущественные отношения. Однако если неверно недооценивать возможность использования Советским государством *относительной самостоятельности гражданского права*, то в то же самое время нельзя забывать, что эта самостоятельность *относительна*. И дело здесь не только в том, что использование гражданско-правовых институтов в указанных выше направлениях оказывается возможным лишь постольку, поскольку в содержании гражданско-правового регулирования имеются соответствующие объективные предпосылки. Дело в том, что *главные направления использования относительной самостоятельности советского*

¹ Александров Н.Г. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе // Вопросы философии. 1957. № 1. С. 46.

гражданского права предопределены его «красной нитью» — связью этой отрасли советского права с существующим при социализме товарным производством. Эти главные направления активного воздействия советского гражданского права на общественные отношения социалистического общества состоят в том, что гражданско-правовые институты используются Советским государством для (1) организации отношений товарного производства и (2) осуществления его функций.

4. Роль советского гражданского права в организации товарного производства при социализме дает о себе знать тем отчетливее, чем в меньшем объеме используются в данной области имущественных отношений методы централизованного государственного регулирования. Именно поэтому при организации товарных отношений на «неорганизованном» рынке столь ярко проявляется регулирующее значение гражданско-правовых институтов — договоров, заключенных дирекцией колхозных рынков с колхозами, и системы комиссионной продажи населению продуктов сельскохозяйственного производства¹.

В пределах товарно-денежных отношений, функционирование которых обеспечивается всесторонним централизованным государственным воздействием, гражданско-правовые формы также играют важную роль. Однако их регулирующее воздействие на товарно-денежные отношения осуществляется не само по себе, не изолированно, а в с о ч е т а н и и с мерами централизованного государственного регулирования, проводимыми посредством системы административно-правовых отношений. Поэтому надлежащая теоретическая разработка гражданско-правовых институтов, опосредствующих имущественные отношения на указанных участках товарного производства, необходимо предполагает рассмотрение их в с о о т н о ш е н и и с другими формами государственного регулирования механизма товарного производства.

Именно с таких позиций, как нам представляется, следует подойти к определению х о з я й с т в е н н о г о д о г о в о р а по советскому праву. Если справедлив взгляд, согласно которому неправильно сводить рассматриваемую категорию только к договору поставки², то можно ли идти дальше и объявить «хозяйственным» всякий договор в области хозяйства, безотносительно от его социальной роли и юридических признаков? По-видимому, нет, ибо в этом случае окажется,

¹ См. выше. С. 107.

² См.: *Шварц Х.И.* Договор автомобильной перевозки. Госюриздат, 1955. С. 46–47; *Райхер В.К.* Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 3–4 и др.

что хозяйственный договор существует в любой системе права, так как в любом обществе имеется «хозяйство». Между тем «хозяйственный договор» представляет собой специфическое правовое явление, свойственное лишь социалистическому праву.

Хозяйственный договор — это необходимый продукт п л а н о в о - г о с о ц и а л и с т и ч е с к о г о х о з я й с т в а, являющийся в то же самое время одним из инструментов р е г у л и р о в а н и я отношений товарного производства при социализме. Он называется «хозяйственным» не столько потому, что имеет хозяйственное содержание, сколько потому, что в условиях социализма товарно-денежные отношения в области хозяйства охватываются специфической системой регулирования, в связи с которой этому договорному типу свойствен ряд особых правовых черт. Значит ли это, что к числу хозяйственных (плановых) договоров следует относить лишь те договорные соглашения между социалистическими хозяйственными организациями, которые возникают на основе индивидуальных плановых актов органов советского государственного управления? На наш взгляд, на этот вопрос следует дать отрицательный ответ.

Плановая «завязка» хозяйственных отношений между социалистическими организациями является лишь одним из способов организации товарного производства при социализме. Если Советское государство в данной области имущественных отношений признало нецелесообразным применение указанного способа, то остаются все иные способы (организация отношений собственности, регламентация правосубъектности, регулирование общих условий хозяйственных отношений и др.), и договорные соглашения в своей основе сохраняют плановый характер.

Известно, например, что в последние годы изменился порядок планирования по отдельным видам продукции. Розничные торговые организации с 1956 по 1957 г. заключают договоры с оптовыми организациями на покупку многих товаров потребительского снабжения не во исполнение плановых предписаний, а руководствуясь спросом населения. Советам народного хозяйства предоставлено право разрешать подведомственным предприятиям и организациям реализовать без фондов социалистическим организациям промышленности продукцию, которая не имеет сбыта по фондам¹.

Но и здесь сохраняются все те формы государственного регулирования отношений товарного производства при социализме, в един-

¹ Пункт 84 Положения о Совете народного хозяйства экономического административного района, утвержденного Постановлением Совета Министров СССР от 26 сентября 1957 г. (СП. 1957. № 12. Ст. 121).

стве с которыми должны рассматриваться договорные соглашения. Поэтому и «в данном случае договор, опосредствующий отношения, представляет разновидность планового договора»¹.

А.В. Дозорцев, сделавший вывод о плановом характере рассматриваемых договорных соглашений, совершенно правильно исходит из многообразия форм государственного регулирования отношений между социалистическими организациями². Следует заметить, что указанный вывод — это закономерное следствие предложенного автором и разделяемого нами подхода к сущности договорного регулирования в социалистическом хозяйстве, при котором различаются многообразные формы связи договора и планово-регулирующих предписаний и при котором о самой этой связи можно говорить «как о закономерности договорного регулирования экономического оборота на товарной основе, при государственной (социалистической) собственности на важнейшие орудия и средства производства и государственном планово-регулирующем воздействии на экономический оборот»³.

5. Одно из главных направлений активного воздействия советского гражданского права на социалистические отношения состоит в том, что гражданско-правовые институты используются Советским государством как необходимые инструменты в проведении функций товарного производства.

Товарное производство при социализме имеет совершенно иные функции, чем товарное производство антагонистических формаций: оно выступает в качестве планомерно используемого рычага экономического стимулирования деятельности социалистических организаций и общественного контроля за результатами этой деятельности⁴. В социалистическом обществе

¹ Дозорцев А.В. 40 лет советского договора // Научные записки Института внешней торговли МВТ СССР. Внешторгиздат, 1958. С. 117.

² Там же. С. 116–117.

³ Дозорцев А.В. 40 лет советского договора. С. 89–90; см. *Его же*. Некоторые вопросы договорного регулирования отношений по поставке // Научные записки Института внешней торговли. МВТ СССР. Внешторгиздат, 1955. С. 136 и след.

⁴ См.: Готовский Л. Об использовании закона стоимости в социалистическом хозяйстве // Коммунист. 1957. № 9. С. 41–43; *Его же*. Доклад «Товарно-денежные отношения в период перехода от социализма к коммунизму» (отчет) // Вопросы экономики. 1958. № 9. С. 96–100; *Его же*. Товарно-денежные отношения в период перехода от социализма к коммунизму // Вопросы строительства коммунизма в СССР. Изд-во АН СССР, 1959. С. 129–157; *Его же*. Социалистический принцип материальной заинтересованности и использования товарно-денежных отношений // Коммунист. 1959. № 1. С. 69 и след.; Ба-

в процессе функционирования товарного производства между субъектами, обладающими обособленным в области хозяйства имуществом, складываются о с о б ы е хозяйственные связи. Но эти последние не имеют самодовлеющего значения: они являются д о п о л н и т е л ь н ы м и по отношению к тем связям, которые устанавливаются плановым путем на основе закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства в соответствии с требованиями основного экономического закона социализма. Это значит, что они не только соответствуют плановым отношениям, но по своей объективной природе призваны с о д е й с т в о в а т ь их наиболее рациональному, наиболее эффективному осуществлению. Товарное производство при социализме — это необходимый экономический м е х а н и з м, о б с л у ж и в а ю щ и й в ы с о к о о р г а н и з о в а н н о е п л а н о в о е с о ц и а л и с т и ч е с к о е х о з ы а й с т в о. Оно только и может существовать как необходимое на первой фазе коммунизма с р е д с т в о, способствующее надлежащему функционированию хозяйства, основанного на плановых началах. Вне планового, централизованного хозяйства товарное производство при социализме («товарное производство особого рода») немислимо, невозможно.

Функция материального стимулирования и функция общественного контроля являются д в у е д и н ы м и функциями товарного производства при социализме. Они осуществляются в основном при помощи единых экономических средств: стоимостного учета общественных и индивидуальных затрат и сопоставления их с результатами производства, возмещения затрат в денежной форме, образования различных денежных фондов, проверки деятельности предприятия при реализации продукции и др. Ряд показателей, которые дают возможность осуществлять общественный контроль за деятельностью предприятия, в то же самое время обеспечивают материальное стимулирование этой деятельности.

Особо следует подчеркнуть, что правильное понимание особой социальной роли товарного производства в социалистическом обществе возможно лишь постольку, поскольку с достаточной полнотой осмыслены его причины, его природа как экономического инструмента, сложившегося в соответствии с марксистско-ленинским учением об экономической организации общества на первой фазе коммунизма. Если не связывать наличие товарного производства при социализме с формами имущественной обособленности, возникновение и существование которых в той или иной степени обусловлено проведением в жизнь начал материальной заинтере-

тырев В. О необходимости и природе товарного производства при социализме // Вопросы экономики. 1958. № 8. С. 111—112; *Кронрод Я.* О товарном производстве в условиях социализма // Вопросы экономики. 1958. № 10. С. 111—113 и др.

сованности, то совершенно невозможно понять, почему оно выполняет рассмотренные выше функции. Функции какого-либо явления не могут не соответствовать его объективной природе. С этой точки зрения следует признать, что возможность использования товарного производства по линии материального стимулирования и общественного контроля заложена в самой его объективной природе.

6. Специфика функций советского гражданского права, являющаяся ярким свидетельством его особенностей как права нового и особого исторического типа, находила обычно признание в советской юридической литературе при характеристике связей между рассматриваемой отраслью права и началами хозяйственного расчета (вопросы правосубъектности социалистических хозяйственных организаций, хозяйственного договора и др.).

Хозяйственный расчет принято рассматривать как форму (метод) планового ведения хозяйства, основанную на использовании закона стоимости¹. Обеспечивая стоимостный учет общественных и индивидуальных затрат в их сопоставлении с результатами общественного труда, хозяйственный расчет как форма (метод) планового ведения хозяйства выражается в ряде организационных принципов построения и деятельности социалистических хозяйственных организаций. Главные из этих принципов состоят в том, что с экономической стороны обеспечивается оперативно-хозяйственная (экономическая) самостоятельность предприятий в выполнении плановых заданий: за предприятиями закрепляется определенное имущество в оперативное управление, в соответствии с чем предприятия возмещают свои расходы за счет доходов, полученных в результате реализации продукции.

Не трудно заметить, что хозяйственный расчет является в конечном счете формой, обеспечивающей в построении и деятельности социалистических хозяйственных организаций максимальное использование функций существующего при социализме товарного производства. Хозяйственный расчет возник при включении государственных предприятий в сферу товарного обращения; он существует в настоящее время в качестве организационной формы, выражающей использование Советским государством функций товарного производства. Нам представляется, что именно такая характеристика следует из ленинского положения о том, что «тресты и предприятия на хозяйствен-

¹ См., например: *Готовский Л.* Об использовании закона стоимости в социалистическом хозяйстве // *Коммунист.* 1957. № 9. С. 42–43.

ном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали, и притом всецело отвечали, за безубыточность своих предприятий»¹. Хозрасчет потому «выявляет лицо предприятия, способствует рационализации производства, правильной организации сбыта и снабжения»², что проводит в области организации и деятельности социалистических хозяйственных организаций объективные экономические требования закона стоимости, товарного производства, его функции материального стимулирования и общественного контроля.

Таким образом, высказанные в литературе положения о роли советского гражданского права в укреплении хозяйственного расчета, налаживании режима экономии, усилении контроля рублем³ в конечном счете касаются функций существующего при социализме товарного производства.

Следует, однако, иметь в виду, что при исследовании экономической природы советского гражданского права было бы неправильно ориентироваться т о л ь к о на начала хозяйственного расчета: хозяйственный расчет является промежуточным звеном между товарным производством (действием экономического закона стоимости) и правовым регулированием имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства. Поэтому в предшествующем изложении, выясняя экономическую природу советского гражданского права, мы сразу же сконцентрировали свое внимание на главном и основном — на товарном производстве, действии экономического закона стоимости. Но в тех случаях, когда речь шла об использовании Советским государством закона стоимости и стоимостных форм, о функциях товарного производства, мы имели дело с теми же самыми экономическими явлениями, которые в области построения и деятельности социалистических хозяйственных организаций рассматриваются как принципы хозяйственного расчета.

7. Осуществление в институтах советского гражданского права функций товарного производства — это не автоматический, стихийно действующий процесс. Использование государством гражданско-правовых институтов для проведения функций товарного производства представляет собой одну из форм о т н о с и т е л ь н о й с а м о с т о я т е л ь н о с т и права, предопределенной особенностями существующего при

¹ Ленин В.И. Соч. Т. 35. С. 468.

² Постановление ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. «О реорганизации управления промышленностью», Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. II: Сборник документов. Госполитиздат, 1957. С. 127.

³ См., например: Новицкий И.Б. Роль советского гражданского права в осуществлении хозрасчета и режима экономии. Госюриздат, 1955.

социализме товарного производства. Поэтому использование государством гражданско-правовых институтов для проведения функций товарного производства может получить различное нормативное выражение. Вся история советского гражданского права, в особенности в период социализма, является в конечном счете историей поисков, становления и развития правовых форм, способных с наибольшей эффективностью содействовать осуществлению функций товарного производства — функций материального стимулирования и общественного контроля.

Сошлемся в порядке иллюстрации приведенных выше теоретических положений на некоторые гражданско-правовые формы, применяемые в настоящее время Советским государством в целях материального стимулирования общественного производства, участия в общественном производстве граждан.

а) Предоставление участникам имущественных отношений благоприятных возможностей для выбора контрагента, а также выбора соответствующего объекта, обеспечивающего удовлетворение интересов управомоченного лица. Само построение хозяйственных связей в сфере действия советского гражданского права таково, что участники имущественных отношений имеют возможность в определенных пределах проявлять инициативу в выборе своих контрагентов, и в особенности в выборе соответствующих объектов. С целью создания участникам гражданского оборота наиболее благоприятных условий для такого выбора гражданско-правовое законодательство выработало систему и н д и в и д у а л и з а ц и и контрагентов (институт фирмы) и объектов (институты стандартизации, производственной марки, товарного знака). Эта система имеет серьезное стимулирующее значение, в частности, является действенным фактором в борьбе за высокое качество выпускаемой социалистическими организациями продукции¹.

б) Обеспечение участникам имущественных отношений максимальных юридических гарантий удовлетворения их интересов. Производственная (хозяйственная) деятельность участников имущественных отношений стимулируется тем, что сама структура гражданско-правовых связей обеспечивает им надежные (поскольку это возможно вне мер ответственности) гарантии удовлетворения их интересов.

¹ См.: Граве К.А. О некоторых правовых формах борьбы за качество продукции // Сборник научных работ Московского института народного хозяйства имени Г.В. Плеханова. Госторгиздат, 1955. С. 45–78.

В области отношений между социалистическими организациями такое обеспечение достигается для одной стороны (кредитора) путем сочетания гражданско-правовой обязанности должника перед кредитором с его обязанностью непосредственно перед государством¹; а для другой стороны (должника) — путем возложения на кредитора определенной совокупности специфических («кредиторских») обязанностей, среди которых важнейшая роль принадлежит обязанности по содействию должнику в исполнении обязательства². Существенное значение в обеспечении интересов сторон имеет участие в исполнении денежных обязательств между социалистическими организациями Государственного банка СССР, который выступает в качестве не только «посредника», но и государственного органа, своей деятельностью способствующего надлежащему выполнению сторонами своих обязанностей. Наконец, одно из первых мест среди выработанных в ходе социалистического строительства правовых мер, обеспечивающих участникам имущественных отношений наиболее полные гарантии удовлетворения их интересов, принадлежит принципу **р е а л ь н о г о и с п о л н е н и я о б я з а т е л ь с т в а**, в соответствии с которым исполнение по обязательству должно быть произведено должником в н а т у р е³.

На наш взгляд, вывод В.К. Райхера, согласно которому принцип реального исполнения «имеет в виду *специальный* круг случаев нарушения договорной дисциплины и означает определенное регулирование *последствий* такого нарушения, не допускающее замену исполнения в натуре денежны-

¹ Ср.: *Новицкий И.Б., Луц Л.А.* Общее учение об обязательстве. Госюриздат, 1950. С. 270; *Новицкий И.Б.* Роль советского гражданского права в осуществлении хозрасчета и режима экономии. Госюриздат, 1955. С. 89; Особо обстоятельно — *Райхер В.К.* Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 59–73.

² См.: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. Юриздат, 1940. С. 62–67; *Новицкий И.Б.* Участие кредитора в исполнении договорного обязательства // Советское государство и право. 1947. № 7. С. 24–33; *Новицкий И.Б., Луц Л.А.* Общее учение об обязательстве. Госюриздат, 1950. С. 390–397; *Садиков О.Н.* Участие кредитора в исполнении договорного обязательства между государственными предприятиями: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. ВИЮН, 1953; *Райхер В.К.* Новая роль кредитора в советском социалистическом праве // Очерки по гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1957. С. 11–127; *Его же.* Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 74–116.

³ См.: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. Юриздат, 1940. С. 46–49; *Новицкий И.Б.* Реальное исполнение обязательств // Труды научной сессии ВИЮН 1–6 июля 1946 г.; *Новицкий И.Б., Луц Л.А.* Общее учение об обязательстве. Госюриздат, 1950. С. 292–299; *Венедиктов А.В.* Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. Изд-во АН СССР, 1954. С. 84–85; *Яковлева В.Ф.* Реальное исполнение обязательств — одно из условий выполнения народнохозяйственного плана // Ученые записки ЛЮИ. Вып. VI. Изд-во ЛГУ, 1954. С. 99–128; *Райхер В.К.* Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 19–58.

ми выплатами»¹, является спорным. Упомянутые автором последствия — это результаты н а р у ш е н и я принципа реального исполнения, а не сам этот принцип. Как нам представляется, неверно было бы переносить принцип реального исполнения в область гражданско-правовой ответственности: категорические требования о недопустимости замены исполнения в натуре денежным эквивалентом относятся к самому построению гражданско-правовых связей, оно определяет с о д е р ж а н и е договорной дисциплины, а не регулирование последствий правонарушений.

в) Предоставление участникам имущественных отношений определенных льгот и преимуществ. Советское гражданское право содействует материальному стимулированию деятельности субъектов гражданского оборота путем предоставления в соответствующих случаях некоторым из них известных льгот и преимуществ.

Вот один из характерных примеров, иллюстрирующих рассматриваемую особенность гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе. В соответствии с правилами обмена промышленных товаров в розничной торговой сети, утвержденными приказом министра торговли СССР от 15 июня 1956 г., покупателю не только предоставляется право обменять товар в случае его недоброкачественности, но и при определенных условиях «обменять в магазине на аналогичный товар приобретенную верхнюю одежду, головные уборы, обувь, штучный текстиль, трикотажные изделия и женские сумки, если купленный товар не подошел по форме, фасону, расцветке или размеру»².

Необходимо, кроме того, иметь в виду, что в ряде случаев гражданско-правовые меры воздействия с о ч е т а ю т с я с мерами поощрения, осуществляемыми через систему административно-правовых отношений. Так, при железнодорожной перевозке грузов наряду со штрафными санкциями за нарушение плана маршрутизации (абз. V ст. 180 Устава ж. д. СССР), установлены премии за надлежащее выполнение и перевыполнение заданий по маршрутизации (§ 7–11 Правил перевозки грузов отправительскими маршрутами)³.

г) Обеспечение возможности правового воздействия на участников имущественных от-

¹ Райхер В.К. Указ. соч. С. 20.

² Сборник нормативных материалов по советскому гражданскому праву. Ч. II. ВЮЗИ, 1958. С. 7.

³ Правила перевозок отдельных видов грузов и выполнения коммерческих операций на станциях и железнодорожных подъездных путях. Транжелдориздат, 1955. С. 94–96.

ношений путем применения заинтересованным лицом гражданско-правовых санкций. Стимулирующее значение санкций как неблагоприятных для обязанной стороны гражданско-правовых последствий нарушения обязательства¹ проявляется в двух направлениях. С одной стороны, угроза возможных материальных потерь при применении санкций побуждает пассивную сторону правоотношения надлежащим образом исполнять свои обязанности. С другой стороны, поступление (полностью или частично) сумм санкций в доход уполномоченного побуждает последнего воздействовать на своего контрагента, а также совершать в необходимых случаях положительные действия, способствующие исполнению обязательства.

В ходе социалистического строительства выработаны разнообразные гражданско-правовые меры воздействия на нарушителей государственной дисциплины. Эти меры могут быть подразделены на денежные («имущественно-предоставительные») санкции и оперативные санкции.

Д е н е ж н ы е («имущественно-предоставительные») санкции по своему содержанию характеризуются тем, что правонарушитель уплачивает (предоставляет) стороне, интересы которой пострадали в результате правонарушения, определенную денежную сумму (или «иную имущественную ценность» — ст. 141 ГК РСФСР) в виде возмещения убытков или неустойки (штрафов, пени, «санкций»).

О п е р а т и в н ы е гражданско-правовые санкции по своему содержанию характеризуются тем, что правонарушитель либо несет дополнительные расходы, связанные с ликвидацией последствий правонарушения (например, в результате устранения дефектов в продукции или выполненных работах), либо попадает в имущественно или организационно невыгодное для него положение (отказ от исполнения договора, освобождение другой стороны от ответственности, перевод с акцептной формы расчетов на аккредитивную и др.)².

По мнению В.К. Райхера, не все неблагоприятные последствия нарушения обязательства могут быть отнесены к категории гражданско-правовых санкций. Возражая О.Н. Садикову, рассматривающему в ка-

¹ См.: *Садиков О.Н.* Имущественные санкции в хозяйственных договорах // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 52.

² См.: *Картужанский Л.И.* Ответственность за неисполнение договоров в социалистическом хозяйстве // Вестник ЛГУ. 1950. № 4. С. 98; *Граве К.А.* О некоторых правовых формах борьбы за качество продукции // Сборник научных работ Московского института народного хозяйства имени Г.В. Плеханова. Госторгиздат, 1955. С. 47; *Садиков О.Н.* Имущественные санкции в хозяйственных договорах // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 52–60.

честве гражданско-правовых санкций «право требовать устранения дефектов в поставленной продукции или выполненных работах», «право отказать от приемки ненадлежащего исполнения», «отказ от акцепта платежного требования», В.К. Райхер пишет: «Восполнение должником недостатков произведенного им исполнения или право кредитора отказать от принятия и оплаты ненадлежащего исполнения, как бы ни были такие последствия «неблагоприятны» для должника, не может рассматриваться как применение к нему специфических гражданско-правовых санкций за нарушение обязательства. Ибо первое входит в непосредственное содержание самой обязанности должника, а второе есть лишь «оборотная сторона» ненадлежащего ее исполнения»¹. Едва ли это правильно. Восполнение должником недостатков произведенного им исполнения непосредственно не входит в содержание его обязанности, а является следствием ненадлежащего исполнения. При ином решении рассматриваемого вопроса следовало бы признать, что и возмещение убытков представляет собой содержание обязанности должника, так как и здесь имеет место своеобразное «восполнение». Что же касается квалификации отказа кредитора от принятия и оплаты ненадлежащего исполнения в качестве «оборотной стороны» ненадлежащего исполнения, то «оборотная сторона» нарушения обязательства – это и есть гражданско-правовая санкция. Не случайно и сам автор относит к числу санкций «освобождение должника от ответственности... за неисполнение обязательства, обусловленное нарушением кредиторской обязанности»². Но если освобождение должника от ответственности можно рассматривать как санкцию за нарушение кредиторской обязанности, то почему же отказ кредитора от принятия исполнения (и, следовательно, освобождение его от ответственности) не может получить аналогичную характеристику?

На наш взгляд, ограничение В.К. Райхером круга гражданско-правовых санкций мерами воздействий, имеющими преимущественно штрафной характер, связано с недооценкой автором компенсационной функции гражданско-правовой ответственности³ – функции, выражающей особенности предмета советского гражданского права.

д) Освобождение от имущественной ответственности при ликвидации лицом последствий и правонарушения. Здесь мы встречаемся с чрезвычайно своеобразной гражданско-правовой формой юридического обеспече-

¹ Райхер В.К. Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 72.

² Там же. С. 111.

³ См.: Иоффе О.С. Советское гражданское право: Курс лекций. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 483.

ния начал материальной заинтересованности в области имущественных отношений. Законодатель не только устанавливает гражданско-правовые санкции, но и предусматривает в ряде случаев такой порядок ответственности, при котором должник своей последующей деятельностью может освободить себя от ответственности.

Так, в соответствии со ст. 32 Правил о подрядных договорах по строительству подрядчик при нарушении сроков выполнения работ уплачивает заказчику пеню и неустойку. Однако в этой же статье Правил сказано: «...в случае окончания всех работ по объекту к установленному договором конечному сроку пени и неустойка возвращаются подрядчику»¹. Как справедливо пишет Е.Д. Шешенин, «подрядчик з а и н т е р е с о в а н не нарушать промежуточные сроки во избежание уплаты санкций, и, если допустил нарушение промежуточных сроков, он с т р е м и т с я к окончанию всех работ по объекту в срок, чтобы обеспечить выполнение государственного задания, а также возврат уже уплаченных санкций»².

Аналогичный в сущности порядок предусмотрен в п. «г» и «е» ст. 182 и п. «г» ст. 183 Устава ж. д. Грузоотправитель и железная дорога освобождаются от ответственности за нарушение норм погрузки, установленных месячным планом грузовых перевозок, если они в течение определенного периода (пятидневки, данной половины месяца) восполняют недогруз (недодачу вагонов). Таким образом, и здесь имеется двойной хозрасчетный стимул: порядок привлечения к ответственности дает возможность сторонам своей последующей деятельностью избежать уплаты денежных санкций.

Необходимо заметить, что в литературе по гражданскому праву, на наш взгляд, вообще недооценивается теоретическое значение категории «освобождения от гражданско-правовой ответственности». Эта категория: 1) характеризует одну из специфических разновидностей оперативных гражданско-правовых санкций (см. выше п. «г»); 2) является правовой формой, способствующей ликвидации последствий правонарушения (см. выше п. «д»); 3) дает возможность теоретически осмыслить стимулирующее значение правил, побуждающих участников правоотношений к совершению специфических положительных действий (см., например, правило абз. III ст. 182 Устава ж. д.); 4) позволяет определить место субъективных факторов

¹ Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам строительства от 23, 24 августа и 4 ноября 1955 г. Госполитиздат, 1956.

² Шешенин Е.Д. Основные вопросы договорных отношений по капитальному строительству // Вопросы советского гражданского права и процесса. Госюриздат, 1955. С. 37. (Разрядка наша. — С.А.)

(«вины») в области гражданско-правовой ответственности в соответствии со своеобразием предмета и метода гражданского права¹.

8. Особенности советского социалистического гражданского права не исчерпываются тем, что оно способствует регулированию товарных процессов и с юридической стороны обеспечивает проведение в жизнь функций товарного производства. Гражданское право в социалистическом обществе играет существенную роль и в области ко м м у н и с т и ч е с к о г о в о с п и т а н и я трудящихся.

По этому вопросу необходимо прежде всего подчеркнуть, что функции материального стимулирования и общественного контроля как функции товарного производства при социализме не являются единственными средствами, содействующими надлежащему функционированию планового хозяйства. Громадную роль играет здесь творческий энтузиазм масс, руководимых Коммунистической партией, широкий государственный контроль, контроль со стороны трудящихся, их общественных организаций. Но материальное стимулирование и общественный контроль, осуществляемые через механизм товарного производства, имеют на первой фазе коммунизма н е о б х о д и м ы й характер. Роль их на различных этапах строительства социализма и коммунизма меняется: однако вплоть до полного построения коммунистического общества сочетание указанных средств стимулирования и контроля с трудовым энтузиазмом масс, государственным контролем и контролем со стороны трудящихся (общественных организаций) останется одной из общих закономерностей развития социалистического общества. Вместе с тем чрезвычайно важно иметь в виду и другое. Материальное стимулирование и общественный контроль, осуществляемые через механизм товарного производства, с о д е й с т в у ю т к о м м у н и с т и ч е с к о м у в о с п и т а н и ю т р у д я щ и х с я и тем самым с п о с о б с т в у ю т у с и л е н и ю р о л и м о р а л ь н ы х с т и м у л о в в общественном производстве.

Значение начал материальной заинтересованности в области коммунистического воспитания трудящихся раскрыто в докладе Н.С. Хрущева на XXI съезде КПСС. «Распределение по труду, — сказано в докладе, — обеспечивает материальную заинтересованность людей в результатах производства, стимулирует рост производительности труда, повышение квалификации работников, усовершенствование техники

¹ См.: *Алексеев С.С.* О составе гражданского правонарушения // Правоведение. 1958. № 1. С. 51–53.

производства. Оно играет также большую воспитательную роль, приучает людей к социалистической дисциплине, делает труд всеобщим и обязательным. В социалистическом обществе все выше поднимается трудовой энтузиазм людей, все большее значение приобретают моральные стимулы к труду. В силу материальной заинтересованности, в результате роста сознательности, в силу привычки труд становится жизненной потребностью миллионов трудящихся социалистического общества»¹.

Таким образом, советское гражданское право, обеспечивая с юридической стороны проведение в жизнь функций товарного производства, тем самым является одним из средств коммунистического воспитания трудящихся.

Это – совершенно новая, своеобразная черта гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе. В обществе, где господствует товарное производство, основанное на частной собственности на средства производства, все более и более развивается взаимная отчужденность людей, растут и превращаются в привычку низменные чувства и помыслы. Правовое регулирование в этих условиях, санкционируя существующие, нормальные при данных обстоятельствах, экономические отношения между отдельными лицами, закрепляет взаимную отчужденность участников гражданского оборота, достигающую в ряде случаев степени острых классовых конфликтов. Иную картину мы видим в социалистическом обществе: имущественная обособленность участников отношений, регулируемых советским гражданским правом, не только не препятствует их объединению в процессе производства, но и дает возможность привести в действие механизм материального стимулирования и общественного контроля, что обеспечивает укрепление государственной дисциплины, чувства общественного долга, моральных стимулов к труду.

В юридической литературе проблема воспитательной роли советского гражданского права обычно затрагивается при анализе значения гражданско-правовой ответственности². Верно, конечно, что применение гражданско-правовой ответственности, в особенности ответственности «за вину» (освобождение от ответственности при отсутствии

¹ Хрущев Н.С. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы. Госполитиздат, 1959. С. 116. (Разрядка наша. – С.А.)

² См., например: Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. Госюриздат, 1951. С. 14–17; Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Госюриздат, 1952. С. 17–54 и др.

вины), является одним из ярких показателей своеобразия гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе, его воспитательных функций, хотя и здесь неправильно было бы игнорировать особенности регулируемых гражданским правом имущественных отношений¹. Однако главное в рассматриваемой проблеме не может быть сведено к вопросу применения начал вины (невиновности). В одной из статей, опубликованных в правовом журнале ГДР «Staat und Recht», намечены, как нам представляется, более широкие подходы к решению проблемы о воспитательной роли гражданского права. Автор этой статьи, В. Панцер, справедливо отмечает, что гражданское право — это не непосредственно экономический институт регулирования общественных отношений: гражданское право играет активную роль в хозяйственной жизни страны, воздействуя на сознание участников общественных отношений².

Если же к этому добавить, что специфика воздействия гражданского права на сознание людей связана с материальным стимулированием и общественным контролем, то направления теоретической разработки указанной выше проблемы станут еще более определенными.

Исходя из сказанного следует признать, что область гражданско-правовой ответственности — это лишь одно из направлений воспитательного воздействия советского гражданского права. В конечном счете в с е гражданско-правовое регулирование, объектом которого является в о л е в о е поведение людей, содействует осуществлению культурно-воспитательной работы социалистического государства. Особо важно при этом указать на значение д о г о в о р н о й ф о р м ы опосредствования имущественных отношений. Договорная форма, как это справедливо отмечено в литературе, «таит в себе громадную организующую силу, способствующую выполнению плана»³. Она развивает инициативу, самостоятельность, творческую энергию в выполнении плановых заданий, упрочивает начала сотрудничества и взаимопомощи в деятельности участников имущественных отношений. Причем здесь воспитательное воздействие норм советского гражданского права не связано с правонарушением: оно направлено не только

¹ См.: *Алексеев С.С.* О составе гражданского правонарушения // Правоведение. 1958. № 1. С. 51—53.

² *Panzer W.* Zum Rolle des sozialistischen Zivilrechts bei der Verwirklichung der Wirtschaftspläne // Staat und Recht. 1958. S. 537—538.

³ *Бару М.И.* Возмездность и безвозмездность в советском гражданском праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 1957. С. 16; *Его же.* План и договор // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 8. 1957. С. 43 и след.

на искоренение пережитков капитализма в сознании людей, а прежде всего на дальнейшее развитие их положительных качеств как тружеников социалистического общества.

Вместе с тем необходимо иметь в виду и следующее. В той же самой мере, в какой гражданско-правовое регулирование приобретает свое, относительно самостоятельное содержание, прямо не обусловленное требованиями товарного производства, в той же самой мере советское гражданское право воздействует на поведение людей помимо механизма товарно-денежного хозяйства. Это сказывается прежде всего в сфере гражданско-правового регулирования имущественных отношений, участниками которых являются граждане. Гражданско-правовое регулирование способствует здесь не только развитию самостоятельности, инициативы, творческого почина в деятельности участников имущественных отношений, но и усилению начал доверия, расширению роли моральных факторов в регулировании имущественных отношений, развитию коммунистической сознательности. При этом мы имеем в виду не только значение правового регулирования безвозмездных отношений и отношений с «личным» элементом (договор поручения и пр.). В период развернутого строительства коммунизма громадную роль приобретает изменение удельного веса в системе гражданско-правового регулирования тех или иных институтов. Как указывает Н.С. Хрущев, «мы хотим установить иной порядок пользования легковыми автомашинами, чем в капиталистических странах, где рассуждают по принципу: хоть паршивая, а моя собственная. Легковые машины будут использоваться у нас более рационально, чем это делают американцы: у нас будут все более развиваться общие таксомоторные парки, из которых люди будут брать машины для необходимых поездок»¹. Расширение же проката известного круга предметов долговременного пользования (автомашин, моторных лодок и др.) кроме всего прочего будет способствовать воспитанию новых отношений, в которых все более будет вытесняться представление о «моем» и «твоем» и все более будет прививаться коммунистическое представление о том, что все это «наше»².

Советское гражданское право должно быть использовано для усиления начал доверия, взаимной помощи, сотрудничества и в отношениях между социалистическими хозяйственными организациями.

¹ Хрущев Н.С. Речь на митинге трудящихся города Владивостока 6 октября 1959 года // Правда. 1959. 8 октября.

² XXI съезд КПСС и задачи советской правовой науки // Советское государство и право. 1959. № 2. С. 7.

Как отмечено в партийной печати, «в отношениях между предприятиями и хозяйственными органами продолжают сохраняться отдельные пережитки и извращения, которые чужды самой природе социалистической экономики и с которыми необходимо вести серьезную борьбу»¹. Одна из причин этого «кроется в недостаточной воспитательной работе среди хозяйственных кадров, в особенности среди аппарата работников снабжения и сбыта, коммерческой службы предприятий и организаций»². Наряду с мерами общественно-просветительного воздействия существенную роль должно играть здесь правовое регулирование; и здесь более широкое распространение должны получить такие гражданско-правовые формы, которые могут способствовать развитию начал доверия, взаимной помощи. Широкие возможности в этом отношении открываются в связи с развитием специализации и кооперирования в промышленности, когда между кооперативными предприятиями налаживаются постоянные хозяйственные связи, предполагающие прочный производственный контакт³.

Подчеркивая воспитательное значение таких гражданско-правовых форм регулирования имущественных отношений, которые развивают доверие, сотрудничество, взаимопомощь между сторонами, неправильно было бы недооценивать роль в проведении воспитательной функции Советского государства гражданско-правовой ответственности. В настоящее время в пределах отдельных областей регулируемых гражданским правом отношений вполне обоснованна даже постановка вопроса об усилении ответственности участников отношений за невыполнение своих обязанностей (хотя об этой тенденцией развития правового регулирования в период развернутого строительства коммунизма является сужение сферы государственного принуждения⁴). Такое усиление ответственности оправданно, например, при определении мер ответственности за правонарушения по кооперированным поставкам, за попытку использования гражданами принадлежащих им домов в качестве источника нетрудовых доходов⁵.

¹ Волин А. Сотрудничество и взаимная помощь — основа социалистических отношений между предприятиями // Коммунист. 1959. № 3. С. 52.

² Там же. С. 56.

³ См.: Алексеев С.С., Мамутов В.К. Кооперированные поставки в промышленности // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 47–52.

⁴ Ср.: Павлов И.В. О формах правового регулирования общественных отношений при переходе к коммунизму // Вопросы строительства коммунизма в СССР. Изд-во АН СССР, 1959. С. 273.

⁵ См.: Петрищева Г.И. Основания возникновения жилищных правоотношений в государственном жилищном фонде. Свердловск, 1958. С. 36–37.

§ 2. Дифференциация гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе

1. Дифференциация гражданско-правового регулирования (распределение гражданско-правовых институтов по связанным между собой структурным подразделениям, отражающим особенности видов имущественных отношений) может получить правильное освещение лишь в том случае, если исходить из е д и н с т в а гражданского права в социалистическом обществе.

Нередко в литературе при обосновании единства советского гражданского права в качестве решающего аргумента делается ссылка на единство, внутреннюю связь видов и форм собственности в СССР и, в частности, общественной, социалистической собственности и собственности граждан¹. Однако едва ли этот аргумент, взятый изолированно, имеет ту доказательственную силу, которую ему придают в литературе. С точки зрения связи видов и форм собственности в СССР единными являются в с е, без каких-либо исключений, имущественные отношения в социалистическом обществе. Поэтому последовательное проведение упомянутого тезиса при характеристике отраслей советского права должно неизбежно привести к конструированию такой отрасли, которая охватывала бы все имущественные отношения. К тому же никому еще не удалось показать, каким образом с в я з ь между видами и формами собственности в СССР сама по себе определяет единство ю р и д и ч е с к о й п р и р о д ы правового регулирования имущественных отношений — отношений, нормируемых институтами р а з л и ч н ы х отраслей права.

Решающее значение в обосновании единства гражданско-правового регулирования имущественных отношений социалистического общества принадлежит единству и нераздельности фактора, обуславливающего формирование и развитие имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом, — единству и нераздельности существующего при социализме т о в а р н о г о п р о - и з в о д с т в а. Именно товарное производство является экономическим основанием, объединяющим имущественные отношения социалистической собственности и личной собственности граждан не «вообще», а по тем объективным свойствам, которые предопределя-

¹ См.: *Генкин Д.М.* К вопросу о системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 85; *Антимонов Б., Братусь С., Генкин Д., Иоффе О., Орловский П., Черепихин Б.* О правовом регулировании имущественных отношений // Известия. 1959. 8 марта.

ют применение к ним единой, внутренне целостной формы правового регулирования. С другой стороны, признание за единством товарного хозяйства значения главного фактора, цементирующего все участки гражданско-правового регулирования, позволяет выяснить и значение для решения рассматриваемой проблемы органической связи между видами собственности в СССР. Единство отношений собственности в социалистическом обществе предопределяет более или менее о р г а н и з о в а н н ы й характер в с е х товарно-денежных процессов при социализме.

Товарно-денежные отношения, строящиеся на основе общественной, социалистической собственности, имеют такие свойства, которые допускают н е п о с р е д с т в е н н о е централизованное регулирование со стороны общества. Однако и товарные отношения, складывающиеся между гражданами, а также товарные отношения с участием колхозов, когда они осуществляются на рынке, при социализме испытывают на себе, как мы видели, определенное воздействие со стороны общества. Единство видов и форм собственности в СССР связывает все участки товарного производства как звенья внутренне целостной системы экономических отношений — товарного производства при социализме.

Отсюда следует, что и имущественные отношения товарного типа независимо от того, складываются ли они в области общественной, социалистической собственности или в области личной собственности граждан, по признакам содержания, объекта, специфики положения субъектов и внешним условиям их движения составляют е д и н у ю систему общественных связей. Для имущественных отношений рассматриваемой группы независимо от того, складываются ли они в области общественной, социалистической собственности или в области личной собственности граждан, в равной степени характерны признаки эквивалентности — возмездности, обособленности имущества субъектов, выступления последних в качестве собственников (или управляющих частью государственных имуществ). И тот и другой вид общественных отношений, возникающих и развивающихся на основе товарного производства при социализме, может быть охарактеризован через начала имущественно-распорядительной самостоятельности участников этих отношений.

Единству специфических черт «товарных» имущественных отношений, складывающихся как в области общественной, социалистической собственности, так и в области личной собственности граждан, соответствует единство содержания их правового регулирования. Это

ся на основе товарного производства, с а м о в н у т р е н н е е п о с т р о е н и е правового регулирования этих отношений является по юридическим чертам общим, единым. Отношения по розничной купле-продаже в государственных и кооперативных торговых предприятиях и отношения по поставке фондируемой продукции между социалистическими хозяйственными организациями регулируются различными правовыми институтами, в которых лишь небольшое количество норм имеет общий характер. Но там и здесь правовое регулирование связано с возмездным движением товарной продукции. Поэтому и там и здесь с т р у к т у р а правового регулирования, выраженная в общем юридическом положении сторон и особенностях конкретных правоотношений, является в целом о д н о й и т о й ж е¹.

При этом, как бы ни было мало количество общих норм, связывающих правовые институты, относящиеся к различным участкам социалистического товарного производства, неправильно было бы недооценивать п р а к т и ч е с к о е значение этих общих норм. Любопытно, что на совещании правовой секции технико-экономического Совета сталинского совнархоза, где докладчиком (В.К. Мамутовым) помимо иных проблем обосновывалась необходимость обособленности «хозяйственного права» от права гражданского, были выдвинуты соображения, которые правильно опираются на факт единства правового регулирования имущественных отношений товарного типа. И.Е. Казаков поставил вопрос о том, что «иски, вытекающие из взыскания стоимости забракованной продукции или затрат, связанных с исправлением дефектов, обнаруженных при поставке продукции, должны быть приравнены к общеисковым срокам давности, поскольку здесь взыскиваются затраты на приобретение продукции, не обусловленной договором или Основными условиями поставки, следовательно, ответственность наступает в соответствии со ст. 117 и 195 ГК УССР»². Совершенно естественно, что такого рода постановка вопроса немыслима, если разрывать внутренне единую ткань правового регулирования имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства.

2. Советское гражданское право, будучи единой отраслью советского права, характеризуется вместе с тем д и ф ф е р е н ц и р о в а н н о с т ь ю своего содержания.

¹ См. по этому вопросу: *Иоффе О.С.* Правовое регулирование хозяйственной деятельности в СССР. Изд-во ЛГУ, 1959. С. 11–12.

² Роль и задачи юридической службы в укреплении хозяйственного расчета предприятий и строек (материалы заседания правовой секции технико-экономического Совета). № 20. Сталино; Донбасс, 1958. С. 79.

Дифференциация гражданско-правового регулирования — это не распределение соответствующих институтов по классификационным подразделениям, отражающим с о с т о я н и е имущественных отношений. Поскольку существует товарное производство, постольку возникающие на его основе имущественные отношения неизбежно выражаются в статической и динамической форме и постольку, следовательно, неизбежно распределение гражданско-правовых институтов по таким подразделениям, как право собственности, обязательственное право и др. Дифференциация гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе связана с п р и о б р е т е н и е м однотипными правовыми институтами специфических черт, обусловленных характером данной группы имущественных отношений и й. Отсюда — известное разъединение однотипных институтов, распределение их по структурным звеньям, выражающим особенности того или иного вида общественных отношений.

Одно из основных делений социалистических имущественных отношений выражает наличие при социализме двух видов собственности — общественной, социалистической собственности на средства производства и личной собственности граждан, иначе — двух видов присвоения материальных благ — общественного (в отношении средств производства) и индивидуального (в отношении предметов потребления). То, что указанное деление имущественных отношений является в социалистическом обществе одним из главных, вполне закономерно: ядро имущественных отношений составляет собственность как сторона (основа) производственных отношений, а так как при социализме имеется два вида собственности — общественная социалистическая собственность на средства производства и личная собственность граждан на предметы потребления, вполне закономерно распадание имущественных отношений на два вида, соответствующих двум видам собственности.

Различия, свойственные двум названным группам имущественных отношений, с достаточной отчетливостью дают себя знать во всех отраслях советского права (государственном праве, административном праве, трудовом праве¹ и др.). Определенное юридическое вы-

¹ О дифференциации советского трудового права см.: *Рабинович-Захарин С.П.* К вопросу о дифференциации советского трудового права // Вопросы советского гражданского и трудового права / Институт права АН СССР. Изд-во АН СССР, 1952. С. 95—110; *Пашерстник А.Е.* Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде. Изд-во АН СССР, 1955. С. 68 и след.

ражение получают эти различия и в советском гражданском праве. Однако было бы недостаточно указать лишь на прямую связь между разграничением имущественных отношений на два главных вида и дифференциацией гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе. Различия, существующие между двумя главными видами имущественных отношений, проявляются здесь не независимо от главной материальной предпосылки гражданского права — товарного производства, а через эту материальную предпосылку, через особенности отдельных участников социалистического товарного производства, связанные с особенностями двух видов собственности в СССР.

Правда, в этой области различия между видами собственности проявляются как главная разграничительная линия, размежевывающая имущественные связи. Главная, но не более! Она не дает возможности разъединить все имущественные отношения, складывающиеся на основе товарного производства, на две изолированные друг от друга сферы. Все имущественные отношения этого рода характеризуются рядом общих объективных свойств: в своей совокупности они составляют единую область имущественных отношений. Различия же между видами собственности преломляются через товарное производство таким образом, что две группы имущественных связей — одна, относящаяся к области планового социалистического хозяйства, а другая — к области личной собственности, — лишь выделяются из массы в общем единых, в целом однородных имущественных отношений.

Следовательно, при характеристике дифференциации имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства при социализме, речь идет вовсе не о том, что все имущественные отношения, касающиеся общественной, социалистической собственности, составляют одну ветвь гражданско-правового регулирования, а все имущественные отношения, касающиеся личной собственности граждан, — другую, изолированную от первой ветвь. Речь идет и не о том, что все регулируемые гражданским правом отношения без остатка распадаются на две группы, в зависимости от субъектного состава участников отношений: в одной группе сосредоточиваются все имущественные отношения между социалистическими организациями, а в другой — все имущественные отношения с участием граждан. Речь идет совершенно о другом: из массы в общем единых, в целом однородных имущественных связей

в той или иной мере обособляется и известная часть имущественных отношений между социалистическими организациями, с одной стороны, а с другой — известная часть имущественных отношений с участием граждан.

Итак, поскольку это касается дифференциации имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом, виды собственности в СССР не всегда определяют соответствующую двучленную группировку имущественных отношений. На основе существующего при социализме товарного производства между социалистическими организациями могут складываться отношения, ничем в сущности не отличающиеся от отношений, складывающихся между гражданами (договорные обязательства в розничном товарообороте¹, договорные обязательства по имущественному найму², обязательства по возмещению внедоговорного вреда³ и пр.).

Виды собственности в СССР тогда и постольку определяют дифференциацию имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом, когда и поскольку, преломившись через тот или иной участок товарного производства, определяющее влияние указанного экономического фактора сказывается на степени и формах имущественно-распорядительной самостоятельности субъектов.

Среди имущественных отношений социалистической собственности отчетливо выделяется группа отношений, опосредствующих товарные связи в области планового социалистического хозяйства. Здесь товарные отношения являются необходимым элементом системы хозяйственных связей, выражающих прямое действие объективного экономического закона планомерного, пропорционального развития. Отношения по материально-техническому снабжению и оптовому товарному обороту предметов народного потребления, отношения по созданию, реконструкции и восстановлению основных фондов народного хозяйства, отношения, связанные с оказанием услуг одной социалистической организацией другой по грузовой перевозке на железнодорожном, водном, морском, воздушном и автомобильном транспорте, отношения по кредитованию и расчетам, а также примыкающие к ним отноше-

¹ См.: *Флейшиц Е.А.* Договор купли-продажи, глава коллективной работы «Отдельные виды обязательств». Госюриздат, 1954. С. 90.

² См.: *Полянская Г.Н.* Договор имущественного найма, глава указ. соч. С. 149—150.

³ См.: *Иоффе О.С.* Обязательства по возмещению вреда. 2-е изд. Изд-во ЛГУ, 1952. С. 40 и след.

ния государственной собственности и собственности некоторых видов кооперации (промысловой и потребительской) составляют своеобразный участок предмета гражданско-правового регулирования. Именно в этой сфере имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства, в полной мере осуществляются те формы регулирования товарного хозяйства, о которых мы говорили в предшествующем изложении. Именно здесь на содержание имущественных отношений товарного типа оказывают влияние властно-организационные отношения, выражающие действие в социалистическом хозяйстве закона планомерного, пропорционального развития. Отсюда специфика имущественно-распорядительной самостоятельности субъектов, которая дифференцирована по видам субъектов, имеет строго определенное положительное содержание, ограничена задачами, вытекающими из требований закона планомерного, пропорционального развития в данной области хозяйственных отношений. Социалистические хозяйственные организации — участники этих отношений — по большей части являются не собственниками имущества, правовой режим которых определяет рамки оперативно-хозяйственной самостоятельности субъектов, а лишь субъектами права оперативного управления частью имущества единого фонда государственной социалистической собственности. В рассматриваемых отношениях участвует и ряд социалистических организаций, выступающих в качестве собственников соответствующих имущества, — организаций промысловой и потребительской кооперации. Однако они участвуют в указанных отношениях лишь в той мере, в какой их имущественно-распорядительная самостоятельность в результате регулирования товарно-денежных отношений приобрела те же качества, что и имущественно-распорядительная самостоятельность государственных органов.

Среди имущественных отношений личной собственности граждан на предметы потребления также с достаточной отчетливостью выделяется специфическая группа отношений — отношений, складывающихся между социалистическими организациями и гражданами по поводу розничной купли-продажи, жилищного найма, бытового и культурного обслуживания граждан, пассажирской перевозки и перевозки багажа, банковского кредитования индивидуального строительства и др. Характерные черты имущественных отношений этой группы в какой-то мере обусловлены, как мы видели, использованием Советским государством соответствующих правовых институтов для осуществления специфических задач (на-

пример, задач по материальному обеспечению граждан). Однако решающее значение и здесь имеет регулирование товарно-денежных отношений со стороны социалистического государства, выраженное в регламентации форм выступления субъектов в имущественном обороте, в определении важнейших условий содержания отношений в нормативном порядке, а в некоторых случаях (отношения жилищного найма и кредитования индивидуального жилищного строительства) в определении содержания отношений и его субъектов в индивидуальных актах органов советского государственного управления. Правда, это регулирование, проводимое с целью всемерного обеспечения интересов граждан, сказывается главным образом на имущественно-распорядительной самостоятельности одной из сторон имущественных отношений (социалистических организаций). Но в этом и состоит своеобразие рассматриваемых отношений как отношений, складывающихся в области личной собственности граждан. Особенность оперативно-хозяйственной самостоятельности торговых организаций, организаций бытового и культурного обслуживания и других в том и состоит, что вся их деятельность должна быть подчинена единой цели — цели максимального удовлетворения запросов и потребностей граждан, осуществляемого в соответствии с принципами правильного сочетания общественных и непосредственно личных интересов.

3. Различия между двумя видами собственности в СССР, преломленные через область товарно-денежных отношений, выражаются не только в том, что **ч а с т ь** отношений между социалистическими организациями, с одной стороны, а с другой — лишь **ч а с т ь** отношений с участием граждан обособляются в особые подразделения советского гражданского права. Наряду с отмеченными выше особенностями дифференциации имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства в социалистическом обществе, необходимо также отметить и известное обособление «внешних» имущественных отношений, участниками которых являются **к о л х о з ы**.

На характер имущественно-распорядительной самостоятельности колхозов определенное влияние оказывают, во-первых, внутриколхозные отношения, а во-вторых, некоторые общие формы регулирования товарных процессов в социалистическом обществе, распространяющиеся и на область колхозного производства (государственная регламентация правосубъектности, правового режима основных средств производства и др.). Правда, имущественно-распорядитель-

ная самостоятельность колхозов не поставлена в столь определенные рамки, как это имеет место в отношении организаций промышленной и потребительской кооперации. Но именно поэтому здесь не только в более широких масштабах применяются «общие» гражданско-правовые институты, но и некоторые специфические институты (например, институт комиссии сельскохозяйственной продукции) допускают участие в соответствующих правоотношениях отдельных граждан. С другой стороны, в силу единства некоторых форм регулирования товарно-денежных отношений в социалистическом обществе в рассматриваемой области используются некоторые правовые институты, регулирующие отношения между социалистическими хозяйственными организациями (например, институты по кредитованию и расчетам).

Итак, на дифференциацию гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе оказывают влияние не только различия, существующие между двумя видами собственности в СССР, — общественной социалистической собственностью на средства производства и собственностью граждан на предметы потребления. Для имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства, существенное значение приобретают особенности одной из форм общественной социалистической собственности — собственности отдельных коллективов трудящихся, организационно не включающихся в централизованно регулируемую систему промышленности и торговли, — собственности колхозов.

Наконец, на дифференциации гражданско-правового регулирования сказываются специфические черты отдельных участков товарного производства при социализме, непосредственно не связанных с видами и формами собственности в СССР. Мы имеем в виду ту область товарного производства в социалистическом обществе, которая относится к внешнеторговому обороту, осуществляемому в соответствии с государственной монополией внешней торговли, а также некоторым иным имущественным и семейным отношениям с «иностранным элементом». Здесь обособилось и развивается особое структурное подразделение гражданского права, входящее в состав международного частного права.

Анализ особенностей имущественных отношений, складывающихся на основе внешнеторгового оборота, а также семейных и трудовых отношений, регулируемых международным частным правом, далеко выходит

за тематические рамки настоящей работы. Необходимо лишь указать, что институты международного частного права имеют к о м п л е к с н ы й характер. Недоучет этого обстоятельства и порождает, как нам кажется, споры между представителями науки международного и гражданского права об отраслевой принадлежности этих институтов. Между тем совершенно очевидно, что международное товарное обращение не может в полном объеме опосредствоваться нормами права какого-либо одного государства. Это порождает необходимость смешанного межгосударственного регулирования и, следовательно, необходимость использования норм международного права. Регулируя отношения правоспособности и дееспособности, отношения коллизионного характера и другие, соответствующие нормы по своему источнику имеют международно-правовую природу, но они в то же самое время включаются в определенную сферу внутрисоциального права — гражданского, семейного, трудового¹.

4. Каково теоретическое и практическое значение вывода о дифференциации гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо подчеркнуть, что дифференциация гражданско-правового регулирования не может быть противопоставлена делению институтов гражданского права, отражающего состояние имущественных отношений, — делению, которое нашло нормативное закрепление в ГК РСФСР 1922 г. (Общая часть, право собственности, обязательственное право и др.). Такое противопоставление недопустимо, потому что гражданско-правовое регулирование при социализме является е д н ы м. Поэтому дифференциация гражданско-правового регулирования представляет собой обособление ряда структурных отделов н а о с н о в е общей классификации институтов гражданского права (общая часть, право собственности, обязательственное право и др.).

Итак, при постановке вопроса о дифференциации гражданско-правового регулирования речь идет не о замене классификации институтов данной отрасли, а о е е р а з в и т и и, о б о г а щ е н и и, у с о в е р ш е н с т в о в а н и и в соответствии с о с о -

¹ Характеристику особенностей международного частного права как специфического отдела гражданского права см.: *Агарков М.М.* Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8. С. 71; *Петерский И.С.* Система международного частного права // Советское государство и право. 1946. № 8—9. С. 22 и след.; *Луц Л.А.* Международное частное право. Юриздат, 1949. С. 1—2, 12—22; высказывания Л.А. Лунца, Д.М. Генкина, Р.О. Халфиной при обсуждении доклада Л.А. Лунца «К вопросу о предмете международного частного права» (Советское государство и право. 1955. № 8. С. 121—122); *Брауде И.Л.* Некоторые вопросы системы советского права // Ученые записки ВИЮН. Вып. 4. 1955. С. 19.

б е н н о с т я м и имущественных отношений в социалистическом обществе.

В теоретическом отношении вывод о дифференциации гражданско-правового регулирования при социализме способствует более полной и конкретизированной характеристике социальной природы, принципов, закономерностей развития и юридических особенностей советского социалистического гражданского права.

Выделение в системе советского гражданского права особых структурных отделов, относящихся к плановому социалистическому хозяйству, области взаимоотношений между социалистическими организациями и гражданами, колхозной собственности и внешнеторговому товарному обороту, является ярким показателем своеобразия этой отрасли права, его с о ц и а л и с т и ч е с к о й п р и р о д ы. Общая классификация гражданско-правовых институтов, отражающая состояние имущественных отношений, свойственна по основным своим чертам гражданскому праву любой общественно-экономической формации. Указанные же структурные отделы выражают в самом построении институтов то специфическое, что присуще советскому гражданскому праву как праву нового и особого исторического типа.

Вывод о дифференциации гражданско-правового регулирования дает возможность правильно подойти к решению ряда узловых проблем цивилистической теории. Среди этих проблем особо следует указать на проблемы п р и н ц и п о в советского гражданского права и з а к о н о м е р н о с т е й его развития. То, что в цивилистической науке рассматривается в качестве принципов советского гражданского права (начала хозрасчета, планирование, с одной стороны, а с другой — гарантированность прав граждан, их личная свобода и др.), не в одинаковой мере проявляется во всех гражданско-правовых институтах: в большинстве своем эти принципы распределяются на группы, соответствующие специфическим структурным отделам гражданского права. То же самое следует сказать о закономерностях развития гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе: отдельные структурные отделы гражданского права и даже отдельные институты из той или иной области общественных отношений имеют неравное, неодинаковое развитие. Опираясь на вывод о дифференциации гражданско-правового регулирования, мы попытаемся показать в дальнейшем, что неправильно было бы рассматривать развитие гражданского права в качестве некоторого единого потока: тенденции развития гражданского права столь же дифференцированы, как и дифференцированно содержание этой отрасли.

Вывод о дифференциации гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе позволяет наметить правильные пути и для характеристики юридических особенностей советского гражданского права. Здесь уместно еще раз повторить, что общая классификация гражданско-правовых институтов, отражающих состояние имущественных отношений и некоторые общие процессы товарного производства, не должна противопоставляться делению институтов в соответствии с видами и формами собственности в СССР. С этой точки зрения идея дифференциации гражданско-правового регулирования вовсе не противоречит возможности обобщенной разработки институтов гражданского права в соответствии с признаками общей классификации (например, обобщенной разработки в рамках единой категории всех видов и форм правопреемства или всех обязательственных правоотношений, связанных с переходом права собственности)¹. Необходимо лишь, чтобы эта возможность не рассматривалась в качестве единственно допустимого направления юридического анализа. Правовые институты, объединенные в группы в соответствии с объективно существующей дифференциацией имущественных отношений в социалистическом обществе, связаны между собой не только единством экономического содержания, но и рядом общих юридических свойств. Эти общие юридические свойства для науки советского гражданского права имеют особую ценность. К тому же и юридическое своеобразие указанных институтов весьма значительно.

Вряд ли, например, можно сомневаться в том, что общие юридические черты, характерные для договора подряда на капитальное строительство и договора поставки, не менее значительны, чем общие черты, связывающие последний из названных договоров с договорами розничной купли-продажи. И наоборот, очевидно, что особенности, которые в равной мере присущи договору розничной купли-продажи и договору бытового подряда не могут быть признаны менее существенными, чем общие черты, распространяющиеся на последний из названных договоров и договор подряда на капитальное строительство.

Вывод о дифференциации гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе имеет и немалое практическое значение, в частности, для решения вопросов системы гражданского

¹ По последнему вопросу см.: *Гордон М.В.* Система договоров в советском гражданском праве // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 5. 1954. С. 71–79.

законодательства, преподавания науки гражданского права и практики применения гражданских законов.

Изучение истории развития советского гражданского законодательства показывает, что после 1930-х гг. развитие этой отрасли права шло в соответствии с дифференциацией его специфических структурных отделов. В период социализма изменился характер многих постановлений ГК союзных республик, первоначально имевших исключительно общее содержание (хотя в ГК с самого начала был включен и ряд специальных норм). В настоящее время многие нормы ГК применяются только при регулировании отношений личной собственности. Причем характерно, что после 1930-х гг. развитие гражданского права шло в основном помимо ГК. И то, что многочисленные новеллы касаются именно отношений социалистической собственности, и то, что эти новеллы обходили ГК 1922 г., само по себе показательное. Это свидетельствует о том, что новый нормативный материал в ряде случаев не умещался в общие схемы ГК 1922 г. Таким образом, если при рассмотрении системы действующего гражданского права выйти за пределы ГК и рассмотреть структуру нормативных актов по гражданскому законодательству в целом, то нельзя не сделать вывод, что объективно существующая дифференциация гражданско-правового регулирования уже нашла определенное выражение в системе нормативных актов социалистического государства, в их внутреннем построении. Отсюда следует, что вопрос о дифференциации гражданско-правового регулирования, взятый применительно к системе гражданского законодательства, — это не проблема *de lege ferenda*, а проблема *de lege lata* — проблема существующих фактов.

Конечно, при подготовке новых нормативных актов по гражданскому праву, в особенности систематизированных актов (Основ гражданского законодательства СССР, республиканских ГК), необходим всемерный учет дифференциации гражданско-правового регулирования. Однако такой учет должен производиться на основе накопленного опыта нормотворческой деятельности органов Советского государства.

В статье «О системе Основ гражданского законодательства СССР и республиканских гражданских кодексов», опубликованной в 1957 г., автор этих строк в категорической форме высказался в пользу такого построения систематизированного нормативного акта по гражданскому праву, при котором его система прямо отражала бы дифференциацию граждан-

ско-правового регулирования¹. Однако дальнейшая работа над рассматриваемой проблемой дала материал для несколько иных выводов, — выводов, согласно которым существуют различные формы законодательного выражения дифференциации гражданско-правового регулирования. Можно отразить эту дифференциацию внутри структурных подразделений, намеченных в соответствии с общей классификацией гражданско-правовых институтов (как это предлагается составителями проекта Основ гражданского законодательства СССР²). Можно, с другой стороны, обособить правовое регулирование имущественных отношений в области планового хозяйства в особые акты, подчинив его общему систематизированному акту по гражданскому праву (как это имеет место в нормативной практике Чехословакии³).

Признавая, что проблема законодательного закрепления дифференциации гражданско-правового регулирования может получить различное законодательное решение, мы вместе с тем продолжаем считать наиболее целесообразным вариантом этого решения такое построение систематизированного акта, при котором нормативный материал, относящийся к плановому хозяйству, деятельности колхозов и специфическим отношениям с участием граждан, в том или ином объеме был бы выделен в особые подразделения особой части Основ (ГК). Помимо соображений общетеоретического характера (приведенных в упомянутой выше статье) необходимо иметь в виду, что такая структура систематизированного нормативного акта по гражданскому праву делает его более доступным для всех граждан и более удобным для работников практики. Если правовое регулирование имущественных отношений в области планового хозяйства, с одной стороны, а с другой — правовое регулирование специфических отношений между гражданами и социалистическими организациями будет закреплено в особых отделах внутри единого нормативного акта, то это позволит любому гражданину, любому хозяйственнику, любому работнику практики быстрее отыскать и лучше осмыслить необходимый нормативный материал. Те или иные черты сходства между родственными явлениями имеют практическое значение лишь в той мере, в какой они непосредственно связаны с реальными жизненными отношениями; поскольку же известные черты сходства (например, черты сходства между договором поставки и розничной купли-продажи) проявляются в основном по линии внешних юридических признаков, они, как нам кажется, имеют для решения кодификационных задач при построении особой части Основ (ГК) меньшее значение, чем чер-

¹ Вопросы кодификации советского законодательства: Сборник статей. Свердловск, 1957. С. 107–120.

² См.: *Денисов А.И., Бернштейн Н.И.* Основы гражданского законодательства и «хозяйственное право» // Советское государство и право. 1959. № 5. С. 56 и след.

³ См.: Закон от 17 октября 1958 г.

ты сходства между плановыми договорами или между «бытовыми» договорными обязательствами.

Объективно существующая дифференциация гражданско-правового регулирования имущественных отношений в социалистическом обществе находит определенное выражение и при разработке многих проблем в науке советского гражданского права. При этом мы имеем в виду не признание в обобщенной формуле дифференциации гражданско-правового регулирования (об этом — ниже), а фактический учет ее существования в ходе юридического анализа. В настоящее время в юридической литературе общепризнанно, например, что нельзя «вообще», в единой плоскости разрабатывать проблемы правосубъектности: после исследования общих проблем юридический анализ разветвляется отдельно, применительно к правосубъектности граждан и отдельно, применительно к правосубъектности социалистических организаций, причем в последнем случае особое внимание уделяется юридической личности промышленных предприятий и хозяйственных организаций в области планового социалистического хозяйства¹. То же самое явление дает себя знать при разработке проблемы права собственности², общих вопросов обязательственного права³. Но что особо примечательно — это признание в качестве самостоятельных специфических институтов таких договоров, как договор поставки⁴, подряда в капитальном строительстве⁵, грузовой перевозки⁶, заказа на индивидуальное строительство⁷,

¹ См., например: *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. Госюриздат, 1950; *Вильянский С.И.* Лекции по советскому гражданскому праву. Изд-во Харьков. ун-та. С. 77–78, 88–149 и др.

² См., например: *Иоффе О.С.* Советское гражданское право: Курс лекций. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 269–367 и др.

³ См., например: *Новицкий И.Б., Луц Л.А.* Общее учение об обязательстве. Госюриздат, 1950. С. 71 и след.

⁴ См., например: *Братусь С.Н.* Хозяйственный договор как гражданско-правовая форма распределения продукции // Советское государство и право. 1954. № 2–3. С. 75–77; *Флейшиц Е.А.* Договор поставки, глава коллективной работы «Отдельные виды обязательств». Госюриздат, 1954. С. 16 и след.

⁵ См., например: *Брауде И.Л.* Договоры по капитальному строительству в СССР. Госюриздат, 1952. С. 131–157.

⁶ См., например: *Александров М.К.* Содержание договора грузовой перевозки // Советское государство и право. 1954. № 4. С. 102–103; *Шварц Х.И.* Договор автомобильной перевозки. Госюриздат, 1955. С. 48–49.

⁷ См.: *Шешенин Е.Д.* К вопросу о правовой природе отношений между государственными предприятиями по индивидуальным заказам промышленного оборудования (Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса). Госюриздат, 1957. С. 28.

с одной стороны, а с другой — договора жилищного найма¹, кредитования на индивидуальное жилищное строительство². Аналогичную картину мы видим и в преподавании науки советского гражданского права: хотя программы по этой отраслевой учебной дисциплине строятся в соответствии с общей классификацией гражданско-правовых институтов, однако внутри общих классификационных подразделений учитывается дифференциация гражданско-правового регулирования, и поэтому в отдельные темы курса выделяются такие вопросы, как «Право государственной социалистической собственности», «Договор поставки» и др.

Нам представляется, что в преподавании науки советского гражданского права нужно делать еще более радикальные выводы из факта дифференциации гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе. Целесообразно, например, выделить особую учебную дисциплину «хозяйственное право» с соответствующим подчинением этой межотраслевой области знаний отраслевым дисциплинам — административному и гражданскому праву. Но если даже не идти на столь существенную перестройку структуры учебных дисциплин, то в пределах единой учебной дисциплины — советского гражданского права — представляется необходимым выделить особые структурные подразделения, связанные с правовым регулированием отношений в области планового хозяйства и колхозной собственности. Правда, здесь в тщательном обсуждении нуждается вопрос о соотношении общей и особенной части, правильной дозировки между ними учебного материала. Очевидно, при таком построении курса гражданского права следовало бы, например, первый раздел особенной части посвятить гражданам, с тем чтобы в этом же разделе были рассмотрены и обязательственные отношения, распространяющие свое действие на всех субъектов. В существенном расширении и перестройке нуждается общая часть курса и т.д. Все эти вопросы требуют тщательного обсуждения, но они отнюдь не являются непреодолимыми.

Вывод о дифференциации гражданско-правового регулирования имеет существенное значение и для практики применения гражданского законодательства. При применении норм советского

¹ См., например: *Полянская Г.Н.* Договор имущественного найма, глава коллективной работы «Отдельные виды обязательств». Госюриздат, 1954. С. 140; *Аскназий С.И., Брауде И.Л., Пергамент А.И.* Жилищное право, 1956. С. 86–87.

² См.: *Алексеев С.С., Шешенин Е.Д.* Гражданско-правовые формы кредитования индивидуального жилищного строительства // Советское государство и право. 1956. № 7. С. 63–67.

гражданского права необходимо учитывать не только то общее, что свойственно гражданско-правовому регулированию в целом, но и специфические черты, характерные для того или иного структурного отдела советского гражданского права. Так, применение гражданского закона в области планового хозяйства имеет иной характер, нежели применение аналогичного закона к отношениям, в которых участвуют граждане. Можно в порядке иллюстрации сослаться на применение норм об исковой давности в арбитраже¹, на широкое применение в арбитраже начал целесообразности и др. Отсюда, в частности, значение решений арбитражных органов в регулировании соответствующих правовых отношений. Решение арбитража по ряду преддоговорных споров «является актом, определяющим условия договора, при недостижении соглашения между поставщиком и покупателем. При рассмотрении преддоговорных споров в соответствии с действующими нормативными актами арбитраж должен учитывать хозяйственно-политическую сторону дела. Немалое значение для правильного разрешения споров имеет учет соображений технического и экономического характера...»².

Если процессуальные формы являются формами жизни закона, то, с другой стороны, наличие таких особых форм представляет из себя реальный показатель существования юридических особенностей в жизни самого закона. Поэтому наличие арбитражной и судебной формы исковой защиты гражданских прав должно быть признано в качестве дополнительного (хотя и не имеющего универсального значения) аргумента, подтверждающего дифференциацию гражданско-правового регулирования. Но это же обстоятельство еще раз подчеркивает значение вывода о дифференциации гражданско-правового регулирования для практики применения гражданского закона: деятельность работников юриспруденции по гражданским делам концентрируется вокруг арбитражной и судебной форм защиты гражданских прав и, следовательно, в какой-то мере рассредоточивается в соответствии со структурными подразделениями советского гражданского права.

5. Выше мы попытались показать, что в науке советского гражданского права ф а к т и ч е с к и учитывается объективно существующая

¹ См.: *Новицкий И.Б.* Сделка, исковая давность. Госюриздат, 1954. С. 155 и след.; ср. также: *Кириллова М.Я.* Некоторые вопросы исковой давности в договорных отношениях социалистических организаций // Вопросы советского гражданского права и процесса. Госюриздат, 1955. С. 93–95.

² *Мамутов В.К.* Вопросы ассортимента, качества и комплектности поставляемой продукции в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. ЛГУ, 1955. С. 8.

дифференциация гражданско-правового регулирования имущественных отношений в социалистическом обществе. Но каково состояние разработки самой проблемы дифференциации гражданско-правового регулирования?

Впервые в наиболее общем виде идея дифференциации гражданско-правового регулирования была сформулирована М.М. Агарковым. Включая в состав советского гражданского права нормирование трудовых отношений в социалистическом обществе, М.М. Агарков полагал, что в этой отрасли советского права имеются общая часть и специальная часть, которая состоит из четырех разделов: 1) гражданское право социалистического хозяйства; 2) гражданское право трудовых отношений; 3) гражданское право отдельного гражданина; 4) гражданское право внешней торговли¹. Концепция М.М. Агаркова о системе гражданского права была поддержана в довоенный период и некоторыми другими авторами, в том числе Н.С. Братусем² и П.Д. Каминской³. Более того, в тезисах Института права АН СССР (1941 г.), в которых в какой-то мере были подведены итоги дискуссии о системе права 1938—1940 гг., указанная концепция, за исключением вопроса о трудовом праве, была полностью воспринята. Авторы тезисов распределяли гражданско-правовые институты по таким разделам: а) общая часть; б) гражданское право социалистического хозяйства; в) гражданское право физических лиц; г) гражданское право внешней торговли⁴.

Однако впоследствии рассматриваемое теоретическое воззрение, которое в предвоенные годы завоевывало все более и более прочные позиции, было в сущности забыто. Даже М.М. Агарков в учебнике по гражданскому праву (1944 г.) не использовал идею дифференциации гражданско-правового регулирования для расположения учебного материала.

Лишь в последние годы в связи с подготовкой проектов систематизированных нормативных актов по гражданскому праву были предприняты попытки привлечь внимание цивилистов социалистических стран к идее дифференциации гражданско-правового регу-

¹ Агарков М.М. Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8—9. С. 54—60, 70.

² См.: Братусь С.Н. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 1. С. 48, а также: Советское государство и право. 1940. № 8—9. С. 202—203.

³ См.: Советское государство и право. 1940. № 8—9. С. 200.

⁴ Система советского социалистического права (тезисы) / Институт права АН СССР. Юриздат, 1941. С. 11.

лирования. Важно при этом отметить, что указанная проблема независимо друг от друга поставлена и учеными-юристами стран народной демократии¹.

В чем же состоят недостатки теоретического освещения дифференциации гражданско-правового регулирования — недостатки, свойственные и позиции автора этих строк в его статье «О системе Основ гражданского законодательства СССР и республиканских гражданских кодексов»². Дело в том, что отсутствие требуемой четкости формулировок, предложенных по этому вопросу разными авторами, наводило на мысль, что дифференциация гражданско-правового регулирования приводит к р а з р ы в у единой классификации институтов гражданского права, к р а с п а д е н и ю этой отрасли на ряд не связанных между собой областей («ветвей») правового регулирования. Правда, такой интерпретации взглядов сторонников идеи дифференциации гражданско-правового регулирования в какой-то мере препятствовало обособление ими о б щ е й ч а с т и гражданского права, охватывающей наряду с традиционными институтами общей части общие нормативные положения права собственности и обязательственного права. Однако содержание этой общей части и ее соотношение с разделами особенной части не были с необходимой полнотой и точностью определены. Поэтому создавалось впечатление, согласно которому все то, что не относится к общим положениям права собственности и обязательственного права, иными словами, все конкретные институты этих разделов гражданского права, без остатка распадаются на изолированные сферы по признаку субъектного состава соответствующих отношений.

В предшествующем изложении мы попытались показать, что такое истолкование дифференциации гражданско-правового регулирования имущественных отношений не может быть признано правильным. Не только общие положения права собственности и обязательственного права, но многие конкретные институты и нормы этих разделов гражданского права имеют общее значение, распространяют свое действие на всех (или почти на всех) участников имущественных отношений. Общая часть — это в сущности в с е гражданское право з а м и н у с о м с п е ц и ф и ч е с к и х структурных

¹ См.: *Кнапп В.* По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 120.

² См.: Вопросы кодификации советского законодательства: Сборник статей. Свердловск, 1957. С. 107–120; см. также статью о теоретических основах классификации отраслей советского права: «Советское гражданское право» (1957. № 7. С. 106).

подразделений, относящихся к плановому социалистическому хозяйству, колхозной собственности, внешней торговли, ряду имущественных связей между социалистическими организациями и гражданами. Другой вопрос, что при законодательном закреплении в систематизированном акте или при изложении в процессе преподавания этой обширной «общей части» целесообразно было бы соединить некоторые ее разделы с тем или иным специфическим структурным подразделением (например, соединить в едином разделе институты, регулирующие специфические отношения с участием граждан, и все конкретные институты обязательственного права, входящие в общую часть). Но то или иное расположение нормативного материала в систематизированном акте, а также в учебниках и учебных программах не должно заслонять реальную структуру самого гражданского права, объективно существующую дифференциацию его структурных отделов в соответствии с особенностями имущественных отношений в социалистическом обществе.

6. Дифференциация гражданско-правового регулирования (а также дифференциация институтов советского административного права, где также обособилась «хозяйственная часть»), получила своеобразное теоретическое истолкование в концепции «хозяйственного права».

Скажем сразу — мы против того, чтобы с порога и безоговорочно отвергать теорию «хозяйственного права». Эта теория содержит ряд положительных моментов, отражающих дифференциацию правового регулирования в социалистическом обществе. Когда в рамках указанной теории ставится вопрос о комплексном и согласованном развитии законодательства в области хозяйства, а также о комплексном изучении правового регулирования хозяйственных отношений в единой межотраслевой научной дисциплине, концепция «хозяйственного права» никаких сомнений, на наш взгляд, не должна вызывать¹.

¹ См.: *Тадевосян В.С.* Некоторые вопросы системы советского права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 99; *Его же.* Сущность советского хозяйственного права и предстоящая кодификация гражданского законодательства СССР // Советское государство и право. 1959. № 6. С. 50—60; *Ефимочкин В.П.* К вопросу о принципах построения системы советского права // Советское государство и право. 1957. № 3. С. 86—92; *Павлов И.В.* О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 11. С. 11—13; *Лантев В.В.* О советском хозяйственном праве // Советское государство и право. 1959. № 4. С. 70 и след.; *Мамутов В.К.* Полнее использовать правовые средства укрепления хозрасчета // Роль и задачи юридической службы в укреплении хозяйственного расчета предприятий и строек. Сталино; Донбасс, 1958. С. 4—7; *Его же.* Хозяйственное право — на службу коммунистическому строительству // Советское государство и право. 1959. № 5. С. 61—68 и др.

Однако стремление сторонников концепции «хозяйственного права» изобразить правовое регулирование хозяйственных отношений в виде особой, самостоятельной отрасли права представляется нам теоретически неправильным¹.

Отрасль права — это такое прочное, внутренне единое соединение правовых норм, которое имеет юридически однородный характер. Следовательно, не всякому виду общественных отношений соответствует отрасль права. Об отрасли права мы можем говорить лишь там и постольку, где и поскольку особый вид общественных отношений характеризуется такими особенностями, которые предполагают существование своеобразной, цельной формы правового регулирования, разнящейся от других форм как по общему юридическому положению сторон правоотношений, так и по конкретным правоотношениям (юридическим фактам, содержанию прав и обязанностей, санкциям). Иначе и быть не может: система права представляет собой объективно существующее распределение правовых институтов по отдельным группам, а не классификацию общественных отношений, взятую безотносительно к их правовому регулированию.

Известно, что в социалистическом обществе в связи с осуществляемой Советским государством хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работой возникла специфическая группа общественных отношений, которая может быть обозначена через термин «хозяйственные отношения»². Однако соответствует ли этой группе общественных отношений особая и притом цельная форма правового регулирования? Стоит только так поставить вопрос, как сразу же обнаруживается главное уязвимое место концепции «хозяйственного права». В социалистическом обществе хозяйственные

¹ См.: *Генкин Д.М.* К вопросу о системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 85—89; *Вильянский С.И.* К вопросу о системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 1. С. 109; *Его же.* Советское гражданское право в период развернутого строительства коммунистического общества // Правоведение. 1959. № 2. С. 21 и след.; *Кнанн В.* По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 119—120; *Шаргородский М.Д., Иоффе О.С.* О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 102; *Денисов А.И., Бернштейн Н.И.* Основы гражданского законодательства и «хозяйственное право» // Советское государство и право. 1959. № 5. *Иоффе О.С.* Правовое регулирование хозяйственной деятельности в СССР. Изд-во ЛГУ, 1959; *Его же.* О гражданско-правовом и административно-правовом методах регулирования хозяйственной деятельности // Правоведение. 1959. № 3. С. 48—62; *Антимонов Б.* К разработке проекта Основ гражданского законодательства // Социалистическая законность. 1959. № 7. С. 14—18 и др.

² См.: XXI съезд КПСС и задачи советской правовой науки // Советское государство и право. 1959. № 2. С. 6.

отношения, взятые как *н е д и ф ф е р е н ц и р о в а н н о е ц е л о е*, сами по себе правового регулирования *н е т р е б у ю т*. Не требуют потому, что в период социализма многие общественные отношения, которые могут быть включены в число «хозяйственных», не опосредствуются в правовом порядке¹. Но если *н е в с е* хозяйственные отношения требуют правового регулирования, а в правовую форму облекаются лишь *о т д е л ь н ы е в и д ы* отношений этого рода, то, следовательно, при характеристике правового регулирования в области хозяйства нужно исходить из отдельных видов хозяйственных отношений.

С этой точки зрения тот вариант концепции «хозяйственного права», который разрабатывался в конце 1920-х и начале 1930-х гг., следует признать более последовательным. Странники указанной концепции объединяли правовое регулирование хозяйственных отношений в единую отрасль именно по той причине, что оно, по их мнению, выражало собой процесс *о т м и р а н и я п р а в а*. «Хозяйственно-административное право, — писал один из сторонников этого воззрения, — стоит на грани права и неправы потому, что та область отношений, которую мы относим к этой отрасли советского права, характеризуется отмиранием правосубъектности, коммерческого расчета и рыночной оперативной самостоятельности в хозяйственной деятельности госпредприятий². Поэтому мы не можем согласиться с Л.Я. Гинцбургом, который пытается доказать, что «правовой нигилизм» *в о в с е* не был свойствен теории «хозяйственного права»³. Как раз наоборот: мало сказать, что правовой нигилизм был характерен для теории «хозяйственного права», правовой нигилизм при становлении рассматриваемой теории составлял *о с н о в н о е е е с о д е р ж а н и е*.

Итак, рассматривая общественные отношения в социалистическом хозяйстве как предмет правового регулирования, необходимо не

¹ См.: Павлов И.В. О формах правового регулирования общественных отношений при переходе к коммунизму // Вопросы строительства коммунизма в СССР. Изд-во АН СССР, 1959. С. 268–269.

² См.: Братусь С.Н. К проблеме хозяйственно-административного права // Советское государство и революция права. 1930. № 11 —12. С. 153; ср. также: Стучка П.И. Гражданское право и практика его применения. Изд. Коммакадемии, 1929. С. 10; *Его же*. О системе и пределах материальной или особой части гражданского кодекса // Революция права. 1929. № 5. С. 79–81; Гейман Ю. Плановое регулирование и Гражданский кодекс // Ежедневник советской юстиции. 1929. № 27. С. 634; *Его же*. Хозяйственное право к 12-летию Октября // Ежедневник советской юстиции. 1929. № 44. С. 1032; Яичков К.К. К вопросу о хозяйственно-административном праве. Баку, 1929. С. 123; Амфитеатров Г. Основные начала гражданского законодательства и борьба за марксистскую методологию // Советское государство и революция права. 1930. № 4. С. 74.

³ Гинцбург Л.Я. К вопросу о хозяйственном праве // Советское государство и право. 1956. № 10. С. 92.

сливать эти отношения в некоторое недифференцированное целое, а, напротив, исходить из того, что лишь отдельные виды хозяйственных отношений требуют правового регулирования. При таком подходе к анализу общественных отношений рассматриваемой группы удастся установить, что те общественные отношения, которые складываются в области социалистического хозяйства, весьма разнообразны по своему содержанию и в соответствии с этим требуют различных форм правового регулирования. Здесь мы встретим и организационно-властные отношения, регулируемые советским административным правом, и регулируемые гражданским правом отношения, складывающиеся на основе имущественно-распорядительной самостоятельности субъектов, и отношения по применению труда рабочих и служащих, опосредствуемые советским трудовым правом, и внутриколхозные отношения — предмет советского колхозного права. И когда В.В. Лаптев пишет, что «для хозяйственного права предметом правового регулирования являются отношения, складывающиеся в государственном социалистическом хозяйстве, которые могут регулироваться как методом, применяемым в гражданском праве (равенство сторон правоотношения), так и методом административного права (подчинение одного участника правоотношения другому)»¹, то вывод автора о самостоятельности «хозяйственного права» оказывается полностью опровергнутым.

Необходимо еще раз оговориться, что мы разделяем ряд их основных посылок, от которых отправляются сторонники концепции «хозяйственного права». Нам вполне понятно их стремление найти в самой системе советского права такие черты, которые бы ярко выражали его социалистическую природу, своеобразие регулируемых им общественных отношений. Сторонники концепции «хозяйственного права» не замечают, однако, того в высшей степени важного обстоятельства, что особенности социальной природы данного исторического типа права могут выражаться не только в составе и соотношении отраслей права, но и в их внутренней структуре, в дифференциации их содержания. Не видеть этого, значит, не видеть многообразия форм выражения социальной природы права. Если по одной группе отношений социалистическая природа советского права нашла выражение в формировании новых, истории ранее неизвестных, отраслей права (трудовое право, колхозное право,

¹ Лаптев В.В. О советском хозяйственном праве // Советское государство и право. 1959. № 4. С. 80.

семейное право), то по другой группе отношений, в частности, в области административного и гражданского права, особенности социального строя нашего общества отразились в своеобразии дифференциации соответствующих форм правового регулирования. Стремясь во что бы то ни стало связать специфические черты права при социализме только лишь с вопросом о составе отраслей, сторонники концепции «хозяйственного права» становятся на путь насильственной ломки объективно существующей системы советского права.

Игнорирование объективно существующей системы советского социалистического права, разумеется, не может не сказаться на успешности теоретической разработки практически важных проблем. Как справедливо отмечает А.В. Венедиктов, «если бы юристы подменили четкое разграничение административно-правовых и гражданско-правовых элементов в современной организационной структуре промышленности, отвечающее экономической сущности различных видов хозрасчета, обезличенной трактовкой их как элементов единого хозяйственного права, они не только закрыли бы путь к правильному теоретическому анализу организационно-правовой структуры промышленности, но также не сумели бы помочь практике в нахождении правильного пути, как не сумели этого сделать представители хозяйственного права в 30-х годах»¹. И это вполне понятно. Система права представляет собой объективную закономерность данного исторического типа права. А поэтому игнорирование объективно существующей системы права (как и всякой объективной закономерности) мстит за себя.

Не случайно, с другой стороны, при решении практических вопросов сторонники концепции «хозяйственного права» в ы н у ж д е н ы отступать от провозглашенных ими исходных теоретических установок. Этот процесс можно проследить на примере развития указанной концепции в 1930-х гг. Разработка выдвинутой П.И. Стучкой идеи «административно-хозяйственного права»² практически привела к результатам, которые шли вразрез с основным содержанием этой идеи. «Выводы последователей П.И. Стучки, — пишет Л.Я. Гинцбург, — существенно отличаются от выводов П.И. Стучки»³. Контакт с административным правом «у авторов концепции хозяйственного права никогда не доходил до степени' потери своего лица. Сторонники хозяйственного права считали необходи-

¹ Советское государство и право. 1958. № 11. С. 128; ср. аналогичные суждения Р.О. Халфиной (там же. С. 119).

² См.: *Стучка П.И.* Гражданское право и практика его применения. Изд. Коммакадемии, 1929. С. 10; *Его же.* О системе и пределах материальной или особой части Гражданского кодекса // *Революция права.* 1929. № 5. С. 79—81.

³ *Гинцбург Л.Я.* К вопросу о хозяйственном праве // *Советское государство и право.* 1956. № 10. С. 86.

мым изучать хозрасчет, государственное планирование, систему органов управления хозяйства и т.д., но все это лишь постольку и потому, что иначе нельзя объяснить ни правосубъектности государственных предприятий, ни новой природы договорных связей в СССР и т.д. Поэтому авторы концепции хозяйственно-административного права отказались от наименования «хозяйственно-административное право» и всячески подчеркивали принцип единства всей системы хозяйственно-правового регулирования в СССР в противовес «двухсекторному праву» П.И. Стучки¹. Иными словами, практически – вопреки исходным установкам – под «хозяйственным правом» понимали ту часть гражданского права, которая регулирует известный круг имущественных отношений между социалистическими хозяйственными организациями, а также между последними и гражданами.

Интересно, что такую же эволюцию в воззрениях сторонников «хозяйственного права» можно наблюдать и в настоящее время. Если В.С. Тадевосян предпринял попытку возродить идею «административно-хозяйственного права»², то И. В. Павлов говорит лишь о «хозяйственном праве» как о совокупности норм, регулирующих отношения, связанные с движением объектов социалистической собственности³, а В.П. Ефимочкин ограничивает пределы этой «отрасли» определенным кругом норм, относимых к «хозяйственному» отделу гражданского права⁴. Не менее любопытно, что, как только И.В. Павлов попытался выяснить тенденции развития правового регулирования в период строительства коммунизма, он вынужден различать категоричные и менее категоричные нормы права, говорить о сфере «непосредственного государственного принуждения» и даже выделять хозяйственный договор «в связи с дальнейшим развитием товарно-денежной формы хозяйственных отношений...»⁵, т.е. проводить такой анализ, который противоречит начальным установкам концепции единого «хозяйственного права».

Разумеется, нельзя не видеть некоторых общих моментов, свойственных административно-правовому и гражданско-правовому регулированию отношений социалистического хозяйства. Но эти общие

¹ Гинцбург Л.Я. К вопросу о хозяйственном праве // Советское государство и право. 1956. № 10. С. 86–87.

² Тадевосян В.С. Некоторые вопросы системы советского права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 103–104.

³ Павлов И.В. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 11. С. 12.

⁴ Ефимочкин В.П. К вопросу о принципах построения системы права // Советское государство и право. 1957. № 3. С. 89–92.

⁵ Павлов И.В. О формах правового регулирования общественных отношений при переходе к коммунизму // Вопросы строительства коммунизма в СССР. Изд-во АН СССР. 1959. С. 270–271.

моменты не привели здесь к формированию таких внутренне единых, цельных, юридически однородных правовых образований, которые возникли в области применения труда рабочих и служащих (советское трудовое право) и внутриколхозных отношений (советское колхозное право). Проникновение административно-правовых элементов в само содержание гражданских правоотношений не имеет здесь массового характера, как ошибочно полагает И.В. Павлов¹. Связь, взаимодействие между гражданским и административным правом осуществляются при регулировании хозяйственных отношений по линии юридических фактов и санкций, т.е. в таких формах, когда взаимодействующие правовые образования полностью сохраняют свою отраслевую самостоятельность.

И последнее, что хотелось бы отметить по рассматриваемому вопросу. Совершенно очевидно, что концепция «хозяйственного права» противоречит объективным фактам — е д и н с т в у форм правового регулирования, отражающих е д и н с т в о (о б щ и е ч е р т ы) т о в а р н о г о п р о и з в о д с т в а в социалистическом обществе. Концепция «хозяйственного права» может получить известное теоретическое обоснование лишь при том непереносимом условии, если ее сторонники сумеют доказать, что при социализме существуют две с о - в е р ш е н н о с а м о с т о я т е л ь н ы е сферы товарного производства, не имеющие между собой н и к а к и х о б щ и х ч е р т. До тех пор пока речь идет о б о с о б е н н о с т я х действия закона стоимости в пределах различных групп имущественных отношений, допустима лишь постановка вопроса об особенностях соответствующих видов правового регулирования, о дифференциации этих видов, но не более².

§ 3. Основные тенденции развития гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе

1. Правильная характеристика тенденций (закономерностей) развития советского гражданского права требует строгого учета о б щ е - г о и о с о б е н н о г о в общественном развитии.

¹ См.: Павлов И.В. О системе советского социалистического права (тезисы доклада). М., 1958. С. 10

² Об особенностях и характерных чертах теории «права социалистического хозяйства», развиваемой учеными-юристами в ГДР, см.: Иоффе О.С. О гражданско-правовом и административно-правовом методах регулирования хозяйственной деятельности // Правоведение. 1959. № 3.

Каждая отрасль права является лишь одной из форм правовой части надстройки. Поэтому развитие каждой отрасли подчинено общим закономерностям, свойственным праву. Стало быть, по своим главным направлениям развитие советского гражданского права не может существенно отличаться от главных направлений развития советского права в целом и неразрывно связанного с ним Советского государства.

Однако характеристика развития гражданского права сквозь призму общих закономерностей дает верное лишь по внешним очертаниям изображение этого процесса. Если отрасли права являются инструментами в осуществлении функций государства, то необходимо учитывать, что каждая из них — это особый инструмент, приспособленный для выполнения лишь определенного круга общественных операций. Каждой отрасли права имманентно присущи специфические черты, которые обуславливают саму возможность использования институтов данной отрасли в выполнении задач государства. А отсюда вывод — в пределах общих закономерностей каждая отрасль права имеет свои тенденции развития, которые в какой-то мере могут отличаться от тенденций развития советского права в целом, тенденций развития других отраслей права.

Каковы же особенности советского гражданского права, которые определяют саму возможность использования его институтов в осуществлении задач Советского государства и, следовательно, определяют главные тенденции его развития?

Решающее значение для ответа на поставленный вопрос имеет защищаемое в настоящей работе теоретическое положение об организационном единстве советского гражданского права и существующего при социализме товарного производства. Так как советское гражданское право регулирует имущественные отношения, складывающиеся на основе товарного производства, закономерности развития последнего и предопределяют главные тенденции развития соответствующей формы правового регулирования. С этой точки зрения тенденции (закономерности) развития советского гражданского права представляют собой лишь специфическое выражение закономерностей товарного производства при социализме.

Правда, тенденции развития советского гражданского права не могут быть полностью, без остатка, сведены к закономерностям развития существующего при социализме товарного производства. Гражданско-правовое регулирование может иметь некоторое отнюдь не

тельно самостоятельное развитие, непосредственно не связанное с развитием товарного производства.

Однако, несмотря на все это, основные (специфические) линии развития гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе в основном соответствуют главным направлениям развития социалистического товарного хозяйства.

Такой характер развития советского гражданского права может быть подтвержден и анализом историй развития этой отрасли, и анализом тенденции ее развития в настоящий период.

2. История развития советского гражданско-правового законодательства — это в первую очередь история развития правовых форм опосредствования имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства. Невозможно понять ни особенности периодизации истории развития советского гражданского права, ни своеобразия гражданско-правовых институтов на том или ином этапе развития советского общества, если не иметь в виду специфические черты гражданско-правового регулирования, его тесную связь с товарно-денежными отношениями при социализме.

В настоящее время в советской исторической науке признано, что послеоктябрьский этап истории советского общества распадается прежде всего на два главных периода: 1) период революционного перехода от капитализма к социализму, заканчивающийся примерно в 1936 г., и 2) период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму, продолжающийся в настоящее время¹. Этим двум главным этапам соответствуют две главные фазы развития Советского государства. Им же в основном соответствуют и главные этапы истории советского гражданского права².

При этом весьма характерно, что гражданское право переходного периода и гражданское право победившего социализма, оставаясь единым и прежде всего единым по своей социально-классовой природе, в известной мере отличаются друг от друга не только по экономическим и некото-

¹ См., в частности: Берхин И.Б., Ким М.П. О периодизации истории советского общества // Вопросы истории. 1954. № 10; О периодизации истории советского общества (редакционная статья), там же. 1956. № 6.

² См. очерк И.Б. Новицкого в книге «История советского гражданского права» (Юриздат, 1949); высказывания Д.М. Генкина в тезисах его доклада о главных фазах развития гражданского права «Советское право в первой и второй главных фазах развития социалистического государства», тезисы доклада на научной сессии ВИЮН, 1951; Иоффе О.С. Очерк «Гражданское право» в коллективной работе «40 лет советского права» (Т. I и II. Изд-во ЛГУ, 1957); Новицкий И.Б. История советского гражданского права. Госюриздат, 1957.

рым политическим признакам (что освещено в литературе уже с достаточной полнотой), но и по ряду признаков ю р и д и ч е с к и х.

В чем же состоят эти юридические особенности гражданского права в переходный период и в период социализма? Едва ли возможно ответить на этот вопрос, если не учитывать особенности товарного производства на указанных исторических периодах развития советского общества.

В переходный период часть имущественных отношений складывалась на основе товарного производства «рыночного типа», функционирующего на основе частично допущенной социалистическим государством частной собственности на средства производства. Поэтому Советское государство использовало гражданско-правовые институты для осуществления не только положительной стороны правового регулирования, но одновременно для вмешательства в частноправовые отношения, для их ограничения и последующего вытеснения из гражданского оборота. Такое использование гражданско-правовых институтов в этот период явилось одним из способов ограничения товарных отношений, складывающихся на основе частной собственности. Вместе с тем, — и это, на наш взгляд, главное, что определяет специфику гражданского права на первом этапе с ю р и д и ч е с к о й стороны, — условия развития имущественных отношений социалистической собственности в период нэпа, в особенности в его восстановительную стадию, были таковы, что для проведения гражданско-правового регулирования имущественных отношений оказалось достаточным использование в интересах социализма «с т а р ы х» гражданско-правовых институтов, сложившихся в рамках простого товарного производства. Сущность этих институтов коренным образом изменилась: они наполнились новым, социалистическим содержанием. Однако их ф о р м а все же оставалась «с т а р о й», так как «сознательное и планомерное использование закона стоимости в период нэпа находилось лишь на начальном этапе своего развития. Были сделаны первые шаги на пути подчинения порожденных товарно-денежными отношениями гражданско-правовых форм плановому началу»¹.

Ряд новых черт характерен для гражданского права периода победившего социализма. Причем главное, что определяет специфику гражданского права на втором этапе с ю р и д и ч е с к о й с т о р о н ы, — это развитие в гражданском обороте социалистического общества принципиально новых г р а ж д а н с к о - п р а в о в ы х ф о р м (договоры, поставки, подряды на капитальное строительство и др.) — форм, которые начали складываться на первом главном этапе, но которые сформировались в качестве с а м о с т о я т е л ь н ы х институтов лишь при переходе ко второму этапу. С.Н. Братусь справедливо пишет: «Переход к политике социалистической индустриализации и коллективизации страны

¹ См.: Братусь С.Н. О некоторых чертах истории советского гражданского права // Советское государство и право. 1957. № 11. С. 89.

во второй половине 20-х годов, сопровождавшийся успешным вытеснением частнокапиталистических элементов из народного хозяйства, появлением новых гражданско-правовых форм, обусловленных постепенным укреплением и развитием планового начала в руководстве хозяйством. Преобразование гражданско-правовых методов регулирования имущественных отношений постепенно было осуществлено не только внутри обобществленного сектора, но и за его пределами в связи с расширением производственных форм смычки промышленности с сельским хозяйством¹. Если, например, на первом главном этапе подрядные отношения по строительству между социалистическими организациями регулировались в основном общими постановлениями ГК 1922 г., а специальные нормы существовали главным образом для тех случаев, когда участниками таких отношений выступали частные предприниматели², то на втором главном этапе формируется особый, совершенно новый как по содержанию, так и по форме институт — институт подряда на капитальное строительство³. Этот институт, сближаясь с другими новыми институтами, опосредствующими имущественные отношения социалистической собственности, — договорами поставки, услуг, перевозки грузов и т.д., — в то же время отделяется не только от общих постановлений ГК 1922 г., но и от другой развившейся в условиях социализма специальной формы подрядных отношений, связанной с удовлетворением материальных запросов граждан (бытового заказа)⁴.

Итак, в истории развития гражданско-правового регулирования имущественных отношений социалистического общества можно выделить два главных этапа — такие же два этапа, по которым протекало развитие социалистического права в целом, Советского государства, всей социалистической формации. Но допустимо ли ограничиться приведенным выводом? Нет, нельзя — нельзя потому, что в этом случае не будет учтена специфика гражданско-правового регулирования, обусловленная характерными чертами товарного производства, — специфика, которая в свою очередь предопределяет наличие некоторых отклонений и периодизации истории развития гражданского права от приведенной двухстадийной схемы. Эти отклонения оказываются главным образом при характеристике процесса становления советского гражданского права и при решении вопроса о временной грани, отграничивающей первый главный этап от второго.

¹ Братусь С.Н. О некоторых чертах истории советского гражданского права // Советское государство и право. 1957. № 11. С. 90. (Разрядка наша. — С.А.)

² См. Положение о государственных подрядах и поставках (СУ. 1921. № 69. Ст. 549).

³ См. по этому вопросу: Брауде И.Л. Договоры по капитальному строительству в СССР. Госюриздат, 1952. С. 108—130.

⁴ См.: Зимелева В.М. Договор бытового подряда // Проблемы социалистического права. Вып. 4. ВИЮН. 1938. С. 67—84; Брауде И.Л. Договор подряда, глава коллективной работы «Отдельные виды обязательств». Госюриздат, 1954. С. 236—243.

Если правильно, что социалистическое право в целом возникло сразу же в первые дни Октябрьской революции, то, будучи механически распространённым на гражданское право, этот вывод окажется недостаточным. Гражданское право — это отрасль, связанная преимущественно с «положительной» стороной правового регулирования. Между тем до 1921—1922 гг. в области имущественных отношений это регулирование осуществлялось прежде всего в «негативных» целях. Что же касается положительного регулирования имущественных отношений рассматриваемого периода, то оно, начиная с середины 1918 г., в силу особенностей этих отношений, обусловленных исключительно сложной военной обстановкой и попыткой «произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению»¹, производилось в основном в типичных административно-правовых формах. Вот почему, говоря словами С.И. Аскназия, «в период 1918—1922 гг. с устранением из экономики Республики всех элементов товарного хозяйства, почти совершенно устранённым оказалось и гражданское право»². А.Г. Гойхбарг вспоминает: «...на съезде советских юристов летом 1920 г., когда зашла речь о некоторой кодификации гражданского права, участники съезда не могли привести почти ни одного частноправового отношения, кроме найма пастуха в деревне. И мне, — продолжает автор, — пришлось на этом съезде заявить, что при этих условиях желание кодифицировать гражданское право есть желание кодифицировать уходящую из-под ног почву»³.

Правда, неверно было бы полностью исключать из истории гражданского права период до 1921 г. Заявление П.И. Стучки о том, что в этот период «гражданское право перестало быть правом...», что «оно утратило охрану со стороны нового государства, напротив, стало не правом, преступлением, социально опасным явлением»⁴, слишком категорично и неоправданно резко. И дело здесь не только в том, что уже в этих условиях появились некоторые новые, социалистические гражданско-правовые институты (например, право наследования трудовой собственности⁵), роль которых, как бы она ни была мала в условиях централизованного и натурализованного сбыта и снабжения, игнорировать все же нельзя. Главное состоит в том, что в период проведения Октябрьской социалистиче-

¹ Ленин В.И. Соч. Т. 33. С. 40.

² Аскназий С.И. Очерки хозяйственного права СССР. Изд-во «Прибой», 1926. С. 19.

³ Гойхбарг А.Г. Хозяйственное право РСФСР. Т. 1; Гражданский кодекс. Госиздат, 1923. С. 3. Развернутый анализ имущественных отношений этого периода и правовых форм их регулирования см.: Венедиктов А.В. Организация государственной промышленности в СССР. Т. 1. Изд-во ЛГУ, 1957.

⁴ Стучка П.И. Гражданское право и практика его применения. Изд-во Коммакадемии, 1929. С. 3.

⁵ См.: Декрет ВЦИК от 27(14) апреля 1918 г. «Об отмене наследования» (СУ РСФСР. 1918. № 34. С. 456).

ской революции и военного коммунизма была расчищена почва и созданы экономические, политические и юридические предпосылки для последующего широкого применения в интересах строительства социализма гражданско-правового регулирования. Если бы в этот период не была завоевана и упрочена диктатура рабочего класса и установлена государственная собственность на средства производства, не создан новый правовой режим и уничтожен в своей основе частноправовой гражданский оборот, а с другой стороны, не накоплено положительного и отрицательного опыта применения административно-правовых форм опосредствования имущественных отношений, установление в 1921–1922 гг. новой, социалистической системы гражданско-правового регулирования оказалось бы невозможным.

Не случайно поэтому П.И. Стучка в противоречие с приведенным заявлением все же рассматривает период с Октября по 1921–1922 гг. в качестве первого этапа развития гражданского права, именуя его «разрушительным» периодом¹.

Конечно, это – этап особый, этап исключительно своеобразный по своему содержанию и значению. Он представляет собой специфическую переходную ступень к той полосе развития советского общества, когда стало объективно возможным и объективно необходимым широкое использование в интересах строительства социализма Гражданско-правовых институтов. К тому же следует учитывать, что в конце 1917 и первой половине 1918 г. намечалось определенное положительное развитие гражданско-правового регулирования, прерванное Гражданской войной и иностранной военной интервенцией. Как справедливо пишет А.В. Венедиктов, «при построении новой, социалистической экономики диктатура пролетариата использовала уже на первом этапе социалистического строительства и такие «институты буржуазии», как товарно-денежная форма связей между отдельными хозяйственными звеньями, с принципиальным изменением природы этой формы в пользу социализма, в ущерб капитализму»². И хотя вопрос о том, правильно ли рассматривать этот период в качестве особого, самостоятельного этапа в истории развития советского гражданского права, представляется нам не столь уж бесспорным, как это следует из применения соответствующей периодизации в литературе, неверным было бы не принимать в расчет указанного обстоятельства при характеристике процесса становления гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе.

Второе отклонение периодизации развития гражданского права от общей двустадийной схемы затрагивает вопрос о рубеже, отграничивающем первый этап от второго.

¹ Стучка П.И. Указ. соч. С. 3.

² Венедиктов А.В. Организация государственной промышленности. Т. 1. Изд-во ЛГУ, 1957. С. 429.

Изучение исторического материала показывает, что г л а в н ы е изменения, свидетельствующие о наступлении новой фазы гражданско-правового регулирования, касающиеся широкой сферы имущественных отношений, начиная от кредитования¹ и поставки² и кончая розничной торговлей³ и изобретательством⁴, произошли в 1930–1932 г. Мы при этом исходили из следующего. При решении вопроса о главных этапах гражданского права решающее значение должно быть придано изменениям в с о д е р ж а н и и правового регулирования, свидетельствующим о том, что нарастание определенных количественных изменений привело к к а ч е с т в е н н о м у с к а ч к у. Так, если обратиться к специфическим институтам, регулирующим имущественные отношения социалистической собственности, то можно обнаружить, что и до 1930–1932 г. возникли некоторые элементы этих институтов, а с другой стороны, они полностью завершили свое формирование в более поздний период (некоторые из них в 1934–1936 гг.⁵). Однако г л а в н ы е изменения произошли именно в 1930–1932 гг., до этого же времени накапливались элементы е щ е не возникших институтов, а после него производилась «доводка» институтов, у ж е возникших.

Но если переломный момент в развитии советского гражданского права произошел в 1930–1932 гг., то каким же образом увязать этот вывод со сложившимся в настоящее время в исторической науке взглядом, согласно которому советское общество перешло в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму несколько позднее, примерно в 1937 г.⁶ Дело в том, что 1936–1937 гг. — это годы завершения в основном строительства социализма советского общества в це-

¹ См. постановление ЦИК и СНК СССР от 30 января 1930 г. «О кредитной реформе» (СЗ СССР. 1930. № 8. Ст. 98) и нормативные акты, характеризующие в литературе как «поправки» к кредитной реформе — постановления СНК СССР от 14 января 1931 г. (СЗ СССР. 1941. № 4. Ст. 52) и от 20 марта 1931 г. (СЗ СССР. 1931. № 18. Ст. 166) и СТО от 16 июня 1931 г. (СЗ СССР. 1931. № 40. Ст. 282).

² См. постановление ЦИК и СНК СССР от 18 февраля 1931 г. «Об ответственности за невыполнение заказов и поставок по договорам для обобществленного сектора народного хозяйства» (СЗ СССР. 1931. № 10. Ст. 109 и др.).

³ См. постановление ЦК ВКП(б), СНК СССР и Центросоюза от 10 мая 1931 г. (СЗ СССР. 1931. № 29. Ст. 224), а также постановление ЦИК и СНК СССР от 20 мая 1932 г. «О порядке производства колхозной торговли» (СЗ СССР. 1932. № 38. Ст. 233).

⁴ См. постановление ЦИК и СНК СССР от 9 апреля 1931 г. «О введении в действие Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях» (СЗ СССР. 1931. № 21. Ст. 180–181).

⁵ Например, договор подряда на капитальное строительство (см. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 11 февраля 1936 г. «Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства». СЗ СССР. 1936. № 9. Ст. 70).

⁶ См.: О периодизации истории советского общества (редакционная статья) // Вопросы истории. 1956. № 6. С. 62; *Костин А.* К вопросу о периодизации истории КПСС // Коммунист. 1956. № 18. С. 62.

лом, т.е. не только в области экономической, но и в области культурной, политической. Экономический же базис социализма был построен ранее — к 1932 г. Состоявшийся в январе 1933 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК партии отметил: «Капиталистические элементы города и деревни разбиты, фундамент социалистической экономики построен, победа социализма в СССР обеспечена»¹. А гражданское право связано неразрывными узами именно с экономикой, с существующим при социализме товарным производством. Поэтому, если, например, государственное право перешло ко второму главному этапу в 1936 г., когда завершился переход к социализму в области политической, то гражданское право осуществило этот переход раньше — вместе с экономическим базисом советского общества, с изменением характера товарного производства.

3. При рассмотрении тенденций развития советского гражданского права в с о в р е м е н н ы й п е р и о д особого внимания требует вопрос о сфере действия и объеме гражданско-правового регулирования. Будет ли развитие гражданского права идти по линии его роста, расширения или, напротив, по линии спада, затухания — вот вопрос, ответ на который должен служить компасом при решении кодификационных и некоторых организационных задач в области работы юрисдикционных органов, развития цивилистической науки и преподавания цивилистических дисциплин.

Известно, что в двадцатых и начале тридцатых годов среди марксистов-правоведов довольно широко были распространены взгляды о бесперспективности гражданского права, которое нередко рассматривалось как чуждое социалистическому строю явление, обреченное по мере расширения социалистического строительства на неуклонное свертывание, отмирание. Выше уже было отмечено, что такого рода воззрения на природу гражданско-правового регулирования послужили питательной почвой для концепции «хозяйственного права». И хотя после преодоления теории «хозяйственного права» 1930-х гг. в советской юридической литературе подобные воззрения не находили сторонников, отдельные марксисты-социологи и сейчас полагают, что гражданское право при социализме в основном отпадает. «При социалистической экономике, — пишет Дж. Бернал, — право неизбежно играет более ограниченную роль. Гражданское право, имеющее дело в основном с конфликтами из-за собственности, в основном исчезло...»²

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. С. 725.

² Бернал Дж. Наука в истории общества. Иностран. лит., 1955. С. 647.

Чем можно объяснить такую оценку перспектив развития гражданского права в социалистическом обществе?

Одна из причин этого кроется в недоучете социалистической природы советского права — недоучете тех изменений, которые произошли в характере и содержании гражданско-правового регулирования в период социализма. В период социализма институты советского гражданского права, в особенности институты, связанные с регулированием имущественных отношений в области планового социалистического хозяйства, колхозной собственности и др., приобрели значение неотъемлемого элемента прогрессивно развивающегося социалистического общественного строя. Существование этих институтов не сопряжено с масштабами и остротой «конфликтов из-за собственности». Роль их при социализме состоит в материальном стимулировании и общественном контроле — функциях, развитие которых предопределено развитием социалистической экономики.

В качестве причины неправильной оценки действительных тенденций развития гражданского права при социализме можно указать, далее, на существовавшую в свое время излишнюю централизацию в управлении промышленностью и строительством, что порождало представление о неизбежности вытеснения гражданско-правового регулирования общественных отношений регулированием, имеющим административно-правовой характер.

И наконец, главную причину неправильных представлений о закономерностях развития советского гражданского права в период социализма следует искать в недооценке значения для коммунистического строительства начал материальной заинтересованности, товарно-денежных отношений, закона стоимости и стоимостных форм.

В настоящее время, когда специфика гражданского права в эпоху социализма не вызывает сомнений, когда приняты решительные меры к устранению излишней централизации в хозяйственном управлении и поставлена задача широкого использования стоимостных рычагов в плановом хозяйственном руководстве, представления об «отмирании», сужении сферы действия советского гражданского права не имеют под собой какой-либо почвы.

Напротив, практика коммунистического строительства показывает, что одновременно с более последовательным применением начал материальной заинтересованности и, следовательно, расширением товарно-денежных отношений происходит расширение сферы и объема гражданско-правового регули-

рования в социалистическом обществе. В этом состоит главная закономерность развития современного советского гражданского права, соответствующая закономерностям развития товарно-денежных отношений в период социализма и развернутого строительства коммунистического общества.

Н.С. Хрущев отмечал на декабрьском Пленуме ЦК КПСС (1958 г.): «Могут сказать: мы идем к коммунизму и в то же время разворачиваем товарные отношения, не противоречит ли это одно другому? Нет, не противоречит»¹.

Поясняя это положение применительно к экономическим отношениям в области сельского хозяйства, Н.С. Хрущев указал на связь разворачивания товарных отношений с проведением принципа материальной заинтересованности: «Партия ставит задачу создать обилие сельскохозяйственных продуктов, что является одним из важных условий перехода к коммунизму. А эту задачу можно решить лишь при правильном осуществлении принципа материальной заинтересованности колхозов в увеличении производства сельскохозяйственных продуктов; ее можно решить на основе таких экономических отношений между государством и колхозами, которые стимулируют повышение производительности труда и рост производства сельскохозяйственных продуктов»². Экономическая необходимость максимального использования товарно-денежных отношений в интересах строительства коммунизма непосредственно вытекает из раскрытой на XXI съезде КПСС экономической необходимости широкого применения принципа оплаты по труду, начал материальной заинтересованности в ходе коммунистического строительства³. «Чтобы создать условия для отмирания товарного производства и обращения на высшей фазе коммунизма, — говорил К.В. Островитянов в речи на XXI съезде КПСС, — необходимо всемерное развитие и использование товарно-денежных отношений и закона стоимости в период строительства коммунистического общества»⁴. Экономическая необходимость широкого использования в интересах строительства коммунизма товарно-денежных отношений, закона стоимости и стои-

¹ Хрущев Н.С. Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов, Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 15–19 декабря 1958 года. Стенографический отчет. Госполитиздат, 1958. С. 78.

² Там же. С. 78–79.

³ Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. Госполитиздат, 1959. С. 154–155.

⁴ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского союза. Стенографический отчет. Т. II. Госполитиздат, 1959. С. 378.

мостных форм получила развернутое освещение в партийной печати и экономической литературе¹.

Конечно, нельзя не видеть определенных объективных пределов использования в интересах строительства коммунизма товарно-денежных отношений и, следовательно, объективных пределов расширения сферы и объема гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе. Решающую роль играет здесь учет объективной природы и специфических черт товарного производства при социализме. Закон стоимости при социализме не является регулятором производства, в соответствии с чем товарно-денежные отношения выполняют свою народнохозяйственную роль лишь постольку, поскольку они являются элементом планового, высокоорганизованного социалистического хозяйства. Следовательно, сама природа товарного производства при социализме такова, что она не допускает «всякого» расширения товарно-денежных отношений, в том числе «расширения», фактически приводящего к утрате товарным производством его особенностей как необходимого элемента планового хозяйства, к развитию экономических отношений «рыночного типа», превращению закона стоимости в регулятор производства. Попытки ревизионистов пропагандировать такого рода «использование» закона стоимости получили в марксистской экономической литературе должный отпор².

Однако в той мере, в какой товарно-денежные отношения при социализме выступают в качестве необходимого элемента системы планового хозяйства, расширение использования этих отношений в период строительства коммунизма и, следовательно, расширение использования в целях строительства коммунизма гражданско-правовых институтов имеет прочные э к о н о м и ч е с к и е предпосылки. Необходимо отметить также, что расширение сферы и объема граждан-

¹ См.: *Гатовский Л.* Об использовании закона стоимости в социалистическом хозяйстве // *Коммунист.* 1957. № 9. С. 41 и след.; *Его же.* Социалистический принцип материальной заинтересованности и использование товарно-денежных отношений // *Коммунист.* 1959 № 1. С. 69 и след.; *Островитянов К.* Товарное производство и закон стоимости при социализме // *Коммунист.* 1957. № 13. С. 90 и след.; *Батырев В.* О необходимости и природе товарного производства при социализме // *Вопросы экономики.* 1958. № 8. С. 108–115; *Дьяченко В.П.* Перспективы развития товарно-денежных отношений // *Вопросы строительства коммунизма в СССР.* Изд-во АН СССР, 1959. С. 286–292 и др.

² См.: *Гатовский Л.* Об использовании закона стоимости в социалистическом хозяйстве // *Коммунист.* 1957. № 9. С. 40; *Островитянов К.* Товарное производство и закон стоимости при социализме // *Коммунист.* 1957. № 13. С. 99–100.

ско-правового регулирования в период строительства коммунизма имеет и необходимые политические, а также морально-этические предпосылки: оно неразрывно связано с развитием социалистической демократии и осуществлением задач по усилению коммунистического воспитания трудящихся. Наконец, как мы попытаемся показать в последующем, расширение гражданско-правового регулирования знаменует собой определенный этап в процессе развития правового регулирования в систему норм коммунистического общественного самоуправления и, следовательно, имеет необходимое идеологическое обоснование.

4. Выводу о том, что в период строительства коммунизма гражданско-правовое регулирование имеет тенденцию к известному расширению, не следует придавать абсолютное значение. Наряду с тем, что развитие товарного производства при социализме имеет определенные объективные пределы (в том числе и в перспективе; об этом ниже), необходимо иметь в виду, что отдельные участки товарного производства при социализме, составляя звенья единой системы товарно-денежных отношений, разнятся друг от друга как по своему характеру, так и по тенденциям своего развития¹. Отсюда особенности в тенденциях развития гражданско-правового регулирования отдельных групп имущественных отношений, связанных с той или иной областью товарного производства социалистического общества.

Эти особенности давали себя знать еще на первом главном этапе развития советского гражданского права — в период нэпа. Так, например, те гражданско-правовые нормы, существование которых было связано с функционированием в период перехода от капитализма к социализму капиталистической частной собственности, совершенствовались с целью усиления борьбы с этим видом собственности, но вместе с тем по мере ликвидации последнего свертывались, отмирали. По этому вопросу О.С. Иоффе пишет, что в период перехода от капитализма к социализму «соответственно различию хозяйственных укладов нашей экономики проходил и процесс дифференциации правовых норм, завершившийся впоследствии прямой или фактической отменой тех актов, которые были рассчитаны на имущественные отношения частного сектора с утверждением безраздельного господства за законодательным регулированием

¹ О различии в содержании и тенденциях развития товарного производства см.: *Латовский Л.М.* Товарно-денежные отношения в период перехода от социализма к коммунизму // Вопросы строительства коммунизма в СССР. Изд-во АН СССР, 1959. С. 145–157, а также соображения И.В. Вязьмина (Вопросы экономики. 1958. № 4. С. 118).

ем социалистических имущественных отношений»¹. С другой стороны, на этом же этапе наблюдается неуклонный, все более и более усиливающийся рост элементов, связанных с развитием общественной, социалистической собственности, который ко второму главному этапу привел к формированию новых, не виданных ранее институтов советского гражданского права, всецело приспособленных для регулирования имущественных отношений общества победившего социализма.

В настоящее время особую область товарного производства составляют товарно-денежные отношения, связанные с существованием остатков мелкого частного хозяйства крестьян-единоличников и некооперированных кустарей. К этим отношениям примыкают товарные связи, возникающие на основе подсобного хозяйства колхозников (отчасти рабочих и служащих), а также на основе существующего еще натурального распределения доходов в колхозах. В этой области сохраняется товарное производство, имеющее по ряду черт рыночный характер. Оно в современных условиях в определенных пределах охватывает и деятельность колхозов, реализующих часть своей продукции на рынке. Сохранившиеся остатки товарного хозяйства рыночного типа, не способные в условиях социализма развивать отношения частной собственности на средства производства, отличаются, однако, по ряду особенностей от всех других участков товарного производства при социализме: они характеризуются известными элементами стихийности и по своей природе не допускают целенаправленного общественного регулирования в той мере, в какой последнее присуще иным сферам организованного товарного производства. Не случайно в этой области намечается тенденция к свертыванию товарных отношений — процесс, который, очевидно, завершится еще до полного построения коммунизма в странах социализма².

Гражданско-правовые нормы, которые регулируют имущественные отношения рассматриваемого вида, не образуют специфического структурного отдела в системе советского гражданского права. Поэтому намечившаяся в ходе коммунистического строительства тенденция свертывания товарно-денежных отношений «неорганизованного» рынка не влечет за собой каких-либо существенных изменений в структуре изучаемой отрасли: с указанным экономическим процессом связано лишь некоторое сужение объема гражданско-

¹ 40 лет советского права. Очерк // Гражданское право. Изд-во ЛГУ, 1957. С. 255.

² См. по этому вопросу соображения И.В. Вязьмина (Вопросы экономики. 1958. № 4. С. 118).

правового регулирования, выражающееся в некотором сужении практики применения общих гражданско-правовых норм.

Известные черты своеобразия присущи и иным участкам товарных отношений при социализме. Товарное обращение, возникающее в связи с существованием кооперативно-колхозной собственности, товарное обращение между социалистическими организациями и гражданами, складывающееся в связи с существованием личной собственности на предметы потребления, товарное обращение между государственными предприятиями и хозяйственными организациями, наконец, внешнеторговый товарный оборот – каждая из этих сфер товарного обращения имеет свои особенности, и прежде всего особенности по формам и степени целенаправленного общественного регулирования. В какой-то мере они отличаются друг от друга и по тенденциям развития. Эти различия не должны скрывать от нас главного – того, что по всем участкам товарного производства, имеющего в целом организованный характер, наметилась ярко выраженная тенденция дальнейшего расширения использования товарно-денежных отношений, стоимостных рычагов и форм – процесс, который, по-видимому, будет продолжаться до тех пор, пока не будут созданы материальные и духовные предпосылки для перехода к иным, более высоким формам организации планового хозяйства и распределения продуктов. Однако указанные различия, рассматриваемые под углом зрения закономерностей развития гражданско-правового регулирования, имеют существенное значение. Они предопределяют особенности развития специфических структурных отделов советского гражданского права.

5. Наибольшее развитие в период строительства коммунизма получают те институты советского гражданского права, которые регулируют отношения в области планового социалистического хозяйства.

Расширение сферы и объема гражданско-правового регулирования связано здесь с мероприятиями по неуклонному проведению режима экономии, дальнейшему укреплению хозрасчета, совершенствованию начал материальной заинтересованности предприятий и хозяйственных организаций в результатах производственной деятельности. Как справедливо отмечено в литературе, «развитие самостоятельности и инициативы коллективов предприятий государственного производственного сектора, самостоятельность предприятия в маневрировании закрепленными за ними ресурсами, в постановке и решении опера-

тивных вопросов текущей деятельности должно сопровождаться более широким использованием товарно-денежных форм связей во взаимоотношениях между этими предприятиями»¹. Практика показывает, что развитие организационных форм управления народным хозяйством идет по линии все большего и большего усиления контроля рублем, приведения в действие всех элементов механизма стоимостной оценки результатов деятельности предприятий и хозяйственных организаций. В той мере, в какой в период строительства коммунизма будут сохранять значение материальное стимулирование, стоимостный контроль за результатами хозяйственной деятельности, следует ожидать дальнейшего расширения применения в области планового социалистического хозяйства гражданско-правовых институтов.

Однако расширение сферы и объема гражданско-правовых институтов при опосредствовании хозяйственных отношений связано не только с мероприятиями по приведению в действие всех элементов механизма материального стимулирования и стоимостной оценки хозяйственной деятельности. Существенное значение имеют здесь такие осуществляемые Коммунистической партией и Советским правительством мероприятия, как укрепление и развитие принципов демократического централизма в управлении народным хозяйством, а также расширение специализации и кооперирования в промышленности и строительстве.

Развитие принципов демократического централизма ярко сказалось в реорганизации управления промышленностью и строительством², расширении прав директоров предприятий³ и др. Принципы демократического централизма находят осуществление не только в гражданско-правовых формах. В частности, в ходе социалистического строительства в нашей стране выработаны такие методы планирования (например, материально-технического снабжения⁴, грузовых

¹ Вопросы экономики. 1958. № 9. С. 107; ср.: Дьяченко В.П. Перспективы развития товарно-денежных отношений // Вопросы строительства коммунизма в СССР. Изд-во АН СССР, 1959. С. 291.

² См.: Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством, принятый седьмой сессией Верховного Совета СССР 4-го созыва 10 мая 1957 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 11. С. 275).

³ См. постановление Совета Министров СССР от 9 августа 1955 г. «О расширении прав директоров предприятий» (Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов. Т. IV. Госполитиздат, 1958. С. 451–459).

⁴ См. постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению организации материально-технического снабжения народного хозяйства СССР» (СП. 1958. № 8. Ст. 68).

перевозок на транспорте¹), которые предполагают возможность широкой инициативы и самостоятельности сторон в рамках административно-правовых отношений. Однако, поскольку в народном хозяйстве в ограниченных пределах действует закон стоимости, дальнейшее развитие самостоятельности и самостоятельности оперативных звеньев является толчком к развитию товарно-денежных отношений и, следовательно, к более широкому применению гражданско-правовых институтов. То же самое следует сказать и в отношении дальнейшего расширения специализации и кооперирования в народном хозяйстве. Расширение специализации и кооперирования в промышленности предполагает налаживание широкой и разветвленной системы связей между хозяйственно-самостоятельными специализированными предприятиями, а это в условиях действия закона стоимости влечет за собой дальнейшее развитие гражданско-правового регулирования².

Гражданско-правовое регулирование имущественных отношений с участием колхозов в той мере, в какой оно касается реализации колхозами части своей продукции на рынке, в перспективе имеет тенденцию к известному свертыванию. Однако в целом и в этой области имущественных отношений намечается более широкое использование гражданско-правовых институтов, вызванное экономической необходимостью всемерного развития начал материальной заинтересованности, процессом подъема колхозной собственности до уровня собственности общенародной. Развитие гражданско-правового регулирования осуществляется в рассматриваемой области в следующих трех основных направлениях:

А. Включение в сферу товарного обращения между колхозами и государством основных орудий сельскохозяйственной техники, ранее сосредоточенных в МТС³.

Необходимо иметь в виду, однако, что «свободная продажа» колхозам сельскохозяйственных машин производится в условиях регулирования со стороны государства важнейших сторон складывающихся в этой области товарно-денежных отношений

¹ См.: Основные положения о годовом и квартальном планировании перевозки грузов железнодорожным, морским и речным транспортом, утвержденные Постановлением Совета Министров СССР от 6 ноября 1958 г. (СП. 1958. № 18. Ст. 145).

² См.: *Алексеев С.С., Мамутов В.К.* Кооперированные поставки в промышленности // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 44–45.

³ См.: Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций, принятый первой сессией 5-го созыва Верховного Совета СССР 31 марта 1958 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 7. Ст. 146).

(правовой режим основных средств сельскохозяйственного производства, основные условия купли-продажи¹ и др.). К этому же направлению развития гражданско-правового регулирования относится расширение хозяйственных связей колхозов по приобретению промышленной продукции, обслуживанию колхозов со стороны государственных органов (РТС)².

Б. Включение основной массы продукции сельскохозяйственного производства, производимой колхозами, в систему товарных отношений между колхозами и государством, опосредствуемых институтом государственной закупки³.

«Сейчас наступил такой период, — говорит Н.С. Хрущев, — когда экономические взаимоотношения между государством и колхозами существенно меняются. По мере роста производства сельскохозяйственных продуктов отпадает необходимость в обязательных поставках, на смену налогу приходит свободная продажа и покупка продуктов по ценам, отражающим уровень производства и производительности труда»⁴. К этому же направлению гражданско-правового регулирования относится расширение практики продажи продукции сельскохозяйственного производства в комиссионном порядке организациям потребительской кооперации.

В. Развитие межколхозных хозяйственных связей, опосредствуемых гражданско-правовыми договорами.

¹ См. постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 18 апреля 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» (СП. 1958. № 7. Ст. 62), а также инструкцию Министерства сельского хозяйства СССР и Министерства финансов СССР от 23 апреля 1958 г. «О порядке и условиях продажи колхозам тракторов, сельскохозяйственных машин и орудий, принадлежащих машинно-тракторным станциям» (СФХ. 1958. № 2. С. 10–15).

² См. указанное выше Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 18 апреля 1958 г. (п. 25–34), а также Положение о ремонтно-технической станции, утвержденное Постановлением Совета Министров СССР от 23 августа 1958 г. (СП. 1958. № 15).

³ См. постановление Совета Министров СССР от 30 июня 1958 г. «Об отмене обязательных поставок и натуроплате за работы МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов» (СП. 1958. № 11. Ст. 92).

⁴ Хрущев Н.С. Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 15–19 декабря 1958 года. Стенографический отчет. Госполитиздат, 1958. С. 78.

Это находит свое выражение во все большем и большем развитии в настоящее время хозяйственных связей между колхозами, складывающихся по поводу строительства и эксплуатации межколхозных электростанций, организации и деятельности строительных организаций и др.¹

6. Тенденция к некоторому расширению присуща также гражданско-правовому регулированию отношений, складывающихся на базе личной собственности граждан на предметы потребления. Однако темпы развития этого участка гражданско-правового регулирования, по-видимому, несколько ниже, чем темпы развития гражданско-правового регулирования имущественных отношений в области планового хозяйства и колхозной собственности. Если развитие последних обусловлено осуществлением тех требований основного экономического закона социализма, которые относятся к средствам достижения цели социалистического производства, — к его росту и совершенствованию, то гражданско-правовое регулирование имущественных отношений с участием граждан касается главным образом правовой охраны и закрепления объектов их результатов действия этого закона. Это, конечно, тоже важная область правового регулирования, но она, несомненно, уступает по своему значению правовому регулированию имущественных отношений, связанных с функционированием тех средств, при помощи которых достигается цель социалистического производства.

Более того, по отдельным группам имущественных отношений, участниками которых являются граждане, можно наблюдать стабилизацию гражданско-правового регулирования, а в перспективе прогрессирующее сужение сферы его действия. Речь идет о гражданско-правовом регулировании имущественных отношений, складывающихся непосредственно между гражданами. Практика показывает, что явственно правовой характер в сфере личных контактов между гражданами сохранили отношения, связанные с жилыми

¹ См.: *Беляева З.С.* Правовое положение межколхозной строительной организации // Советское государство и право. 1957. № 1. С. 50–59; *Ее же.* Правовое положение межколхозных организаций. Госюриздат, 1958; *Седунов К.И.* Гражданско-правовые формы колхозной электрификации // Советское государство и право. 1957. № 12. С. 46–55; *Веткин С.К.* Правовое положение межколхозных электростанций // Ученые записки Харьковского юридического института. 1954. С. 113–139; *Его же.* Правовое положение межколхозных строительных организаций // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 13. 1959. С. 121–138; *Подопригора З.А., Кац С.Ю., Шелестов В.С.* Некоторые правовые вопросы межколхозной собственности // Правоведение. 1959. № 2. С. 138–141.

домами, автомашинами, наследованием, причинением внедоговорного вреда, алиментированием. По некоторым же институтам (например, подряда, комиссии, залога, поручения и др.) в отношениях между гражданами заметно фактическое свертывание правового регулирования, которое хотя до построения коммунизма, очевидно, не завершится, но все же по мере роста государственной и кооперативной торговли, расширения и усовершенствования системы материального, бытового и культурного обслуживания граждан, усиления масштабов жилищного строительства, по-видимому, будет продолжаться.

Чем можно объяснить такой характер развития имущественных отношений, складывающихся непосредственно между гражданами? Нам представляется, что решающее значение имеют здесь следующие три причины.

Во-первых, необходимо учитывать особенности развития товарно-денежных отношений, сохранивших некоторые черты товарного производства рыночного типа. Выше уже указывалось на тенденции развития этих отношений. Здесь необходимо лишь добавить, что в подавляющем большинстве случаев их участниками являются именно граждане, выступающие в качестве продавцов и покупателей на колхозных рынках и рынках реализации «случайных» вещей («толкучках»). Что же касается сделок, связанных с реализацией колхозниками продуктов, полученных ими в порядке натуральной оплаты по трудодням или собранных со своего приусадебного участка, то, принимая во внимание их некоторое расширение в связи с упразднением системы обязательных поставок и повышением благосостояния колхозников, необходимо в то же время иметь в виду, что они меняют свой характер в результате развития комиссионной торговли, которая постепенно включает их в сферу имущественных отношений между социалистическими организациями и гражданами. Наконец, по мере развития общественного хозяйства колхозов подсобное хозяйство колхозников имеет тенденцию к отмиранию, а натуральная оплата труда колхозников уже сейчас все более и более заменяется денежной оплатой.

Во-вторых, существенную роль играет потребительский характер личной собственности граждан. Исходя из потребительской природы личной собственности граждан, Р.О. Халфина убедительно показала, что сделки в этой сфере в основном имеют е д и н и ч н ы й , с л у ч а й н ы й характер. При этом автор подчеркивает, что хотя ведение мелкого частного хозяйства, основанного на личном труде, предполагает систематическую реализацию продуктов этого хозяйства на рынке, «чрезмерно узкий и ничтожный по своему значению круг до-

говорных отношений, связанных с реализацией продукции мелкого частного хозяйства... с дальнейшим развитием социалистического общества и хозяйства неизбежно должен будет совершенно исчезнуть»¹. Именно потребительский характер личной собственности обосновывает сделанные в литературе предложения об упорядочении некоторых имущественных отношений, складывающихся непосредственно между гражданами (например, о введении прогрессивного налога на крупные наследства²).

В-третьих, необходимо учитывать мощное вторжение в сферу имущественных отношений, складывающихся непосредственно между гражданами, принципов коммунистической морали. Многие имущественные отношения между гражданами, не имеющие возмездного характера (в том числе отношения, связанные с дарением, займом, ссудой), в настоящее время, как показывают факты нашей повседневной жизни, в большинстве случаев противятся правовой регламентации, становятся сферой преимущественно нравственного регулирования. Эта линия развития правового регулирования в период строительства коммунизма не связана с отменой норм права. И это вполне закономерно: сохранение правового регулирования является средством дальнейшего укрепления начал нравственного регулирования — средством, при помощи которого соблюдение правил общежития превращается в привычку.

Итак, гражданско-правовое регулирование имущественных отношений, складывающихся непосредственно между гражданами, имеет в перспективе тенденцию к сужению объема и сферы своего действия. Но можно ли это положение распространить на все имущественные отношения, в которых участвуют граждане? На наш взгляд, нельзя. Мы уже отметили ранее, что взятая в целом рассматриваемая область гражданско-правового регулирования имеет тенденцию к известному расширению. Но последнее имеет место не за счет правового регулирования имущественных отношений между гражданами, а за счет правового регулирования имущественных отношений, складывающихся между гражданами и социалистическими организациями.

¹ *Халфина Р.О.* Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. Изд-во АН СССР, 1954. С. 47

² *Братусь С.Н.* О некоторых чертах развития советского гражданского права за 40 лет его существования // Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции, 21–23 октября 1958. ВИЮН. Вып. 1. 1958. С. 59.

На особенности гражданско-правового регулирования имущественных отношений, участниками которых являются граждане, указывал еще в 1936 г. Г. Амфитеатров. В качестве основных черт социалистического гражданского права автор отметил следующие три особенности:

1. «...Стержнем имущественных прав трудящихся, основным ядром этих прав является теперь, по общему правилу, не частная собственность, т.е. собственность на средства производства, а личная собственность, т.е. собственность на предметы потребления».

2. Гражданское право «выражает и регулирует теперь имущественные отношения граждан не столько в сфере производства, сколько главным образом в сфере распределения и бытового оборота».

3. «...Гражданские правоотношения характеризуются теперь не столько как отношения между самими трудящимися, сколько как отношения между обществом в целом и каждым данным его членом в отдельности»¹.

Факты нашей советской действительности показывают, что в области отношений между гражданами и социалистическими организациями, в том числе в связи с индивидуальным и коллективно-индивидуальным жилищным строительством, предоставлением жилой площади в домах государственного фонда, организацией материального, бытового и культурного обслуживания граждан, советской торговли и т.д., можно наблюдать расширение объема гражданского права. Более широкое применение гражданско-правовых институтов в рассматриваемой области, так же как и более широкое применение этих институтов в плановом социалистическом хозяйстве и в сфере колхозной собственности, основано на дальнейшем развитии товарно-денежных отношений. Однако факторы, с которыми связано разветвление товарно-денежных отношений, имеют здесь иной характер, нежели факторы, порождающие аналогичную тенденцию в плановом социалистическом хозяйстве и колхозном производстве. В рамках общих функций товарного производства при социализме — функций материального стимулирования и общественного контроля за мерой труда и потребления — широкое использование товарно-денежных отношений преследует в указанной области и специальные цели. Главная из них — это осуществление задачи правового обеспечения роста благосостояния трудящихся, непосредственного удовлетворения их материальных и культурных потребностей путем развития торговли, обслуживания материальных,

¹ Амфитеатров Г. Проект Конституции СССР и Гражданский кодекс социалистического общества // Советское государство и право. 1936. № 4. С. 86—87.

бытовых и культурных запросов, строительства жилых домов, дач, функционирования коллективных садов и т.д.

Рост и расширение гражданско-правового регулирования имущественных отношений, складывающихся между гражданами и социалистическими организациями, неразрывно связаны с дальнейшим развитием социалистической демократии. Наконец, развитие именно этого участка гражданско-правового регулирования может содействовать коммунистическому воспитанию трудящихся, постепенной подготовке к введению коммунистических принципов распределения и общежития.

7. В период развернутого строительства коммунизма в нашей стране развитие гражданско-правового регулирования, на наш взгляд, характеризуется рядом **к а ч е с т в е н н ы х** изменений.

Закономерности развития советского гражданского права, рассматриваемые под углом зрения его качественных изменений, соответствуют общим закономерностям развития права в период строительства коммунизма. «Вопрос об отмирании государства, если понимать его диалектически, — сказано в докладе Н.С. Хрущева на XXI съезде КПСС, — есть вопрос о развитии социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление»¹.

Советское право представляет собой ту часть надстройки социалистического общества, которая неразрывно связана с государством. Поэтому и вопрос об отмирании права, так же как и проблема отмирания государства, есть вопрос о развитии советского права в систему коммунистического общественного регулирования, не имеющего нормативно-правового характера.

Н.С. Хрущев говорил на XXI съезде КПСС: «Некоторые вульгарно представляют себе коммунистическое общество как бесформенную и неорганизованную, анархическую массу людей. Нет, это будет высокоорганизованное и слаженное содружество людей труда»².

При коммунизме останутся некоторые общественные функции, подобные теперешним государственным функциям, в том числе функции по планомерному распределению труда между различными отраслями производства, по регулированию рабочего времени с учетом особенностей производственных процессов. Произойдут лишь изменения в характере и способах осуществления указанных функций. Эти изменения будут состоять, в частности, в том, что при обществен-

¹ Хрущев Н.С. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы. Госполитиздат, 1959. С. 119.

² Там же. С. 117.

ном регулировании отпадет нормативно-правовая форма их осуществления. Общественное регулирование при коммунизме не будет состоять в применении «равной меры к различным лицам» — применении норм, обеспечиваемых принудительной силой государства.

В связи со сказанным следует подчеркнуть, что советское право как совокупность норм, развивающихся в систему коммунистического общественного регулирования, не может рассматриваться только под углом зрения предстоящего (при коммунизме) отмирания нормативно-правовой формы общественного регулирования.

Коммунизм, вырастая из социализма, является его прямым продолжением. В нашем обществе, которое уже вступило в период строительства коммунизма, «имеется много осязаемых и зримых черт коммунизма, которые будут развиваться и совершенствоваться»¹.

Если с этих позиций подойти к характеристике советского права, то следует признать, что определенные элементы правовых институтов, формирующихся в период строительства коммунизма, не отпадут при отмирании нормативно-правовой формы, а будут **о с п р и н я т ы** системой коммунистического общественного регулирования. Такой квалификации требуют, в частности, некоторые гражданско-правовые институты, связанные с регулированием отношений в области планового социалистического хозяйства и отношений между гражданами и социалистическими организациями. Сущность и содержание этих институтов говорят за то, что при завершении процесса перехода к коммунистическому обществу они, по-видимому, отомрут не в порядке отмены, а в порядке **п о с т е п е н н о й т р а н с ф о р м а ц и и** в **о р г а н и з а ц и о н н ы е, н е п р а в о в ы е ф о р м ы, о п о с р е д с т в у ю щ и е** экономические отношения коммунистического общества.

К такому же выводу мы придем, если обратимся к закономерностям развития в период строительства коммунизма социалистической экономики. Как правильно отмечено в экономической литературе, «развитие товарно-денежных отношений не будет усиливаться до бесконечности, на известных этапах скажется и иная тенденция»². Но система организации планового хозяйства при коммунизме и коммунистического распределения, как нам представляется, не явится чем-то противоположным социалистической системе организации планового

¹ Хрущев Н.С. Указ. соч. С. 109.

² Гатовский Л. Некоторые вопросы развития политической экономии социализма на современном этапе // Вопросы экономики. 1959. № 3. С. 14.

хозяйства и распределения. Поскольку речь идет об организованном товарном производстве, выступающем в качестве необходимого рычага планового хозяйства, при социализме создаются такие элементы общественного хозяйственного управления и распределения, которые постепенно перерастут в систему общественного управления и распределения при коммунизме. Процесс постепенной замены существующей системы общественного управления будет осуществлен не путем ломки товарно-денежных отношений, а путем их п е р е р а с т а н и я в отношении нового типа¹, при котором отдельные элементы этих отношений отомрут, а другие сохранятся и приобретут новые качества. Таким образом, характеризуя развитие товарно-денежных отношений при социализме, а следовательно, и гражданско-правовых форм их опосредствования, необходимо видеть в них не только то, что на определенной стадии коммунистического строительства отомрет, но и то, что представляет собой зреющие элементы общественной организации производства и распределения при коммунизме.

Каковы же факты, свидетельствующие о начавшемся уже в настоящее время процессе внутреннего преобразования гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе?

В о - п е р ы х, в рамках гражданско-правового регулирования уже в настоящее время с у ж и в а е т с я п р и м е н е н и е г о с у д а р с т в е н н о г о п р и н у ж д е н и я.

Не противоречит ли этому тезису сделанный ранее вывод о том, что в период строительства коммунизма гражданское правовое регулирование имеет тенденцию к расширению сферы и объема своего действия? Нет, не противоречит. Институты советского гражданского права занимают в системе методов государственного принуждения особое место: в гражданском праве доминирующую роль играет не непосредственно властно-организующая деятельность органов государства, что характерно для административного права, а р е г у л и р о в а н и е, основанное на ю р и д и ч е с к о м р а в е н с т в е, с а м о д е я т е л ь н о с т и, о п е р а т и в н о - х о з я й с т в е н н о й с а м о с т о я т е л ь н о с т и с т о р о н. Поэтому в той мере, в какой гражданско-правовое регулирование приходит на смену непосредственно властно-организующей деятельности органов Советского государства, расширение сферы действия гражданского права может быть охарактеризовано как своеобразный этап на пути развития советского права в пе-

¹ См.: Дьяченко В.П. Перспективы развития товарно-денежных отношений // Вопросы строительства коммунизма в СССР. Изд-во АН СССР, 1959. С. 293.

риод строительства коммунизма – развития, сопровождаемого сужением области непосредственно государственного принуждения.

Но и в рамках гражданского права вырабатываются такие приемы регулирования, которые суживают сферу деятельности органов государственного принуждения. Так, в ходе социалистического строительства выработаны такие формы расчетов между социалистическими хозяйственными организациями (например, расчеты по акцепту, по аккредитиву, порядок зачета встречных взаимных требований и др.), при осуществлении которых через государственные кредитные учреждения в ряде случаев не допускается возникновение спора о праве (отклонение банком неосновательных отказов от акцепта¹, зачет взаимных требований² и др.). Государство ориентирует стороны правоотношений на самостоятельное урегулирование спорных вопросов, о чем свидетельствует, в частности, установление по некоторым правоотношениям процедуры доарбитражного (досудебного) разрешения спора путем использования рекламационного или претензионного порядка³ и др. Очевидно, с этой же точки зрения следует рассматривать и изъятие из ведения народных судов споров между социалистическими организациями на сумму до 1000 рублей⁴ (хотя, на наш взгляд, установление административно-правового способа осуществления соответствующих требований в настоящее время не оправдало себя). Резко сокращают необходимость применения государственного принуждения и многие правила, регулирующие имущественные отношения между социалистическими организациями и гражданами. Правила возврата и обмена гражданами товаров широкого потребления⁵, установление для ряда

¹ См.: *Алексеев С.С.* Правовые вопросы отказа плательщика от акцепта платежного требования // Вопросы советского гражданского права и процесса. Госюриздат, 1955. С. 54–55.

² См.: *Десятков В.М.* Расчеты посредством зачета взаимных требований // Вопросы гражданского права и гражданского процесса. Госюриздат, 1957. С. 79 и след.

³ См. п. 9 инструкции Госарбитража при Совете Министров СССР от 24 ноября 1952 г. № 70 «О порядке рассмотрения Государственными арбитражами имущественных споров, связанных с поставкой недоброкачественной и некомплектной продукции». Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР. Вып. 1. Госюриздат, 1955. С. 131; Устав ж. д. Ст. 228 и др.

⁴ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1955 г. «Об изъятии из ведения народных судов дел по спорам между государственными, кооперативными (кроме колхозов) и другими общественными организациями на сумму до тысячи рублей» (Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 5. Ст. 116).

⁵ См. Правила обмена промышленных товаров, купленных в розничной торговой сети – приложение к приказу министра торговли СССР от 15 июня 1956 г. (Сборник нормативных материалов по советскому гражданскому праву. Ч. II. ВЮЗИ, 1958. С. 6–7).

товаров порядка гарантийного ремонта или обмена в пределах гарантийного срока и другие аналогичные нормы, как правило, устраняют необходимость применения аппарата государственного принуждения для осуществления соответствующих субъективных прав.

Конечно, неправильно было бы недооценивать в современный период значение мер государственного принуждения, применяемых для укрепления хозяйственного расчета, строгого выполнения планов материально-технического снабжения, в особенности планов кооперированных поставок, и т.д. Как было отмечено в партийной печати, «всякое использование хозяйственного расчета в целях создания своему предприятию каких-либо особых, более выгодных условий или увеличение его ценностей за счет других посредством различных ухищрений и незаконных операций есть проявление чуждых тенденций, недостойных социалистического предприятия. От такого рода действий другое предприятие не только вправе, но и обязано защищаться всеми законными средствами»¹.

Более того, вполне возможно, что известные обстоятельства могут потребовать от Советского государства усиления по отдельным правоотношениям гражданской ответственности. Но главная, общая тенденция развития гражданско-правового регулирования в период развернутого строительства коммунизма состоит в сужении сферы и ослаблении интенсивности государственного принуждения.

Как нам представляется, дальнейшее развитие форм правового опосредствования функций существующего при социализме товарного производства — функций материального стимулирования и общественного контроля — пойдет не за счет мер гражданской ответственности, а за счет иных, «п о л о ж и т е л ь н ы х» форм². Что же касается мер гражданско-правовой ответственности, то, на наш взгляд, со временем все большее и большее значение будут приобретать не денежные санкции (которые, конечно, сохранят свою стимулирующую и компенсационную роль), а санкции, относящиеся к категории «о п е р а т и в н ы х».

Наконец, нет сомнения, что по мере развития нашего общества в период строительства коммунизма будет все более и более изменяться сама п р и р о д а принуждения, применяемого при осуществлении гражданско-правового регулирования. И здесь, так же как и в других областях нашей общественной жизни, будут давать себя знать объек-

¹ Волин А. Сотрудничество и взаимная помощь — основа социалистических отношений между предприятиями // Коммунист. 1959. № 3. С. 57.

² См. выше с. 174–176.

тивные процессы, связанные с передачей некоторых государственных функций в ведение общественных организаций трудящихся, усилением роли общественности в отправлении функций государства. Именно по этой линии и идет развитие гражданского законодательства в настоящее время. Так, в соответствии со ст. 4 Постановления Совета Министров СССР от 23 июля 1959 г. установлено: «...для усиления демократических начал в деле разрешения хозяйственных споров между предприятиями, организациями и учреждениями признать целесообразным допустить рассмотрение споров по отдельным крупным и сложным делам третейским судом, избираемым сторонами для рассмотрения конкретного дела»¹.

Аналогичный характер будет иметь передача в ведение товарищеских судов мелких гражданских дел, в том числе ряд категорий споров по договору жилищного найма, имущественных споров между гражданами до определенной суммы (с увеличением этой суммы при согласии обеих сторон), споров при разделах и выделах из крестьянских дворов при согласии обеих сторон².

Во - в о - р о - в, уже в настоящее время большинство гражданско-правовых норм теряет качества «равных мер, одинаково применяемых к разным лицам».

До тех пор пока сохранится необходимость в нормативно-правовой форме общественного регулирования, соответствующие предписания государственных органов будут закрепляться в общественных правилах общего характера — в «равной мере». Однако и в коммунистическом обществе будут существовать общие правила (нормы). Чем же нормы коммунистической системы самоуправления будут отличаться от правовых норм? Опираясь на положения, сформулированные применительно к праву социалистического общества К. Марксом и В.И. Лениным³, следует признать, что это различие будет касаться не только особенностей способов обеспечения указанных общих правил, но и их характера как «равной меры». При коммунизме общественные нормы потеряют черты «равной меры», одинаковой для различных субъектов.

Трудно, конечно, показать в настоящее время, какие особенности будут характерны для норм системы коммунистического обществен-

¹ СП. 1959. № 15. Ст. 105.

² См.: Примерное положение о товарищеских судах (проект) // Известия. 1959. 24 октября.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 13–15; Ленин В.И. Соч. Т. 25. С. 436–441.

ного самоуправления. Мы лишь можем с уверенностью утверждать, что уже сейчас развитию ряда отраслей советского права характерны такие процессы, которые показывают известную трансформацию в содержании правовых норм как «равных мер». Это относится и к советскому гражданскому праву.

При буржуазном строе гражданское право — это отрасль, которая в соответствии с требованиями товарного производства, основанного на частной собственности, сплошь состоит из «равных мер» — норм, одинаково применяемых к самым различным субъектам. В социалистическом же обществе, как мы видели, произошла дифференциация гражданско-правового регулирования, обусловленная наличием различий между видами собственности в СССР, различий между товарно-денежными отношениями в области хозяйства и в области отношений, связанных с личной собственностью граждан. История развития изучаемой отрасли свидетельствует о том, что гражданско-правовое регулирование все более и более специализируется, причем эта дифференциация, как нам представляется, в будущем не ослабнет, так как различие специфических факторов, предопределяющих развитие имущественных отношений в области хозяйства, и специфических факторов, предопределяющих развитие имущественных отношений в области личной собственности граждан, при всей их общности весьма значительно.

Конечно, неверно было бы представлять себе процесс развития советского гражданского права только лишь как процесс дифференциации соответствующих правовых норм. В связи с реорганизацией управления народным хозяйством, подъемом кооперативно-колхозной собственности до уровня общенародной собственности и некоторыми другими факторами можно указать и на встречные процессы, характеризующие известное сближение отдельных ветвей гражданско-правового регулирования. Об этом свидетельствуют такие, например, факты, как применение в некоторых видах поставок распределения продукции через спрос и предложения (хотя договорное соглашение и в этих условиях сохраняет черты планового договора¹), распространение порядка «свободной продажи» орудий сельскохозяйственной техники не только на колхозы, но и на совхозы (хотя, как мы упоминали, здесь сохраняется государственное регулирование товарно-денежных отношений) и др. Однако все это не должно

¹ См.: Дозорцев А.В. 40 лет советского договора // Научные записки Института внешней торговли МВТ СССР. Внешторгиздат, 1958. С. 116–117.

заслонять от нас главного — того, что одной из основных закономерностей развития советского права, в том числе и гражданского права, является такой процесс развития нормативной формы, при котором она все более и более утрачивает черты «равной меры, одинаково применяемой к различным, неравным лицам».

От дифференциации гражданско-правового регулирования следует отличить «разнобой» в нормативной деятельности органов государства, получивший известное распространение в период отраслевой системы управления. Ярким примером такого «разнобоя» явилась существовавшая в свое время сложная система основных, общих и особых условий поставки, которые «не имели под собой никакой реальной почвы и были вызваны в ряде случаев стремлением создать для своей отрасли производства более выгодные условия материально-технического снабжения»¹. Разумеется, что само существо социалистического правопорядка, принципы социалистической законности требуют устранения указанного «разнобоя» — у н и - ф и к а ц и и и к о д и ф и к а ц и и советского законодательства.

Однако можно ли в связи с этим считать, что тенденция к унификации советского права (хотя бы в данный момент) является более сильной, чем тенденция к дифференциации правового регулирования? Вряд ли такая постановка вопроса, высказанная в ходе обсуждения рассматриваемой проблемы на научной конференции СЮИ в апреле 1959 г. Л. С. Галесником, имеет под собой достаточные основания. Дифференциация правового регулирования — это с о ц и а л ь н о о б о с н о в а н н о е разветвление правового регулирования, при котором учитываются особенности данных общественных отношений, специфика положения определенных субъектов и т.д. Унификация же законодательства — это устранение с о - ц и а л ь н о н е о б о с н о в а н н о г о «разнобоя» в регулировании одних и тех же отношений. Последовательное проведение дифференциации правового регулирования возможно лишь в том случае, если в законодательстве устранен необоснованный «разнобой». Таким образом, унификация законодательства не только не может быть противопоставлена рассматриваемой закономерности развития советского права, но, напротив, является одним из необходимых условий (моментов) ее осуществления.

Так, в результате унификации правового регулирования отношений по поставке были отменены все многочисленные основные, общие и особые условия поставки. Но именно эта унификация позволила учесть действительные особенности в поставке различных видов продукции. Дифференциация правового регулирования отношений по поставке выражается не только в том, что изданы Положения о поставках продукции производственно-технического назначения и Положения о поставках товаров народного потребления, но и в том, что наряду с этим предусмотрена воз-

¹ Волин А. Указ. соч. С. 59.

возможность разработки соответствующими ведомствами Особых условий поставки отдельных видов продукции.

Но может быть все различия, характеризующие дифференциацию правового регулирования, касаются только так называемых технических норм и не выражают с о ц и а л ь н о й закономерности развития советского права? И такая постановка вопроса представляется нам неправильной. Верно, конечно, что «отличия в технике производства в разных отраслях народного хозяйства не дают оснований признавать, что имеются различия и в юридических формах государственного руководства каждой из этих отраслей»¹. Но это не значит, что входящие в состав того или иного правового института так называемые технические нормы, т.е. нормы непосредственно затрагивающие область производства, должны ограничиваться от иных юридических норм. Если данное правило поведения общего характера санкционировано государством, то независимо от того, связано ли это правило с областью производства или нет, оно является ю р и д и ч е с к о й н о р м о й².

Правда, в состав отдельных нормативных актов (например, Инструкция Государственного банка СССР) могут входить отдельные технические нормы. Но эти нормы никакого влияния на дифференциацию правового регулирования в социалистическом обществе не оказывают, так как последняя касается лишь юридических норм, а не норм, не имеющих правового характера, хотя бы и включенных в тот или иной нормативный акт.

¹ Галесник Л.С. О проблемах системы советского права // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 113.

² Ср.: Явич Л.С. Советское право — регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957. С. 16.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРЕДМЕТ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И МЕТОД ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

§ 1. Выражение особенностей предмета советского гражданского права в методе гражданско-правового регулирования. § 2. Виды гражданских правоотношений и метод гражданско-правового регулирования. § 3. Своеобразие признаков метода гражданско-правового регулирования в советском социалистическом обществе.

§ 1. Выражение особенностей предмета советского гражданского права в методе гражданско-правового регулирования

1. Советское гражданское право представляет собой особую отрасль, отличающуюся от других отраслей социалистического права не только по своему экономическому содержанию, но и по ряду существенных юридических черт. И это вполне закономерно, так как имущественные отношения, складывающиеся на базе товарного производства, образуют самостоятельный предмет правового регулирования не потому, что они «вообще» являются особой группой имущественных отношений («вообще», в том числе только по экономическим признакам, можно было бы наметить значительное количество разнопорядковых групп), а потому, что имущественные отношения, характеризуемые распорядительной самостоятельностью его участников, объективно требуют своеобразной формы правового регулирования.

Весьма примечательно, что те советские ученые, которые при определении сущности гражданского права, в частности, концентрировали внимание на товарном производстве, рассматривали его именно как материальное основание юридических особенностей гражданско-правовой формы регулирования. Так, С.И. Аскназий, указывая на неразрывную связь товарного производства и гражданского права, отмечал два момента, характерных для гражданских правоотношений: «... 1) обособленность интересов каждого из участников этих отношений... и 2) то, что возникновение, изменение и прекращение этих правовых от-

ношений определяются по преимуществу с в о б о д н ы м у с м о т р е н и е м самих участников этих отношений»¹. Автор указывал тут же: «...по своему правовому положению участники частнопроводного отношения р а в н о п р а в н ы: ни одному из них не предоставлено власти в отношении другого; правоспособность всех их в отношении владения и пользования имуществом и заключения друг с другом разнообразных сделок — одинакова»².

Сходные по ряду пунктов соображения сформулированы Д.М. Генкиным. «Независимость хозорганов друг от друга в правовых отношениях по товарообороту, — пишет автор, — выражается в их юридической самостоятельности и является одним из проявлений демократического централизма, лежащего в основе управления социалистическим хозяйством»³. И несколько дальше: «Товарное обращение и связанное с ним действие закона стоимости, выражающееся в эквивалентности (возмездности) имущественных взаимоотношений сторон, и обуславливают равноправное положение сторон правоотношения...»⁴

Те авторы, которые связывали гражданское право с действием закона стоимости, опять-таки шли по пути поисков экономических предпосылок ю р и д и ч е с к и х особенностей гражданско-правового регулирования. В «автономии (как и в равноправии) советских участников гражданско-правовых отношений проявляются не только принцип свободы личности советского гражданина, не только принцип демократического централизма в управлении социалистическим хозяйством, но и действие закона стоимости»⁵. Ту же мысль высказывает О.С. Иоффе, когда пишет, что «стоимостные отношения иначе как на началах равенства строиться не могут»⁶.

Даже советские ученые, прямо не указавшие на товарное производство (действие закона стоимости) как на экономическую основу гражданского права, видели в нем основу юридических особенностей соответствующих правоотношений.

¹ Аскназий С.И. Очерки хозяйственного права СССР. Изд-во «Прибой», 1926. С. 17–18.

² Там же. С. 11.

³ Генкин Д.М. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 105.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ Венедиктов А.В. О системе Гражданского кодекса СССР // Советское государство и право. 1954. № 2. С. 31–32.

⁶ Иоффе О.С. Советское гражданское право: Курс лекций. Общая часть. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 11.

Р.О. Халфина пишет, например: «Так же как на современном этапе строительства коммунизма необходимо еще сохранение товарного обращения, денег, использования таких экономических категорий, как хозрасчет, контроль рублем и т.д., необходимы и такие методы правового регулирования, как равноправие участников, их волеизъявлений как основание возникновения обязательства, имущественная ответственность за неисполнение обязательства и т.д.»¹.

Лишь отдельных советских ученых анализ проблемы метода правового регулирования привел к выводу, что гражданское право не может быть обособлено от других отраслей по юридическим признакам. Однако, когда эти авторы от критического разбора оспариваемых ими воззрений переходили к положительному решению проблемы предмета гражданского права, они так или иначе принимали во внимание юридические особенности рассматриваемой формы правового регулирования.

Так, С.И. Вильнянский, оспаривая возможность при классификации отраслей использования метода регулирования (юридических черт), ограничивается при определении гражданского права указанием на признак негативного характера. «Из гражданского права, — пишет автор, — исключаются те имущественные отношения, в которых участвует государственный орган, выполняющий функции власти»². Но почему указанные отношения исключаются из гражданского права? Потому ли, что такова материальная природа этих отношений, рассматриваемая независимо от их юридических особенностей? По-видимому, нет, ибо осуществление функций власти всегда связано с особым типом юридических отношений. Но в этом случае возражения автора против использования признаков метода регулирования оказываются совершенно непонятными.

Такой же упрек можно бросить и А.В. Дозорцеву, который, указывая на единство товарного производства и гражданского права, пишет вместе с тем: «...нет ни органической, ни даже формальной связи равенства сторон в гражданском правоотношении с действием закона стоимости...»³ Почему же «нет связи»? Такой вывод был бы обоснован, если бы регулируемые гражданским правом отношения объективно не требовали применения к ним с юридической стороны начал равенства. Между тем субъекты обособленного в сфере оборота имущества — признак,

¹ Халфина Р.О. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1954. № 8. С. 83.

² Вильнянский С.И. К вопросу о системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 7. С. 107; ср. также: *Его же*. Лекции по советскому гражданскому праву. Изд-во Харьковск. ун-та, 1958. С. 11–13.

³ Дозорцев А.В. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1954. № 7. С. 105.

указанный А.В. Дозорцевым для характеристики предмета гражданского права, — иначе чем на началах равенства, выступить по отношению друг к другу не могут¹.

Поэтому, как нам представляется, нельзя признать случайным, что А.В. Дозорцев в одной из своих ранее опубликованных работ считал необходимым использовать юридические признаки при квалификации тех или иных отношений в качестве гражданско-правовых. Он писал: «...характерным в *гражданско-правовом* отношении... будет не только имущественное содержание его, но в единстве, неразрывной связи с ним *метод* осуществления деятельности на основе планово-оперативной самостоятельности, имеющей юридическое выражение в инициативе сторон в правоотношении»².

2. Если отношения, складывающиеся на основе товарного производства социалистического общества, объективно требуют своеобразной формы правового регулирования, то через какую обобщающую категорию можно выразить характерные черты этой правовой формы?

Значение обобщающей категории, в единстве отражающей характерные юридические особенности той или иной отрасли права, может выполнить, как уже отмечалось, понятие **м е т о д а п р а в о в о г о р е г у л и р о в а н и я**.

В разработке метода правового регулирования в юридической литературе, на наш взгляд, имеются два недостатка.

Первый из них состоит в **п р о т и в о п о с т а в л е н и и м е т о д а р е г у л и р о в а н и я п р е д м е т у** соответствующей отрасли права. Большинство авторов, рассматривавших вопросы системы советского права, видели в методе регулирования нечто резко отличное от его предмета. Метод квалифицировался как явление в н е ш н е е к праву. Отсюда — взгляд, согласно которому в пределах одной и той же группы общественных отношений может быть обнаружено применение нескольких методов.

«...Многие из имущественных отношений, — писал О.С. Иоффе, — таковы по своей природе, что сами по себе они могут регулироваться как в гражданско-правовом, так и в административно-правовом порядке»³. Или: «...один и тот же институт при определенных условиях

¹ См.: О предмете советского гражданского права (К итогам дискуссии) // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 58.

² Дозорцев А.В. Имущественная ответственность военнослужащих за ущерб, причиненный воинской части // Труды Военно-юридической академии. Т. IX. 1949. С. 73.

³ Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 37; см. также: Агарков М.М. Предмет и система советского гражданского пра-

оказывается включенным в сферу гражданско-правового регулирования, а при изменении этих объективных условий перемещается в сферу административного права»¹.

Справедливы ли эти соображения? На наш взгляд, нет, не справедливы. Метод правового регулирования не может быть противопоставлен предмету той или иной отрасли права. Метод — это не нечто внешнее к праву, а само содержание правового регулирования, рассматриваемое под углом зрения юридических признаков. Ведь мы выделяем определенный вид общественных отношений в качестве самостоятельного предмета права именно потому, что эти отношения по своей объективной природе требуют специфической формы правового регулирования. Наличие специфического метода, следовательно, является необходимым показателем того, что определенный вид общественных отношений обособился в самостоятельный предмет правового регулирования.

Положение о единстве предмета и метода регулирования отстаивал еще в 1940 г. С.Ф. Кечекьян. Он говорил в одном из своих устных выступлений: «Предмет и метод едины суть, и, в конце концов, если мы говорим о той или иной области общественных отношений, мы всегда имеем в виду особый метод правового регулирования»². Этот же автор писал в 1946 г.: «Предмет регулирования, т.е. те или иные общественные отношения, составляет одно целое с их правовым оформлением, следовательно, включает в себя всегда определенный метод регулирования». И дальше: «Экономические отношения не существуют без их правового опосредствования. Право само входит в ткань экономической жизни как ее составная часть...»³ Однако эти высказывания до последней дискуссии о системе права имели все же единичный характер. Поэтому едва ли оправдан обобщающий вывод А.В. Бенедиктова насчет того, что положительным итогом предвоенной дискуссии является «преодоление прежнего схематического противопоставления метода регулирования предмету регулирования»⁴.

ва // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 53; *Генкин Д.М.* К вопросу о системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 83; *Вильнянский С.И.* К вопросу о системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 1. С. 104–105 и др.

¹ За тесную связь науки советского гражданского права с практикой // Советское государство и право. 1954. № 6. С. 11.

² Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 199.

³ *Кечекьян С.Ф.* О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 41–42.

⁴ *Бенедиктов А.В.* О системе Гражданского кодекса СССР // Советское государство и право. 1954. № 2. С. 29–30.

В последнее время в литературе высказаны новые соображения в поддержку идеи единства предмета и метода регулирования¹. В частности, П.С. Элькин справедливо пишет: «Предмет и метод регулирования — это не нечто различное: это две стороны единого целого. ...Уголовно-процессуальный метод — одно из неотъемлемых свойств данного вида общественных отношений»².

Второй недостаток теоретической разработки метода правового регулирования в литературе состоит в том, что нередко суть этой проблемы сводится к противопоставлению двух изолированно рассматриваемых «способов» правового опосредствования общественных отношений — «метода равенства» и «метода власти — подчинения». При такой обедненной трактовке рассматриваемой категории, разумеется, невозможно обособить применение данного метода только одной областью общественных отношений (хотя попытки подобного рода в литературе и предпринимались³). Если ограничивать сущность метода упомянутыми выше чертами, то действительно окажется, что в пределах одной и той же области общественных отношений возможно применение нескольких методов, и наоборот, один и тот же метод свойствен разным видам общественных отношений.

Однако метод правового регулирования не может быть сведен к какой-либо одной изолированно рассматриваемой черте права. «Метод автономии» и «метод гетерономии» возможно выделять в качестве способов правового воздействия на общественные отношения лишь в плане абстрактных построений. В действительности же в каждом методе правового регулирования мы можем найти и элементы «равенства», и элементы «автономии», и элементы «власти — подчинения». Все дело в том, каково соотношение этих элементов в рамках органически целого, единого метода правового регулирования, каково место каждого из них по отношению к другим элементам, какова специфика форм выражения.

Для гражданского права, как мы увидим, действительно характерно равенство в положении сторон. Но отсюда вовсе не следует,

¹ Явич Л.С. Советское право — регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957. С. 59–67; Александров Н.Г. О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 5. С. 117 и след.; Элькин П.С. К вопросу о юридической природе советского уголовного процесса // Правоведение. 1958. № 2. С. 91–93.

² Элькин П.С. Указ. соч. С. 93.

³ См.: Толстой Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 43 и след.

что в реальных отношениях существует особый «метод равенства» и что, следовательно, все отношения, которые подходят под эту абстрактно рассматриваемую мерку, включаются в область гражданского права.

Каждый метод правового регулирования — это внутренне связанная, органически единая и цельная совокупность юридических особенностей, вытекающих из специфических черт соответствующего предмета правового регулирования¹. Поэтому каждый данный метод, несмотря на различие составляющих его элементов, которые с внешней стороны могут совпадать с элементами иного метода, представляет собой своеобразное, цельное правовое образование.

По каким же группам могут быть распределены признаки метода правового регулирования? Можно ли здесь, учитывая тесную связь предмета и метода правового регулирования, ограничиться теми же классификационными подразделениями, которые были выделены при характеристике сторон (элементов) предмета, — содержание отношений, их объекты, внешние условия их движения, особенности положения сторон? Безоговорочно положительный ответ на этот вопрос не учитывал бы специфических черт правового регулирования.

Прежде всего регулирование двух самостоятельных сторон общественных отношений — содержания и объекта — в области права сливается, так как правовое значение приобретают такие явления объективного мира (объекты), которые могут отразиться на содержании прав и обязанностей субъектов. Вместе с тем в области права обособляется особая черта («сторона»), которой не соответствует особая сторона в предмете, — правовое обеспечение общественных отношений (юридические санкции). Таким образом, если попытаться сгруппировать признаки метода правового регулирования, выражающиеся в конкретных правоотношениях, то можно распределить их по четырем тесно связанным звеньям: 1) правосубъектность, выражающая общее юридическое положение сторон; 2) юридические факты; 3) содержание правоотношений; 4) юридические санкции.

Аналогичный вывод следует и из анализа форм выражения признаков метода в нормах объективного права. Здесь прежде всего могут быть обнаружены три элемента, соответствующие структурным частям конкретных норм: 1) гипотеза, указывающая на юридиче-

¹ Ср.: Явич Я.С. Право — регулятор общественных отношений // Правоведение. 1958. № 2. С. 23.

ские факты; 2) д и с п о з и ц и я, указывающая на содержание прав и обязанностей сторон; 3) с а н к ц и я, предусматривающая меры юридического обеспечения должного поведения обязанного лица. Кроме того, в области объективного права можно встретить и четвертую сторону метода: в системе правовых норм данной отрасли всегда имеются установления, относящиеся к правосубъектности (общему юридическому положению лиц). На это обратил внимание Н.Г. Александров, когда он выделил среди правовых норм такие предписания, которые «определяют правовое положение граждан, различных органов государства и общественных организаций»¹.

Вопрос о составе признаков метода был рассмотрен в литературе О.С. Иоффе и С.И. Аскназием. Справедливо указывая на то, что «свое непосредственное выражение метод гражданско-правового регулирования получает как в специфике гражданско-правовых норм, так и в структурных особенностях гражданских правоотношений»², О.С. Иоффе затем обращается к специфическим чертам гражданских правоотношений.

Он правильно утверждает, что гражданские правоотношения отличаются от административных «всеми своими элементами»³. Какими же «всеми элементами»? Автор пишет: «Они отличаются друг от друга а) п о о б щ е м у х а р а к т е р у п о с т р о е н и я (отношения равенства; отношения власти и подчинения), б) п о с у б ъ е к т н о м у с о с т а в у (отношения с органом, осуществляющим хозяйственную функцию; отношения с органом, осуществляющим функцию организаций и управления), в) п о о б ъ е к т у (правоотношения, связанные с хозяйственной деятельностью данного органа; правоотношения, связанные с его организационно-управленческой деятельностью), г) п о о б ъ е м у п р а в о м о ч и й и о б я з а н н о с т е й (обязанность, соответствующая правомочию как притязанию; обязанность, соответствующая правомочию как велению)»⁴. Нетрудно заметить, что все названные О.С. Иоффе «элементы» (кроме третьего признака, относящегося к предмету регулирования⁵), в качестве элементов к о н к р е т н ы х гражданских правоотношений не могут быть квалифицированы: все они в конечном счете характеризуют о б щ е е юридическое положение субъектов правоотношений, их общий гражданско-правовой статус (правоспособность).

¹ Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. Госюриздат, 1955. С. 89.

² Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 31.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же.

⁵ См.: Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. Изд-во АН СССР, 1954. С. 129.

Учитывает ли О.С. Иоффе другие стороны метода гражданско-правового регулирования — стороны, выраженные в конкретных правоотношениях и в нормах гражданского права? Да, учитывает. Но он называет их «внешние» признаки правоотношений. Он относит к их числу: 1) метод защиты субъективных прав; 2) основания возникновения правоотношений; 3) характер норм, их императивность и диспозитивность; 4) способы прекращения правоотношений¹.

Казалось бы, автор стоит на правильном пути, хотя он, обращаясь то к элементам правоотношения, то к нормам права, использует различные классификационные основания, да и к тому же один из признаков (юридические факты) разбивает на две самостоятельные группы (основания возникновения правоотношений; способы их прекращения). Но, встав на правильный путь, автор, к сожалению, не сделал надлежащих конечных выводов: преследуя цель использовать упомянутые признаки лишь для целей межотраслевой систематики и показав, что ни один из них не является общим и специфическим для всех гражданских правоотношений, О.С. Иоффе воздержался от их дальнейшего анализа².

С.И. Аскназий, характеризуя метод гражданско-правового регулирования, помимо признака «структурный тип правоотношения» выделяет признаки «основания возникновения» и «субъектный состав»³. Однако и он сводит первый и третий из перечисленных признаков к общему юридическому положению сторон, ибо, по мнению автора, с точки зрения признака субъектного состава «правоотношение должно быть таково, чтобы одна из сторон правоотношения не могла только по занимаемому ею положению предопределять поведение другой», а с точки зрения структурного типа стороны правоотношения «формально равноправны: ни одной из них по занимаемому ею положению не представлено каких-либо правомочий по отношению к другой»⁴. Что же касается таких сторон правового регулирования, как момент «автономии» и «специфики способа защиты», то, по мнению С.И. Аскназия, — это лишь некоторые чисто «внешние», формально-юридические признаки (а судебная охрана гражданских прав — даже не внешний признак), которые «еще не характеризуют метод регулирования»⁵.

3. Особенности регулируемых гражданским правом отношений выражаются во всех главных чертах метода гражданско-правового регулирования — и в общем юридическом положении сторон правоотно-

¹ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 31–32.

² Там же. С. 32.

³ Аскназий С.И. Гражданское и административное право в социалистической системе воспроизводства // Ученые записки ЛГУ. Сер. юрид. наук. Вып. 3. 1951. С. 77–79.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Там же. С. 72, 75, 79.

шений, и в юридических фактах гражданского права, и в содержании правоотношений, и в правовых формах их обеспечения.

1) *Общее юридическое положение субъектов советского гражданского права.* Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг», опровергая антинаучные утверждения о «вечном», «естественном» характере таких категорий, как «равенство», «свобода», «справедливость», показал, что начала «равенства» («равноправия») непосредственно возникли из требований экономики (товарного производства), и лишь затем эта категория стала наполняться политическим, социально-классовым содержанием. «Торговля в крупном масштабе... — пишет Ф. Энгельс, — требует свободных, не стесненных в своих движениях товаровладельцев, которые как таковые р а в н о п р а в н ы и ведут между собой обмен на основе этого равного для них всех права...»¹ Далее: «Переход от ремесла к мануфактуре имеет своей предпосылкой существование известного числа свободных рабочих... — людей, которые могут договариваться с фабрикантом о найме их рабочей силы и, следовательно, противостоят ему как равноправная д о г о в а р и в а ю щ а я с с т о р о н а. И наконец, р а в е н с т в о и равное значение всех видов человеческого труда... нашло свое бессознательное, но наиболее яркое выражение в з а к о н е с т о и м о с т и современной буржуазной политической экономии...»² Такое понимание равенства как результата требований товарного производства обосновано К. Марксом. Покупатель и продавец товара, писал он, «подчиняются лишь велениям своей воли. Они вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица»³, они «встречаются на рынке и вступают между собой в отношения как равноправные товаровладельцы, различающиеся лишь тем, что один — покупатель, а другой — продавец, следовательно, оба — юридически равные лица»⁴. «...В основании гражданской равноправности... — пишет В.И. Ленин, — лежат отношения товаропроизводителей»⁵.

Таким образом, первоначально категория равенства возникает как ближайший и непосредственный результат требований товарного производства. Р а в н о п р а в и е сторон имущественных отношений — это н е и з б е ж н о е с л е д с т в и е существования товарного хозяйства. И если юридические начала равноправия закреплены имен-

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953. С. 98–99. (Разрядка наша. — С.А.)

² Там же. С. 99. (Разрядка наша. — С.А.)

³ Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 182.

⁴ Там же. С. 174.

⁵ Ленин В.И. Соч. Т. 1. С. 132.

но как прямое, ближайшее следствие требований товарного хозяйства, эти начала, распространяемые здесь лишь на сферу имущественных отношений, имеют то специальное юридическое значение, которое придает ему цивилистическая наука при характеристике гражданского права. Юридическое равенство участников имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом, выражает лишь специфику их положения как субъектов, наделенных имущественно-распорядительной самостоятельностью. Для того чтобы эта самостоятельность была проведена на деле, участники имущественных отношений должны быть юридически равны. Юридическое равенство — это средство, обеспечивающее имущественно-распорядительную самостоятельность субъектов отношений, возникающих на базе товарного производства.

Состояние юридического равенства субъектов гражданского права имеет более широкое значение, чем особенности сочетания прав и обязанностей в пределах данного конкретного правоотношения¹ или сочетание «воли» его участников². Равенство субъектов гражданского права характеризуется «с точки зрения их общего гражданско-правового статуса...»³. Как правильно пишет С.И. Аскназий, если в сфере гражданского права стороны занимают одинаковые юридические позиции и «ни одна из старой не наделена в отношении другой функциями власти...»⁴, то такого рода функции имеет одна из сторон в сфере административного права, причем имеет не по конкретному отношению, а «по самому своему положению в системе государственных органов...»⁵.

Но что значит «общий статус», «общее положение», «функции»? Можно ли здесь использовать категории конкретных правоотношений? По-видимому, нет, ибо мы имеем дело с «общим статусом», с «общим положением» и т.д.

Но если это верно, то, следовательно, иную категорию, кроме правоспособности (в административном праве — компетенции), при характеристике общего правового статуса субъектов права вряд ли воз-

¹ См.: *Петров Г.И.* Место административного права в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 1. С. 97.

² *Карпушин М.П.* Социалистическое трудовое правоотношение. Госюриздат, 1958. С. 64.

³ *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 33. (Разрядка наша. — С.А.)

⁴ *Аскназий С.И.* Гражданское и административное право в социалистической системе воспроизводства // Ученые записки ЛГУ. Сер. юрид. наук. Вып. 3. 1951. С. 72.

⁵ Там же.

можно найти. Поэтому вполне закономерно, что С.И. Аскназий в одной из своих работ расшифровывает начала «равноправия» в области гражданско-правового регулирования следующим образом: «...ни одному из них (субъектов гражданского права. — С.А.) не предоставлено власти в отношении другого; правоспособность всех их в отношении владения и пользования имуществом и заключения друг с другом разнообразных сделок однакова»¹.

При этом в социалистическом обществе равенство субъектов гражданского права не означает во всех случаях равенства объема и фактического содержания правоспособности: в плановом социалистическом хозяйстве правоспособность субъектов по своему объему и фактическому содержанию имеет специальный характер. Равенство участников отношений, строящихся на началах имущественно-распорядительной самостоятельности субъектов, представляет собой равенство юридических свойств правоспособности. Это значит, что: а) по линии правоспособности субъекты не зависят друг от друга; положительная юридическая связь между ними осуществляется лишь по линии конкретных правоотношений; б) содержание правоспособности лиц, могущих вступить друг с другом в правовые отношения, является однопорядковой, качественно однородной, в) правоспособность для каждого данного лица является постоянной, не изменяющейся в зависимости от тех правоотношений, в которых лицо участвует.

Взгляд на природу советского гражданского права как на отрасль, регулируемую имущественные отношения, участники которых занимают юридически равное положение, является господствующим воззрением в советской цивилистической литературе. Большинство авторов, исследовавших сущность гражданского права, при квалификации гражданских правоотношений так или иначе использовали признак «равенства»². Одна-

¹ Аскназий С.И. Очерки хозяйственного права СССР. Изд-во «Прибой», 1926. С. 11. (Разрядка наша. — С.А.)

² См.: Венедиктов А.В. О системе Гражданского кодекса СССР // Советское государство и право. 1954. № 2. С. 30–33; Генкин Д.М. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 105–108; Егоров А.В. К вопросу о системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 83, 90; О предмете советского гражданского права (К итогам дискуссии) // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 57–59; Шаргородский Д.М., Иоффе О.С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 108; Бару М.И. Возмездность и безвозмездность в советском гражданском праве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1957. С. 4; Толстой Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 42–43 и др.

ко отдельными авторами был сделан по рассматриваемому вопросу и ряд критических замечаний.

Так, по мнению А.В. Дозорцева, категория равенства имеет социально-классовое содержание и «не может быть отделена от сущности явления, им определяемого»¹. Автор, однако, не учитывает того, что категории равенства в цивилистической науке придается с п е ц и а л ь н ы й смысл: равенство понимается здесь как непосредственный результат требований товарного производства. Равенство же в политическом и классовом смысле — это категории иного социального содержания².

Другое возражение сводится к утверждению, что в плановом социалистическом хозяйстве гражданские правоотношения не укладываются в рамки равенства³. Верно, конечно, что регулируемые гражданским правом отношения выражают требования закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Однако только в том случае, если не видеть своеобразия имущественных отношений в социалистическом обществе, а, опираясь на представления догматической юриспруденции, рассматривать «равенство» и «план» в качестве антиподов, можно считать, что «равенство» участников гражданских правоотношений противопоставляется плановому началу, что начала равенства не могут быть использованы в целях планового руководства. Как справедливо подчеркнуто в редакционной статье журнала «Советское государство и право», «при социализме равенство сторон гражданского правоотношения не только не противостоит плановому руководству хозяйством, а, напротив, является действенным орудием проведения в жизнь такого руководства»⁴. Что же касается фактической стороны проблемы, то лишь правоотношения «смешанного типа» — правоотношения, сочетающие элементы гражданского-правовой и административно-правовой форм правового регулирования, «не укладываются» в рамки равенства⁵.

И наконец, еще об одном доводе против использования признака «равенства» при квалификации гражданских правоотношений. Ряд авторов утверждают, что указанные начала могут быть обнаружены и в других отраслях права⁶. Верно, конечно, что элементы равенства можно най-

¹ Дозорцев А.В. О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1954. № 7. С. 105.

² См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953. С. 99–101.

³ См.: Дозорцев А.В. Указ. соч. С. 105–107; Мревлишвили И.Г. Предмет и система советского социалистического гражданского права // Советское государство и право. 1954. № 7. С. 109.

⁴ О предмете советского гражданского права (К итогам дискуссии) // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 58.

⁵ См.: Алексеев С.С. О предмете советского гражданского права и методе гражданско-правового регулирования // Советское государство и право. 1955. № 2. С. 117–118.

⁶ См.: Вышинский А.Я. XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 22; Дозорцев А.В. О предмете совет-

ти во многих, а, пожалуй, и во всех, отраслях советского права. Но лишь в том случае, если сводить метод гражданско-правового регулирования т о л ь к о «равенству», указанное обстоятельство может поколебать прочность отстаиваемого нами воззрения. Если правильно, что элементы равенства можно найти во всех отраслях права, то вместе с тем следует учитывать, что в каждом из методов правового регулирования начала равноправия играют специфическую роль, занимают особое место среди правовых черт, в своей совокупности образующих данный метод. В гражданском праве начала равноправия — это в е д у щ а я специфическая черта метода: такого сочетания элементов метода ни в одной иной отрасли права нет, ни в одной иной отрасли права п р а в о с п о с о б н о с т ь субъектов не имеет таких юридических свойств, которые специфичны для гражданской правоспособности (необходимо, разумеется, учитывать, что в таких родственных к гражданскому праву отраслях, как трудовое, колхозное и семейное право, сохранились отдельные особенности, свойственные гражданской правоспособности).

В литературе предприняты попытки квалифицировать «равенство» не как ведущую черту метода гражданско-правового регулирования, а в первую очередь как особенность п р е д м е т а советского гражданского права¹. Едва ли это правильно. Состояние равноправия субъектов гражданского права является выражением имущественно-распорядительной самостоятельности участников отношений, складывающихся на основе товарного производства. «Если в равенстве действительно заключается нечто специфическое для гражданского права, — пишет О.С. Иоффе, — то лишь в смысле юридического равенства субъектов гражданских правоотношений. Но и в этом случае речь идет о равенстве только в плане его противопоставления подчинению, ибо в более широком значении этого слова равенство в смысле подлинного равноправия является одним из ведущих принципов всего советского права...»²

2) Специфика юридических фактов в советском гражданском праве.

При систематизации юридических фактов в пределах любой отрасли советского права могут быть использованы общие классификацион-

ского гражданского права // Советское государство и право. 1954. № 7. С. 106; *Вильнянский С.И.* К вопросу о системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 1. С. 105; *Петров Г.И.* Место административного права в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 1. С. 98–99; *Его же.* Задачи кодификации советского административного права // Советское государство и право. 1958. № 6. С. 24–25.

¹ См.: О предмете советского гражданского права (К итогам дискуссии) // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 47–59; ср. также: *Толстой Ю.К.* О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. № 1. С. 42–43.

² *Иоффе О.С.* Советское гражданское право: Курс лекций: Общая часть. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 14.

ные подразделения, выработанные на основе поочередного применения таких признаков, как значение воли субъектов в формировании данного жизненного обстоятельства, правомерность действий, направленность воли и т.д. Но отсюда вовсе не следует, что отрасли советского права не отличаются друг от друга по характеру и составу юридических фактов. В юридических фактах, так же как и в специфических чертах правоспособности, выражаются особенности соответствующего метода правового регулирования. Поэтому для каждой отрасли права могут быть найдены в качестве т и п и ч е с к и х свои особые юридические факты. Какие же юридические факты характерны для советского гражданского права?

В силу объективных требований, predeterminedенных существенными чертами товарного производства, законодатель юридически закрепляет имущественную обособленность, распорядительную самостоятельность участников соответствующих имущественных отношений. Для лиц лишь постольку открыт доступ к участию в товарных отношениях, поскольку они своей волей могут распоряжаться имуществом (товаром).

«...Таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный»¹.

Отсюда неизбежен вывод: для сферы гражданско-правового регулирования характерны такие имущественные отношения, которые возникают и существуют на основе распорядительных волевых актов их участников. Принципиально имущественные отношения, участники которых выступают в качестве хозяйственно самостоятельных субъектов, иначе строиться не могут. Для отношений, регулируемых гражданским правом, типично, чтобы субъекты вступали в правоотношения сами, своей волей (преимущественно путем встречных актов, договорных соглашений, а также односторонних сделок).

«В товарном производстве, — пишет К. Маркс, — противостоят друг другу лишь взаимно независимые продавец и покупатель. Все отношения между ними обрываются, когда истекает срок заключенного ими договора»².

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 91. (Разрядка наша. — С.А.)

² Там же. С. 591.

Решающее значение волевых актов (и прежде всего договорных соглашений) как типических оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений в условиях советского социалистического общества обусловлено не тем, что договор — единственно возможный способ налаживания хозяйственных связей между участниками товарного оборота. Специфика товарного производства при социализме, когда товарные процессы предполагают целенаправленное регулирование, а сами товарные отношения в основной своей массе складываются между субъектами, наделенными лишь функциями оперативного управления частью государственных имуществ, требует первоочередного использования иных методов завязки хозяйственных отношений между субъектами гражданского права — методов, непосредственно выражающих действие закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Договорное опосредствование имущественных отношений в области социалистического хозяйства — не главная и единственная, но закономерная и в большинстве случаев наиболее экономически и политически целесообразная дополнительная форма организации хозяйственных связей между имущественно обособленными, самостоятельными (по оперативно-хозяйственной линии) субъектами. Товарное производство дает возможность такой организации хозяйственных отношений: она превращается в действительность в результате хозяйственно-организаторской деятельности органов социалистического государства, что находит свое выражение в придании гражданско-правового действия индивидуальным административно-правовым актам.

Именно потому, что типический способ вступления лиц в гражданские правоотношения характеризуется через встречные волевые акты участников правоотношения, возникающие при этом субъективные права справедливо квалифицируются в литературе как права «пробретенные»¹.

Признаки метода гражданско-правового регулирования, выраженные в юридических фактах, имеют менее отчетливый характер, нежели признаки, выраженные в общем юридическом положении сторон правоот-

¹ См.: *Братусь С.Н.* О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 1. С. 46; *Аскназий С.И.* Гражданское и административное право в социалистической системе воспроизводства // Ученые записки ЛГУ. Сер. юрид. наук. Вып. 3. 1951. С. 72.

ношения. Поэтому попытки придать этим признакам значение классификационного критерия при размежевании отраслей права едва ли могут быть успешными.

Известно, что такую попытку предпринял М.А. Аржанов. Утверждая, что советское гражданское право регулирует не все имущественные отношения, а «отношения известного порядка, известного рода, как складывающиеся известным способом»¹, автор, однако, не выяснил экономические причины такого порядка, а также другие признаки регулируемых гражданским правом отношений. Это дало основание не только упрекнуть М.А. Аржанова в непоследовательности, но и отвергнуть как недостаточное предложенное им классификационное основание².

Вопрос о юридических фактах гражданского права с точки зрения сущности этой отрасли был затронут О.С. Иоффе. Рассматривая внешние признаки, отличающие гражданские правоотношения от других видов правовых связей, автор указывает, что к числу таких признаков должны быть, в частности, отнесены «основания возникновения гражданских правоотношений» и «особые способы их прекращения»³, т.е., иными словами, правообразующие и правопрекращающие юридические факты. По первому из указанных признаков, как пишет О.С. Иоффе, гражданские правоотношения характеризуются тем, что они «как правило, имеют своим основанием свободное волеизъявление их участников»⁴. Что же касается правопрекращающих фактов, то «такие способы прекращения правоотношений как новация, зачет, сложение долга, одностороннее волеизъявление и другие, известны только гражданскому праву, и их не знают другие отрасли права, за исключением, может быть, одностороннего волеизъявления органа власти в административном правоотношении»⁵. Однако, наметив верные исходные позиции для характеристики юридических фактов гражданского права с точки зрения сущности этой отрасли, О.С. Иоффе не только остановился на полпути, но неожиданно повернул вспять. Он оставляет в стороне рассматриваемый признак (равно как и признаки способа защиты и особенностей гражданско-правовых норм) по той причине, что все они не являются общими и специфическими для всех гражданских правоотношений. О.С. Иоффе пишет при этом, что гражданские правоотношения могут возникнуть и при отсутствии волеизъявления сторон, а также из административного акта, т.е. юридического факта,

¹ Аржанов М. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 16.

² См.: Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 29.

³ Там же. С. 31–32.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 32.

специфичного для административно-правовой формы регулирования¹. Не всегда возможно использование и тех способов прекращения гражданско-правовых связей, которые установлены гражданским законодательством. И автор заключает: «Таким образом ни один из перечисленных нами признаков не является специфическим для всех гражданских правоотношений или только для них одних»². Сам по себе этот вывод справедлив. Но он не может служить основанием для того, чтобы игнорировать юридические факты (а также метод защиты и характер нормы) при исследовании особенностей гражданско-правовой формы регулирования. Узость задачи, определяемой целями межотраслевой систематики, увела автора в сторону от тех направлений исследования, которые дают возможность увидеть в специфике юридических фактов данной отраслевой группы непосредственное выражение особенностей метода гражданско-правового регулирования.

3) *Специфические черты содержания гражданских правоотношений.* Правоотношения различной отраслевой принадлежности отличаются друг от друга по своему содержанию, точнее — по особенностям формования содержания прав и обязанностей сторон правоотношения. Если материальное содержание правовых отношений, в сферу какой бы отрасли права они ни входили, однотипно (положительные действия или воздержания от действий), то с юридической стороны — со стороны способов формирования содержания прав и обязанностей субъектов — в правоотношении выражаются особенности данного метода правового регулирования.

Конечно, решающее значение в формировании содержания правоотношения, в сферу какой бы отрасли права оно ни входило, имеют предписания норм объективного права — нормативное регулирование. Однако в зависимости от особенностей метода правового регулирования роль особых («поднормативных») способов формирования содержания правоотношения могут играть и иные факторы.

Как пишет К. Маркс «один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный»³.

Товаровладельцы, в том числе и владельцы своей рабочей силы, продолжает К. Маркс в другом месте, «подчиняются лишь велениям своей свободной воли. Они вступают в договор как свободные,

¹ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 31.

² Там же. С. 32.

³ Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 91.

юридически равноправные лица. Договор есть тот конечный результат, в котором их воля находит свое общее юридическое выражение»¹. Так как товаровладельцы «подчиняются лишь велениям своей свободной воли», их воля может иметь значение при установлении содержания правоотношения. Таким образом, договор является не только юридическим фактом — посредствующим звеном между нормой права и конкретным правоотношением, — но и поднормативным способом регулирования поведения сторон².

Закономерным (хотя и не главным) следствием имущественно-распорядительной самостоятельности сторон явилась возможность автономного (на основе и в пределах предписаний норм объективного права) урегулирования самими сторонами содержания правоотношения.

Под углом зрения специфических черт гражданских правоотношений «автономия» сторон находит свое выражение в началах д и с п о з и т и в н о с т и — в возможности распоряжения лицом своими гражданскими субъективными правами. Под углом зрения специфических черт норм объективного права «автономия» сторон выражается в существовании различного вида д и с п о з и т и в н ы х н о р м.

В социалистическом гражданском праве «автономия» не может рассматриваться в качестве главной (универсальной) черты метода гражданско-правового регулирования. Для социалистического гражданского права, регулирующего имущественные отношения организованного, управляемого товарного производства, характерно не только увеличение удельного веса императивных норм, но и широкое применение такого специфического способа регламентации содержания правоотношений, как плановое регулирование.

С другой стороны, в условиях социализма в соответствии с дальнейшим развитием социалистической демократии «начала диспозитивности» все более и более проникают в другие отрасли права. И хотя в других отраслях права «начала диспозитивности» находят иное юридическое выражение, чем в гражданском праве, указанный процесс сближения различных форм правового регулирования в социалистическом обществе нельзя не принять во внимание при определении признаков метода гражданско-правового регулирования.

Приведенные соображения объясняют то обстоятельство, почему попытки придать признаку «автономии» («свободе выбора цели и рас-

¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. Госполитиздат, 1955. С. 182.

² См.: Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. Изд-во АН СССР, 1954. С. 105–114.

поряжения субъективным правом»¹⁾ значение наиболее характерной отличительной черты советского гражданского права не привели к желаемым результатам²⁾.

«Общим и основным, наиболее характерным признаком для имущественных отношений, регулируемых гражданским правом, — пишет А.В. Венедиктов, — является равноправие их участников, а не так называемая автономия»³⁾. Однако, продолжает автор, «это не значит, что автономия должна быть вообще исключена из числа признаков гражданско-правового отношения»⁴⁾.

4) *Особенности юридических форм обеспечения гражданских правоотношений.* Признаки метода правового регулирования данной группы выражают характер мер обеспечения, основания соответствующей формы ответственности, порядок осуществления соответствующих принудительных мер.

Специфический характер юридических мер обеспечения, свойственных советскому гражданскому праву, выражается в их восстановительной функции. Поскольку имущественные отношения, регулируемые гражданским правом, складываются между имущественно обособленными, хозяйственно самостоятельными субъектами, нарушение гражданских субъективных прав, в том числе и невыполнение пассивной стороной обязанности по обязательственному отношению, влечет за собой нарушение конкретного имущественного положения (состояния) носителя субъективного права. Поэтому закономерным следствием нарушения субъективного гражданского права является применение к нарушителю правовых мер, направленных в первую очередь на восстановление нарушенного имущественного состояния. Правда, в социалистическом обществе, где имущественные отношения складываются на основе организованного, управляемого товарного производства, применяемые к нарушителям гражданско-правовых обязанностей меры обеспечения все в большей степени выполняют штрафные функции. Но это не должно приводить к игнорированию того специфического, что характерно для мер защиты

¹⁾ См.: *Братусь С.Н.* О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 1. С. 45.

²⁾ См.: *Агарков М.М.* Основные принципы советского гражданского права // Советское государство и право. 1947. № 11. С. 38–40.

³⁾ *Венедиктов А.В.* О системе Гражданского кодекса СССР // Советское государство и право. 1954. № 2. С. 30.

⁴⁾ Там же. С. 31.

гражданских прав с точки зрения особенностей метода гражданско-правового регулирования¹.

Специфический характер мер обеспечения гражданских правоотношений накладывает свою печать и на особенности оснований гражданской ответственности.

Так как задачей юридического обеспечения гражданских прав является прежде всего защита последних (восстановительная функция), категория гражданско-правовой ответственности имеет своеобразное содержание, которое не может быть отождествлено с содержанием аналогичной категории в других отраслях права, в частности, в уголовном праве.

Ответственность в гражданском праве, специфической задачей которой является восстановление нарушенного имущественного состояния носителя субъективного права, наступает уже при наличии объективных моментов, характеризующих состав гражданского правонарушения, — обективированного вредоносного результата, противоправности, причинной связи.

Правда, законодатель учитывает и субъективный момент, что особо важно для проведения воспитательной роли советского гражданского права. Однако учет этот производится в рамках особой правовой категории, приобретающей в гражданском праве специальное значение, — в рамках оснований освобождения от ответственности.

Особенности метода гражданско-правового регулирования определяют и черты своеобразия порядка осуществления принудительных мер обеспечения гражданских правоотношений. Участники имущественных связей, регулируемых гражданским правом, занимают по отношению друг к другу юридически равное, одинаковое положение. Ни одна из сторон (поскольку данный субъект не наделен одновременно гражданской и административной правоспособностью) не имеет властных функций по принудительному осуществлению своих субъективных прав. Отсюда — осуществляемый через особые юрисдикционные органы (суд и арбитраж) и с к о в о й п о р я д о к — порядок, при помощи которого обеспечивается защита права (иски о присуждении, установительные иски), а в отдельных случаях — конкретизация содержания правоотношения.

Признаки метода гражданско-правового регулирования, выражающиеся в юридических формах обеспечения правоотношений, освеще-

¹ См.: *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1955. С. 14–19.

ны в литературе рядом авторов¹. «Специфика мер ответственности, применяемых на основе той или иной отрасли советского права, — пишет О.С. Иоффе, — является одним из выражений характерного и специфического для нее метода правового регулирования, который в свою очередь предопределяется природой предмета, регулируемого данной отраслью права»².

Однако не следует придавать признакам метода гражданско-правового регулирования в области охраны гражданских прав не свойственное им универсальное значение. «Тот факт, что метод исковой защиты не является единственным методом охраны гражданских прав и что гражданское право в некоторых случаях охраняется и в административном порядке, — отмечает С.Н. Братусь, — не ломает нашего основного вывода о связи гражданского иска с гражданским правоотношением. Было бы напрасной задачей отыскивать в сфере прав, как, впрочем, и в других явлениях общественной жизни, абсолютные логические принципы, которые позволили бы с математической точностью разложить и классифицировать материал по соответствующим группам»³. Этот вывод тем более справедлив, что каждый случай применения в области гражданского права иных мер юридического обеспечения может быть охарактеризован как известное «отклонение» от типического порядка — отклонение, которое может получить соответствующее теоретическое объяснение. Что же касается использования искового метода защиты субъективных прав в других отраслях права (трудовом, колхозном, семейном, а также административном), то нельзя не учитывать, что исковая защита в указанных отраслях получает с п е ц и ф и ч е с к о е в ы р а ж е н и е. И.А. Жеруолис справедливо пишет: «Как отдельные группы общественных отношений, объединенных специфическими особенностями, получают в силу государственной воли господствующего класса соответствующие этим специфическим особенностям (характеру) методы правового регулирования (образуются отрасли материального права), так отрасли материального права имеют свои, соответствующие им процессуальные формы их применения. Процессуальные формы, устанавливаемые процессуальным правом,

¹ *Братусь С.Н.* О предмете советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 1. С. 43, 47; *Черепяхин Б.Б.* Виндикационные иски в советском праве // Ученые записки СЮИ. Т. 1. Свердловгосиздат, 1945. С. 34–35; *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 31–32; *Его же.* Об основных вопросах советского гражданского права // Ученые записки ЛГУ. Сер. юрид. наук. Вып. 4. 1953. С. 24; *Венедиктов А.В.* Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. Изд-во АН СССР, 1954. С. 90 и др.

² *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1955. С. 19; ср. также: *Его же.* Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР // Советское государство и право. 1956. № 2. С. 56.

³ *Братусь С.Н.* Указ. соч. С. 47.

служат средством применения материального права, и поэтому они должны соответствовать характеру материального права»¹.

В итоге общей характеристики отдельных сторон (признаков) метода гражданско-правового регулирования необходимо отметить следующее. Признаки метода в конечном счете являются выражением единого — «правовой самостоятельности» субъектов имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства. Противопоставить эти признаки (например, признак «автономии» и «равноправия»²) столь же неправильно, как неправильно противопоставление признаков предмета регулирования³.

Это единство признаков метода гражданско-правового регулирования с достаточной определенностью следует из слов Ф. Энгельса, когда он пишет, что «заключать договоры могут люди, которые в состоянии свободно располагать своей личностью, поступками и имуществом и равноправны по отношению друг к другу»⁴.

Другой вопрос, что один из приведенных признаков — признак общего юридического положения субъектов — может быть выделен в качестве ведущего. Однако такая квалификация одной из черт метода гражданско-правового регулирования возможна именно потому, что все черты метода рассматриваются нами в неразрывном единстве.

4. Признаки метода правового регулирования имеют неодинаковое значение при отраслевой квалификации тех или иных общественных отношений. Те признаки, которые выражаются в сторонах и элементах конкретных правоотношений (юридических фактах, содержании прав и обязанностей сторон, мерах правового обеспечения), не всегда дают о себе знать с необходимой четкостью. Определенные обстоятельства могут послужить основанием для «отклонения» отдельных признаков от типических черт данного метода правового регулирования.

Но все это не должно служить препятствием к тому, чтобы использовать метод правового регулирования в целях межотраслевой систематики. И дело здесь не только в том, что, если рассматривать призна-

¹ Жерулис И.А. Некоторые вопросы особого производства // Советское государство и право. 1958. № 8. С. 67.

² См.: Василев Л. Гражданское право Народной Республики Болгарии. Общая часть. Госюриздат, 1958. С. 35–36.

³ Ср. по этому вопросу: Миколенко Я. Учебно-методическое пособие по курсу «Советское гражданское право». М., 1955. С. 10–11.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 224.

ки метода не изолированно, а в совокупности, мы в каждом случае можем получить безошибочно точный ответ при отраслевой квалификации тех или иных отношений. Чрезвычайно важно, кроме того, иметь в виду, что «отклонения» от типических черт данного метода правового регулирования могут касаться лишь отдельных сторон (элементов) конкретных правоотношений. Но они не могут затронуть ведущей черты метода гражданско-правового регулирования — общего юридического положения сторон, юридических свойств их правоспособности. Поэтому как бы ни «отклонялись» отдельные признаки от типических черт метода, тем не менее, если прежде всего ориентироваться на ведущий признак — общее юридическое положение сторон, то метод гражданско-правового регулирования может быть использован при отграничении гражданских правоотношений от отношений иных отраслей права.

Использование метода правового регулирования при отраслевой квалификации тех или иных отношений не может быть противопоставлено использованию в этих целях предметных признаков. Наличие особого метода является лишь отражением в правовой сфере существования таких свойств предмета правового регулирования, которые необходимы и достаточны для формирования особой отрасли права. Поэтому признаки метода являются средством, используя который удается достигнуть точной характеристики данных отношений с точки зрения предмета правового регулирования.

Вместе с тем метод представляет собой совокупность юридических признаков. И это очень важно, ибо при классификации правовых явлений нельзя игнорировать специфически правовое: по соображениям практического удобства использование при классификации критерия, однопорядкового с классифицируемыми явлениями, в значительной мере облегчает нахождение граней между отраслями права.

В ходе последней дискуссии о системе советского права (1956—1958 гг.) ряд советских ученых привели новые аргументы в защиту точки зрения, учитывающей признаки метода правового регулирования при классификации отраслей¹. Вполне естественно поэтому, что авторы — противники

¹ См.: Шаргородский М.Д., Иоффе О.С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 104—105; Явич Л.С. Советское право — регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957. С. 59—67; Александров Н.Г. О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 5. С. 117; Павлов И.В. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 11. С. 7 и др.

таких воззрений на систему права — в настоящее время не ограничиваются одним лишь «голым» отрицанием классификационного значения метода правового регулирования, а считают необходимым аргументировать свои теоретические позиции¹.

Состояние научной разработки проблем метода правового регулирования оказалось, однако, вне поля зрения В.В. Лаптева. Стремясь доказать существование «хозяйственного права», автор решает проблему метода регулирования так, как это делали до последней дискуссии, — одной безусловно категорической, бездоказательной фразой. Он пишет: «Нельзя согласиться с мнением, что метод регулирования должен служить дополнительным критерием при разграничении правовых отраслей. Тем более неправильно считать метод регулирования даже как бы предметной характеристикой отрасли права...»² Но почему «нельзя», почему «неправильно»? Все это, очевидно, должно остаться тайной автора — тайной, имеющей довольно прозрачный характер, если учесть приведенное выше соображение.

Итак, метод правового регулирования имеет определенное значение при решении вопросов межотраслевой систематики. Но не это главное, что требует особого внимания правовой науки к вопросам метода регулирования. Вопросы метода регулирования — это вопросы первостепенного теоретического значения, ибо метод собирает в единый фокус правовые особенности данной отрасли, выражает ее правовую сущность.

Поэтому ни проблема служебной роли той или иной отрасли права, ни проблема свойственных ей принципов, ни проблема специфических для нее закономерностей и целый ряд других теоретических проблем не могут быть решены без учета особенностей данного метода правового регулирования.

Более того, именно потому, что для известной совокупности норм характерен специфический метод регулирования, оказывается возможным формирование в соответствующей научной дисциплине обшей части.

Отсутствие такой возможности свидетельствует о том, что данная совокупность норм не может быть выделена по методу регулирования, и, следовательно, ее анализ как самостоятельной совокупности пра-

¹ См., например: *Петров Г.И.* Место административного права в системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 1. С. 97–98; *Его же.* Задачи кодификации советского административного права // Советское государство и право. 1958. № 6. С. 24–25.

² *Лаптев В.В.* О советском хозяйственном праве // Советское государство и право. 1959. № 4. С. 80.

новых норм не имеет достаточных теоретических оснований по той причине, что здесь нет качественно своеобразного вида общественных отношений — самостоятельного предмета правового регулирования. Не случайно поэтому в науке права уже давно признано, что важнейшим показателем, свидетельствующим о допустимости квалификации той или иной совокупности правовых норм в качестве самостоятельной отрасли, является возможность выделения в соответствующей отраслевой юридической дисциплине о б щ е й ч а с т и¹.

Понятно, что в рамках настоящей работы, посвященной предмету советского гражданского права, мы лишены возможности дать развернутую характеристику отдельных сторон (признаков) метода гражданско-правового регулирования. Это — тема самостоятельного исследования. Мы ставим перед собой более узкую задачу — осветить органическую с в я з ь между предметом и методом гражданско-правового регулирования, для чего необходимо помимо приведенных соображений (§ 1) охарактеризовать своеобразие признаков метода в отдельных видах гражданских правоотношений (§ 2) и остановиться на основаниях «отклонения» признаков метода гражданско-правового регулирования от его типических черт (§ 3).

§ 2. Виды гражданских правоотношений и метод гражданско-правового регулирования

1. Если метод гражданско-правового регулирования н а х о д и т с в о е в ы р а ж е н и е не только в общем юридическом положении участников имущественных отношений, но и в юридических фактах, в способах формирования содержания прав и обязанностей сторон и мерах правового обеспечения прав и обязанностей, то, казалось бы, к а ж д о е гражданское правоотношение должно соответствовать упомянутым признакам метода.

Однако такой вывод был бы справедлив, если бы та или иная отрасль права представляла собой сочетание п о л н о с т ь ю о д н о р о д н ы х норм и институтов. Между тем правовые институты, составляющие в своей совокупности определенную отрасль права, отличаются друг от друга не только фактическим содержанием, но и рядом юридических черт, свидетельствующих о разли-

¹ См.: *Агарков М.М.* Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8—9. С. 62; *Шаргородский М.Д., Иоффе О.С.* О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 106.

чиях степени выражения в них специфического для данной отрасли метода регулирования.

Это обусловлено прежде всего тем, что институты данной отрасли неодинаково связаны с факторами, определяющими своеобразные черты соответствующей группы общественных отношений: те институты, связь которых с указанными факторами носит более отдаленный, косвенный характер, не имеют столь ярко выраженных черт своеобразия, которыми отличаются правовые институты, составляющие основное содержание рассматриваемой отрасли.

Вместе с тем необходимо учитывать единство, взаимообусловленность, существующую между отраслями советского права. Отсюда — не только наличие «смешанных институтов», сочетающих в единстве признаки различных методов правового регулирования, но и **п р о н и к н о в е н и е** некоторых черт, свойственных данному методу правового регулирования, в сферу действия других отраслей советского права.

Изложенные соображения обосновывают вывод о том, что анализ признаков метода гражданско-правового регулирования требует **д и ф ф е р е н ц и р о в а н н о г о** подхода: выделения «основного ядра» институтов советского гражданского права с последующим исследованием причин, предопределяющих своеобразие всех иных правовых институтов.

2. Изучение видов гражданских правоотношений показывает, что специфические черты метода гражданско-правового регулирования концентрируются в области **о б я з а т е л ь с т в е н н ы х** **и н с т и т у т о в**. Именно здесь ярко и выпукло дает о себе знать своеобразие общего правового положения участников имущественных отношений. Именно здесь с особой силой проявляются особенности гражданских правоотношений, в том числе по линии юридических фактов, содержания прав и обязанностей сторон, мер их правового обеспечения.

Такое положение обязательно-правовых институтов в системе гражданского права вполне **з а к о н о м е р н о**. В предшествующем изложении было уже подчеркнуто, что характерные черты товарного производства, именно как производства **т о в а р н о г о**, сосредоточиваются в сфере **о б р а щ е н и я** товаров, эквивалентного **о б м е н а**.

Как раз из этой сферы берут свое начало те процессы, которые приводят к формированию своеобразных имущественных отношений, требующих специфической формы правового регулирования — регу-

лирования гражданско-правового типа. Не случайно поэтому многие авторы, как мы видели, связывают само существование гражданского права с отношениями эквивалентного обмена, экономического оборота, товарного обращения. Специфические черты гражданско-правового регулирования, отмечает С.И. Аскназий, в особенности относятся «к обязательственному праву – этой необходимой юридической форме развитого товарного оборота»¹.

Этим же обстоятельством объясняется широкое применение в литературе, в практике хозяйственных и юрисдикционных органов категории «гражданский оборот». При характеристике гражданской правосубъектности, правового режима вещей и др. указанная категория используется в сущности для обозначения сферы действия гражданского права. Назвать данное лицо «участником гражданского оборота», значит признать его субъектом гражданского права. Точно так же «вещи, не изъятые из гражданского оборота», – это вещи, которые могут быть объектами гражданских правоотношений. Правда, те имущественные отношения, которые могут быть охарактеризованы как отношения «оборота», регулируются обязательно-правовыми институтами. Но именно поэтому использование термина «гражданский оборот» для обозначения сфер действия гражданского права может служить веским доказательством того, что институты обязательственного права составляют основное содержание рассматриваемой отрасли.

Что такое «гражданский оборот»? В той мере, в какой категория «гражданский оборот» употребляется в литературе для обозначения сферы действия гражданского права, попытка выявить особое, самостоятельное содержание указанной категории едва ли оправданна. С этой точки зрения наиболее удачным, как нам кажется, является определение «гражданского оборота как совокупности имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом»². Однако в той мере, в какой категория «гражданский оборот» имеет известное материальное содержание, она может получить самостоятельную характеристику. С этих позиций заслуживают внимания предложенные в литературе определения «гражданского оборота», одно из которых сводит эту категорию к юридическим фактам – сделкам, индивидуальным актам органов государственных управлений, определяющим дивиденды и имущественных цен-

¹ Аскназий С.И., Мартынов Б.С. Гражданское право и регулируемое хозяйство. Изд-во Научного общества марксизма, 1927. С. 19.

² Дозорцев А.В. Объекты права государственной социалистической собственности и их классификации // Советское государство и право. 1949. № 1. С. 56–57.

ностей (С.Н. Братусь)¹, а другое — к совокупности гражданско-правовых институтов, регулирующих имущественные отношения по передаче вещей, производству работ и оказанию услуг (О.А. Красавчиков)². Эти определения указывают на признаки, характеризующие гражданско-правовое регулирование той массы имущественных отношений, которая выражает положительные хозяйственные процессы и которая, следовательно, предопределяет главное содержание изучаемой отрасли права. Оба эти определения с разных сторон — одно со стороны юридических фактов, а другое — со стороны норм гражданского права — указывают на то главное, что характеризует материальное содержание «гражданского оборота», — на имущественные отношения, выражающие динамику собственности, положительные хозяйственные процессы, основанные на товарном обороте. Следует, однако, отметить, что распространение термина «гражданский оборот» на сферу норм объективного права нельзя все же признать бесспорным: О.А. Красавчиков не учитывает того, что в науке права указанный термин применяется лишь для обозначения социальных явлений, имеющих по главным своим чертам материальный характер.

3. Если обязательственное право составляет основное содержание советского гражданского права, то каково же место в системе этой отрасли институтов права собственности?

Ссылка на регулирование со стороны советского гражданского права имущественных отношений собственности нередко приводится авторами, стремящимися доказать, что сфера действия гражданского права не ограничена отношениями «оборота». Сама по себе такого рода аргументация возражений не вызывает. Однако можно ли исходя из этого утверждать, что гражданское право регулирует имущественные отношения собственности независимо от отношений, складывающихся на основе товарного обращения?

Вот что по рассматриваемому вопросу сказано в редакционной статье журнала «Советское государство и право»: «Имущественные отношения — это те производственные отношения, которые выражают распределение средств производства, распоряжение ими и связанный с этим процесс распределения результатов труда и распоряжения ими в данном обществе. Поэтому было бы неправильным сводить гражданско-правовые отношения только к экономическому оборо-

¹ Советское государство и право. 1949. № 11. С. 71.

² Красавчиков О.А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) // Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса / Ученые записки СЮИ. Т. V. Госюриздат, 1957. С. 17–20.

ту...»¹ Последняя мысль цитируемой выдержки вполне справедлива. Но почему «поэтому», почему из определения имущественных отношений сделан категорический вывод о том, что гражданское право регулирует не только отношения экономического оборота? Быть может, потому, что гражданское право регулирует в с е имущественные отношения? Или, быть может, потому, что отношения оборота не могут опосредствоваться правом обособленно, изолированно?

Однако первое предположение оказывается неверным, так как авторы редакционной статьи тут же заявляют, что имущественные отношения регулируются и другими отраслями². Неверным оказывается и второе предположение, так как в противном случае вообще было бы невозможным раздельное существование институтов права собственности и институтов обязательственного права.

В чем же дело? Суть проблемы состоит в том, что, по мнению авторов редакционной статьи, гражданское право регулирует имущественные отношения собственности «вообще». Оспаривая взгляд Д.М. Генкина, полагающего, что гражданское право опосредствует имущественные отношения собственности только в качестве предпосылки и результата товарно-денежного обращения, авторы пишут, что, во-первых, лица прежде всего пользуются и владеют имуществом и редко прибегают к актам распоряжения и, во-вторых, право собственности закрепляет прежде всего формы собственности как основу производственных отношений³. И заключительный вывод: «Гражданское право является формой закрепления и выражения не т о л ь к о отношений экономического оборота, н о п р е ж д е в с е г о и отношений собственности»⁴.

К мысли, что имущественные отношения собственности «сами по себе» являются предметом гражданско-правового регулирования, склоняется и В. Кнапп. Он выделяет имущественные отношения, «в которых обе стороны признают себя собственниками (управляющими), т.е. отношения обмена, регулируемые обязательственным правом»⁵. Указанные отношения являются «отношениями реализации меновой стоимости, которые осуществляются в сфере действия зако-

¹ О предмете советского гражданского права (К итогам дискуссии) // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 53. (Разрядка наша. — С.А.)

² Там же. С. 54 и след.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. (Разрядка наша. — С.А.)

⁵ *Knapp В.* По поводу дискуссии в системе права // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 119.

на стоимости»¹. Н а р я д у с э т и м В. Кнапп обособляет «экономические отношения присвоения, регулируемые правом собственности»², — отношения, которые являются «отношениями по реализации потребительной стоимости»³.

Можно ли согласиться с тем, что советское гражданское право регулирует отношения собственности «вообще», независимо от товарного производства?

На наш взгляд, с этим согласиться нельзя. В социалистическом обществе имущественные отношения собственности регулируются рядом отраслей советского права. Гражданское право регулирует лишь о п р е д е л е н н ы й у ч а с т о к этих отношений.

Интересно, что и авторы цитированной выше редакционной статьи указывают на то, что «институт права собственности не может быть, конечно, ограничен только рамками гражданского права — отношения собственности регулируются также нормами других отраслей права, в частности, государственного права...»⁴. Но они указывают на это мимоходом, после того, как уверенно и категорически провели мысль о регулировании советским гражданским правом имущественных отношений собственности «вообще». Между тем приведенное положение должно быть взято в качестве отправного, исходного: задача состоит как раз в том, чтобы обособить из всей массы имущественных отношений собственности ту их группу, которая опосредствуется в гражданско-правовом порядке.

Изложенный в предшествующих разделах работы материал по вопросу предмета гражданского права дает, как нам представляется, возможность решить указанную задачу с достаточно устойчивых теоретических позиций. Заметим сначала, что сама по себе «реализация потребительной стоимости» (потребление) не требует конкретизированного правового регулирования. Здесь достаточно з а к р е п л е н и я определенных юридических возможностей, что специфично для регулирования, осуществляемого государственным и административным правом. Равным образом нельзя признать существенным для решения вопроса о гражданско-правовом регулировании соображение о том, что лица прежде всего пользуются и владеют имуществом и ред-

¹ Кнапп В. По поводу дискуссии в системе права // Советское государство и право. 1957. № 5. С. 119.

² Там же.

³ Там же.

⁴ О предмете советского гражданского права (К итогам дискуссии) // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 53.

ко прибегают к актам распоряжения: сами по себе отношения пользования и владения могут либо вообще не регулироваться правом, либо опосредствоваться нормами государственного и административного права. Гражданское право регулирует отношения по пользованию и владению не «вообще», а лишь в случаях, когда владение и пользование получают с п е ц и ф и ч е с к о е в ы р а ж е н и е.

Какие же имущественные отношения собственности регулируются советским гражданским правом? Правильное в основном решение этого вопроса предложено Д.М. Генкиным. «Определяя предмет советского гражданского права областью товарно-денежного обращения, — пишет автор, — мы имеем в виду не только правовое оформление динамики обращения... но и статику — обладание товарами»¹.

Это положение Д.М. Генкин поясняет на примере государственной собственности: государственная собственность «регулируется различными отраслями социалистического права; предметом гражданско-правового регулирования она является в том случае, когда выступает как стоимость в основанных на юридическом равенстве отношениях субъектов правоотношения»². И конечный вывод: «...предметом советского гражданского права являются имущественные отношения в сфере товарно-денежного обращения... и отношения собственности в их связи с товарно-денежным обращением как предпосылки и результат последнего»³.

Связь с товарным производством как решающее основание гражданско-правовой квалификации имущественных отношений собственности не следует понимать упрощенно. Товарное производство, как мы видели, возникает тогда, когда уже имеются определенные отношения собственности. Следовательно, отношения собственности, выступающие т о л ь к о в качестве предпосылки товарно-денежных отношений, не входят в сферу гражданско-правового регулирования. Эти отношения объективно требуют регулирования со стороны институтов советского гражданского права лишь постольку, поскольку они о д н о в р е м е н н о являются и предпосылкой, и результатом товарного производства.

Иными словами — имущественные отношения собственности регулируются гражданским правом лишь в той мере, в какой они сложи-

¹ Генкин Д.М. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 106.

² Там же.

³ Там же. (Разрядка наша. — С.А.)

лись под воздействием товарного производства и в то же время определяют его дальнейшее функционирование. Выражением этого является характер распоряжения лицом вещественным составом собственности — юридическая власть лица в отношении вещей (средств производства и предметов потребления), при осуществлении которой возможен переход «власти» от одного лица к другому.

Специфическое выражение получают здесь и отношения владения, а также отношения пользования: они в условиях товарного производства в определенной степени отражают особенности имущественных отношений собственности в целом.

Таким образом, связь имущественных отношений собственности, регулируемых гражданским правом, с товарным производством не означает того, что в каждом отдельном случае должны быть найдены нити, соединяющие данное гражданское отношение с конкретным товарно-денежным отношением.

Речь идет о характере имущественных отношений собственности, о том, что товарное производство придает указанным отношениям специфические черты, которые обуславливают применение к ним гражданско-правовой формы регулирования.

Однако мы сослались на связь рассматриваемой группы имущественных отношений с товарным производством не для того, чтобы принизить роль институтов права собственности в системе гражданского права. Институты права собственности как гражданско-правовые институты закрепляют важнейшие формы имущественно-распорядительной самостоятельности участников отношений, складывающихся на основе товарного производства. С этой точки зрения гражданско-правовые институты собственности по сравнению с институтами обязательственного права могут быть охарактеризованы в качестве первичных, основополагающих.

Поскольку отношения собственности, являющиеся предпосылкой товарно-денежных отношений, сами в свою очередь сформировались под воздействием товарного производства, они регулируются гражданским правом, причем это регулирование имеет по отношению к регулированию отношений товарного обращения первичное значение. С другой стороны, имущественные отношения, опосредствуемые институтами обязательственного права, в конечном счете также являются отношениями собственности — отношениями собственности, находящимися в состоянии динамики (оборота).

Не лишне будет еще раз отметить, что все имущественные отношения так или иначе выражают собственность (как сторону производственных отношений). Используемому в предшествующем изложении термину «имущественные отношения собственности» придано условное значение: этот термин обозначает имущественные отношения, выражающие определенное состояние собственности, ее статику, когда эти отношения регулируются институтами права собственности.

Вывод, согласно которому право собственности выражает статику имущественных отношений, — вывод, поддержанный рядом советских ученых¹, встретил возражения со стороны О.С. Иоффе. Какими же аргументами оперирует автор? Он пишет: «...право собственности выражает не только статику, но и динамику общественного производства, что особенно наглядно проявляется в таких правомочиях, как пользование, которое осуществляется в самом процессе производства, и распоряжение, которое осуществляется и в производстве (фактическое распоряжение), и в обращении (юридическое распоряжение)»². Едва ли эти аргументы могут подтвердить тезис, отстаиваемый автором. Осуществление правомочий пользования в сфере производства (поскольку пользование вообще нуждается в правовом опосредствовании) происходит на основе норм административного и трудового права. Что же касается правомочий распоряжения, то «юридическое распоряжение всегда осуществляется не в форме правоотношений собственности, а в форме обязательственных (договорных) правоотношений...»³. И наконец, самое главное — «статику» применительно к праву собственности следует понимать не в смысле «процесса производства», который, конечно, невозможен без права собственности, а в смысле состояния собственности как стороны производственных отношений.

Если попытаться сопоставить имущественные отношения в состоянии «статики» и имущественные отношения в состоянии «динамики», то первые из названных отношений должны быть изображены в качестве «базовых» — отношений, являющихся «первым словом» в предмете гражданско-правового регулирования. Таково же соотношение и институтов права собственности, с одной стороны, а с другой — институтов обязательственного права.

Правоотношения собственности являются необходимым звеном в системе правовых связей, посредством которых осуществляет-

¹ См., например: Советское гражданское право: Учебник для юрид. школ / Под ред. С.Н. Братуся. Госюриздат, 1950. С. 169 и др.

² *Иоффе О.С.* Об основных вопросах советского гражданского права // Ученые записки ЛГУ. Сер. юрид. наук. Вып. 4. 1953. С. 49.

³ *Иоффе О.С.* Советское гражданское право: Курс лекций. Общая часть. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 276.

ся гражданско-правовое регулирование, причем они составляют начальное звено этой системы — ту конкретную правовую базу, на основе которой складываются все иные гражданские правоотношения. Но именно потому, что правоотношения собственности — это *на-ч а л ь н о е* звено в системе гражданско-правовых связей, они не могут быть охарактеризованы как *о с н о в н о й* слой, составляющий его *г л а в н о е с о д е р ж а н и е*, непосредственно выражающий специфические функции гражданско-правового регулирования. Следовательно, ведущее *з н а ч е н и е* институтов права собственности в системе советского гражданского права отнюдь не препятствует квалификации институтов обязательственного права как институтов, характеризующих *о с н о в н о е с о д е р ж а н и е* рассматриваемой отрасли.

Но если это верно, то, следовательно, анализ правоотношений собственности под углом зрения особенностей метода гражданско-правового регулирования требует особого подхода. Здесь специфические черты метода выражены *с л а б е е*, чем в институтах, образующих «рабочую часть» гражданско-правового регулирования, — институтах обязательственного права. Поэтому в правоотношениях собственности не так отчетливо и ярко дает о себе знать юридическое равенство сторон. Значительное число юридических фактов в этой области относится к односторонним актам, в том числе к индивидуальным актам органов советского государственного управления.

Содержание правоотношений собственности определяется исключительно в нормативном порядке. «... Договор купли-продажи, — справедливо пишет Д.М. Генкин, — является при передаче права собственности только юридическим фактом, обосновывающим возникновение субъективного права собственности у данного лица, но не определяющим его содержание»¹.

Значительный удельный вес при охране права собственности имеют уголовно-правовой и административно-правовой способы защиты субъективных прав² и т.д.

Характеризуя особенности выражения в правоотношениях собственности специфических черт метода гражданско-правового регулирования, необходимо иметь в виду еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Если в гражданско-правовом порядке регулируют-

¹ *Генкин Д.М.* Право собственности как абсолютное субъективное право // Советское государство и право. 1958. № 6. С. 101.

² См.: *Венедиктов А.В.* Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. Изд-во АН СССР, 1954. С. 40 и след.

ся имущественные отношения собственности в их непосредственной связи с товарно-денежными отношениями, то это не значит, что гражданско-правовое регулирование отношений собственности может быть изолировано от правового регулирования этих отношений в целом. В целом же имущественные отношения собственности регулируются — закрепляются путем предоставления лицам определенных правомочий — нормами государственного права. Поэтому в сферу действия гражданского права в определенной степени проникают принципы регулирования государственно-правового типа.

В этом отношении значительный научный интерес представляет характеристика субъективного права собственности, предложенная Д.М. Генкиным. Правда, по мнению Д.М. Генкина, право собственности как абсолютное право существует в неправоотношения¹. Однако автор под правоотношениями понимает только правовые связи, конкретизированные по субъектам, явно склоняясь к модели обязательственного отношения. Между тем сам же Д.М. Генкин пишет, что «субъективное право — это обеспеченная законом возможность определенного поведения, которому корреспондирует обязанность других лиц и возможность при нарушении субъективного права обратиться к принудительной силе государственных органов»².

Таким образом, в конечном счете автор лишь показывает, что возможно существование таких субъективных прав, которым не корреспондирует обязанность конкретных лиц по совершению (или воздержанию от совершения) определенных действий. Но именно этот вывод и является ценным. Предоставление лицам объективным порядком субъективных прав всеобщего (абсолютного) характера либо предоставление лицам конкретных субъективных прав с возложением на всех третьих лиц обязанности всеобщего характера — это и есть то специфическое, что характерно для метода государственно-правового регулирования. Те особенности, которые в отношении права собственности отмечаются цивилистической наукой, в значительной мере являются особенностями не гражданского, а государственного права.

Следует иметь в виду, что проникновение в область гражданского права некоторых начал, свойственных государственно-правовой фор-

¹ Генкин Д.М. Указ. соч. С. 93–95.

² Там же. С. 94. (Разрядка наша. — С.А.)

ме регулирования, не ограничивается институтами права собственности. Основные условия правообладания, содержание правосубъектности, порядок применения соответствующих источников права и др. — все это, включаясь в сферу той или иной отрасли права, в то же время составляет область действия государственно-правовой формы регулирования. Как справедливо подмечено Г.С. Гурвичем, государственно-правовые отношения «примешиваются» в определенной степени ко всем другим отраслям¹. Поэтому в тех правовых связях, которые затрагивают, например, правоспособность и дееспособность, также в определенной мере выражаются характерные черты государственно-правовой формы регулирования общественных отношений. Это, в частности, относится к характеру юридических фактов, с которыми нормы права связывают возникновение, изменение и прекращение гражданской правосубъектности граждан и социалистических организаций, способам формирования содержания соответствующих правоотношений и др.

Итак, своеобразие правоотношений собственности (а также некоторых иных правовых связей) ни в коей мере не колеблет вывода о специфических чертах метода гражданско-правового регулирования. Мы можем сказать даже больше. То, что в области правоотношений собственности, а также некоторых иных правоотношений столь существенна роль односторонних актов, императивного способа формирования содержания правоотношений и др., лишь подтверждает мысль о решающем значении специфических черт метода гражданско-правового регулирования непосредственно в пределах отношений гражданского оборота. Было бы, напротив, странно и непонятно, если бы специфические черты гражданско-правовой формы регулирования, его особые функции, связанные с динамикой отношений собственности, были бы в равной степени характерны и для первого, начального слоя гражданских правоотношений, где имеет место переход от государственно-правовой формы регулирования к материальному праву — к гражданско-правовой форме регулирования.

4. Специфические черты метода гражданско-правового регулирования неодинаково проявляются и в пределах институтов обязательственного права.

Наиболее ярко черты метода гражданско-правового регулирования выражены в обязательственных институтах, регулирующих отноше-

¹ Гурвич Г.С. Некоторые вопросы советского государственного права // Советское государство и право. 1957. № 12. С. 110.

ния по передаче вещей, производству работ, оказанию услуг. В связи с этим следует заметить, что спорность вывода О.А. Красавчикова, когда он обозначает указанные институты через термин «гражданский оборот»¹, не умаляет плодотворности идеи о необходимости каким-то образом выделить институты обязательственного права, опосредствующие «нормальные» (положительные) имущественные отношения в области динамики собственности. Именно здесь находится тот центр гражданско-правового регулирования, где с особой силой дает о себе знать своеобразие советского гражданского права как особой отрасли социалистического права. Вот почему, в частности, обязательственные отношения рассматриваемого вида зачастую именуется «договорами»: договорные соглашения являются здесь не только типическим правообразующим юридическим фактом, но и по большей части необходимым способом формирования содержания прав и обязанностей сторон.

Однако и среди институтов, регулирующих отношения по передаче вещей, производству работ, оказанию услуг, имеются комплексы правовых норм, в которых характерные черты метода гражданско-правового регулирования находят лишь косвенное выражение. Такой характер свойствен институтам, опосредствующим отношения по о с у щ е с т в л е н и ю субъективных прав по гражданским обязательствам (в частности, институтам по расчетам между социалистическими хозяйственными организациями, где юридические факты, способы формирования содержания правоотношений и другие имеют весьма существенные особенности). Не случайно именно при осуществлении субъективных гражданских прав в качестве юридических фактов гражданского права нередко выступают п р о ц е с с у а л ь н ы е а к т ы.

До тех пор пока те или иные формы принудительного осуществления субъективных прав не выделились в особую область правового нормирования, акты, являющиеся основаниями движения правоотношений по принудительному осуществлению субъективных прав, относятся к актам материального права. В пределах же процессуальной отрасли аналогичные акты изменяют свою природу, приобретая характер процессуальных (в том числе судебных) актов. Но их роль по отношению к субъективным правам, предоставленным лицам в порядке материально-правового нормирования, от этого не изме-

¹ Красавчиков О.А. Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) // Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса / Ученые записки СЮИ. Т. V. Госюриздат, 1957. С. 17, 20.

няется. Как в том, так и в другом случае они являются фактами, обуславливающими принудительное осуществление субъективных прав. С этой стороны такие узловые акты гражданско-процессуального права, как иск, судебное (арбитражное) решение и прочие, имеют о п р е д е л е н н о е материально-правовое значение. Они включаются в качестве элементов фактического состава, необходимого для движения материального правоотношения на известной стадии его развития — на стадии осуществления.

Именно так подходит к интересующему нас вопросу О.А. Красавчиков, который вполне основательно указывает на то, что «судебное решение, отражая особую ступень в развитии субъективного гражданского права, сообщает последнему на основе норм права и юридических фактов допроцессуального (досудебного) развития правоотношения силу принудительного осуществления»¹. Аналогичную характеристику автор дает судебному иску². Правда, на наш взгляд, О.А. Красавчиков подобной трактовкой судебного решения не дал ответа на вопрос о видах исков — вопрос, который требует решения с позиций характеристики судебного решения как способа конкретизации содержания гражданского правоотношения³. Однако, если не требовать от этой концепции большего, чем она может дать, то выводы, сделанные О.А. Красавчиковым, представляются нам правильными. Необходимо лишь, несколько изменив постановку вопроса, говорить не о судебном решении, а о процессуальных актах, понимая под последними не только акты юрисдикционных органов (включая органы арбитража и нотариата), но и определенные акты, исходящие от сторон спорного правоотношения (иск, признание иска, мировая сделка).

Рассматриваемая концепция материально-правового значения процессуальных актов в полной мере соответствует выдвинутым выше положениям, согласно которым для советского гражданского права характерны специфические виды юридических фактов, отражающих материальную природу и структурные черты этой формы правового регулирования. Ученые, отрицающие за судебным решением значение юридического факта гражданского права, исходят из упрощенного, схематического представления о юридических фактах. Они берут лишь узловые моменты в движении правоотношения (возникновение, изменение, прекращение), а так как судебное решение (процессуальный акт) действительно не может породить вновь, изменить по содержанию или субъектам либо прекратить гражданские правоотношения, отсюда делается вывод, что решение не имеет функции юридического

¹ Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. Госюриздат, 1958. С. 143.

² Там же. С. 142.

³ См.: Зейдер Н.Б. Судебное решение и спорное право // Правоведение. 1958. № 2. С. 79 и след.

факта материального права¹. С наибольшей четкостью эту мысль, как нам кажется, выразила Н.А. Чечина, когда, указав, что из решения вытекают определенные обязанности, она тут же отметила: «...не решение является первопричиной этих обязанностей, обязанности вытекают из существования или несуществования правоотношений, а решение определяет порядок и сроки их выполнения на основе действующего законодательства»². Но разве из того, что судебное решение не является первопричиной известных обязанностей, следует, что оно вообще не может быть юридическим фактом? Конечно, нет, ибо движение гражданского правоотношения не может быть сведено к трем главным этапам его развития³. Однако суждения противников разделяемой нами трактовки материально-правового действия процессуальных актов все же представляют определенную теоретическую ценность — ценность в том отношении, что они с достаточной убедительностью подтверждают мысль о б о г р а н и ч е н н о й р о л и процессуальных актов в движении гражданских правоотношений. Процессуальные акты — это в т о р и ч н ы е юридические факты советского гражданского права: их материально-правовое действие базируется на с у щ е с т в у ю щ и х гражданских правоотношениях. Следовательно, анализ юридических фактов советского гражданского права, проводимый под углом зрения его специфических черт как особой формы правового регулирования, не может быть ограничен здесь простой ссылкой на материально-правовое действие процессуальных актов: характер этого действия таков, что он обязывает исследователя идти дальше и, обращаясь непосредственно к материальному правоотношению, искать «п е р в о п р и ч и н у» его возникновения и существования — «первопричину», которая характеризуется через юридические факты, являющиеся основаниями движения первоотношений по передаче вещей, производству работ, оказанию услуг.

Весьма своеобразное положение в системе гражданского права занимают обязательственно-правовые институты, регулирующие отношения по возмещению лицу внедоговорного имущественного вреда. В гражданско-правовом законодательстве правоотношения, связан-

¹ См. подробнее: *Зейдер Н.Б.* Спорный вопрос гражданского процесса (к допустимости преобразовательных исков в советском праве) // Советское государство и право. 1947. № 4. С. 36 и след.; *Его же.* Судебное решение в советском гражданском процессе: Автореф. дис. ... 1955. С. 19 и след.; *Клейнман А.Ф.* Советский гражданский процесс: Учебник для юрид. вузов. 1954. С. 148 и след.; *Юдельсон К.С.* Советский гражданский процесс: Учебник для юрид. вузов. Госюриздат, 1956. С. 210 и след.

² *Чечина Н.А.* Судебное решение как акт государственной власти // Ученые записки ЛГУ. Сер. юрид. наук. Вып. 5. 1954. С. 151.

³ См.: *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. Госюриздат, 1958. С. 136.

ные с внедоговорными деликтами, получили нормативную регламентацию наряду с регламентацией договорных обязательственных отношений. А так как последние квалифицируются как обязательства, то и деликтные правоотношения получили регламентацию под рубрикой «обязательства» (хотя законодатель непосредственно в тексте нормативных постановлений избегает употребления этого термина). По этой же линии пошла и научная мысль: в литературе стало уже традицией рассматривать правоотношения, возникающие из внедоговорного деликта, в качестве самостоятельного обязательства, которое характеризуется как однопорядковое с договорными обязательствами.

Однако попытаемся проверить, насколько допустимо такое классификационное приравнивание договорных и внедоговорных относительных правоотношений? Отправным для решения этого вопроса должно быть признано социальное значение тех и других отношений. Достаточно подойти к рассматриваемой проблеме с таких позиций, как сразу же обнаруживается, что их характеристика в плоскости «обязательств вообще» требует известных уточнений.

Посредством обязательств, основанием возникновения которых являются правомерные действия — акты (договоры, односторонние сделки, индивидуальные акты органов советского государственного управления), советское гражданское право осуществляет разностороннее воздействие на общественные отношения социалистического общества. Эти обязательственные отношения являются проводниками всех функций права — и функции регулятивно-динамической (возложение на лиц обязанностей активного содержания), и функции регулятивно-статической (возложение на лиц пассивных обязанностей); наконец, в силу этих же договорных отношений осуществляется и правоохранительная функция (ликвидация последствий правонарушений). Присоединяясь по этому вопросу к мнению Е.А. Флейшиц, согласно которому обязательства из договоров, односторонних сделок и актов планирования «служат правовой формой нормальных хозяйственных связей между участниками советского гражданского оборота»¹, следует лишь заметить, что быть правовой формой нормальных хозяйственных связей — значит не только закреплять и содействовать развитию этих связей, но и охранять их.

¹ Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. Госюриздат, 1951. С. 11.

Какие же функции правового регулирования осуществляют относительные правоотношения, возникающие из внедоговорных правонарушений? Очевидно, т о л ь к о правоохранительные функции, так как указанные отношения возникают из н е п р а в о м е р н ы х действий — действий, н а р у ш а ю щ и х нормальные хозяйственные отношения.

«Непосредственной целью обязательств из причинения вреда является устранение последствий такого нарушения, восстановление нормального правового и хозяйственного положения»¹. Конечно, указанные правоотношения играют известную роль также и в проведении других («положительных») функций объективного права, но только лишь «имеют значение»: прямо и непосредственно правовых функций по регулированию «нормальных» хозяйственных связей они не воплощают.

Таким образом, выходит, что договорные и внедоговорные обязательства не могут рассматриваться как правоотношения, находящиеся на о д н о й плоскости. Внедоговорные обязательства являются средством проведения лишь одной из тех многих функций, на осуществление которых направлены обязательственные отношения, возникающие из правомерных действий. Поэтому в общем плане они несопоставимы. Сопоставимыми являются лишь внедоговорные обязательства в целом и ч а с т ь договорных обязательственных отношений — та часть, которая состоит из правоотношений, порожденных договорным п р а в о н а р у ш е н и е м — неисполнением лицом возложенной на него обязанности.

Каково же место рассматриваемых отношений в системе гражданско-правовых обязательств? Отвечая на этот вопрос, необходимо учитывать, что при всяком внедоговорном причинении вреда имеет место нарушение о п р е д е л е н н о г о с у б ь е к т и в н о г о п р а в а². Объектами правонарушения являются не только нормы объективного права, но защищаемое правом общественное отношение и сообразно с этим то или иное право в субъективном смысле.

Отсюда неизбежен вывод — обязательства из противоправных действий являются в т о р ы м с л о е м правовых отношений, они не могут рассматриваться как абсолютно самостоятельные обязательства — самостоятельные в т о м ж е с а м о м с м ы с л е, что и договорные обязательственные отношения, опосредствующие

¹ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 12.

² См. там же. С. 38–40.

нормальные хозяйственные связи социалистического гражданского оборота. И советская юридическая наука давно уже встала на путь именно такой трактовки «обязательств по возмещению внедоговорного вреда»: большинство советских авторов рассматривают их как одну из правовых форм охраны права общественной социалистической собственности и права личной собственности граждан. Первый же слой правовых связей, на базе которых возникают обязательства из причинения внедоговорного вреда, составляют гражданские правоотношения, закрепляющие «вещное» (абсолютное) субъективное право, и прежде всего субъективное право собственности.

Почему мы говорим «вещные» субъективные права, а не ограничиваемся только ссылкой на право собственности? Мы рассматриваем как крайние те точки зрения, одна из которых считает универсальной защитой всех субъективных прав «договорных» обязательств посредством правоотношений, возникающих из причинения вреда¹, а другая начисто отрицает такую возможность². По нашему мнению, более правильный взгляд по рассматриваемому вопросу защищает Е.А. Флейшиц, которая полагает, что «внедоговорной защите» подлежат лишь отдельные субъективные права, складывающиеся в рамках договорных обязательств. Но что это за субъективные права? Е.А. Флейшиц не дает им, к сожалению, точной юридической квалификации. Она говорит лишь, что такого рода защита имеет место в тех случаях, когда «кредитор не только вооружен притязанием в случаях неисполнения должником своей обязанности, но и уполномочен на совершение разнообразных положительных действий»³. Однако субъективные права, дающие управомоченному возможность активного поведения, — это, на наш взгляд, именно «вещные» (в условном смысле) правомочия в сфере обязательственных отношений.

Необходимо подчеркнуть, что правоотношения, складывающиеся при внедоговорном причинении вреда, в общем являются самостоятельными. Они возникают постольку, поскольку имело место умаление или полное уничтожение вещного субстрата права собственности (в противном случае возникает лишь индивидуализированное правоотношение, обосновывающее возможность вин-

¹ Райхер В.К. Абсолютные и относительные права // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. Вып. I (XXV). С. 300.

² Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Юриздат, 1940. С. 26–27.

³ Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. Госюриздат, 1951. С. 36.

дикационной или негативной исковой защиты). Субъекты обязательств по возмещению вреда до противоправного действия между собой не связаны каким-либо индивидуализированным правоотношением, предопределяющим их взаимную ответственность. Но указанные правоотношения самостоятельны не «вполне», не абсолютно; их самостоятельность имеет относительный характер, так как его стороны еще до факта деликта были связаны абсолютными правоотношениями по линии права собственности и других субъективных вещных прав. Здесь, так же как и при договорном деликте, происходит определенное преобразование правовых отношений. Оно, несомненно, глубже и своеобразней, чем при договорных правонарушениях, глубже и своеобразней потому, что всеобщая связь лиц, специфичная для вещных субъективных прав, в результате внедоговорного деликта преобразуется для данных субъектов в индивидуализированную. Рожденная на базе вещных правоотношений эта юридическая связь конкретных лиц приобретает свои относительно самостоятельные формы существования, в силу чего последующий (после правонарушения) факт перехода права собственности в порядке единичного правопреемства не может повлечь за собой изменений в субъектном составе индивидуализированного правоотношения¹. В качестве индивидуализированного правоотношения оно существует впервые и в этом смысле должно быть квалифицировано как самостоятельное. Но все это не может поколебать нашего главного вывода — правоотношения по возмещению вреда не являются вполне самостоятельными с точки зрения функций правового регулирования. В отличие от договорных обязательств, проводящих все функции правового регулирования, они воплощают лишь одну из таких функций — функцию правоохранительную, что требует при анализе форм выражения в них специфических черт метода гражданско-правового регулирования иметь в виду всю совокупность гражданско-правовых отношений.

Следовательно, мы пошли бы по ложному пути, если при характеристике специфических черт метода гражданско-правового регулирования взяли бы правоотношения по возмещению внедоговорного вреда изолированно, как таковые, вне связи с другими гражданскими правоотношениями. Специфика их роли в системе правового регули-

¹ См.: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. Юриздат, 1940. С. 25–26; *Генкин Д.М.* Право собственности как абсолютное субъективное право // Советское государство и право. 1958. № 6. С. 100.

рования определяет необходимость более широкого подхода, при котором отчетливо дают о себе знать характерные черты метода гражданско-правового регулирования.

С аналогичной позиции, как мы полагаем, необходимо подойти к исследованию так называемых обязательств из неосновательного обогащения (приобретения или сбережения имущества за счет другого лица). Правда, основания возникновения такого рода обязательств не получили до сих пор в литературе достаточно полной и точной квалификации. Был высказан взгляд, что обязательства по возврату неосновательно приобретенного или сбереженного имущества могут возникнуть как из событий, так и из действий, включая действия правомерные и неправомерные¹. Приводились доводы и в пользу того, что для этих обязательств специфичен «вполне правомерный характер сделанного приобретения или сбережения»². Однако, как нам представляется, из поля зрения авторов, исследовавших правоотношения указанного вида, ускользало не менее важное обстоятельство, что во всех случаях неосновательного получения или сбережения имущества одним лицом за счет другого у этого лица определенное субъективное право оказывается нарушенным. Внимание исследователей обычно концентрируется на «неосновательности» приобретения или сбережения имущества. Но если дело было лишь в «неосновательности» обогащения, то оставалось бы совершенно неясным, почему только в случае, предусмотренном ст. 402 ГК, неосновательное обогащение обращается в доход государства, а, как общее правило, к обогатившемуся имеет право требования определенный субъект. Нам могут сказать — это имеет место потому, что имущество приобретено или сбережено за счет другого лица, приобретение или сбережение имущества в заимообусловлено с потерей имущества указанным лицом. Но если не придерживаться взгляда о возможности ущемления интереса без нарушения субъективного права, то нельзя не признать, что такая «потеря имущества» с правовой стороны сопряжена с нарушением субъективного права.

Другой вопрос, что действия обогатившегося не всегда могут быть охарактеризованы как противоправные (например, в случае, когда противоправный характер имеют действия третьего лица или в случае имущественных представлений со стороны самого «потерпевшего»). Следует также учитывать, что сфера правоотношений по возвращению недолжно полу-

¹ См.: Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. Госюриздат, 1951. С. 213–215; ср. также: Азарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Юриздат, 1940. С. 158.

² Рясенцев В.И. Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в гражданском праве // Ученые записки МГУ. 1949. С. 89.

ченного или сбереженного изъята из действия такого общего основания освобождения от ответственности, как невиновность. Но разве все это дает основание полагать, что здесь отсутствует объективный факт нарушения субъективного права лица?

Но если правоотношения из неосновательного получения или сбережения имущества в качестве общего основания своего возникновения имеют объективный факт нарушения субъективного права, то, следовательно, и здесь исследование специфических черт метода гражданско-правового регулирования не может останавливаться только на данных правоотношениях, а должно идти дальше — в глубь правовых связей, являющихся основой, базой изучаемых обязательств, которые, так же как и обязательства из причинения вреда, оцениваются в литературе как средства защиты социалистической собственности и личной собственности граждан. Впрочем, если даже отклонить трактовку рассматриваемых обязательственных отношений как отношений, возникающих из специфического случая правонарушения (понимаемого в объективном смысле), то их квалификация в качестве правоотношений вторичного характера вряд ли может встретить сомнения. «Вторичность» отношений выражена здесь даже более отчетливо, чем в обязательствах из причинения внедоговорного вреда, ибо правоотношения, регулируемые ст. 399—402 ГК, складываются по большей части на базе не вещных, а обязательственных правовых связей, причем той их части, которая относится к осуществлению субъективных прав, возникающих из договоров, односторонних сделок, плановых актов. А так как отношения по осуществлению субъективных прав (например, по денежным расчетам) сами имеют вторичный характер, то производность наплавающих над ними обязательств из неосновательного обогащения становится еще более очевидной.

5. Специфические черты метода гражданско-правового регулирования находят неординарное выражение не только в пределах двух главных подразделений советского гражданского права — права собственности и обязательственного права. Можно показать также, что весьма существенные особенности имеются в степени и формах выражения признаков метода в других разделах советского гражданского права. Сошлемся в порядке иллюстрации этого тезиса на своеобразии институтов советского наследственного права.

Нетрудно заметить, что наследственные отношения, рассматриваемые под углом зрения признаков метода гражданско-правового регулирования, отличаются от обязательственных правоотношений, в том числе правоотношений, направленных на передачу вещей, производство работ, оказание услуг. Здесь еще больший

удельный вес имеет нормативное урегулирование содержания прав и обязанностей сторон. Возникновение правоотношений по наследованию в значительной мере обусловлено фактами, не имеющими правозначного волевого содержания — юридическими событиями. Говоря об одной из групп наследственных правоотношений — правоотношений в связи с открытием наследства, — Б.С. Антимонов и К.А. Граве пишут, что указанные правоотношения «возникают *независимо от воли* наследников, для них открытие наследства — не действие, а событие»¹. Ссылку на то, что при наследовании отсутствует воздействие лиц на правоотношение и его содержание, мы найдем и у других авторов².

Чем все это можно объяснить?

Дело в том, что наследственные правоотношения в системе гражданско-правового регулирования представляют собой особую группу правовых связей. Наследственные правоотношения опосредствуют не какие-либо особые материальные процессы; они не предоставляют носителю субъективного права юридические возможности в отношении каких-то новых материальных благ или благ, подчиненных иному режиму правоотношений, а касаются лишь смены субъектов в существующих, реально функционирующих правоотношениях. По своим основным очертаниям система «материальных» гражданских правоотношений здесь не претерпевает каких-либо изменений (кроме прекращения отдельных обязательственных правоотношений, тесно связанных с личностью наследодателя, и «дробления» правоотношений при наличии нескольких наследников): режим действующих правоотношений в основном сохраняется, изменяется лишь одно — на место вышедшего субъекта (в результате его смерти или признания в установленном порядке умершим) заступает новое лицо (или лица). Наследственные правоотношения, следовательно, затрагивают лишь процесс смены субъектов — участников других «материальных» правоотношений, сообразно с чем они никакого положительного движения в самом гражданском обороте не выражают.

На эту черту наследственных правоотношений необходимо обратить особое внимание. Она отражает то главное в наследовании, что характеризует его экономическую и социальную природу. Только таким образом оказывается возможным связать правовую харак-

¹ Антимонов Б.С., Граве К.А. Советское наследственное право. Госюриздат, 1955. С. 55.

² См., например: Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 65.

теристику наследования с его экономической, социальной сущностью. «*Наследование*, — подчеркивал К. Маркс, — не *создает*... возможности перекладывать плоды труда одного человека в карман другого — оно касается л и ш ь с м е н ы лиц, обладающих этой возможностью»¹.

Отмеченные выше особенности наследственных правоотношений способствуют уяснению некоторых трудных вопросов, в том числе вопросов, относящихся к основаниям их движения.

Если даже безоговорочно согласиться с тем, что существование наследственных правоотношений не вызвано волей их участников, то это ни в коей мере не может поколебать значения сделанных выше выводов о специфических чертах метода гражданско-правового регулирования. Будучи правообразующими для наследственных правоотношений, юридические события в совокупности с другими обстоятельствами играют для «материальных» отношений т о л ь к о п р а в о и з м е н я ю щ у ю роль. Между тем характеристика юридических фактов под углом зрения особенностей метода правового регулирования должна быть сосредоточена именно вокруг правоотношений, образующих его главное содержание, — правоотношений, непосредственно связанных с материальными процессами советского гражданского оборота.

Однако так ли свободны сами наследственные правоотношения от определяющего воздействия индивидуальной воли лиц, как это кажется при внешнем их анализе? Нам представляется, что роль юридических событий как правообразующих фактов для наследственных правоотношений несколько преувеличена. И здесь довольно выпукло проявляются специфические черты гражданско-правовой формы регулирования.

В подтверждение того, что специфические черты метода гражданско-правового регулирования выражаются в наследственных правоотношениях и что роль юридических событий как правообразующих оснований этих юридических отношений нередко преувеличивается, можно привести соображения двоякого характера.

В о - п е р ы х, наследственные правоотношения могут быть обусловлены индивидуальной волей наследодателя посредством односторонней сделки — завещания. Но даже в случаях, когда завещания нет, неверно было бы полностью исключать воздействие волевого момента на возникновение наследственных правоотношений. Поскольку речь идет о дееспо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XIII. Ч. 1. С. 336. (Разрядка наша. — С.А.)

собном наследодателе, отсутствие завещания – это тоже факт, имеющий юридическое значение. В большинстве случаев к тому же здесь можно констатировать наличие воли на то, чтобы призвание к наследству было осуществлено в порядке, предусмотренном законом. Конечно, было бы рискованно придавать этой презумпции воли наследодателя значение юридического предположения. Но разве не должно быть признано весьма красноречивым само содержание постановлений закона? Ведь очевидно, что в силу закона имущество наследодателя переходит «к лицам, которым, по разумному предположению закона, он сам должен был бы его предназначить...»¹. Именно поэтому, как нам кажется, в жизни наследование по завещанию – сравнительно редкое явление.

В о - в т о р ы х, юридические события в динамике наследственных правоотношений являются лишь элементами сложного фактического состава; в конечном счете и здесь решающее значение имеют волевые акты участников правоотношений. В какой-то мере такой характер юридических событий в области наследственных правоотношений подметил Н.Г. Александров, когда, указав на то, что гражданин «становится по закону наследником имущества... независимо от своего сознания и воли», он тут же подчеркнул: «...но это отношение допускает нормативное регулирование, поскольку принятие наследства или отказ от него уже зависит от воли наследника...»². Однако можно ли рассматривать волевое участие наследников в правоотношениях только в плане осуществления субъективного права? По-видимому, нет, ибо в тот момент, когда наследник принимает наследство, эти правоотношения еще не развились; само право на принятие наследства является лишь результатом незавершенного фактического состава. Поэтому осуществление последнего влечет за собой не прекращение наследственных правоотношений, а, напротив, достижение ими той степени зрелости, когда они дают активной стороне не право на п р и н я т и е наследства, а право на само н а с л е д с т в о.

Если сбросить со счета некоторую неточность формулировок, то вывод, сделанный О.С. Иоффе, – вывод, согласно которому «реальное значение наследственного права состоит не в том, что его носитель вообще имеет данное право, а в том, что последнее является юридическим основанием для возникновения нового права, – права собственности»³, представляется в основном убедительным. Повторяем, с точки зрения точности формулировок позиция автора нуждается в некоторых коррективах: во-первых, через наследственные правоотношения лицо приобретает не только право собственности, но также обязательственные и некоторые личные неимущественные права, а, во-вторых, между правом на при-

¹ *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 136.

² *Александров Н.Г.* Сущность права. Госюриздат, 1950. С. 35.

³ *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 138.

нятие наследства и «материальными» правами нет прямой связи: между ними расположено право на наследство. Однако в целом О.С. Иоффе, по нашему мнению, прав. Критические замечания, сделанные в его адрес рядом авторов¹, не находят себе опоры в специфике наследственных правоотношений. В отличие от обязательственных правоотношений, также опосредствующих переход права собственности между лицами, при наследовании правовым связям не соответствуют какие-либо материальные процессы гражданского оборота. Да и правоотношения здесь складываются не между теми лицами, одно из которых теряет, а другое приобретает право собственности. Правоотношения здесь играют узкоспециальную роль: обеспечить своевременное, беспрепятственное заступление нового лица на место лица умершего — процесс, необходимый по той причине, что со смертью человека сохраняет свое существование субъективное право.

По указанным основаниям мы не видим причин для того, чтобы приравнивать право на принятие наследства к другим («материальным») субъективным гражданским правам. Наследование этого права еще ни о чем не говорит: оно значит не более чем наследование возможности сдачи в аренду наследуемого дома: и в том, и в другом случае перед нами — конкретная юридическая возможность, которую еще нужно осуществить, различен лишь порядок их осуществления. Причем отказ от наследства — это не равноценная альтернатива его принятию, как полагают Б.С. Антимонов и К.А. Граве². Отказ от наследства представляет собой лишь отсутствие осуществления права на принятие наследства — факт, который прекращает данную ветвь наследственных правоотношений и имеет правообразующее значение для наследственных правоотношений другой ветви.

Итак, в области наследования мы действительно встречаемся с двумя рядами правоотношений — правоотношений, возникающих в связи с о т к р ы т и е м наследства, и правоотношений, возникающих в связи с е г о п р и н я т и е м³. Но они не могут быть охарактеризованы как полностью самостоятельные правовые связи: они являются лишь д у м я п о с л е д о в а т е л ь н ы м и с т а д и я м и развивающихся наследственных правоотношений. С этой точки зрения право на принятие наследства должно быть охарактеризовано как ю р и д и ч е с к а я в о з м о ж н о с т ь, порожденная незавершенным фактическим составом. Завершение фактического состава (путем реализации указанной возможности) влечет за собой возникновение права на наследство, которое

¹ См.: *Серебровский В.И.* Очерки советского наследственного права. Изд-во АН СССР, 1953. С. 49–51; *Антимонов Б.С., Граве К.А.* Советское наследственное право. Госюриздат, 1955. С. 61–62.

² *Антимонов Б.С., Граве К.А.* Указ. соч. С. 62.

³ См.: *Серебровский В.И.* Очерки советского наследственного права. Изд-во АН СССР, 1953. С. 49–51; *Антимонов Б.С., Граве К.А.* Указ. соч. С. 55 и след.

в свою очередь является правовой ступенькой к преобразованию права собственности и других «материальных» прав умершего лица.

Но если верно, что право на принятие наследства — это только юридическая возможность, вытекающая из незавершенного фактического состава, то, следовательно, сама постановка вопроса о значении юридических событий в сфере правообразующих фактов наследственных правоотношений в корне меняется. Получается, что юридические события (смерть наследодателя) представляют собой только один из элементов фактического состава наследственных правоотношений, взятых в целом. Независимыми от воли наследников являются лишь правоотношения в их незавершенном («незрелом») виде. Когда же мы берем наследственные правоотношения в их законченном, «зрелом», состоянии, то становится очевидно, что в качестве решающего правообразующего факта этих правоотношений должен быть назван односторонний волевой акт наследников.

Приведенные соображения, конечно, не меняют того обстоятельства, что в области наследования имеются существенные особенности в формах и степени выражения признаков метода гражданско-правового регулирования. Для этого есть свои причины, о которых мы частично говорили (специфика наследственных правоотношений). К этим причинам могут быть присовокуплены и некоторые другие. В частности, наследственное право неразрывно связано с правом собственности; отсюда — известное проникновение в область наследования начал, свойственных государственно-правовой форме регулирования общественных отношений. Наследственное право играет немаловажную роль как средство, содействующее материальному обеспечению членов советской семьи; именно поэтому возникновение наследственного права на первых этапах развития советского общества не было непосредственно обусловлено состоянием развития товарно-денежных отношений. Наконец, по указанной причине в область наследственных отношений проникают начала регулирования, свойственные семейному праву (не случайно некоторые авторы включают наследственное право в состав права семейного¹). Все это, разумеется, сказывается на формах и степени выражения в наследственных правоотношениях признаков метода гражданско-правового регулирования.

¹ См.: *Свердлов Г.М.* О предмете и системе социалистического семейного права // Советское государство и право. 1941. № 1. С. 67; *Миколенко Я.* Учебно-методическое пособие по курсу «Советское гражданское право». М., 1955. С. 14; *Красавчиков О.А.* Вопросы системы особенной части ГК РСФСР // Вопросы кодификации советского законодательства: Сборник статей. Свердловск, 1957. С. 124.

6. При характеристике форм и степени выражения признаков метода гражданско-правового регулирования в тех или иных правоотношениях необходимо принимать во внимание не только то, к какой разновидности принадлежат данные правоотношения, но и их состояние, стадии их развития. Важно, в частности, иметь в виду, что по линии юридических фактов специфические черты метода гражданско-правового регулирования концентрируются в фактах, имеющих правообразующую функцию.

И это вполне закономерно. Значение специфических для гражданского права юридических фактов (договорных соглашений, односторонних сделок) не сводится только к роли посредствующего звена между нормой права и правоотношением: они выступают также в качестве одной из форм, через которую осуществляется регламентация содержания гражданских правоотношений. А такое значение прежде всего могут (и должны) иметь факты, с наступлением которых правовые связи между сторонами лишь складываются, — правообразующие факты. Правообразующие юридические факты — это факты, с которых в сфере конкретных правовых связей между данными лицами «все начинается»: возникает правоотношение, лица подчиняются определенному порядку, регламентирующему их взаимное поведение. Что же касается правопрекращающих фактов, то следует иметь в виду, что правоотношения, характеризующие основное содержание данной формы правового регулирования, для того и возникают, чтобы прекратиться. Эти правоотношения «как в силу своей внутренней природы, так и в силу своего общественного назначения не могут находиться в состоянии покоя, но уже в момент своего возникновения предназначаются для последующего осуществления и прекращения»¹. Характер типических фактов, способных прекратить правоотношения, предопределен, следовательно, их существом. Это — и с полнотой пассивной стороной правоотношения своих обязанностей. В указанном отношении правопогашающие факты всех «материальных» отраслей совпадают, не отражая отраслевой специфики той или иной совокупности норм. Если к тому же учесть, что изменение правоотношения представляет собой «промежуточную»² и во-

¹ *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 115.

² *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 115; *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. Госюриздат, 1958. С. 76.

все не обязательную фазу его существования, то вывод о решающем значении правообразующих юридических фактов приобретает еще большую весомость.

По приведенным соображениям среди юридических фактов каждой отрасли должны быть выделены: во-первых, факты первичные — правообразующие; это факты, которые, отражая специфические черты данной отрасли права, имеют первичное значение в возникновении правоотношений, и, во-вторых, факты «вторичные», т.е. факты, относящиеся главным образом к сфере изменения и прекращения правовых связей между данными лицами.

В специальном рассмотрении нуждаются факты, с которыми связано внутреннее развитие гражданских правоотношений.

В литературе движение гражданских правоотношений рассматривается в большинстве случаев лишь с точки зрения их внешних метаморфоз — возникновения, изменения и прекращения субъективных прав и корреспондирующих им обязанностей между данными субъектами. Однако гражданскому правоотношению присуще и внутреннее развитие, которое не сопровождается видимыми, внешне зримыми поворотами в существовании правового отношения, а затрагивает лишь его состав и, его юридические свойства.

На необходимость рассматривать гражданские правоотношения в состоянии их внутреннего развития (от субъективного права в «ненапряженном» состоянии, от правомочия — к притязанию) в литературе внимание было обращено М.А. Гурвичем и С.Н. Братусем¹. Аналогичные суждения были высказаны и О.А. Красавчиковым². Присоединяясь к этим взглядам, мы не можем согласиться с теми авторами, которые, признавая, что субъективное право до нарушения и после него не остается неизменным, считают, однако, одиозным применение здесь термина «развитие» на том основании, что это может наводить на мысль о закономерном характере такого рода превращений³. Авторы такого рода доводов не учитывают существования специфических правовых закономерностей, которые не могут быть поставлены на одну плоскость с экономическими и социальными, определяющими развитие советского общества. Одной из таких специфических закономерностей и является, на наш взгляд, внутренняя динамика гражданских правоотношений. Следовательно, если имел место факт нарушения субъективного права, переход его в со-

¹ См.: Гурвич М.А. Право на иск. Изд-во АН СССР, 1949. С. 142—151; Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. Госюриздат, 1950. С. 9.

² Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. Госюриздат, 1958. С. 77—79.

³ См.: Ринг М.Н. Исковая давность и ее значение в укреплении хозяйственного расчета // Вопросы советского гражданского права. 1955. С. 72—73.

стояние правопритязания вполне закономерен, хотя сам факт правонарушения с точки зрения объективных законов советского строя не является закономерным.

Переход от правомочия к правопритязанию не характеризует еще полностью весь процесс внутреннего развития правоотношений. Вне связи с указанными выше авторами О.С. Иоффе показал, что еще до того, как субъективное право приобретает характер правомочия и, следовательно, откроет для его носителя возможность требовать известного поведения от обязанного лица, в ряде случаев у лиц могут возникнуть определенные «конкретные возможности» («прообраз права»)¹. Правда, О.С. Иоффе не видит, к сожалению, существенных различий между теми конкретными юридическими возможностями, которые являются «прообразом права», и теми, которые относятся к категории «вторичные правомочия». Но сама постановка вопроса о том, что до того момента, как правоотношение может быть признано сложившимся, нередко возникают его начальные, недоразвившиеся формы, которые со стороны управомоченного могут быть обозначены через термин «прообраз права», представляется нам вполне плодотворной.

Обстоятельства, вызывающие в силу норм объективного права внутреннее развитие гражданских правоотношений, составляют особую группу «вторичных» юридических фактов. Существование этих фактов необходимо принимать во внимание при характеристике признаков метода гражданско-правового регулирования. Так, например, типическим юридическим фактом, переводящим субъективное право из стадии «начальной юридической возможности» в стадию правомочия, является истечение времени (срока). С другой стороны, этот факт мы не встречаем в числе первичных правообразующих оснований в области возникновения правоотношений. Для перехода обязательственного правоотношения в состояние притязания необходим особый вид правонарушения — неисполнение обязанности. Таким путем удастся установить, что правонарушения в данной сфере отношений играют специфическую роль и что, следовательно, проблема квалификации противоправных действий в целом требует особого подхода. В конечном счете важно из числа многих фактов, из которых складывается правообразующий фактический состав, выделить обстоятельства первичного значения. Обособление же внутри правообразующего состава фактов, функции которых ограничены лишь областью внутреннего развития субъективных прав, позволяет нам с требуемой точностью выполнить эту задачу, очертив круг первичных правообразующих фактов путем отсева фактов вторичного значения.

7. Предложенную выше характеристику своеобразия признаков метода гражданско-правового регулирования в отдельных видах правоот-

¹ *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949. С. 123–125, 135–137.

ношений можно было бы дополнить анализом институтов авторского и изобретательского права, указанием на характерные черты структурно сложных обстоятельств и др. Но уже сказанного достаточно, чтобы сделать вывод о том, что описанные в начале главы признаки метода правового регулирования не должны рассматриваться в качестве безусловно обязательной схемы, которой должно подчиняться каждое конкретное правоотношение.

С другой стороны, было бы неверно за многообразием гражданских правоотношений, богатством особенностей, которыми характеризуется каждое из них, не видеть общих типических черт, в совокупности образующих метод гражданско-правового регулирования. В одних правоотношениях эти черты проявляются отчетливо и ярко, в других дают о себе знать как главная тенденция правового регулирования, но коль скоро данные правоотношения складываются на основе существующего при социализме товарного производства, единство правоотношений по главным чертам метода может быть охарактеризовано как внутренне присущая им объективная закономерность.

§ 3. Своеобразие признаков метода гражданско-правового регулирования в советском социалистическом обществе

1. В первом разделе настоящей главы, стремясь выявить признаки метода гражданско-правового регулирования в «чистом виде», мы при анализе юридических особенностей изучаемой отрасли права отталкивались от наиболее общих свойств товарного производства. При этом на протяжении всего предшествующего изложения предполагалось, что правовое регулирование имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства, полностью соответствует требованиям последнего.

Однако такой метод исследования, когда первоначально изучаемое явление характеризуется в «чистом виде», требует в последующем возвращения к его специфическим свойствам — ко всем тем факторам, которые определяют черты своеобразия этого явления в данных конкретных условиях. Рассматривая с указанных позиций признаки метода гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе, особо важно учитывать:

а) особенности существующего при социализме товарного производства и

б) относительную самостоятельность институтов советского гражданского права.

2. Как уже отмечалось ранее, в связи с организацией товарных отношений в социалистическом обществе складываются властно-организационные имущественные отношения, которые либо предшествуют товарным процессам, либо возникают после их осуществления. Таким образом, если само существование товарного хозяйства при социализме вызывает к жизни гражданско-правовую форму регулирования имущественных отношений, то его о с о б е н н о с т и требуют одновременного применения иного метода — метода, дающего возможность в порядке властного нормирования организовать хозяйственные связи на основе закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Отсюда — в з а и м о д е й с т в и е , с о ч е т а н и е гражданско-правовой и административной форм правового регулирования имущественных отношений в социалистическом обществе. Сообразно с этим все способы, используемые Советским государством для регулирования товарно-денежных отношений в социалистическом обществе¹, оказывают свое влияние на метод гражданско-правового регулирования, на характер его признаков.

В качестве наиболее общих положений представляется необходимо отметить по рассматриваемому вопросу следующее.

Во-первых, целенаправленное общественное регулирование товарно-денежных отношений при социализме отражается на содержании и характере гражданской правоспособности (правосубъектности).

В отличие от капиталистического общества, где главная группа имущественных связей складывается в результате стихийно действующих законов товарного производства, при социализме решающую роль играют отношения, возникающие согласно объективным требованиям таких экономических законов, как основной экономической закон социализма, закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, закон распределения в соответствии с количеством и качеством труда. Отношения товарного хозяйства в этих условиях, изменяя свою природу, приобретают значение п о д ч и н е н н о г о э л е м е н т а народнохозяйственной жизни. Следовательно, если в буржуазном обществе гражданская правосубъектность имеет

¹ См. выше. С. 104–107.

универсальное, всеобъемлющее значение, характеризуя правовое положение участников имущественных отношений в целом, то в обществе социалистическом гражданская правосубъектность выступает лишь как один из моментов, причем моментов подчиненных: она отражает лишь одну сторону правового положения субъектов имущественных отношений.

Для социалистических организаций (юридических лиц) ведущее значение имеет имущественная правосубъектность (компетенция), отражающая их участие в административных отношениях, складывающихся в результате целенаправленной регулирующей деятельности социалистического государства по осуществлению требований закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Точно так же, как начала хозрасчета, категории и элементы товарного хозяйства в социалистическом обществе используются в целях надлежащего осуществления народнохозяйственных планов, точно так же гражданская правосубъектность социалистических организаций играет в конечном счете служебную роль по отношению к их административной правосубъектности (компетенции). Для граждан как участников имущественных отношений ведущее значение имеет трудовая (или колхозная) правосубъектность, отражающая их участие в имущественных отношениях, которые, с одной стороны, выражают основные связи граждан с социалистическим хозяйством, а с другой — определяют саму возможность их выступления в гражданском обороте.

Поскольку гражданская правосубъектность является лишь частью целого, да притом такого целого, где решающую роль играют другие стороны общего правового положения участников имущественных отношений, то очевидно, что этой части (гражданской правосубъектности) свойственны специфические черты, отражающие особенности общего правового положения лиц.

Необходимо, в частности, указать на то, что в социалистическом обществе правосубъектность участников имущественных отношений, складывающихся на базе товарного производства, имеет по своему содержанию определенную, конкретизирующую характер. Эта особенность гражданской правосубъектности прямо соответствует одному из главных способов регулирования товарно-денежных отношений при социализме: регламентации форм и пределов участия субъектов обособленного имущества в гражданском обороте. Участники отношений, регулируемых со-

ветским гражданским правом, юридически равны не «вообще», а в определенном круге имущественных отношений, что и закрепляется в содержании гражданской правоспособности. Вместе с тем в зависимости от участка товарных отношений — от формы и степени имущественной обособленности субъектов, следовательно, от содержания и характера их имущественно-распорядительной самостоятельности, — различные субъекты гражданского права имеют неодинаковую по конкретному содержанию правоспособность. Каждый субъект гражданского права юридически равен по конкретному содержанию правоспособности не ко всем иным субъектам, а лишь в определенных регламентированных законом «субъектных направлениях». Следовательно, если верно, что по юридическим свойствам правоспособности субъекты гражданского права поставлены законом в такие исходные юридические позиции, что их юридическое положение может быть охарактеризовано как однопорядковое, то с учетом специфики гражданской правоспособности в социалистическом обществе это необходимо сразу дополнить: полностью однопорядковым юридическое положение определенных субъектов может быть признано лишь в определенных «субъектных направлениях», а не «вообще» ко всем иным субъектам. Это значит, что любой субъект гражданского права может вступить в правоотношения с любым лицом, наделенным гражданской правосубъектностью, однако он лишен возможности вступать с каждым из них в любые отношения, регламентированные советским гражданским правом в целом. Определяя сферу общественных отношений, в пределах которой данные субъекты могут действовать на началах имущественно-распорядительной самостоятельности, дифференцируя содержание их правоспособности в зависимости от места, которое они занимают в системе общественных отношений собственности, Советское государство использует гражданско-правовое регулирование как один из рычагов целенаправленного преобразования общественных отношений, обеспечения таких форм и направления их развития, которые вытекают из задач коммунистического строительства.

Во-вторых, в социалистическом обществе при регулировании содержания конкретных гражданских правоотношений решающее значение имеет непосредственно нормативная регламентация прав и обязанностей сторон.

В социалистическом обществе более конкретный, детализированный и многосторонний характер приобретает проводимая в нормативном порядке регламентация содержания имущественных отношений собственности, так как особенности правосубъектности участников гражданского оборота зависят прежде всего от форм и степени их имущественной обособленности. Чрезвычайно важно также, что многие условия обязательственных правоотношений, которые в пределах товарного производства «рыночного» типа регламентируются путем договорных соглашений, при социализме предопределяются императивными предписаниями норм объективного права.

Рассматривая виды нормативного регулирования содержания прав и обязанностей сторон гражданских правоотношений в социалистическом обществе, необходимо указать на существование нормативных актов общего действия и нормативных актов частного действия.

Нормативные акты о б щ е г о д е й с т в и я призваны регулировать содержание той или иной разновидности гражданских правоотношений в целом. Можно в качестве примера сослаться на такие акты общего характера, как уставы (например, Устав ж. д. СССР, Устав связи и др.), положения (например, Положение о поставке продукции производственно-технического назначения), Особые условия поставки, типовые договоры, генеральные договоры и др.

Нормативные акты ч а с т н о г о д е й с т в и я призваны регулировать определенные условия обязательственных правоотношений, причем в некоторых случаях — независимо от их конкретной разновидности. Особо урегулированы, например, цены товаров и услуг (прейскуранты, тарифы и др.), качество продукции (ГОСТы, технические условия и др.), условия исполнения обязанностей (порядок расчетов за поставленные товары, произведенные работы, оказанные услуги).

Усиление при социализме нормативного регулирования прав и обязанностей участников гражданских правоотношений и многообразие форм этого регулирования отмечено в литературе рядом авторов. Так, Р.О. Халфина, рассматривая способы государственного регулирования договорных отношений между социалистическими организациями, указывает не только на регулирование специальной правоспособности юридических лиц и определение их воли плановыми заданиями, но и на такие способы нормативной регламентации, как регулирование (1) специальными законами и подзаконными нормативными актами, (2) генеральными договорами, (3) типовыми договорами¹.

¹ См.: Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. Изд-во АН СССР, 1954. С. 79—105.

По мнению А. В. Дозорцева, «договорные элементы регулирования хозяйственных отношений определяются в соотношении актов планового характера тройкого рода»: 1) плановых заданий с конкретными адресатами; 2) актов плановой организации и регулирования родов и видов хозяйственных отношений в целом; 3) актов планового установления отдельных позиций в хозяйственных отношениях¹.

В-третьих, в области гражданско-правового регулирования имущественных отношений социалистического общества существенную роль играют индивидуальные акты органов Советского государственного управления.

Связь, взаимодействие советского гражданского права и права административного находят свое преимущественное выражение в том, что индивидуальные акты органов советского государственного управления (имеющие преимущественно плановый характер) приобретают гражданско-правовое действие.

Гражданско-правовое действие индивидуальных актов органов советского государственного управления затрагивает все стороны (признаки) метода гражданско-правового регулирования. Рассмотрим этот вопрос, отпавляясь от тех форм общественного регулирования товарно-денежных отношений, которые были освещены в предшествующем изложении.

а) *Административный акт как способ организации отношений собственности.* Путем выделения тем или иным организациям имущества для последующего управления на началах оперативно-хозяйственной самостоятельности Советское государство получает возможность в соответствии с требованиями основного экономического закона социализма и закона планомерного пропорционального развития народного хозяйства определять границы товарного производства. В этих условиях административные акты, которые юридически опосредствуют наделение государственных организаций частью имущества единого фонда государственной собственности, с правовой стороны предопределяют самую возможность приобретения такими организациями свойств гражданской правосубъектности и, следовательно, самую возможность возникновения в данной сфере гражданских правоотношений.

¹ См.: Дозорцев А. В. Некоторые вопросы договорного регулирования отношений по поставке // Научные записки Института внешней торговли МВТ СССР. Внешторгиздат, 1955. С. 137–138.

б) Административный акт как способ регламентации форм участия субъектов обособленного имущества в гражданском обороте. Регламентация форм участия государственных и общественных организаций в гражданском обороте достигается не только путем нормативного регулирования содержания правосубъектности, но и путем издания индивидуальных административных актов — утверждения уставов и положений, утверждения общих производственно-финансовых планов и т.д.¹

в) Административный акт как средство «завязки» хозяйственных отношений между участниками гражданского оборота. Правда, в ряде случаев для регулирования товарных отношений оказывается достаточной общая (нормативная) регламентация содержания правосубъектности (это относится, в частности, к деятельности торговых и иных социалистических организаций, обслуживающих интересы граждан). Однако непосредственно в области народного хозяйства необходимость планового распределения продукции, обусловленная действием экономического закона планомерного, пропорционального развития, требует в тех или иных пределах активной деятельности органов государственного управления по налаживанию хозяйственных отношений путем «привязки» одних социалистических организаций к другим.

г) Административный акт как форма регулирования содержания отношений между участниками гражданского оборота². В одних случаях эти индивидуальные акты совмещаются с актами, посредством которых устанавливаются планомерные связи между хозорганами (наряд-фонд при материально-техническом снабжении), в других, как, например, в области подрядных отношений по капитальному строительству, они выступают как самостоятельные акты (технический проект со сметой).

д) Административный акт как санкция по гражданским правоотношениям. Здесь речь идет о таких правоотношениях, один из участников которых является не

¹ См.: *Халфина Р.О.* Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. Изд-во АН СССР, 1954. С. 79–80.

² См.: *Дозорцев А.В.* Некоторые вопросы договорного регулирования отношений по поставке // Научные записки Института внешней торговли МВТ СССР. Внешторгиздат, 1955. С. 137–140.

только хозяйственной организацией, но и одновременно органом государственного управления, осуществляющим административно-контрольные задачи (Госбанк СССР, железные дороги). Действуя в качестве субъекта гражданского правоотношения, указанные государственные организации могут в то же время осуществлять задачи, относящиеся к сфере государственного управления (например, банк вправе отклонять неосновательные отказы от акцепта). Соответствующие акты Госбанка СССР, железных дорог приобретают значение административных санкций в пределах конкретных гражданских правоотношений.

Таким образом, краткая характеристика основных форм влияния индивидуальных административных актов на отношения, регулируемые советским гражданским правом, показывает, что эти акты могут выполнять следующие функции: 1) функции юридического факта в области гражданской правосубъектности, отношений собственности и обязательственных отношений между участниками гражданского оборота; 2) функции специфической формы регулирования содержания гражданско-правовых отношений; 3) функции юридических санкций по гражданским правоотношениям.

Нельзя не видеть, конечно, что в каждом отдельном гражданском правоотношении действие административных актов не затрагивает сразу всех его элементов: в противном случае это неминуемо отразилось бы на общем юридическом положении сторон, и перед нами оказалось бы не гражданско-правовое, а административно-правовое отношение. В каждом отдельном правоотношении, поскольку оно сохраняет гражданско-правовой характер, преобладающую роль играют элементы, выражающие специфические черты метода гражданско-правового регулирования. Однако, если рассматривать советское гражданское право в целом, то нельзя не признать, что действие административно-правовых актов касается всех сторон (признаков) метода гражданско-правового регулирования.

В-четвертых, целенаправленное регулирование товарно-денежных отношений при социализме отражается в особенностях осуществления и защиты субъективных гражданских прав.

В плановом социалистическом хозяйстве происходят определенные изменения в характере мер обеспечения субъективных прав: в этих мерах центр тяжести переносится с компенсационной функции на функцию штрафную. Регулирование товарно-денежных отношений

в порядке последующего контроля осуществляется не только путем применения административных санкций со стороны вышестоящих планово-регулирующих и контролирующих органов Советского государства, но и путем воздействия социалистических организаций друг на друга при помощи санкций, имеющих преимущественно штрафной характер¹.

Одновременно с этим особенности товарного производства при социализме накладывают печать и на порядок осуществления субъективных гражданских прав, что особо заметно в области планового социалистического хозяйства. Возложение на социалистические организации административно-правовой обязанности по предъявлению исковых требований к неисправной стороне, особенности рассмотрения преддоговорных и имущественных споров в арбитраже, наконец, возможность принудительного осуществления права вне юрисдикционных органов (например, при банковских расчетах) — все это является ярким свидетельством своеобразия мер правового обеспечения гражданских правоотношений как признака метода гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе.

3. Специфические черты признаков метода гражданско-правового регулирования связаны не только с особенностями существующего при социализме товарного производства. Здесь, кроме того, необходимо учитывать о т н о с и т е л ь н у ю с а м о с т о я т е л ь н о с т ь гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе.

Если использование Советским государством институтов советского гражданского права для осуществления специфических задач накладывают свою печать на признаки предмета рассматриваемой отрасли права, то аналогичные явления дают себя знать и по линии метода регулирования. Это сказывается прежде всего в усилении непосредственно нормативного урегулирования содержания соответствующих правоотношений, так как проведение в рамках институтов гражданского права таких, например, задач, как материальное обеспечение, требует по общему правилу прямого государственного нормирования. Отсюда и особенности юридических фактов: советский законодатель придает юридическое значение таким обстоятельствам, которые не могут играть роль юридических фактов непосредственно в силу требований товарного производства, а именно иждивению, нетрудоспособ-

¹ См. по этому вопросу обстоятельный анализ в монографии: *Райхер В.К.* Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 174—185.

ности. Весьма примечательно, что именно здесь в ряде случаев содержание гражданских правоотношений может быть конкретизировано судом. Суд при этом исходит «не только из конкретных определений закона, административного акта или сделки, а также из ряда других критериев: правил социалистического общежития, обычая... степени материального обеспечения сторон и пр.»¹.

Не остается бесследным для метода гражданского права и использование его институтов для регулирования «неспецифических» отношений. Наряду с типическими признаками, характерными для метода гражданско-правового регулирования, здесь могут быть обнаружены такие особенности, которые находятся в прямой зависимости не от решающей предпосылки гражданского права — товарного производства, а от характерных черт «неспецифических» отношений. С достаточной отчетливостью это можно показать на примере институтов авторского и изобретательского права. Своеобразие правообразующих фактических оснований абсолютных прав автора и изобретателя, способы регламентации содержания прав и обязанностей участников отношений по авторству и изобретательству, особенности защиты соответствующих прав во многом зависят от того, что черты метода гражданско-правового регулирования выступают здесь не в «чистом виде», а в формах, осложненных «неспецифическими» отношениями (в рассматриваемом случае — личными неимущественными отношениями по авторству и изобретательству).

Относительная самостоятельность советского гражданского права находит свое выражение и в том, что социалистическое государство с целью наиболее полного проведения воспитательной функции гражданско-правового регулирования широко использует договорную форму опосредствования общественных отношений. Главная функция договора в области социалистического хозяйства состоит в том, чтобы в соответствии с началами оперативно-хозяйственной самостоятельности социалистических организаций урегулировать содержание прав и обязанностей сторон. «Договор, — пишет А.В. Дозорцев, — представляет собой проявление начала оперативной самостоятельности и инициативы участников хозяйственных отношений в выполнении планового задания. Смысл договора — в использовании заключающейся в нем возможности индивидуализации исполнения и способов исполнения планового задания на основе хозрасчета,

¹ См. по этому вопросу: *Зейдер Н.Б.* Судебное решение и спорное право // Правоведение. 1958. № 2. С. 81.

применительно к конкретной цели задания, реальным условиям хозяйственной обстановки и оперативной деятельности определенных участников отношений»¹.

Но допустимо ли на этом основании утверждать, что роль договора как средства регулирования поведения участников имущественных отношений с в о д и т с я лишь к функции регламентации конкретного содержания правоотношений? Оправдан ли взгляд, согласно которому, «если соответствующие возможности могут быть исчерпывающе установлены плановым предписанием и реализованы при этом на хозрасчетной основе, договор становится ненужным»².

Как нам представляется, такого рода суждения о сущности договора в социалистическом хозяйстве не учитывают в о с п и т а т е л ь - н о г о значения договорной формы. Даже в случаях, когда содержание данного отношения по своим главным элементам урегулировано в нормативном и индивидуально-плановом порядке, договор сохраняет свое регулирующее значение: самостоятельно, своими волевыми актами принимая на себя условия поведения, установленные в нормативном и индивидуально-плановом порядке, стороны друг перед другом «о б я з у ю т с я» соблюдать эти условия. Здесь имеет место акт сознательного восприятия индивидуальной волей участников правоотношений общей воли советского народа, выраженной в нормах права и индивидуальных актах органов государственного управления³. Принятие на себя правовой обязанности — это главное, что выявляет воспитательную роль договорной формы, его роль «организующей силы», подкрепляемой системой взаимной имущественной ответственности. Однако применение гражданско-правового договора в условиях, когда содержание того или иного отношения урегулировано в нормативном и планово-индивидуальном порядке, неизбежно отражается на признаках метода гражданско-правового регулирования, придает этим признакам новые черты (в частности, специфическое выражение получают начала «автономии» в гражданских правоотношениях).

И еще одно соображение, относящееся к своеобразию признаков метода гражданско-правового регулирования в связи с относительно-

¹ Дозорцев А.В. Некоторые вопросы договорного регулирования отношений по поставке // Научные записки Института внешней торговли МВТ СССР. Внешторгиздат, 1955. С. 137.

² Там же.

³ См.: Пашерстник А.Е. Право на труд. Изд-во АН СССР, 1951. С. 195; Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. Изд-во АН СССР, 1954. С. 103.

ной самостоятельностью гражданского права. Мы уже неоднократно подчеркивали, что в пределах, определенных требованиями существующего при социализме товарного производства, проникновение начал централизованного государственного руководства в сферу действия гражданского права является неустранимой объективной закономерностью. Но в известных исторических условиях использование институтов административного права для регулирования имущественных отношений может быть непосредственно не обусловлено требованиями товарного производства. Поскольку такое использование административно-правовой формы опосредствования имущественных отношений вообще не приводит к свертыванию товарно-денежных отношений и, следовательно, объема и сферы действия гражданско-правового регулирования, оно влечет за собой более широкое применение административных актов как правообразующих юридических фактов и способов формирования содержания гражданских правоотношений. Особенности гражданско-правового регулирования в конце 1930-х гг., в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период были вызваны известным расширением административно-правового регулирования, непосредственно не связанным с требованиями товарного производства при социализме. Сложная международная обстановка, мобилизация всех сил народа на отпор агрессору, с одной стороны, а с другой — острая дефицитность отдельных видов продукции — все это послужило основанием для усиления централизации в области управления народным хозяйством. Необходимо также учитывать известные элементы излишней централизации в хозяйственном управлении, существовавшие в период до 1953—1957 гг.

4. Характеризуя признаки метода гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе, следует иметь в виду, что само по себе закрепление требований товарного производства в предписаниях норм права является субъективным процессом. Эту черту относительной самостоятельности права мы уже отмечали при анализе форм выражения в гражданско-правовых институтах функций существующего при социализме товарного производства. В настоящем месте указанная черта нуждается в освещении под несколько иным углом зрения.

Поскольку выражение требований экономических отношений в предписаниях правовых норм по своему содержанию является субъективным процессом, осуществляющимся в конкретных исторических условиях, законодатель может проводить требования

базиса, требования экономических отношений в различных формах — формах, в которых отражаются не только указанные исторические условия, но и помимо прочего необходимость согласования норм действующего права.

С исчерпывающей глубиной эту черту права как общественного явления, имеющего относительно самостоятельный характер, раскрыл Ф. Энгельс. Отметив, что роль гражданского права в буржуазном обществе «сводится к тому, что оно санкционирует существующие при данных обстоятельствах нормальные, экономические отношения между отдельными лицами», Ф. Энгельс пишет: «Но форма, в которой дается эта санкция, может быть очень различна»¹. Поясняя это положение, Ф. Энгельс ссылается на английское право, где сохранилась значительная часть форм старого феодального права, выражающих новое буржуазное содержание, — на общегерманское и прусское земское право, где рецепированное частное римское право получило в соответствии с конкретными историческими условиями различное выражение, и т.д.

«Если, стало быть, нормы гражданского права, — делает вывод Ф. Энгельс, — представляют собой лишь юридическое выражение экономических условий общественной жизни, то они, смотря по обстоятельствам, выражают их иногда хорошо, а иногда и плохо»². Несколько дальше Ф. Энгельс делает вывод и более общего значения: «Чтобы получить санкцию закона, экономические факты должны в каждом отдельном случае принять форму юридического мотива. При этом приходится, разумеется, считаться со всей системой уже существующего права»³.

Эту же мысль в письме к К. Шмидту Ф. Энгельс формулирует так: «В современном государстве право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть его выражением *внутренне согласованным*, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий. А для того, чтобы этого достичь, нарушают точность отражения экономических отношений все более и более». «...Ход «правового развития», — продолжает Ф. Энгельс, — состоит по большей части только в том, что сначала пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические прин-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2 т. Т. II. Госполитиздат, 1955. С. 376.

² Там же.

³ Там же. С. 377.

ципы, и установить гармоническую правовую систему, а затем влияние и принудительная сила дальнейшего экономического развития опять постоянно ломает эту систему и запутывает ее в новые противоречия. (Я здесь говорю пока только о гражданском праве.)»¹.

Конечно, социалистическому гражданскому праву не свойственны те внутренние противоречия, которые характерны для права эксплуататорских обществ. Однако и в социалистическом обществе при «переводе экономических отношений в юридические принципы» возможно известное несовпадение между требованиями экономических отношений и правовой формой их закрепления.

Вместе с тем было бы неправильно полагать, что относительная самостоятельность права позволяет законодателю производить любые преобразования в пределах той или иной отрасли права. Каждая отрасль права – это специфический правовой организм. Особенности, свойственные данной отрасли права, дают возможность использовать его институты для проведения в жизнь лишь определенных государственных задач. То своеобразие черт метода, которое связано с осуществлением такого рода задач, имеет для данной отрасли законный характер. И только в указанных рамках – в рамках, определяемых предметом соответствующей отрасли права, – «отклонения» в признаках метода органически входят в состав характерных юридических особенностей этой отрасли права. Когда же имеет место отступление от указанной закономерности, когда, иными словами, требования экономики выражены в праве без учета юридического своеобразия данной отрасли («плохо»), это может привести к известным затруднениям на практике.

Сошлемся в подтверждение сказанного на следующий пример из нормативной практики органов Советского государства последних лет. Изъятие из ведения народных судов дел по спорам между государственными, кооперативными (кроме колхозов) и другими общественными организациями на сумму до 1000 рублей, произведенное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1955 г.², соответствует тенденциям развития советского гражданского права, специфике правоотношений между социалистическими хозяйственными организациями. Но можно ли считать оправданной передачу указанных дел в ведение вышестоящих по отношению к должникам организациям? Закономерно ли с точки зрения типических черт ме-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. Госполитиздат, 1948. С. 428.

² См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 5. Ст. 116.

тогда гражданско-правового регулирования, предполагающих, что стороны правоотношения друг перед другом юридически равны и споры между ними решаются особым органом, наделенным юрисдикционными функциями?

Очевидно, что на сформулированные выше вопросы должен быть дан отрицательный ответ: нет, — не оправдано, нет, — незаконномерно. «Известно, что многие вышестоящие по отношению к должникам организации, — пишут Я.С. Мейтин и К.С. Юдельсон, — не выполняют как следует обязанностей, возложенных на них Указом от 14 марта 1955 г., задерживают рассмотрение заявленных претензий, подчас разрешают их, исходя из узковедомственных интересов»¹. Установление такого порядка защиты гражданских прав, когда имущественный спор между сторонами решается организацией, входящей в одно ведомство с одной из сторон, не согласуется с объективной природой советского гражданского права. Если данный вид общественных отношений объективно требует определенной формы правового регулирования, то, следовательно, в действие должны быть приведены все ее элементы. Поэтому отступление от признаков метода, которое не соответствует объективной природе данной отрасли права, приводит к трудностям практического характера: требования объективных закономерностей, свойственных праву, нуждаются в таком же учете, как и требования любых иных объективных закономерностей, противное неизбежно приведет на практике к определенным отрицательным результатам.

5. Поскольку использование институтов данной отрасли права для проведения в жизнь функций социалистического государства осуществляется с учетом объективной природы этой отрасли, соответствующий метод правового регулирования, как бы ни велико было его своеобразие в тех или иных конкретных исторических условиях, сохраняет свои особенности, свои специфические черты, предопределенные соответствующим предметом правового регулирования.

Проиллюстрируем это положение анализом юридических фактов в тех случаях, когда первичным правообразующим основанием гражданских правоотношений являются индивидуальные акты органов советского государственного управления.

Принципиально действие административного акта как акта, имеющего властное содержание, может вызвать к жизни правоотношение

¹ Мейтин Я.С., Юдельсон К.С. О правовом регулировании организации и деятельности арбитражных органов совнархозов // Советское государство и право. 1958. № 11. С. 50.

между несоподчиненными лицами. Орган государственного управления юридически способен обременить лицо, на которое распространяется его компетенция, обязанностью по отношению к третьему лицу. Причем это третье лицо не становится в результате такого действия акта органа управления управомоченной стороной по административному правоотношению. Состояние юридического равенства между несоподчиненными лицами полностью сохраняется. Конкретное правоотношение возникает между ними как отношение между юридически равными лицами, следовательно, как отношение, специфичное для гражданско-правовой формы регулирования.

Но из того, что административный акт может играть роль начальной «завязки» отношений между юридически равными лицами, отнюдь не следует, что его действие в этой сфере беспредельно. Как общее правило, оно ограничивается только лишь «завязкой» отношений; для возникновения же гражданского правоотношения в целом оказывается необходимым приведение в действие механизма гражданско-правовой формы регулирования.

Именно поэтому в большинстве случаев возникновение правоотношений по поставке продукции, по подряду в капитальном строительстве, по перевозке грузов обусловлено не только изданием планового (административного) акта, но и заключением между адресатами плана гражданско-правового договора.

Как общее правило, гражданско-правовые обязательства между социалистическими организациями возникают из сложного фактического состава, необходимыми элементами которого являются и плановый акт и договорное соглашение.

Необходимость приведения в действие механизма гражданско-правового регулирования в процессе формирования обязательств поставки, подряда в капитальном строительстве, перевозки грузов вызвана с правовой стороны объективными требованиями, вытекающими из специфики построения правовых связей между юридически равными субъектами, — метода гражданско-правового регулирования. Если с целью максимального эффективного использования экономического закона стоимости и стоимостных рычагов хозорганы поставлены по отношению к друг другу на юридически равные позиции, то гражданско-правовые акты, и прежде всего договор, становятся естественными и необходимыми формами опосредствования отношений между ними. Поэтому, как бы ни было сильно влияние плана на возникновение обязательств, необходимость ис-

пользования гражданско-правовых актов для опосредствования отношений между участниками гражданского оборота всегда дает себя знать как объективное требование, вытекающее из экономической и правовой природы данной области хозяйственных отношений. Поэтому в противовес А.В. Дозорцеву, полагающему, что «договорная форма взаимоотношений по поставкам — не закономерность социалистического хозяйства, а целесообразность»¹, мы считаем, что в условиях товарного производства договорная форма хозяйственных взаимоотношений является именно закономерностью. Началами целесообразности можно объяснить лишь отступление от договорной формы.

Об этом прежде всего свидетельствует история развития правового регулирования хозяйственных отношений между социалистическими организациями. Как только Коммунистическая партия и Советское правительство в порядке ликвидации извращений в практике проведения кредитной реформы 1930 г. приняли меры по укреплению хозрасчета, в связи с чем трестированные предприятия были наделены собственными оборотными средствами, так тотчас же возникла необходимость установления общего правила об обязательности оформления в письменных договорных отношениях по поставке товаров, производству работ, оказанию услуг одной социалистической организации другой².

В предвоенные годы и годы Великой Отечественной войны, когда была усилена централизация в руководстве народным хозяйством, сфера бездоговорных поставок расширяется. И напротив, дальнейшее укрепление начал хозрасчета в послевоенный период сделало необходимым ликвидацию в основном практики бездоговорных поставок³.

Но еще более показательным для подтверждения выдвинутого выше теоретического положения является характер правового регулирования хозяйственных отношений в случаях, когда они в своей осно-

¹ Дозорцев А.В. Некоторые вопросы договорного регулирования отношений по поставкам, Научные записки Института внешней торговли МВТ СССР. Внешторгиздат, 1955. С. 145.

² См. постановление ЦИК и СНК СССР от 18 февраля 1931 г. «Об ответственности за невыполнение заказов и поставок по договорам для обобщественного сектора народного хозяйства» (СЗ. 1931. № 10. Ст. 109) и постановление СНК СССР от 20 марта «Об изменении и системе кредитования, укреплении кредитной работы и обеспечении хозрасчета во всех хозорганах» (СЗ. 1931. № 18. Ст. 166).

³ См. постановление Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. «О заключении хозяйственных договоров» (СП СССР. 1949. № 9. Ст. 68).

ве имеют безоговорный характер. В литературе к числу гражданских правоотношений, в полном объеме возникающих непосредственно из плановых актов, обычно относят обязательство поставки товаров на экспорт¹ и правоотношения по подаче железной дорогой вагонов под погрузку и по их загрузке клиентурой плановым грузом². Действительно, ни в том, ни в другом случае заключение договора не является предварительным условием совершения соответствующих «материальных» действий сторон. Но возникают ли здесь гражданские правоотношения только и исключительно из административного акта? Вряд ли положительный ответ на поставленный вопрос с достаточной точностью отразил бы реальную картину взаимоотношений сторон. Так, при поставке товаров на экспорт непосредственно правообразующее значение имеет не плановый акт как таковой, а плановый акт в совокупности с односторонней сделкой легитимированного планом покупателя, выраженной в наряде-заказе экспортной организации³. Аналогичная ситуация складывается и в области планирования перевозок; причем месячный план перевозок опосредствуется не только односторонними сделками грузоотправителя (пятидневные заявки), но и в определенных условиях — двухсторонними волевыми актами (при подаче вагонов сверх пятидневного задания, а также при сверхнормативном сгущении погрузки)⁴.

Можно показать, что и некоторые другие акты, которым в литературе придается непосредственное гражданско-правовое действие, на самом деле проявляют его в сочетании с актами, имеющими гражданско-правовой характер.

Так, например, для возникновения обязательственных правоотношений, связанных с передачей зданий, сооружений и предприятий, недостаточно издания компетентным органом административного акта; эти последствия, как правильно подчеркнул А.В. Карасс, имеют «вторичный характер»⁵. Они возникают лишь после принятия соответствующего объекта принимающей организацией.

¹ См.: Условия поставки товаров на экспорт, утвержденные постановлением СНК СССР от 3 сентября 1940 г. (СП СССР. 1940. № 27. Ст. 636).

² См. ст. 180 Устава ж. д.

³ См. по этому вопросу: *Шкундин З.И.* Обязательство поставки товаров в советском праве. Юриздат, 1948. С. 165–167.

⁴ См. ст. 44 и 46 Устава ж. д., § 10, разд. 25 Правил перевозок отдельных видов грузов. Ч. II. Трансжелдориздат, 1955.

⁵ *Карасс А.В.* Право государственной социалистической собственности. Изд-во АН СССР, 1954. С. 160.

Небезынтересно, что в подавляющем большинстве случаев бездоговорных поставок, существовавших до 1949 г. (поставки металла, нефтепродуктов и нефтепродуктов, каменноугольного топлива и сланцев Министерством угольной промышленности Главснабглю), плановый акт также опосредствовался односторонней сделкой¹ (а по мнению Л.И. Картужанского, даже договорными соглашениями без «договорного» в техническом смысле оформления сделки²).

В настоящее время лишь сдача совхозами своей продукции да порядок заготовок сельскохозяйственной продукции могут быть отнесены к числу бездоговорных поставок, не опосредствуемых гражданско-правовыми актами. Чем это объяснить? По-видимому, существенное значение имеет здесь то обстоятельство, что специфика сельскохозяйственного производства значительно ограничивает регулирующее значение договора, в особенности в условиях, когда в предшествующие периоды заготовка сельскохозяйственной продукции осуществлялась в основном в типических административно-правовых формах. Однако вряд ли указанное обстоятельство может совершенно устранить необходимость использования договора и в этой сфере отношений. В литературе можно встретить обоснованные предложения о целесообразности использования договорной формы и для регулирования отношений по государственной закупке сельскохозяйственной продукции.

Все это свидетельствует о том, что, как бы ни было сильно влияние административного акта на отношения гражданского оборота, специфические черты метода гражданско-правового регулирования пробивают себе дорогу и в области оснований возникновения обязательств. На первых стадиях развития гражданского правоотношения определенные обязанности сторон могут возникнуть непосредственно из административных актов, но на последующих стадиях специфика метода гражданско-правового регулирования, специфика положения сторон как юридически равных лиц требуют подключения к этим актам юридических фактов, имеющих гражданско-правовую природу. Поэтому, когда в данной сфере отношений исключено в нормативном порядке применение договора, а между тем эти отношения по своему содержанию объективно требуют гражданско-правовой формы регулирования, в большинстве случаев возникновение соответствующих обязательств все же связывается с известными гражданско-правовыми актами (односторонними сделками). Следовательно, в подавляющем большинстве случаев влияние ин-

¹ См. по этому вопросу: *Шкундин З.И.* Указ. соч. С. 165–167.

² *Картужанский Л.И.* Хозяйственные договоры и арбитраж на современном этапе // Ученые записки ЛГУ. Сер. юрид. наук. Вып. 3. 1951. С. 106–107.

дивидуальных административных актов на отношения гражданского оборота проявляется ч е р е з механизм регулирования, специфичного для советского гражданского права. В конечном счете гражданско-правовое действие административных актов дает себя знать не само по себе, не изолированно, а в совокупности с другими юридическими фактами — в качестве фактических составов, решающую роль в которых играют гражданско-правовые акты — односторонние сделки, договоры.

Закономерный характер типических черт метода гражданско-правового регулирования можно проследить и по другим его элементам. При чем решающее значение имеет здесь не внешняя количественная сторона правовых явлений, а их сущность, их соответствие специфическим правовым закономерностям, составляющим стержневые линии данного метода правового регулирования.

С этих позиций, например, следует подходить к вопросу о характере компенсационной функции гражданско-правовой ответственности. Как убедительно показал В.К. Райхер, всякая неустойка имеет штрафную природу¹. Но можно ли на этом основании считать, что неустойка лишь «попутно» («объективно») выполняет в отдельных случаях компенсационную роль? На наш взгляд, при ответе на этот вопрос предпочтение заслуживает теоретическая позиция О.С. Иоффе². Компенсационный «элемент», хотя и не может быть во всех случаях объявлен равноправным со штрафным «элементом», все же является н е о б х о д и м ы м для неустойки, поскольку речь идет о неустойке г р а ж д а н с к о г о п р а в а. Этому выводу вовсе не противоречит то обстоятельство, что при отсутствии убытков или при совокупной неустойке компенсационная функция не дает о себе знать, а если и дает о себе знать (при наличии убытков в случаях зачетной, альтернативной и исключительной неустойки), то по большей части не является адекватной с размером убытков. Суть проблемы состоит в том, что компенсационная функция неустойки выражает одно из о с н о в а н и й ее установления, в соответствии с чем неустойка не может рассматриваться н е з а в и с и м о от убытков (поэтому и классификация неустоек, предложенная В.К. Райхером, строится по признаку соотношения неустойки с убытками). Отсюда, рассматривая те же самые правовые явления, о которых говорит В.К. Райхер, правильнее ставить вопрос

¹ См.: Райхер В.К. Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 155—197.

² См.: Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1955. С. 287—291; *Его же*. Гражданское право. Очерк // 40 лет советского права. Т. II. Изд-во ЛГУ, 1957. С. 260—262; *Его же*. Советское гражданское право: Курс лекций. Общая часть. Изд-во ЛГУ, 1958. С. 483.

не о том, что неустойка «иногда объективно выполняет компенсационную функцию», а о том, что иногда она ее не выполняет — объективный факт, который может быть квалифицирован как известное «отклонение» одного из признаков метода гражданско-правового регулирования от его типических черт, predeterminedных особенностями товарного производства при социализме.

Изложенное позволяет сделать следующий вывод — признаки метода гражданско-правового регулирования приобретают в социалистическом обществе весьма своеобразные черты. Но это не устраняет юридических особенностей советского гражданского права — отрасли, правовое содержание которой обусловлено содержанием и характером имущественных отношений, складывающихся на базе существующего при социализме товарного производства.

ГРАЖДАНСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ
ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ

1959

УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ В КНИГЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Устав ж. д. — Устав железных дорог Союза ССР.
2. Устав в. в. т. — Устав внутреннего водного транспорта.
3. Правила планирования — Планирование перевозок грузов по железным дорогам СССР (ст. 34–50 Устава ж. д.); раздел I «Правила перевозок отдельных видов грузов и выполнения коммерческих операций на станциях и железнодорожных подъездных путях». Ч. I. Трансжелдориздат, 1955. С. 3–10.
4. Правила приема и погрузки — Порядок приема и погрузки грузов (ст. 7 Устава ж. д.); раздел 4 тех же правил. Ч. I. С. 35–42.
5. Правила перевозок маршрутами — Перевозка грузов отправительскими маршрутами (ст. 76 Устава ж. д.); раздел 14 тех же правил. Ч. I. С. 92–96.
6. Правила перевозки грузов в контейнерах — Перевозки грузов в контейнерах (ст. 7 Устава ж. д.); раздел 16 тех же правил. Ч. I. С. 103–107.
7. Правила составления учетной карточки — Правила составления учетной карточки выполнения плана перевозок (ст. 184 Устава ж. д.); раздел 25 тех же правил. Ч. II. С. 25–33.
8. Основные положения о годовом и квартальном планировании — Основные положения о годовом и квартальном планировании перевозок грузов железнодорожным, морским и речным транспортом, утвержденные постановлением Совета Министров СССР 6 ноября 1958 г. (СП СССР. 1958. № 18. Ст. 145).
9. При ссылках на решения и определения областных судов, Верховных судов союзных республик и Верховного Суда СССР, поскольку не оговорено иное, имеются в виду решения и определения судебных Коллегий по гражданским делам соответствующих судебных органов. Сокращенно обозначаются и территориальные железные дороги — например: «Печерская ж. д.», «Свердловская ж. д.».

ПРЕДИСЛОВИЕ

В юридической литературе последнего времени вопросам правового регулирования транспортных отношений уделяется все большее и большее внимание. Это и понятно. Неуклонный подъем социалистической промышленности и сельского хозяйства требует тщательного изучения организационных форм деятельности транспорта, представляющего из себя одно из самых ярких проявлений связи между промышленностью и сельским хозяйством, на которой основывается социализм¹.

Но если обратиться к литературе, опубликованной по вопросам правового регулирования транспортных отношений, то нетрудно заметить, что она преимущественно затрагивает лишь одну из правовых форм, опосредствующих эти отношения, — договор перевозки. Не преуменьшая значения договора перевозки, в особенности его роли в борьбе за обеспечение сохранности перевозимых грузов и срочности их доставки, нельзя вместе с тем недоучитывать значения других форм регулирования транспортных отношений. Одной из этих форм является **п л а н о в о е р е г у л и р о в а н и е**, имеющее на транспорте такие особенности, которые обуславливают возможность применения **г р а ж д а н с к о й о т в е т с т в е н н о с т и** по правоотношениям, возникающим из плановых (административно-правовых) актов².

Несмотря на своеобразие этих правоотношений и значение для практики связанных с ними вопросов гражданско-правовой ответственности, последние до недавнего времени затрагивались лишь при систематической характеристике перевозочных правоотношений³.

¹ См.: Ленин В.И. Соч. Т. 27. С. 277; Т. 32. С. 259.

² В настоящей работе категории «гражданские правоотношения», «гражданская ответственность» применяются к отношениям ответственности в области планового социалистического хозяйства в том условном значении, которое принято в данное время в советской науке и практике, — в значении специфических правовых форм, связанных с использованием при социализме товарно-денежных отношений (об особенностях гражданских правоотношений и гражданской ответственности в указанном смысле см. ниже).

³ *Иволженский В.Н.* Правовые вопросы железнодорожных перевозок. Трансжелдориздат, 1951 (1955). Гл. 1; *Шкундин З.И.* Договоры перевозок // Советское гражданское право: Учебник для юрид. вузов / Под ред. С.Н. Братуся. Ч. II. Госюриздат, 1951. Гл. XI; *Тарасов А.И.* Договор перевозки по советскому праву. Водтрансиздат, 1954. Гл. I второго раздела; *Яичков К.К.* Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. Изд-во Академии наук СССР, 1958.

Только в последние годы стали предприниматься попытки специальной разработки указанной проблемы¹. Между тем планирование перевозок является главным из того качественно нового, что свойственно организации транспортного обслуживания в социалистическом обществе в отличие от организации транспортного обслуживания капиталистического общества. А отсюда — и значение права этого института планирования перевозок, который наиболее ярко характеризует качественные особенности правового регулирования грузоперевозочных отношений в условиях социалистического хозяйства. Все это свидетельствует о том, что теоретическая разработка правовых вопросов планирования перевозок, и прежде всего вопросов, посвященных ответственности за невыполнение плана, является в советской правовой науке задачей важной и неотложной. Настоящая работа посвящена основным вопросам гражданско-правовой ответственности за невыполнение плана перевозок. В работе использована судебная практика. Причем автор исходил в основном из опубликованных постановлений Пленума и определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР, а по ряду вопросов использовал практику Верховного суда РСФСР и областных судов. С целью максимального привлечения указаний Верховного Суда СССР при характеристике действующего нормативного материала в работе приводятся постановления Пленума и определения Коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР, вынесенные в период действия Устава ж. д. 1935 года, но сохранившие свое значение и после принятия Устава ж. д. 1954 года. Кроме того, в той мере, в какой правовое регулирование планирования перевозок на железнодорожном и водном транспорте совпадает, автором использована также судебная практика по делам, относящимся к перевозке по внутренним водным путям.

¹ См.: *Егоров К.Ф.* Гражданско-правовая ответственность за невыполнение плана грузовых перевозок: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1955; *Грибанов В.П.* Плано-вый характер договора железнодорожной перевозки // Вопросы советского транспортного права. Госюриздат, 1957.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ

**§ 1. План грузовых перевозок и возникающие
на его основе гражданские правоотношения**

1. Необходимость планирования грузовых перевозок на железнодорожном транспорте вытекает из требований закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства — закона, действие которого, в свою очередь, определяется требованиями основного экономического закона социализма. Обусловленность планирования на транспорте требованиями основного экономического закона социализма нашла свое отражение и в Уставе ж. д., ст. 34 которого предписывает, что «в планах перевозок грузов по железным дорогам должно предусматриваться удовлетворение потребности страны в перевозках грузов».

Планирование перевозок на транспорте является неотъемлемым звеном системы планового хозяйственного руководства, осуществляемого Советским государством. При этом так же, как транспорт заканчивает процесс производства в сферах сельского хозяйства и промышленности, планирование на транспорте является продолжением планов производства промышленности и сельского хозяйства, планов снабжения и товарооборота. Зависимость планирования грузовых перевозок от планирования в других отраслях материального производства также закреплена в ст. 34 Устава ж. д., устанавливающей, что «планы перевозок грузов по железным дорогам составляются на основе планов производства, капитального строительства, материально-технического снабжения, товарооборота, межреспубликанских поставок и поставок для общесоюзных нужд». Действующая система планирования на транспорте — это результат окончательной победы социализма в народном хозяйстве нашей страны. Правда, и в период нэпа транспорт, в частности железнодорожный транспорт, составлявший одну из тех командных высот, которые на-

ходились в руках Советского государства, создавал условия для осуществления широкого государственного планирования грузовых перевозок. Эти условия, однако, не могли быть полностью претворены в жизнь в связи с многоукладностью экономики и недостаточным развитием производительных сил страны, которые ограничивали сферу действия закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства. Лишь после того, когда социализм в стране был в основном построен, Коммунистическая партия и Советское правительство приняли меры к введению всеобъемлющей системы планирования на транспорте¹, которая была закреплена в Уставе ж. д. 1935 года. Эта система с некоторыми изменениями² действует до настоящего времени³. Развернутое закрепление она нашла в Уставе ж. д. 1954 года. Проведенная в 1957 году перестройка управления промышленностью и строительством повлекла за собой дальнейшее совершенствование порядка планирования грузовых перевозок, упростила его, сделала более гибким, четким и эффективным, усилила роль железных дорог и клиентуры в конкретизации и детализации государственных планов.

Планирование перевозок на железнодорожном транспорте в настоящее время осуществляется в следующих двух основных формах:

а) централизованное планирование. Эта форма планирования перевозок установлена в отношении ряда важнейших грузов (нефтяных грузов, зерна, муки, сахара, мяса, молочных продуктов и рыбы, импортных грузов), а также в отношении перевозки грузов, следующих с перевалкой с водного транспорта.

При централизованной системе планирования грузовых перевозок квартальный план с распределением по месяцам устанавливается Министерством путей сообщения (МПС) на основе проектов

¹ См. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О планировании перевозок и улучшении работы местных органов НКПС» от 23 марта 1934 г. (СЗ СССР. 1934. № 16. Ст. 117).

² Наиболее важные изменения имели место в 1939 году, когда был осуществлен переход от планирования только размеров погрузки к составлению планов перевозки по родам грузов, дорогам отправления и назначения.

³ Особенности развития европейских стран народной демократии позволили им ввести всеобъемлющую систему планирования перевозок в условиях многоукладного хозяйства.

Единство правового регулирования планирования грузовых перевозок в СССР и в ряде стран народной демократии дает возможность, применяя сравнительный метод в правоведении, использовать данные теории и практики в этих странах для разработки общих правовых вопросов. Так, в дальнейшем изложении будет использована работа Л. Василева «Правен режим на планирането на перевозите» (Известия на правния институт. 1955. Кн. 1–2. София, 1955. С. 91–141).

планов, предоставляемых центральными ведомствами, в том числе Госпланами союзных республик. После этого утвержденный план доводится для исполнения до железных дорог и предприятий-грузоотправителей¹;

б) планирование, осуществляемое на местах, — железными дорогами.

Эта форма планирования перевозок установлена в отношении большинства перевозимых по железным дорогам грузов, в частности кокса, строительных материалов, автомобилей, дров, торфа, сланцев, картофеля, овощей, сахарной свеклы и др.

При планировании указанных грузов железная дорога, опираясь на утвержденный МПС годовой план, который определяет лишь общие размеры (лимиты) перевозок, планирует перевозки для отдельных грузоотправителей самостоятельно, согласовывая их лишь с совнархозами и местными планирующими организациями.

Проекты планов представляются здесь совнархозами, советами министров автономных республик, обл(край)исполкомами и другими организациями, указанными в п. 7 Основных положений о годовом и квартальном планировании перевозок грузов².

В Уставе ж.д. 1954 года специально не предусматривалось планирование грузовых перевозок, осуществляемое железными дорогами, что было связано с ограниченностью применения этой формы планирования на практике. Однако в связи с перестройкой управления народным хозяйством и порядком материально-технического снабжения роль рассматриваемой формы планирования настолько повысилась, что Основные положения о годовом и квартальном планировании выдвинули ее на первое место.

¹ Термин «централизованное планирование» имеет условное значение. Всякое планирование является формой централизованного руководства. В настоящей работе это понятие, применяемое в нормативных актах и ведомственной практике, используется для обозначения той системы планирования, где принцип централизованного руководства проявляется с особой силой и отчетливостью.

² В частичное изменение Основных положений о годовом и квартальном планировании Совет Министров СССР постановлением от 10 января 1959 г. установил, что квартальные планы перевозок каменного угля, нефтяных грузов, черных металлов, руды всякой и лесных грузов утверждаются МПС по согласованию с Госпланом СССР и Госпланами союзных республик (СП СССР. 1959. № 1. Ст. 7).

Наряду с указанными двумя основными формами планирования грузовых перевозок действующими правилами предусмотрена еще одна форма — планирование так называемых с в е р х п л а н о в ы х и в н е п л а н о в ы х перевозок. Вопреки принятому в Уставе ж. д. наименованию погрузка сверх плана или вне плана также в определенной мере охватывается плановым регулированием, осуществляемым железной дорогой. Однако в отличие от ранее рассмотренных (основных) форм планирования здесь плановое регулирование осуществляется не по календарным срокам, так как соответствующее разрешение начальником дороги дается на каждую перевозку в отдельности. Причем начальник дороги имеет право разрешить такого рода перевозки лишь в пределах, установленных МПС, без ущерба для выполнения государственного плана и при условии выполнения задания по сдаче порожних вагонов (ст. 48 Устава ж. д.).

Как справедливо отмечено в юридической литературе, плановый характер в конечном счете имеют также перевозки, осуществляемые в порядке мелких отправок через склады станций и транспортно-экспедиционных контор¹.

2. Актам, в которых осуществляется процесс планирования перевозки грузов, свойственны черты административно-правовых актов: будучи изданными государственными органами, они являются волевыми действиями, имеющими организационный, властнообязывающий характер. Поэтому отношения, складывающиеся при планировании грузовых перевозок, имеют по своей основе административную природу.

Специфические черты планирования грузовых перевозок и, следовательно, правоотношений, складывающихся в процессе планирования, состоят в следующем:

а) Планирование грузовых перевозок осуществляется не в одном плановом акте, а всегда в системе актов. Даже при таком, казалось бы, простейшем, в сущности единичном планировании, которое имеет место при погрузке сверх месячного плана или вне плана, мы встречаемся, по крайней мере, с двумя административно-правовыми актами — разрешительным актом начальника железной дороги и заданием начальника отделения дороги.

б) Процесс планирования грузовых перевозок характеризуется тем, что важнейшую роль в этом процессе играют органы железнодорож-

¹ См.: Яичков К.К. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 51.

ного транспорта. В соответствии со своим хозяйственным и правовым положением организации железнодорожного транспорта являются не только исполнителями плановых заданий, но и органами планирования. Планирование перевозок многих видов грузов, а также погрузки сверх установленных норм или вне норм целиком осуществляется железными дорогами. Но даже при централизованном планировании МПС и железные дороги играют руководящую роль; детализация государственного плана закрепляется в актах, издаваемых в основном органами железнодорожного транспорта.

в) Планирование грузовых перевозок органически сочетается с многообразными правовыми формами, в которых осуществляется учет инициативы и самостоятельности исполнителей плановых заданий. Эта особенность планирования перевозок грузов, которая имеет решающее значение для выяснения правовой природы имущественной ответственности за невыполнение плана, нуждается в более детальном рассмотрении. Планирование грузовых перевозок на железнодорожном транспорте осуществляется на основе принципа демократического централизма, требующего, как и в других областях планирования, органического сочетания централизованного руководства с творческой инициативой, самостоятельностью исполнителей плановых заданий. В каких же правовых формах выражается инициатива и самостоятельность участников грузоперевозочного процесса?

Казалось бы, что ответ на этот вопрос может быть исчерпан ссылкой на роль договора грузовой перевозки, поскольку гражданско-правовой договор является универсальной правовой формой учета инициативы и самостоятельности участников имущественных отношений в социалистическом хозяйстве. Однако более подробное рассмотрение поставленной проблемы не дает оснований для того, чтобы ограничиться столь общей ссылкой на роль перевозочного договора.

Дело в том, что в настоящее время решающее значение в регламентации перевозочных отношений имеет жесткое нормативное и плановое регулирование. Все существенные условия грузовой перевозки предопределяются в нормативном и плановом порядке¹.

¹ Вывод Н. Дубровина о том, что «Устав железных дорог заранее регламентирует в се (разрядка моя. — С.А.) условия договора по перевозкам» (Новый устав железных дорог СССР // Железнодорожный транспорт. 1955. № 1. С. 23), несомненно, слишком категоричен, но содержащаяся в нем мысль о жесткости правового нормирования перевозочных отношений не может встретить каких-либо серьезных возражений.

Конечно, неверно было бы сводить на нет роль договора перевозки как гражданско-правового метода регулирования перевозочных отношений. Перевозочный договор играет определенную роль в регламентации условий перевозки, относящихся к предмету исполнения (его количественной и качественной характеристике), месту исполнения (станции назначения), субъекту его принятия (грузополучателю). И хотя здесь отсутствует специфическое для договорного регулирования согласование вопросов, не установленных в нормативном и плановом порядке, указанная выше регламентация условий перевозки закрепляется в двустороннем волевом акте, который не может получить иную юридическую квалификацию, кроме договора. Следует иметь в виду также, что при передаче грузоотправителем накладной вместе с грузом и их принятии железной дорогой имеет место восприятие индивидуальной волей воли государства, выраженной в нормативных и плановых актах. А это должно рассматриваться в качестве функции договорного регулирования, открывающей широкие возможности для применения системы взаимного имущественного контроля¹.

Но все это нельзя признать основанием для преувеличивания роли договора перевозки. Круг тех вопросов, которые решаются при его заключении, а главное — способ их решения свидетельствуют о том, что договор перевозки не может быть признан главным средством осуществления инициативы и самостоятельности исполнителей плановых заданий. Ограниченное значение договора в сфере планируемых грузоперевозочных процессов связано с теми его существенными чертами, которые отличают перевозочный договор от других хозяйственных договоров и которые состоят в том, что договор перевозки относится к числу *р а з о в ы х* сделок, имеющих к тому же по объему регулируемых отношений *л о к а л ь н ы й* характер.

Охватывая своей регламентацией не весь комплекс перевозочных отношений, а лишь его часть — наиболее важную, но именно только часть этого комплекса, договор грузовой перевозки рассчитан на регулирование отношений сторон не на более или менее длительный период (что характерно для большинства других хозяйственных договоров),

¹ Впервые в юридической литературе роль договора как акта восприятия индивидуальной волей общей воли, выраженной в нормах права, выявил на материале трудового права А.Е. Пашерстник (см.: *Пашерстник А.Е.* Право на труд. Изд-во Академии наук СССР, 1951. С. 195). Указанной функции договора, к сожалению, не учитывает Дозорцев А.В., который отрицает договорную природу отношений по грузовой перевозке грузов (см.: *Дозорцев А.В.* Некоторые вопросы договорного регулирования отношений по поставке // Научные записки. Внешторгиздат, 1955. С. 146–147).

а лишь по каждому единичному случаю перевозки в отдельности. Поэтому значение перевозочного договора как средства учета хозяйственных интересов участников перевозки, особенностей их хозяйственного положения следует признать более ограниченным, чем роль длящихся хозяйственных договоров, направленных на регламентацию всей или почти всей совокупности общественных отношений данного комплекса (договоров поставки, подряда на капитальное строительство и др.)¹.

Но в каких же формах осуществляется правовое опосредствование инициативы и самостоятельности адресатов плановых заданий, если гражданско-правовой договор в этой области хозяйственных отношений играет ограниченную роль? Отвечая на этот вопрос, необходимо указать на своеобразие связи планирования, с одной стороны, а с другой — инициативы и самостоятельности исполнителей плановых зада-

¹ По мнению авторов, безоговорочно отстаивающих договорную природу правоотношений при грузовой перевозке, отсутствие в уставах ж. д. 1935 и 1954 гг. указания на договорный характер перевозочных отношений не имеет какого-либо существенного значения (см., например: *Яичков К.К.* Договор перевозки и его значение в осуществлении планов народнохозяйственной деятельности // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 64). Признавая, что юридическую природу тех или иных отношений определяет существо этих отношений, а не их терминологическое обозначение в законе, нельзя вместе с тем недооценивать употребляемую законодателем терминологию. Если вспомнить, что Устав ж. д. 1927 года вслед за Уставом ж. д. 1922 года прямо именовал перевозочные отношения договорными (ст. 58) и несмотря на это Устав ж. д. 1935 года отказался от такого обозначения действий отправителя и железной дороги при вручении и принятии ими накладной вместе с грузом, то указанное обстоятельство лишь с большой натяжкой можно отнести к категории случайных. При этом довольно симптоматично, что Устав ж. д. 1954 года не восстановил терминологию Устава ж. д. 1922 и 1927 гг., хотя в литературе послевоенного периода настойчиво подчеркивался договорный характер перевозочных отношений, а Устав нередко применяет термин «договор» (см., например, ст. 61, 119, 120).

Следует думать, что отказ Уставов ж. д. 1935 и 1954 гг. от термина «договор перевозки» в какой-то степени обоснован. В подтверждение этого можно сослаться на нормативную практику регулирования отношений в области социалистического хозяйства. В нормативных актах, регулирующих отношения между социалистическими хозяйственными организациями, термин «договор» применяется обычно для обозначения длящихся двусторонних сделок, имеющих серьезное правоустановительное значение. Именно поэтому в нормативных актах можно встретить наряду с термином «договор» термин «разовая сделка».

Таким образом, законодатель довольно четко представляет различия между указанными группами хозяйственных договоров, что и находит свое отражение в специфике соответствующей терминологии. Поскольку же перевозочный договор является разовой сделкой, это сказалось на терминологическом обозначении договорных отношений в Уставах ж. д. 1935 и 1954 гг. С учетом сказанного едва ли можно согласиться с правомерностью обоснования договорной природы перевозочных отношений путем распространения на них положений, имеющих доказательственное значение в отношении длящихся хозяйственных договоров, в частности договора поставки.

ний. Было бы неправильно изображать их соотношение таким образом, что планирование — это только централизованное руководство, а самостоятельность сторон — это только договорное опосредствование регламентируемых планом отношений. Нормативная и хозяйственная практика в СССР выработала такие формы планирования, которые включают в себя в качестве необходимых элементов инициативу и самостоятельность адресатов плановых заданий, осуществляемых вне договора. Гражданско-правовой договор является хотя и универсальной, но не единственной, а в некоторых отношениях даже не самой важной формой выражения инициативы и самостоятельности исполнителей плановых заданий. К ним и принадлежат отношения, складывающиеся при железнодорожной перевозке грузов.

Для планируемых перевозок на железнодорожном транспорте специфичны такие формы выражения инициативы и самостоятельности участников грузоперевозочного процесса, которые проявляются на основе и в пределах административно-правовых отношений. Причем, поскольку руководящая роль в детализации государственного плана вверяется органам железнодорожного транспорта, специфические интересы последних могут быть с достаточной полнотой отражены непосредственно в плане перевозок. Таким образом, практически речь идет о правовых формах опосредствования инициативы и хозяйственной самостоятельности клиентуры, в интересах которой осуществляются перевозки. Обращаясь с этих позиций к анализу действующей системы планирования перевозок, можно прийти к выводу, что, хотя обязанность по детализации государственного плана возложена на железную дорогу, грузоотправителям и его ведомствам предоставляется право непосредственного участия в процессе детализации и уточнения.

Рассмотрим этот вопрос отдельно применительно к двум стадиям планирования перевозок — стадии составления плана и стадии, на которой определяется порядок его выполнения.

3. При составлении планов грузовых перевозок в процесс планирования включаются прежде всего центральные органы клиентуры (поставщиков)¹.

¹ См. п. 11 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 апреля 1958 г. «О мерах по улучшению организации материально-технического снабжения народного хозяйства СССР» (СП СССР. 1958. № 8. Ст. 68); п. 1—10 постановления Совета Министров СССР от 6 ноября 1958 г. «Основные положения о годовом и квартальном планировании перевозок грузов железнодорожным, морским и речным транспортом» (СП СССР. 1958. № 18. Ст. 145).

Но если в составлении годовых и квартальных планов принимают участие центральные организации, представляющие интересы грузоотправителей (Госплан СССР, Госпланы союзных республик, совнархозы и др.), то при составлении детализированных месячных планов в процесс планирования включаются непосредственно грузоотправители¹.

Исходя из данных квартального плана, территориальные органы управления (совнархозы, облисполкомы и др.) не позднее чем за 19 дней до планируемого месяца сообщают своим предприятиям-грузоотправителям и в копии управлениям железных дорог планы погрузки по родам груза на месяц, в тоннах и вагонах в среднем в сутки. Грузоотправители же со своей стороны не позднее чем за 14 дней до начала планируемого месяца обязаны представить начальнику железной дороги развернутые планы перевозок по родам груза, станциям отправления и железным дорогам назначения, а по грузам, перевозимым в пределах дорог отправления, — по станциям назначения. При этом по каждому роду груза и по каждой станции погрузки составляется отдельный план.

Месячные планы, представленные грузоотправителем по каждому роду груза и станции отправления, не обладают юридической силой властного административного акта, обязательного для исполнения всеми его адресатами. Правовую силу административного акта они приобретают после их принятия железной дорогой как органом государственного управления.

Но это не значит, что актом принятия дорогой развернутых месячных планов снимается правовая значимость планов, представляемых грузоотправителем. Железная дорога вправе не принять планы грузо-

¹ Правда, грузоотправители вступают в процесс составления перевозочных планов еще в период предварительной работы, предшествующей утверждению плана. Так, предприятия, подчиненные совнархозу, представляют заявки на перевозку соответствующему отраслевому или транспортному управлению совнархоза. Совнархозы сводные заявки по всем грузам и железным дорогам направляют в Госпланы союзных республик и железным дорогам. Последние после тщательной проверки экономической обоснованности заявок представляют проекты планов МПС. Хотя вся эта работа носит предварительный характер, она строго урегулирована в нормативном порядке. Говоря об отношениях, возникающих при подаче клиентурой заявок на перевозку грузов, М.И. Бару пишет, что «эта система является ярким подтверждением тому, что предварительная работа, предшествующая утверждению плана, получает свое отражение в праве. Право здесь выступает не только как средство, способствующее выполнению и перевыполнению плана, но и как средство организации самого процесса планирования» (Бару М.И. План и договор // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 8. Харьков, 1957. С. 39).

отправителей лишь при отклонении их от установленных МПС размеров погрузки (§ 19 Правил планирования). Таким образом, детализация плановых показателей, характеризующих род груза и направление перевозки, осуществляется непосредственно грузоотправителем; железная дорога, если нет нарушений от предусмотренных нормативов погрузки, не вправе отклонить установленные грузоотправителем станции отправления и назначения¹.

Порядок детализации месячного плана перевозок может создать впечатление, что определение станции отправления и назначения вообще выходит за сферу планирования. Однако, принимая во внимание нормативные положения ст. 49 Устава ж. д., согласно которым изменение станций отправления и назначения расценивается как изменение плановых показателей, такого вывода сделать нельзя. Напротив, содержание ст. 49 Устава ж. д. диктует другой вывод: не устраняя определение станции отправления и назначения из сферы планирования, Устав ж. д. предоставляет клиентам по этим вопросам право прямого участия в планировании перевозок. Установленные клиентом станции отправления и назначения после соответствующей проверки со стороны дороги принимаются последней и в силу этого приобретают характер плановых показателей, обязательных для самого грузоотправителя².

Итак, процесс составления плана грузовых перевозок, который заканчивается принятием железной дорогой развернутого месячного плана клиента, характеризуется тем, что в этот процесс непосредственно включаются грузоотправители и организации ведомств грузоотправителей. Причем плановые акты, в которых детализируется государственный план и складывающиеся на их основе отношения, имеют во всех случаях административно-правовую природу.

¹ Такой порядок детализации месячного плана был установлен еще Уставом ж. д. 1935 года. Причем значение соответствующих актов грузоотправителя было сформулировано в нем более точно и определено: «Станции отправления, назначения и получатель грузов... устанавливаются непосредственно грузоотправителем» (абз. IV. Ст. 12).

² Что же касается установления отправителем получателя груза, то эта сторона регулирования перевозочных отношений действительно выходит за сферу планирования. Устав ж. д. не устанавливает каких-либо специальных ограничений для грузоотправителя в области определения получателя груза на любой стадии перевозки. По ст. 81 Устава ж. д. даже после принятия груза и перевозки «грузоотправителю предоставляется право изменить указанного в накладной получателя груза». Специфика определения получателя груза связана с тем, что то или иное решение указанного вопроса не влияет на деятельность дороги, если это не влечет изменения станции назначения.

МПС и центральные ведомства при согласовании квартальных планов выступают в качестве органов государственного управления, выполняющих организационные властные функции. Вместе с тем предоставление клиентуре и организациям ведомства клиентуры права прямого участия в процессе составления плана перевозок (что, в частности, находит выражение в совместных актах) сочетается с выполнением железной дорогой ее функции руководящего органа в области планирования перевозок. Именно поэтому действующими правилами предусмотрено, что независимо от оставшихся разногласий между МПС и ведомствами по объемам погрузки доведение планов до грузоотправителей не приостанавливается, и грузоотправители обязаны представить управлениям дорог месячные развернутые планы на объемы погрузки, объявленные МПС и управлениями железных дорог (п. 11 Основных положений о годовом и квартальном планировании перевозок грузов).

4. В отличие от стадии составления плана перевозок на стадии, связанной с определением порядка его выполнения, наряду с административно-правовыми отношениями складываются отношения, имеющие гражданско-правовой характер. Поэтому если при составлении плана инициатива и самостоятельность участников грузоперевозочного процесса находила выражение исключительно в пределах административно-правовых отношений, то здесь мы находим и иные формы выражения воли сторон.

Правда, при определении порядка выполнения месячного плана так же, как и при регламентации других этапов грузоперевозочного процесса, решающее значение имеет жесткое нормативное регулирование и регулирование, осуществляемое железной дорогой как органом государственного управления. Согласно ст. 44 Устава ж. д. начальник отделения дороги устанавливает (правда, опять-таки по согласованию с грузоотправителями) порядок выполнения плана, обеспечивающий равномерность и ритмичность погрузки по отделению дороги в течение месяца и суток, а также укрупнение перевозок. Конечный акт, на основании которого станция подает клиенту подвижной состав, имеет административно-правовую природу, это — объявляемое станциям за сутки до наступления очередной пятидневки задание начальника отделения дороги на подачу вагонов, предусматривающее в отношении данного грузоотправителя количество вагонов на каждые сутки по родам грузов и железным дорогам назначения (абз. III ст. 44 Устава ж. д.).

Однако наряду с административно-правовыми актами на рассматриваемой стадии грузоперевозочного процесса исполнители плановых заданий (прежде всего — грузоотправители) совершают акты, которые имеют гражданско-правовое значение. К числу этих актов относятся: 1) пятидневные заявки грузоотправителей, 2) принятые железной дорогой заявки на дополнительное количество подвижного состава сверх количества, предусмотренного пятидневным заданием, 3) согласие грузоотправителя на сверхнормативное сгущение погрузки.

Обратимся к краткой характеристике каждого из названных актов.

В соответствии с абз. II ст. 44 Устава ж. д. грузоотправитель за два дня до наступления пятидневки обязан подать начальнику отделения дороги заявку с календарным расписанием размеров погрузки по дням пятидневки. Техническое значение пятидневных заявок очевидно: в своей совокупности они дают начальнику отделения дороги исходные данные для составления заданий на подачу вагонов. Но каково юридическое значение пятидневных заявок?

Для того чтобы с большей полнотой выяснить поставленный вопрос, обратимся к данным судебной практики.

Комбинат «Апатит» предъявил иск о взыскании с Кировской ж. д. санкций за неподачу вагонов согласно плану. Решением народного суда г. Петрозаводска, оставленным в силе определением Верховного Суда РСФСР, в иске комбинату было отказано в связи с тем, что комбинат не представил дороге пятидневных заявок. Это решение суда было отменено Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда СССР, которая указала: непредъявление клиентом требуемых Уставом ж. д. дополнительных пятидневных заявок не освобождает дорогу от выполнения месячного плана.

Однако Пленум Верховного Суда СССР своим постановлением признал это указание неправильным. Особо важным является следующее выдвинутое Пленумом положение: «Надлежащее выполнение дорогой плана подачи вагонов **о б у с л о в л е н о** (разрядка моя. — С.А.) предъявлением клиентурой пятидневных заявок, установленных... с целью обеспечить планомерную подачу вагонов в соответствии с возможностью их погрузки».

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР, по-видимому, исходила из того, что заявки на пятидневку не играют какой-либо роли в определении условий выполнения месячного плана. В противовес этому Пленум Верховного Суда СССР признал за пятидневной заявкой роль средства, которое обуславливает надлежащее выполнение месячного плана. Пленум Верховного Суда СССР отме-

тил, что дорога, «...не имея в своем распоряжении пятидневных заявок на подачу вагонов, не обладает по вине клиента календарным расписанием подачи вагонов и, следовательно, не в состоянии приступить к планомерной подаче вагонов...»¹.

Эта же мысль выражена в определении Верховного Суда СССР по иску Кировской ж. д. к Беломорско-Балтийскому каналу, в котором сказано: «Непредставление пятидневной заявки дает дороге основания считать, что погрузка отправителем не будет производиться...»² Верховный Суд СССР, следовательно, считает возможным рассматривать непредставление заявки как отказ от погрузки в предстоящей пятидневке. Но если непредставление клиентом пятидневной заявки может рассматриваться как отказ грузоотправителя от назначенных по плану вагонов, то, напротив, своевременное представление заявки должно быть квалифицировано в качестве одностороннего акта клиента, которым он подтверждает свою готовность в предстоящей пятидневке выполнять план перевозок.

Правда, железная дорога, опираясь на свои административно-правовые полномочия планирующего органа, может в отдельные дни пятидневки предусмотреть в задании подачу иного количества подвижного состава, чем количество, запрошенное в заявке. Однако такое отклонение не освобождает клиента от обязанности по погрузке подвижного состава, согласно месячному плану, поскольку принятие клиентом на себя обязанности по погрузке на каждый день имеет лишь дополнительный и причем односторонний характер. Таким образом, заявку можно рассматривать как односторонний акт грузоотправителя, принимающего на себя перед железной дорогой обязанность по выполнению плана в течение очередной пятидневки. В этом заявлении о готовности выполнять плановое задание в течение очередной пятидневки и состоит гражданско-правовое значение заявки, являющейся важнейшим средством при определении порядка выполнения месячного плана.

Справедливые, на наш взгляд, соображения высказаны по этому вопросу К.К. Яичковым. «В гражданско-правовом отношении, — пи-

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР. Юриздат, 1946. Вып. III. С. 9.

² Судебная практика Верховного Суда СССР. Юриздат, 1943. Вып. III. С. 19–20; см. также определение Верховного Суда СССР по иску Хабаровской конторы «Сахалиндорога» к управлению Нижне-Амурского речного пароходства (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1942 год. Юриздат, 1947. С. 183–184).

шет он, — заявка отправителя представляет собой одностороннюю сделку. Представлением пятидневной заявки отправитель выражает свою волю получить исполнение по обязательству о подаче ему перевозочных средств и свое намерение выполнить лежащее на нем обязательство предъявить груз к перевозке согласно плану»¹.

Однако, отмечая гражданско-правовое значение пятидневной заявки как акта, подтверждающего готовность грузоотправителя выполнять в текущей пятидневке план перевозок, необходимо все же учитывать, что регулирующая роль заявки весьма ограничена. Как правило, ее значение сводится к подтверждению на данную пятидневку среднесуточной нормы погрузки, предусмотренной месячным планом. Лишь в случаях, когда заявка, представленная на повышенное против среднесуточной нормы количество вагонов, принимается и фактически выполняется дорогой, ее правоустановительное значение проявляется более отчетливо.

Существенную роль в регулировании порядка выполнения месячного плана играют и принятые железной дорогой заявки клиентов на дополнительное количество подвижного состава сверх нормы, предусмотренной пятидневным заданием начальника отделения дороги. § 10 Правил составления учетной карточки, предусматривающий такой способ выражения инициативы и самостоятельности исполнителей месячного плана, требует, чтобы заявка (просьба) грузоотправителя имела письменную форму, причем фактом, свидетельствующим о принятии заявки, является подача вагонов под погрузку. По своей правовой природе принятые дорогой заявки клиентов являются уже не односторонним актом грузоотправителя (что характерно для пятидневных заявок), а актом двусторонним — разовым (реальным) соглашением.

Аналогичное значение имеет и согласие грузоотправителя на сверхнормативное сгущение погрузки. Железной дороге предоставлено право увеличивать для некоторых отправителей нормы погрузки в отдельные дни — сгущать погрузку. Такое сгущение, имеющее цель укрупнить перевозки, восполнить недогруз и более рационально использовать подвижной состав, производится на основании распоряжения начальника отделения дороги с учетом максимальной перерабатывающей технической способности по-

¹ Яичков К.К. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 60.

грузочных пунктов отправителя. Но сгущение погрузки имеет обязательное значение для отправителя лишь в тех случаях, когда оно производится в пределах норм, указанных в ст. 46 Устава ж. д. Сгущение же погрузки сверх установленных пределов может производиться с предварительного согласия отправителя (абз. II, стр. 46). Согласие грузоотправителя на сверхнормативное сгущение подачи вагонов и подача соответствующего количества вагонов дорогой представляют собой так же, как и при заявке на дополнительное количество подвижного состава, разовое (реальное) соглашение между сторонами.

Как при заявке на подачу подвижного состава сверх пятидневного задания, так и при согласии на сверхнормативное сгущение погрузки разовое соглашение является средством, при помощи которого детализируется (уточняется) суточная норма подачи вагонов, предусмотренная месячным планом. В указанных случаях в качестве непосредственного основания возникновения обязанностей сторон выступают не только месячный план, но и разовые соглашения.

5. Краткая характеристика стадии составления плана перевозок и стадии, на которой определяется порядок его выполнения, подтверждает сделанный ранее вывод о решающей роли в рассматриваемой области общественных отношений, административно-правовых форм опосредствования инициативы и самостоятельности участников перевозки. Утверждение указанных форм в качестве доминирующих не могло не сказаться на объеме и характере договорной регламентации перевозочных отношений. Этим объясняется сужение сферы действия договора перевозки, последовавшее в 30-х годах. В настоящее время правоустановительное значение воли сторон имеет место главным образом в области планирования перевозок. Еще до заключения договора при составлении плана и определении порядка его выполнения находят свое решение те вопросы, которые в иных сферах отношений между социалистическими хозяйственными организациями являются предметом договорного регулирования. Поэтому при железнодорожных перевозках грузов нет необходимости в широком использовании перевозочного договора как единственной формы регламентации перевозочных отношений: решение вопросов, подлежащих децентрализованному регулированию, в значительной мере перенесено из этой области в сферу планирования.

Однако, утверждая, что при железнодорожной перевозке грузов решающую роль играют административно-правовые формы опосредствования инициативы и самостоятельности участников перевозки,

не следует забывать, что со стадии, на которой определяется порядок выполнения месячного плана, наряду с административно-правовыми отношениями начинают складываться отношения гражданско-правового характера. Перенос в сферу планирования вопросов, подлежащих решению на основе учета воли и инициативы сторон, повлек за собой проникновение в эту сферу определенных гражданско-правовых элементов, неразрывно связанных с осуществлением оперативно-хозяйственной самостоятельности социалистических предприятий и организаций¹. А включение гражданско-правовых элементов непосредственно в сферу планирования перевозок (на стадии определения порядка выполнения плана) является одним из факторов, свидетельствующих о гражданско-правовом характере имущественной ответственности за невыполнение плана перевозок.

Гражданское правоотношение представляет собой особый тип правовых отношений, который характеризуется юридическим равенством сторон, основанным на их оперативно-хозяйственной самостоятельности. Именно с этим связана специфика гражданско-правовой ответственности, направленной прежде всего на восстановление нарушенного имущественного состояния и осуществляемой через судебные (арбитражные) органы. К.Ф. Егоров справедливо, по нашему мнению, пишет об обязательстве, возникающем из плана перевозок: «В этом обязательстве, бесспорно, имеются элементы административно-правовые, но в целом оно характеризуется равенством сторон, которые выступают в данном правоотношении как самостоятельные и не подчиненные в хозяйственно-организационной сфере друг другу лица. При этом равенство сторон не противостоит плановому характеру этих отношений, а, наоборот, является средством осуществления плановых заданий»².

Специфические черты гражданского правоотношения как особого типа правовых отношений неразрывно связаны с основаниями его возникновения. Административно-правовой акт может сыграть роль начальной «завязки» в установлении правоотношения между юридически равными лицами. Но поскольку это правоотношение должно опосредствовать имущественные связи именно как гражданское пра-

¹ Автор при этом исходит из того понимания сущности гражданско-правового регулирования, которое в общих чертах изложено им в статье о предмете советского гражданского права и методе гражданско-правового регулирования (см.: Советское государство и право. 1955. № 2).

² Егоров К.Ф. Гражданско-правовая ответственность за невыполнение плана грузовых перевозок: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1955. С. 6.

воотношение, то становится неизбежным присоединение к административно-правовым актам тех или иных элементов (фактов), имеющих гражданско-правовое значение. Поэтому на первых стадиях развития гражданского правоотношения некоторые обязанности сторон могут возникнуть непосредственно из административно-правовых актов (именно такие свойства имеют обязанности грузоотправителя по представлению дороге развернутого месячного плана и пятидневных заявок), но на последующих стадиях к ним непременно должны присоединиться определенные акты, имеющие гражданско-правовое значение, — акты, которые со стороны правообразующих юридических фактов и придают правоотношению в целом гражданско-правовой характер.

§ 2. Гражданские правоотношения, вытекающие из месячного плана перевозок, как структурная часть перевозочного обязательства

1. В настоящее время господствующим по вопросу о структуре перевозочных правоотношений является взгляд, согласно которому они образуют два самостоятельных обязательства, одно из которых включает правоотношения, вытекающие из плана перевозок, а другое — правоотношения, имеющие договорный характер¹. Выдвинутое в начале 50-х годов это воззрение на природу правоотношений при грузовой перевозке с редким единодушием воспринято в цивилистике в качестве положения, которое не нуждается в дополнительной проверке².

¹ *Изволенский В.Н.* Правовые вопросы железнодорожных перевозок. М.: Трансжелдориздат, 1951. С. 19 и 39; 1955. С. 23 и 40—41; *Шкундин З.И.* Договоры перевозки // Советское гражданское право: Учебник для юрид. вузов / Под ред. С.Н. Братуся. Ч. II. Госюриздат, 1951. Гл. XI. С. 187—194; *Халфина Р.О.* Административный акт и гражданско-правовой договор // Советское государство и право. 1952. № 1. С. 47—48; *Ее же.* Значение и сущность договора в советском социалистическом праве. Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 185—186.

² Если обратиться к литературе по транспортному праву последних лет, то нельзя не заметить, что трактовка правоотношений при железнодорожной перевозке грузов как правоотношений двойного рода рассматривается как сама собой разумеющаяся, очевидная. См.: *Тарасов М.А.* Договор перевозки по советскому праву. Водтрансиздат, 1954; *Яичков К.К.* Договор перевозки и его значение в осуществлении планов народнохозяйственной деятельности // Советское государство и право. 1955. № 5; *Егоров К.Ф.* Цит. автореф. С. 6, 11; *Грибанов В.П.* Плановый характер договора железнодорожной перевозки // Вопросы советского транспортного права. Госюриздат, 1957.

Однако насколько приемлема такая трактовка перевозочного обязательства? В поисках ответа на этот вопрос мы находим, что в одной из работ, посвященной характеристике оснований возникновения перевозочных правоотношений, предпринята интересная попытка рассмотреть их в качестве *единого обязательства*. Автор этой работы — Я.И. Рапопорт, так же как и сторонники «двух обязательств», исходя из двух юридических фактов (плана и договора), попытался показать, что «железнодорожная перевозка грузов должна быть отнесена к числу тех обязательственных правоотношений, по которым конечный результат (доставка груза по назначению) наступает в итоге выполнения не одного, а нескольких обязательств, из которых промежуточные... имеют некоторое самостоятельное правовое значение»¹. Аналогичное мнение высказал Д.М. Генкин, который отметил, что «по обязательству железнодорожной перевозки, возникающему первоначально непосредственно из плана, а затем оформляемому договором при сдаче железной дороге груза к перевозке и рассматриваемому как единое правоотношение, управлению железной дороги предоставляется ряд административных полномочий (разрядка моя. — С.А.)...»².

Правда, Я.И. Рапопорт и Д.М. Генкин оставили эти положения, на наш взгляд, без достаточно четкой, развернутой аргументации. Но при дополнительном обосновании и уточнении они имеют несомненную теоретическую ценность: положения о единстве обязательства железнодорожной перевозки грузов являются тем исходным пунктом, который, как нам представляется, открывает путь к решению специальных проблем, связанных с практикой правового регулирования грузовых перевозок.

2. Характеризуя структуру грузоперевозочных правоотношений, необходимо иметь в виду, что самостоятельность тех или иных правоотношений, образующих отдельное, обособленное гражданско-правовое обязательство, должна вытекать из обособленности правообразующих для этого обязательства юридических фактов. На первый взгляд такие юридические факты при грузовой перевозке выделяют-ся четко и рельефно — это план и договор.

¹ Рапопорт Я.И. Об основаниях возникновения обязательства из железнодорожной перевозки грузов // Научные записки Харьковского института советской торговли. 1952. Вып. III (V). С. 188.

² Генкин Д.М. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1955. № 1. С. 103.

Однако проделанный ранее анализ процесса составления и, в особенности, порядка выполнения плана перевозок показал, что, помимо месячного плана и перевозочного договора, имеются другие юридические факты, играющие в сфере перевозочных отношений немаловажную правообразующую роль. К этим юридическим фактам относятся и совершаемые железной дорогой властные административно-правовые акты (задания на пятидневку), и односторонние акты грузоотправителя, имеющие гражданско-правовое значение (пятидневные заявки), и, наконец, заключенные железной дорогой и грузоотправителем разовые гражданско-правовые соглашения (соглашение о сгущении погрузки). Некоторые из этих актов играют правообразующую роль лишь в рамках месячного плана (пятидневные заявки), другие, присоединяясь к нему, образуют вместе с планом фактический состав, необходимый для возникновения соответствующих правоотношений (соглашение на сгущение погрузки).

Одной лишь ссылки на вышеприведенный перечень юридических фактов достаточно, чтобы признать упрощенным взгляд на правовую природу правоотношений грузовой перевозки как на отношения, вытекающие только из месячного плана и только из перевозочного договора, оформляемого накладной. При дальнейшем анализе перевозочных правоотношений выясняется, что имеется еще ряд правопроявляющих фактов, среди которых особо важно указать на принятие грузополучателем груза в свое ведение, а также на принятие грузоотправителем и грузополучателем подвижного состава под погрузку или выгрузку. Первый из названных юридических фактов является основанием возникновения гражданско-правовых обязанностей грузополучателя перед железной дорогой как субъектом гражданских правоотношений¹, в т о р о й о б о с о б л я е т ц е л ы й к о м -

¹ Обязанности грузополучателя, предусмотренные ст. 85 Устава ж. д., имеют административно-правовую природу. Перевозочный договор, который является своеобразным договором в пользу третьего лица, никаких гражданско-правовых обязанностей на организацию, указанную в накладной в качестве грузополучателя, не возлагает. Распространение обязывающей силы договора на лиц, не участвующих в его заключении, противоречит самой сущности договорного регулирования общественных отношений. Однако, характеризуя принятие грузополучателем груза как основание возложения на него обязанностей по перевозочному договору, следует иметь в виду, что принятие клиентом груза – это длящийся процесс, который лишь начинается востребованием груза получателем. Что же касается формулировки ст. 209 Устава ж. д., предусматривающей переход ответственности на грузополучателя «...при прибытии груза на станцию», то очевидно, что эта формулировка нуждается в распространительном толковании, поскольку прибытие груза на станцию, характеризуя завершение операций по перемещению груза с технической стороны, не может иметь значения для решения вопросов правопреемства.

плекс правоотношений, направленных на обеспечение рационального использования грузоотправителем и грузополучателем подвижного состава¹.

Но многообразие юридических фактов, являющихся основанием возникновения перевозочных правоотношений, не ведет к расчленению последних по нескольким самостоятельным, обособленным обязательствам, а, напротив, говорит о единстве обязательства грузовой перевозки, охватывающего в единое целое все эти правоотношения. Такой вывод следует из наличия теснейшей, последовательной связи между указанными правообразующими фактами. Даже при сведении правовой природы обязанностей сторон только к месячному плану и договору перевозки единство двух правоотношений, объявленных «самостоятельными», проступает ясно и отчетливо. На эту связь двух «самостоятельных» обязательств обратил внимание и З.И. Шкундин. Он писал, говоря о двух «самостоятельных» обязательствах: «Первое из них предшествует второму. Если первое обязательство не выполнено... второе обязательство не возникает. Выполнение же первого обязательства... прекращая его действие, вместе с тем является предпосылкой... возникновения второго обязательства»².

При более же широком подходе к правовой характеристике отношений по грузовой перевозке, когда они исследуются под углом зрения всех основных правообразующих фактов, обнаруживается, что предусмотренные правовыми обязанностями действия сторон настолько тесно связаны между собой, что могут рассматриваться только лишь как содержание единого обязательства.

Так, подача железной дорогой подвижного состава под погрузку и прием его клиентом означают одновременно и исполнение дорогой обязанностей, вытекающих из месячного плана, и односторонний акт

¹ Обязанности грузоотправителя, связанные с погрузкой и выгрузкой подвижного состава (не допускать простоя подвижного состава, его недогруза или перегруза, повреждения и т.д.), представляют из себя обособленную и компактную группу, не находящую непосредственного юридического обоснования ни в договоре грузовой перевозки, ни в месячном плане. Так, применительно к перевозочному договору можно отметить, что при исполнении грузоотправителем обязанностей, связанных с загрузкой подвижного состава, стороны еще не вступили в договорные отношения, а при исполнении аналогичных обязанностей грузоотправителем, связанных с выгрузкой, перевозочный договор уже прекращен исполнением. О разграничении обязанностей, вытекающих из плана перевозок, и обязанностей, вытекающих из принятия грузоотправителем подвижного состава под погрузку или выгрузку, см. ниже.

² Шкундин З.И. Договоры перевозки // Советское гражданское право: Учебник для юрид. вузов / Под ред. С.Н. Братуся. Ч. II. Госюриздат, 1951. Гл. XI. С. 186–187.

грузоотправителя по принятию этого подвижного состава, влекущего возникновение целой группы обязанностей, связанных с погрузкой вагонов. Погрузка вагонов и принятие погруженных вагонов дорогой означают одновременно исполнение клиентом обязанностей по месячному плану и первую ступень вступления сторон в договорные отношения. Такой же двусторонний характер имеют действия дороги по выдаче груза получателю и подаче ему подвижного состава под выгрузку. Действия сторон, завершающие исполнение одних обязанностей по перевозке грузов и имеющие поэтому правопрекращающее значение, в то же самое время играют по отношению к другим обязанностям правопорождающую роль.

Но если анализ оснований возникновения перевозочных правоотношений ничего не дает для обособления двух самостоятельных обязательств, то нельзя ли прийти к такому результату, используя другие признаки обязательства? З.И. Шкундин обстоятельнее, чем другие авторы, развил, на наш взгляд, мысль о самостоятельности правоотношений, вытекающих из месячного плана и перевозочного договора. Он утверждал, что «...они различаются по ряду других существенных признаков: а) они возникают из разных оснований; б) они различны по содержанию; в) они регулируются разными нормами; г) каждое из них обеспечено особыми гражданско-правовыми санкциями; д) лишь с момента заключения договора, то есть возникновения второго обязательства, в отношении по перевозке включается грузополучатель, приобретающий определенные права и несущий определенные обязанности»¹. Однако, помимо первого из названных автором признаков — признака, нами уже разобранныго, — все остальные едва ли свидетельствуют о существовании двух «особых» обязательств.

Они могут, конечно, выражать признаки самостоятельного обязательства. Но с тем же успехом они могут отражать и особенности правоотношений в рамках единого, но сложного по своей структуре обязательства. Существование таких структурно-сложных обязательств давно уже признано в советской юридической литературе².

¹ Шкундин З.И. Указ. глава учебника. С. 188. З.И. Шкундин без какой-либо аргументации распространяет обязывающую силу договора на грузополучателя.

² Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Юриздат, 1940. С. 60–74. О значении категории структурно-сложного обязательства см. также: Александров Н.Г. Некоторые вопросы учения о правоотношении // Труды научной сессии ВИЮН 1–6 июля 1946 г. 1948. С. 38–39; Гурвич М.А. К вопросу о предмете науки советского гражданского процесса // Ученые записки ВИЮН. Вып. 4. 1955. С. 49–50.

Вместе с тем приведенные соображения вовсе не исключают того, что правоотношения, вытекающие из плана перевозок, обособляются внутри единого обязательства грузовой перевозки. Их поэтому можно рассматривать в качестве относительно самостоятельных обязательственных отношений, выполняющих роль части структурно-сложного обязательства, — обязательства железнодорожной перевозки в целом. Но это уже иная постановка вопроса, в корне отличная от той, которую отстаивают названные выше авторы. Каждое из обязательственных отношений внутри гражданских правоотношений по перевозке в целом трактуется лишь как часть более сложного образования, в пределах которого оно только и может существовать.

Последовательная связь правообразующих фактов в сфере грузовой перевозки и структурное единство перевозочных правоотношений являются лишь юридическим выражением технологической и организационной нераздельности процесса перевозки.

Двойное значение многих юридических фактов, играющих для одних юридических обязанностей правопрекращающую, а для других — правообразующую роль, объясняется тем, что завершение одного действия, составляющего звено единого процесса перевозки, означает в то же самое время начальную фазу следующего очередного действия. Это единство процесса перевозки и не позволяет расчленить правоотношения, складывающиеся по мере последовательного развития перевозочных отношений.

Характеризуемая особенность перевозочных отношений была отмечена М.А. Тарасовым, который, завершая свое исследование правовых вопросов перевозки, подчеркнул их нераздельность. «В процессе перевозки, — отметил он, — имеют важное значение непрерывность и последовательность заранее установленных действий, которые так тесно связаны между собой, что выпадение хотя бы одного звена нарушает всю цепь и прерывает исполнение перевозки. Из органического единства процесса вытекает понятие о неделимости предмета обязательства»¹.

Технологическое и организационное единство процесса перевозки является тем экономическим критерием, который в конечном счете определяет границы структурно-сложного обязательства железнодо-

¹ Тарасов М.А. Договор перевозки по советскому праву. Водтрансиздат, 1954. С. 174–175. Казалось бы, что из этих в достаточной мере четких и определенных положений сейчас же будет сделан вывод о единстве обязательства перевозки. Однако такого вывода автор не делает.

рожной перевозки грузов. Состав, система обязательственных отношений обусловлены составом, системой соответствующих разновидностей экономических отношений. Если же исходить из признаков, по мнению З.И. Шкундина, позволяющих конструировать самостоятельные обязательства, то из числа перевозочных правоотношений можно образовать не два, а, если угодно, три, четыре и даже пять «самостоятельных» обязательств. Во всяком случае наличие специфических правопорождающих фактов и особых санкций может с этой точки зрения послужить основанием для такого расклассификации перевозочных правоотношений по отдельным рубрикам.

Каковы результаты применения предложенных З.И. Шкундиным признаков, показывает выдвинутый не так давно взгляд о наличии в сфере перевозочных отношений уже не двух, а ч е т ы р е х самостоятельных обязательств. По мнению В.П. Грибанова, при грузовой перевозке, помимо обязательства, основанного на договоре, возникают непосредственно из месячного плана еще три обязательства (по подаче дорогой вагонов грузоотправителю и по загрузке их последним, по заключению перевозочного договора, по представлению грузоотправителем пятидневной заявки)¹.

3. Вывод о единстве обязательства железнодорожной перевозки грузов получит дополнительное обоснование, если рассматривать его не в статическом, а в д и н а м и ч е с к о м состоянии.

Динамика таких структурно-сложных обязательств, как обязательство поставки продукции, подряда на капитальное строительство, грузовой перевозки, не сводится только к их возникновению, прекращению, а в определенных случаях — к изменению. Эти моменты характеризуют лишь в н е ш н е е движение сложного обязательственного правоотношения. Но наряду с внешним развитием обязательству присуще в н у т р е н н е е движение. Оно состоит в том, что содержание структурно-сложного обязательства проявляет себя не сразу, оно постоянно раскрывается, развертывается по мере накопления юридических фактов, которые, присоединяясь друг к другу или друг друга заменяя, образуют в конечном счете сложный фактический состав.

Динамичность присуща и обязательству железнодорожной перевозки грузов, так как процесс грузовой перевозки с технологической

¹ *Грибанов В.П.* Плановый характер договора железнодорожной перевозки грузов // Вопросы советского транспортного права. Госюриздат, 1957. С. 14–25. См. обоснованную критику взглядов В.П. Грибанова в работе К.К. Яичкова «Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву» (Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 62–69, 151 и след.).

и организационной стороны — это длящийся процесс, состоящий из ряда сменяющих друг друга последовательных операций. Развертывание содержания перевозочного обязательства не следует понимать только как количественный рост прав и обязанностей сторон; для перевозочного обязательства характерны, как правило, последовательное изменение его содержания, постепенная (по мере развития процесса перевозки и накопления правообразующих фактов) замена одних обязанностей другими. Поэтому наступление очередного юридического факта в большинстве случаев имеет в качестве неперемennого условия прекращение исполнением правовой обязанности, возникшей на основе предшествующего факта.

Квалификация обязательства железнодорожной перевозки грузов в качестве единого развивающегося комплекса перевозочных правоотношений открывает большие возможности для выяснения места всех этих правоотношений в содержании обязательства¹. Каждая стадия развертывания перевозочного обязательства характеризуется своей строго определенной группой прав и обязанностей сторон².

В соответствии с основными стадиями развития перевозочных правоотношений можно выделить следующие группы обязанностей сторон при железнодорожной грузовой перевозке: а) обязанности железной дороги и грузоотправителя, вытекающие из месячного плана перевозок; б) обязанности грузоотправителя, вытекающие из совершаемого им принятия подвижного состава под погрузку; в) обязанности железной дороги и грузоотправителя, вытекающие из договора грузовой перевозки; г) обязанности грузоотправителя, вытекающие из совершаемого им принятия подвижного состава под выгрузку; д) обязанности грузополучателя, вытекающие из совершаемого им принятия груза от железной дороги.

¹ Трактовка обязательства железнодорожной перевозки грузов как единого комплекса всех перевозочных правоотношений не оставляет в стороне ни одну обязанность дороги и клиентуры. Между тем при расчленении этих правоотношений по двум обязательствам вне их предела оказываются, например, правоотношения, связанные с принятием клиентурой подвижного состава под погрузку или выгрузку, которые, как было показано выше, не охватываются содержанием упомянутых двух «самостоятельных» обязательств.

² Исходя из единства обязанности одной стороны и соответствующего ей субъективного права другой стороны, в дальнейшем для удобства изложения мы будем ограничивать характеристику отдельных перевозочных правоотношений рассмотрением лишь обязанностей сторон.

Каждая из этих групп обязанностей занимает обособленное, строго индивидуальное место в пределах единого обязательства железнодорожной перевозки грузов. Каждое из них урегулировано особыми нормами, обеспечено специальными санкциями, специфично по своему содержанию. Каждое из них, наконец, имеет в качестве непосредственного правообразующего основания «свои» юридические факты, которые, однако (кроме месячного плана), тесно связаны с правообразующими фактами, характерными для предшествующей стадии. Таким образом, на каждой стадии мы выделяем относительно-самостоятельное обязательственное перевозочное правоотношение, которое является составной частью единого, но структурно-сложного обязательства перевозки грузов.

4. Обоснование единства обязательства железнодорожной перевозки грузов позволяет определить место и значение не только обязанностей, вытекающих из месячного плана, но и гражданско-правовой ответственности за неисполнение этих обязанностей.

Подчеркивая самостоятельность «двух» обязательств, З.И. Шкундин писал, что «...обязательство, возникающее непосредственно из плана перевозок, обеспечено установленными законом гражданско-правовыми мерами понуждения к его исполнению... Эти меры понуждения к исполнению (санкции) заключаются в штрафе, который взыскивается со стороны, не выполнившей обязательство, в пользу другой стороны. Штраф, взыскиваемый за нарушение обязательства, возникающего из плана перевозки, является законной неустойкой... Размер штрафа, основания для взыскания штрафа и освобождения от него или для снижения его размера, а также порядок взыскания штрафа определены законом, а не соглашением сторон. Штраф взыскивается независимо от наличия или отсутствия убытков. Вследствие трудности исчисления и доказывания убытков имущественная ответственность сторон за невыполнение обязательства исчерпывается и ограничивается уплатой штрафа, размер которого довольно значителен»¹.

Но являются ли эти черты имущественной ответственности специфичными только для правоотношений, вытекающих из плана перевозок? Конечно, нет. Они в той или иной мере свойственны и другим видам ответственности по обязательству грузовой перевозки.

В связи с этим следует подчеркнуть, что нет никаких ни теоретических, ни практических оснований противопоставлять ответственность

¹ Шкундин З.И. Договоры перевозки // Советское гражданское право: Учебник для юрид. вузов / Под ред. С.Н. Братуся. Ч. II. Гл. XI. С. 186–187.

за неисполнение обязанностей, вытекающих из месячного плана, и другие виды ответственности при железнодорожных перевозках¹.

Разумеется, ответственности за невыполнение месячного плана при-сущи некоторые особенности. Но это именно о т д е л ь н ы е особен-ности, которые не колеблют единства принципов гражданско-правовой ответственности по обязательству железнодорожной перевозки в целом. Отсюда и Устав ж. д., регулируя вопросы взаимной ответственности же-лезной дороги и клиентуры, рассматривает все основные ее виды в од-ном разделе (VII). Причем раздел этот возглавляет ст. 179, в которой за-крепляется специальный характер ответственности сторон при грузовой перевозке, безотносительно к тому или иному виду ответственности.

§ 3. Содержание гражданских правоотношений, вытекающих из месячного плана перевозок

1. По вопросу о содержании гражданских правоотношений, выте-кающих из месячного плана перевозок, в Уставе ж. д. нет разверну-тых, детализированных указаний. В нем имеются лишь нормативные положения, относящиеся к ответственности за н е и с п о л н е н и е обязанностей, вытекающих из плана, что, однако, дает возможность с требуемой полнотой определить и содержание рассматриваемых пра-воотношений, которые мы и впредь будем освещать через характери-стику соответствующих обязанностей сторон.

Помимо общего положения о том, что «за невыполнение месячно-го плана перевозок дорога и грузоотправитель несут материальную от-ветственность», ст. 180 Устава ж. д. дает конкретные указания по вопро-су о том, когда наступает штрафная ответственность за невыполнение плана. Стороны по ст. 180 Устава ж. д. несут ответственность: железная дорога — за неподачу вагонов клиенту, грузоотправитель — за невыпол-нение плана по дорогам назначения, за неиспользование вагонов, за от-каз от назначенных по плану вагонов, а также за непредоставление пя-тидневной заявки, в результате чего дорога не подавала вагонов.

Таким образом, ст. 180 Устава ж. д. закрепляет одну обязанность железной дороги (подать вагоны клиенту) и четыре обязанности гру-зоотправителя (выполнить план по дорогам назначения, использовать

¹ В литературе при систематической характеристике правового регулирования пе-ревозочных отношений ответственность за невыполнение плана обычно рассматри-вается изолированно от всех других видов ответственности по обязательству железно-дорожной грузовой перевозки (см., например, расположение материала в указанной в предшествующем примечании главе учебника по советскому гражданскому праву).

поданные вагоны, не отказываться от вагонов, назначенных по плану, представить пятидневную заявку).

Кроме того, § 19 Правил планирования предусматривает возможность распространения штрафной ответственности по ст. 180 Устава ж. д. также на случай непредставления грузоотправителем развернутого месячного плана перевозок, что свидетельствует о наличии еще одной обязанности, возложенной на грузоотправителя, — обязанности по своевременному представлению развернутого плана по родам груза и станциям отправления.

Содержание обязанностей сторон, вытекающих из месячного плана перевозок, показывает, что они могут быть подразделены на две группы.

Прежде всего обращают на себя внимание обязанности грузоотправителя, которые непосредственно не направлены на осуществление плана перевозок, а связаны с процессом составления д е т а л и з и р о в а н н о г о месячного плана и определением порядка его выполнения. К их числу относятся обязанности грузоотправителя по представлению развернутых месячных планов и пятидневных заявок.

Вторая — более обширная — группа обязанностей, вытекающих из месячного плана перевозок, связана непосредственно с и с п о л н е н и е м месячного плана. К их числу относятся: обязанность железной дороги по представлению клиенту подвижного состава под погрузку и обязанности грузоотправителя по его использованию в соответствии с плановыми показателями.

Обязанности железной дороги и грузоотправителя, связанные с исполнением плана перевозок, могут быть терминологически обозначены через категорию «плановая норма». Эта категория была закреплена Уставом ж. д. 1935 года. Замена ее в действующем Уставе ж. д. термином «месячный план перевозок» вызвана, по-видимому, стремлением указать в статье Устава, регламентирующей ответственность за невыполнение плана, на непосредственный юридический источник обязанностей сторон — месячный план перевозок. Но это не устраняет возможность использования категории «плановая норма», если охватывать ее содержанием все те плановые показатели, которые применяются в действующей системе планирования перевозок¹.

¹ По действовавшей в 1935 году системе планирования грузовых перевозок плановая норма регламентировала процесс погрузки лишь с количественной стороны (количество единиц подвижного состава, количество тонн). С 1939 года она охватывает и другие показатели, в том числе и направление перевозки, что согласуется с языково-смысловым значением соответствующего термина. Это обусловило его сохранение в ряде нормативных положений действующего Устава ж. д. и изданных на его основе специальных правил.

Таким образом, обязанности железной дороги и грузоотправителя, вытекающие из плана перевозок, распадаются по своему содержанию и значению по двум группам: а) обязанности грузоотправителя, связанные с процессом составления детализированного месячного плана и определением порядка его выполнения; б) обязанности железной дороги и грузоотправителя по выполнению плановой нормы погрузки.

2. Авторы, касавшиеся проблемы состава и содержания обязанностей, вытекающих из месячного плана перевозок, обычно относят, к их числу обязанности клиентуры, которые направлены на обеспечение рационального использования подвижного состава. В литературе, как общее правило, отмечается, что согласно плану перевозок грузоотправитель обязан не только использовать поданный ему состав, но и использовать его «рационально», «полностью», в соответствии с подъемной силой, вместимостью вагонов и техническими нормами загрузки¹, а также не задерживать вагоны под погрузкой или выгрузкой².

Действительно, на первый взгляд создается впечатление, что обязанности, вытекающие из плана перевозок, охватывают отношения, связанные с рациональным использованием вагонов. Одна-

¹ *Изволенский В.Н.* Правовые вопросы железнодорожных перевозок. Трансжелдориздат, 1955. С. 23; *Тарасов М.А.* Договор перевозки по советскому праву. Водтрансиздат, 1954. С. 15. Нельзя не обратить внимание на внутреннюю противоречивость совпадающих точек зрения В.Н. Изволенского и М.А. Тарасова. Оба этих автора, заявляя, что обязанности грузоотправителя «рационально», «полностью» использовать подъемную силу и вместимость подвижного состава вытекают из месячного плана перевозок, затем в последующем изложении дают уже другое обоснование этим обязанностям. Так, В.Н. Изволенский при систематическом изложении вопросов ответственности клиентуры перед железной дорогой причислил ответственность клиентуры за недогруз и перегруз подвижного состава к ответственности по договору перевозки (Указ. соч. С. 160). М.А. Тарасов при рассмотрении договорных обязанностей клиентуры утверждает, что, «производя грузовые операции своими средствами, клиент должен... соблюдать технические нормы... обязательные для данных операций и типов перевозочных средств» (Указ. соч. С. 44). Соблюдение же этих технических норм и означает не допускать недогруза или перегруза подвижного состава.

² *Шкундин З.И.* Договоры перевозки // Советское гражданское право: Учебник для юрид. вузов / Под ред. С.Н. Братуся. Ч. II. Гл. XI. С. 185). Характеристика обязанностей клиентуры, вытекающих из плана, по З.И. Шкундину, совпадает в основном с определениями, которые предложены В.Н. Изволенским и М.А. Тарасовым. Однако в отличие от этих авторов З.И. Шкундин полагает, что согласно плану перевозок на грузоотправителя возлагается также обязанность не задерживать подвижной состав под погрузкой или выгрузкой. Такого же мнения, по-видимому, придерживается и Т.Т. Алексеев, который считает, что обязанности, вытекающие из плана, выражаются, в частности, «...в использовании грузоподъемности вагона и соблюдении рациональности перевозки» (*Алексеев Т.Т.* Ответственность железных дорог СССР из договора перевозки грузов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1955. С. 5).

ко на самом деле это не так. План перевозок как таковой не может возложить на клиента обязанности по рациональному использованию подвижного состава. Помимо месячного плана, необходимо наступление дополнительного юридического факта – принятия грузоотправителем подвижного состава под погрузку. Для обременения аналогичными обязанностями грузополучателя последним также должен быть совершен соответствующий односторонний акт – принятие подвижного состава под выгрузку¹.

При этом важно иметь в виду следующее.

Характеристика правовой природы отношений путем исследования оснований их возникновения важна в первую очередь потому, что таким способом удастся установить источник конкретных прав и обязанностей сторон. Содержание обязанностей сторон по выполнению плановой нормы, а также обязанностей грузоотправителя, связанных с составлением и определением порядка выполнения месячного плана, определяется в порядке планового регулирования. Этого нельзя сказать по отношению к обязанностям клиентуры, относящимся к процессу погрузки и разгрузки подвижного состава. Здесь обязанности сторон урегулированы в н о р м а т и в н о м, а не в плановом порядке; время, отводимое для погрузки и разгрузки вагонов, нормы загрузки и т.д. непосредственно определяются предписаниями императивных норм права². План же перевозок никакого влияния на содержание рассматриваемой группы обязанностей не оказывает.

Еще с большей отчетливостью самостоятельность этих обязанностей, обособляющихся внутри единого структурно-сложного обязательства, дает себя знать при характеристике правовых норм, обеспечивающих их исполнение, Устав ж. д. устанавливает за неисполнение обязанностей, вытекающих из принятия клиентом подвижного состава под погрузку или выгрузку, особые, самостоятельные штраф-

¹ Самостоятельность обязанностей клиентуры, связанных с погрузкой или выгрузкой подвижного состава, подтверждается, между прочим, и тем, что ряд этих обязанностей (не задерживать вагоны под погрузкой или выгрузкой, не повреждать их) возложен в равной степени как на грузоотправителя, так и на грузополучателя, деятельность которого в сфере перевозочных отношений не охватывается плановым регулированием. Едва ли возможно указанные обязанности грузоотправителя выводить из месячного плана, а тождественные обязанности грузополучателя объяснять как-то иначе. В связи с этим становится понятным, почему сделанные в литературе высказывания по вопросу о характере обязанностей, связанных с рациональным использованием подвижного состава, затрагивали лишь обязанности грузоотправителя.

² Время погрузки и выгрузки, производимых механизированным путем, определяется соглашением сторон.

ные санкции, специально закрепленные Уставом ж. д.¹ и имеющие некоторые особенности в своем содержании и форме осуществления (ст. 203 и 208 Устава ж. д.).

Более того, самостоятельность имущественной ответственности сторон за невыполнение обязанностей, вытекающих из принятия клиентом подвижного состава под погрузку или выгрузку, прямо закреплена в Уставе ж. д. В ст. 200 Устава записано, что «штраф за простой вагонов взыскивается независимо от штрафа за невыполнение плана перевозки грузов». В силу этого правила возможно как одновременное, так и обособленное применение санкций за нарушение плана и за простой вагонов.

Равным образом возможно как сочетание, так и обособление ответственности за нарушение месячного плана и ответственности за недогруз подвижного состава (ст. 202 Устава ж. д.). Хотя и по ст. 180 и по ст. 202 Устава ж. д. грузоотправитель несет ответственность за «недогруз» и этот недогруз касается одного и того же предмета (груза), качественная характеристика «недогруза» по ст. 180 и по ст. 202 Устава ж. д. различна. По ст. 180 Устава «недогруз» — это количество груза или вагонов, недогруженных грузоотправителем по отношению ко всему тому количеству груза (вагонов), которое подлежало погрузить согласно плану и заданию за отчетные сутки. По ст. 202 Устава ж. д.

¹ Устав ж. д. 1954 года точно так же, как и Устав ж. д. 1935 года, концентрирует в одной главе нормирование всех основных форм материальной ответственности железной дороги и клиентуры, четко выделяет ответственности сторон за невыполнение плана перевозок (ст. 180–185), ограничивая эту форму ответственности от ответственности железной дороги по договору перевозки (ст. 186–194) и от ответственности сторон, связанной с погрузкой и выгрузкой вагонов средствами клиентуры (ст. 195–196, 200–208). При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что последняя из указанных форм гражданско-правовой ответственности, к которой и относится ответственность грузоотправителя за недогруз, перегруз и простой вагонов, нормируется не непосредственно вслед за нормированием ответственности за невыполнение плана перевозок, а лишь после регулирования ответственности по перевозочному договору. Разумеется, расположение, нормативного материала в источнике права не имеет самодовлеющего значения и само по себе не может служить основанием для теоретических обобщений. Однако, будучи сопоставленным с другими фактами, оно вне сомнения имеет доказательственную силу.

«недогруз» — это количество груза, недогруженного грузоотправителем по отношению к тому количеству груза, которое подлежало погрузить согласно техническим нормам, вместимости или грузоподъемности, установленным для данной единицы подвижного состава. Если же трактовать обязанность грузоотправителя — не допускать недогруз как обязанность, непосредственно вытекающую из плана, то окажется необъяснимым, почему за нарушение «одной и той же обязанности» (за «один и тот же недогруз») отправитель может нести двойную ответственность.

3. В литературе к числу обязанностей, непосредственно вытекающих из месячного плана, относят также обязанности грузоотправителя и железной дороги вступить в договорные отношения, которые к тому же, по мнению некоторых авторов, образуют вместе с корреспондирующими им правомочиями особое обязательство — обязательство заключить договор¹.

Однако вряд ли такой вывод можно признать правильным. Верно, конечно, что железная дорога и грузоотправитель, согласно месячному плану, обязаны совершать действия по выполнению плановой нормы погрузки, которые в то же самое время являются действиями по вступлению сторон в договор перевозки. Но это не дает никаких оснований включать соответствующие обязанности сторон в состав особого правоотношения, имеющего целью обеспечить заключение договора. Обязанности грузоотправителя и железной дороги по выполнению плановой нормы лишь имеют значение для организации заключения перевозочных договоров, но реально никаких особых обязанностей по заключению договора в составе обязательства грузовой перевозки обнаружить невозможно. С аналогичных позиций подходит к решению рассматриваемого вопроса и К.Ф. Егоров, который справедливо утверждает, что «обязательство заключать договор перевозки не имеет санкции, обеспечивающей его исполнение, и в качестве са-

¹ Новицкий И.Б., Луниц Л.А. Общее учение об обязательстве Госюриздат, 1950. С. 85–87; Изволенский В.Н. Правовые вопросы железнодорожных перевозок. Трансжелдориздат, 1955. С. 23; Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом праве. Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 146.

мостоятельного и обособленного правоотношения в действительности не встречается»¹.

И.Б. Новицкий, который впервые сделал попытку обосновать существование таких обязанностей, исходил из аналогии между перевозочным договором и договором поставки². Однако И.Б. Новицкий, а также авторами, присоединившимися к нему, не приняты во внимание особенности перевозочного договора, отличающие его от других хозяйственных договоров. Договор перевозки — это «локальный» разовый договор. Заключение его осуществляется не путем совершения сторонами особых («организационных») действий, только лишь и направленных на заключение договора. Производя материальные действия — действия по исполнению плановой нормы, стороны тем самым вступают и в договорные отношения. Иного пути для заключения договора при плановых грузовых перевозках Уставом ж. д. не предусмотрено.

Какие же в этом случае имеются основания конструировать особые обязанности по заключению договора? Ведь для признания наличия таких обязанностей необходимо, чтобы они имели вполне определенное, обособленное содержание и самостоятельные санкции. Однако ни того, ни другого в обязательстве грузовой перевозки нет.

Обязанности по передаче железной дороге и по приему последней груза вместе с накладной имеют строго определенное «материальное» содержание, характеризуемое действиями по выполнению плановой нормы. Правда, в литературе указывалось, что обязанность заключать договор «существенно отличается» от обязанности по представлению перевозочных средств, по предъявлению груза и т.д.³ Однако такое мнение является лишь результатом искусственного расчленения единых действий дороги и грузоотправителя, предпринятого с целью обоснования заранее выдвинутого теоретического положения. В действительности же железная дорога и грузоотправитель, заканчивая выполнение плановой нормы погрузки и документально закрепляя свои «материальные» действия, тем самым вступают в перевозочный договор.

Но с еще большей наглядностью верность предлагаемого решения вопроса подтверждается отсутствием самостоятельных санкций, на-

¹ *Егоров К.Ф.* Гражданско-правовая ответственность за невыполнение плана грузовых перевозок: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1955. С. 11.

² *Новицкий И.Б., Луиц Л.А.* Общее учение об обязательстве. Госюриздат, 1950. С. 86.

³ См.: *Грибанов В.П.* Плановый характер договора железнодорожной перевозки грузов // Вопросы советского транспортного права. Госюриздат, 1957. С. 24.

правленных на обеспечение вступления сторон в договор перевозки. По мнению некоторых авторов, получается так, что штрафные санкции за невыполнение плановой нормы погрузки — это как раз те правовые средства, которые юридически гарантируют заключение договора. Так, И.Б. Новицкий без всяких оговорок ссылается на то, что «нарушение одной из сторон обязательства заключить договор порождает штрафные последствия в пользу другой стороны»¹. Эту же мысль проводит М.К. Александров-Дольник, который утверждает, что «железные дороги и грузоотправители за уклонение от заключения договора грузовой перевозки облагаются штрафом, установленным ст. 180 Устава железных дорог...»². Такое произвольное объяснение штрафных санкций, установленных за нарушение плановых показателей, вызывает ряд возражений. В соответствии с буквой и смыслом закона штрафные санкции ст. 180 Устава ж. д. установлены только за невыполнение месячного плана перевозок, причем ст. 180 Устава ж. д. точно указывает на те случаи, которые свидетельствуют о таком невыполнении.

По-видимому, несовместимость такого толкования закона его букве и смыслу заставило В.П. Грибанова отступить от столь прямолинейной трактовки значения санкций, установленных ст. 180 Устава ж. д. Не замечая противоречивости в своих суждениях, автор пишет так: «Исполняя обязательство подать подвижной состав, предъявить груз к перевозке и т.д., стороны вместе с тем исполняют и обязательство заключить договор. При этом санкция первого обязательства обслуживает одновременно и второе»³. Но ведь такое утверждение равнозначно признанию, что «обязательство заключать договор» не имеет своих самостоятельных санкций и, стало быть, не существует!

Следует в заключение отметить практическую бесплодность конструирования обязательства заключать договор перевозки. Если конструирование аналогичного обязательства в сфере действия длящихся хозяйственных договоров имеет практическую ценность (в частности,

¹ Новицкий И.Б., Луниц Л.А. Общее учение об обязательстве. Госюриздат, 1950. С. 86.

² Александров-Дольник М.К. Споры, вытекающие из правоотношений сторон в железнодорожных грузовых операциях. Госюриздат, 1955. С. 44. Менее последовательно эту мысль отстаивает В.П. Грибанов, но и он, сравнивая штрафные санкции за невыполнение месячного плана с санкциями за опоздание подачи вагонов и их загрузки, пишет: «...если в первом случае речь идет об ответственности за невыполнение обязательства заключить договор, то во втором случае речь идет об ответственности за нарушение сроков заключения договора» (Грибанов В.П. Плановый характер договора железнодорожной перевозки грузов // Вопросы советского транспортного права. Госюриздат, 1957. С. 21).

³ Грибанов В.П. Указ. работа. С. 22.

для решения проблем преддоговорного арбитража), то соответствующие попытки в области перевозочных отношений не имеют ни только реальной почвы, но и абсолютно никакой практической значимости. Ни хозяйственной, ни судебной практике не известно ни одного случая, когда бы, помимо вопросов исполнения месячного плана перевозки, возникал особый, самостоятельный вопрос о заключении перевозочного договора. Порядок вступления сторон в договорные отношения при плановых перевозках исключает саму возможность возникновения таких вопросов.

4. Обязанности железной дороги и грузоотправителя, вытекающие из плана перевозок, возникают не одновременно, не сразу, они постепенно развертываются — по мере постепенного развития перевозочных отношений. В развитии обязанностей сторон, вытекающих из плана перевозок, отчетливо выделяются два этапа. Первый этап — это обязанности грузоотправителя, связанные с процессом составления и определением порядка выполнения плана перевозок, второй — обязанности железной дороги и грузоотправителя по выполнению плановой нормы.

По своему содержанию первый этап относится к организационной деятельности грузоотправителя по участию его в составлении и определении порядка выполнения плана перевозок. Обязанности грузоотправителя (по своевременному представлению развернутого месячного плана, по своевременному представлению пятидневных заявок) возникают непосредственно из государственного плана перевозок. При их неисполнении железная дорога в первую очередь применяет меры воздействия, которые, как будет показано в дальнейшем изложении, имеют «оперативный» характер. Что же касается штрафа по ст. 180 Устава ж. д., то его применение возможно лишь в том случае, когда в результате неисполнения упомянутых обязанностей оказался невыполненным план перевозок.

По своему содержанию второй этап развертывания обязанностей сторон относится к оперативной (материальной) деятельности железной дороги и грузоотправителя по выполнению государственного плана перевозок. Здесь обязанности железной дороги и клиентуры приобретают гражданско-правовой характер. При этом основанием обязанности грузоотправителя по загрузке подвижного состава в соответствии с показателями плановой нормы является не только месячный план, опосредствованный пятидневной заявкой, но и подача дорогой вагонов, произведенная в результате исполнения ею обязанностей по месячному плану.

Заканчивается исполнение государственного плана перевозок документальным оформлением каждой отправки, которая в то же время завершает действия по вступлению сторон в договорные отношения.

§ 4. Общая характеристика гражданско-правовой ответственности при невыполнении железной дорогой и грузоотправителем обязанностей, вытекающих из месячного плана перевозок

1. При нарушении государственного плана перевозок к лицам, виновным в срыве планового задания, могут быть в соответствующих случаях применены меры воздействия, относящиеся к области административной и уголовно-правовой ответственности. Вместе с тем возникновение на основе месячного плана гражданских правоотношений открывает возможность при невыполнении плана применять и меры имущественного воздействия, имеющие характер **г р а ж д а н с к о - п р а в о в ы х с а н к ц и й**.

В чем же выражается гражданско-правовой характер имущественной ответственности, установленной за невыполнение обязанностей, вытекающих из месячного плана перевозок?

Отвечая на этот вопрос, необходимо исходить из общих, типических черт ответственности по советскому гражданскому праву:

а) Имущественные санкции, направленные на то, чтобы оказать воздействие на неисправную сторону, в то же время имеют цель — обеспечить возмещение другой стороне имущественного ущерба, вызванного невыполнением плана¹, а это является проявлением **э к - в и в а л е н т н о с т и** в складывающихся между сторонами имущественных отношениях, — эквивалентности, которая, в свою очередь, служит одним из показателей гражданско-правового характера соответствующих правоотношений, неразрывно связанных с товарным производством и действием закона стоимости в социалистическом хозяйстве.

б) Имущественные санкции взыскиваются в пользу стороны, которая действует по отношению к субъекту ответственности на началах **о п е р а т и в н о - х о з я й с т в е н н о й с а м о с т о я т е л ь н о - с т и**; при привлечении неисправной стороны к имущественной от-

¹ Эта черта гражданско-правовой ответственности с недостаточной последовательностью проведена в отношении санкций, взыскиваемых железной дорогой; основная их часть, кроме сумм, идущих на покрытие убытков, возникающих в связи с уплатой санкций клиентуре, идет в доход государственного бюджета.

ветственности другая сторона действует не как орган административного управления, а как равная с нею социалистическая организация.

в) Ответственности сторон по своей природе имеют встречный характер; каждая сторона может при наличии соответствующих фактических оснований привлечь к ответственности другую сторону, которая должна уплатить санкции при аналогичном правонарушении в тех же пределах и в том же объеме.

г) В соответствии с юридическим равенством сторон привлечение к ответственности для взыскания имущественных санкций осуществляется не путем непосредственного воздействия одной стороны в отношении другой, а путем использования и с к о в о г о порядка через юрисдикционные органы Советского государства (суды).

2. Санкции могут быть применены лишь в том случае, если лицо совершило правонарушение. Поэтому в теории гражданско-правовой ответственности выделяются два крупных раздела: во-первых, учение о санкциях и, во-вторых, учение о гражданском правонарушении.

Гражданское правонарушение может получить полную характеристику, если будут исследованы все его признаки, которые образуют состав гражданского правонарушения¹. Если классифицировать общие признаки состава гражданского правонарушения, единые как для «договорной», так и для «внедоговорной» ответственности, то их следует распределить по трем сторонам состава: 1) объект, 2) субъект, 3) объективная сторона (объективированный вредоносный результат, противоправность, причинная связь)².

В тех случаях, когда договорная ответственность не включает возмещение убытков, объективная сторона правонарушения, как правило, исчерпывается противоправностью действий нарушителя, так как выяснение объективированного вредоносного результата и причинной связи связано обычно с вопросами убытков. Причем проблема противоправности сводится здесь к вопросам, которые касаются

¹ Впервые в советской юридической литературе теоретическая разработка категории «состав гражданского правонарушения» предпринята Г.К. Матвеевым (*Матвеев Г.К. О вине как основании гражданско-правовой ответственности // Юридический сборник КГУ. 1952. № 5. С. 87 и след.; Он же. О гражданском противоправном действии // Советское государство и право. 1955. № 7. С. 37 и след.; Он же. Вина в советском гражданском праве. Изд-во КГУ, 1955).*

² Соображения в пользу такой классификации признаков состава приведены автором настоящей работы в его статье «О составе гражданского правонарушения» (Проведение. 1958. № 1).

обстоятельств, свидетельствующих о неисполнении лицом своих обязанностей, вытекающих из плана или договора. Эти обстоятельства имеют значение юридических фактов, образующих в своей совокупности основание тех правовых последствий, которые охватываются понятием гражданско-правовой ответственности. Поэтому с целью более четкой обрисовки особенностей объективной стороны состава гражданского правонарушения на материале «договорных» обязательств последняя может быть названа фактическим основанием гражданской ответственности.

Что касается субъективных моментов и их роли в области гражданско-правовой ответственности, то в соответствии с презумпцией виновности эти субъективные моменты должны быть отнесены не к составу правонарушения (так как лицо привлекается к ответственности уже при наличии объективных признаков), а к особой правовой категории — основаниям освобождения от ответственности. Причем следует иметь в виду, что законодатель наряду с обстоятельствами, свидетельствующими о невиновности лица, устанавливает и другие факты, освобождающие от ответственности. Изложенное свидетельствует о том, что категория оснований освобождения от ответственности имеет самостоятельное значение, что обуславливает необходимость рассмотрения под этим углом зрения всех видов гражданской ответственности, независимо от применения к ним принципа вины.

3. Таким образом, состав гражданского правонарушения при невыполнении плана перевозок складывается из таких элементов: субъект, объект и объективная сторона (фактические основания ответственности). Следует лишь учитывать, что здесь субъектами противоправных действий могут быть обе стороны — железная дорога и грузоотправитель. Это находит определенное отражение в характере состава правонарушения.

Последнее из указанных обстоятельств не ведет, однако, к полному разъединению состава правонарушения. Такой его элемент, как объект (то же в значительной мере относится и к основаниям освобождения от ответственности), является общим, независимо от того, кто — железная дорога или грузоотправитель — нарушил план. Но в то же время при характеристике, например, фактического основания ответственности обнаруживается известное раздвоение состава правонарушения, что обуславливает необходимость выделения общих и специальных признаков правонарушения.

Предложенная система признаков правонарушения при невыполнении плана перевозок подтверждается порядком их нормативного закрепления в Уставе ж. д., в котором абз. I ст. 180 посвящен объекту и субъекту правонарушения, абз. II этой же статьи – фактическим основаниям ответственности, а ст. 182 и 183 – общим и специальным основаниям освобождения от ответственности.

Соотношение признаков состава гражданского правонарушения и выделение особой категории – оснований освобождения от ответственности – предопределяет систему дальнейшего изложения материала настоящей работы. Учитывая тесную связь объекта и субъекта правонарушения, эта система может быть определена так: 1) объект и субъект правонарушения, 2) фактические основания ответственности, 3) основания освобождения от ответственности. Характеристика элементов состава правонарушения и оснований освобождения от ответственности позволит перейти к анализу особенностей гражданско-правовых санкций за невыполнение плана.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРИ НЕВЫПОЛНЕНИИ ПЛАНА ПЕРЕВОЗОК

§ 1. Объект гражданского правонарушения при невыполнении плана перевозок

1. В гражданском праве наряду с нормативным способом регулирования общественных отношений значительный удельный вес занимает плановое и договорное регулирование. Поэтому в качестве объекта гражданского правонарушения выступают не только нормы права и закрепленные в них имущественные отношения, но и те правовые формы, в которых осуществляется п л а н о в о е и д о г о в о р н о е р е г у л и р о в а н и е имущественных отношений¹.

Предложенная трактовка объекта гражданского правонарушения позволяет установить п р а к т и ч е с к о е значение этой проблемы. Первый вопрос, который требует незамедлительного ответа при решении любого дела, касающегося гражданско-правовой ответственности, — это вопрос о том, урегулированы ли в правовом порядке общественные отношения, явившиеся предметом нарушения, и, следовательно, можно ли это нарушение квалифицировать в качестве правового. Если сводить объект правонарушения только к нормам права, то ответ на указанный вопрос в подавляющей массе случаев не вызвал бы ощутимых затруднений. Но дело как раз в том, что правовое регулирование не сводится к нормативной регламентации общественных отношений. При решении многих дел, касающихся гражданско-правовой ответственности, недостаточно указать на наличие действующей правовой нормы; сплошь и рядом для того, чтобы установить, охватываются ли данные отношения правовым регулированием, необходимо обратиться к с о д е р ж а н и ю п л а н о в ы х или д о г о в о р н ы х а к т о в.

¹ Следует иметь в виду, что договорное регулирование и плановое регулирование имеют правовую силу лишь постольку, поскольку они осуществляются на основе принципов, установленных нормативным регулированием, с которым они, стало быть, не однозначны.

С достаточной наглядностью необходимость такого подхода к рассмотрению вопросов гражданско-правовой ответственности можно проследить при решении дел, связанных с невыполнением плана перевозок. Именно в силу значения государственного плана перевозок в регулировании перевозочных отношений судебные органы обязаны при взыскании санкций по ст. 180 Устава ж. д. опираться на данные государственного плана. В п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 января 1942 г. в редакции от 3 марта 1950 г. было сказано: «...в случае оспаривания включенных в учетный по выполнению плана документ данных о плане перевозок могут быть истребованы заверенные выписки из государственного плана перевозок и плана, заявленного отправителем»¹. Это правило в основном сохранено и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 21 февраля 1958 г. «О судебной практике по спорам, вытекающим из перевозки грузов по железнодорожным и водным путям»². В соответствии с п. 6 указанного постановления «к исковому заявлению о взыскании штрафов за невыполнение плана перевозки грузов должны быть представлены документы, подтверждающие невыполнение плана перевозок, точный расчет причитающихся штрафных сумм, а в случае оспаривания данных о плане перевозок — заверенные выписки из государственного плана перевозок» (разрядка моя. — С.А.).

Примечательно, что решение судебными органами спора о взыскании штрафа за нарушение плана перевозок без учета данных государственного плана перевозок не квалифицируется Верховным Судом только как процессуальное нарушение. Это, в частности, отражено

¹ Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1951 гг. Госюриздат, 1952. С. 153—164 (159). Правда, в первоначальной редакции этот пункт постановления Пленума был сформулирован более категорически: «К исковому заявлению о взыскании штрафа за нарушение плана перевозок грузов во всех случаях должны быть представлены заверенные выписки из государственного плана перевозок и плана, заявленного истцом...» Однако изменение п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 января 1942 г., относясь к вопросам процессуального характера, не затрагивает существа дела: судебные органы, решая споры о взыскании санкций по ст. 180 Устава ж. д., обязаны рассматривать данные государственного плана как незыблемую основу обязанностей сторон и, следовательно, как форму правового регулирования соответствующих общественных отношений. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 марта 1950 г. лишь упростило порядок подачи в суд исковых заявлений, признав излишним приобщение к ним выписок из государственного плана перевозок в тех случаях, когда данные о плане, включенные в учетный документ, не оспариваются.

² Бюллетень Верховного Суда СССР. 1958. № 2.

в определении Верховного Суда СССР по делу Куринского пароходства к «Югзаготзерно». Указав в качестве существенного нарушения на то, что суд «...не истребовал и не приобщил к делу заверенную выписку из установленного плана перевозки...», Верховный Суд затем отметил, что «по делу допущено также и чисто процессуальное нарушение»¹.

2. Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 января 1942 года предусматривал, что судебные органы должны учитывать не только данные государственного плана перевозок, но и данные плана, з а я в л е н н о г о и с т ц о м. Новое постановление Пленума — постановление от 21 февраля 1958 г. — оставило лишь указание на государственный план перевозок. Случайно ли это?

Отвечая на поставленный вопрос, необходимо иметь в виду, что заявки клиентуры, поскольку они приняты железной дорогой, включаются в объект правонарушения при невыполнении плана: нарушая месячный план, дорога или грузоотправитель тем самым не выполняют (нарушают) и соответствующие заявки. Однако, признавая это, следует помнить, что г л а в н а я роль в объекте рассматриваемого правонарушения остается за г о с у д а р с т в е н н ы м п л а н о м.

По вопросу о правовом значении заявки грузоотправителя имеются прямые указания Верховного Суда СССР. Так, по иску Куринского пароходства к «Югзаготзерно» о взыскании штрафа за невыполнение государственного плана перевозок Верховный Суд СССР отметил, что суд «...не истребовал и не приобщил к делу заверенную выписку из установленного плана перевозки, удовлетворившись находящимися в деле заявками ответчика о включении имеющегося у него груза в план. Между тем заявка как одностороннее требование грузоотправителя о включении груза в план не порождает штрафной ответственности пароходства...»². Аналогичное указание содержится в определении Верховного Суда СССР по делу Вельского речного пароходства к Башкирскому отделению треста «Дубитель», в котором подчеркнута, что факт невыполнения плана нельзя считать установленным, если «наличие перевозок по плану суд признал лишь на основании ориентировочной заявки ответчика, не принятой и не утвержденной пароходством»³.

Таким образом, если можно рассматривать заявку грузоотправителя как элемент объекта гражданского правонарушения, то вместе

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1943 год. Юриздат, 1948. С. 216–217.

² Там же. С. 216.

³ Там же. С. 217.

с тем нельзя не признать, что этот элемент играет подчиненную роль по отношению к месячному плану перевозок, без которого заявки не имеют правового значения в регулировании перевозочных отношений. Поэтому исключение из текста соответствующего пункта постановления Пленума Верховного Суда СССР от 21 февраля 1958 г. ссылки на значение «плана, заявленного истцом», следует признать вполне обоснованным.

Что же касается пятидневных заявок, то их обусловленность планом перевозок находит четкое выражение в содержании заявок. Согласно действующим правилам, в пятидневной заявке грузоотправитель обязан указать не менее того количества вагонов, которое складывается на пятидневку из расчета среднесуточной нормы погрузки по плану (§ 4 Правил составления учетной карточки).

3. В качестве необходимого элемента объекта гражданского правонарушения при невыполнении плана грузовых перевозок выступает пятидневное задание начальника отделения железной дороги, которым заканчивается процесс конкретизации порядка выполнения плана.

Пятидневное задание издается на основе месячного плана перевозок с учетом заявок грузоотправителей. Эта двусторонняя зависимость задания от месячного плана и от заявок клиентуры — зависимость, которая характеризуется решающей ролью месячного плана, находит свое отражение в правилах, регламентирующих порядок объявления пятидневного задания. Для грузоотправителей, которым установлено равномерное (по суткам или пятидневкам) выполнение плана, задания могут объявляться станции в целом по всем таким грузоотправителям с указанием размеров погрузки по дням и дорогам назначения. Если же грузоотправителям назначается повышенная или пониженная норма погрузки против плана, задание объявляется по каждому грузоотправителю в отдельности. Однако понижение или повышение суточных норм не может производиться с нарушением общих плановых показателей, в частности сумма трех пятидневных заданий для каждого грузоотправителя должна быть не менее полумесячной нормы погрузки по плану, если при согласовании порядка выполнения плана не было предусмотрено других размеров погрузки (§ 4 Правил составления учетной карточки).

Характеризуя зависимость пятидневного задания от месячного плана перевозок, следует иметь в виду, что последний, в свою очередь, имеет неодинаковое юридическое основание. В зависимости от системы планирования грузовых перевозок в его основе лежит

либо государственный план, принятый в порядке централизованного планирования, либо план, принятый в порядке планирования, осуществляемого железной дорогой. Установление различия между системами планирования чрезвычайно важно при решении вопросов, связанных с исполнением плана перевозок, когда он подвергается тем или иным изменениям. Необходимо также учитывать, что при сверхнормативном сгущении погрузки в основе пятидневного задания должно лежать наряду с планом разовое соглашение сторон, без которого задание начальника отделения дороги в части, превышающей нормы сгущения подачи вагонов по ст. 46 Устава ж. д., правовой силы не имеет.

Но как бы ни были обусловлены юридическая сила и содержание пятидневного задания месячным планом перевозок, нельзя не рассматривать это задание в качестве **н е о б х о д и м о г о э л е м е н т а** объекта гражданского правонарушения по ст. 180 Устава ж. д. Поэтому § 4 Правил составления учетной карточки предусматривает, что суточная норма погрузки, закрепляемая в учетной карточке, определяется непосредственно по пятидневному заданию начальника отделения дороги.

Пятидневное задание начальника отделения дороги – это решающий элемент объекта гражданского правонарушения при погрузке грузов **с в е р х п л а н а** или **в н е п л а н а**. На первый взгляд складывается впечатление, что для ответственности сторон при такой погрузке, не предусмотренной месячным планом, достаточно простого соглашения между начальником дороги и грузоотправителем и что решающую роль играет здесь заявка последнего. На самом же деле это согласование характеризует лишь первый этап развертывающихся между сторонами отношений. Правовым же актом, непосредственно регулирующим отношения по внеплановой или сверхплановой погрузке, является задание начальника отделения дороги. Поэтому заявка грузоотправителя, взятая вне задания начальника отделения дороги, не может рассматриваться как юридическое основание обязанностей сторон.

В соответствии с ролью пятидневного задания должен быть решен вопрос о том, имеет ли место рассматриваемое правонарушение, если после принятия железной дорогой заявки грузоотправителя, представленной в течение планового месяца, не последовало задания начальника отделения дороги, о чем грузоотправитель не был извещен? По точному смыслу ст. 180 Устава ж. д. правонарушения в этом случае нет, поскольку отсутствует задание на-

чальника отделения и, следовательно, отсутствует объект правонарушения¹.

Действующими правилами регламентирован, в сущности, лишь один случай, когда имеется объект гражданского правонарушения по ст. 180 Устава ж. д. и в то же время подача вагонов под погрузку не предусмотрено пятидневным заданием начальника отделения дороги. В § 10 Правил составления учетной карточки установлено, что, если дорога по письменной просьбе грузоотправителя подает вагонов больше, чем предусмотрено пятидневным заданием, незагрузка этих вагонов влечет за собой применение санкций по ст. 180 Устава ж. д. В этом случае объектом гражданского правонарушения, помимо месячного плана, является разовое соглашение между дорогой и грузоотправителем, причем, поскольку принятие предложения клиента совершается дорогой в виде фактических действий — подачи вагонов, заявка грузоотправителя приобретает существенное значение для определения объема его ответственности.

Приведенная характеристика § 10 Правил составления учетной карточки находит подтверждение в судебной практике. Свердловская ж. д. предъявила иск тресту Вахрушевуголь о взыскании санкций за невыполнение плана перевозок в декабре 1956 года. Возражая против иска, ответчик указал, что дорога подавала под погрузку большее количество вагонов, чем это предусмотрено суточной плановой нормой, и что за непогруз этого количества подвижного состава трест ответственности не несет. Что же касается пятидневных заявок, то они, по мнению ответчика, не могут выполнять функции «письменной просьбы», о которой говорит § 10 названных Правил. Оставляя в силе решение областного суда, которым иск был удовлетворен, Верховный суд РСФСР отметил, что трест в пятидневных заявках просил подавать большее количество вагонов по сравнению с суточной нормой; «в связи с этим, — отмечается в определении, — дорогой правильно и в соответствии с § 10 указан-

¹ В последнее время нашел окончательное решение вопрос о характере дополнительных перевозок, осуществляемых за счет ресурсов, предусмотренных техническими нормами работы железных дорог. Железная дорога обязана по заданиям МПС на дополнительную перевозку соответствующих грузов, даваемым в счет ресурсов, предусмотренных техническими нормами работы железных дорог, принимать к выполнению от грузоотправителей развернутые планы и объявлять их станциям до наступления месяца. В этом случае учет выполнения как основного, так и дополнительного плана ведется по одной учетной карточке. В таком же порядке осуществляется учет и выполнение дополнительных планов на перевозку грузов, утверждаемых начальником дорог и объявляемых станциям до наступления планируемого месяца (см. § 16 Правил составления учетной карточки в редакции от 29 ноября 1958 г. // Сборник правил перевозок и тарифов. № 83. Трансжелдориздат, 1958. С. 15).

ных Правил на него начислен штраф, исходя из его заявки, а не суточной плановой нормы погрузки вагонов, как считает ответчик».

4. Возможность уточнения порядка выполнения месячного плана перевозок, в том числе уточнения, осуществляемого путем разовых соглашений, не означает, что стороны своей волей могут отменить или изменить плановое задание. План перевозок — это административно-правовой акт, юридическая сила которого характеризуется тем, что она не может быть поколеблена соглашением сторон.

Правда, в действующем Уставе ж. д. этот правовой принцип не получил столь четкого нормативного закрепления, как это имело место в Уставе ж. д. 1935 года, ст. 22 которого в категорической форме предписывала: «Увеличение или уменьшение предусмотренной месячным планом нормы погрузки воспрещается». Это, по-видимому, объясняется тем, что Устав ж. д. 1954 года предоставил возможность производить сверхплановую погрузку. Однако такая сверхплановая погрузка также осуществляется не путем изменения государственного плана, а на основе особого планового акта — задания начальника отделения дороги¹. Выдвинутые выше соображения могут быть подтверждены на материалах судебной практики. Верхне-Иртышское речное пароходство предъявило иск к Семипалатинскому хлебокомбинату о взыскании штрафа за нарушение государственного плана перевозок. Семипалатинский областной суд решил присудить пароходству меньшую сумму штрафа против той, которая поддерживалась пароходством при рассмотрении дела. Мотивом такого решения явилась ссылка на то, что пароходство согласилось с требованием хлебокомбината о перевозке в плановом месяце грузов не в количестве 1000 т, как это было предусмотрено государственным планом, а в количестве 460 т. Рассмотрев дело по протесту Председателя Верховного Суда СССР, Верховный Суд СССР указал в своем определении, что приведенный областным судом мотив является неверным. «Вопрос о выполнении или невыполнении месячного плана перевозки, — указано в определении, — разрешается на основании утвержденного Правительством плана перевозки на соответствующий месяц, причем плановая норма не может быть изменена усмотрением сторон»².

¹ Следует иметь в виду, что еще до принятия Устава ж. д. 1954 года допускались с разрешения начальника дороги сверхплановые перевозки, на что, однако, требовалось утверждение дополнительного месячного плана: в соответствии с приказом МПС СССР от 5 июня 1950 г. стороны за невыполнение месячного плана несли штрафную ответственность с того момента, когда принятый от отправителя возвращенный дополнительный план был передан дорогой станциям для выполнения.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1943 год. Юриздат, 1948. С. 216.

Такого же рода указание содержится в определении Верховного Суда СССР по иску Торгового управления «Холбос» к Ленскому речному пароходству. В этом определении сказано, что транспортное законодательство «...не дает сторонам права изменять правительственный план перевозок груза, в том числе и в отношении объема перевозок»¹. При этом в определении особо подчеркивается, что стороны не управомочены своим соглашением не только уменьшать установленный государственным планом объем перевозок, но и увеличивать его.

Правда, при планировании перевозок, осуществляемых железными дорогами, в ряде случаев возможно оперативное изменение месячного плана. Однако оно производится не путем соглашения между сторонами, а в административно-правовом порядке — в том же порядке, в каком план принят, — по распоряжению начальника дороги.

При этом необходимо отметить следующее:

а) Изменение планового акта должно быть произведено компетентным органом. При решении вопроса о компетенции органа, издавшего акт, которым изменяется план перевозок, необходимо в первую очередь установить, в каком порядке — централизованном или децентрализованном — принят план перевозок.

Если план принят в порядке централизованного планирования, он не подлежит изменению со стороны начальника управления железной дороги. Характерно в этом отношении дело по иску Надеждинского отделения Свердловской ж. д. к одному из промышленных предприятий. Указанное предприятие не выполнило план перевозок в сентябре 1955 года. Однако предъявленные дорогой исковые требования были признаны им лишь частично по тем мотивам, что месячный план телеграммой начальника дороги был снижен на 433 вагона. Свердловский областной суд своим решением, оставленным в силе Верховным судом РСФСР, иск дороги удовлетворил и, отклоняя доводы ответчика, указал, «что... в компетенцию начальника дороги не входит изменение плана, утвержденного правительством».

Следует полагать, что, если оспаривается правомерность изменения плана, судебные органы обязаны входить в обсуждение этого вопроса, проверяя изменение плана под углом зрения компетенции органа, изменившего государственный план.

Необходимость учета порядка планирования при решении вопроса о правомерности изменения плана перевозок с достаточной отчет-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1943 год. Юриздат, 1948. С. 218.

ливостью вытекает из Основных положений о годовом и квартальном планировании перевозок грузов. Согласно п. 12 Основных положений, изменения в месячные планы погрузки по железным дорогам отправления по отдельным родам груза в пределах общих объемов погрузки, установленные ведомством на квартал, производят: при централизованном планировании – МПС, при планировании на местах – начальники железных дорог. При этом Основные положения предусматривают, что изменения вносятся по ходатайствам тех ведомств и организаций, по заявкам которых составлялся план.

б) Изменение планового акта должно быть своевременно доведено до его исполнителей.

Изменение плана перевозок направлено на то, чтобы установить для сторон новые нормы погрузки, которыми стороны при осуществлении государственного плана обязаны руководствоваться. А для этого необходимо, чтобы новые нормы были своевременно доведены до их исполнителей.

Свою позицию по этому вопросу Верховный Суд СССР высказал по делу, относящемуся к водной перевозке.

Контора «Центрозаготзерно» предъявила иск к Вельскому речному пароходству о взыскании штрафных санкций, списанных с расчетного счета истца ввиду несоблюдения норм погрузки. Верховный суд Башкирской АССР иск конторы удовлетворил, исходя из следующего. Нормы погрузки были установлены сторонами договором от 25 марта 1942 г. В дальнейшем постановлением правительства от 12 апреля 1942 г. нормы погрузки были увеличены. Хотя об этом сторонам стало известно только 23 июля 1942 г., пароходство взыскало штраф за все время, начиная с 12 апреля. Удовлетворяя иск конторы, Верховный суд Башкирской АССР отметил, что, поскольку об увеличении нормы погрузки сторонам стало известно только 23 июля, до этого момента ответчик должен был руководствоваться договорной нормой погрузки. Верховный суд РСФСР не согласился с этими доводами, указав, что, поскольку в самом постановлении СНК СССР установлен срок введения повышенных норм погрузки, применение договорных норм является недопустимым, независимо от того, было известно сторонам о введении новых норм погрузки или не было.

Однако по протесту Председателя Верховного Суда СССР это определение Верховного суда РСФСР было отменено.

«...Приведенные соображения Верховного суда РСФСР, – указывается в определении Верховного Суда СССР, – не могут быть признаны правильными. Ввиду того, что целью штрафа является стиму-

лирование выполнения плана перевозок, а не перемещение государственных средств из бюджета одной госорганизации в бюджет другой госорганизации, и новая норма погрузки была обязательна для обеих сторон, а не только для конторы, то при данных условиях пароходство лишь в том случае имело бы право на получение штрафа, соответственно новым нормам, если бы было установлено, что со своей стороны пароходство приняло в отношении конторы меры, свидетельствующие о том, что оно побуждало контору руководствоваться новыми нормами погрузки, а контора, зная новые нормы, тем не менее их нарушала.

Из объяснений в судебном заседании представителя пароходства видно, что до 23 июля 1942 г. «не только конторе, но и самому пароходству не было известно об увеличении нормы погрузки. Поэтому списание пароходством повышенных штрафных сумм за прошлое время следует признать неправильным»¹.

Необходимо обратить внимание на то, что Верховный Суд СССР не признал обязательными для сторон новые нормы погрузки, утвержденные постановлением правительства, до того момента, как сторонам стало известно об этих нормах, несмотря на то, что прежние нормы были установлены только договором. Поэтому нельзя не прийти к выводу о еще большей обоснованности приведенных соображений Верховного Суда СССР для железнодорожных перевозок, где действующие до изменения плана нормы также устанавливаются в плановом порядке.

Жизненность этих соображений Верховного Суда СССР для железнодорожных перевозок можно подтвердить и на основе анализа дел, рассмотренных судебными органами в более позднее время. Так, по упомянутому выше делу Надеждинского отделения Свердловской ж. д. и Свердловский областной суд, и Верховный суд РСФСР, помимо основного аргумента, относящегося к компетенции начальника железной дороги, согласились также с доводом истца о том, что телеграмма об изменении плана была получена сторонами в последний день отчетного месяца и не могла быть принята к исполнению. По другому делу судебные органы признали обязательность новых плановых норм на том основании, что телеграмма об увеличении месячного тоннажа была послана начальником отделения дороги в первый день планового месяца, а ответчик в течение всего месяца не возражал против новых норм.

Правда, Верховный Суд СССР не указывает на тот обобщающий критерий, который мог бы быть использован при определении на-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1944 год. Юриздат, 1948. С. 291–292.

чального момента действия вновь установленных плановых норм. Но те соображения, которые были приведены выше, а также анализ ряда конкретных дел, относящихся непосредственно к железнодорожной перевозке, позволяют сделать такой вывод: вновь установленные нормы погрузки начинают действовать с того момента, когда стороны официально узнали или по обстоятельствам дела должны были узнать об имевшем место изменении месячного плана перевозок. Однако следует иметь в виду, что, согласно п. 12 Основных положений о годовом и квартальном планировании, изменения в план должны быть внесены не позднее чем за 17 дней до начала планируемого месяца.

в) Отмена планового акта, произведенная компетентным органом, имея обратную силу, погашает все юридические последствия, возникшие в результате действия этого планового акта.

На первый взгляд может сложиться впечатление, что этот принцип исполнения плана перевозок противоречит требованию, согласно которому изменение плана должно быть своевременно доведено до его адресатов. Казалось бы, что и отмена планового акта должна распространять юридическую силу на взаимоотношения сторон лишь с момента, когда оно доведено до грузоотправителя и перевозчика. Однако такое решение не учитывало бы того, что при отмене планового акта обязанности сторон, вытекающие из плана, во все лишаются своей юридической силы. Поэтому, поскольку речь идет об отмене месячного плана, отменяющий акт распространяет свое действие не только на взаимоотношения сторон в будущем, но и на отношения, имевшие место до отмены плана, если они возникли в пределах данного планового периода (месяца).

При рассмотрении иска Нижне-Тагильского отделения железной дороги к Кировградскому рудоуправлению о взыскании штрафных сумм за невыполнение плана перевозок за декабрь 1955 года выяснилось, что телеграммой МПС от 17 декабря 1955 г. план перевозок по медной руде с ответчика был снят. Отказывая в удовлетворении иска о взыскании штрафа за невыполнение этого плана до 17 декабря 1955 г., Свердловский областной суд отметил, что «при наличии снятия железной дорогой плана на декабрь, факт получения телеграммы 17 декабря 1955 года не имеет значения».

Таким образом, отмена планового акта, погашая все юридические последствия, которые вытекают из этого акта, имеет обратную силу. Причем в этом случае неправильно было бы говорить об освобо-

ждении сторон от ответственности: здесь не может быть вообще речи об ответственности в связи с отсутствием ее важнейшего условия — объекта правонарушения.

§ 2. Субъект гражданского правонарушения при невыполнении плана перевозок

Субъекты гражданского правонарушения при невыполнении месячного плана перевозок в значительной мере предопределяются нормативными актами, которые направлены на регулирование перевозочных отношений. Анализ этих актов показывает, что в качестве субъектов правонарушения выступают здесь только участники отношений, складывающихся при выполнении месячного плана перевозок. Действующий Устав ж. д. (ст. 180) устанавливает, что такими субъектами являются **г р у з о о т п р а в и т е л и и ж е л е з н ы е д о р о г и**.

Общее правило по вопросу о грузоотправителе как субъекте правонарушения содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 21 февраля 1958 г.: «При рассмотрении дела по взысканию штрафа за невыполнение плана перевозок суды должны иметь в виду, что отправителем груза считается та организация, для которой установлена данная плановая норма перевозок» (п. 7). В ведомственной и судебной практике эти организации нередко именуются «планодержателями», что еще более выпукло очерчивает состав клиентуры, несущей ответственность по ст. 180 Устава ж. д.

Из цитированного Постановления Пленума Верховного Суда СССР прямо вытекает, что в случае заявления ответчика, которым он оспаривает свое участие в перевозке в качестве грузоотправителя (планодержателя), судебные органы **о б я з а н ы** входить в обсуждение этого вопроса.

Грузоотправитель остается субъектом гражданского правонарушения даже в том случае, если в конечном счете правонарушение вызвано виновными действиями иной организации. Этот вывод находит подтверждение в определениях Верховного Суда СССР по иску треста Ленинуголь к Томской ж. д. и по иску треста Куйбышевуголь к управлению Томской ж. д. и Новосибирской конторе Главснабуголь.

Трест Куйбышевуголь предъявил иск к Томской ж. д. о взыскании сумм, удержанных дорогой при выплате санкций за невыполнение плана перевозок по тем основаниям, что трест со своей стороны нарушил план по дорогам назначения. По ходатайству истца к делу была привлечена Новосибирская областная контора Глав-

снабуголь, с которой областным судом и была взыскана сумма иска. Верховный суд РСФСР оставил это решение в силе. Однако Верховный Суд СССР отменил решение областного суда и определение Верховного суда РСФСР, указав при этом следующее: «Согласно ст. 62 Устава железных дорог СССР (речь идет о той части ст. 62 Устава ж. д. 1935 года, которая полностью соответствует содержанию ст. 180 действующего Устава ж. д. — С.А.), ответственность за невыполнение плана перевозок несут железные дороги и отправители грузов. Поэтому, если по спорным перевозкам отправителем груза является трест Куйбышевуголь, суд должен был разрешить спор о расчетах дороги с последним. Что же касается Новосибирской конторы Главснабуголь, то, поскольку решение по настоящему делу могло создать для нее обязанность по отношению к тресту Куйбышевуголь ...эта контора могла участвовать по делу в качестве 3-го лица в порядке ст. 167 и 168 ГПК РСФСР»¹.

Таким образом, Верховный Суд признал, что субъектом ответственности за невыполнение плана перевозок со стороны клиентуры может быть т о л ь к о грузоотправитель. Именно между ним и дорогой должны быть урегулированы расчеты, связанные с невыполнением плана перевозок. Другие организации — организации, для которых не установлены плановые нормы погрузки, — не входят в число субъектов гражданско-правовой ответственности по ст. 180 Устава ж. д.

Насколько строго судебные органы проводят такую линию, видно из следующего дела. Лебяжескому рудоуправлению были выделены на апрель и май месяцы 1957 года плановые нормы на погрузку руды. Поскольку планодержатель не имеет своих подъездных путей, а может использовать лишь подъездные пути Тагилстроя, которому дорога подает вагоны под погрузку, подачу вагонов рудоуправлению должен был осуществлять непосредственно Тагилстрой. Однако рудоуправление соответствующего договора с владельцем подъездных путей не заключила, вагоны под погрузку не подавались, государственный план оказался невыполненным. Защищаясь против иска дороги о взыскании штрафа за невыполнение плана, рудоуправление сослалось на вину Тагилстроя и представило при этом письмо начальника отделения Свердловской ж. д. от 29 июня 1957 г., которым предусматривалась подача вагонов Тагилстроя под его материальной ответственностью за нарушение плана. Однако и Свердловский областной суд, и Верховный суд РСФСР, рас-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1944 год. Юриздат, 1948. С. 294. См. также: Судебная практика Верховного Суда СССР. 1945. Вып. III. С. 26.

смотревшие дело по жалобе ответчика, оставили это письмо без рассмотрения, подчеркнув, что ответственным за невыполнение плана является только планодержатель, а не лица, с которыми он состоит (точнее, должен был бы состоять) в договорных отношениях.

В связи с тем что заявка вне плана перевозок не имеет правового значения, при определении субъекта ответственности за невыполнение плана она может играть лишь **дополнительную** роль — роль правового средства, при помощи которого удастся установить организацию, которая является планодержателем.

Характерно в этом отношении следующее дело. Трест Нелидовшахтстрой, заканчивая в середине 1955 года сооружение шахт, вместе с тем производил отгрузку угля. В мае месяце был создан трест Смоленскуголь. Однако в июне и июле плановая норма была выделена тресту Нелидовшахтстрой; он же осуществлял отгрузку угля, добытого из шахт, которые с июля месяца были переданы Смоленскуглю. В связи с нарушением плана перевозок в июне, июле и августе Ржевское отделение Калининской ж. д. предъявило к тресту Смоленскуголь иск в Смоленский областной суд, который привлек к делу трест Нелидовшахтстрой и за счет него удовлетворил иск за период июнь — июль 1955 года. Трест Нелидовшахтстрой обжаловал это решение, указав, что штраф должен быть взыскан с его правопреемника — треста Смоленскуголь. Оставляя решение областного суда в силе, Верховный суд РСФСР привел, в частности, такой мотив: «Трест Нелидовшахтстрой в июне и июле месяцах подавал пятидневные заявки, оформляя учетные карточки с отделением дороги по выполнению плана перевозок. Поэтому в силу ст. 180 Устава ж. д. этот трест и должен нести материальную ответственность за невыполнение плана перевозок за июнь, июль месяцы 1955 года».

В тех же случаях, когда пятидневные заявки представляются дороге одной организацией, а планодержателем фактически является другая организация, заявка не имеет значения для установления субъекта ответственности за невыполнение плана перевозок. По иску Свердловской ж. д. к Шарыгинскому отделению Востуралспецлес о взыскании 14 850 руб. за невыполнение плана перевозок в мае, июне, июле и августе 1957 года ответчик иск признал частично по тем основаниям, что в июне и июле месяцах планодержателем был Ирбитский завод. Уста-

новив, что в указанные месяцы планодержателем действительно был Ирбитский завод, а Шарыгинское отделение лишь по договору с заводом осуществляло погрузку планового груза, Свердловский областной суд своим решением от 24 января 1958 г. иск дороги удовлетворил частично. В кассационной жалобе на это решение дорога, в частности, сослалась на то, что пятидневные заявки на перевозку груза предоставлялись Шарыгинским отделением Востуралспецлеса. Однако Верховный суд РСФСР, оставляя решение областного суда в силе, не счел этот довод истца основательным.

Грузоотправитель, признанный ответственным за невыполнение плана перевозок, может в дальнейшем взыскать в порядке регресса уплаченную сумму штрафа с действительного виновника его неправомерных действий. В соответствии с этим Верховный Суд СССР в цитированном выше определении по делу угольного треста к Томской ж. д. указал, что контора Главснабуголь, по нарядам которой грузоотправитель производил отгрузку угля, могла участвовать в деле в качестве третьего лица, поскольку решение по делу могло создать для нее обязанности в отношении грузоотправителя.

Судебные органы нередко становятся на путь упрощения порядка взыскания штрафных санкций и убытков, возникших вследствие их уплаты, и, привлекая организацию, по вине которой нарушен план, в качестве соответчика, взыскивают с нее санкции непосредственно в пользу дороги. Однако такое упрощение порядка взыскания, вызванное процессуальными соображениями, не должно скрывать действительных взаимоотношений сторон — того, что субъектом ответственности и здесь остается «планодержатель»¹.

3. Вопрос о том, участвует ли в перевозочных отношениях железная дорога как единое (структурно-сложное) юридическое лицо или в них участвует ряд обособленных субъектов (железных дорог), хотя и представляет значительный научный интерес, но не затрагивает отношений, складывающихся при выполнении месячного плана пере-

¹ О предупреждении регресса посредством привлечения к судебному делу соответчика и о неточности употребления в этом случае термина «соответчик» см.: *Новицкий И.Б.* Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями. Госюриздат, 1952. С. 69–89.

возок, где на стороне перевозчика выступает только одна железная дорога — дорога отправления.

Более важное значение для темы настоящей работы имеет вопрос о юридической личности отделений железных дорог, а также вопрос о том, является ли субъектом отношений по выполнению месячного плана перевозок железная дорога в целом или ее управление, которое выступает в качестве субъекта гражданского правонарушения наряду с отделениями дороги. Такая постановка рассматриваемого вопроса вызвана тем, что, если в ст. 180 Устава ж. д. говорится о ж е л е з н о й д о р о г е как субъекте ответственности, то ст. 220 Устава предусматривает, что претензии по штрафам за невыполнение плана перевозок предъявляются к у п р а в л е н и ю железной дороги. Вместе с тем функции истцов при взыскании штрафов с грузоотправителей выполняют о т д е л е н и я железных дорог.

Решение поставленной проблемы следует искать путем анализа внутренней структуры железной дороги как е д и н о г о юридического лица. Управление железной дороги является лишь организационным центром для осуществления деятельности органа юридического лица (начальника железной дороги). Вместе с тем следует иметь в виду, что железная дорога как единое юридическое лицо характеризуется сложной структурой, что связано со сложностью и многогранностью осуществляемой ею хозяйственной деятельности. Это обуславливает образование внутри железной дороги отделений, которые в отличие от управления дороги обладают признаками юридического лица.

В силу действующих нормативных положений отделения железной дороги являются основной линейной хозяйственной единицей дороги, организующей и обеспечивающей выполнение плана грузовых перевозок, состоят на хозяйственном расчете, имеют самостоятельный баланс, причем начальники отделений самостоятельно распоряжаются имуществом и средствами отделения, заключают договоры, подписывают денежные документы. Таким образом, действующие нормативные положения почти с исчерпывающей полнотой закрепляют те организационные и правовые свойства, которые необходимы для признания той или иной организации юридическим лицом¹.

¹ По мнению Л.Я. Носко, отделения железных дорог, выступая в гражданском обороте «от своего имени как совершенно самостоятельные субъекты гражданских правоотношений», не являются, однако, юридическими лицами, так как отделения во всех случаях «...остаются связанными с дорогой единством имущества, единством прибылей и, самое главное, единством плана и единством специфического транспортного производственного процесса» (*Носко Л. Я.* Правовое положение железной дороги в советском

Особенности правового положения отделения дороги находят свое выражение в формах его участия в отношениях по выполнению плана грузовых перевозок. Отделение самостоятельно осуществляет взыскание санкций за нарушение плана перевозок грузоотправителями. При этом, действуя от своего имени, оно в то же время представляет в целом железную дорогу. Здесь дороге в лице ее управления нет необходимости вступать в защиту своих имущественных интересов: они обеспечиваются деятельностью отделения. Положение меняется, когда дорога является субъектом гражданско-правовой ответственности. Отделению в ряде случаев было бы затруднительно отстаивать интересы дороги в целом, если к тому же правонарушение не вызвано деятельностью отделения. Поэтому в процессуальных отношениях, связанных со взысканием санкций за нарушение плана перевозок с железной дороги, выступает непосредственно ее управление.

То обстоятельство, что субъектом гражданско-правовой ответственности по ст. 180 Устава ж. д. является железная дорога в целом (а не его управление или отделение), обуславливает возможность и иной организации взаимоотношений дороги с клиентурой. Так, ведомственной практике (в период до 1956 г.) известна такая система организации этих взаимоотношений, когда претензии по штрафам за невыполнение плана перевозок непосредственно рассматривались отделениями дороги, причем судебные органы не признавали в этом случае нарушения ст. 220 Устава ж. д., предусматривающей направление указанных претензий управлению дороги.

Первоуральское рудоуправление треста Уралруда предъявило иск о взыскании штрафа за невыполнение месячного плана перевозок к Свердловскому отделению Свердловской ж. д. По заявлению ответчика к делу в качестве соответчика было привлечено управление дороги. При рассмотрении дела управление дороги просило производством его прекратить в связи с тем, что истцом нарушена ст. 220 Устава ж. д., так как претензия была предъявлена не дороге, а отделению. Однако Свердловский областной суд иск удовлетворил и, взыскивая сумму штрафа непосредственно со счета эксплуатации управ-

гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1955. С. 14–17). Автор правильно обращает внимание на специфику положения отделения как части структурно-сложного юридического лица – железной дороги, но он, абсолютизируя один из признаков юридического лица – имущественную обособленность, упускает из виду, что категория юридического лица применяется для обозначения гражданской правосубъектности той или иной организации, и, коль скоро данная организация является самостоятельным субъектом гражданских правоотношений, она тем самым должна быть квалифицирована в качестве юридического лица.

ления дороги, указал, что «...из письма начальника финансового отдела управления дороги... на имя истца видно, что по дороге в целом был дан приказ о направлении всех претензий за невыполнение плана погрузки отделениям дороги...» и что «...в данном случае отделение дороги рассматривало претензию истца по указанию и поручению управления дороги, а потому заявление представителя дороги о нарушении истцом ст. 220 Устава ж. д. является формальным и не может быть принято коллегией во внимание». При обжаловании этого решения железная дорога вновь настаивала на нарушении истцом ст. 220 Устава ж. д. Но Верховный суд РСФСР оставил обжалованное решение в силе, не признав за упомянутым распоряжением управления дороги значение акта, нарушающего порядок ст. 220 Устава ж. д.

Следует, однако, иметь в виду, что даже в тех случаях, когда отделения железных дорог рассматривали претензии в связи с невыполнением плана перевозок, субъектом ответственности в конечном счете оставалось управление дороги: независимо от порядка рассмотрения претензии исковые требования в соответствии с действующими нормативными постановлениями могут быть предъявлены т о л ь к о управлению.

Таким образом, если отделения железных дорог, обладающие свойствами гражданской правосубъектности, самостоятельно осуществляют функции по взысканию причитающихся дороге штрафов за невыполнение плана перевозок, то субъектами гражданско-правовой о т в е т с т в е н н о с т и по санкциям, причитающимся грузоотправителям, являются железные дороги в целом — в лице своих управлений.

Следует, однако, иметь в виду, что с конца 1956 года ведомственная практика МПС встала на путь такой организации взаимоотношений с клиентурой, при которой претензии грузоотправителя об уплате санкций за невыполнение плана перевозок должны рассматриваться управлением дороги. Такой же линии придерживаются и судебные органы. Так, 19 июля 1957 г. Свердловский областной суд отказал в иске управления Ивдельспецлеса к управлению Свердловской ж. д. на том основании, что в нарушение ст. 220 и 228 Устава ж. д. претензия была заявлена Надеждинскому отделению ж. д., а не управлению дороги. Довод истца о том, что такой порядок был установлен управлением дороги и что в течение двух лет этому порядку следовала практика предъявления претензий, был оставлен областным судом и Верховным судом РСФСР без рассмотрения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ФАКТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА ПЕРЕВОЗОК

§ 1. Общая характеристика фактического основания гражданско-правовой ответственности за невыполнение плана перевозок

1. Третьим вопросом при характеристике имущественной ответственности за невыполнение плана перевозок вслед за установлением объекта и субъекта правонарушения является вопрос о фактах, которые свидетельствуют о неисполнении железной дорогой или грузоотправителем обязанностей, вытекающих из плана перевозок.

В предшествующем изложении было дано обоснование разделения обязанностей сторон, вытекающих из месячного плана, на две группы: а) обязанности грузоотправителя, связанные с составлением плана и определением порядка его выполнения; б) обязанности грузоотправителя и железной дороги по выполнению плановой нормы.

При сопоставительной характеристике этих обязанностей может сложиться впечатление, что невыполнение грузоотправителем обязанностей, связанных с составлением и определением порядка выполнения плана, влечет за собой применение таких же штрафных санкций, какие применяются при невыполнении обязанностей сторон по плановой норме. Действительно, ст. 180 Устава ж. д. указывает наряду с другими основаниями штрафной ответственности грузоотправителя на непредставление им пятидневной заявки, в результате чего дорога не подавала вагонов.

Однако более углубленный анализ заставляет отказаться от такого отождествления последствий неисполнения указанных двух групп обязанностей. Нарушение обязанностей, связанных с составлением и определением порядка выполнения плана, влечет применение о с о б ы х санкций. Штрафные же последствия по ст. 180 Устава ж. д. наступают лишь в том случае, е с л и н е и с п о л н е н и е э т и х о б я з а н н о с т е й в л е ч е т з а с о б о й н а р у ш е н и е п л а н о в о й н о р м ы.

Таким образом, непредставление грузоотправителем развернутого месячного плана или пятидневных заявок не является фактическим основанием штрафной ответственности по ст. 180 Устава ж. д.

Применительно к обязанности грузоотправителя по представлению пятидневной заявки этот вывод вытекает непосредственно из нормативных постановлений Устава ж. д. Статья 180 Устава предусматривает штрафную ответственность не за сам факт непредставления заявки, а за невыполнение месячного плана, выразившегося в неподаче дорогой вагонов по вине грузоотправителя, нарушившего свою обязанность по представлению заявки¹. Что же касается штрафа по ст. 180 Устава ж. д. при непредставлении развернутого месячного плана, то указанное соотношение невыполнения обязанности и ответственности следует не из нормативных постановлений, которые, как мы увидим, вообще недостаточно точны, а из анализа судебной практики, являющейся предметом дальнейшего рассмотрения.

В качестве санкции, гарантирующей исполнение обязанности грузоотправителя по представлению дороге развернутого месячного плана и пятидневных заявок, применяется от ка з железной дороги от подачи клиенту предусмотренных планом вагонов. Эта санкция принадлежит к тем мерам понуждения, которые не могут применяться иначе, чем непосредственно между сторонами (оперативные санкции). Для своего осуществления они не требуют обращения управомоченной стороны в судебный или административный орган. Отказ дороги от подачи назначенных по плану вагонов уже сам по себе является серьезным правовым средством воздействия в отношении неисправного грузоотправителя².

Но этот отказ дороги от подачи грузоотправителю подвижного состава вместе с тем влечет за собой нарушение плановой нормы погрузки. Неисполнение клиентом обязанности, связанной с составлением плана и определением порядка его выполнения, приводит к нарушению плановой нормы, что обуславливает применение к грузоотправителю «вто-

¹ Поэтому вызывает недоумение неожиданный вывод В.П. Грибанова о том, что новый Устав ж. д. в ст. 180 предусматривает ответственность грузоотправителя «...за самый факт непредставления пятидневной заявки» (*Грибанов В.П.* Плановый характер договора железнодорожной перевозки // Вопросы советского транспортного права. Госюриздат, 1957. С. 17). Эту же мысль автор вновь повторяет на с. 18—19. Но тут же он удачно опровергает ее, утверждая, что при подаче дорогой вагонов и их загрузке «сама по себе неподача заявки... не может повлечь штрафной ответственности грузоотправителя» (с. 19).

² О характере этих санкций см. ниже. С. 441 и сл.

рой очереди» имущественных санкций – санкций, предусмотренных ст. 180 Устава ж. д.

Таким образом, если железная дорога при непредставлении грузоотправителем развернутого месячного плана или пятидневных заявок не осуществляет своего права на непосредственное применение к правонарушителю санкций и подает ему вагоны под погрузку, то в случае выполнения плановой нормы грузоотправитель не может быть привлечен к ответственности по ст. 180 Устава ж. д.

С другой стороны, если дорога применила указанные санкции и не подала вагоны, то эта неподача вагонов вместе с фактами, свидетельствующими о неисполнении обязанностей, связанных с организацией исполнения плана, образует фактическое основание ответственности по ст. 180 Устава ж. д.

Следовательно, фактические основания ответственности грузоотправителя как при непосредственном нарушении плановой нормы, так и в указанном случае в основном совпадают, что позволяет сосредоточить последующее изложение применительно к главному из них – фактическому основанию ответственности за неисполнение плановой нормы¹.

2. Характеристика фактического основания ответственности за невыполнение месячного плана перевозок под углом зрения выполнения сторонами плановой нормы обуславливает необходимость более детального рассмотрения содержания последней.

Общими показателями, раскрывающими содержание плановой нормы, являются: а) время, в течение которого должны быть осуществлены подача и загрузка подвижного состава плановым грузом; б) количество подвижного состава, подлежащего загрузке.

В р е м я, в течение которого должны быть осуществлены сторонами подача и загрузка подвижного состава, определяется месячным планом и заданием начальника отделения дороги, содержащим календарное расписание погрузки. Это время исчисляется, как правило, с у т к а м и, которые заканчиваются в 18 часов соответствующего дня. Вагоны, не поданные дорогой к 18 часам отчетных суток или по-

¹ Приведенными положениями может быть ограничено рассмотрение тех особых санкций, которые являются следствием непредставления грузоотправителем развернутого месячного плана перевозок и пятидневных заявок. Поскольку существо этих санкций состоит в том, что управомоченное лицо освобождается от исполнения предусмотренных планом обязанностей в отношении правонарушителя и поэтому не требуется особых действий административных или судебных органов по их осуществлению, каких-либо специальных вопросов, связанных с содержанием и характером этих санкций, в практике не возникает.

данные в такое время, когда срок погрузки выходит за пределы 18 часов и отправитель их не загрузил, не засчитываются в счет подачи на данные сутки. К 18 часам оканчивается и время загрузки поданного клиенту подвижного состава с полным сроком на погрузку.

Высказанные положения могут встретить возражения, основанные на том, что в соответствии со ст. 182 и 183 Устава ж. д. грузоотправитель несет ответственность по пятидневным, а железная дорога — по полумесячным периодам. Однако обе названные статьи Устава ж. д. регламентируют не время выполнения плана, а период, в течение которого стороны вправе ликвидировать допущенные нарушения, что освобождает их от штрафной ответственности. Причем восполнение недодачи подвижного состава железной дорогой должно быть подчинено правилам сгущения погрузки, предусмотренным ст. 46 Устава ж. д., а восполнение недогруза клиентом вообще возможно лишь при подаче ему в течение отчетной пятидневки подвижного состава сверх его заявки. Исчисление плановой нормы по суточным периодам находит подтверждение в действующем порядке учета выполнения месячного плана перевозок. Согласно абз. II ст. 184 Устава ж. д., «учетная карточка подписывается начальником станции и грузоотправителем по окончании каждого отчетных суток». В силу же § 25 Правил планирования «в учетную карточку ежедневно заносятся данные о выполнении плана перевозок...». Из этого же показателя исходят Правила составления учетной карточки: § 4, 5, 6, 7 этих Правил указывают на отчетные сутки как на исходный показатель при учете выполнения плана перевозок¹.

С точки зрения количественных показателей плановая норма погрузки характеризуется единицами подвижного состава, подлежащих подаче железной дорогой и загрузке грузоотправителем. Правда, количество подвижного состава является не единственным и в большинстве случаев даже не главным показателем, характеризующим плановую норму с количественной стороны. Перевозка ряда важнейших грузов планируется не только в единицах

¹ В первоначальной редакции абз. 3 § 4 Правил было установлено, что «в заявке на пятидневку грузоотправитель обязан указать такое количество вагонов, которое составит не менее одной шестой месячного плана перевозок...». Однако неточность этой редакции, позволяющей, в частности, сделать вывод о том, что плановая норма характеризуется пятидневными периодами (одна шестая месяца), повлекло за собой замену ее новым текстом. В новой редакции, утвержденной МПС 12 ноября 1956 г., абз. 3 § 4 Правил устанавливает: «В заявке на пятидневку грузоотправитель обязан указать не менее того количества вагонов, которое составит на данную пятидневку, исходя из среднесуточной нормы погрузки по плану» (разрядка моя. — С.А.).

подвижного состава, но и в весовых единицах (тоннах)¹, причем последний из указанных количественных показателей имеет непосредственное и определяющее значение, поскольку при невыполнении плана санкции исчисляются исходя из весового недогруза. Однако, не являясь в ряде случаев главным количественным показателем, единицы подвижного состава остаются общим признаком плановой нормы, свойственным ей при любом способе планирования.

Количество подвижного состава, которое в суточный период дорога обязана подать клиенту, а клиент — загрузить, — это то общее, что характеризует плановую норму. Все иные ее показатели устанавливаются отдельно, с одной стороны, для железной дороги и, с другой — для грузоотправителя.

В отношении железной дороги плановая норма устанавливает, помимо общих, еще один показатель — дорога обязана подать подвижной состав не для погрузки вообще, а для погрузки определенного груза. Поэтому дорогой должны быть поданы вагоны и с п р а в н ы е и г о д н ы е для его перевозки.

В отношении грузоотправителя плановая норма устанавливает, помимо общих, еще два показателя: а) месячный план перевозок предусматривает погрузку груза не для любой перевозки, а лишь для перевозки в определенном плане н а п р а в л е н и и; б) месячный план перевозок предусматривает погрузку не груза «вообще», а лишь груза определенного плана рода.

Таким образом, плановая норма характеризуется в о т н о ш е н и и ж е л е з н о й д о р о г и, с одной стороны, временем, в течение которого должна быть осуществлена подача подвижного состава под погрузку (сутками), а с другой — 1) количеством подвижного состава, необходимого для выполнения плана, и 2) его исправностью и годностью для перевозки данного груза; в о т н о ш е н и и г р у з о т п р а в и т е л я, с одной стороны, временем, в течение кото-

¹ До 1948 года к числу грузов, планируемых в тоннах, согласно абз. V ст. 62 Устава ж. д. относились металл, уголь, флюсы, кокс, руда, зерновые, хлебные грузы, соль. На основании постановления Совета Министров СССР от 8 ноября 1948 г. в этот список дополнительно были включены мука, сахар, бумага, минеральные удобрения, цемент, огнеупоры, серное сырье. Правила планирования, изданные в соответствии с Уставом ж. д. 1954 года, расширили этот список еще дальше, включив в него также торф, дрова, лом черных металлов, формовочные пески, строительные грузы, картофель, овощи и фрукты, хлопок-волокно, хлопок-сырец, хлопковые семена. Таким образом, в настоящее время к грузам, по которым плановая норма выражается одновременно в единицах подвижного состава и в весовых единицах, относится подавляющее большинство перевозимой на железнодорожном транспорте продукции социалистических организаций.

рого должна быть осуществлена загрузка подвижного состава (сутками), а с другой — 1) количеством подлежащего погрузке груза, 2) родом груза и 3) направлением перевозки.

§ 2. Фактические основания ответственности железной дороги

1. К числу фактических оснований ответственности железной дороги относятся: а) неподача железной дорогой подвижного состава под погрузку; б) подача под погрузку неисправного подвижного состава или состава, негодного для перевозки предусмотренного планом груза.

Рассмотрим каждое из этих оснований.

2. Неподача железной дорогой подвижного состава под погрузку. Для того чтобы обязанность дороги по подаче вагонов была признана выполненной, требуется строгое соответствие этой подачи количественным показателям плановой нормы. Количество подвижного состава, подлежащего подаче под погрузку, определяется не только единицами подвижного состава, но и грузоподъемностью каждой из этих единиц, что особо важно учитывать в случаях, когда перевозка планируется одновременно в единицах подвижного состава и в весовых единицах (тоннах). В последнем случае за недогруз, возникший вследствие предоставления клиенту подвижного состава малой грузоподъемности, ответственность несет дорога, которая обязана обеспечить дополнительную подачу вагонов (абз. 2 § 11 Правил составления учетной карточки).

Количество поданных под погрузку вагонов определяется по ведомостям подачи и уборки вагонов. Поданными под погрузку считаются вагоны, оставшиеся незагруженными в предыдущие сутки, вагоны, предоставленные железной дорогой непосредственно на основании суточной нормы, а также в порядке сгущения погрузки при соблюдении требований ст. 46 Устава ж. д. Предоставленными под погрузку признаются, наконец, груженные вагоны, поданные под двойные операции с полным сроком на выгрузку и погрузку. В этом последнем случае перевозочные средства засчитываются в счет выполнения плановой нормы с момента истечения срока, установленного для выгрузки. В связи с тем что плановая норма подлежит выполнению к 18 часам текущего дня, вагоны должны быть предоставлены клиенту в такое время отчетных суток, которое позволяло бы полностью использовать срок, установленный для погрузки. Только в том случае, если ва-

гоны, поданные с неполным сроком на погрузку, клиентом фактически загружены, указанные единицы подвижного состава засчитываются в счет выполнения плановой нормы (см. § 5 Правил составления учетной карточки).

Подача дорогой вагонов не может быть заменена каким-либо иным действием железной дороги. Недопустимо, например, чтобы дорога вместо подачи вагонов ограничилась принятием груза от клиента, рассматривая его как основание освобождения от ответственности за невыполнение плана. При этом необходимо исходить из того, что само принятие дорогой груза к перевозке, поскольку погрузка должна быть осуществлена средствами грузоотправителя, происходит как завершающий этап осуществляемых клиентом погрузочных операций. Именно такую точку зрения по вопросу о фактах, свидетельствующих о выполнении транспортной организацией плана перевозок, провел Верховный Суд СССР в определении по иску торгового управления «Холбос» к Ленскому речному пароходству¹.

3. П о д а ч а п о д п о г р у з к у н е и с п р а в н о г о п о д в и ж н о г о с о с т а в а и л и с о с т а в а н е г о д н о г о д л я п е р е в о з к и п р е д у с м о т р е н н о г о п л а н о м г р у з а . С точки зрения точной юридической квалификации в рассматриваемом случае мы наблюдаем не отсутствие исполнения, а ненадлежащее исполнение обязанностей со стороны железной дороги. Но по своим последствиям оно тождественно неисполнению: и там, и здесь грузоотправитель лишен возможности осуществлять предусмотренную планом погрузку, и это приводит к срыву плана перевозок.

Обязанность железной дороги по подаче клиенту транспортных средств, годных к перевозке планового груза, вытекает не только из технических особенностей транспортировки отдельных видов груза; она прямо предусмотрена Уставом ж. д. По ст. 62 Устава «железная дорога обязана подавать под погрузку вагоны, исправные, годные к перевозке данного груза...».

При нарушении дорогой этой обязанности клиент вправе не принять транспортные средства под погрузку, и тогда они не засчитываются в счет выполнения плановой нормы. Тип подвижного состава, к которому должны принадлежать вагоны, подаваемые в счет выполнения месячного плана, определяется железной дорогой в соответствии с родом груза, предусмотренного к перевозке планом.

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1944. Вып. IV. С. 28.

§ 3. Фактические основания ответственности грузоотправителя

1. К числу фактических оснований ответственности грузоотправителя относятся: а) неиспользование поданных под погрузку вагонов; б) отказ от назначенных по плану вагонов; в) невыполнение плана в результате непредставления или несвоевременного представления дороге развернутого плана перевозок; г) невыполнение плана в результате непредставления или несвоевременного представления пятидневной заявки; д) невыполнение плана по дорогам назначения или по роду груза.

Остановимся на каждом из этих оснований отдельно.

а) Неиспользование грузоотправителем поданных под погрузку вагонов. Это фактическое основание ответственности грузоотправителя может иметь место лишь по отношению того подвижного состава, который подан железной дорогой под погрузку. Здесь, следовательно, железная дорога уже исполнила свои обязанности по подаче вагонов, которые в соответствии с § 5 Правил составления учетной карточки учтены в качестве подвижного состава, предоставленного клиенту в счет выполнения плана.

Важное значение для определения исполнения обязанности клиента по использованию вагонов имеет календарное расписание их подачи. Причем если грузоотправитель не загрузит вагоны, поданные ему в отчетные сутки, то они вновь засчитываются в счет подачи вагонов дорогой на следующие сутки. Таким образом, факт неиспользования грузоотправителем вагонов может быть признан по отношению не только к тому подвижному составу, который подан дорогой под погрузку в отчетные сутки, но и к подвижному составу, не погруженному в предшествующие сутки и засчитанному в счет очередной суточной подачи. В соответствии с этим может возрасти и объем штрафной ответственности грузоотправителя.

Опираясь на предоставленное действующим Уставом ж. д. право восполнять недогруз в течение текущей пятидневки, некоторые грузоотправители полагают, что зачет неиспользованных вагонов в счет очередной суточной подачи не должен влечь наращивания объема ответственности за нарушение месячного плана перевозок. Однако такое толкование права восполнения недогруза противоречит содержанию плановой нормы. Грузоотправитель освобождается от ответственности за нарушение плана, если он в последующие дни пятидневки загрузит все то количество вагонов, которое было им не использовано за каждые отчетные сутки в отдельности. Ес-

ли же в последующие дни пятидневки грузоотправитель выполнит лишь дневную норму вагонов полностью, подаваемую ему железной дорогой, оставляя незагруженными вагоны от предшествующих суточных подач, то последние должны признаваться неиспользованными и в последующие дни пятидневки¹. Такую линию по рассматриваемому вопросу проводят и судебные органы. Свердловский областной суд в своем решении, оставленном в силе Верховным судом РСФСР, отклонил возражение ответчика против суммы штрафа, который, по его мнению, необоснованно начислен дорогой дважды за одни и те же вагоны. В решении указано: «Как видно из учетной карточки, ответчику 4 апреля 1955 г. было подано 12 вагонов, которые им не погружены. Последние перешли на следующие сутки – 5 апреля. В этот день была подана полная норма вагонов, но ответчик вновь допустил недогруз...»

Большое значение для установления факта неиспользования грузоотправителем вагонов имеют Правила, определяющие момент окончания погрузки (§ 15 Правил приема и погрузки грузов). Эти Правила, установленные для определения простоя как фактического основания ответственности при задержке подвижного состава под погрузкой, могут быть, однако, использованы для того, чтобы выяснить, какова степень выполнения суточной нормы к моменту окончания отчетных суток. Согласно упомянутым Правилам, погрузка на пунктах общего и необщего пользования в пределах станции считается законченной с момента получения станцией уведомления грузоотправителя о готовности к уборке всей одновременно поданной партии вагонов, а при погрузке на подъездных путях – либо с этого же момента (при обслуживании пути локомотивом дороги), либо с момента сдачи выставленных на приемо-сдаточные пути вагонов (при обслуживании локомотивом владельца подъездного пути)².

¹ Вагоны, не погруженные до конца отчетных суток, могут быть засчитаны в подачу следующих суток. Но дорога может в следующие сутки подать под погрузку вагоны в количестве, соответствующем полной суточной норме, если грузоотправителем не будет подано письменного отказа от погрузки (§ 9 Правил составления учетной карточки).

² При этом, однако, следует учитывать нормативное положение абз. 5 § 21 Правил по грузовым операциям и учету простоя вагонов на подъездных путях (раздел 24 Правил перевозок отдельных видов грузов и выполнения коммерческих операций на станциях и железнодорожных подъездных путях. Ч. II (Трансжелдориздат, 1955)), согласно которому при подаче и возврате вагонов по графику возвращаемые вагоны снимаются с учета простоя на подъездном пути с момента уведомления владельца подъездного пути о готовности вагонов к уборке локомотивом дороги или с момента выставки вагонов локомотивом владельца подъездного пути на приемо-сдаточные пути, осмотра и приема их дорогой, но не позднее чем через 30 мин с момента выставки.

Применяя эти правила, следует иметь в виду, что если к моменту окончания суток поданная партия вагонов будет загружена лишь частично и эти вагоны дорогой приняты, то плановая норма должна быть признана частично выполненной. Вместе с тем для признания частичного или полного выполнения плановой нормы недостаточно фактического завершения погрузочных операций, сопровождаемого уведомлением станции или выставлением вагонов на приемосдаточные пути. Необходимо известное санкционирование дорогой погрузки вагонов, документальное оформление результатов погрузочных операций в дорожной ведомости, после составления которой погрузка признается законченной.

Определение факта неиспользования грузоотправителем вагонов в значительной степени зависит от того, в каких показателях установлена для отправителя плановая норма. Если плановая норма характеризуется только единицами подвижного состава, то при определении факта неиспользования подвижного состава устанавливается количество не загруженных грузоотправителем вагонов из общего числа вагонов, поданных дорогой под погрузку. Поскольку дорога санкционировала результаты погрузочных работ клиента в данные вагоны, последние засчитываются в счет выполнения плановой нормы, и на грузоотправителя не может быть возложена в отношении этих вагонов штрафная ответственность даже в случае весового или объемного недогруза. За весовой или объемный недогруз вагонов, засчитываемых в счет выполнения клиентом плановой нормы, грузоотправитель несет специальную ответственность по ст. 202 Устава ж. д. Если же плановая норма характеризуется не только количеством вагонов, но и весовыми единицами (тоннами), то при определении факта неиспользования вагонов устанавливается количество не погруженных к концу отчетных суток тонн против лимитов, выделенных грузоотправителю планом на данные сутки. Причем на грузоотправителя не может быть возложена ответственность также и за неиспользование единиц подвижного состава: он несет ответственность только за непогруз предусмотренного на данные сутки количества груза¹.

Это правило нашло четкое выражение в действующем Уставе ж. д., ст. 47 которого предусматривает, что «...в случае выполнения грузоотправителем плана погрузки в тоннах, оставшиеся незагруженными ва-

¹ За весовой недогруз вагонов, принимаемых дорогой к перевозке, клиент так же, как и в других случаях, несет ответственность по правилам ст. 202 Устава ж. д.

гоны не считаются недогрузом и в соответствующих случаях засчитываются в счет подачи вагонов по плану на следующие сутки»¹.

Установление штрафной ответственности за неиспользование поданных вагонов означает, что эта ответственность наступает за недостижение тех целей, которые предусмотрены планом. Поэтому если грузоотправитель при планировании перевозки только в вагонах и использовал их настолько рационально, что ему потребовалось меньшее количество вагонов по сравнению с количеством, предусмотренным планом, то оставшиеся вагоны нельзя признать «неиспользованными» в том смысле, в каком этот термин употребляется в ст. 180 Устава ж. д. Вот почему абз. II ст. 182 Устава ж. д. предусматривает: «В случае, когда грузоотправитель в результате уплотненной загрузки вагонов сверх технических норм использовал меньшее количество вагонов, чем предусмотрено планом, штраф за недогруз соответствующего количества вагонов не взыскивается»². Документальным свидетельством такого льготного «неиспользования» вагонов является прилагаемая к учетной карточке справка товарного кассира станции за каждые сутки о количестве тонн, погруженных сверх технической нормы. Количество вагонов, высвобожденных в результате уплотненной загрузки, определяется путем деления общего количества тонн груза, загруженного сверх технических норм в течение месяца, на техническую норму загрузки, установленную для двухосного вагона подъемной силой 20 т (абз. 3 § 12 Правил составления учетной карточки).

б) Отказ грузоотправителя от назначенных по плану вагонов. Рассматриваемое основание ответственности грузоотправителя по ст. 180 Устава ж. д. имеет место при таких условиях, когда дорога еще не подала вагоны или подала их, но грузоотправитель не принимает вагоны под погрузку. Отказ грузоотправителя от вагонов, уже поданных дорогой и принятых отправителем под

¹ Рассматриваемое фактическое основание ответственности грузоотправителя («неиспользование вагонов») было предусмотрено уже Уставом ж. д. 1935 года, который, однако, давал несколько иную формулировку этому основанию, указывая, что ответственность наступает за «недогруз вагонов». Изменение указанной формулировки вызвано не столько задачами редакционно-стилистического характера (тем более, что в ряде статей Устава ж. д. и специальных правил термин «недогруз» сохраняется), сколько известным изменением самого смыслового значения этой формулировки, не допускающим ее формалистического толкования.

² Нельзя признать удачным помещением этого правила в статью Устава ж. д., трактующую об основаниях освобождения грузоотправителя от ответственности. Строго говоря, оно относится к характеру одного из важнейших фактических оснований ответственности — к трактовке факта неиспользования поданных вагонов.

погрузку, ничем не отличается от рассмотренных выше случаев неиспользования отправителем вагонов. Как там, так и здесь поданные согласно плану и принятые отправителем вагоны оказываются незагруженными. Отказ грузоотправителя от назначенных по плану вагонов — это его отказ от принятия подвижного состава под погрузку.

Вагоны, от приема под погрузку которых отправитель отказался, остаются в распоряжении железной дороги, и она может направить их другому грузоотправителю под погрузку. Поэтому в качестве общего правила необходимо признать, что железная дорога не вправе взыскать в отношении вагонов, от погрузки которых отправитель предварительно отказался, штраф за простой в порядке ст. 200 Устава ж. д.

Отказ отправителя от назначенных по плану вагонов может иметь место в силу того, что ранее при определении плановой нормы перевозки грузоотправитель подал преувеличенные заявки. Такие заявки могут быть поданы с целью обеспечить себе вагоны «в запас», «на всякий случай». Предупреждая такого рода антигосударственную практику, Устав ж. д. предусматривает возможность привлечения виновных лиц к административной или уголовной ответственности. «Виновные в представлении завышенных заявок и систематическом непредъявлении к погрузке грузов, предусмотренных планом, — сказано в ст. 43 Устава ж. д., — привлекаются к ответственности».

в) Невыполнение грузоотправителем месячного плана в результате непредставления или несвоевременного представления дороге развернутого плана перевозок по каждому роду груза и по каждой станции погрузки.

Неподача дорогой вагонов в случае непредставления или несвоевременного представления грузоотправителем развернутого месячного плана перевозок влечет за собой применение к нему «второй очереди» санкций — штрафа за невыполнение месячного плана по ст. 180 Устава ж. д.

Это основание ответственности грузоотправителя было известно нормативной и судебной практике до издания Устава ж. д. 1954 года. Причем, с точки зрения ст. 62 Устава ж. д. 1935 года, распоряжение НКПС от 31 октября 1939 года считало представление развернутого плана на меньшее против плана количество вагонов отказом грузоотправителя от назначенного по плану подвижного состава. Однако такая трактовка рассматриваемого основания ответственности на практике не привилась. Если бы судебные органы строго придержи-

вались буквы указания НКПС от 31 октября 1939 года, то следовало бы за самый факт «недозаявки» взыскивать штрафные санкции. Между тем судебные органы встали на другой путь и взыскивали упомянутый штраф, если «недозаявка» вагонов или иное нарушение, связанное с предоставлением развернутого плана, повлекли за собой невыполнение государственного плана перевозок.

Так по одному из дел, рассмотренных Верховным Судом СССР, было установлено следующее. Кирплодоовоштрест предоставил Туркестано-Сибирской ж. д. развернутый план перевозок на сентябрь месяц с опозданием на 6 дней, вследствие этого по заявлению дороги последняя лишена была возможности предоставить запланированное тресту количество вагонов, что и повлекло невыполнение со стороны Кирплодоовоштреста плана перевозок. Народный суд иск дороги признал обоснованным. «Между тем, — отмечается в определении Верховного Суда СССР, — в материалах дела имеются данные о том, что фактически дорогой вагоны для погрузки Кирплодоовоштресту были предоставлены и им использованы, поэтому считать, что эти вагоны предоставлены дорогой вне плана, нет никаких оснований. Сам по себе факт опоздания в представлении развернутого плана перевозки не влечет штрафной ответственности и такая ответственность может быть возложена лишь за фактически недогруженное количество вагонов...»¹

В действующем Уставе ж. д. 1954 года интересующая нас проблема не нашла разрешения (если не считать того, что ст. 39 закрепляет в качестве безусловной обязанности грузоотправителя предоставление дороге в установленные сроки развернутого плана перевозок по каждому роду груза и по каждой станции погрузки). Но в Правилах планирования перевозок этому вопросу посвящено следующее нормативное положение. Уточняя обязанность грузоотправителя по своевременному предоставлению развернутого плана, § 19 Правил предусматривает, что при представлении грузоотправителем плана с отклонением по данному роду груза от установленных размеров погрузки по объему или дорогам назначения клиент обязан по требованию дороги в двухсуточный срок привести развернутый план в соответствие

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1942 год. Юриздат, 1947. С. 182. Такую же точку зрения проводит Верховный Суд СССР в определении по иску Омской ж. д. к Карагандинскому каменноугольному тресту (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1942 год. Юриздат, 1947. С. 183), а также в определении Верховного Суда СССР по иску управления Юго-Восточной ж. д. к конторе «Заготзерно» (Судебная практика Верховного Суда СССР. 1950. № 6. С. 44).

с показателями государственного плана. В качестве же формы правового обеспечения этой обязанности § 19 Правил указывает на право железной дороги при непредставлении исправленного плана «...такие перевозки исключить из развернутого плана перевозок с начислением на грузоотправителя штрафа в соответствии со ст. 180 Устава ж. д.».

Приведенное положение, однако, не разрешает в полной мере проблему штрафной ответственности грузоотправителя при непредставлении или несвоевременном представлении развернутого плана. Правда, цитированное положение § 19 Правил имеет и несомненные достоинства: в нем (хотя и в недостаточно четкой форме) выражена мысль о том, что само по себе непредставление исправленного плана не влечет ответственности по ст. 180 Устава ж. д. Эта ответственность может наступать лишь в том случае, если дорога исключит определенные перевозки из развернутого плана, за чем неизбежно следует невыполнение грузоотправителем месячного плана перевозок. Иными словами, и здесь ответственность грузоотправителя устанавливается за срыв государственного плана, происшедшего по причине несвоевременного представления грузоотправителем исправленного развернутого плана.

Но в то же время положение, сформулированное § 19 Правил, нуждается в уточнении. Поскольку за другие случаи нарушения обязанности по своевременному представлению развернутого плана Правила не устанавливают штрафной ответственности, может сложиться впечатление, что ст. 180 Устава ж. д. применима лишь при срыве государственного плана в результате нарушения требований § 19 Правил. Однако нелогичность такого вывода очевидна. Непредставление исправленного плана является лишь одним, и причем не самым существенным, нарушением рассматриваемой обязанности грузоотправителя, могущей повлечь за собой срыв государственного плана. Здесь все же грузоотправитель своевременно представил дороге развернутый план. Между тем непредставление плана или представление его с нарушением установленных сроков, когда план уже объявлен отделениям и станциям, является более серьезным нарушением

государственной дисциплины. Не случайно в этих случаях начальник дороги сообщает по телеграфу вышестоящей организации грузоотправителя о таком нарушении «...для привлечения виновных к ответственности» (§ 20 Правил планирования).

Правда, и при таком нарушении начальнику дороги предоставляется право принять от грузоотправителя план и объявить его в порядке дополнительного задания. Но начальник дороги может и не воспользоваться этим правом, что повлечет за собой невыполнение государственного плана грузоотправителем.

То обстоятельство, что лишь в § 19 Правил содержится ссылка на штрафную ответственность по ст. 180 Устава ж. д. как на возможное последствие нарушения грузоотправителем его обязанности по своевременному представлению развернутого плана, объясняется, по-видимому, лишь своеобразием указанного правонарушения, тем, что оно связано с дополнительной обязанностью, возникшей в связи с требованием железной дороги об исправлении развернутого плана. Поэтому следует полагать, что сложившийся еще в период действий Устава ж. д. 1935 года порядок ответственности грузоотправителя за «недозаявку» подвижного состава сохраняется и после издания действующего Устава ж. д.

Грузоотправитель несет штрафную ответственность за невыполнение месячного плана перевозок, если это невыполнение последовало в результате нарушения им обязанности по своевременному представлению развернутого плана. Причем в качестве фактов, свидетельствующих о нарушении грузоотправителем этой обязанности, могут выступать:

- а) непредставление развернутого плана;
- б) опоздание в представлении развернутого плана в случае, когда он не принят начальником железной дороги;
- в) непредставление в двухнедельный срок исправленного плана, в результате чего железная дорога исключила несогласованные перевозки из плана¹.

¹ См.: *Егоров К.Ф.* Гражданско-правовая ответственность за невыполнение плана грузовых перевозок: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1955. С. 13. Автор, отграничивая «недозаявку» вагонов от случаев непредставления или несвоевременного представления развернутого плана, пытается, по-видимому, обосновать вывод, согласно которому отправитель несет ответственность за сам факт «недозаявки». Едва ли это правильно. Как видно из приведенной выше практики, судебные органы не проводили между указанными случаями каких-либо различий, ориентируя на то, что ст. 180 Устава ж. д. применима лишь тогда, когда неисправность отправителя повлекла за собой невыполнение плана перевозок.

г) Невыполнение грузоотправителем месячного плана в результате непредставления или несвоевременного представления пятидневной заявки.

Это фактическое основание гражданско-правовой ответственности, родственное по своей природе и особенностям только что рассмотренному основанию, также не было предусмотрено Уставом ж. д. 1935 года. Оно было сформулировано в процессе применения Устава ж. д. 1935 года, потребовавшего распространения ответственности за невыполнение плана перевозок на те случаи, когда это невыполнение вызвано непредставлением или несвоевременным представлением пятидневной заявки.

Действующий Устав ж. д., закрепив рассматриваемое фактическое основание ответственности грузоотправителя непосредственно в тексте ст. 180, дал по этому вопросу безукоризненную по четкости формулировку: грузоотправитель уплачивает штраф не за самый факт непредставления пятидневной заявки, а за непредставление пятидневной заявки, в результате чего дорога не подавала вагонов. Вторичный характер штрафных санкций выражен здесь предельно ясно: непосредственным последствием нарушения обязанности грузоотправителя по своевременному представлению пятидневной заявки является неподача дорогой вагонов под погрузку, а уж этот факт выступает в качестве ближайшего обстоятельства, свидетельствующего о невыполнении плана перевозок, за которое ответственен грузоотправитель.

Таким образом, здесь имеется три последовательных звена фактов: нарушение обязанности грузоотправителем по своевременному представлению пятидневной заявки — неподача дорогой вагонов — невыполнение плана грузоотправителем.

Несколько иной характер носят фактические обстоятельства, свидетельствующие о неисправности грузоотправителя, в случае, когда перевозка осуществляется в вагонах, принадлежащих клиентуре. И в этом случае пятидневные заявки служат цели организации ритмичного выполнения государственного плана, и поэтому их непредставление может привести к нарушению плана, за которое гражданско-правовая ответственность должна быть возложена на грузоотправителя. Однако и здесь клиент несет ответственность не за сам по себе факт непредставления заявки, а за возникшее вследствие этого нарушение плановых норм.

Неисполнение грузоотправителем обязанности по своевременно представлению пятидневной заявки находит свое выражение в одном из следующих обстоятельств:

Непредставление пятидневной заявки. Это наиболее очевидное и вместе с тем грубое нарушение соответствующей обязанности грузоотправителя, при котором имеются наиболее веские основания для неподачи дорогой вагонов. При этом следует иметь в виду, что в соответствии с Уставом ж. д. представление заявки не может быть подменено каким-либо другим, внешне похожим фактом. Как справедливо отмечено К.К. Яичковым, отправитель не освобождается от обязанности представления заявки по той причине, что порядок выполнения плана согласован между начальником отделения дороги и клиентом¹.

Представление пятидневной заявки с нарушением трехдневного срока, предусмотренного абз. II ст. 44 Устава ж. д. Подача заявки позднее чем за три дня до наступления планируемой пятидневки лишь в том случае влечет за собой неподачу дорогой вагонов, если начальник станции или начальник отделения дороги не приняли заявку, представленную с запозданием. Причем значение факта, свидетельствующего о принятии начальником отделения заявки, представленной с опозданием, имеет объявление задания на погрузку в соответствии с заявкой.

Представление пятидневной заявки не через начальника станции отправления.

Правда, в ст. 44 Устава ж. д. прямо не предусмотрено, что пятидневные заявки должны подаваться начальнику отделения дороги только через начальников станции отправления, но такой порядок вытекает из самого характера складывающихся при этом отношений, обуславливающего необходимость двухступенчатой системы подачи заявок. Практика показывает, что иногда грузоотправители, пользуясь отсутствием определенности в формулировках положений ст. 44 Устава ж. д., считают, что они вправе подавать заявки через начальников любых станций. Поэтому вполне справедливо Верховный суд РСФСР, подтверждая решение областного суда по иску Пенюгского лестрансхоза к Печорской ж. д., указал: «Вывод суда о том, что в силу ст. 44 Устава ж. д. истец обязан подавать пятидневные заявки через начальника станции отправления, следует признать правильным... доводы истца

¹ Яичков К.К. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 63.

о его праве подавать заявки на подачу вагонов через каких-либо других начальников станций, в том числе и начальника станции по месту нахождения конторы лестрансхоза по другим пунктам погрузки, нельзя признать убедительными...»

Во всех указанных случаях, если непредставление или несвоевременное (ненадлежащее) представление пятидневной заявки повлекло за собой срыв государственного плана перевозок, грузоотправитель уплачивает дороге штрафные санкции по ст. 180 Устава ж. д. Причем недогруз за пятидневку определяется, исходя из одной шестой месячной нормы по плану (§ 11 Правил составления учетной карточки).

д) Невыполнение плана по дорогам назначения или по роду груза.

Грузоотправитель несет штрафную ответственность при нарушении установленных для него специальных плановых показателей: во-первых, при невыполнении плана по дорогам назначения и, во-вторых, при загрузке подвижного состава в неплановым (по родовой характеристике) грузом. Какова правовая природа указанных нарушений плана?

На первый взгляд складывается впечатление, что здесь отсутствует невыполнение плановой нормы, а имеется лишь ненадлежащее ее выполнение, так как перевозка все же осуществляется, нарушениями оказываются лишь отдельные показатели плана.

Однако при более внимательном анализе этот формально приемлемый вывод следует признать неправильным. Дело в том, что показатели, характеризующие дорогу назначения и род груза, определяют само существо плановой перевозки. Если отправитель погрузил груз не в том направлении, которое было предусмотрено планом, или вообще погрузил внеплановый груз, то перед нами совсем иная перевозка, чем та, которая была предусмотрена плановым актом.

Именно поэтому судебные органы признают перевозки, производимые с нарушением плана по дорогам назначения или роду груза, в неплановыми. Так, по рассмотренному в 1950 году иску Северо-Кавказской ж. д. к Краснодарской товарно-транспортной конторе Верховный суд РСФСР отметил: «Краснодарский краевой суд отказал в удовлетворении иска, сославшись на то, что ответчик план перевозок нефти в августе месяце перевыполнил, однако суд не учел, что ответчик 447 цистерн погрузил в адрес станций, не предусмотренных по плану, и не догрузил по плану в адрес станции Грозный. Поэтому суду надлежит при новом рассмотрении дела проверить выполнение плана перевозок груза в адрес станций,

предусмотренных планом, без учета в н е п л а н о в о й п е р е -
в о з к и» (разрядка моя. — С.А.).

Правда, признанию таких перевозок внеплановыми препятствуют некоторые соображения формального характера: по действующему Уставу ж. д. к числу внеплановых должны быть отнесены лишь перевозки, оформленные в порядке ст. 48 Устава ж. д. Однако необходимо учитывать, что если отправитель нарушил план по дорогам назначения или по роду груза, но перевозка состоялась, то, значит, со стороны дороги все же было определенное санкционирование такой перевозки. Ведь в соответствии с абз. II ст. 115 Устава ж. д. «за занятие вагонов под погрузку без разрешения железной дороги владелец железнодорожного подъездного пути уплачивает железной дороге штраф в размере 100 руб. с вагона, независимо от штрафа за простой». При этом дорога вправе потребовать разгрузки вагона. Потребовать разгрузки дорога может и в том случае, когда вагон загружен без ее разрешения и на общей сети железных дорог. Следовательно, если дорога не потребовала разгрузки вагона или, более того, сама предоставила клиенту вагоны под заведомо внеплановый груз, то налицо определенное санкционирование дорогой погрузки, что и дает основание видеть здесь о с о б ы й с л у ч а й внеплановой перевозки. Что же касается нарушения плана по роду груза, то следует иметь в виду специфику планирования перевозок на железнодорожном транспорте: планирование ведется по каждому роду груза в отдельности. В соответствии с этим по каждому роду груза в отдельности составляются учетные карточки (ст. 184 Устава ж. д. § 2 Правил составления учетной карточки)¹.

Признавая, таким образом, что невыполнение показателей по дорогам назначения или роду груза относится к существенным нарушениям плана перевозок, нельзя, однако, полностью приравнять их к ранее рассмотренным случаям нарушения плана. Здесь, ввиду того что перевозка состоялась, хозяйственные интересы железной дороги и клиентуры, общенародные хозяйственные интересы страдают меньше, чем при полном срыве запланированных перевозок. Поэтому § 28 Правил планирования предоставляет начальнику дороги право в опре-

¹ Как справедливо пишет К.К. Яичков, «предъявление груза не той группы, которая предусмотрена в месячной плановой норме, или предъявление груза той же группы, но другого рода, без согласия начальника дороги равносильно непредъявлению груза к перевозке и означает невыполнение отправителем месячного плана» (Яичков К.К. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 48).

деленном процентном отношении (в зависимости от рода груза и объема перевозок) изменять план по дорогам назначения.

Проведение различий между невыполнением плана перевозок по дорогам назначения и роду груза и другими случаями его невыполнения имеет важное значение и при применении нормативных положений действующего Устава ж. д. Так, учет невыполнения плана по дорогам назначения производится лишь в отношении фактически погруженных вагонов, а не в отношении всего количества вагонов, установленных заданием начальника отделения дороги. Согласно абз. 3 § 13 Правил составления учетной карточки «...количество вагонов, отгруженных не по назначению за пятидневку, определяется как сумма недогрузов по отдельным дорогам назначения против задания начальника отделения дороги **з а в ы ч е т о м** (разрядка моя. — С.А.) количества вагонов, недогруженных за пятидневку по вине дороги и отправителя». Сначала должны быть учтены вагоны, в отношении которых план полностью не выполнен, а лишь затем — вагоны, в отношении которых план нарушен лишь по дорогам назначения.

Обращаясь к характеристике фактического основания ответственности грузоотправителя при невыполнении плана **п о д о р о г а м н а з н а ч е н и я**, необходимо прежде всего отметить, что действовавшая до 1939 года система планирования на железнодорожном транспорте не регламентировала перевозки в отношении дорог назначения. Поэтому и Устав ж. д. 1935 года не содержит каких-либо указаний об ответственности грузоотправителя в иных случаях, кроме нарушения суточных норм погрузки по количественным показателям. Произведенное в 1939 году изменение структуры планирования перевозок, охватившей и дороги назначения, потребовало установления штрафной ответственности за нарушение вновь введенного планового показателя.

Встав на путь распространения на этот случай нормативных положений Устава ж. д., регламентирующих ответственность за невыполнение норм погрузки, судебные органы, однако, учли различия между полным срывом государственного плана и таким его невыполнением, когда осуществляются внеплановые перевозки. В соответствии с этим при распространении на указанный случай нормативных положений Устава ж. д. ответственность грузоотправителя за нарушение плана по дорогам назначения была уточнена: для привлечения грузоотправителя к ответственности требовалось **о т с у т с т в и е** вины в нарушении плана со стороны железной дороги. Так, в определении по иску треста Куйбышевуголь к Томской ж. д. и Новосибирской конторе

Главснабуголь Верховный Суд СССР отметил, что при принятии до-рогой к перевозке грузов с изменениями дорог назначения «штраф может быть взыскан, если по делу устанавливается, что по условиям от-грузки (например, погрузки с подъездного пути отправителя) своевре-менно обнаружить изменение дороги назначения не представлялось возможным»¹. Такое же указание содержится в определении Верхов-ного Суда СССР по иску треста Ленинуголь к Томской ж. д.: «Штраф может быть взыскан в том случае, если будет доказано, что по усло-виям погрузки дорога не могла своевременно обнаружить изменение дороги назначения груза»².

Однако наметившаяся в судебной практике линия на ограничение ответственности грузоотправителя при нарушении плана перевозок по дорогам назначения оказалась чрезмерной, не соответствующей зада-чам борьбы за жесткую плановую дисциплину на транспорте. Грузо-отправители, нарушив план по дорогам назначения, в большинстве случаев не привлекались к ответственности, а железная дорога без до-полнительных затрат не могла наладить борьбу за строгое соблюдение плана по всем показателям. Поэтому Устав ж. д. 1954 года, предусмот-рев в качестве фактического основания ответственности грузоотпра-вителя нарушение плана по дорогам назначения, не ввел для такой от-ветственности каких-либо специальных ограничений.

Но из категорической формулировки ст. 180 Устава ж. д. не следует делать крайних выводов. Нельзя, например, признавать возможным привлечение к штрафной ответственности грузоотправителя, если предусмотренные планом дороги назначения изменены начальником дороги в пределах предоставленных ему полномочий (следует иметь в виду, что в данном случае отсутствует объект правонарушения, так как в план внесены изменения и можно нарушить лишь измененный план, а не план «первоначальный»). Из этих же соображений исходит, по-видимому, и К.Ф. Егоров, когда он пишет, что «грузоотправитель освобождается от уплаты штрафа за невыполнение плана по доро-гам назначения... если изменение плана оформлено распоряжением начальника дороги отправления, и груз принят в пределах размеров, установленных § 28 Правил планирования»³.

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1944 год. Юриздат, 1948. С. 295.

² Судебная практика Верховного Суда СССР. 1945. Вып. III. С. 26.

³ *Егоров К.Ф.* Гражданско-правовая ответственность за невыполнение плана грузо-вых перевозок: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 13. Однако по приведенным выше мотивам нельзя согласиться с суждением автора о том, что при приеме внепланового

Считая правильным привлечение к ответственности грузоотправителя независимо от вины дороги, нельзя, однако, признать достаточно оправданным введение порядка ответственности за нарушение плана по п я т и д н е в н ы м периодам. Такое усиление ответственности грузоотправителя в значительной мере сковывает его инициативу в ходе выполнения плана перевозок. Практика показывает, что существовавший ранее порядок ответственности по м е с я ч н ы м периодам давал большой простор для гибкого маневрирования в ходе выполнения плана и вместе с тем обеспечивал как хозрасчетные интересы дороги, так и интересы выполнения планов материально-технического снабжения и товарооборота. Проведенные в последнее время мероприятия по устранению излишней централизации в управлении промышленностью и расширение прав предприятий требуют возвращения к ранее действовавшему порядку привлечения грузоотправителя к ответственности за невыполнение плана по дорогам назначения. Не случайно Временные основные положения о квартальном планировании (1957 г.) исключили рассматриваемый показатель по всему ходу планирования, введя «его лишь на стадии составления развернутого месячного плана перевозок. Этот порядок сохранен и в настоящее время»¹.

Переходя к ответственности грузоотправителя при загрузке подвижного состава внеплановым (по родовой характеристике) грузом, необходимо отметить, что это фактическое основание ответственности прямо в Уставе ж. д. не предусмотрено. Однако порядок планирования, производимый непосредственно по родам грузов, свидетельствует о том, что рассматриваемое обстоятельство образует самостоятельное фактическое основание ответственности.

Условия и порядок привлечения к ответственности грузоотправителя при невыполнении плана по роду груза в основном совпадают с особенностями его ответственности в случае нарушения плана в отношении направления перевозки. В частности, замена начальником дороги одного груза другим в пределах отдельных групп грузов, предусмотренных номенклатурой квартального плана (ст. 50 Ус-

груза сверх лимитов (§ 28 Правил) в условиях, когда имелась возможность своевременного обнаружения изменения дороги назначения, «...дорога отправления также совершает нарушение плана и потому не вправе взыскивать с отправителя штрафа в полном объеме за все количество груза, предъявленного с изменением дороги назначения» (Там же. С. 14).

¹ См. п. 9 и 10 Основных положений о годовом и квартальном планировании перевозок грузов, утвержденных постановлением Совета Министров СССР от 6 ноября 1958 г. (СП СССР. 1958. № 18. Ст. 145).

тава ж. д.), не должна влечь за собой штрафной ответственности грузоотправителя.

Ответственность грузоотправителя не наступает, если установлена система зачета одного рода груза в счет другого. В соответствии с действующими нормативными положениями такой порядок установлен в отношении крепежа, перевыполнение плана по которому засчитывается в счет выполнения плана перевозок прочих лесных грузов.

2. Каковы фактические основания ответственности грузоотправителя при сверхплановой или внеплановой перевозке? При сверхплановой или внеплановой перевозке ответственность грузоотправителя обычно наступает при неиспользовании поданных вагонов или при отказе от вагонов, выделенных по пятидневной заявке заданием начальника отделения дороги. Штрафная ответственность за непредставление развернутого плана принципиально исключена. Такая характеристика рассматриваемого фактического основания подтверждается нормативными постановлениями Устава ж. д., ст. 180 которого предусматривает ответственность грузоотправителя за нарушение нормы погрузки сверх плана или вне плана лишь в том случае, когда они установлены заданием начальника отделения дороги. В соответствии с этим и учетная карточка на грузы, отгруженные вне плана и сверх плана, по заявкам, принятым дорогой после наступления планового месяца, составляется отдельно, причем лишь после получения от начальника отделения пятидневного задания на указанную погрузку (§ 16 Правил составления учетной карточки). Что же касается дополнительных перевозок по заявкам, принятым дорогой до наступления планового месяца, то они учитываются вместе с перевозками по основному плану по одной учетной карточке. Как установлено § 16 Правил составления учетной карточки в редакции от 29 ноября 1957 г., «железная дорога обязана по заданиям Министра путей сообщения на дополнительную перевозку соответствующих грузов, даваемых в счет ресурсов, предусмотренных техническими нормами работы железных дорог, принимать к выполнению от грузоотправителей развернутые планы и объявлять их станциям до наступления месяца»¹. В этом случае условия ответственности сторон соответствуют условиям ответственности по основному плану.

¹ Сборник правил перевозок и тарифов. № 83. Трансжелдориздат, 1958. С. 15.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОСНОВАНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА ПЕРЕВОЗОК

§ 1. Общая характеристика оснований освобождения от ответственности за невыполнение плана перевозок

1. Согласно ст. 182 и 183 Устава ж. д., грузоотправитель и железная дорога освобождаются от ответственности за невыполнение плана перевозок при наличии следующих оснований.

Г р у з о о т п р а в и т е л ь освобождается от ответственности за невыполнение плана перевозок:

а) по причине явлений стихийного характера (заносы, наводнения, пожары), вызвавших перерыв движения на железнодорожном подъездном пути, а также по причине аварий на предприятии, вызвавших прекращение производства на срок не менее трех суток (п. «а» ст. 182);

б) при ограничении или приостановлении погрузки грузов в порядке ст. 60 Устава ж. д. (п. «б» ст. 182);

в) при неиспользовании вагонов, поданных грузоотправителю сверх плановой нормы в порядке сгущения погрузки без предварительного согласия грузоотправителя, когда такое согласие требуется (п. «в» ст. 182);

г) при восполнении грузоотправителем в течение данной календарной пятидневки допущенного им недогруза в отдельные дни этой пятидневки, а при отгрузке нефти и нефтепродуктов с наливных станций нефтепроводов или пунктов перевалки — при восполнении недогрузов в течение первой или соответственно второй половины месяца (п. «г» и «е» ст. 182);

д) при выполнении плана в тоннах по грузам, перевозка которых планируется в вагонах и тоннах (п. «д» ст. 182).

Ж е л е з н а я д о р о г а освобождается от ответственности за невыполнение плана перевозок:

а) по причине явлений стихийного характера — заносы, наводнения, пожары (п. «а» ст. 183);

б) при ограничении или приостановлении погрузки грузов в порядке ст. 60 Устава ж. д. (п. «б» ст. 183);

в) при задержке отправителем вагонов под выгрузкой (п. «в» ст. 183);
г) при восполнении дорогой в течение первой или соответственно второй половины месяца недодачи за отдельные дни данной половины месяца (п. «г» ст. 183).

2. Сфера действия предусмотренных в ст. 182 и 183 Устава ж. д. фактов показывает, что они распределяются по двум группам, относясь либо к общим, либо к специальным основаниям освобождения от ответственности. **О б щ и м и** (единицами для обеих сторон) основаниями являются факты, предусмотренные в п. «а» и «б» ст. 182 и 183 Устава ж. д. и частично — в п. «г» и «е» ст. 182 и п. «г» ст. 183. Все другие факты принадлежат к числу **с п е ц и а л ь н ы х** оснований: они распространяют свое действие только на железную дорогу или только на грузоотправителя.

§ 2. Общие основания освобождения от ответственности

1. **Я в л е н и я с т и х и й н о г о х а р а к т е р а** (п. «а» ст. 182 и 183 Устава ж. д.). В юридической литературе анализ явлений стихийного характера обычно проводится под углом зрения проблемы о «непреодолимой силе». Однако в соответствии с запросами практики целесообразно изменить саму постановку вопроса о «непреодолимой силе» с тем, чтобы, рассматривая ее как явления стихийного характера, видеть в этих явлениях самостоятельную правовую категорию¹. Рассматривая явления стихийного характера с этих позиций,

¹ Обращая внимание на необходимость изменения постановки вопроса о «непреодолимой силе», следует исходить не только из того, что эта категория формалистична и неопределенна, но также из того, что в силу этой формалистичности и неопределенности законодатель во второй фазе развития Советского государства уже отказался от ее использования в нормативных актах. В частности, почти во всех действующих нормативных актах, регулирующих транспортные отношения, применяется вместо нее более определенная и конкретизированная категория — явления стихийного характера. Изменение постановки вопроса о «непреодолимой силе» не должно, впрочем, влечь за собой отказ от использования достигнутых советской наукой положительных результатов разработки названной проблемы.

Указанное изменение постановки вопроса о «непреодолимой силе» начало находить известное признание в литературе. Так, В.А. Туманов справедливо, на наш взгляд, сводит обстоятельства, охватываемые этим понятием к явлениям природы (см.: *Туманов В.А.* Понятие «непреодолимой силы» в советском гражданском праве // Вопросы советского гражданского права. Госюриздат, 1955. С. 114). А от такой характеристики «непреодолимой силы» — лишь один шаг до отказа от самой этой категории, до необходимости ее замены понятием «явления стихийного характера». Приходится только сожалеть, что мнение В.А. Туманова не получило поддержки в литературе, а, напротив, было отвергнуто с позиций крайне абстрактной трактовки упомянутой категории (см.: *Семенов П.Г.* Категория непреодолимой силы в советском праве // Советское государство и право. 1956. № 10. С. 38—47).

можно на основе анализа судебной практики по транспортным делам указать следующие признаки, которые присущи данному основанию освобождения от гражданско-правовой ответственности за невыполнение плана перевозок:

а) Явления стихийного характера — это обстоятельства, возникающие в результате действий сил природы. Такое толкование рассматриваемого понятия вытекает не только из смыслового и философского значения термина «стихийное явление», но прежде всего из практики применения транспортного законодательства, где имеются ссылки на явления стихийного характера. Все постановления судебных органов, касавшиеся этих явлений, относят к их числу лишь обстоятельства, возникшие в результате действия сил природы. Что же касается обстоятельств, вызванных особыми факторами (военными действиями), то они рассматриваются судебными органами как специальное, самостоятельное основание освобождения от гражданско-правовой ответственности.

Предложенное толкование явлений стихийного характера служит отправным пунктом для решения вопроса о том, может ли быть признан замкнутым перечень этих явлений, указанный в ст. 182 и 183 Устава ж. д.

Отвечая на этот вопрос отрицательно, необходимо сразу же отметить, что к явлениям природы, помимо заносов, наводнений, пожаров, относится еще целый ряд обстоятельств, значение которых совершенно аналогично значению названных факторов (например, ураган, землетрясение). Было бы нелепо предполагать, что законодатель своим нормативным предписанием ограничил случаи проявления сил природы определенным списком.

Поэтому представляется правильным вывод, согласно которому нельзя считать исчерпывающим перечень явлений стихийного характера, данный в ст. 182 и 183 Устава ж. д. Указанный перечень «только поясняет примерами, как нужно понимать выражение «явления стихийного характера»¹. Правда, иные обстоятельства, относимые к стихийным, встречаются в практике применения упомянутых статей Устава ж. д. очень редко. Это объясняется прежде всего тем, что Устав ж. д. закрепил наиболее типичные проявления стихийных сил природы. Кроме того, следует иметь в виду, что явления стихийного характера могут служить основанием для ограничения или приостановления погрузки

¹ Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Госюриздат, 1952. С. 148; см. также указанную выше статью В.А. Туманова (С. 115—116).

в порядке ст. 60 Устава ж. д., которые играют роль особого основания освобождения сторон от ответственности. Но как бы ни мала была вероятность того, что явления стихийного характера, не указанные в перечне ст. 182 и 183 и не взятые в качестве основания для ограничения или приостановления погрузки, будут препятствовать выполнению плана, такая вероятность существует, и ее нельзя игнорировать, применяя соответствующие нормативные положения Устава ж. д. В связи с этим следует признать более удачной ссылку на явления стихийного характера в Уставе в. в. т., который подчеркивает примерный характер перечня обстоятельств стихийного характера словами «в частности» (ст. 183 и 184)¹.

Решение вопроса о характере перечня явлений стихийного характера, содержащегося в Уставе ж. д., предопределяет правильную постановку другого, более частного вопроса — о сфере действия ст. 182 Устава ж. д. Согласно п. «а» этой статьи, грузоотправитель освобождается от ответственности лишь в том случае, если в результате действия явлений стихийного характера прервано движение на ж е л е з - н о д о р о ж н о м п о д ъ е з д н о м п у т и. Однако вряд ли было бы правильным толкование этих слов ст. 182 в качестве нормативного предписания, ограничивающего в пространстве сферу ее действия. Если явление стихийного характера препятствовало осуществлению погрузки в пределах общей сети железных дорог, трудно подыскать какие-либо мотивы для того, чтобы отказать в освобождении сторон от ответственности за невыполнение плана перевозок. Именно с та-

¹ По вопросу о характере перечня явлений стихийного характера по одному из конкретных дел высказался Пленум Верховного Суда СССР. Однако это высказывание носит случайный характер: дело, в связи с которым оно приведено, не имеет никакого отношения к применению нормативных положений Устава ж. д., регулирующих отношения по выполнению плана перевозок. Оно использовано для обоснования того, что ответственность грузоотправителя за недогруз вагонов до технических норм построена на принципе вины. В постановлении сказано: «...в тех случаях, когда Устав ж. д. желает ограничить применение ссылки на непреодолимую силу, он дает исчерпывающий перечень случаев непреодолимой силы. Так поступает Устав ж. д., например, в вопросе о взыскании штрафа за невыполнение установленных месячным планом перевозки норм погрузки...» (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1943 г. Юриздат, 1948. С. 68–69). Однако это высказывание Верховного Суда является не только случайным, но и совершенно лишним для обоснования развиваемого в постановлении вывода об ответственности за недогруз лишь при наличии вины грузоотправителя; более того, оно в конечном счете не доказывает, а опровергает этот вывод. Если считать, что замкнутый перечень явлений стихийного характера «ограничивает применение ссылки на непреодолимую силу», то не логичнее ли было бы с точки зрения Пленума признать, что при отсутствии этого перечня лицо освобождается от ответственности при наличии любого явления стихийного характера и что, следовательно, здесь возможна ответственность за случай?

ких позиций подходят к решению этого вопроса судебные органы. Так, Свердловский областной суд по иску Свердловской ж. д. к Туринскому леспромхозу признал наводнение на реке Туре, приведшее к затоплению хвостовой части транспортера и невозможности в силу высокого горизонта воды приплавки леса к месту погрузки, за обстоятельство, освобождающее ответчика от штрафа за невыполнение плана перевозок, хотя перерыва движения на подъездных путях в результате наводнения не было. Указание на подъездные пути, по-видимому, включено в текст ст. 182 Устава ж. д. лишь для того, чтобы более конкретизированно пояснить ту область, где преимущественно проявляют свое действие силы стихийного характера.

б) Явления стихийного характера — это обстоятельства, которые препятствуют выполнению лицом его обязанностей. Признавая обмеление реки явлением стихийного характера, Верховный Суд СССР в одном из определений отмечает, что транспортное предприятие «... не доказало и наличия того, что обмеление реки препятствовало подаче тоннажа к указанным пристаням»¹.

Не случайно Устав ж. д., отмечая конкретные случаи явлений стихийного характера, указывает не на само их существо как действия сил природы, а берет их в таком проявлении, когда они способны в данной сфере отношений препятствовать выполнению правовых обязанностей (заносы, наводнения, пожары).

Поскольку железная дорога и грузоотправитель имеют право восполнять недодачи (недогруз) за отдельные дни, действие явлений стихийного характера должно препятствовать выполнению плана в такой степени, чтобы это сказалось на возможности последующего восполнения недогруза. Если, например, явления стихийного характера препятствовали дороге в подаче вагонов лишь в отдельные дни данной половины месяца, но в другие дни дорога имела реальную возможность восполнить недодачу, то она не может быть освобождена от ответственности в силу п. «а» ст. 183 Устава ж. д. Если при невыполнении суточной нормы стороны имеют право последующим восполнением недодач (недогруза) устранить свою ответственность, то с тем большим основанием можно утверждать об обязанности воспользоваться этим правом в условиях, когда невыполнение суточной нормы имело место по причине явлений стихийного характера.

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1944 год. Юриздат, 1948. С. 310.

в) Явления стихийного характера – это обстоятельства, отрицательные последствия которых невозможно предотвратить в связи с тем, что они принадлежат к числу необычных (незакономерных) явлений. Стихийные явления потому способны препятствовать осуществлению плана перевозок, что они имеют необычный, экстраординарный характер. Именно поэтому Верховный Суд СССР по одному из дел отметил, что «...весенний разлив вод нельзя рассматривать как стихийное явление» и что «ответчик был обязан с учетом разлива реки обеспечить выполнение плана...»¹.

Действительно, весенний разлив рек имеет закономерный, повторяющийся характер, вследствие чего его можно предвидеть и, следовательно, предотвратить порождаемые им разрушительные, отрицательные последствия, если проявлять надлежащую заботу о выполнении своих обязанностей. Иной характер имеет, например, мелководье, которое по одному из дел признано Верховным Судом СССР стихийным явлением². Мелководье в отличие от весеннего разлива рек не имеет закономерного, повторяющегося характера, и поэтому при данных условиях его нельзя предотвратить, если даже и проявлять максимальную (экономически оправданную) заботу о выполнении своих обязанностей.

При этом во всех случаях должно быть установлено отсутствие вины в действиях обязанной стороны. Характерно в этом отношении следующее дело. Решением коллегии Верховного суда Литовской ССР в иске Литовской ж. д. к Управлению промышленности продовольственных товаров о взыскании штрафа за невыполнение плана перевозок было отказано в связи с тем, что невыполнение плана было вызвано действием явлений стихийного характера – ранними заморозками, из-за которых не была убрана сахарная свекла. Отменяя это решение, Президиум Верховного суда Литовской ССР указал следующее: «...осенью 1956 года некоторые колхозы нарушили установленные Советом Министров Литовской ССР сроки начала и окончания уборки сахарной свеклы, поэтому часть сахарной свеклы осталась неубранной. Хотя невыполнение плановых заданий по уборке сахарной свеклы колхозами явилось причиной невыполнения плана погрузки вагонов ответчиком, однако это обстоятельство нельзя считать обстоятельством стихийного характера, и оно не может служить основани-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1943 год. Юриздат, 1948. С. 222.

² Судебная практика Верховного Суда СССР. 1952. № 8. С. 42.

ем для освобождения от ответственности за невыполнение плановых заданий как колхозов, так и ответчика»¹.

Для того чтобы явление природы объективно обуславливало отсутствие вины обязанной стороны, оно по своему характеру должно быть экстраординарным, интенсивным (незакономерным), превосходящим по своей силе обычное действие явлений природы.

Подведем итоги. Явления стихийного характера — это препятствующие осуществлению обязанности действия сил природы, отрицательные последствия которых невозможно предотвратить в связи с тем, что они принадлежат к числу необычных (незакономерных) явлений.

Обстоятельства, относимые к числу явлений стихийного характера, приобретают правовое значение оснований освобождения от ответственности за невыполнение плана перевозок лишь после того, как они закреплены в документальном порядке. В соответствии с абз. 2 § 14 Правил составления учетной карточки они должны быть зафиксированы актом за подписью начальника станции и руководителя предприятия.

2. Ограничение или приостановление погрузки в порядке ст. 60 Устава ж. д. (п. «б» ст. 182 и 183 Устава ж. д.). Абзацы I—II ст. 60 Устава ж. д. регламентируют запрещение погрузки грузов в определенных направлениях. Если необходимость запрещения погрузки обусловлена стихийными явлениями или крушениями и авариями, вызвавшими прорыв в движении, то запрещение может быть произведено начальником дороги, который, однако, немедленно должен сообщить об этом Министру путей сообщения, устанавливающему срок запрещения. В остальных же случаях, когда возникают исключительные затруднения с пропуском поездов, запрещение погрузки в определенных направлениях может быть произведено только лишь распоряжением лично Министра путей сообщения СССР, который немедленно в тот же день обязан доложить об этом Совету Министров СССР и известить заинтересованные центральные ведомства и совнархозы. Причем если имеется необходимость запретить погрузку на срок свыше трех дней, то для этого требуется согласие Председателя Совета Министров СССР.

Основание освобождения от ответственности в случае запрещения погрузки в порядке абз. I—II ст. 60 Устава ж. д. имеет известные черты

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1958. № 1. С. 28.

сходства с основанием, указанным в п. «а» ст. 182 и 183 Устава ж. д., так как поводом для освобождения от ответственности и здесь в конечном счете может явиться действие сил стихийного характера. Но следует иметь в виду, что запрещение погрузки грузов в определенных направлениях возможно не только при наличии разрушительных последствий, возникших в результате явлений стихийного характера. Статья 60 Устава ж. д., помимо упомянутых явлений, указывает также на аварии и крушения, вызывающие перерыв движения. Причем Устав ж. д. имеет в виду здесь аварии и крушения, которые возникли не в результате действия сил природы. Это следует из того, что указание на них сделано в ст. 60 Устава ж. д. наряду со ссылкой на стихийные явления.

В связи со сказанным представляется непонятным утверждение М.А. Тарасова, полагающего, что «аварии, происшедшие по вине работников транспорта, не могут освободить перевозчика от ответственности»¹. Но дело-то как раз в том, что если имеется соответствующее запрещение погрузки, то аварии и крушения освобождают от ответственности как грузоотправителя, так и железную дорогу, независимо от того, по чьей вине произошла авария или крушение. Более того, абз. II ст. 60 Устава ж. д. предусматривает возможность запрещения погрузки в случаях, когда отсутствуют стихийные явления или крушения и аварии, но возникают исключительные затруднения с пропуском поездов, например, при необходимости производства крупных ремонтных работ пути, при чрезвычайных перевозках и т.д.

С правовой стороны основанием освобождения сторон от ответственности по п. «б» ст. 182 и 183 Устава ж. д. является не непосредственно факт, вызывающий необходимость прерыва движения в данном направлении, а административный акт, изданный компетентными должностными лицами железной дороги, круг которых строго очерчен ст. 60 Устава ж. д. Следовательно, административно-правовой акт, изданный начальником дороги или министром путей сообщения СССР по поводу прекращения перевозок в данном направлении, имеет значение основания, снимающего со сторон гражданско-правовую ответственность за неисполнение предусмотренных планом обязанностей. Это – своеобразный случай освобождения лица от ответственности, установленной общим предписанием правовой нормы, путем издания индивидуального административно-правового акта, который непосредственно не направлен на то, чтобы освободить стороны от штрафной ответственности.

¹ Тарасов М.А. Договор перевозки по советскому праву. Водтрансиздат, 1954. С. 120.

Важно подчеркнуть, что в отличие от Устава ж. д. 1935 года действующий Устав предусматривает исчерпывающий перечень обстоятельств, дающих начальнику железной дороги право запретить погрузку в определенном направлении. Что же касается обстоятельств, дающих основание запретить погрузку министру путей сообщения СССР, то они Уставом ж. д. так четко не ограничены, хотя Устав ж. д. и содержит в общей формуле указание на круг этих обстоятельств («исключительные затруднения с пропуском поездов»).

При этом, если возникла необходимость ограничения погрузки на срок свыше трех суток, запретительный акт министра путей сообщения СССР обладает юридической силой лишь постольку, поскольку имеется согласие Председателя Совета Министров СССР. Здесь, таким образом, стороны освобождаются от ответственности за невыполнение плана на основании состава административно-правовых актов, среди которых решающую роль играет акт Председателя Совета Министров СССР.

Освобождение железной дороги и грузоотправителя от ответственности при прекращении погрузки в порядке абз. III ст. 60 Устава ж. д. по своему характеру в основном соответствует освобождению сторон от ответственности при прекращении погрузки в порядке абз. I—II этой статьи Устава ж. д. Стороны и здесь освобождаются от штрафной ответственности в силу индивидуального административного акта, издаваемого начальником железной дороги.

В отличие от абз. I—II ст. 60 Устава ж. д. прекращение погрузки по абз. III рассматриваемой статьи производится не в отношении данного направления, а в отношении строго определенной станции или даже определенных грузоотправителей. Установление такого порядка обусловлено характером тех фактов, которые вызывают необходимость запрещения погрузки. Запрещение погрузки по абз. III ст. 60 Устава ж. д. производится при чрезмерном накоплении груженых вагонов и грузов на станции и примыкающих к ней железнодорожных подъездных путях в связи с несвоевременной выгрузкой и вывозом их грузополучателями, если вследствие этого создается угроза нарушения нормальной работы данной станции или отделения дороги.

Характер фактов, вызывающих необходимость прекращения погрузки на станцию назначения, где имеется чрезмерное накопление груженых вагонов и грузов, обуславливает и особенности порядка запрещения погрузки. Согласно абз. III ст. 60 Устава ж. д., запрещение погрузки в адрес данной станции производится во всех случаях начальником дороги. Если запрещение погрузки в адрес данной станции (кроме внеклассных станций) или в адрес определенных грузоотправителей произ-

водится на срок не более двух суток, то предварительного разрешения на это Министерства путей сообщения СССР не требуется.

Если же запрещение производится на срок более двух суток или в адрес внеклассных станций, то одного лишь запретительного акта начальника железной дороги недостаточно. Необходимо, кроме того, разрешительный акт министра путей сообщения, который (акт) выступает в качестве юридического основания совершаемого запрещения (абз. IV ст. 60 Устава ж. д.).

Особенность запрещения погрузки, производимой в порядке абз. III ст. 60 Устава ж. д., состоит в том, что срок запрещения не может превышать пяти суток (а при отсутствии разрешения министра путей сообщения – двух суток) – срок, достаточный для ликвидации чрезмерного накопления грузов на станции назначения.

Приостановление погрузки, согласно ст. 60 Устава ж. д., не препятствует осуществлению погрузки в иных, незапрещенных направлениях или в адрес иных станций (грузополучателей). Кроме того, при запрещении погрузки в порядке абз. III ст. 60 Устава ж. д., если запрещение касается лишь некоторых грузополучателей, железная дорога и грузоотправитель обязаны выполнять плановую норму в отношении грузополучателей, в адрес которых погрузка не приостановлена.

Итак, ограничение и приостановление погрузки в порядке ст. 60 Устава ж. д. производится на основании индивидуального административно-правового акта, одним из аспектов юридического действия которого является освобождение сторон от штрафной ответственности за невыполнение месячного плана перевозок.

М.А. Тарасов, характеризуя основания освобождения сторон перевозочных отношений от ответственности, отмечает, что «в ряде случаев чрезвычайные препятствия хотя и не могут быть квалифицированы как стихийные явления, но по исключительному значению вызванных ими последствий должны быть приравнены именно к таким событиям»¹. К такого рода явлениям М.А. Тарасов, в частности, относит распоряжения власти, установление карантина, аварии на предприятиях грузоотправителя. М.А. Тарасов продолжает: «Все такие чрезвычайные препятствия по правовым последствиям отождествляются со стихийными явлениями, так как по своим результатам они могут оказаться равными разрушительным явлениям природы и, следовательно, имеют непреодолимый характер»². И несколько дальше: «К числу непреодоли-

¹ Тарасов М.А. Договор перевозки по советскому праву. Водтрансиздат, 1954. С. 117.

² Там же.

мых препятствий могут быть отнесены не только явления стихийного характера, но и распоряжения компетентных органов власти, например... в) запрещение отправки грузов в определенных направлениях»¹.

Основное направление рассуждений М.А. Тарасова сводится к тому, чтобы подвести «распоряжения компетентных органов власти» под категорию «непреодолимой силы».

Такая постановка вопроса о запретительных административно-правовых актах чрезвычайно искусственна. Устав ж. д. рассматривает эти акты как о с о б о е основание освобождения сторон от ответственности за невыполнение плана. Поэтому нет никакой необходимости объединять его с другим особым основанием — явлениями стихийного характера. Вместе с тем совершенно очевидна недопустимость объединения целенаправленных административно-правовых актов и разрушительных явлений природы в единой правовой категории.

3. Восполнение железной дорогой или грузоотправителем недогруза в течение установленного периода (полумесяца, пятидневки). Это основание имеет особенности в зависимости от того, рассматривается ли вопрос об освобождении от ответственности по отношению к железной дороге или грузоотправителю. Однако главные признаки восполнения недогруза, закрепленные в п. «г» и «е» ст. 182 и в п. «г» ст. 183 Устава ж. д., едины.

Предусмотренное для железной дороги и грузоотправителя право восполнения недогруза означает, что сторонам, несущим гражданско-правовую ответственность за невыполнение суточной плановой нормы, предоставлена возможность своими действиями устранить правовые последствия допущенного нарушения. Таким образом, сразу же обращает на себя внимание серьезное стимулирующее значение правила о восполнении недогруза, которое проявляется в двух направлениях. Во-первых, стороны предупреждаются о том, что они несут ответственность за нарушение плановой нормы в отношении каждого суток планового месяца. Во-вторых, грузоотправителю и железной дороге предоставляется возможность снять с себя эту ответственность путем восполнения недогруза за отдельные дни.

Рассматриваемое основание освобождения сторон от ответственности резко отличается от других обстоятельств, предусмотренных

¹ См.: Тарасов М.А. Договор перевозки по советскому праву. Водтрансиздат, 1954. С. 121. Этот же взгляд повторен М.А. Тарасовым в автореферате диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук (Договор перевозок грузов по советскому гражданскому праву. 1957. С. 29).

в ст. 182 и 183 Устава ж. д. По своей юридической природе оно является л ь г о т о й, предоставляемой железной дороге и грузоотправителю в связи с особенностями их хозяйственной деятельности. Эта льгота расширяет оперативно-хозяйственные возможности сторон, открывает большой простор для инициативного выполнения государственного плана перевозок.

Право на восполнение недогруза имеет особенности в зависимости от субъекта гражданско-правовой ответственности.

Во-первых, для железной дороги установлен более длительный период, в течение которого она может восполнять недодачи вагонов. Согласно п. «г» ст. 183 Устава ж. д., железная дорога освобождается от ответственности за невыполнение плана перевозок при восполнении в течение первой или соответственно второй половины месяца недодачи вагонов за отдельные дни данной половины месяца.

В отношении же грузоотправителя такой период установлен лишь для одного рода грузов – нефти и нефтепродуктов, причем только в случаях, когда отгрузка этих грузов осуществляется с нефтеналивных станций нефтепроводов или пунктов перевалки. Во всех же остальных случаях грузоотправитель имеет право восполнения недогруза лишь в течение данной календарной пятидневки.

Во-вторых, восполнение недогруза для железной дороги не обусловлено встречными действиями грузоотправителя. Дорога обязана лишь, восполняя недогруз, придерживаться норм сгущения подачи вагонов, предусмотренных ст. 46 Устава ж. д., а при необходимости сгущения сверх этих норм подавать вагоны только при согласии грузоотправителя. Грузоотправитель же может воспользоваться своим правом восполнения недогруза лишь в том случае, если железная дорога предоставит ему подвижной состав.

Таким образом, по возможностям восполнения недогруза железная дорога и грузоотправитель находятся не в одинаковом положении. По широте объема предоставленных правомочий железная дорога имеет бóльшие льготы и, следовательно, бóльшие возможности для устранения последствий своего правонарушения. Это объясняется различием хозяйственных условий деятельности железной дороги и ее клиентуры.

Железная дорога имеет в качестве контрагентов по перевозке грузов около 200 тысяч грузоотправителей и грузополучателей. Нарушение ими обязанностей, вытекающих из плана перевозок, а также обязанностей, связанных с рациональным использованием подвижного состава, приводит к нарушению нормальной, ритмичной работы на

транспорте и сказывается на возможности выполнения плана по подаче вагонов другим грузоотправителям. С другой стороны, в отношении решающих грузов (сельскохозяйственной техники и зерна в период уборки урожая, топлива, в особенности в зимний период и т.д.) требуется безусловное выполнение государственного плана, даже с некоторым ущербом для выполнения плана перевозки других грузов. Между тем резервы вагонного парка все еще остаются недостаточными для полного удовлетворения потребностей страны в перевозках всех грузов. Вот почему сделанные во время разработки Устава ж. д. 1954 года предложения об установлении для железной дороги одинаковой с грузоотправителями штрафной ответственности не были приняты¹. Как справедливо отмечено в литературе, «равная ответственность железных дорог и грузоотправителей... может быть установлена в дальнейшем при увеличении резервов вагонного парка и пропускных способностей железнодорожного транспорта»².

Однако уже действующий Устав ж. д. в значительной степени сближил правовые возможности грузоотправителя и железной дороги. По Уставу ж. д. 1935 года грузоотправителю вовсе не предоставлялось право на восполнение недогруза, а железная дорога пользовалась этим правом в течение всего планового месяца.

Наделив указанным правом грузоотправителя и ограничив его применение дорогой полумесячными периодами, Устав ж. д. 1954 года тем самым сделал ощутимый шаг по пути установления равной ответственности адресатов месячного плана перевозок.

Право на восполнение недогруза предопределяет особенности порядка учета выполнения месячного плана перевозок. Согласно § 15 и абз. 8 § 7 Правил составления учетной карточки, штраф в пользу грузоотправителя начисляется по окончании каждой половины месяца с учетом восполнения недодачи за отдельные дни; причем недогруз по вине дороги определяется исходя из размеров погрузки по плану на данную половину месяца за вычетом суммы вагонов (тонн), погруженных в течение половины месяца и недогруженных по вине отправителя.

С учетом права на восполнение недогруза определяется и размер штрафных санкций, уплачиваемых грузоотправителем. В силу § 15 и абз. 4 § 7 упомянутых Правил штраф в пользу железной дороги начисляется по окончании каждой пятидневки с учетом восполнения не-

¹ См.: Дубровин Н. Новый Устав железных дорог Союза ССР // Железнодорожный транспорт. 1955. № 1. С. 23–24.

² Там же. С. 24.

догрузов за отдельные дни; в связи с этим если недогруз за пятидневку равен или менее суммы недогрузов в отдельные дни пятидневки, то весь недогруз по плану относится на отправителя.

§ 3. Специальные основания освобождения от ответственности грузоотправителя

1. Авария на предприятии грузоотправителя, в результате которой было прекращено производство на срок не менее трех суток (п. «а» ст. 182 Устава ж. д.). Это основание освобождения от ответственности закреплено в том же пункте ст. 182 Устава ж. д., который посвящен явлениям стихийного характера. Однако, по справедливому мнению Б.С. Антимонова, авария на предприятии клиента образует особое основание освобождения его от ответственности – основание, не подводимое под понятие явлений стихийного характера¹. Иного взгляда по этому вопросу придерживается М.А. Тарасов. Он пишет: «Явлениями стихийного порядка, освобождающими клиентуру железнодорожного и водного транспорта от ответственности за неисполнение обязательств, признаются также аварии на предприятиях, вызвавшие прекращение производства на срок не менее трех суток»². Правда, несколько дальше М.А. Тарасов отказывается от столь категорического утверждения, заявляя, что подобного рода «чрезвычайные препятствия» лишь приравнены к стихийным явлениям³. Однако и здесь М.А. Тарасов, по существу, отрицает за рассматриваемыми обстоятельствами значение самостоятельного основания освобождения грузоотправителя от ответственности.

Взгляд М.А. Тарасова не может быть принят. Если считать, что только те аварии на предприятии грузоотправителя, которые вызваны действием сил стихийного характера, освобождают грузоотправителя от ответственности, то в этом случае становится непонятным, почему в п. «а» ст. 182 Устава ж. д. об этих авариях говорится н а р я д у с указаниями на явления стихийного характера. Вместе с тем очевидно, что аварии на производстве и проявление стихийных сил природы приравнять нельзя. Если явление стихийного характера охватывает

¹ См.: Антимонов Б. С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. Госюриздат, 1952. С. 147.

² Тарасов М.А. Договор перевозки по советскому праву. Водтрансиздат, 1954. С. 116.

³ Там же. С. 17.

сферу природы, то авария относится к области **о б щ е с т в е н н о г о** **п р о и з в о д с т в а**. Причем п. «а» ст. 182 Устава ж. д. имеет в виду в с я к и е аварии, поскольку они вызывали прекращение производства на срок не менее трех суток.

О самостоятельном характере рассматриваемого основания свидетельствуют и Правила составления учетной карточки, которые устанавливают особый порядок оформления невыполнения плана вследствие аварии на предприятии, порядок, отличный от способа документального закрепления явлений стихийного характера. Согласно абз. I § 14 Правил, здесь достаточно справки руководителя предприятия со ссылкой на соответствующий акт об аварии.

Судебные органы предъявляют к рассматриваемому основанию другое, более важное требование: авария для того, чтобы освободить грузоотправителя от ответственности, должна **п р е п я т с т в о в а т ь** осуществлению грузовых работ. Именно это имел в виду Верховный суд РСФСР, когда отменил решение Кемеровского областного суда по иску Томской ж. д. к тресту Беловуголь. Считая неправильным отказ в части иска, обоснованного областным судом аварией электростанции в период 26–29 июля 1952 г., Верховный суд РСФСР указал: «...из представленного акта видно, что неоднократные случаи отключения электростанции имели место с 21 декабря 1948 г. по 15 июля 1953 г., почему электроэнергия не подавалась с 26 июля по 29 июля, в акте точно не указано. В акте не указана точно дата аварии... Таким образом, ответчик не представил данные, подтверждающие аварию, вследствие которой была прекращена погрузка угля более чем на трое суток».

Отсутствие четкости в разграничении явлений стихийного характера и аварий на предприятии грузоотправителя приводит к смешению этих оснований, к распространению на одно из них признаков другого. С особой тщательностью должны быть учтены отмеченные выше особенности аварии в тех случаях, когда авария вызвана такими явлениями природы, отрицательное действие которых можно было бы предотвратить. Здесь, таким образом, перекрещиваются две линии причинных связей, два источника аварии – действие сил природы и виновное поведение работников грузоотправителей. Однако, если в результате указанных причин возникла авария и производство прекращено на срок не менее трех суток, основание освобождения грузоотправителя от ответственности за невыполнение плана перевозок должно быть признано наступившим. Между тем судебные органы иногда распространяют на это основание признаки явления стихий-

ного характера, полагая, что грузоотправителя освобождает от ответственности лишь та авария, которая не могла быть им предотвращена. Характерно в этом отношении следующее дело.

Архангельский областной суд отказал в иске Печерской ж. д. о взыскании с Болтинской базы штрафа за невыполнение плана перевозок по тем мотивам, что план не выполнен ответчиком вследствие штормовой погоды, в результате чего было сорвано два плота и ответчик не мог приступить к погрузке. Отменяя это решение, Верховный суд РСФСР указал следующее: «В данном случае из одностороннего акта, составленного Болтинской лесобазой 12 мая 1956 г. на аварию плотов, видно, что обрыв плота № 24 произошел от нагрузки, созданной большими скоростями воды, и создания пыжа от моховой древесины, накопившейся на голове плота, в результате хватальник плота оборвался. Следовательно, плоты унесло в результате слабого их крепления, поэтому за этот случай, который мог быть предотвращен своевременно принятыми мерами ответчика, последний не освобождается от ответственности за невыполнение плана перевозок древесины, т.к. ст. 182 Устава ж. д. не подлежит расширенному толкованию». Если бы это определение касалось только вопроса о явлениях стихийного характера, то содержащиеся в нем положения не вызвали бы сомнений. Но содержание дела свидетельствует о том, что судом мог быть поставлен вопрос об освобождении базы от ответственности ввиду аварии, прекратившей деятельность базы на срок не менее трех суток. Верховный суд РСФСР сконцентрировал свое внимание лишь на причине аварии и, справедливо признав, что эта причина не может быть отнесена к числу явлений стихийного характера, упустил из виду, что им должны быть рассмотрены признаки другого основания освобождения от ответственности — аварии на производстве.

2. Неиспользование грузоотправителем вагонов, поданных железной дорогой сверх плановой нормы в порядке сгущения погрузки без предварительного согласия отправителя, когда такое согласие требуется (п. «в» ст. 182 Устава ж. д.). Право на сгущение погрузки является существенным оперативным правомочием железной дороги, позволяющей ей проявлять гибкость в выполнении государственного плана перевозок. Однако осуществление этого права не должно ставить грузоотправителя в такие условия, которые мешают ему, со своей стороны, выполнять плановую норму. Именно поэтому ст. 46 Устава ж. д. возлагает на же-

лезную дорогу ряд обязанностей, которые имеют своей целью обеспечить надлежащее выполнение грузоотправителем плана перевозок.

Одна из таких обязанностей дороги состоит в том, что она должна осуществлять сгущение подачи лишь в пределах строго установленных размеров (в пределах двух норм при суточной норме до 50 вагонов; в пределах полуторной нормы – во всех остальных случаях). Сгущение же погрузки сверх этих размеров может производиться только с предварительного согласия грузоотправителя. Если же дорога нарушила указанную обязанность, вагоны, поданные без согласия грузоотправителя и им не загруженные, в счет выполнения данной суточной нормы не засчитываются.

Рассматриваемое основание сводится в конечном счете к общей формуле, согласно которой должник освобождается от ответственности, если невозможность исполнения создана виной кредитора (ст. 118 ГК РСФСР). Однако здесь не требуется, чтобы в каждом случае было доказано, что нарушение дорогой обязанностей по подаче вагонов сверх норм ст. 46 Устава ж. д. без согласия грузоотправителя действительно помешало последнему осуществить погрузку вагонов. Необходимо лишь доказать, что дорога произвела сгущение погрузки без согласия грузоотправителя, когда такое согласие требуется. Так как сгущение дорогой подачи подвижного состава с нарушением требований ст. 46 Устава ж. д., как правило, приводит к невозможности для грузоотправителя выполнить плановую норму, законодатель при нарушении дорогой указанных обязанностей презюмирует наступление этой невозможности¹.

Право грузоотправителя отказаться от погрузки вагонов, поданных с нарушением порядка сгущения погрузки, не означает, что он обязан во всех случаях оставлять вагоны незагруженными. При наличии соответствующих возможностей грузоотправитель вправе загрузить эти вагоны, которые засчитываются в счет выполнения плана перевозок.

Устав ж. д. 1935 года формулировал рассматриваемое основание освобождения грузоотправителя от ответственности несколько шире, предусматривая в п. «в» ст. 63 распространение изложенных выше

¹ Освобождение грузоотправителя от ответственности, предусмотренное п. «в» ст. 182 Устава ж. д., может получить и несколько иное обоснование по сравнению с тем, которое предложено в настоящем разделе работы. Поскольку согласие грузоотправителя на сверхнормативное сгущение погрузки свидетельствует о том, что в этом случае непосредственным правовым основанием отношений сторон является специальное соглашение, недогруз при отсутствии этого соглашения не является правонарушением, поскольку нет его объекта – нет той правовой формы, которая непосредственно регулирует сверхнормативную погрузку.

принципов на тот случай, если при сгущении погрузки вагоны поданы без предупреждения.

Действующий Устав ж. д. также в общей форме обязывает железную дорогу предупреждать грузоотправителя о сгущении погрузки (за сутки до наступления пятидневки — о сгущении, намеченном на эту пятидневку; за 14 часов кануна дня подачи — о подаче вагонов сверх суточной нормы). Однако никаких санкций за их нарушение Устав ж. д. не предусматривает. Впрочем, и сами эти обязанности сформулированы в Уставе ж. д. весьма своеобразно: в абз. III и IV ст. 46 Устава ж. д. сказано лишь, что дорога «предупреждает» грузоотправителя, однако здесь нет слов «обязана предупреждать», что несомненно снижает нормативное значение предписаний ст. 46.

Между тем своевременное предупреждение грузоотправителя о предстоящем сгущении погрузки имеет не менее важное значение для надлежащей организации погрузочных работ, чем подача подвижного состава сверх установленных размеров лишь с согласия клиента. Поэтому представляется неоправданным сужение рассматриваемого основания освобождения от ответственности в действующем Уставе ж. д.

Неоправданность сужения формулировки п. «в» ст. 182 станет еще более очевидной, если рассматривать предупреждение в качестве условия осуществления дорогой ее права на сгущение погрузки. При таком понимании права на сгущение погрузки представляется несомненным, что отсутствие своевременно сделанного предупреждения лишает юридической силы действия железной дороги по подаче вагонов и, следовательно, должно освобождать грузоотправителя от ответственности за неиспользование поданных в порядке сгущения погрузки вагонов. Однако практическое применение этого заложенного в Уставе ж. д. принципа наталкивается на узкую формулировку п. «в» ст. 182, что обуславливает необходимость соответствующих разъяснений по этому вопросу со стороны Пленума Верховного Суда СССР.

3. В ы п о л н е н и е п л а н а в т о н н а х п о г р у з а м , п е р е в о з к а к о т о р ы х п л а н и р у е т с я в в а г о н а х и т о н н а х (п. «д» ст. 182 Устава ж. д.).

Параллельное применение двух плановых показателей может привести к тому, что на грузоотправителя, выполнившего план по одному показателю, возлагалась бы ответственность за невыполнение плана по другому показателю, хотя невыполнение плана в конечном счете было бы обусловлено неправомерными действиями дороги. Так, например, если при таком способе планирования, когда дорога несет ответственность лишь за невыполнение плана по еди-

ницам подвижного состава, а грузоотправитель — по двум показателям, подано плановое количество учетных единиц, но меньшей грузоподъемности, ответственность за недогруз будет возложена не на дорогу, а на грузоотправителя. Поэтому Устав ж. д. 1954 года, сохранив и дальше развив порядок планирования по двум показателям, предусмотрел, однако, что доминирующее значение имеет один из них — весовые единицы. Этот показатель и является при рассматриваемой форме планирования единственным критерием, определяющим в конечном счете ответственность грузоотправителя за неиспользование вагонов.

Стимулирующее значение правила п. «д» ст. 182 Устава ж. д. очевидно: выполнив план в тоннах, отправитель ставит себя в льготные условия, так как ответственность за неиспользование вагонов с него снимается.

§ 4. Специальные основания освобождения от ответственности железной дороги

1. Специальным основанием освобождения от ответственности железной дороги является задержка грузоотправителем вагонов под выгрузкой (п. «в» ст. 183 Устава ж. д.). При задержке отправителем вагонов под выгрузкой дорога освобождается от уплаты штрафа за неподачу данному грузоотправителю того количества вагонов, которое последним было задержано под выгрузкой или не могло быть подано ему под погрузку по этой причине.

Освобождение железной дороги от ответственности по п. «в» ст. 183 Устава ж. д. построено на том же принципе, что и правило, содержащееся в п. «в» ст. 182 Устава ж. д. С дороги снимается ответственность за невыполнение плановой нормы подачи вагонов в силу того, что со стороны клиента имеет место нарушение обязанностей по своевременной выгрузке вагонов. Как справедливо пишут Б.А. Лисковец и А.С. Соминский, рассматриваемое основание освобождения от ответственности «...является выражением общего принципа советского гражданского законодательства, заключающегося в том, что должник освобождается от ответственности за неисполнение, если докажет, что невозможность исполнения создавалась вследствие умысла или неосторожности кредитора...»¹. Этот принцип находит особо отчетли-

¹ Лисковец Б.А., Соминский А.С. Дела по искам, вытекающим из договоров по железнодорожным и водным перевозкам. Госюриздат, 1949. С. 64.

вое выражение в тех случаях, когда дорога не подала подвижной состав под погрузку по той причине, что место, где осуществляются погрузочно-разгрузочные работы, занято задержанными клиентом под выгрузкой вагонами.

Как и при освобождении грузоотправителя от ответственности по п. «в» ст. 182 Устава ж. д. (подача вагона без согласия грузоотправителя), освобождение дороги от уплаты штрафа не связывается с необходимостью доказательства фактической невозможности исполнения. Нужно лишь доказать наличие задержки вагонов грузоотправителем под выгрузкой.

§ 5. Природа оснований освобождения сторон от ответственности и практика их применения

1. Основания освобождения сторон от ответственности, независимо от того, относятся ли они к общим или специальным, имеют неодинаковую юридическую природу. Подытоживая результаты предшествующего изложения, можно объединить их в следующие две группы, отражающие причины освобождения от ответственности в том или ином случае:

а) **Обстоятельства, свидетельствующие о стороной о объективной невозможности исполнения обязанностей по месячному плану.** Невозможность исполнения может наступить в результате явлений стихийного характера (п. «а» ст. 182 и 183 Устава ж. д.) и запрещающих административно-правовых актов (п. «б» ст. 182 и 183 Устава ж. д.) — оснований, имеющих общий характер и в соответствии с этим распространяющих свою силу как на грузоотправителя, так и на железную дорогу. К этой же группе относится и ряд специальных оснований — освобождение от ответственности грузоотправителя при аварии на предприятии, в результате которой производство прекращено на срок не менее трех суток, а также освобождение от ответственности одной стороны ввиду презюмируемой невозможности исполнения, возникшей в результате неисполнения обязанностей другой стороной (п. «в» ст. 182 и 183 Устава ж. д.).

б) **Обстоятельства, имеющие значение льготного условия выполнения плана перевозок.** К этой группе относятся обстоятельства, характеризующие восполнение в установленный период недогруза или недодачи подвижного

состава (п. «г» и «е» ст. 182 и п. «г» ст. 183 Устава ж. д.). Предоставленное в связи с особенностями хозяйственной деятельности железной дороги и грузоотправителей право на восполнение недогруза (недодачи) выступает в качестве специального правомочия, дающего стороне возможность устранять своими действиями последствия допущенного ранее правонарушения. Эта группа оснований освобождения от ответственности занимает обособленное место, резко отграничиваясь от обстоятельств, свидетельствующих о невозможности исполнения. К ней примыкает одно специальное основание — освобождение от ответственности грузоотправителя при выполнении плана в тоннах по грузам, планируемыми в вагонах и тоннах (п. «д» ст. 182 Устава ж. д.).

2. Особенность нормативного закрепления оснований освобождения от ответственности за невыполнение плана перевозок состоит в том, что Устав ж. д. формулирует эти основания не в обобщенной форме, а ссылается на них путем приведения замкнутого перечня точно определенных обстоятельств.

Характер ст. 182 и 183 Устава ж. д. не позволяет применять к ним правила распространительного толкования и аналогии. В связи с этим в некоторых постановлениях судебных органов по спорам о взыскании штрафа за нарушение плана перевозок можно найти указания на то, что перечень обстоятельств, освобождающих стороны от штрафной ответственности, является исчерпывающим. Смысл и значение такого рода указаний будут рассмотрены в дальнейшем изложении материала. Но то, что эти указания опираются на отмеченный выше характер ст. 182 и 183 Устава ж. д., не вызывает сомнений.

Не случайно поэтому В.Н. Изволенский пишет: «Особенность железнодорожного права состоит в том, что обстоятельства, освобождающие стороны от обязательства по выполнению плана, точно перечислены в Уставе ж. д. Этот перечень — исчерпывающий, и потому никакие другие обстоятельства, не указанные в Уставе ж. д., не могут освобождать ни железную дорогу, ни грузоотправителя от ответственности за выполнение плана перевозок»¹. Такого же мнения придерживается А.И. Тарасов, который отмечает, что «...суды и административные органы не могут принимать во внимание иные обстоятельства, кроме предусмотренных в... уставах и положениях»².

¹ Изволенский В.Н. Правовые вопросы железнодорожных перевозок. Трансжелдориздат, 1955. С. 28.

² Тарасов А.И. Правовое регулирование перевозок грузов в контейнерах // Вопросы советского транспортного права. Госюриздат, 1957. С. 244.

Однако если способ закрепления оснований освобождения от ответственности в Уставе ж. д. не позволяет идти дальше этих положений, то совсем иной вывод диктует содержание ст. 182 и 183 Устава ж. д. Спрашивается, если нормативным актом признано, что некоторые случаи объективной невозможности исполнения освобождают стороны от ответственности, то почему же нельзя придать такое значение другим, совершенно аналогичным обстоятельствам? Для того чтобы решить рассматриваемый вопрос в условиях, когда содержание определенных правовых категорий требует одного, а способ их закрепления – другого вывода, недостаточно было бы ограничиться соображениями логического характера. Решающее значение имеет здесь практика применения этих категорий, анализ которой приводит к выводу о том, что судебные органы иногда указывали на дополнительные (не предусмотренные в Уставе ж. д.) основания освобождения от ответственности.

3. Помимо обстоятельств, указанных в Уставе ж. д., судебная практика относила к основаниям освобождения от ответственности, свидетельствующим об объективной невозможности исполнения, обстоятельства, вызванные военными действиями. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 29 января 1942 г. по рассматриваемому вопросу было записано: «Если ответчик ссылается на обстоятельства, вызванные войной, как на условия, освобождающие его от ответственности, и наличие таких обстоятельств по делу будет подтверждено, суд должен принять во внимание заявление ответчика и разрешить дело с учетом этих обстоятельств, в соответствии с уставами и Положением об ответственности органов транспорта и клиентуры за выполнение государственного плана перевозок по внутренним водным путям и по морским путям в малом каботаже, утвержденным СТО 3 июля 1934 г. (ст. 63, 64, 68, 72 и др. Устава ж. д.; ст. 125, 130, 149, 151, 152, 153, 166 и др. Устава в. в. т. и п. 9–16 Постановления СТО 3 июля 1934 г. – СЗ СССР. № 35. Ст. 281)»¹.

Внимательный анализ этого указания Пленума Верховного Суда СССР приводит к выводу о том, что обстоятельства, вызванные военными действиями, образуют особое, дополнительное основание освобождения сторон от ответственности за невыполнение плана перевозок. Правда, постановление Пленума говорит о том, что

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1942 год. Юриздат, 1947. С. 21.

обстоятельства, вызванные войной, должны учитываться судом «в соответствии» с уставами и другими нормативными постановлениями. Но из этого не следует, что указанные обстоятельства должны быть непременно подведены под соответствующие пункты и формулировки таких постановлений, в частности подведены под категорию явлений стихийного характера. Многие из тех постановлений, на которые ссылается Верховный Суд СССР, вообще не содержат ссылки ни на стихийные явления, ни на так называемую «непреодолимую силу».

Характерно, что судебные органы при решении вопросов, связанных с освобождением лица от ответственности при наличии обстоятельств, вызванных войной, ссылались не на «стихийные явления», «непреодолимую силу» и т.д., а непосредственно на факты, которые связаны с войной. Так, в определении по иску управления Термезского пароходства к Кировабадскому хлопковому заводу Верховным Судом СССР было отмечено: «Ссылаясь на ст. 118 ГК и п. «а» ст. 14 Положения, утвержденного СТО 3 июля 1934 г. (СЗ СССР. № 35. Ст. 281), суд отказал пароходству в иске по тем мотивам, что невыполнение плана произошло по не зависящим от ответчика причинам. Однако столь общая ссылка на не зависящие от ответчика причины, без выяснения того, в чем именно они заключаются и в какой мере эти причины препятствовали выполнить государственный план перевозки грузов, не может быть признана основательной. Статья 14 Положения, утвержденного СТО 3 июля 1934 г., предусматривает освобождение отправителя от уплаты штрафа в строго определенных случаях. Пункт 22 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 января 1942 г. № 2 (7) допускает ссылку на войну и военные обстоятельства, если эти обстоятельства создали фактическую невозможность выполнить план перевозки»¹.

Верховный Суд СССР, следовательно, не считал возможным квалифицировать обстоятельства, вызванные войной, в качестве явлений стихийного характера, поскольку он отверг ссылку суда при их квалификации не только на ст. 118 ГК, но и на п. «а» Положения, утвержденного СТО 3 июля 1934 г., который по своему содержанию аналогичен п. «а» ст. 182 и 183 Устава ж. д. Этот вывод подтверждается и анализом других дел. Судебные органы в период Великой Отечественной войны рассматривали обстоятельства, вызванные войной, не как «явления стихийного характера», а лишь как факты, объективно препят-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1943 год. Юриздат, 1948. С. 219–220.

ствующие выполнению плана перевозок (отсутствие подвижного состава для перевозки грузов, запрещение отгрузки на железнодорожном транспорте)¹.

Помимо обстоятельств, вызванных войной, еще одна группа фактов, свидетельствующих об объективной невозможности исполнения сторонами своих обязанностей, освобождает их от ответственности за неисполнение плана перевозок. К этой группе обстоятельств относятся запрещающие административно-правовые акты, изданные компетентными органами (Правительством СССР, органами санитарной инспекции).

Такое значение, например, имеет карантинирование железнодорожной станции². Может препятствовать погрузке и конвенционное запрещение на другом виде транспорта³. Все эти административно-пра-

¹ См. определение Верховного Суда СССР по иску пристани Астрахань к Астраханской базе (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1942 год. Юриздат, 1947. С. 186). См. также определение Верховного Суда СССР по иску Термезского пароходства к Шартузскому хлопковому заводу (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1943 год. Юриздат, 1948. С. 221).

² Постановление правительства и карантинирование станции впервые названы основанием освобождения дороги от ответственности В.Н. Изволенским (Правовые вопросы железнодорожных перевозок». Трансжелдориздат, 1955. С. 36), который в то же время категорически и безапелляционно настаивал на том, что «никакие другие обстоятельства, не указанные в Уставе ж. д., не могут освобождать ни железную дорогу, ни грузоотправителя от ответственности за выполнение плана перевозок» (Там же. С. 28).

³ По этому вопросу см. приведенное выше определение Верховного Суда СССР по иску Термезского пароходства к Шартузскому хлопковому заводу. В определении сказано: «Не может быть принята во внимание... ссылка суда на то, что в связи с военными действиями подвижной состав был переключен на перевозку войск и воинских грузов, а в отношении отгрузки хлопкового волокна со станции Термез, Сталинабад и Рeger была объявлена конвенция, поскольку по данному делу иск предъявлен по поводу невыполнения государственного плана водных, а не железнодорожных перевозок, и суд не установил, в какой мере железнодорожная конвенция и прекращение железнодорожных перевозок воспрепятствовали ответчику выполнить план водных перевозок...» (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1943 год. Юриздат, 1947. С. 221).

Речь здесь идет об освобождении грузоотправителя от ответственности за нарушение плана перевозок на одном виде транспорта в случае запрещения погрузки на другом виде транспорта. Это запрещение имеет локальное юридическое значение («...распоряжения НКПС не распространяются на водный транспорт...». — Цит. сборник. С. 221), но вызванное им прекращение перевозок может воспрепятствовать грузоотправителю выполнить план на другом виде транспорта. Следует отметить, что в данных случаях непосредственным основанием к освобождению грузоотправителя от ответственности являются обстоятельства, вызванные войной, а не запрещение погрузки на другом виде транспорта и прекращение перевозок на нем.

вовые акты близки к тем актам по ограничению и приостановлению погрузки, которые соответствующие должностные лица железной дороги издают в порядке ст. 60 Устава ж. д. Однако в отличие от последних они имеют иное содержание и исходят не от тех должностных лиц, которые указаны в ст. 60 Устава ж. д., а это лишает возможности подвести их под соответствующие нормативные постановления ст. 182 и 183 Устава ж. д.

4. В предшествующем изложении была предпринята попытка рассмотреть практику применения предусмотренных Уставом ж. д. оснований освобождения сторон от ответственности. Результаты этого рассмотрения показывают, что по ряду конкретных дел Верховный Суд СССР признавал в качестве оснований, освобождающих стороны от ответственности, обстоятельства, которые прямо не упомянуты в Уставе ж. д. Но в то же время необходимо со всей силой подчеркнуть, что такого рода случаев н е м н о г о. Судебные органы осторожно подходят к расширению перечня обстоятельств, закрепленных в Уставе ж. д.

Однако, как бы ни был узок круг этих дополнительных оснований и как бы ни было мало значение последних, их нельзя недоучитывать при правовой характеристике обстоятельств, освобождающих стороны от ответственности за невыполнение плана перевозок. Причем главный вывод, который можно сделать из анализа природы и практики применения оснований освобождения от ответственности, состоит в том, что наиболее общей категорией, объединяющей большинство этих оснований, является категория объективной невозможности исполнения обязанностей.

Объективная невозможность исполнения — это правовая категория, которая указывает на отсутствие вины в действиях обязанного лица. Объективна лишь такая невозможность, которую лицо не могло предотвратить, которая, следовательно, не вызвана его виновным поведением. Понятие «невозможность исполнения обязанностей», применяемое в судебной практике, тождественно понятию «случайное невыполнение обязательства», однако следует отметить, что первое из них удачнее последнего, так как указывает на причину неисполнения.

Поскольку большинство оснований освобождения от ответственности составляют факты, свидетельствующие об объективной невозможности исполнения обязанностей, а эти факты, в свою очередь, указывают на отсутствие вины в действиях обязанного лица, то, стало быть, ст. 182 и 183 Устава ж. д. построены на принципе «нет вины — нет и ответственности».

Выше уже отмечалось, что специфическая черта гражданско-правовой ответственности состоит в том, что в соответствии с презумпцией виновности для привлечения лица к ответственности достаточно наступления фактов, образующих объективную сторону правонарушения. Именно поэтому в гражданском праве юридическое значение придается не наличию вины, а ее отсутствию, рассматриваемому в качестве основания освобождения от ответственности (ст. 118 и 403 ГК РСФСР).

Но если это так, то, спрашивается, почему же и в Уставе ж. д. вслед за ст. 118 и 403 ГК РСФСР прямо не сформулирован указанный принцип в обобщенной формулировке? Отвечая на этот вопрос, мы приходим к выводу, что законодатель, исходя из общего принципа, который закреплен в ст. 118 и 403 ГК РСФСР, вынужден был, очевидно, учитывать необходимость максимального упрощения порядка установления фактов невиновного нарушения плана перевозок.

Железные дороги СССР, объединенные в пределах страны в единую административно-хозяйственную организацию, в процессе выполнения государственного плана перевозок вступают в отношения с многочисленной клиентурой — самостоятельными субъектами гражданских прав. В этих условиях установление в каждом отдельном случае отсутствия вины в невыполнении плана создало бы чрезвычайные трудности.

С другой стороны, Советское государство обеспечивает всем социалистическим организациям реальные возможности для выполнения плана. Поэтому они сравнительно редко могут быть признаны невиновными в нарушении плановых заданий. Такие случаи имеют место, как правило, в связи с чрезвычайными внешними обстоятельствами, свидетельствующими об объективной невозможности исполнения стороной своих обязанностей.

Поэтому законодатель вместо формулирования общего положения «лицо не несет ответственности, если оно не могло предотвратить нарушение плана», указал на конкретные случаи, которые охватывают главнейшие обстоятельства, свидетельствующие о невиновном поведении лица. Следует подчеркнуть, что это типичные случаи, выявленные в результате многолетней практики выполнения планов. Они охватывают все основные обстоятельства, когда имеет место отсутствие вины в действиях адресата планового задания.

Но такой порядок законодательного закрепления общего принципа имеет и некоторые недостатки. Перечень тех или иных обстоя-

тельств, как бы ни был совершен, едва ли всегда может охватить все обстоятельства данного вида. Точно так же и перечень типичных обстоятельств, указанных в ст. 182 и 183 Устава ж. д., не исключает вероятности оставления за его пределами отдельных фактов, которые также свидетельствуют об объективной невозможности исполнения стороной своих обязанностей.

В связи с этим при указанном способе нормативного закрепления рассматриваемого принципа возможно привлечение к ответственности за случайное невыполнение плана. Но такого рода случаи могут встретиться лишь в порядке исключения, так как главные, типичные обстоятельства, свидетельствующие о невиновном нарушении плана, закреплены в нормативном акте. Кроме того, — что особенно важно — возможные отступления от общего принципа компенсируются теми преимуществами, которые присущи рассматриваемому способу нормативного закрепления общего принципа. Суду уже нет необходимости в каждом отдельном случае решать вопрос, могло или не могло данное лицо предотвратить нарушение плана, следует лишь установить наличие или отсутствие конкретных, четко обозначенных обстоятельств, освобождающих лицо от ответственности.

Итак, возможность возложения на сторону ответственности за случайное нарушение плана не исключает того, что в основе обстоятельств, указанных в ст. 182 и 183 Устава ж. д., лежит принцип объективной невозможности исполнения как основание освобождения от ответственности. Отдельные отступления от этого принципа обусловлены своеобразием способа его нормативного закрепления, который своими преимуществами компенсирует указанные отступления.

Продолжая рассмотрение причин, в силу которых законодатель не пошел на закрепление в ст. 182 и 183 Устава ж. д. обобщающей формулы, определяющей основания освобождения от ответственности, необходимо указать также на то, что выполнение плана одной хозяйственной организацией при существующей системе специализации и кооперирования в народном хозяйстве нередко зависит от выполнения обязанностей контрагентом. Так, например, отсутствие груза у данного отправителя может быть обусловлено тем, что его контрагенты нарушили договор поставки. Точно так же отсутствие у дороги подвижного состава для подачи его под погрузку данному клиенту может быть обусловлено задержкой под выгрузкой вагонов другим клиентом и т.д. В таких случаях может иметь место ответственность одной стороны перед другой за нарушение плана перевозок в условиях, когда нарушившая план сторона объективно не в состоянии исполнить

свои обязанности. Значит ли это, что возложение при указанных обстоятельствах ответственности на сторону, нарушившую план, производится без учета общих начал гражданско-правовой ответственности? Как ни парадоксален на первый взгляд отрицательный ответ на этот вопрос, его все же следует признать наиболее приемлемым. Хотя сторона, нарушившая план, может быть и невиновна в нарушении плана, ответственность на нее возлагается именно с целью последовательного проведения начал гражданско-правовой ответственности.

Такой характер отношений между хозяйственными организациями, когда они последовательно включаются в связь друг с другом и когда выполнение плана одной организации зависит от действий другой, приводит к существенным своеобразиям в применении принципов, заложенных в ст. 118 и 403 ГК РСФСР. Эти принципы нельзя использовать здесь локально, распространяя их на каждое звено кооперированных хозяйственных связей в отдельности. При освобождении организации от ответственности по причине объективной невозможности исполнения обязанности его контрагент, действительно виновный в данном нарушении, избегал бы ответственности.

Поэтому согласно действующим нормативным положениям, если неисполнение обязанностей одной организацией вызвано неправомерным поведением другой, на первую организацию все же возлагается ответственность (хотя бы она и не могла предотвратить такое неисполнение), для того чтобы она, в свою очередь, воздействовала в порядке регресса на организацию, поведение которой в конечном счете послужило причиной неисполнения обязанностей первой организацией.

Такое своеобразное применение общих начал гражданско-правовой ответственности нашло свое отражение и в системе ответственности за невыполнение плана перевозок. Среди обстоятельств, указанных в ст. 182 и 183 Устава ж. д., не предусмотрены факты, которые свидетельствовали бы об отсутствии вины непосредственно у грузоотправителя и железной дороги за неисполнение плана, вызванного неправомерным поведением третьих лиц. Устав ж. д. молчаливо предполагает, что стороны имеют право регресса, при помощи которого они могут взыскать уплаченные санкции с действительных виновников.

Приведенные соображения имеют значение для объяснения характера ответственности грузоотправителя перед железной дорогой¹.

¹ В связи с тем что железная дорога уплачивает штрафы по ст. 180 Устава ж. д. из сумм, полученных от взыскания санкций с клиентуры, вопрос об убытках дороги практически возникнуть не может.

Обычно уплата клиентом санкций дороге за неисполнение обязанностей в условиях, когда он и не мог предотвратить это неисполнение, открывает возможность для взыскания в порядке регресса сумм санкций с другой организации¹.

То, что грузоотправитель, нарушивший план перевозок и перелагающий затем в порядке регресса сумму штрафа на своего контрагента, несет ответственность непосредственно перед дорогой при отсутствии своей вины, подтверждается и характером регрессных обязательств. Как правильно пишет И.Б. Новицкий, «...общий принцип вины как основания договорной ответственности должен быть применен в том отношении, что организация, уплатившая другой организации известную сумму «за счет» ...третьей организации, может полностью переложить эту сумму с помощью регрессного иска на эту третью организацию лишь при условии отсутствия вины первой организации в наступлении обстоятельства, которое повлекло за собой платеж со стороны первой организации»².

Освобождение данной стороны от ответственности на том основании, что какая-то другая организация в конечном счете виновна в ее неисправности, ослабляло бы усилия по воздействию на последнюю со стороны ее контрагентов. В связи с этим нельзя согласиться с предложением М.А. Тарасова, согласно которому «...действующие правила нуждаются в дополнении в том смысле, что излишние задержки как при погрузке, так и в местах назначения, вне зависимости от того, сам отправитель или иное лицо является получателем, в определенной степени освобождает транспорт от материальной ответственности за сроки дальнейшей подачи тоннажа тому же отправителю»³. Если провести это предложение в жизнь, то окажется, что с железной дороги будет снята ответственность перед данным клиентом в связи с тем, что другой клиент (получатель) нарушает свои обязанности перед дорогой. Это, несомненно, демобилизует дорогу в борьбе с неисправными клиентами, ослабит ее ответственность за надлежащее выполнение планов грузовой перевозки.

Подведем итог сказанному выше. П р и н ц и п и а л ь н о ответственность железной дороги и грузоотправителя за нарушение пла-

¹ Уплаченные санкции могут быть взысканы также в том случае, когда уплата штрафа последовала в результате применения к покупателю мер воздействия при невыставлении им аккредитива (см.: *Садиков О.Н.* Имущественные санкции в хозяйственных договорах // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 59–60).

² *Новицкий И.Б.* Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями. Госюриздат, 1952. С. 48.

³ *Тарасов М.А.* Договор перевозки по советскому праву. Водтрансииздат, 1954. С. 20.

на перевозок основана на общих началах гражданско-правовой ответственности, поскольку в подавляющем большинстве случаев невиновное невыполнение плана освобождает сторону от санкций. Однако Устав ж. д. допускает, как мы видели, отклонения от этого принципа.

Таким образом, присоединяясь в основном к общепринятому в юридической литературе выводу, согласно которому ст. 180 Устава ж. д. устанавливает ответственность за «случай», следует уточнить этот вывод, указав на то, что здесь возможна ответственность за невиновное поведение, в то время как по общему правилу отсутствие вины, т.е. «случай», освобождает правонарушителя от уплаты штрафа¹.

Исходя из изложенного по вопросу о закреплении принципов гражданско-правовой ответственности в ст. 182 и 183 Устава ж. д., мы можем объяснить то значение, которое вкладывают в термин «вина» Правила планирования (§ 27), Правила составления учетной карточки (§ 7, 9, 10, 11, 13), судебные акты, когда они указывают на «вину» грузоотправителя или железной дороги в невыполнении плана. Здесь термин «вина» понимается не в смысле субъективной стороны правонарушения, а лишь в смысле неисполнения обязанностей при отсутствии предусмотренных в ст. 182 и 183 Устава ж. д. оснований освобождения от ответственности.

5. Анализ особенностей нормативного закрепления принципов гражданско-правовой ответственности в Уставе ж. д. является теоретической предпосылкой для решения вопроса о порядке применения ст. 182 и 183 Устава ж. д., определяющих основания освобождения стороны за невыполнение плана перевозок.

Выше был признан оправданным и целесообразным отказ Устава ж. д. от общего указания на отсутствие вины в действиях нарушителя плана как на основание освобождения его от ответственности и установления конкретного, строго определенного перечня обстоятельств, отра-

¹ К.К. Яичков, ссылаясь на опыт судебной практики, пишет, что иногда судебные органы вынуждены отступать от перечня обстоятельств, указанных в Уставе ж. д., как основания освобождения от ответственности. «...Поэтому, — пишет он, — возникает необходимость выяснения основания ответственности по этому обязательству» (Яичков К.К. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 82). Не сделав категорического вывода о том, что здесь имеет место ответственность «независимо от вины» (Там же. С. 81–82), автор тем самым не дал никакого объяснения обоснованным случаям отступления от перечня оснований освобождения от ответственности.

жающего все основные, типичные случаи невиновного поведения сторон. В связи с этим следует, на наш взгляд, дать отрицательный ответ на вопрос о допустимости при рассмотрении конкретных дел «разрывать» замкнутый круг обстоятельств, указанных в качестве оснований освобождения от ответственности.

Как же в этом случае объяснить признание Верховным Судом СССР некоторых обстоятельств основаниями освобождения сторон от ответственности, хотя они не были указаны в Уставе ж. д.? Для того чтобы наметить правильный путь решения этого вопроса, необходимо напомнить, что в указанных случаях Верховный Суд шел по линии не нормотворчества, а толкования содержания соответствующих статей Устава ж. д., по линии выяснения их смысла, тех общих принципов, на которых построена ответственность за нарушение плана перевозок. Но такого рода толкование, если его применять всеми судами повсеместно, может практически также привести к ликвидации действующего порядка ответственности по Уставу ж. д. Поэтому необходимо прийти к следующему конечному выводу: если ранее и допускалась в отдельных случаях (а не в порядке общего правила) квалификация тех или иных обстоятельств, не указанных в Уставе ж. д., в качестве оснований освобождения от ответственности, то это имело место лишь при решении дел центральным судебным органом страны — Верховным Судом СССР (прежде всего — его Пленумом) и причем по поводу фактов, которые так же, как и обстоятельства, указанные в ст. 182 и 183 Устава ж. д., являлись типичными фактами, свидетельствующими о невиновном поведении адресатов плана перевозок. Что же касается применения д е й с т в у ю щ е г о Устава ж. д., то в соответствии с задачами укрепления социалистической законности вряд ли было бы оправданным предоставление судебным органам столь широких полномочий по толкованию четких предписаний нормативных актов.

ГЛАВА ПЯТАЯ ИМУЩЕСТВЕННЫЕ САНКЦИИ ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА ПЕРЕВОЗОК

§ 1. Правовые особенности имущественных санкций, установленных за невыполнение месячного плана перевозок

1. Если состав гражданского правонарушения является юридическим основанием гражданско-правовой ответственности, то сама эта ответственность находит выражение в системе применяемых к нарушителю мер имущественного воздействия, которые в своей совокупности могут быть названы и м у щ е с т в е н н ы м и с а н к ц и я м и.

Из двух основных разновидностей имущественных санкций — оперативных и денежных¹ — наибольшее распространение имеет второй вид санкций, сводящихся по своему содержанию к уплате правонарушителем стороне, интересы которой пострадали в результате правонарушения, определенной денежной суммы в виде возмещения убытков или неустойки.

Неустойки по признаку их соотношения с убытками подразделяются на четыре группы: совокупные или штрафные (убытки взыскиваются наряду с неустойкой), зачетные (убытки взыскиваются в той части, которая не покрыта суммой неустойки), альтернативные (могут быть взысканы либо убытки, либо неустойка), исключительные (под-

¹ Впервые в литературе понятие «оперативные санкции» было сформулировано Л.И. Картужанским (см. его статью «Ответственность за исполнение договоров в социалистическом хозяйстве». — Вестник ЛГУ. 1950. № 4. С. 98). Однако проблема «оперативных санкций» осталась до сих пор в достаточной мере не исследованной. О.Н. Садиков привел несколько характерных примеров оперативных санкций, но и он не дал им, к сожалению, обобщенной характеристики (см.: *Садиков О.Н.* Имущественные санкции в хозяйственных договорах // Советское государство и право. 1957. № 4). Оперативные санкции можно обнаружить не только в области кредитно-расчетных отношений (как полагал Л.И. Картужанский) и договорных отношений по поставке продукции (как показал О.Н. Садиков); они встречаются во всех сферах отношений между социалистическими хозяйственными организациями. Так, в области правоотношений, вытекающих из месячного плана перевозок, такими санкциями являются, в частности, меры, принимаемые дорогой при непредставлении или несвоевременном представлении клиентом развернутого месячного плана или пятнадцатидневных заявок.

лежит взысканию только неустойка)¹. При этом если рассматривать возмещение убытков и уплату неустойки в единстве, то в каждом случае применения неустойки (самостоятельно или в сочетании с возмещением убытков, что имеет место при штрафной неустойке) имущественные санкции выражают как компенсационную, так и штрафную функцию гражданско-правовой ответственности. Однако в зависимости от того, какая из этих функций (компенсационная или штрафная) находит в тех или иных денежных санкциях преимущественное выражение, они могут быть условно подразделены на санкции с преимущественно штрафной функцией и санкции с преимущественно компенсационной функцией².

Анализ мер имущественного воздействия, установленных за невыполнение плана перевозок, показывает, что по своему содержанию и правовой природе они принадлежат к числу денежных, законных, исключительных санкций, имеющих преимущественно штрафную функцию.

2. Устав ж. д. по объему денежных санкций, применяемых при невыполнении плана перевозок, ставит обе стороны в равное положение. Как грузоотправитель, так и железная дорога уплачивают за совершенное правонарушение равные по объему денежные санкции.

Степень (объем) имущественных санкций за невыполнение плана перевозок зависит от двух фактов: а) вида плановой нормы; б) типа подвижного состава, подлежащего согласно плану подаче или загрузке.

Если плановая норма погрузки характеризуется двумя количественными показателями — количеством тонн и количеством подвижного состава, то доминирующий из этих показателей (количество подлежащих перевозке тонн груза) и является той исходной единицей, которая берется за основу при определении размера денежных санкций. Однако размер санкций и здесь в конечном счете определяется в зависимости от типа подвижного состава, подлежащего согласно плану подаче или погрузке. При перевозке грузов в обыкно-

¹ Такая классификация неустоек предложена В.К. Райхером (см. его статью «Штрафные санкции в борьбе за договорную дисциплину» // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 75 и след.).

² По мнению В.К. Райхера, неустойка по советскому праву прежде всего является штрафной санкцией, хотя бы объективно она и выполняла компенсационную функцию (Цит. статья. С. 73–75). Автор, как нам кажется, недоучитывает здесь компенсационное значение санкций: компенсационная функция — это не только следствие применения неустойки, а одно из объективных оснований ее установления (см. справедливые замечания по этому вопросу О.С. Иоффе — *Иоффе О.С.* Советское гражданское право: Курс лекций. Изд-во ЛУ, 1958. С. 483).

венных крытых вагонах, полувагонах и на платформах санкции уплачиваются по 3 руб. с тонны. При перевозке же грузов в специальном подвижном составе, в том числе в цистернах и изотермических вагонах, санкции уплачиваются по 6 руб. с тонны.

Если же плановая норма с количественной стороны характеризуется только одним показателем — количеством подвижного состава, то размер санкций определяется в отношении каждой единицы подвижного состава — 50 руб. за обычный вагон, платформу; 100 руб. — за специальный вагон (изотермический, цистерну и др.). Причем за основу при исчислении размера санкций взяты учетные единицы — двухосные обычные или специальные вагоны. Поэтому четырехосный вагон любого типа и грузоподъемности считается за две учетные единицы, шестиосные — за три единицы и т.д., что влечет за собой кратное увеличение размера санкций.

Устав ж. д. в соответствии с двумя разновидностями плановой нормы предусматривает два способа определения размера денежных санкций, взыскиваемых за невыполнение плана перевозок. Способ исчисления размера санкций при двойной количественной характеристике плановой нормы свидетельствует, что денежные санкции в этом случае имеют более действенный и гибкий характер, чем санкции, установленные за невыполнение плановой нормы погрузки, характеризуемой только единицами подвижного состава. Более действенный и гибкий характер санкции при таком порядке планирования перевозок проявляется не только в том, что размер санкции применительно к каждой единице подвижного состава здесь несколько больше, но и в том, что внутривагонный весовой недогруз является фактическим основанием для двойной ответственности грузоотправителя: за недогруз против плановой нормы по ст. 180 Устава ж. д. и за недогруз против технических норм или грузоподъемности (вместительности) вагонов — по ст. 202 Устава ж. д.¹ Если же плановая норма характеризуется только единицами подвижного состава, то за внутривагонный весовой недогруз клиент может нести ответственность только по ст. 202 Устава ж. д.

3. В отличие от санкций, регламентируемых в договорном порядке, размер и обязанность уплаты денежных сумм при невыполнении плана перевозок предусматривается в нормативном акте — Уставе ж. д., что дает основание отнести их к числу законных санкций. Стороны не вправе своим соглашением установить иной размер рассматривае-

¹ § 12 Правил составления учетной карточки устанавливает: «Ответственность за недогруженное количество тонн вследствие невыполнения отправителем технических норм загрузки вагонов относится на отправителя».

мых санкций, по сравнению с тем, который установлен в ст. 180 Устава ж. д. Если такое условие включено в договор на эксплуатацию подъездных путей необщего пользования, оно в соответствии со ст. 179 Устава ж. д. должно быть признано ничтожным.

4. Санкции, предусмотренные ст. 182 Устава ж. д., являются е д и н с т в е н н о й формой имущественного воздействия, применяемого к нарушителю плана перевозок. В соответствии с этим они должны быть причислены к категории и с к л ю ч и т е л ь н ы х неустоек¹. Если недопустимо вместо штрафных санкций, предусмотренных ст. 180 Устава ж. д., взыскивать убытки, то в одинаковой степени не основано на законе и отыскание убытков наряду со взысканием указанных санкций.

5. В санкциях, установленных за невыполнение плана перевозок, преимущественное выражение находит штрафная функция гражданско-правовой ответственности. Это нашло свое отражение и в их наименовании. Устав ж. д. называет эти санкции «ш т р а ф о м».

Конечно, вряд ли можно признать научным такой метод исследования, который связывает теоретические выводы только с терминологическим обозначением изучаемых явлений. Однако нельзя также и игнорировать специфику наименования тех или иных категорий в нормативном акте: она является одним из признаков, свидетельствующих о том, какое целевое значение придано им законодателем.

Что же касается штрафа за невыполнение плана перевозок, то наименование этой санкции совпадает с ее содержанием. Главная цель ее — не компенсировать убытки железной дороги или грузоотправителя, а воздействовать на нарушителя государственного плана.

Об этом свидетельствует высокий размер имущественных санкций, который, как правило, превышает размер действительных убытков исправной стороны. Более того, исправная сторона может вообще не понести убытков в связи с нарушением государственного плана перевозок (железная дорога вправе предоставить подвижной состав другому клиенту; грузоотправитель же, которому дорога не подала вагоны под погрузку, может со своей стороны предоставить продукцию иному потребителю, который вывозит груз своим транспортом, например ав-

¹ Квалификация рассматриваемых санкций в качестве «исключительной» неустойки основана на той классификации неустоек, предложенной В.К. Райхером, о которой упомянуто в предшествующем изложении. См. по этому же вопросу: *Иоффе О.С.* Советское гражданское право: Курс лекций. Изд-во ЛУ, 1958. С. 482; а также: *Яичков К.К.* Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 60–61.

тотранспортом), а штраф на нее налагается. Как справедливо пишет по этому вопросу Л. Василев, стороне, требующей уплаты санкций за невыполнение плана перевозок, нет необходимости доказывать, какие точно убытки она понесла ввиду неисполнения перевозочного плана, так же как неисправная сторона не может быть освобождена от ответственности под тем предлогом, что другая сторона либо вовсе не понесла вреда, либо претерпела незначительный вред¹.

На штрафной характер санкций за невыполнение плана перевозок прямо указано в одном из определений Верховного Суда СССР. И хотя дело, в связи с которым вынесено это определение, относится к водной перевозке, упомянутое указание, несомненно, имеет более широкое значение. В определении сказано, что суды должны руководствоваться теми правилами, тем законом, «...которым установлена специальная ответственность за невыполнение плана, а не правилами ГК об убытках, ибо в результате непредъявления груза к перевозке согласно плана пароходство может и не иметь убытков, но план перевозки останется невыполненным... для неисправной стороны»².

Правда, при водной перевозке возможны случаи, когда стороны за неподачу перевозочных средств и за непредставление груза к перевозке могут нести ответственность в виде уплаты убытков, причиненных неисправной стороной. Такие случаи имеют место, когда стороны принимают на себя дополнительные к плану обязанности по представлению к перевозке грузов. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховный Суд СССР по иску торгового управления «Холбос» к Ленскому речному пароходству указал, что санкции, в том числе «...штраф, уплачиваются только тогда, когда его уплата предусмотрена соглашением сторон»³.

На железнодорожном же транспорте дополнительные перевозки не могут регулироваться соглашением сторон; они во всех случаях должны быть оформлены в плановом порядке. Поэтому из общего принципа специальной ответственности за невыполнение плана железнодорожных перевозок здесь вообще не может быть никаких исключений.

¹ *Василев Л.* Правен режим на планирането на превозите // Известия на правния институт. 1955. Кн. 1–2. София, 1955. С. 127.

² Судебная практика Верховного Суда СССР. 1947. Вып. II. С. 25.

³ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1943 год. Юриздат, 1948. С. 219. В определении прямо не указывается о возможности взыскания убытков, но такая возможность предполагается, поскольку вопрос о санкциях вообще должен решаться соглашением сторон.

Хотя санкции, предусмотренные ст. 180 Устава ж. д. направлены преимущественно на осуществление штрафной, карательной функции гражданско-правовой ответственности, это отнюдь не означает того, что они лишены компенсационного значения. Имущественно воздействуя на организацию – нарушителя плана, они вместе с тем направлены на то, чтобы возместить исправной стороне за счет неисправной убытки, понесенные ею в результате нарушения плана перевозок. Следует, однако, отметить, что для железной дороги компенсационное значение штрафа за невыполнение плана чрезвычайно мало: за вычетом сумм, идущих на покрытие санкций, уплачиваемых клиентуре, вся остальная часть взыскиваемых сумм обращается в доход государственного бюджета. Таким образом, штрафной характер санкций выражен здесь особо четко и ярко¹.

Штрафной характер рассматриваемых санкций подчеркнут в новом Уставе ж. д. положением, предусматривающим обязанность железной дороги и грузоотправителя по восполнению недогрузов в течение последующих месяцев данного квартала (ст. 45), из которого следует, что денежные санкции уплачиваются не взамен исполнения в натуре. Уплатив санкции, стороны все же обязаны осуществить те перевозки, за невыполнение которых были уплачены штрафные суммы, что соответствует ведущему принципу исполнения обязательств по советскому гражданскому праву, принципу реального исполнения. Правда, перевозка, не осуществленная в текущем месяце, может оказаться уже ненужной, нецелесообразной или невозможной (по условиям планирования) в последующих месяцах квартала. Но именно в связи с этим абз. 2 ст. 45 предусматривает: «Размеры и сроки восполнения недогрузов устанавливаются Министерством путей сообщения по согласованию с соответствующими министерствами и ведомствами-грузоотправителями». Причем, разумеется, эти перевозки должны охва-

¹ К.К. Яичков в сущности отрицает компенсационное значение штрафа по ст. 180 Устава ж. д., так как последний, на его взгляд, «...выступает именно в виде неустойки, не связанной с вопросом об убытках» (Яичков К.К. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 70).

Едва ли в такой категорической формулировке вывод автора можно признать правильным. Впрочем, и сам К.К. Яичков, употребляя такие выражения, как «в большинстве случаев не связаны с убытками», «не во всех случаях служит средством возмещения убытков» (там же), колеблет категоричность своих утверждений. Выводы по рассматриваемому вопросу М.М. Агаркова, согласно которым штраф по ст. 180 Устава ж. д. представляет собой достаточную сумму для покрытия в с е х в о з м о ж н ы х (разрядка моя. – С.А.) убытков, является более убедительным (см.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Юриздат, 1940. С. 129).

тываться очередным месячным планом. Кроме того, следует учитывать, что возможность реального исполнения здесь вообще ограничена определенным сроком, кварталом. Восполнение недогрузов не может быть осуществлено в следующем квартале. «Соответствующие отправки, — пишет К.К. Яичков, — должны быть включены в план следующего квартала, а в отношении неосуществленных перевозок данного квартала требования ограничиваются взысканием штрафа по тем именно соображениям, что дальнейшее осуществление реального исполнения грозило бы еще большим нарушением плана»¹.

6. Возможна ли смешанная ответственность железной дороги и грузоотправителя при невыполнении плана перевозок?

Если рассматривать ответственность железной дороги и грузоотправителя в отношении каждой тонны запланированного к перевозке груза или каждой единицы подвижного состава, то здесь смешанная ответственность исключена: штрафные санкции за срыв плана уплачивает либо железная дорога (если она не подала годный подвижной состав соответствующего типа), либо грузоотправитель (если железная дорога предоставила ему подвижной состав).

Но если рассматривать ответственность железной дороги и грузоотправителя в отношении выполнения с у т о ч н о й н о р м ы погрузки, то здесь возможна смешанная ответственность как следствие неправомерного поведения обеих сторон, одна из которых (железная дорога) не предоставила под погрузку назначенного по плану количества подвижного состава, а другая (грузоотправитель) — не загрузила даже те вагоны, которые были поданы под погрузку. При рассмотрении же ответственности сторон под углом зрения выполнения м е с я ч н о г о п л а н а перевозок в целом возможность смешанной ответственности также не вызывает никаких сомнений и в практике отношений между железной дорогой и ее клиентурой представляет довольно распространенное явление.

Таким образом, объем штрафной ответственности адресатов планового задания в конечном счете зависит от того, в каком объеме управомоченная сторона не выполнила месячный план перевозок: при окончательном выведении причитающихся сумм штрафных санкций производится з а ч е т в эту сумму тех сумм, которые она, в свою очередь, обязана уплатить за нарушение плана перевозок². На этом осно-

¹ Яичков К.К. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 71–72.

² Основания и особенности зачета встречных требований по суммам штрафных санкций за невыполнение плана перевозок будут рассмотрены при характеристике порядка их взыскания (§ 4 настоящей главы).

ван порядок выведения итоговых данных по суммам штрафных санкций за тот или иной месяц.

§ 7 Правил составления учетной карточки регламентирует этот порядок следующим образом. В тех случаях, когда недогруз грузоотправителя в целом за пятидневку равен или менее его недогрузов за отдельные дни, то ответственность за невыполнение плана должен нести только грузоотправитель. Если же сумма недогруза по вине грузоотправителя за отдельные дни превышает общий недогруз за пятидневку, то, стало быть, за выполнение этого общего недогруза к ответственности должен быть привлечен не только грузоотправитель, но и перевозчик — железная дорога. Поэтому недогруз по вине отправителя в целом за пятидневку определяется здесь как сумма недогрузов по его вине за отдельные дни, а разница между общим недогрузом за пятидневку и недогрузом по вине отправителя относится на дорогу. Причем в конечном счете недогруз по вине дороги определяется исходя из размеров погрузки по плану на данную половину месяца за вычетом сумм вагонов (тонн), погруженных в течение половины месяца и недогруженных по вине отправителя по результатам трех пятидневок.

Из изложенного следует, что смешанная ответственность по ст. 180 Устава ж. д. построена на совершенно иных началах, чем другие случаи смешанной гражданско-правовой ответственности: основанием ее является не «смешанная вина» в совершении единого противоправного действия, а невыполнение обеими сторонами (каждой в своей части) действий, являющихся содержанием единого правонарушения.

§ 2. Зависимость объема имущественных санкций, установленных за невыполнение плана перевозок, от предупреждения грузоотправителя о неиспользовании вагонов

1. Специальный характер гражданско-правовой ответственности за невыполнение плана перевозок, а также преимущественное значение его штрафной функции устраняют возможность снижения судом в порядке ст. 142 ГК РСФСР объема штрафа, предусмотренного ст. 180 Устава ж. д. в случае отсутствия убытков у исправной стороны или их несоразмерности с размером штрафа¹.

¹ См. по этому вопросу: *Изволенский В.Н.* Правовые вопросы железнодорожных перевозок. Трансжелдориздат, 1955. С. 29; *Василев Л.* Правен режим на планирането на превозите // Известия на правния институт. 1955. Кн. 1–2. София, 1955. С. 127–128.

Однако Устав ж. д. все же предусматривает возможность снижения объема штрафных санкций. Причем правовая природа и условия этого снижения настолько своеобразны, что их можно отнести к исключительным особенностям гражданско-правовой ответственности за невыполнение плана перевозок. Согласно абз. III ст. 182 Устава ж. д., сумма штрафа, уплачиваемого отправителем, уменьшается на одну треть, если грузоотправитель предупредит дорогу о неиспользовании вагонов не менее чем за двое суток до дня погрузки.

Приведенное нормативное положение помещено в той статье Устава ж. д., которая характеризует основания освобождения грузоотправителя от ответственности. Однако предупреждение грузоотправителя о том, что он не использует подвижной состав, не является фактом, освобождающим его от ответственности; оно лишь служит основанием к с н и ж е - н и ю размера штрафных санкций, уплачиваемых отправителем дороге.

Возможность снижения размера штрафных санкций в случае своевременного предупреждения дороги о неиспользовании подвижного состава является известным стимулом, побуждающим клиента не допускать нерационального использования материальных средств транспорта. Клиент, для того чтобы уменьшить сумму штрафа, заранее предупреждает дорогу о том, что выделенный ему подвижной состав не будет использован, а дорога со своей стороны имеет возможность подать этот подвижной состав другим клиентам.

Таким образом, правило абз. III ст. 182 Устава ж. д. придает штрафным санкциям, взыскиваемым за невыполнение плана перевозок, характер двойного хозрасчетного стимула. Воздействуя на неисправных грузоотправителей, оно вместе с тем дает возможность свести до минимума отрицательные последствия нарушения плана.

2. Условия снижения суммы санкций по абз. III ст. 182 Устава ж. д. таковы:

а) сумма штрафных санкций может быть уменьшена на одну треть лишь в отношении г р у з о о т п р а в и т е л я.

Железная дорога, обладая правом на сгущение погрузки, тем самым имеет возможность вовсе снять с себя ответственность за неподачу подвижного состава в отдельные дни полумесячного периода;

б) сумма штрафных санкций может быть уменьшена лишь в случае, если грузоотправитель п р е д у п р е д и т дорогу о том, что вагоны не будут использованы, причем предупредит н е м е н е е ч е м за двое суток до дня погрузки.

В практике документом, бесспорно свидетельствующим о предупреждении в порядке абз. III ст. 182 Устава ж. д., являются своевре-

менно полученные дорогой письмо или телеграмма клиента, озаглавленные «предупреждение» и содержащие слова «предупреждаю о неиспользовании вагонов». Однако помимо этой прямой формы, вполне допустимы и косвенные способы предупреждения, так как Устав ж. д. не устанавливает какой-либо особой формы отказа от вагонов.

Одной из таких косвенных форм предупреждения является согласование грузоотправителем с начальником станции графика подачи вагонов, которым устанавливается меньшая по сравнению с плановой норма погрузки. По этому вопросу известный интерес представляет определение Верховного Суда СССР по иску управления Северной ж. д. к Исакоговской базе о взыскании штрафа за невыполнение плана перевозок в октябре и ноябре 1950 года. Верховный Суд, исходя из того, что в учетной карточке о выполнении плана перевозок за октябрь 1950 года была сделана оговорка о согласовании с начальником станции вопроса об уменьшении количества вагонов, подаваемых под погрузку, указал: «...из графика использования вагонов под погрузку, согласованного с начальником станции, видно, что ответчик предупредил дорогу о невозможности использования вагонов в том количестве, которое было предусмотрено планом.

В этом случае в соответствии с п. «в» ст. 63 Устава ж. д. СССР штраф, уплачиваемый отправителем, уменьшается на одну треть»¹.

Судебная практика в ряде случаев становится на путь придания отказу грузоотправителя от назначенных по плану вагонов значения предупреждения, отвечающего требованиям абз. III ст. 182 действующего Устава ж. д. (ч. II ст. 63 Устава ж. д. 1935 года). Так, Пермский областной суд в полном объеме удовлетворил иск Пермской ж. д. к управлению Министерства государственных продовольственных и материальных резервов о взыскании штрафа за невыполнение плана перевозок. Верховный суд РСФСР подтвердил своим определением это решение областного суда. Между тем, отмечается в определении Верховного Суда СССР, «... суд не имел основания для взыскания с ответчика штрафа свыше размера, предусмотренного ч. 2, п. «в» ст. 63 Устава ж. д. СССР, так как дорога была предупреждена письмом... об отказе от налива цистерн»².

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1952. № 6. С. 43. В определении явная ошибка: необходимо было сослаться не на п. «в» ст. 63, а на абз. II ст. 63 Устава ж. д. 1935 года (абз. III ст. 183 действующего Устава ж. д.).

² Судебная практика Верховного Суда СССР. 1951. № 12. С. 35. В этом определении имеется ошибка при ссылке на Устав ж. д. Верховный Суд СССР ссылается на ч. II, п. «в» ст. 63 Устава ж. д. 1935 года. Между тем порядок снижения на одну треть штрафа за нарушение плана перевозок не имеет отношения к п. «в» ст. 63 Устава ж. д. 1935 года, содержавшего правило об освобождении отправителя от ответственности. Абз. II ст. 63

Такая трактовка отказа грузоотправителя от назначенных по плану вагонов представляется правомерной и убедительной. Предупреждение о неиспользовании вагонов и отказ от их использования, если последний совершается не позднее двух суток со дня погрузки, — категории равнозначные и равнообъемные. Совершенно очевидно, что отсутствие в письме или телеграмме клиента слов «предупреждаю о неиспользовании вагонов» не может повлиять на юридическую квалификацию действий грузоотправителя. Если дороге известно, что клиент отказывается от подвижного состава, значит, она предупреждена об этом.

Приведенные соображения имеют немаловажное значение для решения вопроса о возможности применения абз. III ст. 182 Устава ж. д. в случае неподачи дорогой вагонов в результате невыполнения грузоотправителем обязанности по своевременному предоставлению развернутого месячного плана или пятидневных заявок.

На возможность снижения штрафа на одну треть при невыполнении грузоотправителем месячного плана в результате нарушения обязанности по представлению развернутого месячного плана указало еще распоряжение НКПС № В-2493 / ЦЗ от 31 октября 1939 г. Регламентируя ответственность за недозаявку вагонов против плана, это распоряжение вместе с тем предусмотрело, что размер штрафа за недозаявку должен быть снижен на одну треть.

Следует полагать, что это правило сохранило свою силу и с введением нового Устава ж. д., причем целесообразно распространить его действие и на другие случаи невыполнения грузоотправителем обязанностей, связанных с организацией выполнения плана перевозок, в частности обязанностей по предоставлению дороге пятидневных заявок.

Если грузоотправитель не выполнил свою обязанность по предоставлению развернутого плана или пятидневных заявок и железная дорога в качестве оперативной санкции не подает ему под погрузку подвижной состав, то не нужно никакого специального предупреждения со стороны клиента о неиспользовании вагонов. Так же как и при прямом предупреждении клиента о неиспользовании вагонов, дорога здесь имеет возможность распорядиться вагонами по своему усмотрению и в той или иной степени ликвидировать отрицательные последствия, возникающие вследствие нарушения клиентом плановой нормы погрузки.

Устава ж. д. 1935 года, а равно абз. III ст. 183 действующего Устава ж. д. имеют самостоятельное значение. Помещение их в ст. 63 Устава ж. д. 1935 года и ст. 182 действующего Устава ж. д. должно лишь подчеркивать, что снижение штрафа применяется только в отношении грузоотправителя.

Справедливость такого решения рассматриваемого вопроса станет еще более очевидной, если учесть, что в судебной и ведомственной практике непредставление развернутого месячного плана или пятидневных заявок рассматриваются как отказ от назначенных по плану вагонов. Соглашаясь с этой линией судебных органов, В.Н. Изволенский в первом издании своей работы писал: «Но иногда применяют (В.Н. Изволенский имеет в виду судебные органы. — С.А.) снижение штрафа на одну треть в соответствии со ст. 63 Устава ж. д., хотя к этому нет достаточных оснований, так как в данном случае отсутствует указанное в ст. 63 Устава ж. д. предупреждение дороге об отказе за двое суток до дня погрузки»¹. Трудно согласиться с этим взглядом В.Н. Изволенского. Так же как и отказ грузоотправителя от назначенных по плану вагонов, его предупреждение о неиспользовании вагонов может быть совершено не только в прямой, но и в отрицательной форме. Нельзя отказать в логичности рассуждений судебных органов, которые, признав непредставление отправителем развернутого плана (пятидневной заявки) в качестве его отказа от назначенных по плану вагонов, считают, что дорога предупреждена о неиспользовании отправителем подвижного состава. Если же встать на точку зрения В.Н. Изволенского, то окажется совершенно непонятным, почему один и тот же факт (непредставление клиентом развернутого плана или пятидневной заявки) можно рассматривать как отказ от вагонов и нельзя рассматривать как предупреждение дороге о таком отказе.

Правда, положения, выдвинутые В.Н. Изволенским, находят подкрепление в определении Верховного суда РСФСР по иску Западной ж. д. к стройтресту № 1, в котором сказано: «Требование дороги об уплате штрафа за невыполнение плана было удовлетворено ответчиком частично... ссылаясь на то, что штраф подлежит снижению на одну треть... так как непредставление развернутого плана следует рассматривать как отказ от погрузки... Доводы ответчика о том, что он должен нести штрафную ответственность за невыполнение плана со снижением на одну треть, нельзя признать правильными, так как ответчик не предупредил дорогу о неиспользовании вагонов...» Однако наряду с недостаточной четкостью этого определения обращает на себя внимание несоответствие содержащихся в нем соображений с цитированным выше указанием Верховного Суда СССР, которое приравнивает отказ от назначенных по плану вагонов к предупреждению, отвечаю-

¹ Изволенский В.Н. Правовые вопросы железнодорожных перевозок. Трансжелдориздат, 1951. С. 30. Во втором издании этой работы цитированные положения из текста исключены, и проблема в целом осталась открытой.

шему требованиям Устава ж. д. для уменьшения суммы штрафа. Впрочем, недостаточная убедительность приведенного выше вывода Верховного суда РСФСР объясняется неточной отправной посылкой для этого вывода. «Ответчик... — сказано в определении, — плана не выполнил, груз к перевозке... не представил и даже (?) не представил развернутого плана погрузки». На самом деле цепь указанных процессов должна быть представлена в обратном порядке: непредставление развернутого плана перевозок является не завершающим фактом, свидетельствующим о невыполнении плана, а первичной причиной этого невыполнения.

Таковы соображения, которые позволяют сделать вывод о необходимости признания косвенных форм предупреждения соответствующими требованиям абз. III ст. 182 Устава ж. д. Но как обстоит дело с такого рода признанием в ведомственной и судебной практике в настоящее время?

Следует отметить, что в настоящее время вопрос о признании косвенных форм предупреждения, к сожалению, окончательно еще не решен. Ведомственная и судебная практика в основном придерживаются того, что для применения абз. III ст. 182 необходима прямая («специальная») форма предупреждения. Однако в судебной практике последнего времени можно найти и некоторые отступления от этой линии. Так, по делу Свердловской ж. д. к тресту Волчануголь Верховный суд РСФСР, отменяя решение областного суда, которым было отказано в квалификации пятидневной заявки в качестве предупреждения по абз. III ст. 182, указал: «...следует учесть, что вопрос о снижении нормы погрузки на 2-ю пятидневку был поставлен ответчиком перед МПС ранее начала планового месяца... вопрос этот был разрешен при условии соответствующего повышения погрузки в 1–3-й пятидневках.

При наличии таких обстоятельств доводы ответчика о том, что недозаявку против плана во 2-й пятидневке следует рассматривать как отказ от использования вагонов, выделенных по плану, следует в данном конкретном случае признать правильными».

Еще более определенное указание содержится в постановлении Президиума Верховного суда Литовской ССР от 19 декабря 1957 г., на которое мы уже выше ссылались. В этом постановлении вновь подчеркивается, что отказ от плана погрузки вагонов должен рассматриваться как предупреждение об их неиспользовании. Отвергая возможность квалификации отказа от плана как основания освобождения от ответственности, Президиум Верховного суда Литовской ССР отметил: «Согласно ст. 180 Устава ж. д. СССР указанное обстоя-

тельство может служить основанием только для уменьшения штрафа на одну треть»¹.

При уменьшении размера штрафа первостепенное значение имеет в р е м я предупреждения: предупреждение должно быть совершено в такой срок до дня погрузки, который позволил бы железной дороге ликвидировать возможные отрицательные последствия нарушения плана.

Поэтому действующий Устав ж. д. подчеркнул и м п е р а т и в - н ы й характер установленного для предупреждения срока: в отличие от Устава ж. д. 1935 года он предусматривает, что грузоотправитель должен предупредить дорогу не за двое суток, а н е м е н е е чем за двое суток. В качестве императивного рассматривают срок для предупреждения и судебные органы по делам, относящимся как к водной², так и к железнодорожной перевозке.

Так, например, по иску Свердловской ж. д. к управлению Ивдельлес областной суд постановил: «Уменьшение штрафа на одну треть... не может иметь места, поскольку отказ от вагонов произведен с нарушением двухсуточного срока, предусмотренного ст. 182 Устава ж. д.».

Однако в некоторых случаях судебные органы отступают от жестких требований абз. III ст. 182 Устава ж. д., признавая предупреждение, совершенное с нарушением двухсуточного срока, основанием для уменьшения суммы штрафа. Так, по иску Свердловской ж. д. к Кировоградскому рудоуправлению областной суд установил, что 18 декабря 1955 г. ответчик в связи с поломкой экскаватора отказался от вагонов, предназначенных согласно плану к подаче на 18, 19, 20 декабря. Несмотря на то что срок предупреждения ответчиком не был соблюден, областной суд, а также Верховный суд РСФСР, рассмотревшие это дело по жалобе истца, сочли возможным уменьшить сумму штрафа на одну треть, исходя из того, что основанием для отказа от использования вагонов явились уважительные причины и этот отказ был железной дорогой принят.

Вряд ли с таким решением судебных органов можно согласиться. Уважительность причин отказа от вагонов правового значения для уменьшения суммы штрафа не имеет; она может иметь значение лишь для решения вопроса о полном освобождении клиента от штрафной

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1958. № 1. С. 29.

² См., например, указания, содержащиеся в определении Верховного Суда СССР по иску правления Куринского речного пароходства к конторе в/о «Заготзерно» (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1943 год. Юриздат, 1948. С. 224).

ответственности (в данном случае путем отнесения поломки экскаватора к числу аварий на предприятии грузоотправителя).

§ 3. Особенности правового закрепления фактов, влекущих гражданско-правовую ответственность за невыполнение плана перевозок или освобождающих от нее

1. Одна из процессуальных особенностей взыскания штрафа за невыполнение плана перевозок состоит в том, что Устав ж. д. предусматривает особую форму документального закрепления обстоятельств, влекущих гражданско-правовую ответственность за невыполнение плана перевозок или освобождающих от нее. Согласно ст. 184 Устава ж. д., выполнение плана перевозок фиксируется в учетном по выполнению плана документе. Таким документом является *у ч е т н а я к а р т о ч к а*, которая ведется железной дорогой отдельно по каждому грузоотправителю и по каждому роду груза.

Порядок ведения учетной карточки подробно урегулирован в Правилах ее составления. Многие из содержащихся в этих Правилах нормативных предписаний имеют существенное значение для регламентации различных сторон гражданского правонарушения по ст. 150 Устава ж. д., в связи с чем они были рассмотрены в предшествующем изложении. Поэтому в настоящем параграфе представляется необходимым остановиться лишь на основных правилах, непосредственно относящихся к порядку ведения карточки.

Учетная карточка имеет строго определенную, установленную МПС форму (ГУ-1), в соответствии с которой и осуществляется закрепление фактов, имеющих значение для ответственности сторон. Карточка ведется в одном экземпляре отдельно по каждому грузоотправителю и роду груза (по номенклатуре плана). Однако по требованию грузоотправителя учетная карточка должна составляться в двух экземплярах, из которых один находится на станции, а другой — у грузоотправителя.

Учетная карточка заводится по получении от начальника отделения дороги развернутого плана, в соответствии с которым станция заполняет заголовок карточки и плановые данные на месяц. На грузы, отгружаемые вне плана или сверх плана, карточка составляется отдельно по получении от начальника отделения задания на эту погрузку. Графы 2 и 3 карточки, характеризующие суточную плановую норму, заполняются на основании пятидневного задания начальника отделения дороги.

Данные о выполнении плана заносятся в карточку за каждые отчетные сутки. При этом учетная карточка подписывается начальником станции и представителем грузоотправителя, уполномоченным на отправку грузов, надлежаще оформленной доверенностью. В соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 21 февраля 1958 г. при отказе отправителя от подписи учетной карточки должен быть составлен акт об отказе или уклонении отправителя от подписания карточки. Акты составляются в те дни, когда карточки должны быть подписаны клиентом.

В графах карточки документально закрепляются факты, относящиеся главным образом к фактическому основанию гражданско-правовой ответственности (графы 4–10, 14–36) и основаниям освобождения от нее (графа 11). Некоторые обстоятельства, служащие основанием освобождения от ответственности (явления стихийного характера, аварии), подлежат закреплению в особых документах, которые должны быть приложены к учетной карточке.

Помимо итоговых данных за отчетный месяц, в карточке подводятся данные по промежуточным периодам (пятидневкам, полумесяцам).

Имеют ли юридическое значение только подлинные экземпляры учетной карточки или такое же значение могут иметь заверенные копии карточки? Некоторые судебные органы признают, что в случае обоснования претензии данными копии карточки должно быть признано нарушение претензионного порядка. Так, Свердловский областной суд решением от 26 июня 1957 г. с учетом этого мотива отказал в части исковых требований Краснокамской конторы по перекачке нефти к Свердловской ж. д. Отменяя это решение, Верховный суд РСФСР в определении от 26 августа 1957 г. указал, что, согласно § 2 Правил по составлению учетной карточки, карточка ведется в одном экземпляре, а так как дорога не выдала клиенту подлинных карточек, ограничившись удостоверением соответствующих копий, контора лишена была возможности представить подлинные карточки, оставшиеся у станции Краснокамск.

Эти соображения Верховного суда РСФСР не имеют, однако, всеобщего значения. Они верны лишь для тех случаев, когда учетные карточки велись в одном экземпляре. Между тем, как отмечалось, по требованию отправителя карточки должны составляться в двух экземплярах. В последнем случае претензия должна быть подтверждена подлинными экземплярами карточки.

2. Правило ст. 184 Устава ж. д. может создать впечатление, что, поскольку обстоятельства, устанавливающие ответственность адресатов

плана или освобождающие от нее, не закреплены в учетной карточке, они не должны приниматься во внимание судом. Однако еще в постановлении от 29 января 1942 г. Верховный Суд СССР отклонил такое формалистическое толкование Устава ж. д., указав, что учетная карточка является не единственным, а лишь о н о в н ы м документом по учету выполнения плана перевозок. В тех случаях, когда учетная карточка подписана с разногласием или когда та или другая сторона ссылается на обстоятельства, освобождающие ее в силу действующего Устава и правил от ответственности за недогруз или неподачу вагонов, могут быть представлены, помимо учетной карточки, и другие доказательства, удостоверяющие наличие таких обстоятельств, которые должны быть приняты судом во внимание при разрешении дела.

Действующее постановление Пленума Верховного Суда СССР от 21 февраля 1958 г. не содержит аналогичного указания. Но свидетельствует ли это о том, что Верховный Суд СССР изменил свою позицию по рассматриваемому вопросу? Едва ли положительный ответ на поставленный вопрос отвечал бы содержанию названного постановления Пленума, ориентирующего суды на внимательное, всестороннее исследование всех обстоятельств по делу. Поэтому-то постановление Пленума Верховного Суда СССР от 21 февраля 1958 г. и не оговаривает особо, что учетные данные карточки являются единственными, непроверяемыми доказательствами по делу.

Возможность закрепления обстоятельств, имеющих значение для решения вопросов ответственности по ст. 180 Устава ж. д. в других документах, не устраняет в то же время решающего значения учетной карточки. Другие документы допускаются в качестве доказательств в порядке исключения в случаях, когда содержание карточки оспаривается по мотивам его неполноты или неправильности.

3. Признание учетной карточки в качестве основного документа по учету выполнения плана и порядок ее составления в значительной степени снижают практическое значение проблемы о бремени доказывания в рассматриваемой сфере отношений. Возложение в нормативном порядке ведения учетной карточки на железную дорогу обязывает ее совершать подавляющее большинство действий, обеспечивающих судебным органам основную массу документально закрепленных фактов, необходимых для ре-

шения дела в полном соответствии с принципами гражданско-процессуального права. Однако это не значит, что упомянутая проблема не имеет в области ответственности за невыполнение плана грузовых перевозок вообще никакого значения.

Прежде всего еще в стадии учета выполнения плана перевозок на грузоотправителя возлагается обязанность по представлению некоторых доказательств (например, в форме справки об имевшей место аварии на предприятии). Правда, суду эти доказательства представляются вместе с учетной карточкой железной дорогой. Но первичные действия по их закреплению совершает грузоотправитель. Далее, в случае оспаривания данных учетной карточки грузоотправитель обязан представить суду соответствующие доказательства.

Наконец, если железная дорога нарушила план грузовых перевозок, причем учетная карточка не составлялась, доказывание осуществляется непосредственно по общим правилам распределения обязанностей по доказыванию.

Однако даже в тех случаях, когда проблема распределения бремени доказывания находит здесь своеобразное решение, это решение остается в пределах упомянутых общих правил: истец обязан доказать основание иска, а ответчик — возражения против него. Причем к основанию иска относятся обстоятельства, образующие фактическое основание ответственности, а к возражениям против него — основания освобождения от ответственности¹. Учетная карточка, упрощая доказывание оснований иска и возражений против него, лишь сокращает сферу действия общих правил.

§ 4. Особенности в порядке взыскания штрафных санкций за невыполнение плана перевозок

1. При взыскании штрафных санкций, установленных за невыполнение плана перевозок, применяется судебный порядок. Однако судебный порядок не является типичной формой осуществления тре-

¹ Л. Василев справедливо пишет по этому вопросу, что, так как при невыполнении плана перевозок вина предполагается, неисправная сторона несет бремя по доказыванию невозможности исполнения ввиду наличия оснований, указанных в нормативных актах (см.: *Василев Л.* Правен режим на планирането на превозите // Известия на правния институт. 1955. Кн. 1–2. София, 1955. С. 130).

бований об уплате неисправной стороной установленных за нарушение плана санкций.

В соответствии с общими принципами осуществления денежных обязательств стороны по требованиям об уплате штрафных сумм обязаны в первую очередь урегулировать свои взаимоотношения в добровольном порядке. При этом Устав ж. д. предусматривает о с о б ы е ф о р м ы, в которых должно производиться это досудебное урегулирование расчетов.

Согласно ст. 185 Устава ж. д., расчеты по штрафным суммам осуществляются сторонами ежемесячно. Данные по расчетам составляются железной дорогой, на которую, следовательно, возлагается обязанность организовывать расчетные отношения. Это не значит, конечно, что железная дорога наделяется здесь какими-либо административными полномочиями. Роль дороги ограничена функциями организатора расчетов. Данные, выведенные дорогой, сообщаются начальником станции грузоотправителю не позднее 10 числа месяца, следующего за тем, в отношении которого должны иметь место расчеты по суммам штрафов. После того как дорога сообщила грузоотправителю о причитающихся той или иной стороне суммах штрафа, последние подлежат уплате в пятидневный срок.

Таким образом, в силу ст. 185 Устава ж. д. расчеты по суммам штрафов за невыполнение плана перевозки производятся по двум этапам: первый этап — расчеты до момента сообщения дорогой грузоотправителю данных о причитающихся той или иной стороне сумм; второй этап — осуществление требования об уплате этих сумм управомоченной стороне.

Своеобразие расчетов на первом из указанных этапов состоит в том, что осуществление денежных требований производится лишь в форме зачета взаимных требований. При этом здесь можно обнаружить такие особенности, которые резко отграничивают расчеты при зачете штрафных сумм от родственной формы расчетов, применяемой при расчетах за поставленную продукцию, произведенные работы, оказанные услуги:

а) зачет осуществляется железной дорогой — стороной, на которую Уставом ж. д. возложена обязанность по организации расчетных отношений. В связи с этим снимается вопрос о том, в каком порядке — автоматически или по заявлению — производится зачет. Поскольку дорога выводит итоговые данные по штрафным суммам, она не может не осуществить зачетной операции. Грузоотправитель, со своей стороны, не вправе потребовать, чтобы она не производила этой операции, если для этого имеются соответствующие условия;

б) зачету в соответствии с содержанием учетной карточки подлежат лишь требования по уплате штрафных санкций за невыполнение месячного плана перевозок;

в) зачету подлежат денежные требования, которые не приобрели искового характера и которые до выведения итоговых данных приобрести такого характера не могут.

При составлении железной дорогой итоговых данных зачета встречных требований может и не быть, если план перевозок нарушен по вине лишь одной стороны — железной дороги или грузоотправителя.

Особо следует подчеркнуть, что зачет встречных требований может иметь место лишь по правоотношениям данного месячного периода. Штрафные суммы, возникшие по правоотношениям различных месячных периодов, зачету не подлежат. Этой линии строго придерживаются судебные органы. Возражая против иска, заявленного Свердловской ж. д. в связи с невыполнением Богословским рудоуправлением плана перевозок в декабре 1956 года и в январе — феврале 1957 года, рудоуправление сослалось на то, что сумма штрафа подлежит зачету по претензии клиента за невыполнение плана дорогой в сентябре 1956 года. Рассматривая доводы истца и ответчика, Свердловский областной суд вопрос о возможности зачета при указанных условиях оставил без рассмотрения, отметив лишь недоказанность задолженности дороги истцу. Между тем Верховный суд РСФСР, сохраняя в силе решение областного суда, которым иск был удовлетворен, прямо указал, что если бы даже был доказан факт задолженности дороги истцу по учетной карточке за сентябрь 1956 года, то и в этом случае зачет встречной задолженности законом не предусмотрен.

2. В связи с тем что нарушение порядка добровольного осуществления требований не может повлиять на само его существование, нарушение сроков, предусмотренных ст. 185 Устава ж. д., не влечет за собой утрату стороной права на взыскание суммы штрафа.

По этому вопросу четкие указания даны Верховным Судом СССР при рассмотрении дела по иску Одесской ж. д. к Одесской торговой организации о взыскании штрафа за нарушение плана перевозки в марте, мае и июне месяцах 1945 года.

Одесский областной суд, установив, что управление Одесской ж. д. составило и сообщило отправителю расчет штрафных сумм с нарушением срока, установленного ст. 66 Устава ж. д. 1935 года, постановления которой тождественны содержанию ст. 185 действующего Устава ж. д., признало в силу этого, что искивые требования дороги не подлежат удовлетворению. Однако Верховный Суд СССР нашел этот вывод

неправильным. «Устав железных дорог СССР, – указывается в определении судебной коллегии по гражданским делам, – не содержит указаний о том, что несоблюдение сроков, предусмотренных ст. 66 Устава железных дорог, влечет за собой утрату права на иск. Поэтому следует прийти к выводу, что ст. 66 Устава ж. д. устанавливает лишь досудебный порядок урегулирования расчетов и что указанные в ней сроки не являются теми сроками, соблюдение которых определяет право на иск»¹.

Однако установленный ст. 185 Устава ж. д. порядок добровольного исполнения стороной обязанности об уплате штрафных санкций тесно связан с судебным (принудительным) порядком осуществления требований управомоченного лица. Это находит выражение в том, что срок исковой давности по взысканию штрафа за нарушение плана перевозок начинает течь с момента окончания пятидневного срока, установленного для уплаты штрафных сумм. В рассмотренном выше определении Верховного Суда СССР по иску Одесской ж. д. отмечается: «Что же касается... сроков составления расчетов и оплаты причитающихся дороге или отправителю штрафных сумм, то эти сроки... определяют лишь начало для исчисления сроков давности по требованиям о взыскании штрафов...»²

Это правило, сформулированное в п. «ж» ст. 222 и п. «б» ст. 225 Устава ж. д., следует понимать в том смысле, что если железная дорога нарушила сроки сообщения отправителю расчета штрафных сумм, то с целью обеспечения надлежащей расчетной дисциплины исковая давность для нее начинает течь все же с момента окончания пятидневного срока.

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1946. Вып. IX. С. 26.

² Там же.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ
В КОНТЕЙНЕРАХ И МАРШРУТАМИ

§ 1. Гражданско-правовая ответственность
за невыполнение плана перевозок грузов в контейнерах

1. План перевозок грузов в контейнерах¹ является составной частью единого государственного плана перевозок. Однако его отношение к месячному плану в целом может быть различным, в зависимости от типа контейнеров и характера перевозок, что и определяет особенности ответственности за его невыполнение.

В некоторых случаях перевозка в контейнерах планируется в обычном порядке. Это имеет место в отношении специальных контейнеров, то есть контейнеров, требующих специального устройства для перевозки особых грузов (огнеупорных изделий, химических продуктов и т.д.) и принадлежащих клиентам железной дороги. Перевозка специальных контейнеров (грузовых и порожних) производится в счет норм на вагоны, выделенных по государственному плану перевозок. В счет норм по государственному плану могут выделяться и принадлежащие Министерству путей сообщения универсальные контейнеры. Однако такое выделение универсальных контейнеров в счет плановой нормы допустимо лишь при перевозке грузов в направлениях следования порожних контейнеров.

Во всех случаях, когда перевозка контейнеров осуществляется по общим показателям государственного плана, специальных вопросов, связанных с ответственностью за невыполнение плана перевозок, не возникает. Железная дорога и грузоотправитель несут штрафную ответственность за невыполнение суточных плановых норм в полном соответствии со ст. 180 Устава ж. д.

Иной характер имеет гражданско-правовая ответственность за невыполнение плана перевозок грузов в универсальных контейнерах.

¹ О понятии и народнохозяйственном значении контейнерных перевозок см.: *Тарасов М.А.* Правовое регулирование перевозок грузов в контейнерах // Вопросы советского транспортного права. Госюриздат, 1947. С. 234–236.

Перевозка грузов в этих контейнерах производится на основании особых правил, устанавливаемых управлениями железных дорог. Поэтому и ответственность за невыполнение плана перевозок грузов в контейнерах имеет специальный характер (ст. 181 Устава ж. д.).

Специальный характер ответственности за невыполнение месячного плана перевозок в контейнерах не означает, однако, что ее правовая природа отличается от правовой природы ответственности за невыполнение плана по ст. 180 Устава ж. д. Она имеет лишь некоторые особенности в отношении оснований и объема ответственности. Но по главным своим чертам и принципам она ничем не отличается от сформулированных в предшествующем изложении черт и принципов гражданско-правовой ответственности за невыполнение месячного плана перевозок грузов, что позволяет в дальнейшем остановиться лишь на характеристике ее особенностей.

2. Фактическим основанием ответственности за невыполнение плана перевозок груза в контейнерах является – в отношении железной дороги – непредставление контейнеров, а в отношении грузоотправителя – неиспользование поданных под погрузку контейнеров, отказ от них, а также нарушение плана перевозок по дорогам назначения.

Таким образом, в отличие от фактических оснований ответственности, указанных в ст. 180 Устава ж. д., ст. 181 не предусматривает ответственности грузоотправителя за непредставление пятидневной заявки, в результате чего дорога не выполнила своих обязанностей по плану. Это объясняется тем, что действующий порядок планирования перевозок грузов в контейнерах не знает уточнения порядка выполнения плана путем представления грузоотправителем пятидневных заявок¹.

Вместе с тем Правила перевозок обязывают грузоотправителя представлять развернутые месячные планы перевозок грузов в контейнерах. Поэтому следует признать, что невыполнение принятого железной дорогой квартального плана перевозок грузов в контейнерах в результате непредставления грузоотправителем развернутого месячного плана является фактическим основанием ответственности его по ст. 181 Устава ж. д.

3. Что же является основанием освобождения от ответственности за невыполнение плана перевозок грузов в контейнерах? Устав ж. д.

¹ Следует, однако, отметить, что введение системы пятидневных заявок, как нам представляется, способствовало бы согласованному и ритмичному выполнению планов контейнерных перевозок.

не содержит специальных нормативных постановлений об основаниях освобождения от ответственности за невыполнение плана перевозок в контейнерах. Лишь в п. «в» ст. 182 упоминается о контейнерах, которые грузоотправитель вправе не загружать, если они поданы в порядке сгущения погрузки без согласия клиента, когда такое согласие требуется.

Однако из того обстоятельства, что другие пункты ст. 182, а также ст. 183 Устава ж. д. не содержат ссылок на контейнеры, не следует, что они не могут быть использованы для выяснения оснований, освобождающих грузоотправителя от ответственности за невыполнение плана контейнерных перевозок. Поскольку рассматриваемые формы ответственности едины по своей природе, фактам, свидетельствующим об объективной невозможности исполнения стороной своих обязанностей (явления стихийного характера, ограничение или приостановление погрузки), должно быть придано значение оснований освобождения от ответственности и по ст. 181 Устава ж. д. Специальной проверки требует возможность применения к перевозке в контейнерах правил п. «г» ст. 182 и 183 Устава ж. д., предусматривающих освобождение от ответственности сторон в связи с восполнением недогруза.

Косвенное подтверждение такой возможности мы находим в п. «в» ст. 182: железная дорога вправе сгущать подачу контейнеров под погрузку; следовательно, поскольку одним из оснований для сгущения погрузки в силу ст. 46 является необходимость восполнения недодачи подвижного состава (контейнеров), то очевидно, что дорога при таком исполнении должна быть освобождена от ответственности.

Имеются основания для распространения на перевозку грузов в контейнерах и п. «в» ст. 183 Устава ж. д. (освобождение дороги от ответственности при задержке грузоотправителем вагонов под выгрузкой): природа оснований, предусмотренных п. «в» ст. 182 и 183 Устава ж. д., в сущности тождественна, и трудно найти оправдание для того, чтобы освобождать от ответственности грузоотправителя, если дорога нарушила свои обязанности, но не применять аналогичную меру воздействия в отношении грузоотправителя, нарушившего свои обязанности перед железной дорогой.

4. Ответственность сторон за невыполнение плана перевозок грузов в контейнерах, так же как и ответственность по ст. 180 Устава ж. д., имеет штрафной характер. Исходной единицей для начисления суммы штрафа является контейнер. Стороны за невыполнение плана в отношении каждого 2,5-тонного контейнера уплачивают штраф в размере 10 руб., а 5-тонного — 20 руб.

Абзац III ст. 182 специально предусматривает возможность уменьшения суммы штрафа на одну треть, если грузоотправитель предупредит станцию о неиспользовании контейнеров не менее чем за двое суток до дня погрузки. Порядок и условия этого уменьшения те же, что и снижение объема ответственности грузоотправителя при предупреждении о неиспользовании вагонов.

§ 2. Гражданско-правовая ответственность за невыполнение плана перевозок грузов маршрутами

1. Действующий Устав ж. д. обязывает железную дорогу и грузоотправителя всемерно развивать маршрутизацию перевозок, которая является одним из важнейших условий ускорения оборота вагонов, ускорения сроков доставки грузов и переработки поездов на сортировочных и участковых станциях (ст. 36 и 37 Устава ж. д.).

Маршрутизация перевозок тесно связана с планом формирования на транспорте. «Правильное распределение сортировочной работы, — отмечает В.П. Бещев, — зависит от плана формирования, являющегося одним из важнейших завоеваний нашей теории и практики эксплуатационной работы. В строгом соблюдении его и постоянном совершенствовании кроются большие резервы... Необходимо настойчиво совершенствовать планы формирования, чтобы обеспечивалось сокращение простоев вагонов под накоплением и повышалась дальность пробега вагонов без переработки. Это связано с усилением маршрутизации перевозок»¹.

Маршрутные перевозки организуются как грузоотправителем (отправительские маршруты), так и железными дорогами путем объединения групп вагонов одного направления в маршрутные поезда в соответствии с планом их формирования.

К числу *о т п р а в и т е л ь с к и х* маршрутов относятся составы установленного веса или длины, сформированные в соответствии с Правилами технической эксплуатации, планом маршрутизации или планом формирования поездов, из вагонов, погруженных одним или несколькими отправителями на одной или нескольких станциях назначением на одну станцию выгрузки или пункт распыления. Отправительские маршруты по способу их организации подразделяются на два вида: а) маршруты, погруженные одним отправителем на одной станции; б) маршруты — ступенчатые, погруженные одним отправи-

¹ Бещев В.П. Итоги работы железных работ за 1953 год и меры дальнейшего подъема работы железнодорожного транспорта // Правда. 1954. 19 мая.

телем на нескольких станциях или разными отправителями на одной или нескольких станциях¹.

План перевозок предусматривает как организацию отправительских маршрутов, так и маршрутизацию, производимую железной дорогой непосредственно на основе плана формирования поездов. Однако специальным, детализированным планированием, находящим выражение в издании плановых актов, обязательных как для железных дорог, так и для грузоотправителей, охватывается организация отправительских маршрутов, причем лишь маршрутов, погруженных одним отправителем на одной станции.

Задания на перевозку грузов отправительскими маршрутами устанавливаются в квартальном плане на основе заявок и развернутых планов совнархозов и ведомств грузоотправителей². Согласованные Министерством путей сообщения с совнархозами и ведомствами грузоотправителей задания на перевозку грузов маршрутами, содержащие указание на объем перевозок в вагонах и в процентах от плана погрузки данного предприятия по родам грузов, доводятся до исполнителей.

Порядок выполнения заданий на перевозку грузов маршрутами уточняется непосредственными исполнителями месячного плана — железными дорогами и грузоотправителями. Во-первых, в развернутом плане, представляемом грузоотправителем не позднее чем за 14 дней до начала планируемого месяца, указывается размер погрузки грузов маршрутами. Однако, если грузоотправитель уклонился от представления плана перевозок грузов маршрутами, начальник железной дороги самостоятельно устанавливает обязательное для грузоотправителя количество маршрутов (ст. 39 Устава ж. д.). Во-вторых, начальник отделения дороги разрабатывает и согласовывает с грузоотправителем календарный план погрузки маршрутами по числам месяца (§ 36 Правил планирования). В-третьих, месячный календарный план погрузки маршрутов при необходимости коррек-

¹ В основу указанного разграничения маршрутов положен признак способа их организации с точки зрения первичных организационных действий. В зависимости же от способа дальнейшей организации маршрутных перевозок они подразделяются на прямые (погруженные на одну станцию назначения) и маршруты с распылением. Вместе с тем по способу и характеру технической переработки они в соответствии с абз. IV § 1 Правил перевозки маршрутами распадаются на общесетевые маршруты, проходящие не менее одной сортировочной или участковой станции, и короткопробежные. Однако указанные подразделения маршрутных перевозок не имеют существенного значения для характеристики вопросов гражданско-правовой ответственности за невыполнение плана перевозок.

² См. ст. 38 Устава ж. д. п. 9, 10 Основных положений о годовом и квартальном планировании перевозок грузов.

тируется по пятидневкам. Это уточнение месячного задания производится за трое суток до начала пятидневки начальником отделения дороги совместно с грузоотправителем (§ 37 Правил планирования).

Хотя планирование перевозок грузов маршрутами осуществляется параллельно и во взаимосвязи с планированием общих норм погрузки, задание на перевозку маршрутами имеет значение с а м о с т о я т е л ь н о г о планового акта. Вместе с тем нельзя недоучитывать известную з а в и с и м о с т ь последнего из названных плановых актов от месячного плана, устанавливающего нормы погрузки. Именно поэтому ответственность за невыполнение плана перевозок грузов маршрутами по своим главным чертам с о в п а д а е т с ответственностью по абз. I—II ст. 180 Устава ж. д.

Однако особенности обязанностей, которые в силу плана маршрутизации возлагаются на железную дорогу и грузоотправителя, обуславливают своеобразие ответственности сторон за невыполнение плана перевозок маршрутами. Специфика этих обязанностей состоит в том, что, с точки зрения порядка исполнения, они имеют д о п о л н и т е л ь н ы й характер по отношению к тем, которые вытекают непосредственно из месячного плана перевозок, так как обязательным условием их исполнения является полное или частичное выполнение плановой нормы¹. Стороны должны таким образом организовать осуществление своих обязанностей по выполнению плановой нормы, чтобы обеспечить погрузку установленного планом количества маршрутов.

Особые обязанности не возлагаются на стороны при погрузке ступенчатых отправительских маршрутов. Это и вполне понятно. Формирование ступенчатых маршрутов зависит в конечном счете от организационных мероприятий железной дороги. В тех же случаях, когда маршрут должен быть погружен одним отправителем на одной станции, особые обязанности возлагаются и на клиентуру, и на железную дорогу. Клиентура для обеспечения погрузки маршрута в установленный по календарному плану срок должна подготовить достаточное количество груза, фронт погрузки, рабочую силу, необходимые механизмы, погрузочные приспособления, а после осуществления погрузки заадресовать маршрут на одну станцию назначения. С другой стороны, и на дорогу возлагается здесь обязанность не просто выполнить норму подачи, а подать

¹ С учетом этой зависимости выполнения плана маршрутами от выполнения норм погрузки § 4 Правил составления учетной карточки предусматривает обязанность грузоотправителя включать в пятидневную заявку вагоны, необходимые для составления маршрута.

в срок необходимое для погрузки маршрута количество перевозочных средств, годных для погрузки данного груза и имеющих все средства, обеспечивающие формирование маршрута. Согласно § 2 Правил перевозок маршрутами, «железные дороги должны обеспечить погрузку маршрутов вагонами, преимущественно перед немаршрутной погрузкой».

Поскольку железная дорога и грузоотправитель обременены особыми обязанностями, вытекающими из плана маршрутизации, существует и особая ответственность за неисполнение этих обязанностей: по абз. V ст. 180 Устава ж. д. штраф за необеспечение погрузки маршрута взыскивается, кроме штрафных санкций, установленных за невыполнение плановой нормы.

2. Обращаясь к фактическим основаниям ответственности за невыполнение плана перевозок грузов маршрутами, необходимо прежде всего отметить следующее. В отличие от Устава ж. д. 1935 года, который предусматривал штрафную ответственность сторон за «неподачу вагонов под маршрут и недогруз маршрутов», действующий Устав ж. д. более точно и вместе с тем более лаконично формулирует рассматриваемое фактическое основание, указывая, что стороны несут ответственность «за необеспечение погрузки маршрута».

Таким образом, ответственность сторон устанавливается в отношении каждого маршрута. Составлен или не составлен маршрут – вот основной факт, определяющий возможность возложения ответственности за срыв маршрута, погрузка которого обязательна для сторон согласно плановому заданию.

Фактами, свидетельствующими о срыве маршрута со стороны железной дороги, признаются следующие обстоятельства: а) неподача порожних вагонов в количестве, необходимом для составления маршрута; б) подача вагонов полностью или частично с неполным сроком на погрузку в данные отчетные сутки, когда грузоотправитель не загрузил маршрут и не сдал его дороге; в) подача неисправных вагонов, а также вагонов, не соответствующих по роду для данного груза.

Фактами, свидетельствующими о срыве маршрута со стороны грузоотправителя, признаются следующие обстоятельства: а) непогрузка и несдача дороге до конца отчетных суток маршрута, назначенного к погрузке на данные сутки; б) отказ отправителя от погрузки маршрута, установленного календарным планом погрузки; в) сдача маршрута с уменьшением против нормы по весу более чем на 85 тонн и по длине более чем на 4 оси; г) сформирование маршрута с нарушением правил технической эксплуата-

тации и плана формирования поездов; д) невыдача разрядок на маршруты, организуемые из импортных грузов в данные отчетные сутки.

Таким образом, фактическое основание ответственности сторон за срыв маршрута по главным своим чертам совпадает с основаниями ответственности за нарушение сторонами плановой нормы. Однако в отличие от последних, здесь за основу берется подача и погрузка целой группы вагонов определенной длины и веса. Поэтому срывом маршрута признается частичная недодача дорогой вагонов, частичный их недогруз, а также некоторые другие факты, которые, несмотря на выполнение плановой нормы погрузки, свидетельствуют, что маршрут в целом в данные отчетные сутки не готов к отправке.

В связи со спецификой уточнения порядка выполнения плана перевозок грузов маршрутами к обстоятельствам, свидетельствующим о невыполнении этого плана, не могут быть отнесены факты, связанные с нарушением обязанностей по организации его выполнения. Прежде всего грузоотправитель не обязан в соответствии с этим планом подавать особые пятидневные заявки¹: месячный план является календарным, и стороны лишь могут в случае необходимости корректировать его по пятидневкам. Однако, если это уточнение плана по пятидневкам не состоялось, стороны все же обязаны выполнять задание по маршрутам.

Не может привести к срыву плана и непредставление грузоотправителем развернутого месячного плана. Если в других случаях непредставления развернутого плана дорога вправе считать себя свободной от обязанности по подаче вагонов и на грузоотправителя возлагается ответственность за срыв плана, то за непредставление плана перевозок грузов маршрутами Устав ж. д. предусматривает иные последствия. В силу ст. 39 Устава в этом случае начальник железной дороги самостоятельно на основе утвержденных заданий устанавливает обязательное для грузоотправителя количество маршрутов. Поэтому в п. «д» § 5 Правил перевозки маршрутами особо подчеркнуто, что срывом погрузки маршрута по вине отправителя считается отказ отправителя от погрузки маршрутов, установленных начальником дороги в порядке ст. 39 Устава ж. д.

Твердых позиций по этому вопросу придерживается и судебная практика. Так, по иску Свердловской ж. д. к тресту «Серовлесдревмет» о взыскании штрафа за необеспечение погрузки маршрутов областной суд, удовлетворяя иск, указал, что «...из 13-ти маршрутов, запланированных ответчику для перевозки лесных грузов, он не согласовал с же-

¹ Но согласно § 4 Правил составления учетной карточки в общую пятидневную заявку должны быть включены и вагоны для маршрута.

лезной дорогой и не погрузил ни одного маршрута, тогда как он обязан был последнее сделать в соответствии со ст. 36 и 39 Устава ж. д.». В своей жалобе на это решение ответчик настаивал на том, что он не обязан был грузить маршруты, поскольку он плана маршрутизации с истцом не согласовывал из-за недостатка леса. Оставляя в силе решение областного суда, Верховный суд РСФСР отклонил этот довод ответчика и, сославшись на ст. 39 Устава ж. д., подчеркнул обязательность для грузоотправителя того количества маршрутов, которое при непредставлении клиентом развернутого плана устанавливается начальником железной дороги.

3. Каковы основания освобождения сторон от ответственности за невыполнение плана перевозок грузов маршрутами? Статья 180 Устава ж. д. и § 5 Правил перевозок маршрутами указывают, что ответственность за срыв маршрута наступает, если он имел место по вине грузоотправителя или железной дороги. Это прямое указание на вину не означает того, что при этом виде ответственности принцип вины получил иное нормативное закрепление, чем при ответственности за невыполнение плановой нормы.

Выше была отмечена органическая связь плана перевозок с планом маршрутизации, зависимость второго от плана перевозок. Обязанности сторон, связанных с выполнением плана маршрутизации, имеют особый и вместе с тем дополнительный характер: они могут существовать только на базе основных обязанностей, вытекающих из плана перевозок.

Поэтому к вопросам ответственности за невыполнение плана маршрутизации в порядке общего правила должны применяться те основания освобождения сторон от ответственности, которые предусмотрены в ст. 182 и 183 Устава ж. д.

Однако ст. 182 и 183 Устава ж. д. не могут быть механически распространены на ответственность за невыполнение плана перевозок маршрутами. Границы такого распространения определяются сферой случаев, свидетельствующих о невиновном нарушении плана (явления стихийного характера, ограничение или приостановление погрузки). Предусмотренные же в ст. 182 и 183 Устава ж. д. основания освобождения от ответственности, которые выступают в качестве льготного условия выполнения плана, не могут быть использованы при решении вопросов ответственности за необеспечение погрузки маршрутами.

4. Ответственность сторон за срыв маршрута имеет д о п о л н и т е л ь н ы й х а р а к т е р. Это значит, что штраф за срыв марш-

рута сторона уплачивает наряду с уплатой штрафа за невыполнение плановой нормы.

По абз. V ст. 180 Устава ж. д. штраф за срыв маршрута был установлен в размере 750 руб.¹

Важная особенность ответственности за невыполнение плана перевозок маршрутами в отличие от ответственности по абз. I—II Устава ж. д. состоит в том, что штрафные санкции взыскиваются не по итоговому данным, за календарный период, а за срыв каждого маршрута.

Итак, завершая рассмотрение вопросов гражданско-правовой ответственности за невыполнение плана перевозок, хотелось бы обратить внимание на ее отдельные черты, что, возможно, будет содействовать более четкому представлению о свойственных ей природе и особенностях.

1. Имущественная ответственность, установленная за невыполнение плана перевозок, имеет г р а ж д а н с к о - п р а в о в о й характер, «гражданско-правовой» характер в том условном значении этого термина, которое выражает использование Советским государством товарно-денежных отношений в области социалистического хозяйства.

2. Имущественная ответственность, установленная за невыполнение месячного плана перевозок, воплощая типические черты гражданско-правовой ответственности в сфере отношений между социалистическими организациями, имеет вместе с тем с п е ц и а л ь н ы й характер. Ее специальный характер выражается главным образом в наличии ряда особенностей, свойственных основаниям и формам ответственности сторон.

3. Имущественная ответственность, установленная за невыполнение месячного плана перевозок, е д и н а с другими видами имущественной ответственности, возникающей на почве перевозочных отношений. Точно так же, как обязанности сторон, вытекающие из месячного плана перевозок, являются лишь составной частью структурно-сложного обязательства перевозки грузов, ответственность за неисполнение этих обязанностей выступает в качестве одной из разновидностей ответственности по перевозочному обязательству в целом.

¹ Ответственность сторон за срыв маршрута сочетается с мерами имущественного поощрения. Размер и порядок выплаты премий грузоотправителям за перевозку грузов отправительскими маршрутами предусмотрены § 7—11 Правил перевозки маршрутами.

4. Своеобразие имущественной ответственности, установленной за невыполнение месячного плана перевозок, во многом определяется тем, что отдельные стороны гражданского правонарушения предопределяются в порядке п л а н о в о г о р е г у л и р о в а н и я, причем непосредственным объектом правонарушения является план перевозок.

5. Специфика состава гражданского правонарушения при невыполнении месячного плана перевозок состоит также в о с о б е н н о с т я х н о р м а т и в н о г о з а к р е п л е н и я п р и н ц и п а в и н ы, когда вместо общей положительной формулы Устав ж. д. приводит перечень типичных обстоятельств, свидетельствующих о невинном нарушении плана перевозок.

6. Гражданско-правовая ответственность за невыполнение месячного плана перевозок воплощается в имущественных санкциях, имеющих штрафной характер. При этом объем санкций, уплачиваемых грузоотправителем, зависит от его предупреждения о предстоящем неиспользовании вагонов.

7. Гражданско-правовая ответственность за невыполнение месячного плана перевозок с о ч е т а е т с я с установленными для железной дороги и грузоотправителя л ь г о т н ы м и у с л о в и я м и выполнения плана перевозок (правом на восполнение недогруза).

Институт гражданско-правовой ответственности за невыполнение плана грузовых перевозок, установленный в первые годы победы принципов социалистического хозяйства, за двадцатипятилетний период своего действия показал, что он является эффективным инструментом в борьбе за организацию слаженной работы железнодорожного транспорта в соответствии с требованием закона планомерного (пропорционального) развития социалистического хозяйства. Дальнейшее усовершенствование отдельных сторон этого института, а главное — четкое его применение на практике является одним из средств, которое, несомненно, еще более укрепит плановую и хозяйственную дисциплину на транспорте.

СТАТЬИ

ОДНОСТОРОННИЕ СДЕЛКИ В МЕХАНИЗМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

1970

Одна из отличительных черт имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства и обращения, — имущественно-распорядительная самостоятельность их участников¹.

¹ В работе «Предмет советского социалистического гражданского права» (Свердловск, 1959. С. 122 и сл.) признак «имущественно-распорядительная самостоятельность» охарактеризован в качестве главной черты имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства и обращения.

Последующее изучение проблемы показало, что этот взгляд нуждается в дополнительной проверке и в уточнении. Так, С.Н. Братусь, в принципе поддерживавший необходимость выделения указанного выше признака, вместе с тем отметил, что более логично связывать с главной чертой метода гражданского права — юридическим равенством субъектов — признак равенства, свойственный самим «товарным» имущественным отношениям (см.: *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. С. 56). Да и вообще, быть может, применительно к предмету правового регулирования нет таких оснований для выделения «главного признака», какие существуют при рассмотрении метода регулирования. Здесь более важным является решение вопроса о том, какая особенность «товарных» (рыночных) имущественных отношений предопределяет своеобразие соответствующей черты метода гражданско-правового регулирования.

Вместе с тем «имущественно-распорядительная самостоятельность» остается одной из наиболее ярких особенностей имущественных отношений, складывающихся на основе товарного производства и обращения. С ней связаны такие черты метода гражданско-правового регулирования, без которых юридическое своеобразие гражданского права не может быть с достаточной полнотой и точностью раскрыто (в том числе начала автономии, диспозитивности).

Нужно только «имущественно-распорядительную самостоятельность» понимать в том смысле, в каком это вытекает из логики и содержания «товарных» (рыночных) имущественных отношений. Этот признак обозначает такую степень имущественной обособленности, при которой субъекты по отношению друг к другу имущественно самостоятельны и, сообразно с этим, сами, своей волей могут распоряжаться материальными благами (см.: Предмет советского социалистического гражданского права. С. 123).

В 1990-е гг. вопрос о предмете гражданского права выведен ГК РФ на «законодательный уровень». В ст. 1, и особенно в ст. 2 ГК, предмет гражданско-правового регулирования связывается и с признаком «равенства», и с автономией субъектов, а также с их возможностью определять свое поведение своей волей и в своем интересе (Дополнение — 2004 г.).

Именно потому, что субъекты «товарных» имущественных отношений обладают возможностью распоряжаться «имуществом» — материальными благами, их правовое положение характеризуется не только равенством по отношению к другим субъектам, но и юридической диспозитивностью — известной «правовой свободой», «автономией», обеспеченной правом возможностью распоряжаться самостоятельно, в индивидуальном порядке регламентировать содержание своих прав и обязанностей.

Если исходить из отмеченных особенностей предмета и метода гражданского права, то, казалось бы, односторонние акты (сделки) не должны играть сколько-нибудь существенной роли в механизме гражданско-правового регулирования. Возникновение юридических последствий в силу односторонних актов типично для некоторых других отраслей советского права, и прежде всего для административного. Последнее регулирует отношения, которые в принципе, в основе строятся на началах «власть — подчинение». Поэтому для него типично возникновение, изменение и прекращение правоотношений на основании односторонних актов одного из участников регулируемого отношения — органа советского государственного управления, наделенного функциями «власти».

Как уже отмечалось, в области гражданского права иная юридическая ситуация. Ни один из субъектов по самому своему положению не наделен функциями «власти». Участники отношений, регулируемых гражданским правом, выступают друг перед другом в качестве равноправных, юридически независимых, неоподчиненных субъектов. Следовательно, для гражданского права как будто бы нельзя признать типичным возникновение, изменение или прекращение правоотношений на основе актов только одного из участников отношения.

Однако вопреки приведенным общим теоретическим посылкам в пределах гражданско-правового регулирования односторонние акты (сделки) распространены сравнительно широко.

Трудно назвать какой-либо участок гражданско-правового регулирования, где бы ни встречались односторонние сделки. Можно указать, в частности, на односторонние сделки по приобретению права собственности (принятие приобретателем вещей, определенных при заключении договора родовыми признаками, принятие заказчиком вещи, изготовленной подрядчиком, завладение и др.), сделки, связанные с реализацией существующих гражданских правоотношений (уведомление об уступке требования, выдача доверенности, признание долга, расчетные сделки и др.), сделки, выступающие в качестве

основания возникновения обязательства (публичное обещание награды, завещательный отказ и др.)¹.

Проблема односторонних сделок в гражданском праве затрагивает в основном область гражданского оборота — возникновение, движение и формирование содержания обязательственных отношений, а также отношений в области наследования.

Это и понятно. Обязательственные отношения — сфера прямого и непосредственного выражения специфических черт метода гражданско-правового регулирования. Именно здесь с наибольшей отчетливостью дают о себе знать юридическое равенство, однопорядковость общего правового положения субъектов. И именно здесь необходимо с определенной четкостью выяснить, почему все же односторонние сделки одного из участников гражданского оборота приводят к возникновению обязательств, а также наследственных правоотношений?

Суть решения рассматриваемого вопроса состоит в том, что в отличие от административного права, где субъект «власти» способен односторонним действием вызвать юридические последствия в силу одной лишь своей компетенции (правоспособности), в гражданском праве односторонняя сделка лишь тогда порождает юридический эффект, когда для этого есть специальное правовое основание.

При этом нужно различать односторонне-управомочивающие и односторонне-обязывающие сделки.

¹ Вывод о сравнительно широком распространении односторонних сделок приобретает еще большую определенность, если учесть, что односторонне-сделочный характер присущ многим действиям, которые подчас относят к категории «юридических поступков».

Впервые в советской литературе на «юридические поступки» как на особую группу юридических фактов обратил внимание М.М. Агарков (см.: *Агарков М.М.* Учение о ценных бумагах. М., 1927. С. 95; *Он же.* Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3–4. С. 50–51). По мнению М.М. Агаркова, «юридические поступки» — это такие правомерные действия, которые могут быть не направлены на данный правовой результат, но приводят к его наступлению непосредственно в силу норм объективного мира. Между тем многие из указанных М.М. Агарковым «юридических поступков» (в частности, признание долга, уведомление об уступке требования и др.) являются односторонними сделками. Причисление их к категории «юридических поступков» обусловлено, очевидно, тем, что автор отрицательно относился к односторонним сделкам. Опираясь на буквальное толкование ст. 106 ГК РСФСР 1922 г., не указавшей на односторонние сделки среди оснований возникновения обязательства, М.М. Агарков считал, что советский законодатель исключил из числа юридических фактов односторонние сделки и поэтому привлекал для квалификации односторонних действий субъектов имущественных отношений конструкцию «юридических поступков».

Разграничение сделок на односторонне-управомочивающие и односторонне-обязывающие предложено Б.Б. Черепахиным¹. По его мысли, первая из указанных групп сделок — это действия по предоставлению субъективного права, вторая — действия, которые производят для него юридически обязательные изменения, связывающие другое лицо.

Эта классификация является ключом для выяснения своеобразия односторонних сделок по советскому гражданскому праву и их роли в механизме гражданско-правового регулирования.

Высказанные в литературе соображения, согласно которым указанное выше деление односторонних сделок не может быть принято по той причине, что оно не охватывает всех видов сделок, едва ли справедливы. В конечном счете каждая односторонняя сделка неизбежно связана либо с приобретением субъективного права другими лицами, либо с такими изменениями в правовой сфере, которые являются юридически обязательными для других лиц. Но не в этом суть проблемы. Главное заключается в том, что классификация, предложенная Б.Б. Черепахиным, дает надежный ориентир для того, чтобы раскрыть правовую природу односторонних сделок, их роль в механизме гражданско-правового регулирования.

Здесь уместно заметить, что подлинно научные классификации имеют значение не только для систематизации изучаемых явлений. Они в то же время служат ступенью к изучению содержания явлений, нередко способствуют правильному уяснению их функций и природы. Правда, это во многом зависит от того, какой из признаков изучаемых явлений (сущность или внешний, формальный) положен в основу классификации. Но отсюда следует, что по указанной же причине различные классификации имеют неодинаковое значение в науке.

Вот почему, в частности, отстаиваемое В.С. Толстым деление односторонних сделок на правоустанавливающие, правоизменяющие, правопрекращающие и порождающие правовые последствия нескольких видов, — деление, верное само по себе, — все же не продвигает нас в понимании природы и значения односторонних сделок в механизме гражданско-правового регулирования. Эта классификация является распространением на данную область общего деления юридических фактов, и оно применительно к односторонним сделкам выполняет, по суще-

¹ См.: Черепахин Б.Б. Юридическая природа векселя и «Положение о векселях» // Право и жизнь. 1922. Кн. 9–10; *Он же*. Дарение по Гражданскому кодексу РСФСР // Право и жизнь. 1923. Кн. 4. С. 47; *Он же*. Первоначальные способы приобретения права собственности по действующему праву // Ученые записки Саратовского университета. 1924. Вып. 2. Т. 2. С. 4–5; *Он же*. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М.: Госюриздат, 1962. С. 29–32.

ству, лишь функцию по их известной систематизации (ну и, пожалуй, еще дает возможность установить, что односторонние сделки особенно часто служат целям изменения или прекращения правоотношения)¹.

Не случайно поэтому В.С. Толстому не удалось все же с достаточной убедительностью и полнотой раскрыть юридическое своеобразие односторонних сделок в гражданском праве, установить их функции в процессе гражданско-правового регулирования. Да и указанное им отличие односторонних сделок от административных актов (по мнению В.С. Толстого, оно состоит в том, что орган власти не становится участником правоотношения) является чисто внешним и в тех случаях, когда организация одновременно обладает гражданской и административной правосубъектностью, не «срабатывает».

Односторонне-управомочивающие сделки основываются непосредственно на гражданских субъективных правах, на входящей в их содержание возможности распоряжения правом.

В советской юридической литературе вопросу гражданских субъективных прав уделено довольно много внимания. Однако он рассматривается обычно таким образом, как будто бы гражданские права отличаются от других только своим конкретным содержанием.

Между тем гражданские права представляют собой особую группу субъективных прав, потому что они обладают не только своеобразным фактическим содержанием, но и существенными особенностями и в самом юридическом содержании. Они складываются на основе существующего при социализме товарного производства и обращения, предполагающих такую организацию общественных отношений, при которой лица по своей воле могут распоряжаться материальными и духовными благами и, следовательно, обладают известной имущественно-распорядительной самостоятельностью. Поэтому одна из характерных особенностей субъективных прав в области гражданско-правового регулирования, имеющих непосредственное материальное содержание, состоит в том, что они включают в свой состав возможность по распоряжению правом (осуществляемую непосредственно или через распоряжение объектом).

В ряде гражданских субъективных прав вещного характера эта возможность обособилась в иде самостоятельного правомочия (право собственности, право оперативного управления).

Вполне допустимо ставить вопрос о существовании указанного правомочия в отношении прав автора и изобретателя, в особенности

¹ См.: Толстой В.С. Понятие и значение односторонних сделок в советском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 7–8.

в отношении прав патентообладателя (ст. 522 ГК РСФСР). Думается, что во всех случаях, когда управомоченный обладает возможностью распоряжения объектом — материальным или духовным благом, в составе гражданского субъективного права обособляется в качестве особого, самостоятельного правомочия право распоряжения, пределы которого устанавливаются, разумеется, объективным правопорядком в соответствии с потребностями общественного развития.

В гражданских субъективных правах, которые не предоставляют управомоченному возможности непосредственного распоряжения объектом (обязательственных правах), указанное правомочие в составе субъективного права не обособилось. Но и здесь право кредитора в обязательстве не сводится к одной лишь возможности требования от должника определенного поведения; оно включает также возможность распоряжения этим правом. Гражданское законодательство РСФСР прямо указывает на такую возможность, допуская при соблюдении ряда условий уступку требования кредитором другому лицу (ст. 211—212 ГК РСФСР).

Нетрудно заметить, что возможность распоряжения гражданским субъективным правом и является реальным выражением того начала диспозитивности (автономии), которое предопределяется особенностями предмета гражданско-правового регулирования — имущественно-распорядительной самостоятельностью участников гражданского оборота. На этом в общем-то и построена договорная форма опосредствования отношений гражданского оборота. Гражданско-правовой договор потому и выступает в качестве средства регламентирования общественных отношений, что лица с юридической стороны обладают возможностью распоряжения принадлежащими им благами, субъективными правами. Суть договорного регулирования состоит как раз в том, что стороны, распоряжаясь субъективными правами, налагают на себя юридические обязанности.

Для субъектов гражданского права возможность распоряжения субъективными правами имеет общее значение, она в принципе касается всех гражданских субъективных прав. Поэтому такого рода возможность становится необходимым элементом гражданской правосубъектности (правоспособности). Субъект гражданского права способен обременять себя в договоре юридическими обязанностями, связанными с распоряжением субъективными правами (которых в данный момент у него может и не быть, но которые он рассчитывает приобрести ко времени исполнения обязательства).

Но коль скоро лицу, наделенному гражданской правосубъектностью, предоставлена объективным правопорядком возможность распоряжаться своими субъективными правами, то, стало быть, в этом отношении и его

односторонние акты могут иметь непосредственное юридическое значение. К таким актам и следует отнести такие, например, односторонние сделки, как прощение долга, завещание, одностороннее обещание награды и некоторые другие, — все те акты, которые выражают распоряжение субъектом своими субъективными правами.

Отсюда вытекает ряд специфических черт односторонних сделок рассматриваемого вида, важнейшая из которых состоит в том, что эти сделки направлены на то, чтобы предоставить какому-либо лицу определенное субъективное право. Поскольку лицо может распоряжаться своими субъективными правами, оно, следовательно, в состоянии не только установить в отношении самого себя известную юридическую обязанность, но и управомочить другое лицо. Стало быть, рассматриваемый вид односторонних сделок может быть охарактеризован по классификации, предложенной Б.Б. Черепахиным, в качестве односторонне-управомочивающих. «По общему правилу, — пишет Б.Б. Черепашин, — путем своего одностороннего волеизъявления субъект может предоставить другому право, возложив правовую обязанность на самого себя»¹.

Односторонне-управомочивающие сделки, выражающие распоряжение лицом субъективным правом, имеют сравнительно ограниченную регулируемую роль: непосредственно как таковые они не могут возлагать на иных лиц какие-либо юридические обязанности². Вместе с тем они, как и договоры, в полной мере соответствуют особенностям метода гражданско-правового регулирования. Более того, своеобразие метода граждан-

¹ *Черепашин Б.Б.* Правопреемство по советскому гражданскому праву. С. 29.

² Это обстоятельство упущил из виду М.М. Агарков, когда, стирая грань между секундарными полномочиями и элементами гражданской правоспособности, утверждал, что и «право составить завещание», подобно секундарному правомочию, также «связывает» других лиц. Почему же? М.М. Агарков пишет: «По завещанию имущество наследодателя может достаться не всем его наследникам по закону, а лишь одному. В таком случае кредиторы наследодателя после его смерти будут иметь в качестве должников не всех наследников по закону, а лишь тех, кто указан в завещании» (*Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. С. 69–70). Но разве здесь само по себе право составить завещание «связывает» определенных лиц, как это имеет место при секундарных правомочиях? Конечно нет! Наследодатель может избрать в качестве наследника одного, а может и другого наследника по закону, может избрать двух наследников из трех и т.д. А кроме того, — и это, пожалуй, самое важное — односторонняя сделка, совершенная на основании рассматриваемого «права», вообще еще никого «не связывает», во всяком случае так, как юридически связывают гражданские правомочия. Обязательные правовые последствия непосредственно в силу совершенного завещания еще не наступают: для этого необходимо принятие наследства лицом, обозначенным в завещании в качестве наследника. Вот это-то право — принять наследство — уже связывает определенных лиц, и связывает их потому, что в отличие от «права составить завещание» является особым правомочием (а не элементом правоспособности).

ско-правового регулирования и, в частности, свойственное гражданскому праву начало диспозитивности необходимо выражаются не только в договорной форме опосредствования имущественных отношений, но и в использовании односторонне-управомочивающих сделок, при помощи которых лица распоряжаются своими гражданскими субъективными правами.

Вот почему происходящий в современных условиях процесс дальнейшего расширения гражданско-правового регулирования сопровождается не только развитием гражданско-правовых договоров, но и более широким использованием односторонне-управомочивающих сделок (например, расширением «свободы» завещания).

Обширную и сложную по своей юридической природе группу односторонних сделок образуют односторонне-обязывающие сделки, в силу которых происходят изменения в правовой сфере, обязательные для других лиц.

Надо сказать, что один из наиболее трудных вопросов проблемы односторонних сделок в советском гражданском праве кроется в правовой природе именно этой группы сделок.

Посредством односторонне-управомочивающих сделок лицо обязывает самого себя, предоставляя тем самым другому лицу (лицам) определенное субъективное право.

Другое дело односторонне-обязывающие сделки. Это такие односторонние акты субъекта, в силу которых оказывается воздействие на правовую сферу других лиц. При этом нужно еще раз напомнить о том, что перед нами область гражданских правоотношений, участники которых по своему исходному положению лишены возможности своими односторонними действиями возлагать на других лиц какие-либо юридические обязанности или иным образом воздействовать на их правовое положение, вторгаться в чужую правовую сферу.

Каковы же специальные юридические основания односторонне-обязывающих сделок? По рассматриваемому вопросу убедительное решение сформулировано Б.Б. Черепяхиным. Он пишет: «Чтобы кто-либо мог своей односторонней волей произвести правовые изменения, связывающие другое лицо... необходимо обладать особым правомочием, основанным на правовой норме или же на правоотношении, в котором субъект одностороннего волеизъявления уже состоит с лицом, по отношению к которому он вправе осуществлять свою одностороннюю волю»¹.

В юридической литературе «особые правомочия», на которых основываются односторонне-обязывающие сделки, обозначаются раз-

¹ Черепяхин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. С. 29–30.

личными терминами: «секундарные правомочия» (С.Н. Братусь), или «правообразовательные правомочия» (М.А. Гурвич), или «правомочие на изыскание юридического положения», как их именовал М.М. Агарков, когда признавал за ними значение субъективных прав.

Обычно эти правомочия рассматриваются в единой недифференцированной группе. Действительно, им свойствен ряд общих черт (осуществление путем односторонних действий управомоченных лиц, дополнительный характер).

Вместе с тем необходимо учитывать, что рассматриваемые правомочия имеют неодинаковую юридическую природу. Они включают:

а) правомочия, существующие в области формирования обязательственных и иных гражданско-правовых отношений; здесь они могут быть названы «правообразовательными»; б) правомочия, связанные с действием обязательственного отношения; здесь они могут быть названы «секундарными».

Правообразовательные правомочия существуют в области формирования обязательственных и иных правоотношений. Так, порождаемые офертой последствия могут быть охарактеризованы через категорию «правомочия». Когда О.С. Иоффе утверждает, что наступившая часть юридических фактов «иногда создает возможность породить своими действиями правоотношение не для всех лиц, а лишь для данного лица»¹, то, поскольку речь идет о гражданско-правовом регулировании, иначе чем через категорию «правомочия» охарактеризовать эту возможность нельзя. Однако право принять оферту, акцептовать ее — это особое правомочие, которое как раз может быть названо «правообразовательным». Оно характеризует правовые возможности лица на начальной стадии развития субъективного права. Нужно лишь иметь в виду, что юридические последствия, на которые направлены оферта и акцепт, обладают относительно самостоятельным правовым значением: затрагивая отношения по организации заключения гражданско-правового договора, они существуют лишь до тех пор, пока последний не заключен. А как только гражданско-правовой договор заключен, односторонние сделки, связанные с его заключением и потому имеющие относительно самостоятельное значение, оказываются поглощенными договором.

При поставке товаров на экспорт обязательственное отношение возникает тогда, когда экспортная организация совершает односторонний акт — выдает наряд-заказ.

¹ *Иоффе О.С.* Спорные вопросы учения о правоотношениях // *Очерки по гражданскому праву.* Л., 1957. С. 58.

Нередко в литературе (правда, без каких-либо доказательств) считают, что наряд-заказ представляет собой административный акт. Но это мнение решительно ни на чем не основано. Для того чтобы признать тот или иной акт административным, необходимо установить наличие отношений административной подчиненности между данными субъектами. Между тем экспортные организации не связаны отношениями административной подчиненности с поставщиками продукции. Они выступают друг перед другом на началах юридического равенства. Поэтому наряд-заказ должен быть отнесен к числу гражданско-правовых односторонних сделок¹.

Правообразовательные правомочия могут быть найдены не только в обязательствах. К их числу относится, например, правомочие наследника принять открывшееся наследство.

Правообразовательные правомочия потому и могут быть так названы, что они представляют собой промежуточную стадию в процессе формирования («образования») субъективного права, т.е. «незавершенное» субъективное право, право в процессе становления, формирования.

Весьма примечательно, что такой же «незавершенный» характер имеют в данном случае и юридические обязанности. Лица, противостоящие управомоченному, не обязаны к каким-либо положительным действиям или воздержанию от действий, а связаны возможным односторонним действием (сделкой) управомоченного. Так, оферент в течение определенного срока связан возможным ответом (акцептом) своего будущего контрагента по договору.

Секундарные правомочия — это правомочия, относящиеся к действию, к изменению и прекращению существующих обязательств.

На основании секундарных правомочий совершаются довольно многочисленные односторонне-обязывающие сделки, к числу которых относятся, в частности, сделки, реализующие право на зачет однородных, встречных требований, право прекратить обязательственное отношение в случаях, специально предусмотренных законом, право выбора должника в альтернативном обязательстве, право на отказ в акцепте при расчетах между социалистическими организациями и некоторые другие. Во всех этих случаях односторонняя сделка является средством осуществления секундарного правомочия, средством проведения его в жизнь.

Юридическое содержание секундарных правомочий такое же, как и правообразовательных. Право на зачет, право выбора должника

¹ См.: *Иоффе О.С.* Советское гражданское право. Общая часть. Право собственности. Общее учение об обязательствах. Л., 1958. С. 203.

в альтернативном обязательстве и другие предоставляют управомоченному возможность совершить односторонне-обязывающую сделку, которая порождает обязательные для других лиц юридические последствия. Однако секундарные правомочия – это именно «вторичные» правовые образования, которые как бы надстраиваются над главным содержанием обязательства, входят в состав субъективного права кредитора в качестве дополнительных элементов.

Осуществление секундарных правомочий приводит не к возникновению правоотношений, а к их изменениям или к полному прекращению.

Рассмотрение оснований односторонне-обязывающих сделок позволяет определить их место и функции в механизме гражданско-правового регулирования.

Прежде всего необходимо заметить, что односторонне-обязывающие сделки в отличие от односторонне-управомочивающих являются «чистыми» юридическими фактами: они не регламентируют содержания прав и обязанностей, а только в соответствии с нормами объективного права являются основаниями, влияющими на изменение или прекращение правоотношений.

Таким образом, хотя односторонне-обязывающие сделки и воздействуют на правовую сферу иных лиц, это воздействие в принципе однотипно с тем действием, которое оказывает на правоотношение всякий иной юридический факт, в том числе и юридическое событие (с той лишь разницей, что здесь «ввод в действие» данного правоизменяющего или правопрекращающего факта зависит от воли управомоченного).

Далее весьма важно и то, что односторонне-обязывающие сделки относятся к числу вспомогательных. Соображение о том, что по своему правовому содержанию сделки должны быть подразделены на основные и вспомогательные, уже давно высказывалось в литературе¹. Любопытно то, что необходимость такой классификации обнаружилась не в связи с исследованием односторонних сделок как таковых, а при изучении правовой природы неосновательного обогащения. Выяснилось, что наряду со сделками, которые сами по себе являются достаточным юридическим основанием для приобретения или сбережения имущества (гражданско-правовые договоры, односторонне-управомочивающие сделки), существуют сделки вспомогательные. Е.А. Флейшиц справедливо отмечала, что «вспомогательные сделки всегда совершаются для реализации другого, уже ранее существующего между сторонами пра-

¹ См.: Гражданское право: Учебник для юридических институтов. Т. 1. М.: Юриздат, 1944. С. 333–335; Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Госюриздат, 1961. С. 216–217.

воотношения, для исполнения обязательств, возникающих из заказа, из административного акта, из ранее совершенной сделки»¹. К этому следует лишь добавить, что вспомогательными являются также сделки, основывающиеся на правообразовательных правомочиях.

Односторонне-обязывающие сделки в какой-то мере выражают особенности метода гражданско-правового регулирования, свойственные ему начала диспозитивности.

Главная функция односторонне-обязывающих сделок в механизме гражданско-правового регулирования состоит в том, что они призваны обеспечить формирование, движение и прекращение гражданских правоотношений.

Следует полагать, что теоретическое значение категории «механизм правового регулирования» состоит в том, что она позволяет показать в движении, динамике не только все части правовой надстройки, так сказать, в крупномасштабном измерении, но и каждую из этих частей в отдельности, в том числе и правоотношения. Гражданские правоотношения, характеризуемые в рамках механизма гражданско-правового регулирования, представляют собой развивающиеся правовые явления.

С рассматриваемых позиций односторонне-обязывающие сделки являются средством, при помощи которого субъекты влияют на формирование правоотношений (сделки, основанные на правообразовательных правомочиях), а также на их изменение и прекращение (сделки, основанные на секундарных правомочиях). И такое воздействие субъектов на движение гражданских правоотношений не только согласуется с особенностями предмета и метода гражданско-правового регулирования, но и прямо выражает их особенности: инициативу и имущественно-распорядительную самостоятельность сторон в рамках юридического равенства.

В качестве общего итогового вывода необходимо отметить следующее. Односторонние сделки являются необходимым и притом специфическим элементом механизма гражданско-правового регулирования. Наряду с гражданско-правовым договором они позволяют в полной мере юридически обеспечить имущественно-распорядительную самостоятельность участников стоимостных имущественных отношений и тем самым создать необходимые условия для последовательного претворения в жизнь требований, существующих при социализме товарного производства и обращения, функционирования всей системы имущественных отношений социалистического общества.

¹ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 216–217.

О СОСТАВЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ¹

1958

Весь обширный и многогранный материал теории гражданско-правовой ответственности распадается на два главных структурных подразделения, одно из которых охватывает гражданское правонарушение, а другое — гражданско-правовые санкции.

До недавнего времени наука советского гражданского права придавала решающее значение исследованию вопросов последнего из названных структурных подразделений. Однако вытекающие из практики работы судебных, арбитражных и административных органов задачи повышения эффективности гражданско-правовых санкций вызвали необходимость теоретического осмысления условий их применения. Поэтому предметом углубленной научной разработки становятся сначала отдельные из условий ответственности (в особенности причинная связь), а затем весь их комплекс.

Результаты этой разработки требуют обобщения условий ответственности в единую категорию, которая с учетом сложившейся в теории и практике терминологии может быть названа *«составом гражданского правонарушения»*².

Состав гражданского правонарушения — *понятие, охватывающее в совокупности признаки правонарушения в сфере отношений, регулируемых гражданским правом, — признаки, необходимые и достаточные для привлечения лица к гражданской ответственности*. Этим признакам соответствуют стороны состава гражданского правонарушения, его элементы.

Если гражданско-правовая ответственность находит реальное выражение в санкциях (возмещение убытков, уплата неустойки, применение мер оперативного воздействия и др.), то состав гражданского

¹ Правоведение. 1958. № 1.

² Понятию «состав гражданского правонарушения» родственно понятие *«состав преступления»*, охватывающее признаки правонарушения в области отношений, регулируемых уголовным правом. Однако обычно под углом зрения общих проблем теории юридических фактов. Поэтому, например, М.М. Агарков объединяет эти условия термином «элементы фактического состава» (см.: Агарков М.М. Обязательства по советскому гражданскому праву // Ученые труды ВИЮН. Вып. 3. М.: Юриздат, 1940. С. 141).

правонарушения является ее *юридическим основанием*. Поэтому представляется теоретически и практически неоправданной квалификация изолированно взятых условий применения имущественных санкций (причинной связи, противоправности и др.) в качестве особых правовых оснований гражданской ответственности. Строжайшее проведение социалистической законности требует, чтобы все условия применения имущественных санкций рассматривались лишь в виде отдельных элементов состава правонарушения. Только количественный рост этих элементов может изменить их качественную характеристику, их правовые функции, образовать из них законченный состав правонарушения, который является единым и единственным юридическим основанием гражданской ответственности¹. В ходе развития гражданско-правового регулирования имущественных отношений имущественные санкции выросли в нечто большее и значимое, нежели традиционно понимаемые убытки и неустойка, охватив все меры имущественного воздействия, которые могут быть применимы к субъекту гражданского правонарушения.

Здесь нужно постоянно принципиально различать ответственность в уголовном праве и ответственность в гражданском праве. Если в сфере уголовного права решающую роль играют отношения, связанные с общественной опасностью действий и личности правонарушителя, то в области гражданского права — отношения, складывающиеся на базе имущественной обособленности их участников. В связи с этим было бы неправильно определять элементы (стороны) состава гражданского правонарушения по модели элементов (сторон) состава преступления. Конечно, совпадающие моменты при характеристике этих родственных категорий неизбежны, в частности и здесь вполне правомерно использование таких научных понятий, как субъект и объект правонарушения, а также его объективная сторона. Однако использование этих понятий является скорее свидетельством того, что составы гражданского правонарушения и преступления являются лишь разновидностями более широкой правовой категории, охватывающей при-

¹ Верное в своей основе положение о том, что «отсутствие состава правонарушения влечет за собой, как правило, гражданскую безответственность» (*Мамвеев Г.К.* Вина в советском гражданском праве. С. 118), искажено, к сожалению, словами «как правило». При отсутствии законченного состава правонарушения лицо не может быть привлечено к гражданской ответственности. Отступление от этого вывода — вывода, соответствующего задачам строжайшего проведения социалистической законности, возможно лишь, если не учитывать особенностей применения принципа вины в гражданском праве и вслед за Г.К. Матвеевым относить вину к числу общих признаков гражданского правонарушения.

знаки правонарушения, безотносительно к их отраслевой принадлежности, чем результатом распространения на сферу гражданского права специфических для уголовного права понятий.

В связи со сказанным нельзя признать бесспорной характеристику элементов состава гражданского правонарушения, предложенную в упомянутой выше работе О.С. Иоффе. Порядок изложения, которого придерживается автор: объект и формы противоправного поведения — вина — причинная связь — не отражает специфику состава правонарушения в той мере, в какой требует этого природа гражданско-правовой ответственности, в особенности ответственности, которая возникает в результате неисполнения обязательств.

Нельзя также согласиться с системой признаков гражданского правонарушения, отстаиваемой Г.К. Матвеевым¹. Разграничивая элементы состава гражданского правонарушения на объективные и субъективные, Г.К. Матвеев неоправданно сближает их с элементами состава преступления; исключая же из их числа признак субъекта и не выделяя объект правонарушения, он, напротив, не видит реальных черт сходства между этими родственными категориями.

Обращая внимание на необходимость включения в число признаков состава гражданского правонарушения его субъекта и объекта, следует подчеркнуть, что такая трактовка элементов состава правонарушения не превращает субъект и объект в *части* противоправного поведения так же, как рассмотрение соответствующих категорий в учении об элементах гражданского правонарушения не влечет включения их в содержание последнего. Само определение состава гражданского правонарушения как понятия, охватывающего все его признаки в сфере гражданского права, требует, чтобы было выяснено, *кто* совершил противоправный акт и *на что* он был направлен. Не следует забывать, что речь идет о *понятии* правонарушения, которое должно давать ему всестороннюю характеристику. При этом крайне важно, что субъекты правонарушения (а также и его объекты) рассматриваются в теории гражданского правонарушения не во всех своих свойствах и опосредствованиях, а лишь в том из них, которое выступает в качестве условия гражданско-правовой ответственности.

Дальнейшее исследование вопроса в пределах небольшой статьи о составе гражданского правонарушения ограничено задачей выяснения некоторых особенностей, вытекающих из природы гражданско-правового регулирования имущественных отношений.

¹ См.: Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. С. 23—25.

Объект гражданского правонарушения. По мнению О.С. Иоффе, объектом гражданского правонарушения являются норма советского права и закрепленное в ней имущественное отношение. В общетеоретическом плане такая постановка вопроса сомнений не вызывает¹. Но более тщательный анализ особенностей объекта гражданского правонарушения требует уточнения этой общей формулы. В гражданском праве нормативный способ регулирования является главным, доминирующим, но не единственным. Значительный удельный вес занимает здесь плановое и договорное регулирование, которое дополняет нормативную регламентацию общественных отношений. Поэтому в качестве объекта гражданского правонарушения наряду с соответствующими материальными отношениями выступают правовые формы, в которых осуществляется не только непосредственно нормативное, но также плановое и договорное регулирование. Предложенная трактовка объекта гражданского правонарушения позволяет установить практическое значение этой проблемы. Первый вопрос, который требует незамедлительного ответа при решении любого дела, касающегося гражданско-правовой ответственности, — это вопрос о том, урегулированы ли в правовом порядке общественные отношения, явившиеся предметом нарушения, и, следовательно, можно ли квалифицировать его в качестве правового. А для этого во многих случаях необходимо обратиться к содержанию плановых и договорных актов.

Субъекты гражданского правонарушения. Вопрос о том, может ли данный гражданин или организация быть субъектом гражданско-правовой ответственности, не выходит за пределы теории гражданской правосубъектности. При характеристике же состава гражданского правонарушения существенно важно установить другое — может ли данная организация или гражданин быть субъектом ответственности в той или иной сфере конкретных имущественных отношений. Это не только концентрирует внимание на вопросах, имеющих практический характер, но и придает им ту специфическую направленность, которая необходима при анализе элементов гражданского правонарушения². Особое значение такая постановка

¹ См.: *Иоффе О.С.* Спорные вопросы учения о правоотношениях // *Очерки по гражданскому праву*. С. 53; *Он же.* Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 89.

² Рассматривая вопросы субъекта гражданского правонарушения как специфическую проблему, не охватываемую в целом теорией гражданской правосубъектности, неправильно было бы не видеть значения последней для решения названных вопросов. Общие принципы гражданской правосубъектности распространяют свое действие также и на ту

проблем субъекта гражданского правонарушения имеет применительно к относительным правоотношениям, где круг субъектов ответственности строго определен в зависимости от субъектного состава этих отношений¹.

Объективная сторона гражданского правонарушения. К этой стороне состава правонарушения относятся: объективированный вредоносный результат, противоправность действий правонарушителя и причинная связь между его действиями и наступившими в результате этих действий последствиями. Однако соотношение указанных элементов в различных правонарушениях неодинаково. Если при рассмотрении правонарушения на материале внедоговорного причинения вреда акцент должен быть сделан на анализе причинной связи, а рассмотрение противоправности необходимо лишь в самой общей форме, то при характеристике гражданско-правовой ответственности за неисполнение лицом обязанности, вытекающей из плана или договора («договорной» ответственности), удельный вес указанных элементов резко меняется. Вопрос о причинной связи при неисполнении правовой обязанности, за исключением случаев, когда в качестве имущественной санкции выступает возмещение убытков, как правило, снимается. Но за счет этого существенно возрастает значение проблемы противоправности действий нарушителя. Вместе с тем эта проблема меняет и свое содержание: она сводится к вопросам, которые касаются обстоятельств, свидетельствующих о неисполнении лицом своих обязанностей, вытекающих из плана или договора. Эти обстоятельства имеют значение юридических фактов, образующих в своей совокупности основание тех правовых последствий,

сферу имущественных отношений, которая складывается в связи с неправомерными действиями субъектов гражданского права. Поэтому следует подчеркнуть, что субъект гражданского правонарушения, если таким субъектом является организация, должен обладать свойствами юридического лица. Однако распространение принципов гражданской правосубъектности на категорию субъекта гражданского правонарушения требует, со своей стороны, уточнения некоторых из этих принципов. Необходимо, в частности, более широко понимать признак самостоятельной имущественной ответственности юридического лица, трактуя его не только как ответственность организации «по своим долгам», но и как признак, характеризующий эту организацию как субъекта гражданско-правовой ответственности в целом, в том числе и при деликтных правонарушениях.

¹ Относя субъект к элементам состава гражданского правонарушения, нельзя понимать этот тезис упрощенно и квалифицировать социалистические организации и граждан в качестве «условий» гражданской ответственности: условиями ответственности являются не сами организации и граждане, а лишь их определенные правовые *свойства*, специфика их *правового положения* (деликтоспособность, участие в соответствующих правоотношениях и т.д.).

которые охватываются понятием гражданско-правовой ответственности. Поэтому с целью более четкой обрисовки особенностей объективной стороны состава гражданского правонарушения на материале «договорных» обязательств последняя может быть названа *фактическим* основанием гражданской ответственности.

Таковы главные, общие элементы состава гражданского правонарушения. Эти элементы в реальных отношениях слиты в прочное единство. Расчленение состава правонарушения на отдельные признаки (элементы) обусловлено задачами научного познания, задачами более четкого, простого и удобного изложения изучаемого материала, запросами практики, требующей дифференцированного подхода к установлению отдельных сторон единого, но сложного явления. В связи с этим следует заметить, что объединение условий ответственности в обобщающую категорию является естественным логическим процессом, призванным устранить возникающую при указанном способе изучения условий ответственности видимость их разобщения.

Помимо объекта, субъекта и объективной стороны правонарушения в литературе к числу сторон состава гражданского правонарушения относят *вину* субъекта. Едва ли допустимо категорическое отрицание возможности такой квалификации субъективного отношения правонарушителя к результату его противоправного поведения. Вина *может быть* отнесена к субъективным элементам состава гражданского правонарушения, хотя в сфере отношений, регулируемых гражданским правом, вина как условие применения имущественных санкций не имеет универсального значения, и поэтому, если быть последовательным, ей нельзя придать значение общего, обязательного элемента состава.

Но дело не в этом. Особенности гражданско-правового регулирования отношений, связанных с имущественными правонарушениями, показывают, что более правильно, более логично было бы пойти по другому пути и, отказавшись от аналогии с уголовным правом, отнести вину не к составу правонарушения, а, рассматривая ее в негативном аспекте, как *невинность*, — к особой правовой категории — основаниям *освобождения от ответственности*.

Такое решение проблемы вины вытекает из действия в гражданском праве *презумпции виновности* правонарушителя¹.

¹ Трудно признать удачной попытку В.А. Тархова оспорить существование этой презумпции (см.: Тархов В.А. Обязательства, возникающие из причинения вреда: Учебное пособие для студентов. Саратов, 1957. С. 29–30). Утверждая, что ст. 403 ГК РСФСР лишь устанавливает распределение обязанностей по доказыванию, автор, к сожалению,

Если не ограничивать значение этой презумпции лишь ее процессуальными функциями, а признавать за ней и материально-правовое действие, то неизбежен вывод, согласно которому достаточно наличия объективной стороны состава правонарушения, чтобы считать возможным привлечение лица к гражданско-правовой ответственности¹. Вот почему в нормативных актах, регулирующих отношения, связанные с гражданским правонарушением, правовое значение придается не наличию вины, а ее *отсутствию*, рассматриваемому в качестве основания освобождения от ответственности (см. ст. 118 и 403 ГК РСФСР). Причем если бы речь шла только о языково-смысловом значении соответствующих терминов, то применение выражений «нести ответственность при наличии вины» и «быть освобожденным от ответственности при ее отсутствии» зависело бы лишь от той или иной редакции словесной формулировки нормативного положения. Между тем использование последней из приведенных формул имеет важное юридическое значение, так как она в соответствии с презумпцией виновности более четко отграничивает момент, с которого лицо может быть привлечено к гражданской ответственности.

Отнесение категории вины в ее негативном понимании к основаниям освобождения от ответственности связано и с процессуально-правовым действием презумпции виновности: распределение обязанности по доказыванию фактов основания исковых требований и фактов, относящихся к возражениям против этих требований, в гражданском процессе тако-

закрывает глаза на правовые основания этого распределения. Те критические замечания, которые были высказаны О.С. Иоффе по поводу позиции К.С. Юдельсона, также отрицавшего существование этой презумпции, можно с не меньшим успехом отнести и к В.А. Тархову (см.: *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 137–141).

¹ Концепция, сводящая материально-правовое действие презумпции к тому, что она может быть средством вынесения судебного решения (см.: *Толстой Ю.К.* Содержание и гражданско-правовая защита права собственности. Л., 1955. С. 127), все же не выводит функции юридических предположений из области процессуального права. На самом же деле способность презумпции быть средством вынесения судебного решения является лишь процессуальным отражением ее материального правового действия, состоящего в том, что в силу презумпции могут наступить определенные *материально-правовые последствия* (возникает право собственности, наступает гражданская ответственность и т.д.). Презумпции виновности и характеру ее материально-правового действия ни в коей мере не противоречит свойственная гражданскому праву презумпция неотвеченности. «Ведь презумпция виновности правонарушителя, — пишет О.С. Иоффе, — вступает в действие лишь после того, как доказан факт нарушения гражданско-правовой обязанности данным конкретным лицом, То есть после того, как оказалась поколебленной презумпция его неотвеченности» (*Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 138).

во, что вина не включается в число правопроизводящих фактов, подлежащих доказыванию со стороны истца. Не случайно поэтому именно в процессуальной литературе с достаточной отчетливостью проводятся разграничительные линии между правопроизводящими фактами, образующими в своей совокупности состав гражданского правонарушения (процессуальное основание иска), и фактами, освобождающими правонарушителя от ответственности, к которым относится отсутствие вины в действиях правонарушителя¹.

Отнесение категории вины (в ее негативном аспекте) к основаниям освобождения от ответственности обусловлено, наконец, задачами сохранения терминологического единства в нормативных актах, так как с учетом особенностей гражданско-правового регулирования имущественных отношений законодатель устанавливает и другие факты, освобождающие от ответственности, — факты, которые обычно приводятся в нормативном акте наряду с обстоятельствами, свидетельствующими о невиновности правонарушителя. Так, в перечень обстоятельств, освобождающих грузоотправителя и железную дорогу от ответственности за невыполнение месячного плана грузовых перевозок, включены не только факты, свидетельствующие о невиновности адресатов плана (п. «а» и «б» ст. 182 и 183 Устава железных дорог), но и обстоятельства иного рода, например действия, являющиеся реализацией льгот, которые предоставляются сторонам ввиду специфики их хозяйственного положения (право на восполнение недогруза в очередной плановый период).

Правда, анализ невиновности, рассматриваемой в качестве основания освобождения от ответственности, требует известных уточнений характера разработки этой общеотраслевой теоретической проблемы наукой гражданского права. Заслуживает, в частности, внимания проведение указанного анализа на материале договорной ответственности с точки зрения проблемы *объективной невозможности исполнения*, указывающей на отсутствие вины в действиях правообязанного лица. Эта привившаяся в судебной практике категория тождественна понятию «случайное невыполнение обязательства», но, указывая на причину неисполнения, она удачнее данного понятия, хотя ее характеристика и не соответствует в полной мере традиционным представлениям о последнем².

¹ См.: Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951. С. 288–289.

² В литературе этот термин обычно связывается с предусмотренной в ст. 118–119 ГК РСФСР категорией, отражающей в действительности лишь один из видов объективной невозможности исполнения, характеризуемого тем, что эта невозможность наступает при случайной гибели вещественного предмета обязательственного отношения.

Однако ни отнесение категории вины (в ее негативном аспекте) к основаниям освобождения от ответственности, ни изменение характера ее научной разработки не могут поколебать значения принципа вины в гражданском праве. В связи с этим надлежит решительно отграничить развиваемые в настоящей статье положения от концепции причинения. Если сторонники концепции причинения вовсе исключили субъективные элементы из сферы гражданской ответственности, то мы, напротив, подчеркиваем их значение в этой сфере; мы лишь в соответствии со спецификой гражданско-правового регулирования относим эти элементы не к основаниям ответственности, а к основаниям *освобождения* от нее. А это значит, что в гражданском праве основания освобождения от ответственности приобретают, несомненно, большую значимость, нежели одноименная категория в уголовном праве. Стало быть, и в учении о гражданском правонарушении ей должно быть придано значение, *равное* по теоретической и практической ценности значению состава гражданского правонарушения, что устранил возможные опасения, связанные с ограничением основания гражданской ответственности элементами, имеющими объективный характер.

КОММЕНТАРИЙ*

Публикуемые в данном томе работы (монографии о предмете гражданского права и о правовых вопросах железнодорожной перевозки) и журнальные статьи автора написаны в советский период, в 1950–1960 гг., задолго до кардинальных демократических перемен в России.

Впрочем, в эти годы можно было почувствовать некоторые послабления после одного из жесточайших в истории периодов – сталинском режиме, характерные для «хрущевской оттепели».

Но и в эти годы продолжали существовать непререкаемые идеологические императивы, такие, как обязательное подчеркивание преимуществ социалистического строя, социалистических институтов, неременное обоснование любых новых положений ссылками на «классиков» – Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Отзвуки таких императивов, без соблюдения которых в СССР до середины 1980-х гг. не могла появиться на свет ни одна научная работа, проскальзывают и в приведенных изданиях, особенно в выдержках из книги о предмете гражданского права, обосновывающей товарное производство («рынка») в единстве с правом в социалистическом обществе.

Тем не менее я смею утверждать, что и в условиях советского строя наука, в том числе и наука гуманитарная (включая правоведение), в силу законов самой науки и, условно говоря, «требований эпохи» развивалась, двигалась вперед.

С этих позиций следует признать ошибочным существующий среди ряда идеологов либерализма настрой, в соответствии с которым требуется полный отказ от достижений и наработок гуманитарной науки в советский период, и прежде всего советского правоведения, будто всецело сугубо коммунистических, отвергнутых жизнью, историей.

Это – ошибочное направление (которое в конце концов приведет, по «механизму качелей», к смыканию с реакционной, враждебной демократии идеологией). Ясно осознавая негативное прошлое, нужно видеть, что, наряду с должным признанием и продолжением позитивных неидеологизированных отраслевых и межотраслевых юридических разработок, представляется оправданным сохранение и ис-

* Печатается с небольшими изменениями по: *Алексеев С.С.* Комментарий // *Алексеев С.С.* Линия права. М.: Статут, 2006. С. 38–40.

пользование ряда общенаучных воззрений, в том числе связанных с использованием также и марксистской методологии (изначально отвергая ее претензии на всеобщность, единственность, исключительность, ее политическую заданность). Это относится к проблемам систем и системности; возможности признания при авторитарных и даже в целом демократических режимах острой классовости государства и права, противостоящих вследствие этого всему обществу; признанию единства собственности и труда, недопустимости через собственность порабощения человека, признания самой возможности «эксплуататорских» и «неэксплуататорских» экономических порядков.

Более того, на мой взгляд, именно в условиях жесткого идеологического режима могут, как это ни парадоксально, появляться, по механизму «протеста», и в гуманитарной области (о чем свидетельствуют примеры из литературы, искусства) смелые и оригинальные научные разработки. Во всяком случае именно цивилисты в обстановке, когда многие гуманитарии, в том числе большинство экономистов, занимались прославлением планирования и других административно-командных методов хозяйствования, могут претендовать на то, что обосновывали необходимость признания и развития товарного производства, притом в тесном единении с развитием права (гражданского права). Этому как раз — разработкам проблем товарного производства, обращения и права — была посвящена, с известными, упомянутыми изъятиями, книга о предмете гражданского права.

И вообще, надо полагать, внимательный исследователь, несомненно, найдет в исследованиях правоведов советского времени сильные и оригинальные конструктивные решения правовых проблем, которые и в прошлом поражали зарубежных правоведов и которые могут быть плодотворно использованы в современных условиях (причем именно сейчас, когда немалое число «законодателей» занимаются преимущественно простым заимствованием образцов из практики зарубежных, заморских стран, притом без должной оценки их достоинств и возможности использования в российских условиях; это в недавнем прошлом произошло с институтом «доверительная собственность», который — вопреки особенностям права в России — чуть было не был «введен» президентским указом в российское гражданское законодательство).

Об этой же теме — использовании достижений науки, достигнутых в советское время, — пойдет речь в Заключении книги.

И еще. Публикуемые в настоящем томе монографии и научные статьи, написанные в условиях советского общества, все эти рассу-

ждения о предмете гражданского права, о структурно-сложных правоотношениях, о секундарных правах, о «составах правонарушений» и пр. и пр. — все это относится к *догме права*. И те из читателей, которые пригляделись ко всем этим сложностям и, казалось бы, «формалистическим премудростям», могут, думается, убедиться в том, что перед ними своеобразная наука, которая даже в условиях диктатуры дает известные предпосылки для законности и для обоснования передовых идей (например, о товарном производстве и праве), а главное, — на что и рассчитывает автор, — может дать понять, что это реальная объективная основа юридической науки, имеющей в перспективе существенное значение для развития общества, его судьбы.

Так что демонстрация некоторых «юридических тонкостей» из ранних работ автора, наряду со всем другим, представляет собой своего рода увертюру к началу рассказа о юридической науке — о догме права.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТОМУ 1

Предмет советского социалистического гражданского права

Изданная в 1959 г. в Свердловске (ныне – Екатеринбург) монография С.С. Алексеева «Предмет советского социалистического гражданского права» по праву открывает настоящее собрание сочинений. Именно на основе этого научного труда автором 9 июня 1960 г. в Совете Ленинградского государственного университета была защищена одноименная диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Главные положения и выводы исследования не только в какой-то мере определили дальнейшее развитие отечественной и мировой цивилистической доктрины, но и оказали влияние на теоретико-правовую мысль в целом и послужили новым ориентиром для всей юридической науки.

Современный и вдумчивый читатель непременно обратит внимание на неожиданные и отважные для того тоталитарного времени идеи юриста С.С. Алексеева о товарно-денежных отношениях – неумолимом предвестнике частной собственности и частного права. Далеко не все учителя и коллеги ученого почувствовали тогда в обозначаемой молодым соискателем взаимосвязи производства и права нечто большее, чем конкуренцию цивилистической и хозяйственно-правовой концепций (за что правовед не избежал колких и занозистых замечаний). Между тем как раз в разработке учения о предмете гражданского права сверкнуло понимание будущности экономики и роли в этой будущности права, в первую очередь права гражданского. Как отмечает сам автор, «более того, на мой взгляд, именно в условиях жесткого идеологического режима могут, как это ни парадоксально, появляться, по механизму «протеста», и в гуманитарной области (о чем свидетельствуют примеры из литературы, искусства) смелые и оригинальные научные разработки. Во всяком случае именно цивилисты в обстановке, когда многие гуманитарии, в том числе большинство экономистов, занимались прославлением планирования и других административно-командных методов хозяйствования, могут претендовать на то,

что обосновывали необходимость признания и развития товарного производства, притом — в тесном единении с развитием права (гражданского права)»¹.

Текст монографии воспроизводится по изданию: *Алексеев С.С.* Предмет советского социалистического гражданского права / Свердлов. юрид. ин-т им. А.Я. Вышинского. Ученые труды. Т. I. Сер. «Гражданское право». Свердловск, 1959.

*Гражданская ответственность
за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов*

Монография увидела свет в 1959 году (издана в Москве в Госюриздате), переиздана в Екатеринбурге в 2008 году.

И в этой работе, посвященной, казалось бы, однозначно публичной, планово-административной сфере организации единого «народного хозяйства», автору удается развивать и кристаллизовать основные концептуальные подходы к построению своей собственной общетеоретической и цивилистической концепции. Этот труд — не только этап в осмыслении догмы права как начальной и конечной точки юридического познания, но и открытие целого пласта особых гражданско-правовых договорных связей и структурно-сложных правоотношений, продолженное впоследствии другими правоведами немалым числом исследований о комплексности в юридическом регулировании.

Текст монографии воспроизводится по изданию: *Алексеев С.С.* Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов. М.: Госюриздат, 1959.

О составе гражданского правоотношения

Наиболее раннее произведение из числа включенных в настоящее собрание сочинений. Статья была опубликована в 1958 году (Изв. вузов. Правоведение). Перепечатывалась в 2001 году, а также в 2006 году.

Текст статьи воспроизводится по изданию: *Алексеев С.С.* О составе гражданского правонарушения // *Алексеев С.С.* Линия права. М.: Статут, 2006. С. 29–37.

¹ *Алексеев С.С.* Линия права. М.: Статут, 2006. С. 39.

*Односторонние сделки
в механизме гражданско-правового регулирования*

Статья увидела свет в 1970 году в г. Свердловске. Перепечатывалась в 2001 году, а также в 2006 году под названием «Об односторонних сделках» (М.: Статут, 2006). Эта статья — наиболее цитируемое как в прошлом, так и в настоящее время произведение малых научных форм. Работа С.С. Алексеева об односторонних сделках примечательна научной и личностной преемственностью автора с одним из своих учителей — Борисом Борисовичем Черепихиным.

Текст статьи воспроизводится по изданию: *Алексеев С.С.* Об односторонних сделках // *Алексеев С.С.* Линия права. М.: Статут, 2006. С. 16–29.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе и его трудах.....	9
От автора и составителей.....	13

ПРЕДМЕТ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

ВВЕДЕНИЕ	16
Глава первая. Имущественные отношения в социалистическом обществе	28
§ 1. Понятие имущественных отношений (имущественные и общественно-производственные отношения)	28
§ 2. Общие факторы, определяющие формирование и развитие имущественных отношений. Определение имущественных отношений	40
§ 3. Качественное своеобразие и особенности имущественных отношений в социалистическом обществе	54
Глава вторая. Имущественные отношения, складывающиеся на основе товарного производства, как предмет регулирования советского гражданского права	76
§ 1. Виды имущественных отношений в социалистическом обществе и основные формы их правового регулирования	76
§ 2. Советское гражданское право как отрасль права, регулирующая имущественные отношения товарного производства (методологические предпосылки, литература).....	89
§ 3. Место административного и гражданского права в регулировании отношений товарного производства при социализме	102
Глава третья. Особенности имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом	111
§ 1. Состав признаков имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом	111
§ 2. Главная специфическая черта имущественных отношений, регулируемых советским гражданским правом	121
	491

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ПРЕДМЕТ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА	134
§ 1. Обратное воздействие гражданско-правового регулирования на общественные отношения социалистического общества и особенности предмета советского гражданского права.....	134
§ 2. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных отношений. Некоторые выводы	145
ГЛАВА ПЯТАЯ. ПРЕДМЕТ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ	159
§ 1. Функции гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе	159
§ 2. Дифференциация гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе	185
§ 3. Основные тенденции развития гражданско-правового регулирования в социалистическом обществе	211
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПРЕДМЕТ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И МЕТОД ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	242
§ 1. Выражение особенностей предмета советского гражданского права в методе гражданско-правового регулирования.....	242
§ 2. Виды гражданских правоотношений и метод гражданско-правового регулирования	267
§ 3. Своеобразие признаков метода гражданско-правового регулирования в советском социалистическом обществе	296

ГРАЖДАНСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ

УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ В КНИГЕ СОКРАЩЕНИЯ	318
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	319
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ.....	321
§ 1. План грузовых перевозок и возникающие на его основе гражданские правоотношения	321

§ 2. Гражданские правоотношения, вытекающие из месячного плана перевозок, как структурная часть перевозочного обязательства	337
§ 3. Содержание гражданских правоотношений, вытекающих из месячного плана перевозок	346
§ 4. Общая характеристика гражданско-правовой ответственности при невыполнении железной дорогой и грузоотправителем обязанностей, вытекающих из месячного плана перевозок	355
Глава вторая. Объект и субъект гражданского правонарушения при невыполнении плана перевозок.....	359
§ 1. Объект гражданского правонарушения при невыполнении плана перевозок.....	359
§ 2. Субъект гражданского правонарушения при невыполнении плана перевозок.....	370
Глава третья. Фактическое основание ответственности за невыполнение плана перевозок	377
§ 1. Общая характеристика фактического основания гражданско-правовой ответственности за невыполнение плана перевозок	377
§ 2. Фактические основания ответственности железной дороги	382
§ 3. Фактические основания ответственности грузоотправителя	384
Глава четвертая. Основания освобождения от ответственности за невыполнение плана перевозок.....	400
§ 1. Общая характеристика оснований освобождения от ответственности за невыполнение плана перевозок	400
§ 2. Общие основания освобождения от ответственности.....	401
§ 3. Специальные основания освобождения от ответственности грузоотправителя.....	413
§ 4. Специальные основания освобождения от ответственности железной дороги.....	418
§ 5. Природа оснований освобождения сторон от ответственности и практика их применения	419
Глава пятая. Имущественные санкции за невыполнение плана перевозок	431
§ 1. Правовые особенности имущественных санкций, установленных за невыполнение месячного плана перевозок.....	431

§ 2. Зависимость объема имущественных санкций, установленных за невыполнение плана перевозок, от предупреждения грузоотправителя о неиспользовании вагонов.....	438
§ 3. Особенности правового закрепления фактов, влекущих гражданско-правовую ответственность за невыполнение плана перевозок или освобождающих от нее	445
§ 4. Особенности в порядке взыскания штрафных санкций за невыполнение плана перевозок.....	448
Глава шестая. Гражданско-правовая ответственность за невыполнение плана перевозки грузов в контейнерах и маршрутами	452
§ 1. Гражданско-правовая ответственность за невыполнение плана перевозок грузов в контейнерах	452
§ 2. Гражданско-правовая ответственность за невыполнение плана перевозок грузов маршрутами	455
СТАТЬИ	
Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования	464
О составе гражданского правонарушения	476
Комментарий	485
ПРИМЕЧАНИЯ К ТОМУ 1.....	488

Сергей Сергеевич АЛЕКСЕЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В десяти томах

Том 1

Гражданское право: Сочинения 1958–1970 годов

Редактор *Т.В. Мальчикова*

Корректоры: *Г.Б. Абудеева, Т.Н. Немчинова, В.В. Углонова*

Художественное оформление: *В.В. Самойлова*

Компьютерная верстка: *С.В. Родина*

Подписано в печать 20.10.2010. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31. Тираж 2000 экз.
Заказ №

Издательство «Статут»:

119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2;

тел./факс: +7(495) 649-18-06

E-mail: book@estatut.ru

www.estatut.ru

ISBN 978-5-8354-0703-3

9 785835 1407033

